II-9
П-74

ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ѳедоромъ Кони.

3000. 1050

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было узаконенное число экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ. Января 19-го дня 1852 года.

Цензоръ *Н. Нейкеръ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

Оглавление первого тома.

Книжка первая, январь.

I. Изящная словесность.
Где мед, там и мухи : комедия в 5 д. Соч. С. Одинской. – С. 1-88. Паг. 1.
Шах-Мансур : восточный роман, в 4 ч. Ч. 1 и 2. В. И. Савинова. – С. 1-72. Паг. 1.
Умная женщина : повесть С. И. Калошина. С. 1-34. Паг. 1.

II. История и теория искусства.
Спонтини и его музыка : статья А. И. Серова. С. 1-42. Паг. 2.

III. Театральная летопись.
Русский театр в Петербурге.
1. Денщик : историческая драма Н. В. Кукольника.
2. Безденежье : сцены из петербургской жизни И. С. Тургенева.
3. Разлука также наука : комедия в стихах П. И. Григорьева.
4. Так и Этак, или Всяк за себя : сцены из домашнего быта.
5. Утка и стакан воды : водевиль Н. Федорова. (Бенефис г. Максимова 1). Статья Ф. А. Кони. – С. 1-14. Паг. 3.

Русская опера в Петербурге.
Эсмеральда : опера в 4 д. соч. А. С. Даргомыжского. Статья Ю. К. Арнольда. – С. 15-28. Паг. 3.

Итальянская опера в Петербурге.
Дон-Жуан – Моцарта; Сорока-Воровка, Севильский Цирюльник и Отелло – Россини. Статья капельмейстера Крейслера. – С. 1-28. Паг. 3.

IV. Обозрение иностранных театров.
Франция. Письмо из Парижа, от 19-го декабря, 1851/1-го января 1852. Толки и прения об учреждении народного Лирического театра. Несообразность такого предприятия. – «Колдунья Маскита», опера Скриба и Густава Ваэза, музыка Буасло. – «Мурдок-разбойник», комическая опера Левена и Неве, музыка Готье. «Бразильская Жемчужина», опера Габриеля и Сент-Этьена, музыка Фелисьеня Давида. – Дебюты певицы Тедеско и танцовщицы Надежды Богдановой. – Вер-Вер, балет Лёвена, Мазилье и Сен-Леона. – Появление Океанийской певицы Ореи, с острава Отаити. – Возобновления в Комической опере. – Певицы Барбиери, Нини и София Крувелли; баритон Белетти, теноры Кальциолари и Грациани. – «Последний Абенсераг», драма Бовалле. – «Последнее прости», комедия Карре и Барбье. – «Школа мещан», комедия Даленваля. – «Семейство», комедия Сарре. – «Под виноград!» Комедия Ларена. – «Книга III, глава I», комедия Пьеррона и Лаферьера. – «Права мужчины», комедия Жюля де Премарэ. – «Свадьба Викторины», комедия

Жорж Санд. – «Беттина» Альфреда Мюссе. – «Дельфина и Лаура», водевиль Баяра – «Ивоина и Лоин», сельская картина Карре и Наррея. – «Китай и Париж», китайщина, представленная настоящими китайцами. – История Нанкинской розы. – Шестилетняя актриса Мария Дальби. – Кошечья комедия в театре Конта. – «Миньона», комедия Гастона де Монто. – «Атаман разбойников», фарс Варена и Марше. – «Два отца». «Давай колотить жену!», водевили Сироденя и Лефранка. – «Закат звезды» и «Белые платья», Газлана. – «Гортензия де Серни», комедия Бояра и Боплана. – «С бою!», водевиль Декурселя и Барьера. – «Превращенная крестьянка», драма Деннери и Дюмануара. – «Марта и Мария», драма Анисе Буржуа и Мишеля Массона. – «La peau de chagrin», драма Жудисиса. (С. 24-46)

V. Смесь.

Согденские скалы и Еврейская община в горах Абхазии. Статья В. Натухайского. (С. 1-30).

К. Т. Соленик, замечательный провинциальный актер. Статья Г. Рымова. (С. 31-37).

Деревенский сосед. Рассказ Евгения Гино. (С. 38-37).

VI. Петербургский вестник.

Определение Петербурга. Новые его памятники: благовещенский мост, эрмитажная галерея, станция железной дороги. – Первенство Петербурга в артистическом отношении. – Новости литературные. – Новости музыкальные. – Бюсты и статуэтки Степанова. – Общественные увеселения. – Мистрис Блумер и затеянный ею переворот в модах. – Как Петербург следует моде. – Благородное собрание и его швейцар. (С. 1-12).

VII. Репертуар русской сцены. № 1.

Беда от сердца и горе от ума. Комедия-водевиль в одном действии, Ф. А. Кони. (С. 1-38).

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ГДѢ МЕДЪ,

ТАМЪ И МУХИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

С. Одинской.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАРИНА ОСИПОВНА МЕЛЬТОВА.

КАТЕРИНА ѲЕДОРОВНА ЭЛЬФСКАЯ, воспитанница Мельтовой.

ЕЛЕНА ВЛАДИМІРОВНА ЛОРИЦКАЯ, родственница Мельтовой

ЕЛИСАВЕТА НИКОЛАВНА БЕРОВА, внучка Лорицкой.

БОРИСЪ КАРПЫЧЪ РЕНОЕВЪ.

УЛЬЯНА АНДРЕВНА ЛИНЯЛОВА, вдова, лѣтъ за-сорокъ.

ЛУКА ВАСИЛЬИЧЪ КАКАДУЛОВЪ.
АВДОТЬЯ ДМИТРІЕВНА, жена его.
ПЕТРЪ ЛЬВОВИЧЪ ТУМИЛЬСКІЙ.
СЕМЕНЪ ИВАНЫЧЪ ПОДРОСТОВЪ.
} Дальніе родственники Мельтовой.

АЛЕКСѢЙ ПАВЛЫЧЪ СЕРПОВЪ, гусаръ, родной племянникъ Мельтовой.

ЗИНГЕРМАНЪ, ротмистръ.
СЕМСКІЙ, поручикъ.
} Гусары.

ГУСТАВЪ ХРИСТЬЯНЫЧЪ, докторъ.

ГОРОШЕКЪ, управляющій Мельтовой.

АГАФЬЯ, ключница.

МАЛАНЬЯ, горничная Какадуловой.

ЛАКЕЙ КАКАДУЛОВЫХЪ.

Г-жа **А.**

Г-жа **Б.**

Г-нъ **А.**

Г-нъ **Б.**

Гости и слуги Мельтовой.

Главное дѣйствіе происходитъ въ «Полянахъ», имѣніи Мельтовой, близъ губернскаго города; второй актъ — въ деревнѣ Какадулова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ домѣ Мельтовой. Гостиная, богато и со вкусомъ меблированная; дорогія картины, фарфоровыя вазы, группы оранжерейныхъ деревъ и пр. Посерединѣ дверь, налѣво другая, ведущая въ кабинетъ Марины Осиповны Мельтовой.

I.

ЛИНЯЛОВА, ЛАКЕЙ несетъ за нею большое кресло.

ЛИНЯЛОВА *(съ подушкой въ рукахъ, подбѣгая къ авансцены)* Поставь тутъ! — *(Кладетъ подушку на кресло)*. Теперь ступай скорѣе за шеколадомъ.

ЛАКЕЙ *(уходя, ворчитъ.)* Вишь, какъ разобралась! словно дома! Да вотъ мы скоро выпроводимъ тебя отсюда.

ЛИНЯЛОВА, *(садясь въ кресло)*. Удивительное выздоровленіе! Даже слѣдовъ паралича не осталось. Смерть, просто, пошутила, чтобы подразнить наслѣдниковъ, — а вѣдь какъ-было прихватило Марину Осиповну!.. Еслибъ я не поддержала, старуха такъ-бы и въ дребезги, какъ фарфоровая куколка. По-крайней-мѣрѣ, этотъ случай доказалъ ей опасность жить одной. Можно ли такой богатой барынѣ не имѣть порядочной компаньёнки?.. А все скупость проклятая! пригласи она меня, съ приличнымъ жалованьемъ, я бы и за хозяйствомъ присмотрѣла, и въ домѣ то было бы веселѣе ... я женщина умная, пріятная; ... а то, что за компанія старухѣ молоденькая Эльфская? Вотъ хоть-бы и теперь: кто просидѣлъ надъ больной три ночи, не смыкая глазъ? *(Зѣваетъ)*. Всё я же.

II

ЛИНЯЛОВА, АГАФЬЯ.

ЛИНЯЛОВА. Что́ дѣлаетъ Марина Осиповна?

АГАФЬЯ. Одѣваются. *(Хочетъ идти).*

ЛИНЯЛОВА. Куда ты, Агафьюшка? (*Съ улыбкой*). Наряды нашей старушки — длинная исторія! Садись-ка тутъ, безъ церемоніи; мы съ тобой таки помучились, — три ночи глазъ не смыкали ...

АГАФЬЯ (*садясь*). Признаться-сказать, Ульяна Андревна, вы какъ убитыя спали, я одна справлялась: и питы подавала, и укрывала.

ЛИНЯЛОВА (*съ досадой*). Что́ ты? Я такъ безпокоилась о Маринѣ Осиповнѣ... .

АГАФЬЯ (*усмѣхаясь*). Не знаю; только вы храпѣли на чудо! барыня велѣла даже отодвинуть отъ кровати кресло, на которомъ вы почивали.

ЛИНЯЛОВА, (*вскакивая*). Вотъ и дѣлай людямъ одолженіе!.. можетъ, тамъ, минутку какую вздремнула,—кресло не то, что кровать ...

АГАФЬЯ. Здоровому человѣку вездѣ хорошо спится.

ЛИНЯЛОВА (*про себя*). Завистливая тварь! (*Вслухъ*). Что-то скажутъ наслѣдники о выздоровленіи Марины Осиповны? (*смѣется*) Какадуловы, Подростовъ, Савины...

АГАФЬЯ, (*презрительно кивая головой*). Что́ они за наслѣдники? сами по себѣ люди не важные, родня барынѣ далекая; — нѣтъ, слава Богу, барыня хорошо распорядилась.

ЛИНЯЛОВА, (*всплеснувъ руками*). Распорядилась!.. ты говоришь— распорядилась?... Я ничего не знаю. (*Съ жаромъ хватаетъ Агафью за руку*). Кто же наслѣдникъ, кто?

АГАФЬЯ, (*съ замѣшательствомъ*). Не могу знать, сударыня.

ЛИНЯЛОВА, (*цѣлуетъ ее*). Не церемонься, душечка, вѣдь я не слѣпая, кое-что подмѣтила... Борисъ Карпычъ не даромъ такъ суетился, — а?

АГАФЬЯ (*со страхомъ оглядываясь*). Борисъ Карпычъ добрый баринъ.

ЛИНЯЛОВА. И богатый, еслибъ долговъ-то было у него поменьше. Я все знаю, душа моя, говори смѣлѣе!

АГАФЬЯ. Что́ я вамъ буду говорить? Я не изъ тѣхъ людей, (*лукаво на нее смотритъ*), что *не видамши*, много видятъ, не *слыхам-*

ши — много слышатъ. Извините, сударыня, мнѣ пора за дѣло. (*Ставитъ передъ кресломъ столикъ и накрываетъ салфеткой*).

ЛИНЯЛОВА, (*косясь на Агафью*). Однако, хорошъ у васъ порядокъ! шеколаду до-сихъ-поръ не несутъ! — Пойду, сама похлопочу.

(*Уходитъ*)

АГАФЬЯ, (*вслѣдъ за нею*). Позвольте, Ульяна Андревна... (*махнувъ рукой*) Куда! ей и минутку не посидится. Надобно скорѣе выжить ее отсюда, а то она все у насъ вверхъ дномъ перевернетъ. У! еслибъ барыня и въ самомъ дѣлѣ въ могилу погрузилась, Борисъ Карпычъ всё бы къ рукамъ прибралъ. (*Со вздохомъ*). Я тоже, грѣшная, кое-что себѣ... (*вынимаетъ изъ кармана сафьянный ящичекъ, открываетъ и любуется*). Чудо *формуляръ!* блеститъ, какъ радуга ... — жаль! придется опять положить на мѣсто... (*со страхомъ оборачивается и поспѣшно прячетъ ящичекъ въ карманъ*).

III.

АГАФЬЯ, ГОРОШЕКЪ.

АГАФЬЯ (*Горошку, который остановился у дверей*). Мое нижайшее...

ГОРОШЕКЪ, (*на цыпочкахъ приближаясь*). Можно войти?

АГАФЬЯ. Можно, можно. А я васъ имѣла въ воображеніи верстъ за сто отсюда.

ГОРОШЕКЪ. Я летѣлъ, сломя голову. Въ имѣніи, только-что должностные явились ко мнѣ съ отчетомъ, какъ прискакалъ верховой съ извѣстіемъ: «барыня умираетъ!» Я всё кинулъ... Скажите, что съ нею?

АГАФЬЯ. Ужасти! повѣрите ли, совсѣмъ было собралась отсутствовать, то есть, погрузиться въ вѣчную память.

ГОРОШЕКЪ. А наслѣдники, думаю, кинулись въ Поляны, какъ мухи на медъ?

АГАФЬЯ (*хвастливо*). Какъ мухъ бы ихъ отсюда и прогнали.

ГОРОШЕКЪ. Наслѣдниковъ-то!... (*смѣется*). Что вы, Агафья Павловна?

АГАФЬЯ. А вы знаете, кто наслѣдникъ?

ГОРОШЕКЪ. Еще бы! Серповымъ достанутся Поляны, слишкомъ двѣ тысячи душъ; остальное имѣніе растащатъ на куски...

АГАФЬЯ. Какъ бы не такъ! Во-первыхъ, Серповымъ ничего не

достанется, барыня ихъ терпѣть не можетъ, а дѣлить на части имѣніе... (*съ жаромъ размахиваетъ руками*) ... да ни за что въ свѣтѣ!

ГОРОШЕКЪ. Однако, если не будетъ духовной, у мертвой спрашивать не станутъ; отдадутъ имѣніе, кому по закону слѣдуетъ и баста! Вамъ дворовымъ, оно, конечно, не нравится...

АГАФЬЯ. Мнѣ все равно: я давно отпущена на волю.

ГОРОШЕКЪ. А родственники, кумовья, пріятели?

АГАФЬЯ (*съ жаромъ*). Этому не бывать!

ГОРОШЕКЪ. Какъ не бывать? Я голову мою прозакладую...

АГАФЬЯ. Постойте, постойте ... (*оглядываясь*) побожитесь, что никому не скажете?

ГОРОШЕКЪ (*съ важностью*). Честное, благородное слово!

АГАФЬЯ (*гордо*). Духовная сдѣлана. Еслибъ барыня умерла, всё бы, дочиста, досталось Борису Карпычу Реноеву.

ГОРОШЕКЪ. Реноеву! это что значитъ? онъ не имѣетъ никакого права... (*пожимаетъ плечами*) Просто, счастье человѣку. Ну, чтожъ? (*съ восторгомъ*) Борисъ Карпычъ умное существо, образованнѣйшій человѣкъ, ходокъ! Я отъ души его поздравлю.

АГАФЬЯ. Боже васъ сохрани! Борисъ Карпычъ меня живую въ гробъ положитъ.

ГОРОШЕКЪ. Я скажу, что слышалъ отъ Марины Осиповны.

АГАФЬЯ. Вотъ тебѣ разъ! барыня объ этомъ ничего не знаетъ.

ГОРОШЕКЪ (*внѣ себя отъ удивленія*). Не знаетъ, что сдѣлала завѣщаніе?

АГАФЬЯ. Вѣстимо, не знаетъ: она была въ совершенномъ безпамятствѣ.

ГОРОШЕКЪ (*про себя*). Ну, около этого огонька и я руки погрѣю. (*Вслухъ*). Разскажите, на милость, какъ же это случилось?

АГАФЬЯ. Въ воскресенье, чай кушали въ саду; были гости, на лужку играла музыка; вдругъ, музыканты побросали свои инструменты, и кинулись къ бесѣдкѣ ... смотрю, барыню несутъ, словно мертвую. Тутъ пошла суматоха! Тотчасъ послали за докторомъ, гости всѣ разъѣхались, кромѣ Бориса Карпыча, да Ульяны Андревны. Цѣлую ночь мы промучились, къ утру барынѣ, какъ будто, стало легче, но тутъ-то у нея (*указываетъ на лобъ*), такіе верблюды вертѣлись, что Боже упаси, никого не узнавала, ничего не понимала. — Докторъ, уѣзжая, сказалъ: «И дня не переживетъ!».. Тогда Борисъ Карпычъ приказалъ—не допускать къ барынѣ никого; самъ же сталъ на порядкахъ, (*мигаетъ*) серебро и другія вещи въ сундуки...

ГОРОШЕКЪ (*про себя*). Да это грабежъ! (*Вслухъ*) Думаю, при этомъ вы и себя, почтенная, не забыли?

АГАФЬЯ (*съ испугомъ*). Куда мнѣ, дурѣ! я человѣкъ простой, совѣстливый... (*кашляетъ*). Другое дѣло, Селифонъ Ильичъ, не забывать друзей... Повѣрьте, полдюжины столовыхъ ложекъ на вашъ счетъ имѣла въ воображеніи.

ГОРОШЕКЪ. Спасибо. (*про себя*). Этимъ бы отъ меня не отдѣлалась! (*Вслухъ*). Ну-те, потомъ?

АГАФЬЯ. Потомъ—ничего; барыня выздоровѣла.

ГОРОШЕКЪ. Хорошо, а завѣщаніе?

АГАФЬЯ. Духовная у Бориса Карпыча.

ГОРОШЕКЪ. Умнѣйшій человѣкъ!.. Но какъ же барыня-то подписала?

АГАФЬЯ. Подписала, да притомъ засмѣялась такъ, что даже Борисъ Карпычъ поблѣднѣлъ отъ страху. Знаете, просто, какъ сумасшедшая.

ГОРОШЕКЪ. И Ульяна Андревна вамъ помогала?

АГАФЬЯ. Какъ можно! мы прятались отъ нея съ этой бумагой, какъ съ какимъ-нибудь... (*смѣется*) бутербродомъ.

ГОРОШЕКЪ. Да-а, лакомый кусочикъ! Но тутъ еще будутъ хлопоты съ Серповымъ, — вѣдь онъ родной племянникъ покойному Мельтову.

АГАФЬЯ Большая важность! барыня вправѣ отдать имѣніе кому хочетъ, а я вамъ скажу, съ Серповымъ она никогда не помирится.

ГОРОШЕКЪ. Пріятно бы узнать причину такого озлобленія?

АГАФЬЯ. Видите ли: барыня, оставшись вдовой, хотѣла выдти замужъ; но, какъ нарочно, изъ всѣхъ важныхъ жениховъ выбрала молоденькаго Серпова. — Ну, быть тутъ оказіи! подумала я себѣ; такъ и вышло. Барыня взяла изъ пансіона младшую свою сестрицу, Клавдію Осиповну, да на бѣду намъ, Клавдія Осиповна была такая красавица, что страхъ! Смотрю я, нашъ Павелъ Григорьичъ, туда, сюда, какъ угорѣлый... а тамъ, въ одно утро, подхватилъ Клавдію Осиповну, да и повѣнчался. Господи! и теперь страшно вспомнить; вернулись изъ церкви наши молодые, стояли, стояли у дверей барыниной спальни, и по французски, и по нѣмецки просили пардону, — не тутъ-то было! Вотъ ужъ этому минуло двадцать шесть лѣтъ, а барыня всё забыть не можетъ, до сихъ поръ еще сердится.

ГОРОШЕКЪ. И пребезподобно! пусть себѣ сердится, а мы въ мутной водѣ рыбку поймаемъ; не такъ ли, Агафья Павловна?... Но,

скажите, какъ вы ухитрились скрыть духовную отъ барышни, Катерины Ѳедоровны?

АГАФЬЯ. Къ счастью, еще на той недѣлѣ, тетушка ея, Зельская, прислала за нею...

ГОРОШЕКЪ А, такъ она еще не воротилась домой?

IV.

ТѢ ЖЕ, ЛИНЯЛОВА, потомъ МЕЛЬТОВА.

ЛИНЯЛОВА (*ставитъ на столъ подносикъ съ шеколадомъ*). Еслибъ не я, до-сихъ-поръ ничего бы не было... (*останавливается, прислушиваясь*). Кажется, Марина Осиповна? (*бѣжитъ къ дверямъ, и подхватываетъ подъ руку Мельтову*). Здѣсь, здѣсь ваше кресло, Марина Осиповна, я принесла подушку.

МЕЛЬТОВА (*нетерпѣливо*). Ахъ, прошу васъ... (*вырываетъ руку*) я и сама могу... (*садится въ кресло*).

ЛИНЯЛОВА (*съ гримасой, всторону*). Экая желѣзная баба!

МЕЛЬТОВА (*строго Горошку*). Вы что тутъ дѣлаете? я думала, вы хозяйничаете въ Новкѣ или въ Хортахъ?

ГОРОШЕКЪ (*съ низкимъ поклономъ*). Узнавъ о болѣзни вашей, я поспѣшилъ...

МЕЛЬТОВА (*съ досадой*). Неужто за вами посылали?... Что́ за глупый народъ!

ГОРОШЕКЪ. Нарочный прискакалъ съ извѣстіемъ, что вы заболѣть изволили.

МЕЛЬТОВА (*сердито*). Изволили!... Я ничуть не изволила.. (*помолчавъ съ минуту*). Такъ, было немного... говорятъ, параличъ.. (*выпрямляется*) Но это пустое! я совершенно здорова.

(Горошекъ *низко кланяется*).

МЕЛЬТОВА. Надѣюсь, вы что-нибудь успѣли сдѣлать?

ГОРОШЕКЪ. Въ Хортахъ перемѣнилъ старосту.

МЕЛЬТОВА. Ивана Слухова?

ГОРОШЕКЪ (*вынимая изъ кармана бумагу*). Не угодно-ли прослушать доносъ на него Дмичова?

ЛИНЯЛОВА (*подавая чашку Мельтовой*). Между-тѣмъ, выкушайте шеколаду: докторъ совѣтовалъ.

ГОРОШЕКЪ (*читаетъ*). «Происшествіе съ Хортовскимъ старостой. Иванъ Слуховъ, имѣя ключи отъ барскихъ анбаровъ, сговорился съ Акулиной Басковой, что на птичьемъ дворѣ»...

ЛИНЯЛОВА (*смѣясь*). О, да это романъ!

МЕЛЬТОВА (*нетерпѣливо*). Пожалуйста, не прерывайте.

ГОРОШЕКЪ. «Сговорился съ Акулиной, и отпустилъ ей двѣ мѣрки пшеницы, будто-бы для господской птицы. Акулина продала пшеницу Андрею Дудкину, съ тѣмъ, чтобы онъ никому про то не говорилъ... Но, такъ-какъ была свадьба у Дмичова, то Андрей Дудкинъ сказалъ про пшеницу вдовѣ Прокофьевой, Прокофьева сказала мельничихѣ Анисьѣ, Анисья сказала повару Ѳедору, Ѳедоръ сказалъ прикащику... то Иванъ Слуховъ клянется, что не отпускалъ пшеницы Акулинѣ Басковой, Акулина клянется, что не продавала Андрею Дудкину, Дудкинъ клянется, что купилъ ...»

ЛИНЯЛОВА, (*смотря въ окно*). Борисъ Карпычъ пріѣхалъ.

МЕЛЬТОВА (*поспѣшно ставя чашку на подносъ*). Я сейчасъ... только кончу съ управляющимъ.

(*Уходитъ съ Горошкомъ въ боковую дверь*).

ЛИНЯЛОВА, (*качая головой*). Смерть за плечами, а на умѣ суета-суетъ!

V

ЛИНЯЛОВА, АГАФЬЯ, РЕНОЕВЪ.

РЕНОЕВЪ (*пожимая руку Линяловой*). Ну, что Марина Осиповна?

ЛИНЯЛОВА. Какъ ни въ чемъ не бывала! Вѣрить не хочетъ, что на волоскѣ висѣла надъ могилой. Пустое, говоритъ, я все помню.

РЕНОЕВЪ. Неужто помнитъ? (*Вопросительно смотритъ на Агафью*).

(*Агафья отрицательно качаетъ головой*).

ЛИНЯЛОВА. Куда ей помнить? Вы сами видѣли. она была, какъ помѣшанная.

РЕНОЕВЪ. Извините: Марина Осиповна, во все время болѣзни, ни на минуту не теряла ни памяти, ни разсудка.

(*Линялова, съ гримасой, пожимаетъ плечами. Между тѣмъ, Агафья, украдкой, зоветъ за собою Реноева и, принявъ со стола подносъ, уходитъ*).

РЕНОЕВЪ, (*пошаривъ въ карманѣ*). Какая досада! забылъ въ коляскѣ сигары. (*Уходитъ*).

VI.

ЛИНЯЛОВА, одна.

Нѣтъ, не сигарами пахнетъ! ... Ужъ не смастерилъ ли

духовной? Я видѣла въ щелочку, какъ онъ водилъ рукой Марины Осиповны по бумагѣ. Старуха вѣритъ ему безгранично, а еслибъ ей разсказать ... (*осматривается*) Теперь здѣсь опять все по-прежнему: картины, вазы, зеркала ... А куда же все это пропадало? .. Борисъ Карпычъ человѣкъ важный, богатый, — лучше молчать. Однако, не мѣшало бы и мнѣ скорѣе отдѣлаться отъ этой штучки. (*Вынимаетъ изъ кармана ящичекъ съ часами*). Хорошенькія часики! я было взяла ихъ себѣ, на память, думала, старуха умретъ ... (*Увидѣвъ Реноева, поспѣшно прячетъ часы въ карманъ и уходитъ*).

VII.

РЕНОЕВЪ, МЕЛЬТОВА, въ тоже время выходитъ изъ кабинета за нею **ГОРОШЕКЪ,** съ свертокомъ бумагъ въ рукахъ.

МЕЛЬТОВА (*Горошку*). Подождите тамъ, въ залѣ, я посовѣтуюсь съ Борисомъ Карпычемъ.

(*Горошекъ, низко поклонясь, уходитъ*).

МЕЛЬТОВА, (*протягивая руку Реноеву*). Благодарю васъ, вы и въ болѣзни меня не оставили.

РЕНОЕВЪ, (*цѣлуя ей руку*). Помилуйте, какже иначе?

МЕЛЬТОВА (*садится и указываетъ ему на стулъ, подлѣ себя*). Не понимаю, что со мною было? .. какая-то безчувственность, запутанность мыслей ...

РЕНОЕВЪ. Напротивъ, вы были въ совершенной памяти, — божусь, я вамъ удивлялся! (*съ довольнымъ видомъ потираетъ руки*).

МЕЛЬТОВА. Да, — если хотите, были минуты ... напримѣръ, какъ сквозь сонъ мнѣ представляется, что вы заставили меня подписать какую-то бумагу?

РЕНОЕВЪ (*въ смущеніи*). Вотъ видите, все помните.

МЕЛЬТОВА. Какое—помню?.. (*съ улыбкой*) Сама не знаю, что подписала.

РЕНОЕВЪ, (*ободряясь*). Вы подписали реестръ вашей движимости. Для избѣжанія непріятностей отъ наслѣдниковъ, я велѣлъ все переписать... (*печальнымъ тономъ*). По-крайней-мѣрѣ, въ случаѣ ... чего Боже храни! ничего бы не расхитили.

МЕЛЬТОВА (*со вздохомъ*). Охъ, пора мнѣ сдѣлать духовную...

РЕНОЕВЪ. Кажется, при вашемъ крѣпкомъ сложеніи, при вашемъ здоровьѣ, спѣшить съ духовной нечего.

МЕЛЬТОВА. Тѣмъ болѣе, что я не намѣрена дробить своего имѣнія; я хочу выбрать одного наслѣдника, хочу, чтобы труды мои не пропали, чтобы порядокъ, заведенный мною въ имѣніи, сохранился навсегда. Повѣрите ли, часто думаю, думаю, перебираю всѣхъ ... голова кружится. Иногда, даже приходятъ на умъ Серповы; говорятъ, сынъ ихъ, Алексѣй, прекрасный молодой человѣкъ.

РЕНОЕВЪ (*холодно*). Можетъ быть. Я не имѣю чести его знать, но если вѣрить слухамъ, онъ немного мотоватъ, немного ... (*вертитъ пальцемъ по лбу*).

МЕЛЬТОВА. Понимаю. Впрочемъ, каковъ бы онъ ни былъ, все равно: Серповы для меня не существуютъ. Притомъ же, скажу вамъ по секрету, я ужъ почти рѣшилась.

РЕНОЕВЪ (*тревожно*). Рѣшились?

VIII.

Тѣ же; **ЭЛЬФСКАЯ**.

(*Эльфская, въ шляпкѣ, подбѣгаетъ къ Мельтовой*).

МЕЛЬТОВА (*радостно*). Катенька! . (*цѣлуетъ ее*). Наконецъ-то ты пріѣхала! — Чтожъ твоя тётушка?

ЭЛЬФСКАЯ. Чудесная! мнѣ было очень весело.

МЕЛЬТОВА. И безъ меня ты не скучала?

ЭЛЬФСКАЯ (*съ улыбкой цѣлуетъ ея руку*). Некогда было скучать, maman!

МЕЛЬТОВА (*треплетъ ее по щекѣ*). Стрекоза этакая! .. Куда же ты?

ЭЛЬФСКАЯ. Позвольте, maman, я привезла много обновокъ: надобно посмотрѣть, не испортилось ли что въ дорогѣ. (*Уходитъ*).

МЕЛЬТОВА. Знаете, Борисъ Карпычъ, я ожидаю изъ Петербурга гостя.

РЕНОЕВЪ. Знаю, знаю: Тумильскаго?

МЕЛЬТОВА. Мнѣ очень интересно его видѣть: изъ всѣхъ моихъ родныхъ, я съ нимъ только незнакома. Помню его мальчикомъ, лѣтъ пяти.

РЕНОЕВЪ (*лукаво*). Кажется, онъ сынъ троюроднаго брата вашего покойнаго супруга?

МЕЛЬТОВА. Мужъ мой очень его любилъ.

РЕНОЕВЪ. Вы пригласили къ себѣ Тумильскаго, вѣроятно, не безъ цѣли?

МЕЛЬТОВА *(съ улыбкою)*. О, цѣль-то у меня очень важная! Я еще никому объ этомъ не говорю,—надобно прежде увидѣть Тумильскаго; но если онъ оправдаетъ мнѣніе, которое я составила о немъ заочно, такъ женю его на Катенькѣ и отдамъ ему все имѣніе.

РЕНОЕВЪ *(съ досадой щиплетъ свои бакенбарды)*. Чтожъ, и прекрасно!

МЕЛЬТОВА. Тогда, по-крайней-мѣрѣ, я умру спокойно. *(Задумчиво обводитъ глазами комнату)*. Что дѣлать! Когда нибудь все здѣсь перемѣнится ... новый порядокъ, новыя лица ... *(съ живостью)* Нѣтъ! Я не хочу никому, уступить мое мѣсто, никому, кромѣ Катеньки...

РЕНОЕВЪ. Къ чему такія грустныя мысли! вы еще не въ такихъ лѣтахъ...

IX.

ТѢ ЖЕ; ЛОРИЦКАЯ, БЕРОВА, ЛИНЯЛОВА.

ЛИНЯЛОВА, *(оперъ̀жая Лорицкую)*. Марина Осиповна! къ вамъ рѣдкая гостья.

МЕЛЬТОВА *(обнимаетъ Лорицкую)*. Именно, рѣдкая!.. *(цѣлуетъ Берову)*. Здравствуй, Лиза! и Катенька моя воротилась сегодня отъ Зельской.

БЕРОВА. Какъ я рада! гдѣ жъ она? *(Бѣжитъ къ дверямъ)*.

ЛИНЯЛОВА. Я васъ провожу, Лизавета Владиміровна.

(Уходитъ съ Беровой).

МЕЛЬТОВА, *(пожимая руку Лорицкой)*. Хороша! совсѣмъ меня забыла.

ЛОРИЦКАЯ. Да вѣдь я рѣшительно никуда не ѣзжу. У тебя же всегда домъ полонъ гостей.

МЕЛЬТОВА, *(смѣясь)*. Развѣ это тебѣ мѣшаетъ?

(*Реноевъ подаетъ Лорицкой кресло*).

ЛОРИЦКАЯ. Ваше здоровье, Борисъ Карпычъ?

МЕЛЬТОВА. Борисъ Карпычъ, какъ истинный другъ, не оставлялъ меня и въ болѣзни.

РЕНОЕВЪ (*Лорицкой*). Еслибъ вы знали, какъ Марина Осиповна насъ напугала!

МЕЛЬТОВА. Да! я и забыла,—хотѣла просить васъ, Борисъ Карпычъ ... управляющій скажетъ вамъ, въ чемъ дѣло.

РЕНОЕВЪ. Тотчасъ-же все исполню, что прикажете!.. Онъ въ залѣ? (*Мельтова киваетъ головой, Реноевъ уходитъ*).

(**МЕЛЬТОВА** и **ЛОРИЦКАЯ**, въ молчаніи, съ минуту, смотрятъ другъ на друга).

МЕЛЬТОВА. Что это, Елена, ты вся въ черномъ?

ЛОРИЦКАЯ. Я давно отказалась отъ другихъ цвѣтовъ.

МЕЛЬТОВА. Напрасно; смотри на меня,— (*указываетъ на свой чепчикъ*), вѣдь мы съ тобою ровестницы.

ЛОРИЦКАЯ (*съ улыбкой*). Страсть рядится не остыла въ тебѣ и съ лѣтами.

МЕЛЬТОВА. Настоящая квакерша!.. Право, смотря на тебя, не вѣрится тому, что́ было. Вспомни наши балы...

ЛОРИЦКАЯ. А ты вѣчно съ своими грѣшными воспоминаніями.

МЕЛЬТОВА. Что̀ дѣлать? при тебѣ я молодѣю; воспоминанія сами напрашиваются, какъ бусы на ниточку. Мы были съ тобой большія проказницы! Какъ теперь вижу тебя въ экосезѣ съ молоденькимъ...

ЛОРИЦКАЯ. Перестань! охота же кидаться за полвѣка назадъ?.. Ты бы лучше разсказала мнѣ о твоей болѣзни.

МЕЛЬТОВА. Болѣзнь преглупая! вечеромъ, въ саду, пью чай, слушаю музыку, — вдругъ, хлопъ! падаю, теряю память, потомъ,— черезъ три дня здоровёхонька.

ЛОРИЦКАЯ, (*качая головою*). Въ наши лѣта, болѣзнь всегда опасна. Пора бы тебѣ подумать о будущемъ, пора привести въ порядокъ дѣла, пора... (*съ чувствомъ беретъ ее за руку*) Другъ мой! Клавдія ждетъ твоего прощенія.

МЕЛЬТОВА (*сухо*). И не дождется.

ЛОРИЦКАЯ. Непостижимая злопамятность! Подумай, этому минуло (*съ особеннымъ удареніемъ*) двадцать шесть лѣтъ!

МЕЛЬТОВА. Когда подумаю, мнѣ кажется, что это было вчера. (*Съ жаромъ*). Никто въ мірѣ не вытерпѣлъ такого горькаго испытанія, какъ я!

ЛОРИЦКАЯ. Такія испытанія ходятъ по міру, какъ лихорадка.

МЕЛЬТОВА (*съ негодованіемъ*). И ты можешь это говорить! ... Быть обманутой сестрой и человѣкомъ, котораго я любила.

ЛОРИЦКАЯ. Не сердись, другъ мой! Я всегда одного мнѣнія: намѣреніе твое выдти замужъ за Серпова было просто—дурачество! Серповъ былъ почти мальчикъ, а ты... тебѣ ужъ и тогда было, по-крайней-мѣрѣ...

МЕЛЬТОВА (*съ досадой*). Прошу тебя, перестань о Серповыхъ.

ЛОРИЦКАЯ (*съ жаромъ*). Неужели ты никогда не помиришься съ сестрою?

МЕЛЬТОВА. Никогда!

ЛОРИЦКАЯ. Жалѣю о тебѣ. Ты добровольно лишаешь себя большаго утѣшенія; семейство Клавдіи премилое,— особливо племянникъ твой, Алексѣй...

МЕЛЬТОВА (*насмѣшливо*). Прекрасный молодой человѣкъ! мотъ, гуляка...

ЛОРИЦКАЯ (*съ негодованіемъ*). Берегись того, кто насказалъ тебѣ эти клеветы. Неужели ты не понимаешь, что примиреніе съ Серповыми противно видамъ тѣхъ, которые разсчитываютъ на твое наслѣдство? Неужели тебѣ еще не надоѣли сплетни, дрязги, низкое угодничество ..

МЕЛЬТОВА (*со вздохомъ*). О, больше, нежели ты думаешь!

ЛОРИЦКАЯ. Однако, довѣренность твоя къ Реноеву, который вооружаетъ тебя противъ всѣхъ родныхъ...

МЕЛЬТОВА. Э! у тебя противъ него предубѣжденіе!

ЛОРИЦКАЯ. Я знаю, онъ мѣтитъ къ тебѣ въ наслѣдники.

МЕЛЬТОВА. Борисъ Карпычъ! ... Да что онъ мнѣ за наслѣдникъ? человѣкъ немолодой, бездѣтный. — Я увѣрена, такая нелѣпая мысль и въ голову ему прійти не можетъ. Притомъ же я дала обѣщаніе умирающему мужу, оставить имѣніе кому-нибудь изъ родныхъ, а не чужому.

ЛОРИЦКАЯ, (*оживляясь*). Позволь сдѣлать одинъ вопросъ: не за долго до смерти, мужъ твой говорилъ мнѣ о перемѣнѣ духовной... (*пристально смотритъ ей въ глаза*).

(*Мельтова въ смущеніи отворачивается*).

ЛОРИЦКАЯ. Оставляя имѣніе въ полное твое пожизненное владѣніе, ему хотѣлось, чтобъ послѣ тебя, оно перешло въ родъ Серповыхъ. Скажи, по совѣсти, исполнилъ онъ свое намѣреніе?

МЕЛЬТОВА (*въ замѣшательствѣ*). На это я тебѣ отвѣчать не стану.

ЛОРИЦКАЯ (*со вздохомъ*). Вижу, подозрѣніе мое справедливо: ты утаила ....

МЕЛЬТОВА (*со страхомъ оглядывается*). Тише!... Для чего-бы я это сдѣлала?

ЛОРИЦКАЯ. Для того, что ты горда и тщеславна. Потерять право располагать имѣніемъ по произволу—для тебя невыносимо.

МЕЛЬТОВА. Положимъ такъ, но скажи, какое право имѣлъ мужъ мой перемѣнить духовную, сдѣланную съ нашего общаго согласія?

ЛОРИЦКАЯ. Это тебя нисколько не оправдываетъ.

МЕЛЬТОВА, (*выпрямляясь*). Я и не думаю оправдываться. Я дамъ

отчетъ въ моихъ дѣлахъ одному Богу, — (*съ жаромъ*) но Серповъ, послѣ меня, ничего не получитъ!

ЛОРИЦКАЯ. И ты не раскаиваешься въ своемъ поступкѣ?

МЕЛЬТОВА. Сдѣлано, кончено. (*Задумывается*). Объ этомъ завѣщаніи я давно забыла; даже не помню, куда его дѣвала... (*тревожно*) Непростительная безпечность! ... Должно быть, завалилось между старыми бумагами. Сегодня же найду его и уничтожу.

ЛОРИЦКАЯ. Да проститъ тебѣ Богъ!

МЕЛЬТОВА. Въ чемъ это? Соображаясь съ желаніемъ мужа, я непремѣнно оставлю имѣніе кому-нибудь изъ его родныхъ.

X.

ТѢ ЖЕ, ЛИНЯЛОВА.

(*Линялова, сначала осторожно выглядываетъ въ полурастворенную дверь; потомъ, на цыпочкахъ, входитъ и подслушиваетъ*).

ЛОРИЦКАЯ (*съ пренебреженіемъ*). Кому же? ... Савинымъ, Какадуловымъ, или Подростову?

МЕЛЬТОВА. На дняхъ я жду изъ Петербурга Тумильскаго.

ЛОРИЦКАЯ (*сухо*). Я его не знаю.

МЕЛЬТОВА. Я тоже; но видишь ли: онъ одинъ, изъ всѣхъ родныхъ Мельтова, не надоѣдаетъ мнѣ ни письмами, ни просьбами о пособіи; съ большою аккуратностію исполняетъ мои порученія, — все это мнѣ нравится. Я пригласила его къ себѣ на лѣто: — посмотрю, что̀ за человѣкъ. Если найду его такимъ, какъ желаю, завѣщаю ему Поляны и женю на Катенькѣ.

(*Линялова, прислушиваясь, съ удивленіемъ мотаетъ головой; она въ безпрерывномъ движеніи, то на цыпочкахъ приближается къ кресламъ, то отходитъ къ дверямъ*).

ЛОРИЦКАЯ. И ты, не зная Тумильскаго, подала ему такую надежду?

МЕЛЬТОВА. Помилуй, я не такъ опрометчива; объ этомъ, кромѣ тебя и Бориса Карпыча, никто не знаетъ.

(*Линялова, мигая за креслами, указываетъ на себя*).

ЛОРИЦКАЯ. По-крайней-мѣрѣ, мнѣ пріятно видѣть привязанность твою къ Катенькѣ, — въ дѣтствѣ, я, сколько помню, она нимало тебя не занимала.

МЕЛЬТОВА. Еще бы! у меня никогда не было дѣтей, а тутъ какая–то дальняя родственница умираетъ и навязываетъ мнѣ преизбалованную дѣвчонку, отъ которой я не нашла другаго средства избавиться, какъ отдать ее въ пансіонъ.

ЛОРИЦКАЯ (*съ улыбкою*). Гдѣ и продержала девять лѣтъ?...

МЕЛЬТОВА. Для ея же пользы. Согласись, трудно найти дѣвицу, благовоспитаннѣе моей Катеньки.

XI.

ТѢ-ЖЕ, КАКАДУЛОВЪ и ПОДРОСТОВЪ.

(*Какадуловъ и Подростовъ поспѣшно входятъ и задѣваютъ Линялову, которая знаками заставляетъ ихъ молчать. Какадуловъ, тихонько подсмѣиваясь, передразниваетъ Линялову, подставляя ухо*).

ЛИНЯЛОВА (*погрозивъ ему, подбѣгаетъ къ Мельтовой*). Марина Осиповна, еще гости!

(КАКАДУЛОВЪ и ПОДРОСТОВЪ съ особенной нѣжностью цѣлуютъ руку Мельтовой)

КАКАДУЛОВЪ. Безцѣнная тетушка! какъ я радъ ... } вмѣстѣ.
ПОДРОСТОВЪ. Безцѣнная бабушка! я въ восторгѣ ... }

КАКАДУЛОВЪ. Я былъ въ отчаяніи...

ПОДРОСТОВЪ. Я такъ былъ пораженъ ...

КАКАДУЛОВЪ (*съ досадой Подростову*). Вы не даете мнѣ слова выговорить!

МЕЛЬТОВА. Благодарю за участіе. Болѣзнь была неважная, однако, я чувствую ...

КАКАДУЛОВЪ. О! неужели чувствуете ... } вмѣстѣ.
ПОДРОСТОВЪ. Вы чувствуете? }

КАКАДУЛОВЪ, (*съ злостью взглянувъ на Подростова*). Перестанете ли вы?... (*Умильно, Мельтовой*). Неужели, тетушка, вы чувствуете ...

МЕЛЬТОВА, (*выпрямляясь*). Чувствую себя совершенно хорошо, и на дняхъ отпраздную съ вами мое выздоровленіе. (*Лорицкой, которая встаетъ*). Ты уходишь?

ЛОРИЦКАЯ. Хочу немного отдохнуть: завтра опять въ дорогу.

МЕЛЬТОВА. Не пущу; у меня балъ.

ЛОРИЦКАЯ. Для бала я тебѣ оставлю Лизу.

МЕЛЬТОВА. Нѣтъ, ужъ какъ хочешь, а я арестую тебя на нѣсколько дней. (*Беретъ подъ-руку Лорицкую и уходитъ съ нею*).

XII.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ МЕЛЬТОВОЙ и ЛОРИЦКОЙ.

КАКАДУЛОВЪ. Этакъ, пожалуй, она цѣлый вѣкъ протянетъ, столѣтняя старуха!

ПОДРОСТОВЪ. А намъ сказали, что умерла! — Это вы, Ульяна Андревна, воскресили бабушку.

ЛИНЯЛОВА. Правду сказать, безъ меня ей бы плохо пришлось. Повѣрите ли, ни днемъ, ни ночью не отходила отъ нея ни на минуту

КАКАДУЛОВЪ (*всторону*). Примемъ это къ свѣдѣнію. (*Вслухъ*). Какъ вы интересны сегодня, Ульяна Андревна!

ПОДРОСТОВЪ. Загаръ совсѣмъ прошелъ! (*смѣется*). Вотъ что́ значитъ просидѣть на мѣстѣ три дня! (*Линялова, жеманясь, улыбается*).

КАКАДУЛОВЪ. Скажите, правда ли, что Марина Осиповна совсѣмъ-было съ ума сошла?

ПОДРОСТОВЪ. Говорятъ, на стѣну лѣзла?

ЛИНЯЛОВА (*съ двусмысленной улыбкой*). Борисъ Карпычъ увѣряетъ, что этого не было.

КАКАДУЛОВЪ. Ну, а Борисъ Карпычъ, не писалъ ли какой бумаги?

ПОДРОСТОВЪ, (*поправляясь передъ зеркаломъ*). Да, да, не писалъ ли какой бумаги?

ЛИНЯЛОВА, (*принимая скрытный видъ*). Здѣсь происходили чудныя дѣла. Я все видѣла, все знаю, но ... дала себѣ слово молчать.

КАКАДУЛОВЪ (*вкрадчиво*). Имѣя такой прекрасный даръ слова, знать о чемъ-нибудь и — молчать! Ульяна Андревна, это самоубійство.

ЛИНЯЛОВА, (*указывая на Подростова, который вертится передъ зеркаломъ, въ полголоса*). При немъ — пельзя!

КАКАДУЛОВЪ (*подходя къ окну*). Это, кажется, Катерина Ѳедоровна гуляетъ ..

ПОДРОСТОВЪ (*съ живостью*). Въ саду? (*бѣжитъ къ дверямъ и возвращается*). Ульяна Андревна, взгляните, хорошо у меня повязанъ галстухъ? (*вертится передъ Линяловой*). А?... похоже на неглиже? Что̀, съ шикомъ? (*Убѣгаетъ, припрыгивая*).

КАКАДУЛОВЪ. Мы одни, Ульяна Андревна. Я люблю васъ слушать, вы такъ пріятно говорите, — настоящая канареечка!

9829

Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ЛИНЯЛОВА (*съ улыбкой*). Это ужъ такъ отъ природы. (*Оглядываясь*). Я вамъ скажу большую новость, только смотрите, никому ...

КАКАДУЛОВЪ (*лукаво*). Вы знаете мою скромность.

ЛИНЯЛОВА (*кокетливо*). Скромности – то у васъ ни на булавочную головку. (*Приближается къ нему и понижая голосъ*). Тумильскій скоро сюда будетъ.

КАКАДУЛОВЪ (*съ досадой*). Это я знаю.

ЛИНЯЛОВА. Знаете первый слогъ шарады, а цѣлое: Марина Осиповна намѣрена отдать ему Поляны.

КАКАДУЛОВЪ (*тревожно*). Что́, Что́?

ЛИНЯЛОВА (*скороговоркой*) Марина Осиповна хочетъ женить Тумильскаго на Катенькѣ и записать ему — понимаете, *ему одному*, все.

КАКАДУЛОВЪ (*съ яростью топая ногою*). Какъ вы смѣете это говорить!.. Тетушкѣ этаго и въ голову не прійдетъ ... за что ей обижать меня и другихъ? Вы лжете!

ЛИНЯЛОВА (*вспыльчиво*). Скажите, какъ расходился! да что вамъ за тетушка Марина Осиповна? десятая вода на киселѣ.

XIII.

ТѢЖЕ: РЕНОЕВЪ.

РЕНОЕВЪ. О, о! да здѣсь ссора!

ЛИНЯЛОВА (*съ притворной улыбкой*) Мы не ссоримся ... (*мигаетъ Какадулову*) я говорила ...

КАКАДУЛОВЪ (*съ огорченіемъ*). Очень пріятныя вещи! будто тетушка, въ обиду всѣмъ намъ, хочетъ сдѣлать наслѣдникомъ Тумильскаго.

РЕНОЕВЪ (*насмѣшливо Линяловой*). Кланяюсь вашему всезнанію.

ЛИНЯЛОВА. А чтожъ, развѣ неправда?

РЕНОЕВЪ. Можетъ быть, и правда. Но вамъ бы слѣдовало молчать о томъ, что́ вы узнаѣте, подслушивая у дверей, или искушая болтливость Агафьи. (*Нахмуривъ брови*). Будьте осторожны! Я шутить не люблю. Не хотите ли въ садъ, Лука Васильичъ? погода чудесная: мы потолкуемъ (*Уходитъ съ Какадуловымъ*)

XIV.

ЛИНЯЛОВА ОДНА.

Буря поднимается!.. Удивительное дѣло! сколько ни стараюсь избѣгать исторій, — нѣтъ! (*съ улыбкой пожимаетъ плечами*)

вездѣ меня впутаютъ. Однако, Борисъ Карпычъ слишкомъ дерзокъ, и откуда онъ узналъ, что Агафья мнѣ проболталась ... Чтожъ такое? я его не боюсь; я не какой-нибудь его подчиненный. Что онъ мнѣ сдѣлаетъ? я — дама. Еще вздумалъ угрожать ... О! если такъ, при первомъ же знакомствѣ съ Тумильскимъ, я дамъ ему добрый совѣтъ ... Посмотримъ, Борисъ Карпычъ, кто кого перехитритъ? Можетъ быть, придется вамъ еще и поклониться Ульянѣ Андревнѣ.

XV.

РЕНОЕВЪ, КАКАДУЛОВЪ, ЛИНЯЛОВА.

ЛИНЯЛОВА (*всторону*). Ну, вотъ! я предчувствовала. (*Съ важностію садится въ кресло*).

КАКАДУЛОВЪ. Мы воротились къ вамъ на пару словъ. (*Линялова гордо поднимаетъ голову*).

РЕНОЕВЪ. Я не спрашиваю у васъ, Ульяна Андревна, какимъ образомъ вы узнали о томъ, о чемъ бы вамъ знать не слѣдовало ...

ЛИНЯЛОВА. Я не отвѣчаю на дерзкіе вопросы.

РЕНОЕВЪ (*съ угрозой*). Вы этимъ не шутите; мѣшаться въ чужія дѣла очень опасно.

ЛИНЯЛОВА, (*смягчая голосъ*). Не понимаю, чего вы отъ меня хотите?

КАКАДУЛОВЪ. Мы хотимъ, чтобъ вы держали на привязи вашъ неугомонный маятникъ ... (*указываетъ себѣ на языкъ*).

ЛИНЯЛОВА, (*вскакивая съ кресла*). Держать на привязи! Развѣ у меня языкъ собака какая?

КАКАДУЛОВЪ (*смѣясь*). Вамъ вовсе не къ лицу сердиться, — посмотрите!.. (*беретъ ее за руку и тащитъ къ зеркалу*). Вы сами испугаетесь вашихъ огненныхъ глазокъ.

ЛИНЯЛОВА (*полусердясь, вырываетъ руку*). Оставьте меня!.. Послушайте, Борисъ Карпычъ, вы напрасно думаете ... Что мнѣ за дѣло, кого Марина Осиповна прочитъ себѣ въ наслѣдники ...

РЕНОЕВЪ. Разумѣется; потому-то я и совѣтую вамъ, не только Тумильскому, но даже никому не заикаться про это.

КАКАДУЛОВЪ. Зачѣмъ давать Тумильскому пустую надежду? Вы сами знаете, у тётушки семь пятницъ на недѣлѣ.

ЛИНЯЛОВА. Да Богъ съ нимъ, съ этимъ Тумильскимъ! Неужто я промѣняю васъ, старыхъ моихъ друзей, на перваго встрѣчнаго?.. Въ доказательство, я васъ прошу объ одномъ — берегитесь Агафьи!

РЕНОЕВЪ. Кстати объ Агафьѣ: все, что она насказала вамъ о завѣщаніи Марины Осиповны и о прочемъ — чистый вздоръ! Собственно о моемъ интересѣ тутъ и помину нѣтъ; я дѣйствую для общей пользы.

КАКАДУЛОВЪ, (*пожимая ему руку*). Вы благородный человѣкъ!.. Я еще вамъ скажу ... (*взглянувъ на Линялову*) то есть, скажу когда-нибудь послѣ.

ЛИНЯЛОВА (*съ досадой*). Кажется, я вамъ мѣшаю? Извините!

(*Уходитъ.*)

РЕНОЕВЪ. Однако, вы не слишкомъ ее сердите.

КАКАДУЛОВЪ. Э, еще съ ней церемониться!.. Еслибъ вы знали, какъ тревожитъ меня намѣреніе Марины Осиповны—завѣщать Тумильскому Поляны.

РЕНОЕВЪ. Не безпокойтесь, мы не допустимъ до этого; мы такъ настроимъ Тумильскаго, что онъ никакъ не подладится къ старухѣ, — у нея свои причуды ...

КАКАДУЛОВЪ. Пожалуй, еслибъ намъ увидѣть его прежде, чѣмъ онъ сюда пріѣдетъ, но это невозможно.

РЕНОЕВЪ. Ничего нѣтъ невозможнаго. Станція въ Лункахъ отъ меня близёхонько; понимаете, какъ это кстати? Тумильскому не дадутъ лошадей, я приглашу его къ себѣ и предложу ѣхать со мною въ Поляны.

КАКАДУЛОВЪ (*смѣясь*). Прекрасно! а по дорогѣ укажете ему домикъ близкаго родственника его, Какадулова ...

РЕНОЕВЪ. Непремѣнно завезу къ вамъ ...

КАКАДУЛОВЪ. Право, я не нахожу словъ васъ благодарить!

РЕНОЕВЪ. О! вы еще не знаете, какую важную услугу я вамъ оказалъ. Видя Марину Осиповну умирающей, мнѣ пришло въ голову, не распорядилась ли она какъ-нибудь въ обиду вашу ...

КАКАДУЛОВЪ (*приложивъ руку къ сердцу*). Борисъ Карпычъ, такой другъ, какъ вы, драгоцѣннѣе золота.

РЕНОЕВЪ. Начинаю рыться въ бумагахъ, нахожу завѣщаніе покойнаго Мельтова, читаю... и глазамъ своимъ не вѣрю!.. Какъ-бы вы думали? По этому завѣщанію, все имѣніе, по смерти Марины Осиповны, должно перейти въ родъ Серповыхъ.

КАКАДУЛОВЪ (*въ остолбененіи на него смотритъ*). Я васъ не понимаю; я знаю, что Маринѣ Осиповнѣ было предоставлено право вѣчнаго и потомственнаго владѣнія.

РЕНОЕВЪ. Да — было, но Мельтовъ перемѣнилъ духовную.

КАКАДУЛОВЪ (*въ сильномъ волненіи*). Покойникъ совсѣмъ изъ ума выжилъ ... Можно ли, въ родъ Серповыхъ! Хотѣлъ бы я у него

спросить, чѣмъ Серповы лучше Какадуловыхъ?.. *(Недовѣрчиво)*. Странно, отчего до-сихъ-поръ никто объ этомъ не зналъ?

РЕНОЕВЪ. Марина Осиповна умѣла скрыть завѣщаніе, которымъ ограничивались ея права.

КАКАДУЛОВЪ *(съ досадой)*. Умѣла скрыть! ей бы слѣдовало изорвать его въ клочки, сжечь.

РЕНОЕВЪ. Я такъ и сдѣлалъ.

КАКАДУЛОВЪ *(радостно)*. Въ-самомъ-дѣлѣ?.. Вы, просто, нашъ добрый геній; безъ васъ, это глупое завѣщаніе когда-нибудь надѣлало бы намъ хлопотъ!.. Но, хороша Марина Осиповна! рѣшившись утаить духовную, не подумала даже спрятать концы!

РЕНОЕВЪ. Подите же! у нея эта важная бумага лежала между пожелтѣвшими отъ времени стишками, любовными записками, приглашеніями на балы...

КАКАДУЛОВЪ *(съ негодованіемъ)*. О, женщины! на всѣхъ вашихъ дѣлахъ печать легкомыслія.

РЕНОЕВЪ *(съ улыбкой)*. Тѣмъ лучше! Безъ него теперь было-бы плохо.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ домѣ Какадулова. Комната, просто убранная; посерединѣ дверь, по сторонамъ двѣ двери: направо въ спальню Какадуловой, налѣво—въ кабинетъ Какадулова.

I.

КАКАДУЛОВА.

Она одѣта по утреннему, волосы небрежно зачесаны, она задумчиво стоитъ передъ зеркаломъ.

Хорошо, что не трудилась сегодня одѣваться — для кого тутъ?.. Для моего Луки, право, не стоитъ. Вотъ ужъ я семь лѣтъ замужемъ и все не могу привыкнуть къ нашему глупому уединенію! *(съ досадой кидается на диванъ)*. Рѣшительно, мнѣ не везетъ, вездѣ неудачи! Марина Осиповна выздоровѣла, а я ужъ, бѣдняжка, мечта-

ла о томъ, какъ бы мнѣ къ лицу были ея брилліянты, турецкія шали... О, съ какимъ торжествомъ отправилась бы я тогда въ Москву, какъ бы привела въ зависть моихъ друзей!.. (*вздыхаетъ*). Въ ожиданіи этого, я похожа на хорошенькій портретъ въ гадкой рамѣ,—просто на себя досадно! время идетъ, на лбу у меня начали показываться морщинки... (*съ безпокойствомъ вскакиваетъ съ дивана*). Маланья, Маланья!

II.

КАКАДУЛОВА, МАЛАНЬЯ.

КАКАДУЛОВА (*въ волненіи*). Поставь стулъ сюда, къ окну, поближе; зеркало ... скорѣе! (*садится на стулъ*).

Маланья суетливо кидается въ спальню и въ минуту становится передъ Какадуловой съ круглымъ зеркаломъ въ рукахъ.

КАКАДУЛОВА. Поверни немного къ свѣту. (*Внимательно на себя смотритъ*).—Ужасъ! ты не замѣчаешь, Маланья, ничего такого?

МАЛАНЬЯ. Какже, замѣчаю, сударыня.

КАКАДУЛОВА (*съ отчаяніемъ*). И ты ужъ замѣчаешь!.. ну, говори же?

МАЛАНЬЯ. Гришка опять обратился къ водкѣ.

КАКАДУЛОВА. Дура! Я у тебя спрашиваю ... смотри на меня, хорошенько ... Ну, теперь, видишь?

МАЛАНЬЯ (*заикаясь*). Вижу, сударыня.

КАКАДУЛОВА. Чтожъ ты видишь ... вотъ здѣсь?

МАЛАНЬЯ, (*со страхомъ отступая*). Лицо, сударыня.

КАКАДУЛОВА. Съ ума сошла! становись ближе ... (*протягиваетъ къ ней голову*). Кажется, у меня ... что-то на лбу?

МАЛАНЬЯ, (*всматриваясь*). Ничего не видать-съ...только, муха ... (*сгоняетъ муху*).

КАКАДУЛОВА, (*отводя рукой зеркало*). Убирайся ... ты ужасно поглупѣла!

МАЛАНЬЯ (*со вздохомъ*). По неволѣ поглупѣешь! сами изволите знать, Авдотья Дмитревна, кого тутъ увидишь, отъ кого попользуешься учтивствомъ или дамскимъ обхожденіемъ? деревня—не городъ.

КАКАДУЛОВА (*вздыхая*). А ты не забываешь Москвы?

МАЛАНЬЯ. О! мнѣ и теперь часто снится наша комната, въ домѣ вашего покойнаго батюшки.

КАКАДУЛОВА. Вѣрно, помнишь и Зингермана?

МАЛАНЬЯ. Какже! еще лакей у нихъ былъ такой авантажный, Иванъ Тарасычъ звали.

КАКАДУЛОВА (*смѣется*). Иванъ Тарасычъ за тобой ухаживалъ?

МАЛАНЬЯ (*съ улыбкой*). Признаться, ндравился. Знаете, баринъ былъ влюбленъ въ васъ...

КАКАДУЛОВА (*поднимая глаза кверху*). Какое время ты напоминаешь!.. Ну, ну, продолжай.

МАЛАНЬЯ. Бывало, баринъ и посылаетъ Ивана провѣдать, что̀ у насъ дѣлается? А Иванъ-то всегда одѣтъ чисто, чисто таково, сапоги— что̀ твое зеркало; ведетъ себя, бывало, такъ важно, — поклонится и скажетъ: прошу принять въ свое сажалѣніе!

КАКАДУЛОВА (*смѣясь*). У тебя хорошая память!

МАЛАНЬЯ (*со вздохомъ*). Первый разъ, я встрѣтилась съ нимъ на улицѣ; онъ и пристaлъ ко мнѣ, — говоритъ: позвольте-съ, намъ доро́га вмѣстѣ простирается. — А я ему: отстаньте отъ меня. — Ахъ, говоритъ, какая жалость! видно, у васъ, сударыня, есть предметъ? такая прелесть, какъ вы, не можетъ быть безъ предмета! (*съ улыбкой смотритъ на себя въ зеркало, которое у нея въ рукахъ*).

КАКАДУЛОВА. Что-то застучало? вѣрно Лука... Уйди скорѣе съ зеркаломъ. (*Съ глубокимъ вздохомъ*). О, да! то было время.

МАЛАНЬЯ (*уходя*). О, Иванъ Тарасычъ! гдѣ-то вы теперь обрѣтаетесь?

III.

КАКАДУЛОВА, потомъ КАКАДУЛОВЪ.

КАКАДУЛОВА. Какая скука! Хоть бы Лука отпустилъ меня въ Москву. (*Оживляясь*) Чудесная мысль! какъ бы это сдѣлать? Самое лучшее: надуться, капризничать...

КАКАДУЛОВЪ, (*входя въ комнату*). Здравствуй, Дуничка! (*беретъ ее за руку*).

КАКАДУЛОВА (*сухо*). Здравствуйте.

КАКАДУЛОВЪ. Что такъ надулась?

КАКАДУЛОВА. Ничего... мнѣ скучно.

КАКАДУЛОВЪ (*съ досадой*). Вѣчно одно и тоже! Я бѣгу, спѣшу домой, какъ угорѣлый, а тутъ тебя точно холодной водой обдадутъ. Это невыносимо! (*Садится подлѣ нея*). Поговоримъ серьёзно.

КАКАДУЛОВА, (*отодвигаясь*). Избавьте меня отъ серьёзнаго, я и такъ умираю со скуки.

КАКАДУЛОВЪ. Вольно же ничѣмъ не заниматься.

КАКАДУЛОВА. Чтожъ мнѣ прикажеть дѣлать? бѣгать съ ключами, вязать кошельки, сидѣть съ иголкой въ рукахъ, съ утра до вечера ... mercі! Я не такъ глупа.

КАКАДУЛОВЪ, (*пожимая плечами*). Если не любишь хозяйничать, работать, займись чтеніемъ: вѣдь я выписалъ для тебя модный журналъ.

КАКАДУЛОВА. Большое одолженіе! модный журналъ все равно, что свѣтъ въ окошко тюрьмы. Описаніе недоступныхъ баловъ, нарядовъ...

КАКАДУЛОВЪ (*съ досадой*). Ну, читай романы.

КАКАДУЛОВА. Стану я портить глаза, чтобъ узнать о любовной интригѣ какого-нибудь путешествующаго жида, — фи!

КАКАДУЛОВЪ. Хоть бы любила катанья, прогулки, а то изъ комнаты ни на шагъ! Въ саду у насъ такъ много...

КАКАДУЛОВА (*насмѣшливо*). Сорóкъ, галокъ, крапивы, лопушника.

КАКАДУЛОВЪ, (*вспыливъ*). Авдотья, не выводи меня изъ терпѣнья! Я... я... Чортъ возьми! чего ты хочешь? у тебя домъ, хозяйство, дѣти...

КАКАДУЛОВА. Дѣти! дѣти должны быть утѣшеніемъ въ старости.

КАКАДУЛОВЪ. А! понимаю тебѣ хочется...

КАКАДУЛОВА. Что́ ты понимаешь? (*съ улыбкой*) Я шутила; мнѣ вздумалось отъ скуки тебя немного подразнить... (*Протягиваетъ ему руку*) Помиримся.

КАКАДУЛОВЪ, (*пожимая руку, про себя*). Я тебя проучу когда нибудь!

КАКАДУЛОВА (*жеманно*). Хочешь быть прелестнымъ, Люкъ?... Отпусти меня въ Москву: я освѣжусь отъ деревенской скуки, увижусь съ родными, знакомыми... Отпустишь?

КАКАДУЛОВЪ (*сухо*). На коврикѣ—самолетѣ.

КАКАДУЛОВА. Развѣ у насъ нѣтъ тыквы, которую ты называешь каретой? Люкъ, душенька, Люкъ! мнѣ необходимо побывать въ Москвѣ, вообрази, какъ я буду хороша въ новой мантильи и въ новой шляпкѣ! (*прыгаетъ передъ нимъ*).

КАКАДУЛОВЪ. Что́ за глупости! съ нашими ли это средствами? Ты бы лучше постаралась сблизиться съ Лизой Беровой: она, пожалуй, и въ Москву тебя свезла бы. Дружба съ богатой сосѣдкой всегда полезна. Лорицкая безъ ума отъ внучки; прибравъ къ рукамъ Лизу, ты распоряжалась бы у нихъ въ домѣ, какъ у себя.

КАКАДУЛОВА. Ты все свое! Говорю тебѣ, Лиза дружна съ Катенькой Эльфской.

КАКАДУЛОВЪ. Это ничего не значитъ; у васъ дружба также легка, какъ ваши газовыя платья.

КАКАДУЛОВА. Кромѣ того, есть еще другое препятствіе, очень важное: — Лиза мнѣ завидуетъ.

КАКАДУЛОВЪ, (*небрежно*). Чему тамъ завидовать!

КАКАДУЛОВА. Вотъ мило! во-первыхъ, у меня глаза лучше, чѣмъ у нея...

КАКАДУЛОВЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Толкуй съ женщиной! я ей о дѣлѣ, а она мнѣ про свои глаза (*Съ нѣжностію беретъ жену за руку*). Дуничка, ты знаешь, какое вліяніе имѣетъ старуха Лорицкая на Марину Осиповну...

КАКАДУЛОВА. Мнѣ-то что́ за дѣло?

КАКАДУЛОВЪ (*съ жаромъ*). Какъ, что за дѣло? По пристрастію къ внучкѣ, Лорицкая покровительствуетъ Катенькѣ, и вотъ, Марина Осиповна, вдругъ, безъ памяти привязалась къ Катенькѣ; — кто знаетъ, можетъ быть, еще и наслѣдницей сдѣлаетъ.

КАКАДУЛОВА. Боже сохрани! Я умерла бы съ досады.

КАКАДУЛОВЪ. Теперь, понимаешь, только дружба твоя съ Лизой можетъ перетянуть внучку и бабушку на нашу сторону; а для этого, прежде всего, надобно поссорить Лизу съ Катенькой...

КАКАДУЛОВА (*со вздохомъ*) Это невозможно.

КАКАДУЛОВЪ. Ба! на свѣтѣ нѣтъ такихъ друзей, которыхъ поссорить было бы невозможно. Слѣдуй только моимъ совѣтамъ и ты увидишь! Дружба Лизъ и Катеринъ, — фу, (*дуетъ на ладони*) улетитъ, какъ испуганная птица. О! я на ссорахъ зубы съѣлъ! Еслибъ не я, Марина Осиповна давнымъ давно помирилась бы съ Серповыми.

КАКАДУЛОВА. Какъ же ты это дѣлаешь, другъ мой, Люкъ?

КАКАДУЛОВЪ. Очень просто: сначала побольше лести, потомъ немножко клеветы ...

КАКАДУЛОВА (*хохочетъ*). Точно рецептъ прописываетъ: возьми двѣ драхмы клеветы, четыре грана лести ...

IV.

ТѢ ЖЕ, СЛУГА.

Слуга (*вбѣгаетъ запыхавшись*). Гости ѣдутъ!

КАКАДУЛОВА (*вскрикиваетъ*). Гости!.., Ну, что же ты стоишь? убирайся скорѣй: проси! — скажи, дома. (*Слуга торопливо уходитъ*). (*Въ волненіи*). Это вѣрно Лиза Берова! а я не одѣта, не приче-

сана... Люкъ, скажи, что я— пошла въ садъ. Я мигомъ одѣнусь. (*Бѣжитъ къ дверямъ*). Не забудь же, я въ саду! (*Уходитъ въ спальню*).

V.

БЕРОВА, ЭЛЬФСКАЯ, КАКАДУЛОВЪ.

БЕРОВА. Здравствуйте, Лука Васильичъ!

КАКАДУЛОВЪ (*раскланиваясь*). А мы только-что говорили про васъ съ Дуничкой. — О, какъ она обрадуется вашему милому посѣщенію!

БЕРОВА. Но гдѣ же она?

КАКАДУЛОВЪ. Ушла въ садъ. Если позволите, я побѣгу за ней.

БЕРОВА. За чѣмъ же безпокоиться.

КАКАДУЛОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Надо ее порадовать.

(*Уходитъ*).

БЕРОВА (*смѣясь*). Я увѣрена, что Дуничка его прогуливается передъ зеркаломъ. Но тѣмъ лучше; мы можемъ продолжать нашъ разговоръ.

ЭЛЬФСКАЯ. Нѣтъ, нѣтъ, Лиза, — (*указываетъ на дверь спальни*) услышитъ!

БЕРОВА. Не безпокойся! Дуничка, теперь, страшно суетится: у нея глаза и уши тонутъ въ оборкахъ.

ЭЛЬФСКАЯ. А если вынырнутъ изъ оборокъ и прильнутъ къ дверямъ?

БЕРОВА. Кчему такая осторожность? это ужъ не по институтски. Ну скажи: что у тебя за секретъ?

ЭЛЬФСКАЯ. О, ma chère! это мой любимый секретъ.

БЕРОВА (*лукаво*). И, вѣроятно, принадлежитъ къ категоріи прежнихъ?

ЭЛЬФСКАЯ. Ты думаешъ, какая-нибудь бальная вспышка?.. (*задумчиво киваетъ головой*) ... совсѣмъ не то.

БЕРОВА, (*смѣясь*). Въ самомъ дѣлѣ?

ЭЛЬФСКАЯ. Пожалуйста, не смѣйся.

БЕРОВА. Я вижу, ты еще не можешь прійти въ себя отъ удовольствія, что прокатилась къ тетушкѣ solo.

ЭЛЬФСКАЯ (*оживляясь*). Признаюсь, когда я очутилась въ колясклѣ, одна, середи дороги, я была въ полномъ очарованіи! Лошади быстро неслись...

БЕРОВА (*съ улыбкой*). Знаю, знаю, — и это весь секретъ?

ЭЛЬФСКАЯ. Потомъ, переправа черезъ рѣку ...

БЕРОВА (*лукаво*). Какое счастье! синяя вода, голубое небо ...

ЭЛЬФСКАЯ (*гордо*). Синій гусаръ.

БЕРОВА (*съ удивленіемъ*). Гусаръ?

ЭЛЬФСКАЯ. Еслибъ ты видѣла, какъ онъ хорошъ!

БЕРОВА (*съ улыбкой*). А; ты вздыхаешь ... неужто влюблена?

ЭЛЬФСКАЯ. О, я не забыла ни одного слова, ни одного его взгляда ... Ахъ, это несчастье, Лиза! вообрази: я ужъ никогда съ нимъ не увижусь.

БЕРОВА (*задумчиво*). Гмъ, и слезы заблестѣли на рѣсницахъ .. да, Катя, ты влюблена. Но, чтожъ это за гусаръ, гдѣ ты съ нимъ познакомилась?

ЭЛЬФСКАЯ. Длинная исторія, ma chère, послѣ разскажу. Онъ часто бываетъ у тетушки... (*со вздохомъ*). О, это было такъ весело!

БЕРОВА. Ну, а фамилія?

ЭЛЬФСКАЯ. Ужасная, ma chère! (*взволнованнымъ голосомъ*). Вообрази, это Серповъ, — сынъ того, съ которымъ Марина Осиповна въ ссорѣ.

БЕРОВА, (*всплеснувъ руками*). Алексѣй Серповъ!

ЭЛЬФСКАЯ (*печально*) Да, Алексѣй!

БЕРОВА. Жаль!.. Марина Осиповна ненавидитъ Серповыхъ.

ЭЛЬФСКАЯ. Знаю, ma chère. (*Сквозь слезы*). Я ужъ его не увижу ... а между тѣмъ, онъ скоро будетъ въ нашихъ мѣстахъ, его посылаютъ за ремонтомъ ...

БЕРОВА. И прекрасно! значитъ, ты увидишь его у меня.

ЭЛЬФСКАЯ (*весело*). Ахъ, да! я и забыла ...

БЕРОВА. О моемъ родствѣ съ Серповымъ? Какже, ma chère, я прихожусь Алексѣю тетушкой, — не правда ли, смѣшно? Онъ меня всегда называлъ ma petite tante! Но, вотъ ужъ два года, какъ я съ нимъ не видѣлась ...

VI.

ТѢЖЕ; КАКАДУЛОВА, потомъ КАКАДУЛОВЪ.

КАКАДУЛОВА (*вбѣгаетъ, съ шляпкой въ рукахъ*). Pardon, mesdames! никакъ не ожидала удовольствія васъ видѣть, отъ скуки пошла въ садъ ...

БЕРОВА (*лукаво*). Посмотри, Катенька, какъ хорошо сохранилась прическа Авдотьи Дмитревны, и не похоже, что послѣ прогулки.

КАКАДУЛОВА, (*играя своей шляпкой*). Шляпка моя очень легка; я часа два ходила, мечтала, съ книгой въ рукахъ.

ЭЛЬФСКАЯ. Вѣрно очень занимательная книга?

КАКАДУЛОВА (*смѣшавшись*). Очень, очень ... какъ это? всегда забываю заглавіе ... путешествіе постояннаго жида.

(*Эльфская смѣется, Какадулова искоса на нее посматриваетъ.*)

БЕРОВА. Завтра у Марины Осиповны балъ.

ЭЛЬФСКАЯ. Она празднуетъ свое выздоровленіе.

КАКАДУЛОВА. Пусть тамъ себѣ празднуетъ что хочетъ, — намъ все равно, лишь бы потанцовать. Я люблю балы въ Полянахъ, жаль только, что кавалеры у насъ такіе ... ни одного военнаго!

КАКАДУЛОВЪ (*входя*). Что такое, Дуничка?

КАКАДУЛОВА. Ничего. Мы говоримъ, что балы наши скучны.

КАКАДУЛОВЪ (*съ принужденной улыбкой*). Безъ военныхъ?

КАКАДУЛОВА. Разумѣется; мундиры очень эфектны на балѣ.

ЭЛЬФСКАЯ. А шпоры необходимы для мазурки.

КАКАДУЛОВЪ. Неужто необходимы? Въ такомъ случаѣ, позвольте сообщить вамъ пріятную новость.

БЕРОВА. Новость?
КАКАДУЛОВА. Говори скорѣе!
ЭЛЬФСКАЯ. Я очень люблю новости!
} *вмѣстѣ.*

КАКАДУЛОВЪ. Въ нашемъ уѣздѣ ... какое счастье! ремонтеры двухъ гусарскихъ полковъ. (*Эльфская, покрасньвъ, отходитъ всторону*).

КАКАДУЛОВА (*радостно*). Вотъ это мило!... шегсі, Люкъ, за хорошую новость! (*протягиваетъ ему руку*).

КАКАДУЛОВЪ (*сердито, отводя руку*). Ого, какъ обрадовалась!

КАКАДУЛОВА, (*пожимая плечами*). Есть чему радоваться! Правду сказать, я терпѣть не могу военныхъ, такіе противные!

(*Берова и Эльфская лукаво переглядываются.*)

КАКАДУЛОВЪ (*съ улыбкой*). Но ты не знаешь, Дуня ... главный ремонтеръ ... отгадай, кто?

КАКАДУЛОВА (*небрежно*). Стану я по пустякамъ ломать голову! мнѣ все равно!

КАКАДУЛОВЪ, (*смѣясь*). Будто – бы? ... Кажется, ротмистръ Зингерманъ, твой старый знакомый.

КАКАДУЛОВА, (*про себя*). О, Боже! (*Вслухъ*). Ты говоришь, знакомый?.. (*Съ гримасой*). Вообрази, совсѣмъ не помню Зингермана!

VII.

ТѢЖЕ; ЛИНЯЛОВА.

ЛИНЯЛОВА. И я тутъ, прелестныя граціи!.. (*Пожимаетъ всѣмъ руки и цѣлуетъ въ плечо Берову*). Сколько у меня новостей!

БЕРОВА (*смѣясь*). Не вытряхайте! Еще разтеряете, неравно.

ЛИНЯЛОВА. Но я вамъ скажу ...

БЕРОВА. Пожалуйста, не говорите! (*Затыкаетъ уши*).

ЛИНЯЛОВА. Хорошо, я не вамъ, (*обращаясь къ Какадуловой и Эльфской*) я вотъ кому ...

КАКАДУЛОВА. Не нужно, не нужно! (*со смѣхомъ отходитъ отъ нея съ Эльфской.*)

ЛИНЯЛОВА (*съ досадой*) Что за наказаніе!

КАКАДУЛОВЪ (*съ комической важностью*). Позвольте, Ульяна Андревна! кажется вы ищете ушей? Если угодно, вотъ пара (*указываетъ себѣ на уши*) очень вмѣстительныхъ. Выгружайтесь, безъ церемоніи! на язычкѣ у васъ такъ и трепещется новость...

ЛИНЯЛОВА. Полноте шутить! мнѣ нужно съ вами говорить о важномъ ... по порученію Бориса Карпыча. (*Отводитъ его всторону, но увидѣвъ, что дамы на цыпочкахъ подкрадываются къ ней*). Нѣтъ, барыни, теперь ничего не узнаете. Пойдемте въ кабинетъ, Лука Васильичъ. (*Уходитъ съ Какадуловымъ*).

КАКАДУЛОВА. Не пойти ли, подслушать?

БЕРОВА. Пожалуйста! (*Какадулова уходитъ*).

VIII.

ЭЛЬФСКАЯ и БЕРОВА.

ЭЛЬФСКАЯ. Лиза!.. ремонтеры!.. я предчувствую, *онъ* здѣсь!

БЕРОВА. И будетъ непремѣнно на балѣ въ Полянахъ.

ЭЛЬФСКАЯ. Что ты? да если Марина Осиповна узнаетъ, что Серповъ въ числѣ другихъ ...

БЕРОВА. Отъ кого она узнаетъ? мы скажемъ ей о гусарахъ, она пошлетъ къ нимъ приглашеніе на балъ, а тамъ, если пріѣдетъ Серповъ, — намъ что за дѣло? Мы не знали.

ЭЛЬФСКАЯ (*съ восторгомъ*). Ахъ, ma chère, какъ ты хорошо умѣешь все устроивать!

КАКАДУЛОВА (*вбѣгая*). Новость, mesdames! Тумильскій ѣдетъ къ Маринѣ Осиповнѣ съ Борисомъ Карпычемъ, который познакомился съ нимъ на станціи. Я думаю, они и къ намъ завернутъ, дорога мимо нашихъ воротъ, а вѣдь Тумильскій родственникъ моему Люку.

БЕРОВА (*Эльфской*). Однако, намъ пора домой.

КАКАДУЛОВА. Что такъ спѣшите?..

ЭЛЬФСКАЯ. Maman насъ ожидаетъ къ семи часамъ.

КАКАДУЛОВА. Постарайтесь, чтобы гусары были на балѣ. Скажите Маринѣ Осиповнѣ, что ротмистръ Зингерманъ очень любитъ играть въ преферансъ.

БЕРОВА. Хорошо, хорошо. Марина Осиповна вѣрно ихъ пригласитъ.

КАКАДУЛОВА (*пожимая руку Беровой и Эльфской*). Ахъ, какъ будетъ весело! — Bonjour, mesdames! (*Провожаетъ ихъ до дверей*).

IX.

КАКАДУЛОВА, потомъ **ЛИНЯЛОВА** и **КАКАДУЛОВЪ**.

КАКАДУЛОВА. Сколько вдругъ удовольствій!.. балъ, Зингерманъ, гусары, а для разнообразія и петербургскій кузенъ! (*Прыгаетъ, напѣвая мазурку*). Увидимъ, что́ за Тумильскій?.. На зло Катенькѣ и Лизѣ, я совсѣмъ его очарую. (*Смотритъ въ зеркало*). Люблю свои глаза... Право, Авдотья Дмитріевна, вы хоть куда! (*жеманно приседаетъ*). Bonjour, mon cousin, enchantée!

ЛИНЯЛОВА. Барышни уѣхали, — чтожъ вы ихъ не удержали? Тумильскій скоро къ вамъ будетъ.

КАКАДУЛОВА. А имъ какое дѣло до Тумильскаго?

ЛИНЯЛОВА, (*смѣясь*). Ахъ, вы, штукарка!

КАКАДУЛОВА. Я не люблю, чтобъ мнѣ мѣшали, когда я съ кѣмъ кокетничаю.

КАКАДУЛОВЪ, (*входя*). Дуничка! прошу тебя принять Тумильскаго, какъ можно любезнѣе.

КАДАДУЛОВА (*сухо*). Не знаю,—какъ вздумается.

ЛИНЯЛОВА, (*смѣясь изподтишка*). Проказница!

КАКАДУЛОВЪ. Послушай, Дуня, я вѣдь серьезно говорю. — Тумильскій для насъ человѣкъ очень опасный.

КАКАДУЛОВА (*насмѣшливо*). Ты думаешь?

КАКАДУЛОВЪ. Тутъ думать нечего. Марина Осиповна вызвала его сюда съ тѣмъ, чтобы женить на Катенькѣ и записать ему — замѣть хорошенько, *ему одному, все*,—безъ исключенія.

КАКАДУЛОВА (*тревожно*). Какъ ! а намъ–то что́?

КАКАДУЛОВЪ, (*пожимая плечами*). Нуль.

КАКАДУЛОВА. Возможно ли!.. Тумильскій ей такой же родственникъ, какъ и ты ... Старая дура ! (*Разрываетъ въ куски концы своего шарфа, и кидаетъ на полъ*). У меня только и надежды было... (*плачетъ*).

КАКАДУЛОВЪ. Успокойся, дружечикъ, еще ничего не потеряно.

КАКАДУЛОВА, (*всхлипывая*). Да ужъ если Марина Осиповна вобьетъ себѣ что въ голову...

КАКАДУЛОВЪ. Посмотри, мы съ Реноевымъ заведемъ Тумильскаго въ такіе лабиринты, что онъ не увидитъ и кончика наслѣдства.

КАКАДУЛОВА. Развѣ онъ дуракъ какой, зная, что́ его ожидаетъ...

КАКАДУЛОВЪ. Откуда ему знать? объ этомъ никто ему не скажетъ.

КАКАДУЛОВА. А Марина Осиповна?

КАКАДУЛОВЪ. Марина Осиповна такъ мнительна, осторожна,— это у нея секретъ.

КАКАДУЛОВА. Секретъ, который Ульяна Андревна знаетъ!

КАКАДУЛОВЪ. Чтожъ дѣлать? для Ульяны Андревны, какъ для сквознаго вѣтра, вездѣ найдется щелка.

ЛИНЯЛОВА (*съ досадой*). Ну, можно ли такъ говорить?

КАКАДУЛОВЪ (*беретъ ее за руку*). Полноте, мы съ вами друзья.

КАКАДУЛОВА. Нѣтъ, Люкъ, не ожидай, чтобъ я любезничала съ Тумильскимъ, я его не навижу.

КАКАДУЛОВЪ. Другъ мой ! мнѣ бы только хотѣлось, чтобъ ты не допустила его жениться на Катенькѣ.

КАКАДУЛОВА (*съ улыбкой*). О, понимаю, понимаю!

КАКАДУЛОВЪ (*съ досадой, про себя*). Ахъ, это мнѣ наслѣдство!.. (*Вслухъ*). Да ! пока ты одѣвалась, я подслушалъ разговоръ Катеньки съ Лизой. — Какъ бы ты думала ? Катенька у Зельской познакомилась съ Серповымъ и влюбилась въ него.

КАКАДУЛОВА (*съ гримасой*). Фи!

ЛИНЯЛОВА (*живо*). Скажите!.. не дай Богъ, если Марина Осиповна узнаетъ.

КАКАДУЛОВЪ (*съ довольнымъ видомъ, потирая руки*). Непремѣнно узнаетъ!

КАКАДУЛОВА. Однако мнѣ не мѣшаетъ принарядиться для Тумильскаго.

КАКАДУЛОВЪ, (*нахмуривъ брови*). Кчему, Дуничка ? ты и такъ хороша.

КАКАДУЛОВА. Это ужъ мое дѣло. Ульяна Андревна, прикажите, душа моя, убрать это. (*Указываетъ на куски шарфа, раскиданные по полу*).

КАКАДУЛОВЪ. Но, Дуничка, послушай...

КАКАДУЛОВА. Некогда. (*Уходитъ*).

КАКАДУЛОВЪ. Однако, я долженъ тебѣ сказать ... (*бѣжитъ за женою*).

X.

ЛИНЯЛОВА одна.

Каковъ нашъ Лука Васильичъ! самъ подслушиваетъ, а про другихъ говоритъ ... (*передразнивая*). «Для Ульяны Андревны, какъ для сквознаго вѣтра, вездѣ найдется щелка!» .. Ему завидно, что я все знаю. Да и барыня хороша! испортить отъ злости такую вещь ... (*подбираетъ куски шарфа*). Ну, куда это годится? развѣ на куклы кому подарю. (*Прячетъ лоскутки въ карманъ*). Право, это наслѣдство всѣхъ ихъ съ ума сведетъ: хитрятъ, сплетничаютъ ... Гмъ, невольно охота забираетъ, — (*съ улыбкой мигая*) только, не знаю, куда пристать?.. подожду, на чью сторону повезетъ, туда и я.

XI.

ЛИНЯЛОВА, ПОДРОСТОВЪ.

ПОДРОСТОВЪ (*торопливо*). Здравствуйте, Ульяна Андревна!.. Гдѣ Лука Васильичъ? Говорятъ, Тумильскій пріѣхалъ въ Поляны.

ЛИНЯЛОВА. Вотъ ужъ и пріѣхалъ! онъ еще и не видалъ Полянъ.

ПОДРОСТОВЪ. Тумильскій?

ЛИНЯЛОВА. Ну, да; онъ тотчасъ сюда будетъ.

ПОДРОСТОВЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ?.. (*гримасничая, вынимаетъ изъ кармана щеточку и приглаживаетъ волосы*). Принесло же его!

ЛИНЯЛОВА. Ага, боитесь петербургскаго франта!

ПОДРОСТОВЪ. Вотъ еще! развѣ у меня нѣтъ шику? Я самъ также петербургскій ... смотрите! (*Вытягивается и, приложивъ лорнетъ къ глазу, съ комическимъ шарканьемъ вертится около Линяловой*). Quelle délicieuse personne!..

ЛИНЯЛОВА (*отмахиваясь отъ него рукой*). Ха, ха, ха!.. что это за Сеня!.. (*Про себя*). Ну, право, онъ влюбленъ въ меня.

ПОДРОСТОВЪ. Ахъ, Ульяна Андревна! еслибъ вы знали, — (*приложивъ руку къ сердцу*) какъ у меня здѣсь тяжело!

ЛИНЯЛОВА *(со вздохомъ)*. Бѣдный молодой человѣкъ!

ПОДРОСТОВЪ. Конечно, я не теряю надежды, но, чортъ возьми, досадно!

ЛИНЯЛОВА. Зачѣмъ досадовать? Любовь такое невольное... Ну, ну, продолжайте! *(жеманно)*, Я не понимаю вашихъ страданій?

ПОДРОСТОВЪ. Меня мучитъ пріѣздъ Тумильскаго; особливо, какъ подумаю, что онъ цѣлое лѣто проживетъ у Марины Осиповны,—просто съ ума схожу!

ЛИНЯЛОВА *(съ досадой)*. И таки сойдете, непремѣнно съ ума сойдете! это я вамъ говорю.

ПОДРОСТОВЪ. Марина Осиповна одному изъ насъ намѣрена записать Поляны, — ну, что, если выборъ ея падетъ на Тумильскаго?

ЛИНЯЛОВА. Да что вы себѣ взяли въ голову? Какое вамъ дѣло до наслѣдства, котораго никогда не получите?

ПОДРОСТОВЪ. Вы еще, въ-самомъ-дѣлѣ, накаркаете мнѣ бѣду!.. Марина Осиповна, скорѣе всего, сдѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ меня. *(Съ гордостью поднимаетъ голову)*.

ЛИНЯЛОВА *(съ пренебреженіемъ)* Васъ... съ какой стати?

ПОДРОСТОВЪ. Она была влюблена въ моего дѣдушку.

ЛИНЯЛОВА *(насмѣшливо)*. Гдѣ ужъ тотъ дѣдушка, и гдѣ та любовь!

XII.

Тѣже, **ТУМИЛЬСКІЙ** и **РЕНОЕВЪ**.

ТУМИЛЬСКІЙ *(подходитъ къ Линяловой, онъ одѣтъ по дорожному)*. Прежде всего, кузина, прошу извинить...

ЛИНЯЛОВА. Я не кузина... *(церемонно присѣдая)*. вдова Линялова.

ТУМИЛЬСКІЙ *(отходя отъ нея)*. Извините...

XIII.

Тѣже, **КАКАДУЛОВЪ** и **КАКАДУЛОВА**.

КАКАДУЛОВЪ *(съ распростертыми объятіями кидается къ Тумильскому)*. Наконецъ–то мы васъ дождались, Петръ Львовичъ!.. Дуничка, прошу полюбить моего близкаго и милаго роднаго.

КАКАДУЛОВА, *(присѣдая)*. Enchantée!

ТУМИЛЬСКІЙ, *(цѣлуя у ней руку)*. Извините, что я осмѣлился въ этомъ костюмѣ ...

КАКАДУЛОВА. О, пожалуйста, безъ церемоній!

ПОДРОСТОВЪ (*въ полголоса Какадулову*). Чтожъ вы меня – то?..

КАКАДУЛОВЪ, (*не обращая на него вниманія*). Вы не повѣрите, Петръ Львовичъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я удовольствія васъ увидѣть.

ПОДРОСТОВЪ, (*подходя къ Реноеву*). Сдѣлайте одолженіе, представьте меня.

РЕНОЕВЪ *(Тумильскому)*. Родственникъ вашъ, Семенъ Иванычъ Подростовъ.

ТУМИЛЬСКІЙ, (*пожимая Подростову руку*). Очень радъ.

КАКАДУЛОВЪ (*Тумильскому*). Еслибъ вы знали, какъ надежда насъ обманула !.. Марина Осиповна отчаянно было заболѣла.

ТУМИЛЬСКІЙ. И выздоровѣла?

(Какадуловъ со вздохомъ утвердительно киваетъ головою.)

ТУМИЛЬСКІЙ. Пусть себѣ живетъ старушка (*съ улыбкой*): кредиторы мои подождутъ.

ПОДРОСТОВЪ. Да ужъ, наша почтенная бабушка, пока жива, ни для кого изъ насъ кошелька не развяжетъ — чертовски скупа!

(Реноевъ и Какадуловъ съ досадой дѣлаютъ ему знаки.)

ТУМИЛЬСКІЙ (*съ удивленіемъ*). Въ-самомъ-дѣлѣ? а я слышалъ совсѣмъ другое.

ПОДРОСТОВЪ (*съ жаромъ*). Да, если хотите, по временамъ, у Марины Осиповны бываютъ балы; знаете, музыка своя, чудесный домъ, что ей стоитъ, при такихъ средствахъ и умѣньи экономничать? Вѣдь она изъ пылинки копейку вытянетъ, а скупа...(*въ смущеніи останавливается, замѣчая знаки Реноева и Какадулова*). То есть, можетъ-быть, я ошибаюсь ... (*Про себя*). Зачѣмъ они мнѣ мигаютъ?

РЕНОЕВЪ. Разумѣется, ошибаетесь. Вы судите о Маринѣ Осиповнѣ, по отношеніямъ ея собственно къ вамъ; говоря же вообще, она больше расточительна, чѣмъ скупа.

КАКАДУЛОВЪ. И даже не терпитъ скупости въ другихъ. Я думаю, еслибъ ей предложить въ наслѣдники мота, или скупца, она бы скорѣе рѣшилась въ пользу перваго (*смѣется*), увѣряю васъ!

ПОДРОСТОВЪ (*въ полголоса Линяловой*). Что это они?.. Ничего не понимаю.

ЛИНЯЛОВА. Когда не понимаете—молчите. (*Мигаетъ ему на Реноева и Какадулова*). Они ужъ за васъ понимаютъ.

КАКАДУЛОВА. Прошу садиться, господа... Петръ Львовичъ! (*усаживаетъ Тумильскаго подлѣ себя*).

(*Линялова садится съ другой стороны подлѣ Какадуловой; Подростовъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за Тумильскимъ, принимаетъ его позы и подражаетъ каждому его движенію*).

КАКАДУЛОВЪ (*Реноеву*). А вамъ, не угодно ли выкурить сигару у меня въ кабинетѣ? (*Уходитъ съ Реноевымъ*).

КАКАДУЛОВА (*Тумильскому*). Долго были въ дорогѣ, mon cousin?

ТУМИЛЬСКІЙ. Да-а, настоящимъ туристомъ,—останавливался, гдѣ мнѣ нравилось ...

ЛИНЯЛОВА. Можно ли? вмѣсто того, чтобъ спѣшить сюда.

ТУМИЛЬСКІЙ. Я не люблю спѣшить, я слишкомъ лѣнивъ, безпеченъ.

ЛИНЯЛОВА. (*иронически*) О, о, похожи вы на такого! и по глазамъ видно!..

ТУМИЛЬСКІЙ. Глаза часто обманываютъ. (*Съ разсѣяннымъ видомъ разсматриваетъ въ лорнетъ комнату*).

ПОДРОСТОВЪ, (*поспѣшно приложивъ лорнетъ къ глазу*). Кто нынче не лѣнивъ? Я самъ обожаю дольче фарніенте.

ЛИНЯЛОВА. Вамъ другое дѣло, но имъ... (*указываетъ на Тумильскаго*). Когда бездѣтная, богатая тётушка приглашаетъ къ себѣ — тутъ дремать нечего!

КАКАДУЛОВА (*съ нетерпѣніемъ*). Какъ вы несносны, Ульяна Андревна!.. Надобно вамъ знать, mon cousin, эта дама у насъ ...

ЛИНЯЛОВА (*хватаетъ ее за руку*). Что вы выдумываете? лучше попросить кузена разсказать намъ про Петербургъ.

ТУМИЛЬСКІЙ. Что прикажете?.. о нашей оперѣ, балетѣ, вамъ извѣстно изъ газетъ.

КАКАДУЛОВА (*съ восторгомъ*). Ахъ, балетъ!.. Какъ-бы я желала видѣть балетъ!

ЛИНЯЛОВА (*съ важностью*). А я бы желала видѣть кунсткамеру; вотъ, тамъ, говорятъ, ужъ есть на что посмотрѣть, не правда ли?

ТУМИЛЬСКІЙ. Да-а, много чучелъ; особливо, заслуживаетъ вниманія громадная чучела ...

ЛИНЯЛОВА (*вспыхнувъ*). Вы смѣетесь надъ нами! это не дѣлаетъ вамъ чести.

(*Тумильскій смотритъ на нее съ озадаченнымъ видомъ.*)

КАКАДУЛОВА, (*смѣясь*). Будьте осторожны, Петръ Львовичъ, *мы* здѣсь очень щекотливы, тотчасъ обижаемся.

ЛИНЯЛОВА (*съ досадой*). Ну, пошли наши!.. Авдотья Дмитріевна извѣстная насмѣшница!

КАКАДУЛОВА *(кокетливо)*. Ахъ, mon cousin! вотъ ужъ я за васъ и терплю. Охота вамъ была говорить про чучелу?

ТУМИЛЬСКІЙ *(про-себя)*. Кузина не дурна! *(Вслухъ)*. Но, я отвѣчалъ на вопросъ ...

ЛИНЯЛОВА *(съ негодованіемъ)*. Хорошо, хорошо, оставимъ это.

ТУМИЛЬСКІЙ *(Линяловой)*. Помилуйте, да это было бы и дерзко и глупо сказать, что вы похожи на ... *(съ замѣшательствомъ)* на..

КАКАДУЛОВА. На чучелу! *(хохочетъ)*.

ТУМИЛЬСКІЙ. Избави Богъ! такое сравненіе мнѣ и на мысль не приходило.

ПОДРОСТОВЪ. Мнѣ тоже, божусь, на мысль не приходило.

ЛИНЯЛОВА *(гримасничая, Подростову)*. И вы туда же!

КАКАДУЛОВА. Полно вамъ, Ульяна Андревна, сердиться изъ пустяковъ! ... Я думаю, mon cousin, вамъ кажется здѣсь все такъ дико, странно?

ТУМИЛЬСКІЙ. Напротивъ, я въ восторгѣ... во-первыхъ, отъ васъ.

ЛИНЯЛОВА *(про себя)*. Дуракъ!

КАКАДУЛОВА. Вы очень любезны. Однако, признайтесь, грустно было оставлять Петербургъ?

ТУМИЛЬСКІЙ. Я разстался съ Петербургомъ очень весело. Прощальный вечеръ у меня былъ такой сумасшедшій.

ЛИНЯЛОВА, *(смѣясь)*. Сумасшедшій вечеръ! воображаю, что́ тамъ было.

КАКАДУЛОВА. У васъ ужасное воображеніе!... Не хотите ли, Петръ Львовичъ, разсмотрѣть нашъ садъ? я вамъ покажу бесѣдку, въ которой такъ часто сижу съ книгой или работой . . и вы съ нами, Ульяна Андревна?...

ЛИНЯЛОВА. Идите, я васъ найду. Мнѣ нужно еще поговорить съ Лукой Васильвичемъ.

(Какадулова уходитъ съ Тумильскимъ и Подростовымъ).

ЛИНЯЛОВА, одна.

Попался Тумильскій въ сѣти! онъ и не подозрѣваетъ, что Реноевъ и Какадуловъ его дурачатъ. Я одна могла бы открыть ему глаза, — о! еслибъ онъ того стоилъ, я бы прямосказала ему: васъ обманываютъ, Марина Осиповна никогда не сдѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ мота; будьте осторожны, — о вашихъ долгахъ ни слова ...

XIV.

ЛИНЯЛОВА, РЕНОЕВЪ. КАКАДУЛОВЪ.

ЛИНЯЛОВА. Ну, господа, я вамъ скажу, хорошъ Тумильскій! Еслибъ вы слышали, какъ онъ тутъ расхвастался передъ нами. Я, говоритъ, люблю жить открыто, у меня балы, сумасшедшіе вечера ...

РЕНОЕВЪ. Что-о?

ЛИНЯЛОВА. Сумасшедшіе вечера съ музыкой и танцами. *(Смѣется)*. Вообразите, если онъ скажетъ это Маринѣ Осиповнѣ?

КАКАДУЛОВЪ *(смѣясь)*. Славно озадачитъ старуху!

РЕНОЕВЪ. Лишь бы только не узналъ, съ какой цѣлью она его къ себѣ пригласила?

ЛИНЯЛОВА. Отъ кого ему узнать?

КАКАДУЛОВЪ. Да пожалуй, вы, какъ нибудь, безъ намѣренія ...

ЛИНЯЛОВА. Кэкъ бы не такъ! я еще сама шепну Маринѣ Осиповнѣ.

КАКАДУЛОВЪ. Вотъ это мило!

ЛИНЯЛОВА. Да какже, объ этомъ нельзя промолчать; Тумильскій сказалъ: не понимаю, зачѣмъ эта чучела, Марина Осиповна, меня къ себѣ вызвала!

РЕНОЕВЪ (*недовѣрчиво*). Неужто онъ это сказалъ?

КАКАДУЛОВЪ, (*мигая Реноеву*). Да ужъ если Ульяна Андревна слышала...

ЛИНЯЛОВА (*съ жаромъ*). Слышала, моими собственными ушами.

КАКАДУЛОВЪ. Ай-да ушки!.. однако, знаете, вы Маринѣ Осиповнѣ не вдругъ ..

ЛИНЯЛОВА. Полноте, ученаго учить—только портить.

XV.

Тѣ же; **ПОДРОСТОВЪ.**

ПОДРОСТОВЪ (*вбѣгая*). Уфъ, какъ жарко!

КАКАДУЛОВЪ (*сухо*). Въ саду бы вамъ было прохладнѣе.

ПОДРОСТОВЪ. Авдотья Дмитріевна послала меня за ними...(*указываетъ на Линялову*).

КАКАДУЛОВЪ. (*съ досадой*). Какже это вы оставили Дуничку одну?

ПОДРОСТОВЪ. Авдотья Дмитріевна съ Тумильскимъ, — имъ очень весело; онъ такъ любезенъ..

КАКАДУЛОВЪ. О, да это ни на что не похоже! пойдемте къ нимъ скорѣе ... Борисъ Карпычъ, Ульяна Андреевна!

ЛИНЯЛОВА (*съ насмѣшливой улыбкой*). Иду, иду. (*Всѣ идутъ къ дверямъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ домѣ Мельтовой; та же, что́ въ первомъ дѣйствіи.

I.

МЕЛЬТОВА одна, задумчиво сидитъ въ креслѣ.

Не рано ли я вздумала праздновать свое выздоровленіе? Что-то голова кружится. Борисъ Карпычъ, по усердію своему, разказалъ мнѣ о всѣхъ продѣлкахъ моихъ милыхъ родственниковъ, во время моей болѣзни. Надъ этимъ слѣдовало бы только смѣяться, а мнѣ досадно; — не хорошо! докторъ запретилъ сердиться. Хоть бы Тумильскій поскорѣй пріѣхалъ ... Авось Богъ дастъ, что я въ немъ не обманулась! тогда, на зло Серповымъ и всѣмъ другимъ, тотчасъ же сдѣлаю духовную ... (*тревожно*). Странно, куда дѣвалось завѣщаніе мужа? искала, искала ... какъ въ воду кануло. (*Хватаетъ себя за голову*) Нѣтъ, лучше не думать: мнѣ нужно разсѣяніе; я задержу у себя гостей дня три, четыре, (*зѣваетъ*). Какъ я устала! такъ и клонитъ ко сну, а докторъ запретилъ спать послѣ обѣда.

II.

МЕЛЬТОВА, ЭЛЬФСКАЯ.

ЭЛЬФСКАЯ. Вы звали меня, maman?

МЕЛЬТОВА, (*указывая на пакеты на столѣ, передъ диваномъ*). Прочитай мнѣ что-нибудь; одѣваться на вечеръ еще рано. — Платье твое готово?

ЭЛЬФСКАЯ. О, да! нужно только для Лизы ...

МЕЛЬТОВА. Для Лизы ничего не нужно, — пришелъ же ей капризъ ѣхать къ Леновымъ!

ЭЛЬФСКАЯ. Она не надолго, — ей хотѣлось только прокатиться.

МЕЛЬТОВА. Бабушка совсѣмъ ее избаловала. (*Переходитъ на диванъ, и зѣвая кладетъ голову на спинку дивана*).

ЭЛЬФСКАЯ (*садится подлѣ Мельтовой и, распечатывая газеты, складываетъ листы одинъ на другой*) «Сѣверная Пчела», «Московскія Вѣдомости»,—съ чего начать?... а! «Modes parisiennes» ... (*беретъ гравюрку модъ*) Какъ смѣшно — жилетъ! дама въ жилетѣ! — посмотрите, maman ... ахъ! (*прикладываетъ палецъ къ губамъ*). Уснула,— я очень рада; сонъ ее подкрѣпитъ. (*На цыпочкахъ отходитъ отъ дивана и садится въ кресло, оставленное Мельтовою*). Вечеромъ все здѣсь оживится ... Удивительная со мною перемѣна! ко всему равнодушна стала. Балъ, наряды, — (*качаетъ головой*) ничто не занимаетъ. (*Задумывается*). Я буду мило одѣта; платье у меня прехорошенькое ... (*со вздохомъ*). Мечта, глупая мечта ... (*прислушиваясь*) кто-то пріѣхалъ ... вѣрно, Лиза! (*бѣжитъ къ дверямъ и встрѣчаетъ Берову, которая ея обнимаетъ*).

III.

ТѢЖЕ; БЕРОВА.

БЕРОВА (*снимаетъ шляпку и мантилью*). Какую новость я тебѣ ...

ЭЛЬФСКАЯ. Тссъ ... (*указываетъ на Мельтову*).

БЕРОВА, (*смѣясь*). У тебя особенное искусство усыплять старушку.

(*Обѣ, взявшись за руки, на цыпочкахъ подходятъ къ авансценѣ*).

БЕРОВА. Жаль, что Марина Осиповна не отпустила тебя со мною къ Леновымъ! — Вообрази, кого я тамъ видѣла?

ЭЛЬФСКАЯ (*съ улыбкой, присѣдая*). Не трудись обманывать: не повѣрятъ!

БЕРОВА. Вотъ мило! да за чѣмъ бы я такъ долго оставалась у Леновыхъ? Черезъ полчаса я ужъ тамъ зѣвала и сбиралась ѣхать, какъ вдругъ явились два гусара. Старшій изъ нихъ, ротмистръ Зингерманъ, представилъ хозяйкѣ своего брата, который, съ перваго взгляда, поразилъ меня сходствомъ съ Алексѣемъ Серновымъ.

ЭЛЬФСКАЯ. Фи, ma chére, какой вздоръ!

БЕРОВА. Слушай же: этотъ младшій Зингерманъ, увидѣвъ меня,

замѣтно сконфузился, отворачивался, избѣгая моего взгляда, и страхъ неловко любезничалъ съ Вѣрочкой Леновой. Это сильно меня интриговало. Я тотчасъ узнала Серпова, хотя давно его не видала.

ЭЛЬФСКАЯ. Но какже это можно, Лиза? —

БЕРОВА. Не прерывай!... загадка скоро объяснилась. Старуха Ленова вышла изъ комнаты; Вѣрочка угощала ротмистра такой оглушительной музыкой, какъ будто десять кошекъ сидѣло у нея въ фортепьяно. Я, не теряя времени, отретировалась въ уголъ, Серповъ поспѣшилъ за мной: «Я васъ не узнаю, господинъ Зингерманъ«! сказала я, смѣясь. — Два года много времени, отвѣчалъ онъ: я тоже нахожу въ васъ, ma petite tante, большую перемѣну, — вы безсовѣстно похорошѣли! — «А съ вами еще хуже, — вы перемѣнили фамилію ...

ЭЛЬФСКАЯ (*тревожно*). Что же онъ за это?

БЕРОВА (*съ улыбкой*). Онъ, просто, съ ума сходитъ отъ тебя.

ЭЛЬФСКАЯ (*со вздохомъ*). Милый Алексѣй!... Но за чѣмъ онъ перемѣнилъ фамилію?

БЕРОВА. За тѣмъ, чтобъ быть сегодня здѣсь на балѣ, чтобъ видѣть тебя.

ЭЛЬФСКАЯ, (*сплеснувъ руками*). Сегодня!.. А если какъ нибудь откроется?

БЕРОВА. Не безпокойся: Серпова здѣсь никто не знаетъ, — къ счастью, бабушка моя уѣхала.

ЭЛЬФСКАЯ (*въ волненіи*). Видѣть его ... какое счастье, Лиза! однако ... (*со вздохомъ качаетъ головой*). Я не могу безъ ужаса ... Нѣтъ, я не въ состояніи называть его Зингерманомъ!

БЕРОВА. Называй Алексѣемъ Павлычемъ; имени перемѣнять не нужно.

МЕЛЬТОВА. (*во снѣ*). Завѣщаніе мужа ... Серповъ!... Сер ... по ... (*поворачивается на диванѣ*).

ЭЛЬФСКАЯ (*Беровой*). Слышишь? я вся дрожу.

БЕРОВА. Она говоритъ во снѣ.

МЕЛЬТОВА (*поднимаетъ голову, не раскрывая глазъ*). Читай, читай, я все слышу.

ЭЛЬФСКАЯ. (*въ испугѣ*) Вы спали?

МЕЛЬТОВА, (*протирая глаза*). И не думала, — докторъ запретилъ спать послѣ обѣда. А ты ужъ и рада оставить газеты ... (*Увидѣвъ Берову*). Вы, сударыня, засидѣлись у Леновыхъ?

БЕРОВА. Тамъ были гусары, — два брата—Зингерманы... (*Эльфская, со страхомъ, дѣлаетъ ей знаки, чтобъ она молчала*).

МЕЛЬТОВА (*зѣвая*). Чтожъ, собираются ко мнѣ? Я хочу, чтобъ

у васъ были кавалеры для бала; я сама, прежде, любила танцовать до упаду.

IV.

Тѣ же, **РЕНОЕВЪ, ТУМИЛЬСКІЙ, КАКАДУЛОВЪ, ПОДРОСТОВЪ.**

РЕНОЕВЪ, (*подводя къ Мельтовой Тумильскаго*). Столичный гость!

МЕЛЬТОВА (*радостно*). Гость милый, дорогой!.. (*Пристально смотритъ на Тумильскаго, который цѣлуетъ у ней руку*) Я бы никогда не узнала; давно ли былъ *вотъ какой*... (*показываетъ рукой*) Петруша... Извините, что я такъ, безъ церемоніи: вѣдь вы мнѣ внукъ.

РЕНОЕВЪ (*съ живостію*). Петръ Львовичъ—сынъ троюроднаго племянника вашего супруга.

КАКАДУЛОВЪ, (*цѣлуя руку у Мельтовой*). Дуничка моя заѣхала на минуту къ Леновымъ, — она тотчасъ будетъ къ вамъ, съ Ульяной Андревной.

МЕЛЬТОВА, (*не спуская глазъ съ Тумильскаго*). Какъ похожъ на отца! Батюшка вашъ, Петръ Львовичъ, былъ въ числѣ моихъ лучшихъ друзей.

ТУМИЛЬСКІЙ. Для меня очень лестно...

ПОДРОСТОВЪ, (*цѣлуя руку у Мельтовой*). Дѣдушка мой также имѣлъ счастіе...

МЕЛЬТОВА (*насмѣшливо*). Дѣдушка вашъ былъ непріятнаго характера человѣкъ, — думаю, вамъ это извѣстно по семейнымъ преданіямъ?

ПОДРОСТОВЪ (*съ замѣтательствомъ обращается къ Беровой и Эльфской*). Поздравляю ... поздравляю ... (*запинается*). (*Эльфская и Берова насмѣшливо присѣдаютъ*).

ПОДРОСТОВЪ, (*взъерошивая свою прическу*). Поздравляю съ баломъ! — Можно васъ просить на первыя двѣ кадрили?

МЕЛЬТОВА (*Беровой и Эльфской*). Mesdames, представляю вамъ моего внука, — Петръ Львовичъ ... родственницы ваши — Берова... Эльфская.

(*Тумильскій раскланивается съ дамами. Мельтова садится въ свое кресло, приглашая знакомъ Тумильскаго, Реноева и Какадулова, которые берутъ стулья и садятся подлѣ нея; подальше, на диванъ, Эльфская и Берова; Подростовъ любезничаетъ съ ними.*)

МЕЛЬТОВА (*Тумильскому*). Вы никогда не жили въ деревнѣ, — боюсь, чтобъ у насъ не поскучали.

ТУМИЛЬСКІЙ. Помилуйте, я обожаю деревню! особливо, ваши Поляны—такое очаровательное мѣсто...

МЕЛЬТОВА. Вы находите? Но, поговоримъ о васъ, любезный внукъ! Я принимаю въ васъ живѣйшее участіе. Какъ ваши дѣла по службѣ?

ТУМИЛЬСКІЙ. Благодарю, бабушка; жаловаться не на что, я доволенъ.

МЕЛЬТОВА, (*одобрительно кивая головой*). Слава Богу!.. значитъ, живется хорошо?

ТУМИЛЬСКІЙ (*хвастливо*). О! можно сказать съ — шикомъ.

МЕЛЬТОВА (*съ улыбкой*). И съ деньгами?

ТУМИЛЬСКІЙ. Чаще всего безъ денегъ. *(смѣется)* Помилуйте, деньги тяжелая вещь для порядочнаго человѣка.

МЕЛЬТОВА (*съ неудовольствіемъ*). Какже это? вѣдь, по службѣ вашей...

ТУМИЛЬСКІЙ (*небрежно*). О! по службѣ я бы могъ уйти далеко, еслибъ не мѣшала лѣнь.

МЕЛЬТОВА (*съ минуту неподвижно на него смотритъ*). Вы шутите, Петръ Львовичъ? Лѣность и расточительность смертельные грѣхи.

ТУМИЛЬСКІЙ (*съ улыбкой*). Что дѣлать, бабушка! Я не хочу казаться лучшимъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

МЕЛЬТОВА (*сухо*). Это похвально (*Реноеву въ полголоса*). Слышали? (*Реноевъ, съ притворнымъ негодованіемъ пожимаетъ плечами; Какадуловъ смѣется изподтишка*).

ТУМИЛЬСКІЙ. У васъ сегодня балъ, бабушка? Думаю и Серповы будутъ?

(*При имени Серповыхъ общее вниманіе обратилось на Мельтову, которая, съ досадой, покачавъ головой, отвернулась отъ Тумильскаго*).

ТУМИЛЬСКІЙ (*ничего не замѣчая*). Пріятно мнѣ будетъ увидѣться съ Алексѣемъ Серповымъ. Мы съ нимъ большіе друзья.

(*Эльфская и Берова со страхомъ переглядываются*).

КАКАДУЛОВЪ, (*смѣясь*). Развѣ увидитесь во снѣ, а ужъ никакъ не на яву.

ТУМИЛЬСКІЙ. Однакожъ, еслибъ Алексѣй Павлычъ зналъ, что я здѣсь, онъ непремѣнно пріѣхалъ бы сюда.

МЕЛЬТОВА (*вспыльчиво*). Нѣтъ, ужъ извините! пока я жива,

никто изъ Серповыхъ не переступитъ черезъ порогъ моего дома. (*Встаетъ*).

(*Тумильскій съ недоумѣніемъ на всѣхъ смотритъ*).

ПОДРОСТОВЪ (*шепчетъ ему*). Онѣ съ ними въ ссорѣ-съ.

МЕЛЬТОВА (*про себя*). Докторъ запретилъ сердиться, — лучше уйду. (*Проходя мимо Какадулова*). Гдѣ же ваша Авдотья Дмитріевна?

КАКАДУЛОВЪ (*сладенькимъ голосомъ*). Дуничка моя заѣхала на минуту къ Леновымъ.

МЕЛЬТОВА (*съ улыбкой*). А я ужъ думала, что вы, ревнивый мужъ, оставили ее дома.

КАКАДУЛОВЪ (*съ притворнымъ смѣхомъ*). О!

(*Мельтова уходитъ*).

ТУМИЛЬСКІЙ. Кажется, старушка на меня разсердилась?

РЕНОЕВЪ. Когда вы начали о Серповыхъ...

КАКАДУЛОВЪ (*съ жаромъ*). Я кашлялъ такъ выразительно.

ПОДРОСТОВЪ. А я даже шепнулъ вамъ...

ТУМИЛЬСКІЙ (*задумчиво*). Но кто же мнѣ сказалъ, что Марина Осиповна помирилась съ Серповыми и очень любитъ ихъ?

(*Реноевъ, Тумильскій, Какадуловъ и Подростовъ, разговаривая, удаляются отъ авансцены*).

ЭЛЬФСКАЯ (*тревожно Беровой*). Тумильскій знакомъ съ Серповымъ, — что тутъ дѣлать?

БЕРОВА. Бѣда, ссли онъ увидитъ его неожиданно ... Знаешь, надобно скорѣе предупредить Тумильскаго: другу Алексѣя можно все сказать. (*Оглядываясь на подходящаго къ нимъ Какадулова*). Тссъ!..

КАКАДУЛОВЪ. А Дуничка моя заѣхала къ Леновымъ...

БЕРОВА. Я тоже была сегодня у Леновыхъ, — видѣла у нихъ гусаровъ...

КАКАДУЛОВЪ. У Леновыхъ гусары!

БЕРОВА. Два брата — Зингерманы.

КАКАДУЛОВЪ (*съ гримасой*). Зингерманы? одного я знаю ... (*поглядываетъ на дверь*). Долго же нѣтъ моей Дунички ...

V.

ТѢЖЕ; КАКАДУЛОВА и ЛИНЯЛОВА.

КАКАДУЛОВА (*въ мантильи и шляпкѣ подходитъ къ* БЕРОВОЙ *и* ЭЛЬФСКОЙ; ЛИНЯЛОВА, *смѣясь, раскланивается съ окружающими*

ее кавалерами. Она въ шелковомъ платьѣ и тюлевой косынкѣ; головной нарядъ стариннаго фасона, въ родѣ блюда, съ перьями и лентами.

КАКАДУЛОВА. Mesdames, сколько новыхъ лицъ будетъ на балѣ!

ЛИНЯЛОВА *(съ восторгомъ)*. Главное, гусары!

ПОДРОСТОВЪ. А вамъ какое дѣло до гусаръ?

ЛИНЯЛОВА. Вотъ мило! я не хуже другихъ буду полькировать съ ними; Слава Богу, не старуха какая.

КАКАДУЛОВЪ. Это видно по вашему костюму, — на головѣ блюдечко, платье коротенькое ...

ТУМИЛЬСКІЙ *(лорнируя)*. Прелестныя ножки!

ЛИНЯЛОВА (*выставляя ногу*). Вы очень любезны.

КАКАДУЛОВЪ. Одно не хорошо, Ульяна Андревна, башмачки ваши носятъ слѣды вѣчнаго движенія.

ПОДРОСТОВЪ (*лорнируя*). Ай, ай, ай, совсѣмъ стоптаны. Все это ваше perpetuum mobile.

ЛИНЯЛОВА (*съ досадой*). Вы бы ужъ молчали! Пріѣдутъ гусары, дамы на васъ и не посмотрятъ. Авдотья Дмитріевна танцуетъ мазурку съ Зингерманомъ ...

КАКАДУЛОВА *(тихо Линяловой)*. Кто васъ за языкъ дергаетъ!

(Какадуловъ сердито смотритъ на жену).

ЛИНЯЛОВА *(всторону)*. Кажется, я проболталась. *(Вслухъ)*. Mesdames, идите одѣваться, — смотрите (*жеманно вертится*), я ужъ совсѣмъ по бальному. Да и вамъ, господа, пора ваши жабо ... *(гримасничая, водитъ рукой около шеи).*

РЕНОЕВЪ, *(посмотрѣвъ на часы)*. Въ самомъ дѣлѣ, пора. *(Уходитъ).*

КАКАДУЛОВЪ, *(подавая женѣ руку)*. Пойдемъ, Дуничка.

ЛИНЯЛОВА. И я съ вами. *(Уходитъ съ Какадуловыми).*

ПОДРОСТОВЪ. *(Тумильскому)*. Угодно, я васъ провожу въ вашу комнату? *(Идутъ къ дверямъ).*

БЕРОВА *(тихо Эльфской)*. Чтожъ ты? уйдутъ и кончено.

ЭЛЬФСКАЯ *(съ замѣшательствомъ)*. Семенъ Иванычъ!

ПОДРОСТОВЪ. Что прикажете?

ЭЛЬФСКАЯ. Вы мнѣ обѣщали къ балу цвѣтовъ.

ПОДРОСТОВЪ *(всторону)*. И не думалъ ... о женщины!

ЭЛЬФСКАЯ. Мы васъ подождемъ здѣсь, — пожалуйста, скорѣе!

ПОДРОСТОВЪ. Сію-минуту. *(всторону)*. Ага, наконецъ, разчувствовалась! *(Убѣгаетъ).*

БЕРОВА. А вы, Петръ Львовичъ, побудете съ нами?

ТУМИЛЬСКІЙ. Съ большимъ удовольствіемъ.

БЕРОВА, *(оглядываясь)*. Знаете ли, вы сегодня увидитесь съ другомъ вашимъ, Алексѣемъ Павлычемъ Серповымъ.

ТУМИЛЬСКІЙ (*съ удивленіемъ*). Съ Серповымъ!

БЕРОВА *(съ улыбкой)*. Да; онъ будетъ представленъ Маринѣ Осиповнѣ, подъ именемъ Зингермана.

ТУМИЛЬСКІЙ. Вы шутите?

БЕРОВА. Ни мало. Видите ли, Алексѣя Павловича здѣсь никто не знаетъ; это для него очень кстати .. онъ ... хочетъ ... (*съ замѣшательствомъ смотритъ на Эльфскую, которая дергаетъ ее за руку*). Какъ бы вамъ лучше объяснить?

ЭЛЬФСКАЯ (*краснѣя*). По одному очень важному обстоятельству, Алексѣй Павлычъ долженъ перемѣнить свою фамилію ...

ТУМИЛЬСКІЙ. Что за мистификація!.. Ничего не понимаю ...

ЭЛЬФСКАЯ (*съ живостью*). Да и не нужно!

БЕРОВА. Конечно, не нужно. Мы только просимъ васъ не называть Алексѣя Павлыча—Серповымъ.

ТУМИЛЬСКІЙ. Слушаю-съ.

ЭЛЬФСКАЯ. Затвердите хорошенько: Зингерманъ!

ТУМИЛЬСКІЙ. Зин–гер–манъ ...

БЕРОВА. Не забудьте же (*съ особеннымъ выраженіемъ*), Зингерманъ!

ТУМИЛЬСКІЙ. Зингерманъ!.. (*съ лукавой улыбкой*). Но, вы извините меня, я человѣкъ любопытный, я бы хотѣлъ знать ...

БЕРОВЪ (*смѣясь*). Алексѣй Павлычъ вамъ все разскажетъ. (*Уходитъ съ Эльфской*).

VI.

ТУМИЛЬСКІЙ одинъ, потомъ **ЛИНЯЛОВА.**

ТУМИЛЬСКІЙ. Чудо, какъ хороша!.. Однако Алёша для прекрасныхъ глазъ слишкомъ рискуетъ. Послѣ энергическаго отзыва Марины Осиповны о Серповыхъ, если продѣлка его откроется, можетъ выдти того ... (*качаетъ головой*).

ЛИНЯЛОВА (*входитъ, оглядываясь*). Вы одни, Петръ Львовичъ? Очень рада, давно ищу случая поговорить съ вами.

ТУМИЛЬСКІЙ (*про себя*). Попался!

ЛИНЯЛОВА. Что вы сказали?

ТУМИЛЬСКІЙ (*сухо*). Что вамъ угодно?

ЛИНЯЛОВА (*садясь въ кресло*). Сядемте; я люблю такихъ прекрасныхъ молодыхъ людей, какъ вы (*со вздохомъ*). Мнѣ васъ жаль!

ТУМИЛЬСКІЙ (*насмѣшливо*). Вы слишкомъ добры.

ЛИНЯЛОВА. Я не могу равнодушно видѣть, вы спотыкаетесь на каждомъ шагу.

ТУМИЛЬСКІЙ, (*протягивая ноги*). Кажется, ноги у меня крѣпки.

ЛИНЯЛОВА. Не въ томъ дѣло; противъ васъ сильно интригуютъ Реноевъ и Какадуловъ; они взяли съ меня слово не говорить вамъ ...

ТУМИЛЬСКІЙ, (*вставая*). Надѣюсь, вы сдержите ваше слово.

ЛИНЯЛОВА. Какъ бы не такъ! я обязана предупредить васъ.

ТУМИЛЬСКІЙ. А я беру смѣлость просить васъ не измѣнять вашему слову. (*Хочетъ уйти*).

ЛИНЯЛОВА (*съ живостью*). Куда вы?.. (*останавливаетъ его за руку, скороговоркой*). Они смертельно боятся, чтобъ Марина Осиповна не сдѣлала васъ своимъ наслѣдникомъ.

ТУМИЛЬСКІЙ. Странная мысль!

ЛИНЯЛОВА. Старушка васъ затѣмъ сюда и вызвала.

ТУМИЛЬСКІЙ (*садится*). Что ... что вы говорите!

ЛИНЯЛОВА. Правду. Я сама слышала отъ Марины Осиповны: «Если найду Тумильскаго такимъ, какъ желаю, все ему отдамъ.»

ТУМИЛЬСКІЙ (*въ волненіи*). Неужели?.. (*задумывается*).

VII.

ТѢЖЕ и ПОДРОСТОВЪ.

ПОДРОСТОВЪ (*подбѣгаетъ къ Линяловой и подаетъ ей цвѣты*). Вотъ все, что нашелъ лучшаго!

ЛИНЯЛОВА (*жеманно*). Прелестный букетъ!.. merci, Сеня.

ПОДРОСТОВЪ (*съ удивленіемъ выпучилъ глаза*). Что это?.. Гдѣ же Катерина Ѳедоровна? (*протягиваетъ руку къ букету*). Отдайте скорѣе!

ЛИНЯЛОВА (*смѣясь*). Завтра. (*Прикалываетъ нѣсколько цвѣтовъ себѣ на корсажъ*). Смотрите, какъ мило!

ПОДРОСТОВЪ. Ну-что вы портите букетъ! Къ лицу ли вамъ, въ ваши лѣта ...

ЛИНЯЛОВА. Въ мои лѣта ... и вы смѣете, — постойте-же! Я вамъ сдѣлаю одолженіе: отнесу ваши цвѣты Катеринѣ Ѳедоровнѣ и постараюсь, чтобъ она выкинула ихъ въ окно. Я васъ проучу. (*Идетъ къ дверямъ*).

ПОДРОСТОВЪ (*вслѣдъ за нею*). Ульяна Андревна, Ульяна Андревна! (*Уходитъ за Линяловой*).

VIII.

ТУМИЛЬСКІЙ одинъ; потомъ **РЕНОЕВЪ** и **ГОРОШЕКЪ**.

ТУМИЛЬСКІЙ (*задумчиво*). Марина Осиповна встрѣтила меня чрезвычайно ласково... (*ходитъ скорыми шагами по комнатѣ*). Но мнѣ и въ голову не приходило... Гмъ... а наслѣдство славное! объ этомъ стоитъ подумать. Я проживу здѣсь цѣлое лѣто, — надѣюсь, мы поладимъ съ старухой... А Реноевъ-то, а Какадуловъ? Они именно противъ меня... Не помню, который изъ нихъ сказалъ мнѣ, что Марина Осиповна помирилась съ Серповыми?.. (*задумывается, облокотясь на кресло*).

РЕНОЕВЪ (*тихонько, подходя къ Тумильскому*). О чемъ такъ задумались, Петръ Львовичъ?

ТУМИЛЬСКІЙ (*сухо*). О томъ, что сію-минуту слышалъ. (*Уходитъ*).

РЕНОЕВЪ. Вотъ что! Видно ужъ Линялова успѣла насплетничать, — пусть себѣ! Я держу ухо востро. Дѣло видимо идетъ къ развязкѣ; старуха смотритъ въ могилу, — не сегодня, такъ завтра, (*съ торжествомъ посматриваетъ вокругъ себя*) — все мое!.. (*Увидѣвъ входящаго Горошка*). Что, любезный! хлопочете, суетитесь?

ГОРОШЕКЪ. Какже! вездѣ и во всемъ произвожу порядокъ. А барыня только и твердитъ, чтобъ лишнихъ расходовъ не было. Согласитесь сами (*корчитъ плачевную мину*): скупость у старыхъ людей дурная примѣта!

РЕНОЕВЪ. Вы знаете, что сказалъ докторъ?

ГОРОШЕКЪ. Знаю-съ. Если ударъ съ барыней повторится, (*съ улыбкой кланяется*) — кончено!

РЕНОЕВЪ. Объ этомъ я и хочу съ вами поговорить Притворитека дверь.

(*Горошекъ притворяетъ дверь, и почтительно приближается къ Реноеву*).

РЕНОЕВЪ. Слушайте: по волѣ Марины Осиповны, въ случаѣ ея смерти, главный здѣсь распорядитель (*съ важностью указываетъ на себя*) — я!

ГОРОШЕКЪ (*торопливо кланяясь*). Позвольте обнаружить вамъ мое внутреннее поздравленіе, позвольте...

РЕНОЕВЪ (*нетерпѣливо*). Послѣ. Вы понимаете, духовная Марины Осиповны многимъ не понравится...

(*Горошекъ лукаво подмигиваетъ*).

РЕНОЕВЪ. Наслѣдники—самозванцы поднимутъ кутерьму, но вы, (*грозитъ ему*) кромѣ меня, никого не должны слушать. — Вы отвѣчаете мнѣ за все!

ГОРОШЕКЪ (*кланяясь*). Помилуйте, я всегда, по приказанію вашему, имѣлъ счастіе доносить вамъ обо всѣхъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ барыни ...

РЕНОЕВЪ (*быстро, перебивая*). О такихъ вещахъ, любезный другъ, не говорятъ. Повѣрьте, у меня хорошая память, — въ духовной Марины Осиповны вамъ назначена награда ... тсъ! Кто-то идетъ...

(*Горошекъ, по знаку Реноева, уходитъ*).

IX.

РЕНОЕВЪ, КАКАДУЛОВЪ.

КАКАДУЛОВЪ. Довольны вы, Борисъ Карпычъ, Тумильскимъ? (*смѣется*). Онъ такъ озадачилъ старуху, что я того и ожидалъ: ну, думаю, хватитъ ее параличъ!

РЕНОЕВЪ. Но вы не знаете, Линялова успѣла ужъ шепнуть Тумильскому ...

КАКАДУЛОВЪ. (*съ досадой*). Что́ за языкъ у этой бабы!.. Теперь, разумѣется, Тумильскій запоетъ другую пѣсню; станетъ старухѣ поддакивать, угождать. — Чего добраго! пожалуй еще и въ самомъ дѣлѣ все ему отдастъ.

РЕНОЕВЪ. Легко быть можетъ.

КАКАДУЛОВЪ. (*въ отчаяніи*). За что же мнѣ – то терять?

РЕНОЕВЪ, (*пожимая плечами*). Я дѣлалъ все, что могъ; единственно—для васъ, старался поддерживать вражду старухи къ Серповымъ.

КАКАДУЛОВЪ (*съ жаромъ, пожимая ему руку*). Вы благороднѣйшій человѣкъ!

РЕНОЕВЪ. Къ сожалѣнію, Марина Осиповна какъ – то ... (*дѣлаетъ гримасу*) рѣшительно къ вамъ не расположена.

КАКАДУЛОВЪ. О! ужъ эта мнѣ Марина Осиповна.

РЕНОЕВЪ. Да что́ отъ васъ скрывать! Вамъ извѣстно, что по дѣламъ Марины Осиповны я часто имѣлъ случай быть ей полезнымъ, разумѣется, безъ всякихъ видовъ и разсчетовъ.

КАКАДУЛОВЪ. О! я увѣренъ.

РЕНОЕВЪ (*гордо*) Надѣюсь. Представьте же мое удивленіе, когда, въ болѣзни своей, она объявила желаніе сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ.

КАКАДУЛОВЪ (*съ минуту неподвижно смотритъ на Реноева, потомъ отскакиваетъ отъ него*). Васъ!.. (*про себя*) Подлецъ!

РЕНОЕВЪ (*спокойно*). Признаюсь, это страхъ меня озадачило.

КАКАДУЛОВЪ, (*задыхаясь отъ злости*). Помилуйте, это наслѣдство вамъ ни по какому праву ...

РЕНОЕВЪ. Я такъ и говорилъ Маринѣ Осиповнѣ; я отказывался ...

КАКАДУЛОВЪ (*съ жаромъ*). Отказывались?.. Борисъ Карпычъ, съ вашей стороны это ... это ... (*всторону*) низость, мерзость! (*вслухъ*) это ... высокая черта.

РЕНОЕВЪ (*съ холодной улыбкой*). Вамъ – то не все ли равно: я или Тумильскій ?..

КАКАДУЛОВЪ. По крайней мѣрѣ, Тумильскій родственникъ мнѣ.

РЕНОЕВЪ (*насмѣшливо*). Большое для васъ утѣшеніе!

КАКАДУЛОВЪ (*въ сильномъ волненіи*). То есть, я самъ не знаю ... Правду сказать, ужъ если пошло на то, — пусть бы лучше это проклятое наслѣдство досталось вамъ, нежели Тумильскому.

РЕНОЕВЪ (*съ улыбкой*). Я думаю!

КАКАДУЛОВЪ (*наставляя ухо*). Что́ вы говорите?

РЕНОЕВЪ. Вамъ, моему истинному другу, я всегда готовъ удѣлить ... (*запинается*) удѣлить ...

КАКАДУЛОВЪ (*съ притворнымъ смѣхомъ*). Крошку изъ пирога!.. Но покуда тетушка ничего еще не сдѣлала ...

РЕНОЕВЪ (*рѣшительнымъ тономъ*). Говорю вамъ—духовная сдѣлана.

КАКАДУЛОВЪ (*дрожащимъ голосомъ*). Сдѣлана!.. (*всторону*). Разбойникъ! до-чиста ограбилъ!

РЕНОЕВЪ, (*взявъ его за руку*). Не тревожьтесь; вы получите вашу часть сполна и сверхъ того половину всей движимости, — честное, благородное слово!

КАКАДУЛОВЪ (*недовѣрчиво*). Объ этомъ сказано въ духовной?

РЕНОЕВЪ. Ну, да. (*Мигая*) Марина Осиповна и не подозрѣваетъ, что въ завѣщаніи, писанномъ подъ ея диктовку, права ваши остались неприкосновенны.

КАКАДУЛОВЪ (*съ восторгомъ*). И вы это для меня сдѣлали!?

РЕНОЕВЪ. Чего не сдѣлаешь для друга! я рисковалъ потерять

все, еслибъ старуха догадалась .. (*Вынимаетъ изъ кармана бумагу*). Вотъ духовная. (*Какадуловъ съ живостью протягиваетъ руку*).

РЕНОЕВЪ, (*отступая*). Послѣ вы прочитаете, а теперь взгляните на подпись Марины Осиповны, — вѣдь четко, хорошо?

КАКАДУЛОВЪ (*съ жадностью, вперивъ глаза въ бумагу*). Позвольте ... я только хочу ... гдѣ упоминается обо мнѣ?

РЕНОЕВЪ. Вотъ, вотъ, смотрите, ваше имя ... (*прячетъ бумагу въ карманъ*).

КАКАДУЛОВЪ (*присматриваясь къ карману*). Мое имя?

РЕНОЕВЪ (*съ улыбкой треплетъ его по плечу*). Такъ – то, Лука Васильичъ! умретъ старуха — наша взяла! по братски подѣлимся съ вами; а проживетъ — какъ-разъ перемѣнитъ духовную въ пользу Тумильскаго: — это такая женщина ...

КАКАДУЛОВЪ. По словамъ доктора, ей опасно тревожиться, сердиться.

РЕНОЕВЪ. О! мы подготовимъ ей тысячу маленькихъ заботъ и треволненій ... Знаете, комаръ штучка–невеличка, а и онъ укуситъ — волдырь вздуется. На первый случай, у насъ для нея есть пилюлька: кажется, Тумильскій, не шутя, влюбленъ въ?...

КАКАДУЛОВЪ, (*измѣняясь въ лицѣ*). Не думаю; это было бы очень глупо съ его стороны.

РЕНОЕВЪ. Напротивъ, превосходно! Марина Осиповна намѣрена женить Тумильскаго на своей Катенькѣ: тутъ – то и будетъ потѣха! Волокитство его за Авдотьей Дмитріевной разозлитъ старуху до нельзя, покажется ей такимъ преступленіемъ ...

КАКАДУЛОВЪ (*въ смущеніи*). Но мнѣ самому кажется, что это нѣсколько ...

РЕНОЕВЪ. Полноте, мы не должны допускать Тумильскаго войти въ милость къ Маринѣ Осиповнѣ; мы должны всѣми средствами загораживать ему дорогу къ наслѣдству. Вѣрьте, я хлопочу для васъ больше чѣмъ для себя. — Что мнѣ? я и безъ того богатъ, человѣкъ одинокій, но мнѣ жаль васъ, достойнѣйшій Лука Васильичъ! (*Съ жаромъ обнимаются*).

X.

ТѢЖЕ и ЛИНЯЛОВА.

(*При входѣ Линяловой, Реноевъ и Какадуловъ съ замѣшательствомъ отскакиваютъ другъ отъ друга*).

КАКАДУЛОВЪ (*Линяловой*). А мы только – что про васъ говорили.

ЛИНЯЛОВА. Въ самомъ дѣлѣ?

КАКАДУЛОВЪ. Удивляюсь вашей ... (*дѣлаетъ глазки*).

ЛИНЯЛОВА (*жеманно*). Моей?.. ну, ну, говорите правду.

КАКАДУЛОВЪ (*насмѣшливо*). Вамъ угодно правды ?.. извольте : мы удивлялись вашей страсти мѣшаться въ чужія дѣла.

ЛИНЯЛОВА, (*вспыливъ*). Да во что́ я мѣшаюсь? Не сами ли вы всѣ навязываетесь мнѣ съ своими дѣлами?.. то я должна провѣдать о чемъ нибудь, то распустить слухъ какой ...

КАКАДУЛОВЪ. Та, та, та ... А кто просилъ васъ разболтать Тумильскому, о чемъ бы ему знать не слѣдовало?

ЛИНЯЛОВА. Оставьте меня съ вашими глупостями! (*нюхаетъ цвѣты*). Какъ я люблю резеду.

КАКАДУЛОВЪ, (*передразнивая ее*). Резеду!.. Вамъ говорятъ про ваши сплетни, а вы прячетесь за резеду.

ЛИНЯЛОВА (*дерзко*). Мнѣ нечего прятаться,— я никого не боюсь!

РЕНОЕВЪ (*наставительно*). Не хорошо, Ульяна Андревна; мало того, что вы подслушали чужую тайну ...

ЛИНЯЛОВА (*съ жаромъ*) Позвольте, Борисъ Карпычъ! Вы человѣкъ умный, — скажите, виновата ли я, когда судьба меня преслѣдуетъ?.. Вотъ и теперь, пошла въ садъ за букетомъ къ балу (*показываетъ цвѣты*), вижу, въ бесѣдкѣ сидитъ Тумильскій съ гусаромъ; я останавливаюсь и, волей – неволей, узнаю такое ... (*поднимаетъ глаза кверху*) право, сама не рада. А вѣдь, что дѣлать, — не затыкать же мнѣ уши?

КАКАДУЛОВЪ. Помилуйте, это портитъ слухъ. Однако, какъ вы хороши въ бальномъ костюмѣ, съ букетикомъ въ рукахъ, просто прелесть!

ЛИНЯЛОВА. Нѣтъ ужъ, послѣ вашихъ грубостей, я съ вами не говорю.

КАКАДУЛОВЪ. Напрасно! (*беретъ ее за руку*). Вѣдь я васъ люблю, право, люблю !.. (*смотритъ ей въ глаза*). Воображаю, какъ мило вы жмурили глазки, подслушивая Тумильскаго съ гусаромъ.

ЛИНЯЛОВА, (*улыбаясь.*) Странно, какъ они не замѣтили меня въ цвѣтникѣ!

КАКАДУЛОВЪ. Вѣроятно приняли васъ за георгину–monstre.

ЛИНЯЛОВА. Но, знаете, еслибъ это дошло до Марины Осиповны, тутъ бы просто ... (*махнувъ рукой*) ужасъ!

РЕНОЕВЪ (*съ любопытствомъ*). Въ самомъ дѣлѣ?

КАКАДУЛОВЪ. Скажите намъ скорѣе...

ЛИНЯЛОВА. Ни за что въ свѣтѣ!

КАКАДУЛОВЪ. А за хорошенькое шелковое платье?

РЕНОЕВЪ. Самой модной матеріи ...

ЛИНЯЛОВА. Пожалуй, приму отъ васъ, въ знакъ усердія, но чужаго секрета *(гордо)*, — за милліонъ не продамъ!

КАКАДУЛОВЪ *(насмѣшливо)*. Будто бы?

ЛИНЯЛОВА *(съ жаромъ)*. У меня не каменное сердце, я всегда готова пособлять истинно влюбленнымъ.

КАКАДУЛОВЪ. И прекрасно! у этихъ несчастныхъ только и надежды на васъ, да на луну.

ЛИНЯЛОВА. Не совѣтую смѣяться, любовь такое невольное ...

КАКАДУЛОВЪ. (*про себя*) Ужъ не моя ли Дуничка? (*Вслухъ*). Кто же это: дама или дѣвица?

ЛИНЯЛОВА (*лукаво*). Дама, дама. А вамъ очень хочется узнать?

КАКАДУЛОВЪ (*про себя*). Чортъ возьми! Если это ... (*вслухъ*). Нѣтъ, я только такъ ... Однакожъ, если это женщина, у которой мужъ, дѣти ...

ЛИНЯЛОВА. Любопытно, не правда ли? А всё-таки ничего не узнаете.

КАКАДУЛОВЪ (*съ досадой*). Ну, Богъ съ вами !.. Послушайте, Борисъ Карпычъ, (*уводитъ Реноева въ глубину сцены*).

(*Входятъ слуги, убираютъ и освѣщаютъ комнату*).

ЛИНЯЛОВА (*на авансцену, поглядывая на Реноева и Какадулова.*) О чемъ они тамъ шепчутся? О, еслибъ имъ сказать, что Серповъ здѣсь, подъ чужимъ именемъ, какую бы вывели исторію !.. Серновъ и не воображаетъ, что тайна его въ моихъ рукахъ. Для него это большое счастіе! Я буду незамѣтно за нимъ слѣдить, буду его геніемъ-хранителемъ ... Влюбленные всегда неосторожны, я по себѣ знаю .. *глубоко вздыхаетъ, обращаясь къ слугамъ*). Что же вы? пора и въ залѣ люстру зажечь ...

СЛУГИ (*между собой*). Ей до всего дѣло !.. Какъ-будто безъ нея не знаемъ. (*Уходятъ*).

XI.

ТѢЖЕ и **МЕЛЬТОВА**, въ парадномъ шелковомъ платьѣ и бѣлой мантильѣ, потомъ **ЭЛЬФСКАЯ, БЕРОВА** и **КАКАДУЛОВА**.

ЛИНЯЛОВА, (*осматривая Мельтову*). Вотъ и герцогиня наша! чудесно одѣты!

РЕНОЕВЪ. Какъ хороша ваша мантилья!

КАКАДУЛОВЪ, (*присматриваясь къ мантильи*). Удивительная! и какъ вамъ къ лицу.

ЛИНЯЛОВА, (*посмѣиваясь, всторону*). Что за штукарь!

МЕЛЬТОВА (*съ довольнымъ видомъ*). Это мой милый внукъ привезъ мнѣ изъ Петербурга.

КАКАДУЛОВЪ (*тихо Реноеву.*) Каковъ же Тумильскій !.. эту мантилью онъ хотѣлъ подарить своей сестрѣ.

РЕНОЕВЪ. Я вамъ говорилъ: (*указывая глазами на Линялову*) она все испортила!

(*Какадуловъ украдкой грозитъ Линяловой, которая съ пренебреженіемъ отъ него отворачивается*).

ЛИНЯЛОВА (*Мельтовой*). Вы знаете, гусары давно ужъ пріѣхали.

МЕЛЬТОВА. Гдѣ же они?

ЛИНЯЛОВА. Ушли въ садъ. Въ залѣ до-сихъ-поръ никого нѣтъ, и непохоже, что нолонъ домъ гостей. Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, всякому хочется явиться на балъ понарядне.

МЕЛЬТОВА. Такъ и должно.

КАКАДУЛОВЪ (*насмѣшливо Линяловой*). И вамъ бы не мѣшало прикрѣпить ваше блюдечко, чтобъ еще, какъ растанцуетесь, съ головы не свалилось.

ЛИНЯЛОВА. Хоть бы изъ уваженія къ Маринѣ Осиповнѣ, глупостей–то не говорили.

МЕЛЬТОВА (*съ улыбкой*). Вы вѣчно ссоритесь, а кажется, друзья.

ЛИНЯЛОВА. Пойду сзывать нашихъ дамъ.

КАКАДУЛОВЪ. Да, да, пробарабаньте сборъ, это необходимо!

ЛИНЯЛОВА. Я съ вами не говорю. (*Идетъ къ дверямъ*).

КАКАДУЛОВЪ. Нѣтъ, послушайте! Одно словечко! (*Уходитъ за Линяловой*).

МЕЛЬТОВА. Тумильскій принесъ мнѣ свой гостинецъ (*поглаживаетъ на себѣ мантилью*), я его и задержала у себя въ кабинетѣ, долго съ нимъ говорила ... Помните, бѣдняжка, вздумалъ-было сначала немного пофанфаронить? (*смѣется*) а выходитъ премилый молодой человѣкъ! (*Реноевъ съ досадой щиплетъ свои бакенбарды*) такъ разсудителенъ, уменъ ... (*увидѣвъ входящихъ Берову и Эльфскую*). Хорошо, дѣти! только у Катеньки платье длинновато, со мной разъ былъ случай у князя ...

КАКАДУЛОВЪ, (*подводя къ ней жену*). Вотъ и Дуничка моя!

КАКАДУЛОВА, (*цѣлуя руку у Мельтовой*). Какъ вы, тетушка, хороши, нарядны!

МЕЛЬТОВА. Что мои старушечьи наряды! (*лукаво*). Ваше пунцовое платье ослѣпительно.

КАКАДУЛОВА (*жеманно поправляясь*). И просто, и мило.

(*Входятъ гости. Толпа нарядныхъ дамъ и кавалеровъ, потомъ Линялова. Мельтова привѣтливо встрѣчаетъ гостей; нѣкоторые остаются подлѣ нея, другіе составляютъ отдѣльныя группы.*)

Г-ЖА А. Какъ пріятно, Марина Осиповна, видѣть васъ здоровой!

Г-ЖА Б. Это просто восторгъ!

Г-ЖА А. Съ выздоровленіемъ вашимъ, мы всѣ, какъ-будто, ожили.

ЛИНЯЛОВА (*вбѣгаетъ запыхавшись*). Гусары, гусары!

XII.

ТѢЖЕ, ЗИНГЕРМАНЪ, СЕРПОВЪ и СЕМСКІЙ.

ЛИНЯЛОВА (*указываетъ гусарамъ на Мельтову*). Марина Осиповна! (*Гусары подходятъ къ Мельтовой.*)

ЗИНГЕРМАНЪ, (*раскланиваясь*). Ротмистръ Зингерманъ. (*Взявъ за руку Серпова*). Позвольте имѣть честь представить вамъ брата моего ... (*указываетъ на Семскаго*) поручикъ Семскій.

МЕЛЬТОВА. Очень рада; благодарю, что пожаловали ... (*Про себя, пристально смотря на Серпова*). Какое убійственное сходство!

ЛИНЯЛОВА (*суетливо*). Здѣсь тѣсно, Марина Осиповна, не лучше ли въ залу?

МЕЛЬТОВА (*гостямъ*). Прошу!

(*Реноевъ подаетъ ей руку; всѣ слѣдуютъ за ними, исключая Эльфской, Беровой и Серпова.*)

ЭЛЬФСКАЯ, (*пожимая руку Беровой*). Лиза, какъ я боюсь!

СЕРПОВЪ. Катерина Ѳедоровна, простите мою дерзость ... Я не могъ устоять противъ искушенія видѣть васъ.

ЭЛЬФСКАЯ (*съ улыбкой, качая головой*). Какая неосторожность!

СЕРПОВЪ. Какое счастье! я опять съ вами.

ЛИНЯЛОВА, (*вбѣгая торопливо*). Послушайте, mesdames!

ЭЛЬФСКАЯ, (*вздрогнувъ*). Ахъ!.. какъ вы меня испугали.

ЛИНЯЛОВА. Ничего, ничего; я только хочу вамъ посовѣтовать ...

БЕРОВА (*съ досадой*). Совѣтовъ у васъ никто не проситъ.

ЛИНЯЛОВА. Однако, я, по усердію моему къ вамъ...

БЕРОВА. Оставьте насъ въ покоѣ!

ЛИНЯЛОВА (*съ досадой*). Развѣ я васъ безпокою? Кажется, гостиная для всѣхъ. Но ... если я мѣшаю вамъ .. (*насмѣшливо приссѣдаетъ*) adieu! (*уходитъ*).

БЕРОВА. Несносная!

ЭЛЬФСКАЯ (*Серпову*). Знаете, что̀ меня мучитъ? Марина Осиповна посмотрѣла на васъ какъ-то очень странно.

СЕРПОВЪ. Развѣ по предчувствію? (*смѣясь, Беровой*) Какъ вы думаете, ma pétite tante?

БЕРОВА. Я думаю, намъ будетъ очень весело.

СЕРПОВЪ. Прекрасно! что касается до меня, я такъ счастливъ, такъ счастливъ ...

ЛИНЯЛОВА, (*вбѣгая*). Тише ... сюда идутъ!

БЕРОВА (*нетерпѣливо*). Вы опять къ намъ!.. Уйдемъ отъ нея, Катенька. (*Беретъ подъ руку Эльфскую и уходитъ съ нею*).

ЛИНЯЛОВА (*останавливаетъ на порогѣ Серпова, который также хотѣлъ уйти, и ведетъ его на авансцену*). На одну минуту, мосье Серповъ!

СЕРПОВЪ (*съ озадаченнымъ видомъ*). Зингерманъ, къ услугамъ вашимъ.

ЛИНЯЛОВА (*съ улыбкой грозитъ ему*). Полноте: я васъ знаю.

СЕРПОВЪ (*холодно*). Извините, въ первый разъ въ жизни имѣю честь васъ видѣть.

ЛИНЯЛОВА. Будьте спокойны, тайна ваша у меня тутъ ... (*показываетъ на сердце*) — я ни за что въ мірѣ не измѣню вамъ, мосье Серповъ.

СЕРПОВЪ (*нетерпѣливо*). Помилуйте, какой Серповъ?.. (*прислушивается*). Играютъ, кажется, кадриль!

ЛИНЯЛОВА (*присѣдая*). Угодно со мной?

СЕРПОВЪ. Къ несчастью, у меня есть дама. (*Уходитъ*).

ЛИНЯЛОВА (*сердито*) Вотъ и дѣлай людямъ одолженіе!.. даже кадрили протанцовать со мной не хотятъ. (*Съ угрозой*). Ну, такъ пускай же!.. (*пыхтя съ досады, кидается въ кресло*). Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!

XIII.

ЛИНЯЛОВА, КАКАДУЛОВЪ, потомъ **СЕМСКІЙ** и **ПОДРОСТОВЪ.**

КАКАДУЛОВЪ (*входитъ и садится подлѣ Линяловой*). Что это вы, Ульяна Андревна, однѣ, какъ оставленная Дидона?

ЛИНЯЛОВА. Напротивъ; со мной здѣсь любезничалъ гусаръ, просилъ на кадриль, да я не захотѣла.

СЕМСКІЙ (*выбѣгаетъ и торопливо обводитъ глазами комнату*). И тутъ нѣтъ!

КАКАДУЛОВЪ (*Семскому*). Вы кого-то ищете?

СЕМСКІЙ (*суетливо*). Такое несчастье! всѣ дамы ангажированы. .

КАКАДУЛОВЪ, (*указывая на Линялову*). А вотъ вамъ!

СЕМСКІЙ (*про себя*) Нѣтъ, это непохоже на даму. (*Поспѣшно убѣгаетъ*).

ЛИНЯЛОВА. Невѣжа!.. Ну, ужъ гусары! (*дѣлаетъ гримасу*).

(*Подростовъ входитъ и, не обращая вниманія на Линялову и Какадулова, задумчиво приближается къ авансценѣ*).

ЛИНЯЛОВА. А вы не танцуете, Семенъ Иванычъ?

ПОДРОСТОВЪ (*съ досадой*). Да какъ тутъ танцовать?... Я прошу Катерину Ѳедоровну на первую кадриль, а она мнѣ кинула словцо: «слѣдующихъ очень много!»

ЛИНЯЛОВА. И пошла съ гусаромъ, — а? (*смѣется*).

ПОДРОСТОВЪ. Нѣтъ, вы растолкуйте мнѣ, я, право, не понимаю... (*съ отчаяніемъ бьетъ себя по лбу*) слѣ-ду-ю-щихъ очень много!... Чортъ знаетъ, что это такое? (*Уходитъ*).

ЛИНЯЛОВА. Бѣдный Сеня! (*качаетъ головой*). Никто не знаетъ, какія тутъ штуки! .. пойду посмотрѣть.

КАКАДУЛОВЪ (*нѣжно*). Куда вы? посидите со мной; если угодно, будущую кадриль протанцуемъ вмѣстѣ.

ЛИНЯЛОВА. Съ удовольствіемъ.

КАКАДУЛОВЪ. Будемъ передавать другъ другу свои замѣчанія. Я знаю,—(*льстиво*) отъ вашихъ прелестныхъ глазокъ ничто не укроется.

ЛИНЯЛОВА (*кокетливо*). Надѣюсь!

КАКАДУЛОВЪ (*будто про себя*). Какая душка! .. (*вслухъ*). Однако, вы дайте мнѣ предметъ для наблюденій, — безъ вашего руководства, я, просто, пасъ.

ЛИНЯЛОВА. Ну, конечно, куда же вамъ?. Мнѣ самой это открылось случайно ... Помните, я вамъ говорила, въ цвѣтникѣ ... —

КАКАДУЛОВЪ. Когда васъ приняли за георгину—monstre?

ЛИНЯЛОВА. А! вы за старое! .. Смотрите, разсержусь, — такъ ничего не скажу.

КАКАДУЛОВЪ, (*дѣлая глазки*). И не говорите; вы однѣ для меня интересны, все прочее — пустяки!

ЛИНЯЛОВА, (*смѣясь*). Пустяки! .. Серповъ въ гостяхъ у Марины Осиповны, — развѣ это пустяки?

КАКАДУЛОВЪ, (*вскакивая съ мѣста*). Не можетъ быть? (*недовѣрчиво*). Гдѣ же онъ? кто его видѣлъ?

ЛИНЯЛОВА. Всѣ видѣли, да никто не знаетъ. (*Мечтательно*). Повѣрьте, гдѣ только любовь, тамъ вѣчно что-нибудь этакое ... (*поднимаетъ глаза кверху*).

КАКАДУЛОВЪ (*нетерпѣливо*). Какимъ же образомъ Серповъ ...

ЛИНЯЛОВА (*съ жаромъ*). Для любви нѣтъ ничего невозможнаго. Серповъ представился Маринѣ Осиповнѣ подъ именемъ Зингермана.

КАКАДУЛОВЪ. А! теперь понимаю. (*Радостно потираетъ руки*). Знаете, это большая дерзость! Если Марина Осиповна узнаетъ ...

ЛИНЯЛОВА. Избави Боже! (*мигая*). Достанется и Катеринѣ Ѳедоровнѣ. Конечно, мы будемъ молчать, намъ что за дѣло? ..

КАКАДУЛОВЪ (*лукаво*). Разумѣется. Мы только такъ, для своего удовольствія ... я сей-часъ приду за вами. (*Встророну*). Надобно скорѣе извѣстить объ этомъ Бориса Карпыча. (*Уходитъ*).

XIV.

ЛИНЯЛОВА, ЭЛЬФСКАЯ, БЕРОВА, СЕРПОВЪ и ТУМИЛЬСКІЙ.

ЭЛЬФСКАЯ, (*подбѣгая къ Линяловой*). Мы пришли за вами.

БЕРОВА. Что вы все тутъ сидите? безъ васъ и балъ не въ балъ.

СЕРПОВЪ (*тихо Тумильскому*). Сдѣлай одолженіе, уведи ее отсюда.

ТУМИЛЬСКІЙ (*Линяловой*). Позвольте просить васъ на слѣдующій танецъ (*подаетъ ей руку*).

СЕРПОВЪ, (*раскланиваясь*). А со мной третью кадриль...

ЛИНЯЛОВА, (*смѣясь, грозитъ Серпову*). Хорошо, хорошо.

(*Беретъ подъ руку Тумильскаго и уходитъ.*)

ЭЛЬФСКАЯ (*тревожно*). Ужасная женщина! и какъ она узнала?

БЕРОВА. Теперь не должно упускать ее изъ виду, а тамъ, балъ кончится, Алексѣй Павлычь уѣдетъ; тогда пускай себѣ болтаетъ ... кто ей повѣритъ?

СЕРПОВЪ. Да и чѣмъ она докажетъ, что я Серповъ, а не Зингерманъ?

БЕРОВА. Играютъ вальсъ, — пойдемте! (*Серпову*). Не забудьте провальсировать съ Линяловой.

СЕРПОВЪ. (*смѣясь*). Я заверчу ее до упаду. (*Уходитъ*).

(*Въ комнатѣ съ минуту пусто; изъ залы доходятъ звуки вальса.* — Какадулова, Зингерманъ; потомъ, Реноевъ и Какадуловъ).

КАКАДУЛОВА (*вбѣгаетъ и кидается въ кресло*). Нѣтъ, больше не могу, устала!

ЗИНГЕРМАНЪ. Еще одинъ турикъ!

КАКАДУЛОВА. Нѣтъ, нѣтъ! ноги отнялись! (*жеманно выставляетъ ноги*).

ЗИНГЕРМАНЪ, (*наклоняясь*). Очаровательная ножка!

КАКАДУЛОВЪ, (*смѣясь входитъ съ Реноевымъ, но, увидѣвъ жену съ Зингерманомъ, въ смущеніи подбѣгаетъ къ ней*). Дуничка! ты здѣсь?

КАКАДУЛОВА (*насмѣшливо*). Вотъ тоже вопросъ!.. (*Зингерману*). Я отдохнула, — пойдемте. (*Подпрыгивая, уходитъ съ Зингерманомъ*).

КАКАДУЛОВЪ (*съ злостью, смотря имъ вслѣдъ*). Эти балы... самъ чортъ ихъ выдумалъ,! и что за радость безтолковой старухѣ давать балы? Просто, развращеніе!

РЕНОЕВЪ. О! да вы настоящій Отелло.

КАКАДУЛОВЪ. Нѣтъ, не то, — я люблю порядокъ; мнѣ не нравится эта ералашь, суматоха... (*съ жаромъ*) Борисъ Карпычъ, зачѣмъ терять время? кинемъ скорѣе бомбу среди праздника!

РЕНОЕВЪ. Нѣтъ, подождите; къ концу бала, я подвернусь къ ней съ извѣстіемъ о Серповѣ.

КАКАДУЛОВЪ. Не забудьте приплести и Катерину Ѳедоровну.

РЕНОЕВЪ. Еще бы! вы знаете, старуха осмотрѣлась, что завѣщаніе мужа ея, въ пользу Серпова, исчезло; можете судить, какъ это ее безпокоитъ! Вотъ я и скажу, что завѣщаніе подхватила у нея Катерина Ѳедоровна и передала Серпову.

КАКАДУЛОВЪ. Превосходно!

РЕНОЕВЪ. Скажу, что Серповъ явился сюда съ намѣреніемъ обнаружить, передъ всѣми, утайку завѣщанія; скажу, что къ концу бала приготовляется для нея ужасная сцена ... А? каково? (*смѣется*).

КАКАДУЛОВЪ. Превосходно! ... О, вы человѣкъ, какихъ мало! (*съ восторгомъ его обнимаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Балъ. Всѣ дѣйствующія лица на сценѣ. Зала освѣщена и убрана цвѣтами и оранжерейными деревьями. На хорахъ музыканты. При поднятіи завѣсы слышны послѣднія такты вальса. — Музыка умолкаетъ; дамы и кавалеры расходятся по залѣ. Лакеи разносятъ мороженое. Изъ боковой двери выходитъ *Мельтова*, съ утомленнымъ видомъ.

I.

ЭЛЬФСКАЯ, (*подбѣгая къ Мельтовой*). Вы устали, maman?

МЕЛЬТОВА (*съ улыбкой.*) Нѣтъ! съ чего ты взяла?

ЛИНЯЛОВА, (*цѣлуя въ плечо Мельтову*). А мы танцуемъ до упаду.

КАКАДУЛОВА, (*обмахиваясь вѣеромъ*). Нигдѣ мы такъ не веселимся, какъ у васъ, тетушка!

Г–ЖА А. Еще бы! восхитительная хозяйка, чудесный домъ...

Г–ЖА Б. Нечего и говорить; хозяйка дивная женщина.

КАКАДУЛОВЪ (*тихо Реноеву, указывая глазами на Мельтову*). Какъ блѣдна! Теперь, самое время.

РЕНОЕВЪ (*Мельтовой*). Позвольте, у меня есть къ вамъ дѣло.

МЕЛЬТОВА (*съ улыбкой*). Дѣло — завтра.

РЕНОЕВЪ (*настойчиво*). Одну минуту, прошу васъ! (*даетъ ей руку и уводитъ въ боковую дверь.*)

ПОДРОСТОВЪ, (*рисуясь, выходитъ на средину залы и кричитъ музыкантамъ*). Кадриль, кадриль!

ЛИНЯЛОВА (*Какадулову*). Хотите со мной кадриль?

КАКАДУЛОВЪ (*съ комическимъ поклономъ*). Никакъ нѣтъ–съ! и вамъ не совѣтую.

ЛИНЯЛОВА (*про себя*). Дуракъ! .. (*подбѣгая къ Серпову*). Алексѣй Павлычъ, вы танцуете?

СЕРПОВЪ. Къ сожалѣнію, — но я вамъ найду кавалера. (*Обращается къ Семскому, который хочетъ уйти, и, схвативъ его за руку, подводитъ къ Линяловой.*

Танцуютъ кадриль. Въ половинѣ второй фигуры, Реноевъ выбѣгаетъ изъ боковой двери, и энергическими жестами останавливаетъ музыку. Все приходитъ въ

безпорядокъ. — Реноева окружаютъ съ любопытствомъ.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ ВЪ ЗАЛѢ. Что это значитъ? — Что случилось?

РЕНОЕВЪ (*суетливо*). Маринѣ Осиповнѣ дурно, очень дурно! ... гдѣ докторъ?

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ. Докторъ, докторъ!

ДОКТОРЪ, (*проталкиваясь*) Я, я! .. (*Уходитъ съ Реноевымъ. За ними толпятся въ боковую дверь Эльфская, Линялова, Берова, Серповъ, Тумильскій и Какадуловъ. Остаются на сценѣ: Г–жа А., Г–жа Б., Какадулова, Подростовъ. Другіе гости группами разсѣяны по залѣ, у всѣхъ встревоженный видъ.*

Г–ЖА Б. Пришлось–таки Маринѣ Осиповнѣ поплатиться за старые грѣхи.

Г–ЖА А. Это ужасъ! умереть безъ покаянія!

КАКАДУЛОВА. Умереть на балѣ!

Г–ЖА Б. Мнѣ всегда противна была страсть Марины Осиповны къ нарядамъ.

Г–ЖА А. Да; бывало, нарядится, какъ двадцатилѣтняя дѣвушка: ленты, цвѣты ... (*насмѣшливо пожимаетъ плечами*).

II.

ТѢ ЖЕ, ЛИНЯЛОВА.

ЛИНЯЛОВА, (*выбѣгая изъ боковой двери*). Вотъ вамъ и похороны послѣ бала!

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ГОСТЕЙ. Ахъ Боже мой!

ДРУГІЕ. Какой ужасъ!

КАКАДУЛОВА (*съ притворнымъ отчаяніемъ*). Неужели тетушка умерла!

ЛИНЯЛОВА. Говорю вамъ, лежитъ, какъ мертвая.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ (*въ углубленіи сцены*). Воды, воды! ....

Юліи Ивановнѣ дурно! — Съ Дарьей Петровной обморокъ! (*Одну даму уносятъ, другую уводятъ подъ руки*).

Г–ЖА А, (*осматриваясь*). Жоржъ, Жоржъ! ... Гдѣ онъ?

Г-НЪ А. (*выходитъ изъ толпы*). Здѣсь, душа моя.

Г-ЖА А. Я хочу ѣхать, сію-минуту.

Г-НЪ А. Подожди, я прежде поужинаю.

Г-ЖА А. (*съ досадой*). Я ни минуты здѣсь не останусь.

Г-НЪ А. (*флегматически*). А я останусь до завтра; — не хорошо уѣхать такъ, безъ всякаго участія къ Маринѣ Осиповнѣ.

Г-ЖА А. Какое тутъ участіе! Я берегу свои нервы; нервы мнѣ всего дороже,—я обязана беречь свои нервы! ... (*Оглядываясь, кричитъ*). Анетъ, гдѣ ты? (*Скрывается въ толпѣ*).

(*Суматоха. Всѣ бѣгутъ къ дверямъ*).

ИЗЪ ТОЛПЫ ГОЛОСА: Надинька, Вольдемаръ, Клери, Дуня, Дуничка! ... и пр.

III.

Остаются **КАКАДУЛОВА, ЗИНГЕРМАНЪ**, потомъ **КАКАДУЛОВЪ**.

ЗИНГЕРМАНЪ, (*поднимая съ полу цвѣтокъ*). Неожиданная развязка бала!

КАКАДУЛОВА. Только не для меня (*хвастливо*): я получаю наслѣдство.

ЗИНГЕРМАНЪ. А! поздравляю.

КАКАДУЛОВА. Мнѣ въ обморокъ падать нечего. (*Смѣется*) Слышали, какъ Лерхова сердилась на дочь?

ЗИНГЕРМАНЪ, (*смѣясь*). Кричала на весь домъ: (*перемѣняетъ голосъ*) Дуня, Дуничка!

КАКАДУЛОВА (*лукаво*). Ка – а – акъ? (*Какадуловъ тихонько входитъ и прислушивается.*)

ЗИНГЕРМАНЪ, (*приложивъ руку къ сердцу.*) Эдокси, Дуня, Дуничка!

КАКАДУЛОВА (*съ улыбкой.*) Повторите! еще.

ЗИНГЕРМАНЪ (*страстно.*) Дуничка, Дуничка! *падаетъ передъ ней на колѣни. Какадуловъ быстро приближается. — Зингерманъ отскакиваетъ.*)

КАКАДУЛОВА (*съ холодной улыбкой.*) Однако слышенъ нѣмецкій выговоръ. — не правда ли, Люкъ? (*Какадуловъ сурово смотритъ на Зингермана.*)

ЗИНГЕРМАНЪ, (*покручивая усы, подходитъ къ Какадулову.*) Если хотите мнѣ что сказать ... (*выразительно*) я готовъ.

КАКАДУЛОВЪ (*съ замѣшательствомъ.*) Нѣтъ, милостивый государь, вамъ ничего ... ровно ничего! вотъ, Дуничкѣ моей, другое дѣло. (*Сердито беретъ за руку жену, которая, уходя, съ улыбкой мигаетъ Зингерману.*)

ЗИНГЕРМАНЪ. (*одинъ*) Хорошо Дуничка играетъ въ любовь! тотчасъ нашлась: нѣмецкій выговоръ ... (*смѣется.*) Очень ловко!

IV.

ЗИНГЕРМАНЪ и ЛИНЯЛОВА.

ЛИНЯЛОВА, (*выглядывая изъ-за двери.*) Кто тамъ ?... (*выходитъ.*) Вы одни, ротмистръ?

ЗИНГЕРМАНЪ, (*кланяясь.*) Съ вами.

ЛИНЯЛОВА Скажите, какая жалость! давно ли тутъ танцовали ?... а теперь, ни гостей, ни музыки, — (*грозитъ ему.*) Все это вы надѣлали.

ЗИНГЕРМАНЪ (*съ удивленіемъ.*) Я ? !

ЛИНЯЛОВА. Разумѣется, вы. Марина Осиповна, какъ узнала, что Серповъ здѣсь, такъ ее и хлопнуло, будто пулей въ сердце.

ЗИНГЕРМАНЪ, (*въ смущеніи.*) Въ самомъ дѣлѣ ?... Я этого и не подозрѣвалъ. (*Съ досадой.*) Хотѣлъ бы я знать, какимъ образомъ это открылось?

ЛИНЯЛОВА, (*махнувъ рукой.*) Это ужъ все равно.

ЗИНГЕРМАНЪ (*нахмуривъ брови.*) Нѣтъ, не все равно; я бы проучилъ негодныхъ, которые. ...

ЛИНЯЛОВА, (*отступая отъ него.*) Да здѣсь вѣчныя сплетни! Я вамъ скажу, люди злы, чужой не попадайся — загрызутъ.

V.

СЕРПОВЪ, ЗИНГЕРМАНЪ, ЛИНЯЛОВА, потомъ ЭЛЬФСКАЯ.

СЕРПОВЪ (*Зингерману.*) Ты слышалъ ?... Я въ отчаяніи.

ЗИНГЕРМАНЪ. Напрасно; получая такое наслѣдство ...

СЕРПОВЪ. Богъ съ нимъ, съ этимъ наслѣдствомъ!

ЗИНГЕРМАНЪ. Пустое, братъ.

ЛИНЯЛОВА. Нѣтъ, нѣтъ! пренепріятная исторія! Марина Осиповна, говорятъ, кричала: «Серповы меня убили, — убили всю жизнь мою!» ... и упала замертво. Всѣ васъ обвиняютъ, — уѣзжайте скорѣе отсюда.

СЕРПОВЪ. Ни-за-что не уѣду.

ЗИНГЕРМАНЪ, (*пожимая ему руку*). Разумѣется.

(*Эльфская бѣжитъ черезъ залу,—Серповъ и Линялова останавливаютъ ее.*)

ЭЛЬФСКАЯ, (*показывая рецептъ.*) Надобно отправить въ аптеку.

ЛИНЯЛОВА (*вырываетъ у нея изъ рукъ рецептъ.*) Дайте мнѣ, я мигомъ распоряжусь. (*Убѣгаетъ.*)

СЕРПОВЪ (*Эльфской, которая хочетъ идти.*) Одну минуту!

ЭЛЬФСКАЯ. Ахъ, Алексѣй Павлычъ, какое происшествіе!

СЕРПОВЪ. Умоляю васъ, дайте мнѣ слово, что бы ни случилось въ будущемъ ...

ЭЛЬФСКАЯ. Оставимъ будущее; настоящее такъ ужасно!... (*плачетъ.*) Марина Осиповна не показываетъ ни малѣйшаго признака жизни. Прощайте! (*протягиваетъ ему руку.*)

СЕРПОВЪ, (*пожимая ее.*) Я несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, если вы забудете ...

ЭЛЬФСКАЯ. О, никогда!.. (*Убѣгаетъ*).

ЗИНГЕРМАНЪ, (*провожая ее глазами*). Эта не похожа на Дуничку.

СЕРПОВЪ (*съ отчаяніемъ*). Я съ ума сойду! — Боже мой, чѣмъ все это кончится?

VI.

ТѢЖЕ, РЕНОЕВЪ, КАКАДУЛОВЪ, КАКАДУЛОВА, ЛИНЯЛОВА, ТУМИЛЬСКІЙ и нѣсколько гостей.

РЕНОЕВЪ (*Серпову*). Извините, если, по дружбѣ моей къ хозяйкѣ дома, я напомню вамъ, что присутствіе ваше здѣсь...

СЕРПОВЪ (*вспыльчиво*). Не ваше дѣло! Марина Осиповна мнѣ родная тетка...

РЕНОЕВЪ (*насмѣшливо*). Отъ которой вы ожидаете наслѣдства? Это и видно по вашему фантастическому появленію. Вы не ошиблись, расчитывая, что Марина Осиповна не перенесетъ такой пріятной нечаянности.

СЕРПОВЪ (*съ негодованіемъ*). И вы смѣете...

РЕНОЕВЪ, (*указывая на другихъ*). Это общее мнѣніе.

ТУМИЛЬСКІЙ. Вы можете говорить за себя, но не за другихъ. — (*вопросительно на всѣхъ смотритъ*) Не такъ ли, господа?

Г-нъ А. (*съ замѣшательствомъ*). Почтенный Борисъ Карпычъ выразился немного ... жестко.

Г-нъ Б. (*съ важностью, открывая табакерку*). По моему, во всемъ этомъ главное,— случай, hasard.

Г-нъ А. Не въ натурѣ вещей, чтобъ Алексѣй Павлычъ могъ расчитывать...

СЕРПОВЪ. Расчитывать!.. Я формально отказываюсь отъ правъ моихъ на это наслѣдство.

КАКАДУЛОВЪ. Вотъ это деликатно и благородно!

РЕНОЕВЪ (*колко*). И совершенно согласно съ желаніемъ Марины Осиповны.

СЕРПОВЪ (*холодно*). Тѣмъ лучше. Мы еще будемъ имѣть время съ вами объ этомъ поговорить; я—вопреки вашему совѣту — остаюсь здѣсь.

РЕНОЕВЪ (*смягчая тонъ*). Я очень радъ. Признаюсь, въ первыя минуты, я слишкомъ увлекся участіемъ моимъ къ Маринѣ Осиповнѣ, но теперь нахожу, что вамъ нельзя и не должно оставлять вашу тетушку, въ этомъ положеніи.

СЕРПОВЪ. Это до васъ не касается, — вы здѣсь не хозяинъ.

РЕНОЕВЪ (*про себя*). Увидимъ завтра!

(*Серповъ, Зингерманъ, Тумильскій уходятъ*).

ЛИНЯЛОВА. Ну, балъ! сплетни да ссоры...

КАКАДУЛОВЪ. Благодаря вашему тонкому слуху и чудесному превращенію въ георгину - monstre...

ЛИНЯЛОВА. Вотъ и дѣлай вамъ одолженіе!.. если такъ — прощайте!

КАКАДУЛОВЪ, (*раскланиваясь*). Спокойной почи, послѣ трудовъ!

(*Линялова уходитъ*).

(*Лакеи тушатъ огни, исключая одной лампы, и уходятъ*).

КАКАДУЛОВЪ. Дуничка, иди спать.

КАКАДУЛОВА, (*жеманясь*). Я боюсь; проводи меня, Люкъ. (*Въ полголоса*). Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

КАКАДУЛОВЪ, (*отводя ее всторону*). Знаю, душечка, будь покойна; я похлопочу для тебя о брилліантахъ и другихъ вещахъ Марины Осиповны. Иди же, иди въ свою комнату.

КАКАДУЛОВА, (*надувшись, отходитъ отъ него*). Что ты меня гонишь? я подожду здѣсь.

РЕНОЕВЪ (*тихо Какадулову*). Мы съ вами послѣ. (*Громко*). Проводите же вашу супругу.

КАКАДУЛОВЪ (*съ гримасой подаетъ женѣ руку*). Я тотчасъ приду, Борисъ Карпычъ.

КАКАДУЛОВА, (*пожимая руку Реноеву*). Благодарю васъ за участіе въ добромъ дѣлѣ. Люкъ мнѣ говорилъ, что духовная сдѣлана въ нашу пользу,— я васъ за это обожаю, Борисъ Карпычъ!

(*Уходитъ съ мужемъ*).

РЕНОЕВЪ (*одинъ, насмѣшливо*). Обожать себя я позволяю, но къ наслѣдству никого не допущу! Стара штука! дѣлиться тѣмъ, что́ можно взять себѣ одному. Нѣтъ, друзья мои, прочь съ дороги!.. Докторъ сказалъ, старуха не доживетъ до утра. Я превосходно обработалъ мои дѣлишки.

VII.

РЕНОЕВЪ и КАКАДУЛОВЪ, потомъ ЛИНЯЛОВА.

КАКАДУЛОВЪ (*съ улыбкой, подходя къ Реноеву*). Теперь мы можемъ прочитать духовную.

РЕНОЕВЪ (*про себя*). Какъ-бы не такъ! (*Вслухъ, съ разсѣяннымъ видомъ*). Духовная у меня.

КАКАДУЛОВЪ. Покажите, пожалуйста.

РЕНОЕВЪ (*задумчиво*). Жаль мнѣ старуху!

КАКАДУЛОВЪ. Добрая была покойница.

РЕНОЕВЪ. Покойница!.. что́ вы? Богъ дастъ, она еще выздоровѣетъ.

КАКАДУЛОВЪ (*съ удивленіемъ*). Я васъ не понимаю.

РЕНОЕВЪ. Мы слишкомъ круто взялись за дѣло ... (*вздыхаетъ*) Признаюсь, меня совѣсть мучитъ.

КАКАДУЛОВЪ (*про себя*). Вотъ дуракъ! (*Вслухъ*). Я вамъ скажу, это не совѣсть, а такъ ... маленькое недоразумѣніе.

(*Реноевъ печально качаетъ головой*).

КАКАДУЛОВЪ. Вотъ увидите, похоронимъ старушку, подѣлимся, какъ вы говорили, по-братски ..

РЕНОЕВЪ. Да, я говорилъ ей, по совѣту вашему ... больно вспомнить! (*съ отчаяннымъ жестомъ кидается въ кресло и задумывается*).

КАКАДУЛОВЪ (*тревожно, про себя*). Съ ума сошелъ, бездѣльникъ! Однако, это плохо.

(*Въ эту минуту Линялова, въ ночномъ чепцѣ и пеньюарѣ, съ ридикюлемъ въ рукахъ, пробирается къ боковой двери*).

КАКАДУЛОВЪ. Куда вы, Ульяна Андревна?

ЛИНЯЛОВА. Развѣ не видите?

КАКАДУЛОВЪ. Въ это время, всѣ добрые люди спятъ.

ЛИНЯЛОВА. Однако, вы не спите. Грѣшно было бы мнѣ оставить Марину Осиповну, при ея послѣднихъ минутахъ.

(*Уходитъ*).

РЕНОЕВЪ, (*про себя*). Хоть бы кто нибудь меня отъ него избавилъ! (*Украдкой посматриваетъ на Какадулова*).

КАКАДУЛОВЪ, (*про себя*). Не хочетъ ли онъ меня надуть? не на такого напалъ! (*Вслухъ*). Полно вамъ, Борисъ Карпычъ! что сдѣлано, то сдѣлано. Давайте читать духовную, для развлеченія.

РЕНОЕВЪ (*разсѣянно*). Духовная у меня, я вамъ сказалъ. (*Принимаетъ задумчивый видъ*).

КАКАДУЛОВЪ (*дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ*). Что же это такое? вы смѣетесь надо мной!

VIII.

ТѢ ЖЕ; КАКАДУЛОВА, въ кокетливомъ неглиже.

КАКАДУЛОВА. Люкъ, Лю-у-къ, ты здѣсь?

КАКАДУЛОВЪ (*съ досадой, про себя*). Нелегкая принесла! (*Вслухъ*). Что тебѣ, Дуня?

КАКАДУЛОВА. Мнѣ страшно. Послушай (*отводитъ его встороиу*).

КАКАДУЛОВЪ (*сердито шепчетъ ей*). Ты мнѣ вездѣ мѣшаешь, вездѣ портишь!

КАКАДУЛОВА. Въ самомъ дѣлѣ? (*Съ улыбкой*). Очень рада.

КАКАДУЛОВЪ. Убирайся отсюда! прилично-ли женщинѣ въ такомъ костюмѣ ...

КАКАДУЛОВА. Глупости! вы бы лучше молчали о томъ, чего не понимаете.

КАКАДУЛОВЪ (*нетерпѣливо*). Говори скорѣе, зачѣмъ пришла?

КАКАДУЛОВА (*беретъ его подъ руку*). Не забудь, что кромѣ тетушкиныхъ брилліантовъ, я хочу ...

КАКАДУЛОВЪ. Знаю, знаю, не безпокойся, — иди спать.

КАКАДУЛОВА (*зѣвая*). А если я не хочу спать? (*Садится въ кресло*).

КАКАДУЛОВЪ. Это ни на что не похоже! Борисъ Карпычъ и я заняты дѣломъ.

КАКАДУЛОВА (*жеманно, положивъ голову на спинку кресла*). Борисъ Карпычъ, я вамъ мѣшаю?

РЕНОЕВЪ (*привѣтливо*). Какъ можно! Помилуйте.

КАКАДУЛОВА (*мужу*). Видишь? .. (*Реноеву*). Пожалуйста, Борисъ Карпычъ, не обращайте на меня никакого вниманія.

РЕНОЕВЪ. Не обращать на васъ вниманія, — развѣ это возможно?

КАКАДУЛОВА. Безъ комплиментовъ, — продолжайте свое дѣло, я не буду слушать, — буду дремать ... (*зѣвая, протягиваетъ ноги*) Какое покойное кресло!

РЕНОЕВЪ. Какія хорошенькія у васъ туфли!

КАКАДУЛОВА (*съ гримасой*). Настоящіе лапти!

IX.

ТѢ ЖЕ; ПОДРОСТОВЪ, въ халатѣ и шапочкѣ; потомъ **ЛИНЯЛОВА.**

ПОДРОСТОВЪ (*торопливо*). Говорятъ, бабушка скончалась? .. (*Увидѣвъ Какадулову*). Pardon, Авдотья Дмитріевна! (*отступаетъ къ дверямъ*).

КАКАДУЛОВА. Ничего, ничего, останьтесь! что за церемоніи, теперь?... (*кокетливо*). Какіе вы смѣшные въ шапочкѣ!

ПОДРОСТОВЪ. Въ самомъ дѣлѣ? (*про себя*) Понимаемъ-съ! (*съ довольнымъ видомъ подходитъ къ зеркалу*).

ЛИНЯЛОВА (*вбѣгаетъ съ крикомъ*). Пришла въ чувство! здорова, совсѣмъ здорова!.. толкнула Агафью такъ, что та чуть не упала.

КАКАДУЛОВА. Тетушка?
ПОДРОСТОВЪ. Бабушка? } *вмѣстѣ.*

РЕНОЕВЪ (*съ сердцемъ*). Пустяки! .. (*бѣжитъ къ дверямъ, за нимъ и другіе*).

ЛИНЯЛОВА. Потѣха мнѣ съ этой исторіей! только-что прокричатъ: Марина Осиповна умираетъ, умерла! .. старуха встаетъ и метлой наслѣдниковъ изъ дому (*смѣется*).

X.

ЛИНЯЛОВА, АГАФЬЯ.

АГАФЬЯ (*входитъ съ отчаяннымъ видомъ*). Господи, помилуй насъ! барыня — живой мертвецъ, даже Борисъ Карпычъ перепугались. Кинулась было на меня, словно бѣсноватая ... (*утираетъ фартухомъ глаза*). Вѣдь это соблазненіе! тѣло безъ души движется, не своей силой ... (*поспѣшно опускаетъ фартухъ на карманъ, къ которому Линялова присматривается*). Горе намъ, грѣшнымъ!

ЛИНЯЛОВА (*лукаво*). Видно и карманъ твой, Агафьюшка, съ горя надулся.

АГАФЬЯ. Карманъ мой, извѣстно, карманъ служительскій ... Вы бы лучше, сударыня, смотрѣли на свой ридикюль! (*сердито махнувъ рукой, уходитъ*).

ЛИНЯЛОВА. Дура! .. (*вынимаетъ изъ ридикюля часы*). Эти часы точно заколдованные: дотронешься до нихъ, старуха оживетъ!. вотъ ужъ другой разъ. Теперь, плохо придется Реноеву, Горошку, Агафьѣ ... Я этому очень рада. Конечно, и мнѣ не безъ убытка, — (*смотритъ на часы и прячетъ ихъ въ ридикюль*) часики хороши! Пойти, (*со вздохомъ*) положить опять на мѣсто!

XI.

ЛИНЯЛОВА, РЕНОЕВЪ, КАКАДУЛОВЪ и ДОКТОРЪ.

ЛИНЯЛОВА. Что, докторъ, Марина Осиповна встала?

КАКАДУЛОВЪ (*съ живостью*). Какое встала! опять безъ чувствъ и движенія.

ЛИНЯЛОВА. Скажите! (*проворно прячетъ часы въ ридикюль*).

РЕНОЕВЪ (*со вздохомъ*). Но, я все еще не теряю надежды.

ДОКТОРЪ. Помилуйте, нервическій припадокъ поразилъ мозгъ, — какая тутъ надежда! говорю вамъ, память и разсудокъ навсегда потеряны.

КАКАДУЛОВЪ. Однако, тетушка будетъ жить?

ДОКТОРЪ. Автоматически; помните Лужова? та же самая исторія.

РЕНОЕВЪ (*расправляя бакенбарды*). Это прискорбно.

КАКАДУЛОВЪ. Быть глухой и нѣмой!.. по-моему, лучше умереть.

ДОКТОРЪ, (*пожимая плечами*). Покрайней мѣрѣ, такая жизнь выводитъ за черту житейскихъ страданій. Марина Осиповна тихо, безсознательно, перейдетъ въ вѣчность.

ЛИНЯЛОВА. Между тѣмъ, кто нибудь долженъ имѣть о ней попеченіе.

РЕНОЕВЪ. Безъ сомнѣнія.

КАКАДУЛОВЪ. Слава Богу, я не чужой Маринѣ Осиповнѣ.

ДОКТОРЪ, (*раскланиваясь*). До свиданья!

РЕНОЕВЪ. Куда же вы такъ спѣшите?

ДОКТОРЪ. У меня есть пацiенты, которымъ я необходимъ, а здѣсь ... Марина Осиповна, можетъ быть, завтра встанетъ съ постели, сонъ ея крѣпокъ и покоенъ; физическія силы быстро возвратятся, — я надѣюсь, со временемъ, она будетъ слышать и говорить, но тутъ ... (*указываетъ на лобъ*) все кончено. Мое почтенье!

(*Уходитъ, за нимъ и Реноевъ*).

ЛИНЯЛОВА (*съ удивленіемъ*). Марина Осиповна сумасшедшая! .. я этому рѣшительно не вѣрю.

КАКАДУЛОВЪ. Не вѣрите? .. поставьте себя на ея мѣсто, — напримѣръ, еслибъ вы онѣмѣли, — а? непремѣнно съ ума бы сошли.

(*Уходитъ*).

ЛИНЯЛОВА. Типунъ тебѣ на языкъ, противный врунъ! какимъ бы это образомъ могла я онѣмѣть? органъ голоса у меня звучный и сильный; языкъ устроенъ какъ-то особенно — всѣ мнѣ говорятъ, да я и сама это чувствую ...

XII.

ЛИНЯЛОВА, ЭЛЬФСКАЯ и БЕРОВА.

БЕРОВА. Катенька, другъ мой, перестань плакать.

ЭЛЬФСКАЯ, (*всхлипывая*). Бѣдная maman! глаза ея остановились на мнѣ съ такимъ выраженіемъ ... (*прижимаетъ руки къ груди*). О, еслибъ я могла объяснить ей! чтобъ она не думала ...

ЛИНЯЛОВА. Развѣ сумасшедшіе думаютъ?

ЭЛЬФСКАЯ. Съ этихъ поръ, я посвящу ей всю жизнь мою, буду за ней ухаживать, не спать почей ..

ЛИНЯЛОВА. Но вы не знаете, Серповъ отказался отъ наслѣдства.

ЭЛЬФСКАЯ. Слава Богу! на его мѣстѣ я сдѣлала бы тоже.

БЕРОВА. Разумѣется. Послѣ того, что случилось...

ЛИНЯЛОВА. У, какія тутъ пойдутъ перемѣны!

ЭЛЬФСКАЯ. У меня съ Мариной Осиповной будетъ всегда одно и тоже.

ЛИНЯЛОВА. О Маринѣ Осиповнѣ отложите попеченіе, и безъ васъ будетъ кому за ней присмотрѣть. Что вы себѣ взяли въ голову? въ

ваши лѣта, запереться съ сумасшедшей старухой, отказаться отъ всѣхъ удовольствій, — полноте! .. Посидите мѣсяцъ, другой, а тамъ, опять захочется надѣть (*указываетъ на ея платье*) такое же платье, цвѣты ...

ЭЛЬФСКАЯ (*вздрогнувъ*). Никогда! .. для меня нѣтъ ни цвѣтовъ, ни радостей на свѣтѣ! (*Срываетъ съ головы и корсажа цвѣты, и кидаетъ на полъ*). Съ этихъ поръ, я должна жить для одной Марины Осиповны.

ЛИНЯЛОВА. Вы и не воображаете, что вамъ скоро придется уѣхать отсюда. Марина Осиповна завѣщала все Реноеву.

БЕРОВА (*въ изумленіи*). Что вы говорите?.. неужели и Поляны?

ЛИНЯЛОВА. Все, безъ исключенія. Теперь, Борисъ Карпычъ полный господинъ въ домѣ.

ЭЛЬФСКАЯ. Мнѣ все равно, лишь-бы быть съ Мариной Осиповной.

ЛИНЯЛОВА. Борисъ Карпычъ рѣшительно сказалъ, что не позволитъ вамъ здѣсь остаться.

ЭЛЬФСКАЯ (*съ отчаяніемъ, всплеснувъ руками*). Мнѣ ... не позволитъ?

БЕРОВА (*съ знаками сильнаго негодованія*). Не позволитъ?

Вмѣстѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Въ домѣ Мельтовой. Гостиная, та же, что въ 3 дѣйствіи.

I

АГАФЬЯ и ГОРОШЕКЪ.

АГАФЬЯ. Такая-то вышла у насъ оказія.

ГОРОШЕКЪ (*подсмѣиваясь*). А вы опубликовали въ кухнѣ, что барыня скончалась!

АГАФЬЯ. Ктожъ ее зналъ? лежала, словно, мертвая. Разъ, только, помните, тогда, при гостяхъ, выхватила изъ рукъ стаканъ и бряк-нула объ полъ!... Послѣ того, день, другой, ни чувства, ни движенія; вдругъ, смотрю — барыня моя поднялась съ постели ... я такъ и обомлѣла.

ГОРОШЕКЪ. Глухонѣмая и сумасшедшая, — чегожъ тутъ бояться?

АГАФЬЯ (*съ жаромъ*). Тарелку бульону скушала! Знаете, сумленіе находитъ: — здоровье воротилось, неровно и ума зацѣпитъ.

ГОРОШЕКЪ. Будьте спокойны; еслибъ это могло случится, Борисъ Карпычъ не попадетъ въ просакъ, — хитрѣйшій человѣкъ! Наслѣдники, какъ ни вертись, Поляны отъ нихъ ускользнули. Мы – то съ вами кое – что знаемъ ... (*подмигиваетъ*). Скажи я Какадулову, какимъ образомъ совершена духовная, — гмъ, важная бы вышла гисторія!

АГАФЬЯ. Попробуйте сказать, — Борисъ Карпычъ васъ, просто, задушитъ.

ЭЛЬФСКАЯ, (*полурастворивъ боковую дверь*). Агафья, супъ Маринѣ Осиповнѣ! (*затворяетъ дверь*).

АГАФЬЯ. Подождетъ!

ГОРОШЕКЪ. Жаль мнѣ Катерины Ѳедоровны: въ духовной о ней совсѣмъ забыли

АГАФЬЯ. И хорошо сдѣлали. Прилично ли ей, барышнѣ, заниматься непостоянствомъ!

ГОРОШЕКЪ. Какимъ-такимъ !... Первый разъ слышу!

АГАФЬЯ. Влюбилась въ Серпова; начала въ тихомолку, а тамъ, безъ зазрѣнія совѣсти, назначила ему свиданіе на балѣ.

ГОРОШЕКЪ (*съ восторгомъ*). Молодецъ — барышня!

II.

ТѢЖЕ; ЛИНЯЛОВА въ манто и шляпкѣ.

ЛИНЯЛОВА. Здравствуйте, друзья мои! кто у васъ есть?

АГАФЬЯ. Никого, слава Богу! гости намъ до смерти надоѣли.

ЛИНЯЛОВА (*снимая манто и шляпку*). Берова, Тумильскій здѣсь?

АГАФЬЯ. Лизавета Николавна поѣхала извѣстить свою бабушку о болѣзни Марины Осиповны.

ГОРОШЕКЪ (*съ жаромъ, перебивая*). Изволили слышать, завтра будетъ вводъ во владѣніе нашего новаго господина?

ЛИНЯЛОВА. Знаю, знаю. Еслибъ я хотѣла, могла бы тоже, по примѣру другихъ, — (*дѣлаетъ жестъ рукой*) но, я женщина благородная; я довольна тѣмъ, что получила отъ Марины Осиповны, на память (*показываетъ часы у себя на кушакѣ*).

АГАФЬЯ, (*всплеснувъ руками*). Вотъ они гдѣ!.. мои, то есть ба-

рынины часики. (*Съ жадностію смотритъ на часы*). А я ихъ искала, искала,—отдайте, сударыня!

ЛИНЯЛОВА. Съ ума ты сошла! Марина Осиповна мнѣ подарила.

ЭЛЬФСКАЯ, (*выглянувъ изъ дверей*). Агафья, супъ! пожалуйста, скорѣе! (*затворяетъ дверь*).

АГАФЬЯ. Только и знаютъ, что супъ да супъ! (*звонитъ, входитъ лакей*).

АГАФЬЯ, (*повелительно*). Супъ для барыни!

ЛАКЕЙ (*небрежно*). Еще звонитъ!.. и сама сходишь! (*уходитъ*).

ЛИНЯЛОВА (*Горошку*). Хорошъ у васъ порядокъ!

ГОРОШЕКЪ. Знаете, такое время, — каждый думаетъ о своемъ авантажѣ.

АГАФЬЯ (*настойчиво*). Ульяна Андревна, отдайте часы!

ЛИНЯЛОВА. Убирайся ты отъ меня!.. (*идетъ къ боковой двери*)..

АГАФЬЯ (*заслоняя дорогу*). Куда вы? къ барынѣ не велѣно никого пускать.

ЛИНЯЛОВА, (*оттолкнувъ ее*). Вотъ еще! (*стучитъ въ дверь*). Катерина Ѳедоровна, отворите!

АГАФЬЯ (*Горошку*). Съ ней не сладишь! надобно сказать Борису Карпычу. (*Уходитъ съ Горошкомъ*).

III.

ЛИНЯЛОВА, ЭЛЬФСКАЯ.

ЛИНЯЛОВА, (*продолжая стучать*). Отворите, это я!

ЭЛЬФСКАЯ, (*полурастворивъ дверь*). Нельзя, Ульяна Андревна.

ЛИНЯЛОВА, (*отбѣгая отъ дверей*). Ай, ай, ай!.. идите сюда, на минуту, душа моя; только, ради Бога, затворите хорошенько дверь, чтобъ Марина Осиповна не выскочила.

(*Эльфская выходитъ; она одѣта по утреннему*).

ЛИНЯЛОВА. Ну, чтожъ она?.. встала съ постели, здорова?

(*Эльфская печально качаетъ головой*).

ЛИНЯЛОВА. Тутъ ужъ дѣлать нечего! что касается до этого, — (*указываетъ на лобъ*) это такъ и останется. Но я бы вамъ совѣтовала отъ нея подальше, — говорятъ, припадки бѣшенства ужасные!

ЭЛЬФСКАЯ (*съ негодованіемъ*). Какой вздоръ!

ЛИНЯЛОВА (*недовѣрчиво*). Отчего-же къ ней никого не пускаютъ?

ЭЛЬФСКАЯ (*съ огорченіемъ*). Я почему знаю?.. Марину Осиповну заперли до пріѣзда доктора. О! вы не можете себѣ представить ... (*плачетъ*).

ЛИНЯЛОВА. Да чтожъ это такое? Марина Осиповна, хоть и сумасшедшая, однако госпожа въ своемъ домѣ. Хотите, на зло всѣмъ Борисамъ да Агафьямъ, поведемъ ее въ садъ ... Вотъ еще новости!.. Всякаго слушать! идите скорѣе за Мариной Осиповной.

(*Эльфская уходитъ въ боковую дверь*).

IV.

ЛИНЯЛОВА одна; потомъ **ЭЛЬФСКАЯ** съ **МЕЛЬТОВОЙ.**

ЛИНЯЛОВА. Если она не дѣлаетъ никому вреда, зачѣмъ ее запирать?.. Все это штуки Бориса Карпыча, (*насмѣшливо*) ... изъ благодарности.

(*Эльфская ведетъ за руку Мельтову*).

ЛИНЯЛОВА (*всторону*). Да она и не похожа на больную! видно, безъ ума здоровье лучше (*Отходя подальше*). Мое почтенье, Марина Осиповна!

ЭЛЬФСКАЯ. Не бойтесь, подойдите ближе

ЛИНЯЛОВА (*про себя*). Еще неравно узнаетъ свои часы!.. (*Осторожно приближается къ Мельтовой, которая неподвижно на нее смотритъ и потомъ, съ улыбкой, указываетъ на часы*).

ЛИНЯЛОВА (*про себя*). Вотъ тебѣ разъ! (*вслухъ съ рѣшительнымъ видомъ*). Что вамъ угодно, почтеннѣйшая?

(*Мельтова протягиваетъ руку къ часамъ*).

ЛИНЯЛОВА (*тономъ нянюшки*). Нельзя, мой дружочекъ, разобьете.

(*Мельтова смѣется*).

ЛИНЯЛОВА. Эти часики вы мнѣ подарили, — помните?

V.

ТѢЖЕ, РЕНОЕВЪ.

РЕНОЕВЪ (*сухо*). Здравствуйте, Ульяна Андревна! Докторъ невелѣлъ къ нашей больной никого пускать, но для васъ ... (*съ гримасой пожимаетъ плечами*) всѣ двери отперты.

ЛИНЯЛОВА. Не слушайте доктора; Маринѣ Осиповнѣ нужно разсѣяніе.

РЕНОЕВЪ (*насмѣшливо*). По вашей методѣ?...

ЭЛЬФСКАЯ. Но, я думаю, прогулка, воздухъ...

РЕНОЕВЪ. Необходимы для васъ, Катерина Ѳедоровна.

ЭЛЬФСКАЯ (*сухо*). Обо мнѣ не безпокойтесь.

(*Мельтова бросаетъ сердитый взглядъ на Реноева, и, взявъ Эльфскую за руку, уходитъ*).

РЕНОЕВЪ (*мигая*). Взглядъ-то какой, — а? Куда жъ это Катерина Ѳедоровна ее потащила?

ЛИНЯЛОВА. Пусть себѣ погуляетъ, и я пойду; кажется, не опасно, — она тиха?

РЕНОЕВЪ. Вѣрьте ей! сумасшедшіе ужасно хитры. На всякій случай, возьмите двухъ лакеевъ: осторожность не мѣшаетъ.

(*Линялова уходитъ*).

РЕНОЕВЪ. Этакъ съ старухой будетъ вѣчная возня! посѣщенія, прогулки, сплетни не дадутъ мнѣ покоя. Нѣтъ, надобно поскорѣе Катерину Ѳедоровну спровадить отсюда, — тогда я все тутъ поверну по-своему...

ЛИНЯЛОВА (*вбѣгаетъ запыхавшись*). Докторъ пріѣхалъ, докторъ пріѣхалъ. (*Подходитъ къ окну*). Вотъ, смотрите, Марина Осиповна такъ на него и кинулась.

РЕНОЕВЪ (*съ улыбкой*). Я вамъ говорилъ... (*смотритъ въ окно*). Однако, я не вижу ... напротивъ, она спокойно подала руку доктору.

ЛИНЯЛОВА. Видно узнала его. Она таки кое-что понимаетъ... вообразите, вспомнила, что подарила мнѣ часы.

РЕНОЕВЪ (*насмѣшливо*). То есть, вы сами себѣ подарили.

ЛИНЯЛОВА (*ѣдко*). Другіе дарятъ себѣ милльоны.

РЕНОЕВЪ (*нахмуривъ брови*). Однако, послушайте...

VI.

ТѢЖЕ, ДОКТОРЪ, МЕЛЬТОВА и ЭЛЬФСКАЯ.

РЕНОЕВЪ. А! нашъ добрый, почтенный докторъ! (*съ жаромъ его обнимаетъ*). Смотрите-ка, что съ нами?.. (*указываетъ на Мельтову*). Вы это предвидѣли.

ДОКТОРЪ. Предвидѣть всего невозможно.

РЕНОЕВЪ. Однако, слова ваши о ходѣ болѣзни, по ноткѣ разыгрались.

ДОКТОРЪ. Не совсѣмъ ... этотъ летаргическій сонъ! (*задумчиво прикладываетъ руку ко лбу*).

РЕНОЕВЪ (*всторону*). Докторскіе фарсы! (*вслухъ*). Извините, я васъ оставлю на минуту; хочу показать Ульянѣ Андревнѣ, сколько дровъ у меня въ саду, — сотни деревъ никуда негодныхъ! (*тихо Линяловой*). Пожалуйте-ка сюда, поговоримъ о часахъ и милльонахъ. (*Уходитъ съ Линяловой*).

(*Мельтова насмѣшливымъ взглядомъ провожаетъ Реноева; потомъ беретъ изъ рукъ Эльфской цвѣтокъ и нюхаетъ*).

ЭЛЬФСКАЯ (*доктору*). Ей не вреденъ запахъ цвѣтовъ?

ДОКТОРЪ. Напротивъ.

ЭЛЬФСКАЯ. О, такъ я нарву для нея букетъ. (*Уходитъ*).

(*Докторъ усаживаетъ Мельтову въ кресло и садится подлѣ нея*).

ДОКТОРЪ. Странно! ничто не обнаруживаетъ помѣшательства ... взглядъ спокойный, немного насмѣшливъ.

МЕЛЬТОВА (*съ улыбкой*) Будто бы?

ДОКТОРЪ, (*вздрогнувъ*). Что́ я слышу! значитъ, нервическій ударъ поразилъ одинъ мозгъ.

МЕЛЬТОВА, (*смѣясь*). Нервическій ударъ прошелъ мимо.

(*Докторъ беретъ ея руку и, щупая пульсъ, недовѣрчиво смотритъ ей въ глаза*).

МЕЛЬТОВА. Вы думаете—слова мои блажь сумасшедшей? нѣтъ, любезный докторъ, я никогда не теряла разсудка.

ДОКТОРЪ. Вижу, ясно вижу ... (*цѣлуетъ ея руку*). Извините мою ошибку!

МЕЛЬТОВА Не понимаю, что́ со мной было? я не могла пошевельнуться, а между тѣмъ, слышала толки и разговоры, приводившіе меня въ раздраженіе.

ДОКТОРЪ (*съ важностію*). Каталепсія!

МЕЛЬТОВА. Я дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы встать.

ДОКТОРЪ. И встали, на одно мгновеніе.

МЕЛЬТОВА. Въ самомъ дѣлѣ?

ДОКТОРЪ. Да, да! вы оттолкнули отъ себя Агафью, кинули стаканъ съ водой на полъ, и опять впали въ прежнюю безчувственность. Признаюсь, это феноменальное движеніе...

МЕЛЬТОВА. Утвердило ваше мнѣніе о сумасшествіи?

ДОКТОРЪ. Не могу простить себѣ...

МЕЛЬТОВА. Полноте, я не сержусь на вашу ошибку.

ДОКТОРЪ (*съ улыбкой*). Вы даже очень искусно ее поддерживаете. Какъ это пришло вамъ на мысль?

МЕЛЬТОВА. Эту мысль поднесли мнѣ совсѣмъ готовую; я проснулась въ какомъ-то самозабвеніи, которое, вѣроятно, имѣло видъ помѣшательства, потому-что всѣ, въ одинъ голосъ, поздравили меня сумасшедшей. Сначала, я онѣмѣла отъ изумленія, потомъ положеніе мое показалось мнѣ очень занимательнымъ: никто не стѣснялся моимъ присутствіемъ, я переходила отъ одной нечаянности къ другой...

ДОКТОРЪ. Однако, это должно васъ тревожить.

МЕЛЬТОВА. Вы видите, я спокойна, хотя нашла здѣсь такія перемѣны, какъ будто цѣлый вѣкъ была въ отсутствіи.

ДОКТОРЪ. Да—а, если хотите, Борисъ Карпычъ немного поспѣшилъ привести въ исполненіе вашу духовную.

МЕЛЬТОВА. Мою духовную!.. (*съ презрительной улыбкой*) Какова дерзость этого человѣка!

ДОКТОРЪ. Вотъ вы и досадуете; сдѣлайте милость, оставьте...

МЕЛЬТОВА. Не безпокойтесь; близость смерти отбила меня отъ мелочей жизни; — я чувствую въ себѣ духовное обновленіе, я...

ДОКТОРЪ. Все это хорошо, но...

МЕЛЬТОВА (*оглядываясь*). Тише! идутъ ... (*прикладываетъ палецъ къ губамъ*). Мнѣ нужно еще мое ясновидѣніе.

VII.

ТѢ ЖЕ: ЭЛЬФСКАЯ, ЛИНЯЛОВА И РЕНОЕВЪ.

ЭЛЬФСКАЯ (*подаетъ букетъ Мельтовой*). Цвѣты, maman... понюхайте!

(*Мельтова кладетъ на колѣна цвѣты и заботливо ихъ разбираетъ*).

ЛИНЯЛОВА (*доктору*). Борисъ Карпычъ затѣваетъ столько перемѣнъ: садъ у него будетъ чудо!

РЕНОЕВЪ (*хвастливо*). Нечего дѣлать! оставить, какъ есть, невозможно, — у Марины Осиповны вовсе вкуса не было.

ЛИНЯЛОВА. Куда ей! скряга такая ... (*Взглянувъ на Мельтову*). Густавъ Христьянычъ, вѣдь она ничего не слышитъ? ничего не понимаетъ?

ДОКТОРЪ. Не знаю.

(*Мельтова, нахмуривъ брови, грозитъ доктору*).

РЕНОЕВЪ, (*смѣясь*). Смотрите, смотрите, вы чѣмъ-то ей не угодили.

ДОКТОРЪ. Сумасшедшіе не любятъ доктора; они инстинктивно понимаютъ стараніе его привести ихъ въ нормальное положеніе, оторвать отъ мечты, которая нравится ...

РЕНОЕВЪ. Романъ, чистый романъ! неистовые взгляды Марины Осиповны, просто, напоминаютъ опасность оставлять ее на свободѣ.

ДОКТОРЪ. Разумѣется, этимъ шутить нечего, — держите ее построже.

РЕНОЕВЪ (*съ довольнымъ видомъ*). Благодарю за добрый совѣтъ; я такъ и сдѣлаю, когда Катерина Ѳедоровна уѣдетъ отсюда.

ЭЛЬФСКАЯ (*съ живостью*). Я и не думаю ... (*садится на скамейку, у ногъ Марины Осиповны*) мѣсто мое всегда здѣсь!

(*Реноевъ, насмѣшливо пожавъ плечами, беретъ за руку доктора и, уходя съ нимъ, мигаетъ Линяловой на Эльфскую*).

ЭЛЬФСКАЯ (*съ огорченіемъ*). Скажите, зачѣмъ меня хотятъ выжить отсюда?

ЛИНЯЛОВА. Изъ одного къ вамъ участія, — сумасшествіе заразительно.

ЭЛЬФСКАЯ. Я этого не боюсь.

ЛИНЯЛОВА. Увидите, что сойдете съ ума.

ЭЛЬФСКАЯ. Вамъ что за дѣло?

ЛИНЯЛОВА. Мнѣ все равно; Борисъ Карпычъ просилъ меня сказать ...

ЭЛЬФСКАЯ. Я не хочу слушать. (*Кладетъ голову на колѣна Мельтовой*).

ЛИНЯЛОВА. По мнѣ, пожалуй, дѣлайте, какъ хотите. Любопытно знать, пріѣдетъ ли сюда Серповъ?

ЭЛЬФСКАЯ (*съ живостью поднимаетъ голову*). Что за мысль? это невозможно, да и зачѣмъ?.. (*съ глубокимъ вздохомъ*) все кончено.

ЛИНЯЛОВА. Обыкновенная пѣсня влюбленныхъ: «кончено, умру» ... а тамъ, смотришь, цѣлёхоньки, здоровёхоньки! (*смѣется*).

(*Эльфская тихо рыдаетъ, припавъ лицомъ къ колѣнамъ Мельтовой*)

ЛИНЯЛОВА Перестаньте, мой ангелъ; я очень чувствительна; мнѣ скучно, когда кто плачетъ.

ЭЛЬФСКАЯ, (*всхлипывая*). Хоть бы не выгоняли меня отсюда! .. Но я останусь, рѣшительно останусь.

ЛИНЯЛОВА. И прекрасно. — чего же плакать?

ЭЛЬФСКАЯ. Ахъ! я не могу себѣ простить ... Еслибъ я была съ maman откровенна — ничего бы этого не было.

ЛИНЯЛОВА. Еслибъ да еслибъ, все пустое, душа моя; Марина Осиповна сама виновата, — вы знаете, она была влюблена въ отца вашего Серпова ...

ЭЛЬФСКАЯ. Бѣдная maman!.. (*со вздохомъ беретъ за руку Мельтову*) и она когда-то любила ...

ЛИНЯЛОВА. Сѣно было зеленой травой! оставьте Марину Осиповну: что въ ней теперь? Будемъ лучше говорить про васъ, про Серпова; это гораздо интереснѣе.

ЭЛЬФСКАЯ. Я ужъ вамъ сказала, для меня все кончено ... О, я очень несчастна!

ЛИНЯЛОВА. Можно ли быть несчастной въ ваши лѣта и съ вашей наружностью! Положимъ, вы навсегда разстались съ Серповымъ, — чтожъ такое? Серповъ не одинъ на свѣтѣ; вы еще не разъ полюбите и разлюбите. Я сама въ молодости безпрестанно влюблялась, да и теперь еще ... (*съ улыбкой мигаетъ*). Знаете, съ кокетствомъ мы всегда молоды и хороши. Мужчинъ легко обманывать ...

ЭЛЬФСКАЯ (*нетерпѣливо*). Перестаньте говорить пустяки!

ЛИНЯЛОВА. Вотъ и утѣшай васъ ... (*про себя*) молоденькихъ дуръ! (*Вслухъ*). Если такъ, будемъ лучше молчать.

ЭЛЬФСКАЯ. Да; пожалуйста.

ЛИНЯЛОВА. Молчать не трудно. (*Зѣваетъ*). Хоть бы кто нибудь къ намъ завернулъ! .. Думаю, Серповъ не утерпитъ, пріѣдетъ .. Ахъ, какой душка! Помните, какъ онъ сказалъ, такимъ благороднымъ тономъ (*возвышаетъ голосъ*): «Я торжественно отказываюсь отъ правъ моихъ на наслѣдство» ...

(*Мельтова быстро поворачивается къ Линяловой, и смотритъ ей въ глаза*).

ЛИНЯЛОВА (*отодвигаясь*). Ай, ай, ай! чего она отъ меня хочетъ?

VIII.

ТѢ ЖЕ; СЕРПОВЪ, ТУМИЛЬСКІЙ, ЗИНГЕРМАНЪ, потомъ РЕНОКВЪ и ДОКТОРЪ.

ЛИНЯЛОВА (*съ живостью встаетъ*). Ахъ, какъ я вамъ рада, господа! Здѣсь невыносимая скука; мы цѣлое утро, — какъ видите,

сидимъ да молчимъ. — Маринѣ Осиповнѣ не позволяютъ ни на шагъ изъ комнаты ...

ТУМИЛЬСКІЙ. Это плохо, Катерина Ѳедоровна.

ЛИНЯЛОВА *(скороговоркой)*. Катеринѣ Ѳедоровнѣ не долго тутъ оставаться; Марину Осиповну посадятъ въ сумасшедшій домъ.

СЕРПОВЪ. О! мы не допустимъ до этого. } *Вмѣстѣ.*
ТУМИЛЬСКІЙ. Какъ можно! }

СЕРПОВЪ *(взявъ за руку Мельтову)*. Бѣдная тетушка! ... но пока я живъ, этого не будетъ! *(Разговариваетъ тихо съ Эльфской)*.

ЛИНЯЛОВА *(Тумильскому и Зингерману, мигая на Серпова)*. Будто къ тетушкѣ!

РЕНОЕВЪ *(входитъ съ докторомъ)*. Здравствуйте, господа! *(протягиваетъ руку)*.

(Серповъ, Тумильскій, Зингерманъ, съ холоднымъ поклономъ отъ него отступаютъ).

РЕНОЕВЪ *(насмѣшливо)*. Благодарю за посѣщеніе.

СЕРПОВЪ. Извините, посѣщеніе наше относится собственно къ Маринѣ Осиповнѣ.

ЗИНГЕРМАНЪ. На свой счетъ, сдѣлайте одолженіе, не берите.

РЕНОЕВЪ. Однако, вы у меня въ домѣ. *(Серпову и Тумильскому)*. По волѣ вашей почтенной родственницы, я — здѣсь хозяинъ.

СЕРПОВЪ. Это не мѣшаетъ нашему къ ней участію. *(Обращаясь къ доктору)*. Неужто положеніе тетушки безнадежно? — Какъ вы находите, докторъ?

ДОКТОРЪ. Вы сами видите.

СЕРПОВЪ. Да, — но я желалъ бы съ вами поговорить. *(Беретъ доктора за руку и уводитъ изъ комнаты; Тумильскій и Зингерманъ уходятъ за ними)*.

РЕНОЕВЪ. На что имъ докторъ? *(Съ безпокойствомъ ходитъ по комнатѣ)*. Не затѣваютъ ли чего?

ЛИНЯЛОВА *(Эльфской)*. А вы еще и не одѣты, — идите, скорѣй!

ЭЛЬФСКАЯ *(разсѣянно)*. Я одѣта.

ЛИНЯЛОВА. Въ пеньюарѣ! .. *(Возвышаетъ голосъ)*. Помилуйте, можно ли въ ваши лѣта, при молодыхъ мужчинахъ ..,

ЭЛЬФСКАЯ. Ради Бога, не кричите! *(Уходитъ)*.

РЕНОЕВЪ. Вы говорили съ ней?

ЛИНЯЛОВА. Упрямая такая, — слушать не захотѣла.

РЕНОЕВЪ. Завтра-же отправлю ее къ Лорицкой или къ Зельской.

ЛИНЯЛОВА. Конечно, что̀ вамъ съ ней церемониться — въ вашемъ собственномъ домѣ.

РЕНОЕВЪ. А домикъ, такъ себѣ, ничего!

ЛИНЯЛОВА (*смѣясь*). Я думаю!... Слава Богу, что вамъ достался; вы тутъ съумѣете распорядиться.

РЕНОЕВЪ. Я покажу, какъ должно жить, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, богатому человѣку, съ высокимъ образованіемъ.—О, я заведу порядокъ! въ сюртукѣ ко мнѣ никто не суйся; иному дикобразу придется у меня и въ передней продежурить часикъ, другой ... (*Мельтова хохочетъ*).

РЕНОЕВЪ (*съ испугомъ*). Она смѣется!

ЛИНЯЛОВА (*небрежно*). Это такъ, сдуру.

РЕНОЕВЪ. Хорошо бы намъ, Ульяна Андревна, узнать, что̀ за консультація у Серпова и Тумильскаго съ докторомъ?

ЛИНЯЛОВА (*съ живостью*). Хотите, я къ нимъ пойду? мнѣ самой любопытно. (*Уходитъ*).

IX.

РЕНОЕВЪ, МЕЛЬТОВА, потомъ КАКАДУЛОВЪ и КАКАДУЛОВА.

РЕНОЕВЪ, (*мрачно смотря на Мельтову*). Пусть только перейдетъ эта суматоха, я круто поверну съ старухой; (*Увидѣвъ входящихъ Какадуловыхъ*). Мое почтенье, Авдотья Дмитріевна! (*Какадулова съ гримасой отъ него отворачивается*).

КАКАДУЛОВЪ, (*сухо отвѣтивъ на поклонъ Реноева, подходитъ къ Мельтовой*). Ага, наконецъ угомонилась!

КАКАДУЛОВА (*небрежно*). Тетушка всегда была глупа.

РЕНОЕВЪ. Не хватала съ неба звѣздъ!... Что вы такъ сердито на меня смотрите, Лука Васильичъ?

КАКАДУЛОВЪ. Неблагородный вашъ поступокъ со мною ...

РЕНОЕВЪ, (*расправляя свои бакенбарды*). Ого! это почти касается моей чести.

КАКАДУЛОВЪ (*съ жаромъ*). Не почти, а прямо, если только она у васъ есть. (*Возвышая голосъ*). Скажите, намѣрены вы, по обѣщанію вашему, выдѣлить мнѣ часть имѣнія?

РЕНОЕВЪ. Гмъ! обстоятельство очень щекотливое ... Конечно, для дружбы, я готовъ жертвовать всѣмъ на свѣтѣ, — но... когда дѣло идетъ объ имѣніи ... (*съ гримасой пожимаетъ плечами*). (*Какадуловъ съ угрожающимъ видомъ къ нему приближается*).

РЕНОЕВЪ (*дружески треплетъ его по плечу*). И то подумайте, Лука Васильичъ, долго ли человѣкъ живетъ на свѣтѣ? А мнѣ, въ слу-

чаѣ, чего Боже упаси! кому, какъ не вамъ, придется все оставить?

КАКАДУЛОВЪ. Покорно благодарю; я не такой пошлый дуракъ: я вамъ надѣлаю тысячу хлопотъ. Во-первыхъ, скажу Серпову о завѣщаніи покойнаго Мельтова...

РЕНОЕВЪ. Этого завѣщанія нѣтъ и не бывало.

КАКАДУЛОВЪ. Вы его украли у Марины Осиповны, и потомъ уничтожили.

МЕЛЬТОВА (*вполголоса*). Злодѣй!

РЕНОЕВЪ (*съ холодной улыбкой*). Чѣмъ вы это докажите?

X.

ТѢ-ЖЕ и ЛИНЯЛОВА.

ЛИНЯЛОВА (*Реноеву*). Вообразите, они хотятъ увезти отъ васъ Марину Осиповну!

РЕНОЕВЪ (*съ притворнымъ смѣхомъ*). На что она имъ!... Нѣтъ, я на это не согласенъ.

КАКАДУЛОВЪ. Согласія вашего не нужно; родственники имѣютъ право взять на свое попеченіе больную. Пока Марина Осиповна жива, имѣніе должно быть въ опекѣ.

КАКАДУЛОВА. Разумѣется! тетушка всегда была глупа.

РЕНОЕВЪ (*про себя.*) Гмъ; скверно! (*вслухъ.*) Послушайте, вы не дали мнѣ кончить, — я хотѣлъ предложить вамъ, вмѣсто имѣнія, — деньги.

КАКАДУЛОВЪ (*съ пренебреженіемъ.*) Какихъ-нибудь тысячъ десять?

КАКАДУЛОВА. Можно ли! я никакъ не согласна.

РЕНОЕВЪ. Десять-тысячъ серебромъ, — развѣ этого мало?

КАКАДУЛОВА (*настойчиво.*) Мало, мало!

ЛИНЯЛОВА (*мигая.*) Ай-да Авдотья Дмитріевна!

КАКАДУЛОВЪ. Перестань, Дуничка, стоитъ ли говорить?

РЕНОЕВЪ (*съ озадаченнымъ видомъ.*) Чего же вы хотите?

КАКАДУЛОВЪ. Менѣе тридцати-тысячъ серебромъ я отъ васъ не приму!

РЕНОЕВЪ. Нечего съ вами дѣлать — согласенъ. (*Съ жаромъ обнимается и цѣлуется съ Какадуловымъ.*)

ЛИНЯЛОВА. А мнѣ же что? я Маринѣ Осиповнѣ угождала, услуживала...

КАКАДУЛОВЪ (*съ комической важностью.*) Въ самомъ дѣлѣ, мы и забыли: Ульяна Андревна всегда обѣдала у тетушки, съ отличнымъ аппетитомъ, болтала, не закрывая рта...

ЛИНЯЛОВА. О! еслибъ Марина Осиповна дѣлала духовную при свѣжей памяти ...

КАКАДУЛОВЪ. Непремѣнно завѣщала бы вамъ свой парикъ и табакерку.

ЛИНЯЛОВА (*съ угрозой.*) Подождите! вы думаете, я ничего не знаю?

РЕНОЕВЪ, (*взявъ ее за руку.*) Успокойтесь, Ульяна Андревна, вы получите отъ меня...

КАКАДУЛОВЪ (*лукаво.*) Тетушкинъ гардеробъ?

КАКАДУЛОВА (*смѣясь, Линяловой.*) Я вамъ охотно уступаю парикъ и табакерку, но турецкія шали, брилліанты ... (*кокетливо*) Борисъ Карпычъ, вы отдадите мнѣ, — не правда ли?

РЕНОЕВЪ. Зачѣмъ вамъ? вы и безъ того прекрасны.

(*Мельтова хохочетъ; всѣ со страхомъ на нее смотрятъ.*)

КАКАДУЛОВЪ. Она вѣрно воображаетъ себя на Лысой горѣ, съ вѣдьмами!

РЕНОЕВЪ. Пора увести ее отсюда: Лука Васильичъ, пособите.

(*Реноевъ и Какадуловъ хотятъ взять подъ руки Мельтову, но она ихъ отталкиваетъ.*)

КАКАДУЛОВЪ, (*отскакивая*) У! какая сила!

РЕНОЕВЪ. Ничего; нельзя же ее здѣсь оставить, — я вижу, она приходитъ въ бѣшенство. Утромъ кинулась на Агафью, искусала ей руки ...

КАКАДУЛОВЪ, (*боязливо.*) О, такъ лучше позвать людей. —

(*Мельтова встаетъ и уходитъ въ боковую дверь.*)

КАКАДУЛОВА. Я вся дрожу отъ страху!

ЛИНЯЛОВА. Это настоящее бѣшенство! Борисъ Карпычъ, сдѣлайте одолженіе, не выпускайте ее изъ спальной. — Вотъ ужасъ!

XI

ТѢ ЖЕ, ЭЛЬФСКАЯ, и потомъ **ДОКТОРЪ.**

ЭЛЬФСКАЯ, (*съ безпокойствомъ осматриваясь.*) Гдѣ Марина Осиповна?

ЛИНЯЛОВА. Жаль, что вы не видѣли! Она пришла въ такое бѣшенство, что я чуть не умерла со страху.

КАКАДУЛОВА. Ужасъ что̀ было!

ЭЛЬФСКАЯ. Я пойду къ ней.

РЕНОЕВЪ. Боже васъ сохрани! *(запираетъ боковую дверь и прячетъ ключъ въ карманъ.)*

КАКАДУЛОВЪ. Помилуйте, что вамъ дѣлать съ сумасшедшей?

РЕНОЕВЪ. Я смертельно боюсь за васъ, Катерина Ѳедоровна. Ради Бога, уѣзжайте скорѣе къ тетушкѣ вашей Зельской или къ Лорицкой! — Вы не знаете, докторъ говоритъ ...

ЭЛЬФСКАЯ. Пусть говоритъ, что хочетъ, я должна здѣсь остаться и останусь!

РЕНОЕВЪ Привязанность ваша къ Маринѣ Осиповнѣ очень похвальна, но, позвольте вамъ напомнить, я здѣсь хозяинъ: — завтра утромъ все будетъ готово къ вашему отъѣзду. *(Уходитъ съ Какадуловымъ.)*

ЛИНЯЛОВА *(Эльфской, которая, скрестивъ руки на груди, стоитъ неподвижно.)* Ага, я вамъ говорила?

КАКАДУЛОВА *(насмѣшливо.)* И что̀ вамъ за охота возиться съ сумасшедшей?... Вѣдь ужъ конечно, ничего отъ нея не получите. *(Уходитъ съ Линяловой.)*

ЭЛЬФСКАЯ *(съ отчаяніемъ.)* Боже, Боже мой!... *(Рыдая кидается въ кресло.)* И, можетъ быть, я ... я одна всему причиною!

ДОКТОРЪ *(входитъ и съ минуту въ молчаніи на нее смотритъ.)* Что это значитъ, Катерина Ѳедоровна?

ЭЛЬФСКАА, *(всхлипывая.)* Меня выгоняютъ отсюда.

ДОКТОРЪ. Потерпите немного; — скоро здѣсь все будетъ попрежнему. Гдѣ Марина Осиповна?

ЭЛЬФСКАЯ. Говорятъ, съ ней сдѣлался припадокъ бѣшенства; ее заперли.

ДОКТОРЪ. Быть не можетъ!

ЭЛЬФСКАЯ, *(указывая на дверь.)* Ключъ у Бориса Карпыча.

ДОКТОРЪ. Такъ это въ самомъ дѣлѣ?... Заперли! Марину Осиповну заперли? *(Хохочетъ.)* Это безподобно!

ЭЛЬФСКАЯ *(съ негодованіемъ встаетъ.)* И вы можете надъ этимъ смѣяться! Я васъ почитала человѣкомъ порядочнымъ, докторъ.

ДОКТОРЪ. А если я вамъ скажу: Марина Осиповна такая же сумасшедшая, какъ вы и я.

(*Эльфская недовѣрчиво на него смотритъ.*)

ДОКТОРЪ. Да, да! увѣряю васъ.

ЭЛЬФСКАЯ (*въ сильномъ волненіи.*) О! если вы шутите!.. Густавъ Христьянычъ, умоляю васъ! говорите, (*топаетъ*) говорите правду!

XII.

ТѢ ЖЕ, ЛИНЯЛОВА и ПОДРОСТОВЪ, потомъ РЕНОЕВЪ, ЛОРИЦКАЯ, КАКАДУЛОВЫ, ТУМИЛЬСКІЙ, СЕРПОВЪ, ЗИНГЕРМАНЪ и ДОКТОРЪ.

ЛИНЯЛОВА (*съ удивленіемъ.*) Браво, Катерина Ѳедоровна!... За что вы такъ на доктора?

ДОКТОРЪ (*съ комической важностью.*) Объ этомъ вы когда нибудь узнаете. (*Подаетъ Эльфской руку и уходитъ съ нею.*)

ПОДРОСТОВЪ (*съ озадаченнымъ видомъ, смотря имъ вслѣдъ*). Странно, очень странно! Я этого не понимаю.

ЛИНЯЛОВА. Но, вы видѣли, — она сердилась, онъ подалъ ей руку... Гмъ, неужто не понимаете?

РЕНОЕВЪ (*Лорицкой*). Мы принуждены были запереть Марину Осиповну.

КАКАДУЛОВЪ. Я никогда не видѣлъ такого страшнаго бѣшенства!

ЛИНЯЛОВА Представьте: Агафьѣ палецъ откусила!

ЛОРИЦКАЯ. Боже мой!... но гдѣ же докторъ? онъ бы намъ сказалъ...

ДОКТОРЪ, (*входя*). Позвольте мнѣ прежде увидѣть Марину Осиповну.

(*Реноевъ отпираетъ доктору дверь кабинета.*)

ЛИНЯЛОВА. Ахъ, ужасъ! ее опять сюда выпустятъ.

КАКАДУЛОВА (*Зингерману.*) Ротмистръ, не отходите отъ меня, я боюсь.

КАКАДУЛОВЪ, (*становясь между ею и Зингерманомъ.*) Я возлѣ тебя, нечего бояться!

КАКАДУЛОВА (*всторону.*) Несносный!

(*Докторъ выводитъ изъ кабинета Мельтову и усаживаетъ ее въ кресло; Лорицкая садится подлѣ нея.*)

ЛОРИЦКАЯ (*со слезами, смотря на Мельтову*). Бѣдная!

ТУМИЛЬСКІЙ. Замѣтьте, какой у нея спокойный взглядъ!

РЕНОЕВЪ (*Серпову*). Но вы, пожалуйста, не показывайтесь ей на глаза; присутсвіе ваше дѣйствуетъ слишкомъ сильно.

(*Мельтова знакомъ подзываетъ къ себѣ Серпова и съ улыбкой на него смотритъ.*)

СЕРПОВЪ (*Реноеву*). Это какъ-будто вопреки вашимъ словамъ.

РЕНОЕВЪ. Капризъ сумасшедшей! теперь она никого не узнаетъ.

КАКАДУЛОВА. Тетушка всегда была глупа!..

РЕНОЕВЪ (*Лорицкой, со вздохомъ, указывая на Мельтову*). Вы видите, тутъ ужъ нѣтъ надежды, — все кончено!.. Я только—что говорилъ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, — въ ея лѣта, быть съ глазу-на глазъ съ сумасшедшей ...

ЛОРИЦКАЯ. Да, да, не хорошо. Для того я и поспѣшила сюда съ Лизой; мы будемъ вмѣстѣ ухаживать за больной, — скоро пріѣдетъ и Клавдія Осиповна.

РЕНОЕВЪ, (*измѣняясь въ лицѣ*). Клавдія Осиповна! Неужели вы думаете, моихъ попеченій о Маринѣ Осиповнѣ недостаточно? Нѣтъ, ужъ извините, я никому не уступлю этой священной для меня обязанности, никому ...

XIII.

ТѢ ЖЕ; ЭЛЬФСКАЯ и БЕРОВА.

ЭЛЬФСКАЯ (*съ громкимъ смѣхомъ, вырываясь изъ рукъ Беровой*). Пусти, пусти меня, Лиза!..

(*Общее изумленіе.*)

ЭЛЬФСКАЯ, (*подбѣгая къ Мельтовой*). Полно вамъ, maman, притворяться! (*Беретъ ее за руку и съ улыбкой смотритъ въ глаза,— Мельтова качаетъ головой*). Нѣтъ, нѣтъ! я не могу молчать, право, не могу ... (*съ восторгомъ*). Мнѣ бы хотѣлось кричать, пѣть, — хотѣлось бы все здѣсь перебить, переломать!

ДОКТОРЪ (*лукаво*). Какое несчастье! Катерина Ѳедоровна ...

КАКАДУЛОВЪ. Помѣшалась?!

ДОКТОРЪ. Смотрите, (*указываетъ на Эльфскую, которая, подпрыгивая, тормошитъ Мельтову*).

РЕНОЕВЪ. Я это предвидѣлъ!

ЛИНЯЛОВА (*кричитъ*). Катерина Ѳедоровна съ ума сошла! съ ума сошла!

(*Общее движеніе ужаса. Мельтова и Эльфская смѣются. — Берова отводитъ Серпова и Тумильскаго всторону и тихо разговариваетъ съ ними*).

ПОДРОСТОВЪ. Съ ума сошла! — Неужто отъ любви?

ЛИНЯЛОВА. Конечно, не отъ чего другаго.

ПОДРОСТОВЪ (*съ улыбкой поднимаетъ голову*). Отъ любви ко мнѣ, — это ужъ въ моей натурѣ — всѣхъ свожу съ ума! Такой шикъ.

ЛОРИЦКАЯ (*дрожащимъ голосомъ*). Катенька! другъ мой ...

МЕЛЬТОВА (*встаетъ*). Успокойся, Елена, мы обѣ въ полномъ разсудкѣ.

(*Какадулова пронзительно вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ на руки Линяловой. — Реноевъ въ неподвижномъ ужасѣ смотритъ на Мельтову, которую окружаютъ съ радостными восклицаніями: Лорицкая, Эльфская,, Берова, Серповъ, Тумильскій и докторъ*).

ЛИНЯЛОВА, (*передавая Зингерману Какадулову*). Ради Бога, ротмистръ, я не могу!.. у меня, у самой, отъ страху ноги подкашиваются. (*Подбѣгаетъ къ Реноеву*). Это ужасъ! я вамъ говорила, запирайте сумасшедшую ... и какъ они не боятся! (*указываетъ на окружающихъ Мельтову*).

КАКАДУЛОВЪ (*дергаетъ Реноева за сюртукъ*). Борисъ Карпычъ!

РЕНОЕВЪ, (*приложивъ руку ко лбу*). Поддаться такому глупому обману!.. (*съ отчаяніемъ*) Никогда себѣ не прощу!

ЛИНЯЛОВА. А – а – а! теперь понимаю. (*Бѣжитъ къ группѣ, окружающей Мельтову и суетится около нея*).

КАКАДУЛОВЪ (*съ злостью, про себя*). Если такъ, чортъ съ нимъ, съ этимъ Борисомъ! Я отъ него подальше, — (*съ знаками презрѣнія, отворачивается отъ Реноева и подходитъ къ женѣ, которую Зингерманъ поддерживаетъ, усадивъ на диванъ*) Позвольте, ротмистръ, это съ ней отъ радости.

ЛИНЯЛОВА, (*съ жаромъ размахивая руками*). Ну – у, штука! вотъ вамъ и сумасшедшая!... послушайте, ротмистръ!.. — (*уводитъ Зингермана всторону*).

КАКАДУЛОВЪ (*вполголоса женѣ*). Опомнись, что ты дѣлаешь? (*тащитъ ее съ дивана и ведетъ на авансцену*). Сію минуту подойди къ тетушкѣ и поздравь ...

КАКАДУЛОВА, (*надувшись*). Вотъ еще, стану я поздравлять!

ЛИНЯЛОВА (*съ насмѣшливымъ участіемъ*). Что съ вами, Авдотья Дмитревна?

КАКАДУЛОВА. Ничего, я въ восторгѣ! (*рветъ кружево у себя на рукавахъ.*

ЛИНЯЛОВА, (*подсмѣиваясь*). А тетушкины шали, брилліанты?

КАКАДУЛОВА. Мнѣ ихъ не нужно, — тетушка всегда была глупа.

КАКАДУЛОВЪ, (*схвативъ жену за руку*). Тсъ!.. ты меня, просто, убиваешь!

КАКАДУЛОВА, (*съ сердцемъ вырывая руку*). Оставь!.. или я опять упаду въ обморокъ.

КАКАДУЛОВЪ (*умоляющимъ тономъ*). Дуничка!

МЕЛЬТОВА, (*возвышая голосъ*) Борисъ Карпычъ! скажите, пожалуйста, какимъ это образомъ я нахожу васъ хозяиномъ въ моемъ домѣ?

РЕНОЕВЪ (*въ сильномъ смущеніи*). По ... по духовной вашей ...

МЕЛЬТОВА. И вы смѣете называть это моей духовной!.. я знаю всѣ подробности вашей постыдной продѣлки! (*Всѣ съ негодованіемъ удаляются отъ Реноева*).

РЕНОЕВЪ (*дерзко поднимаетъ голову*). Однако, это ужъ слишкомъ ... Марина Осиповна! вы должны защитить меня оть клеветы; вы сами, по желанію вашему, сдѣлали духовную ...

МЕЛЬТОВА, (*задыхаясь отъ гнѣва*). Какова дерзость!

Серповъ, Тумильскій, Подростовъ и Какадуловъ кидаются къ Реноеву.

СЕРПОВЪ, (*указывая на дверь.*) Не угодно ли вамъ?

ТУМИЛЬСКІЙ. Скорѣе, пока просятъ, — а не то ...

КАКАДУЛОВЪ. Убирайтесь изъ тетушкинаго дома!

РЕНОЕВЪ (*въ бѣшенствѣ*). О, я этого такъ не оставлю! духовная у меня ... я докажу вамъ всѣмъ ... О, не безпокойтесь, мы скоро увидимся — въ другомъ мѣстѣ ...

(*Уходитъ*).

ПОДРОСТОВЪ. Выпроводили съ шикомъ!

КАКАДУЛОВЪ. Клянусь вамъ, тетушка, я ... я только Реноева дурачилъ. Вы помните...

МЕЛЬТОВА. Ничего не хочу помнить; пятна оскорбленій выводятся забвеніемъ.

КАКАДУЛОВЪ. О! вы ангелъ доброты!

МЕЛЬТОВА, (*отворачиваясь отъ него, Лорицкой*). Съ нетерпѣніемъ жду Клавдіи!.. (*Протягиваетъ руку Серпову*). Я очень жалѣю, мой милый племянникъ, что вамъ пришлось явиться ко мнѣ въ первый разъ подъ чужимъ именемъ.

СЕРПОВЪ. Виноватъ! но ...

МЕЛЬТОВА. Нѣтъ, нѣтъ, я обвиняю въ этомъ не васъ, а вотъ эту шалунью (*съ улыбкой указываетъ на Эльфскую*): она одна виновата; но за то мы ее накажемъ и тоже заставимъ перемѣнить фамилію — на вашу. Какъ ты думаешь, Катенька?

ЭЛЬФСКАЯ. Ахъ, maman! (*прячетъ голову къ ней на плечо*).

СЕРПОВЪ. Тетушка! какъ благодарить васъ? (*съ восторгомъ цѣлуетъ руку Мельтовой*).

ПОДРОСТОВЪ (*суетливо, доктору*). Кажется, бабушка сказала: Катенька перемѣнитъ свою фамилію!.. что̀ это значитъ?

ДОКТОРЪ (*съ улыбкой*). Это значитъ: finita la comedia!

II.

ШИХЪ-МАНСУРЪ.

ВОСТОЧНЫЙ РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

В. И. САВИНОВА.

ЧАСТЬ I.

СТЕПИ.

I

Страшною и жестокою зимою начался 1775 годъ въ степяхъ Киргизовъ. Безпрестанныя вьюги, морозы, невыносимые даже для дикаго киргиза, сокрушительные метелицы и ураганы — внесли съ собою моръ, болѣзни и голодъ въ зимнія кочевья дикарей. Скотъ цѣлыми *атарами* *) погибалъ подъ снѣгомъ; дикіе наѣздники, враждовавшіе тогда съ вѣчными своими врагами — башкирцами, прекратили мстительные наѣзды, и, ожидая съ каждымъ часомъ гибели, заперлись въ юрты.

*) *Атара* — стадо.

Усть-Уртъ, эта плоская гора южныхъ степей, обрѣзанная *Чинкомъ* *) и сжатая между заливомъ Гикъ-Карасу и Аральскимъ моремъ, представляла печальную, мертвую пустыню, занесенную глубокимъ снѣгомъ; протяжный вой вѣтра, бушующій ураганъ да метель нарушали безмолвіе и однообразіе степи, оцѣпенѣвшей въ могильномъ спокойствіи.

Развѣ только человѣкъ, разорвавшій всѣ связи съ людьми и кровными, или фанатикъ *Хаджа* — могли тогда скитаться въ этой степи, гдѣ на каждомъ шагу грозила смерть мучительная и вѣрная.

Не смотря однакоже на всѣ ужасы описанной нами картины, въ первый день *Рузе* **), за нѣсколько часовъ до ночи, на обрывахъ Чинка показался всадникъ. И конь и всадникъ представляли одну обледенѣвшую глыбу снѣга. Казалось, въ послѣднемъ не было нисколько жизни. Опустивъ поводья и склонивъ на грудь голову, онъ оставался безъ всякаго движенія въ сѣдлѣ, въ то время, какъ продрогнувшій конь его, съ послѣдними усиліями выбрался на равнину Усть-Урта. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, животное испустило пронзительное, болѣзненное ржаніе и, шатаясь, рухнуло на снѣгъ ... Къ счастію киргиза, нетвердо державшагося въ стременахъ во время паденія лошади, онъ не былъ придавленъ ею, но вылетѣлъ изъ сѣдла. Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди путника, призваннаго теперь къ жизни и мысли ... Онъ вздрогнулъ, готовый приподняться, но окоченѣвшія члены не повиновались ему и только мутные глаза его, сжимаемые предсмертнымъ сномъ къ новому ужасу страдальца, обѣжали печальную окрестность. День уже умиралъ надъ степью. Вдали, на склонѣ горизонта, какъ будто-бы слившагося съ равниною, выбѣгали черныя массы облаковъ, предвѣщая новую непогоду. Высокіе холмы, курганы и могилы *батырей*, повитые снѣжнымъ саваномъ, безмолвно возвышались надъ равниною, надъ ними рѣяли обычные жильцы степей — беркуты и казарки, и только кое-гдѣ, раскиданный по равнинѣ кустарникъ *баялиша* ***) качаемый мимолетнымъ вѣтромъ, шумѣлъ своими сухими сучьями ... При такой печальной и суровой картинѣ природы, потухающій взглядъ несчастливца сверк-

---

*) Чинкомъ киргизы называютъ крутой обрывъ, разрѣзывающій равнину Усть—Урта. Онъ тянется отъ южныхъ береговъ залива Гикъ-Каррасу, въ видѣ полукруга, обращеннаго дугою на югъ, и оканчивается у залива Сарамасатъ. Многіе, какъ кажется, справедливо предполагаютъ въ этомъ обрывѣ берегъ когда-то высохшей рѣки.

**) Мусульманскій постъ, продолжающійся цѣлый мѣсяцъ.

***) Баялишъ — сухой, голый и безплодный кустарникъ, встрѣчаемый на равнинѣ и составляющій всю ея растительность.

нулъ огнемъ жизни ... Быть можетъ ужасъ, который невольно ощутилъ онъ, сознавая свою близкую гибель и отсутствіе всякой помощи, заставили его очнуться ... Съ большимъ усиліемъ онъ судорожно приподнялся на локтяхъ и обратилъ голову въ ту сторону, гдѣ лежалъ его издыхающій конь.

Вмѣстѣ мы отжили съ тобою таварищъ! — рѣшительно и съ глубокимъ вздохомъ сказалъ киргизъ, въ изнеможеніи опускаясь на снѣгъ ... Но въ эту минуту, когда уже странникъ, съ вѣрою въ предопредѣленіе и такъ равнодушно готовъ былъ разстаться съ жизнію, почти надъ самою его головою послышались храпѣніе усталой лошади и заунывный напѣвъ стиха изъ корана. Мысль о спасеніи и встрѣчѣ съ живымъ существомъ въ этомъ ледяномъ гробу, какъ электрическій токъ, пробѣжала по всему тѣлу умирающаго ... Онъ снова и быстро приподнялся на колѣни и съ воплемъ протянулъ впередъ руки ...

— Га!..*Досъ*!..*) какой *Худай***) засыпалъ тебя снѣгомъ и перегрызъ горло твоему коню?—весело вскричалъ другой путникъ, только-что поднявшійся на обрывы Чинка. И не теряя ни минуты, онъ выпрыгнулъ изъ сѣдла и подбѣжалъ къ умирающему ... Посинѣвшее отъ стужи лицо послѣдняго выражало мольбу и страданіе, а сжатыя губы и полуоткрытый взглядъ высказывали близкій конецъ его. Путникъ наклонился къ умирающему, желая вглядѣться въ искаженныя черты лица его и съ крикомъ изумленія въ ту же минуту отшатнулся назадъ ...

— Аллахъ! ... Аллахъ! — прошепталъ онъ — Батырь-Ша,! ... Да не играетъ ли моими глазами какой-нибудь Яурунчи или Баксы!***) Онъ! здѣсь ... въ степи ... полуживой отъ стужи ... великій Батырь-Ша, какъ кусокъ льду легъ на дорогѣ подъ ноги коня моего! ...

Повторенное нѣсколько разъ имя умирающаго Батырь-Ша снова призвало его къ жизни. Тяжелымъ вздохомъ и печальною улыбкою отвѣчалъ онъ на слова незнакомца, стараясь прошептать что-то.

— Онъ еще не совсѣмъ замерзъ ... Пророкъ не даетъ умереть на распутьи вѣрному хранителю его мудрости, какъ псу — сказалъ незнакомецъ. — Очнись, Батырь-Ша !.. Это я .. твой ученикъ!... Съ послѣдними словами путникъ быстро вынулъ изъ-за пояса фляжку съ *аракомъ* ****) и, раскрывъ ротъ своего учителя, влилъ въ него нѣ-

*) *Досъ* — другъ. *Досъ — досталыкъ* — вѣчное и условное дружество, то-же, что у горцевъ Кавказа *кунчество*.

**) Злой духъ.

***) Колдунъ, кудесникъ, въ родѣ сибирскаго шамана.

****) У Киргизовъ аракъ гонится изъ сарачинскаго пшена: напитокъ весьма рѣдкій у нихъ.

сколько капель живительнаго напитка .—Ну-что?— спросилъ онъ послѣ двухъ или трехъ минутъ молчанія, во время котораго не спускалъ внимательнаго взгляда съ оживающаго лица своего паціента: еще?... Пей... пей, мудрый блюститель завѣтовъ великаго пророка !...

Вслѣдъ за послѣднимъ пріемомъ арака лицо Батырь-Ша покинуло свою синеватую блѣдность, щеки его заиграли румянцемъ, глаза ожили и, едва переводя дыханіе, онъ прошепталъ:

— Оживаю .. предсмертный холодъ въ груди моей... смѣнился живительною теплотой ... Подыми меня, Шихъ-Мансуръ!...

— Слава Аллаху! отвѣчалъ Шихъ-Мансуръ, подымая своего учителя—какъ онъ называлъ его — ты даже узнаешь меня ... во-время же я наѣхалъ...

— Да, тихо сказалъ Батырь-Ша, повидимому совершенно возвращенный къ жизни. Печальнымъ взглядомъ окинулъ онъ окрестность — и продолжалъ ... Еще нѣсколько минутъ—и я достался бы въ добычу голоднымъ волкамъ, какъ этотъ бѣдный конь ... Но, стой, Шихъ !.. я чувствую ... какая-то неизъяснимая теплота согрѣваетъ кровь мою ... голова моя кружится ... въ глазахъ темно ... Не ужели жидкость, которую пилъ я ...

— Это аракъ, мудрый Хаджа ...

— Аракъ!?... Зло, придуманное Худаемъ на гибель! — вскричалъ изумленный Хаджа, отступая назадъ :— и я пилъ его ?...

— Пилъ, мудрый Хаджа.

— Да, ты ли это, Шихъ-Мансуръ ?... Тотъ ли, которому я раскрылъ тайны завѣтовъ пророка? за что же, послѣ шестилѣтней разлуки, ты встрѣчаешь меня грѣхомъ и предательствомъ?

Шихъ-Мансуръ презрительно улыбнулся.

Пророкъ милостивъ — сказалъ онъ, — и завѣщалъ намъ рамазанъ не для того, чтобы правовѣрныя умирали съ голоду. Скажи, развѣ ты назвалъ бы нарушителемъ святаго закона несчастнаго странника, который послѣ трехъ-дневныхъ лишеній, истомленный жаждою, найдя въ степи ручей, рѣшился бы утолить эту жажду въ день рамазана до заката солнца? .. Я думаю — нѣтъ ... Такъ точно, глотокъ арака — не осквернилъ тебя, возвращая къ жизни ... Не пей его только, Хаджа, подъ плясовую пѣсню *кабызги,* *) а пей и за-

---

*) Кабызга и Чабызга, единственныя музыкальные инструменты киргизовъ. Первый похожъ нѣсколько на скрыпку; второй — дудка — выдѣлывамая большею частію изъ камыша.

ставляй другихъ пить для спасенія жизни, и повѣрь, что отъ этого не почернѣетъ золотая страница корана.

Слова эти, заключавшія въ себѣ болѣе язвительной насмѣшки и презрѣнія, чѣмъ дружескаго совѣта, видимо взволновали честолюбивую душу Батырь-Ша. Глаза его сверкнули огнемъ досады.

— Давно ли Шихъ-Мансуръ научился разсуждать такъ умно и свободно? — спросилъ Хаджа, стараясь подъ принужденною улыбкою скрыть свое волненіе.

— Съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ своимъ учителемъ ... Четыре года, проведенные въ трудѣ и бесѣдахъ между славными муллами Бухары развязали мой разсудокъ, который заарканилъ Батырь-Ша,—отвѣчалъ Шихъ-Мансуръ .— Да, Хаджа, — продолжалъ онъ — ты научилъ меня только читать коранъ, — Бухарцы научили меня понимать его ... Не оскорбляй же меня твоимъ фанатизмомъ ... Передъ толпою изступленныхъ киргизовъ я самъ буду таковъ, но передъ тѣмъ, кто распеленалъ свой разсудокъ также какъ и я, не назову глотокъ арака вѣчной пагубой ...

Лучше бы я замерзъ, чѣмъ видѣть погибшими шестнадцать лѣтъ трудовъ и надежды, подумалъ Батырь-Ша ... И скрывая свои настоящія чувства, онъ, повидимому, съ восторгомъ обнялъ Шихъ-Мансура.

— Такъ, сказалъ онъ, — я это зналъ, что посѣянное мною принесетъ вѣрный плодъ ... И если не раскрылъ для тебя въ первое время испытаній всей глубины премудрости, то потому только, что тогда ты былъ еще молодъ, Шихъ-Мансуръ ... Должно было сначала научить тебя вѣровать ... Теперь-же ... я только желалъ испытать тебя ... и вижу, что не ошибся въ тебѣ ...

— Хитритъ, старый волкъ! подумалъ въ свою очередь Шихъ-Мансуръ.

— Ну, однако время дорого — продолжалъ Батырь-Ша, — ночь близка, а съ нею и непогода ... еще выберемся ли мы до новаго урагана къ аулу ...

— Аулъ недалеко ... одинъ часъ ѣзды — ... отвѣчалъ Шихъ-Мансуръ,—я узнаю близость каратюлейскаго кочевья, вонъ ... по этому кургану ...

— Помоги, Аллахъ! — теперь не долго сбиться съ дороги: всѣ тропинки занесены снѣгомъ ...

— Ничего, только бы опередить новую вьюгу, а слѣдъ найдемъ .. сейчасъ проѣхала партія конныхъ хивинцевъ ... Ну, садись Хаджа — на моего коня ... я помѣщусь сзади.

Киргизцы вспрыгнули на коня и мелкою рысью пустились къ каратюлейскому кочевью.

Шихъ-Мансуръ снова запѣлъ одинъ изъ стиховъ корана, въ то время какъ товарищъ его, бросивъ поводья, утонулъ въ тяжелой думѣ о непрочности своихъ минувшихъ надеждъ и предположеній. Перемѣна и видимая дерзость Шихъ-Мансура — какъ змѣи сосали сердце Хаджи. Шестнадцать лѣтъ тому, какъ Батырь-Ша, знаменитый мулла и проповѣдникъ Башкирцевъ, увезъ изъ степей десятилѣтняго Шихъ-Мансура въ свои кочевья. Онъ угадалъ въ ребенкѣ всѣ качества, которыми долженъ обладать степной мулла — эта душа, умъ и глаза дикихъ поклонниковъ пророка ... Онъ видѣлъ въ немъ съ перваго шага къ понятіямъ о вѣрѣ наклонность къ изувѣрству и фанатизму, которые стоило только разжечь. Цѣль Батырь-Ша заключалась въ томъ, чтобы, расчитывая на врожденную смѣлость, дерзость и хитрость Шихъ-Мансура, создать изъ него вѣрнаго помощника въ исполненіи всѣхъ своихъ дерзкихъ замысловъ, но помощника, который, будучи посвященъ въ наружное постиженіе вѣры, не выступалъ бы изъ власти учителя и каждое его слово считалъ бы глубиною непостижимой премудрости ... Онъ думалъ, въ то время какъ во имя вѣры возмутитъ башкирцевъ, успѣть въ томъ же самомъ и чрезъ Шихъ Мансура въ степяхъ киргизовъ, расчитывая на полную власть въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ тамъ, такъ и тутъ *). Теперь все это для него рушилось!

Темная ночь уже раскинулась надъ степью, не смотря однакоже на мракъ, конь нашихъ путниковъ не терялъ тропинки, проторенной партіею хивинцевъ, и съ обычнымъ инстинктомъ прямо шелъ къ близкому отдыху ... Между тѣмъ вѣтеръ начиналъ свѣжѣть, осыпая киргизовъ мокрою пылью и шумя тощимъ баялишемъ.

— Я предчувствую, что непогода близка,— съ примѣтнымъ страхомъ сказалъ Батырь-Ша.

— Да и аулъ недалеко, равнодушно отвѣчалъ Шихъ-Мансуръ, оставляя свой однообразный напѣвъ — я слышу даже запахъ дыма отъ горящаго въ юртахъ *кизика*.

— Точно, радостно повторилъ мулла: — Чу! ... Слышишь ли ржаніе лошади ... Э!... да вонъ и камыши!

Въ самомъ дѣлѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ странни-

---

*) Коварные замыслы Башкирскаго муллы Батырь-Ша описаны въ *Историческихъ Извѣстіяхъ о Киргизъ-Казацкихъ степяхъ* соч. Левшина. Часть 2. Стран. 212, 213 и 214.

ковъ открылся низменный берегъ солончака, поросшій густымъ камышемъ, въ которомъ киргизы обыкновенно, ища защиты отъ вѣтра, располагаютъ свои зимнія кочевья.

Громкій и протяжный лай собакъ встрѣтилъ пріѣзжихъ въ аулѣ. Встревоженные лаемъ сторожевыхъ псовъ, верблюды и овцы, расположенные тѣсными атарами у юртъ, подняли головы и, чавкая скудный мохъ, добытый изъ-подъ снѣга, глухимъ блеяньемъ и визгомъ встрѣтили степныхъ скитальцевъ ...

II.

Юрта кочеваго киргиза немногимъ выигрываетъ въ роскоши передъ юртою гренландца и тунгуса. Наружный видъ ихъ одинаковъ, какъ у богатаго бея, такъ и у простаго киргиза. Сдѣланныя изъ тонкихъ деревянныхъ дранокъ и покрытыя войлокомъ — онѣ имѣютъ форму срезаннаго элипсиса и ставятся въ кочевьяхъ по произволу хозяина, такъ — что иногда въ большомъ аулѣ нѣтъ никакого удобства для прохода и проѣзда между ними. Въ одной изъ такихъ юртъ Каратюлейскаго кочевья, къ которой подъѣхали Хаджа и Шихъ - Машуръ, не смотря на полночь, еще пылалъ разложенный на срединѣ пола кизикъ ... Ѣдкій дымъ, растилаясь по юртѣ, медленно вылеталъ въ отверстіе, прорѣзанное вверху ея, а красноватый свѣтъ отъ вспыхивающихъ углей слабо освѣщалъ закопченныя камышевыя рогожи, развѣшанныя по стѣнамъ жилья. Въ переднемъ углу валялось нѣсколько ковровъ и шерстяныхъ попонъ, вѣроятно служившихъ постелью и диваномъ обитателямъ юрты. Брошенный у входа таганъ, перевернутый котелъ и нѣсколько точеныхъ чашекъ довершали утварь и богатство владѣльца юрты; надо прибавить къ этому еще два сундука, русской работы, обитые желѣзомъ. На одномъ изъ этихъ сундуковъ, окруженный грязными ребятишками, помѣщался старый киргизъ, батырь - Аблай. Онъ что - то разсказывалъ дѣтямъ, устремившимъ на него испуганный взглядъ, въ то время, какъ на одной изъ попонъ въ противуположномъ углу юрты, на полу, лежала молодая дѣвушка. Она плела арканъ изъ конскихъ волосъ и разсѣянно прислушивалась къ разсказамъ стараго отца своего. Вообще, дочери и жены киргизовъ не отличаются красотою и правильностію своихъ формъ, но за то, если между ними

встрѣчаются красавицы, то прелести ихъ превосходятъ все, что только можетъ создать очаровательнаго самое пылкое воображеніе. Дочь Аблая была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова. Рѣзко обрисованныя черты смуглаго лица ея, отѣненнаго черною прядью волосъ, искусно заплетенныхъ, по обычаю, въ нѣсколько мелкихъ косичекъ, выражали умъ и пламенную энергическую натуру дикарки. Хорошенькое личико ея получало еще болѣе прелести отъ малиноваго суконнаго *аракчина* *), граціозно надвинутаго на брови, изъ-подъ которыхъ сверкалъ живой и пламенный взглядъ.

— Такъ неужели они только за тѣмъ къ намъ и пріѣхали? спросила дѣвушка, оставляя свою работу и обращаясь къ отцу.

— А за чѣмъ же больше? отвѣчалъ старикъ. Всѣмъ извѣстно, что теперь въ нашихъ кочевьяхъ моръ, нищета и голодъ ... и всѣ знаютъ, что киргизъ не пожалѣетъ вымѣнять дочь или сына на мѣшокъ проса или на горсть серебра ... Вчера изъ сосѣдняго кочевья ташкенцы увезли тридцать мальчиковъ и столько же дѣвчонокъ, а вотъ завтра хивинцы увезутъ и отъ насъ ... нашихъ ребятишекъ ...

Мальчики, окружавшіе Аблая, съ испугомъ прижались въ уголъ юрты.

— Что?.. не хотите въ Хиву? улыбаясь продолжалъ старикъ, въ то время, какъ дѣти, трепеща всѣмъ тѣломъ, старались спрятаться одинъ за другаго ... Ну, такъ кого же изъ васъ вести завтра на вымѣнъ ... А? сказалъ онъ.

— Не меня ... я не хочу въ Хиву,—отозвался одинъ изъ мальчиковъ ... Я хочу жить съ тобой, отецъ, въ нашихъ кочевьяхъ — и буду батыремъ ... увидишь ... оставь меня.

— И меня! повторилъ другой: — я лучше замерзну или умру съ голоду ... оставь только .. нехочу быть *Сарты*! **)

— Такъ ужъ вѣрно тебя, Клычь? спросилъ Аблай, бросивъ внимательный взглядъ на третьяго малютку, который былъ менѣе другихъ и ростомъ и лѣтами.

Мальчикъ вздрогнулъ при этомъ вопросѣ ... На глазахъ его сверкнули слезы, онъ печально опустилъ голову и нерѣшительно прошепталъ:

— Отдай ... кого же больше? Я вѣдь тебѣ не родной, батырь—

---

*) Шапочка.

**) Сарты—рабъ.

Бій – Аблай ... Но не спроситъ ли послѣ кто – нибудь обо мнѣ? съ видомъ особенной таинственности добавилъ онъ.

Дѣвушка и старикъ обмѣнялись значительною улыбкою. Но въ ту же минуту веселость перваго исчезла: онъ нахмурилъ брови и покачалъ сѣдою головой.

— Ты еще глупъ, Клычь, — сказалъ онъ, и потому батырь Аблай не выкинетъ тебя за двери юрты, чѣмъ бы ты его не обидѣлъ ...

Малютка выразительно взглянулъ на стараго киргиза: въ минуту смуглое лицо его вспыхнуло румянцемъ, онъ презрительно улыбнулся и, сложивъ на груди руки, прислонился головою къ камышевой рогожѣ.

— Я думаю, — сказалъ онъ, — батырь–Аблай помнитъ, что рано или поздо, Шихъ – Мансуръ вернется въ наше кочевье и подберетъ за твоимъ порогомъ своего брата ...

— Что ты говоришь тамъ, недокормленный волченокъ? вскричалъ старикъ.

— Я хочу сказать, — отвѣчалъ Клычь тѣмъ же равнодушнымъ тономъ, — что ты можешь убить меня, связать какъ барана и продать хивинцамъ, чтобы прокормить Кучука и Абулфета, но не выкинуть меня за двери, какъ истертую рогожу ... Вѣдь не вѣкъ же я буду лежать за твоимъ порогомъ ... я уйду въ другое кочевье ... выросту, куплю себѣ *айбалтъ* *) — и тогда берегись...

Оскорбленный первыми словами мальчика, старикъ невольно перешелъ къ чувству удивленія, когда Клычь, кончивъ свою тираду, схватилъ висѣвшій на стѣнѣ топоръ и отошелъ къ двери, съ видимымъ намѣреніемъ защищать себя, если бы Аблай рѣшился испробовать на его спинѣ прочность новаго аркана.

— Вѣрно волчица выкормила этого звѣря! прошепталъ киргизъ. Брось айбалтъ, Клычь, и подойди ко мнѣ.

— Ты будешь драться, бій?..

— Нѣтъ ... подойди ко мнѣ ... честное слово Аблая, не трону тебя.

Клычь лукаво улыбнулся, медленно повѣсилъ айбалтъ на прежнее мѣсто и развязно, безъ малѣйшаго смущенія, подошелъ къ старику.

— Вотъ я и пришелъ, сказалъ онъ.

— Ты молодецъ Клычь, отозвался старикъ, и будешь славнымъ батыремъ, если ужъ теперь умѣешь взяться за айбалтъ ... У кого только ты научился такой удали?..

---

*) Топоръ на длинной рукояти, одно изъ вооруженій киргиза.

— У тебя, бій – Аблай ...

— У меня?.. старикъ самодовольно улыбнулся: самолюбіе хищнаго киргиза вполнѣ удовлетворилось такимъ отвѣтомъ ... Гм, ... братъ твой зналъ кому оставить тебя, когда уѣзжалъ въ Бухару, продолжалъ Аблай, и найдетъ въ тебѣ современемъ славнаго товарища ... Вернется ли онъ только назадъ – то ?..

При послѣднихъ словахъ старика худо скрываемый испугъ выразился на лицахъ дѣвушки и маленькаго Клыча. Дочь и пріемышъ устремили на киргиза взглядъ живаго вопроса, какъ-бы ожидая, чтобы онъ разъяснилъ имъ свои загадочныя слова. Но киргизъ не замѣчалъ этихъ взглядовъ и смущенія собесѣдниковъ; въ какомъ-то раздумьи онъ поглаживалъ свою сѣдую и рѣдкую бороду, покачиваясь изъ стороны въ сторону.

— Да, — сказалъ онъ наконецъ послѣ долгаго молчанія, — поговариваютъ, что въ Башкиріи дѣла не хороши ... Говорятъ, русскіе казаки съ пушками выступили изъ крѣпостей Оренбургской линіи и идутъ проучить башкирцевъ ... Говорятъ, голова ихъ, Батырь – Ша, того — и — гляди, что останется безъ головы отъ своихъ же пріятелей ... Такъ не мудрено, что Шихъ – Мансуръ бросился на помощь къ своему учителю ... У! у этаго Шихъ – Мансура языкъ остёръ — что твой ятаганъ! а храбрости хватило бы на цѣлый улусъ батырей: онъ много поможетъ отчаянному муллѣ ... Пхе! Его не удержатъ глубокія снѣга Усть – Урта, и не испугаютъ морозныя вьюги; онъ въ три дни одноконнымъ будетъ въ Башкиріи ...

— А если его убьютъ тамъ, если онъ попадется въ петлю казачьяго аркана? спросила дѣвушка голосомъ, вызывавшимъ утѣшительный отвѣтъ.

Киргизъ пожалъ плечами. Тогда, Айканы, сказалъ онъ, — Шихъ не будетъ твоимъ мужемъ ...

— Убьютъ! прошепталъ Клычь, какъ-бы говоря самъ съ собою ... Кто убьетъ?.. не смѣютъ ... У него останется братъ ... а брату въ наслѣдство баранта ...

— Чу! съ испугомъ вскричалъ одинъ изъ сыновей Аблая ... Слышите ... конскій топотъ ... это хивинцы!

— Нѣтъ, — это наши гости, отвѣчалъ старикъ — и какъ видно, странники ... они ... слышите ... останавливаются позади моей юрты. *)

---

*) Странникъ, по обычаю Киргизъ-Казаковъ, требующій Кунагаса т.е. гостепріимства, долженъ, въѣхавши въ аулъ, остановиться позади юрты и окликнуть хозяина.

Аблай не ошибся. Едва онъ успѣлъ досказать послѣднее слово, какъ подлѣ юрты послышалось храпѣніе усталой лошади и потомъ громкое:

— Сайлесъ! *)

— Аллахъ милосердъ къ Аблаю ... странникъ не проѣзжаетъ мимо его юрты! — также громко отвѣчалъ киргизъ ... Ну, продолжалъ онъ, поправляя свой замасленный аракчинъ ... Айканы! разстилай коверъ у порога; а ты, Абулфетъ, бѣги и разсѣдлай коней нашихъ гостей.

Мальчикъ опрометью бросился вонъ изъ юрты, въ то время какъ Айканы, съ любопытствомъ поглядывая на дверь, подмѣтала разбросанные на полу угли и раскинула пестрый коверъ у входа ...

Дверь отворилась и два странника, закутанные въ широкія кафтаны изъ козьей кожи, не снимая своихъ остроконечныхъ мѣховыхъ шапокъ, вошли въ юрту. Первый изъ нихъ былъ мужчина среднихъ лѣтъ, необыкновенно высокаго роста; смуглое лицо его, отмѣченное глубокимъ шрамомъ на правой щекѣ и опушенное рѣдкою бородою, съ перваго взгляда поражало наблюдателя своимъ грознымъ и холоднымъ выраженіемъ, между-тѣмъ какъ въ маленькихъ сѣрыхъ глазахъ великана отражалась душа каварная и хитрая. За то товарищъ его, слѣдовавшій за нимъ, своею привлекательною и богатырскою наружностію тотчасъ-же уничтожалъ то непріятное впечатлѣніе, какое производила наружность неуклюжаго гостя. Надо было много проницательности, чтобы въ чертахъ умнаго и благороднаго лица втораго гостя, подмѣтить выраженіе страстей сильныхъ и страшныхъ, искусно скрытыхъ подъ маскою ума и рѣдко-измѣняемой холодности. Повидимому, въ черныхъ, блестящихъ глазахъ молодаго киргиза выражались только отвага и гордая самонадѣянность, тогда-какъ эти глаза, на единѣ, могли бы испугать всякаго проблескомъ души хитрой, смѣлой и недоступной ни для слезъ жертвы, ни для чистой радости.

Едва только разсѣялся дымъ отъ кизика, крутившійся передъ тѣмъ цѣлымъ облакомъ въ отворенныхъ дверяхъ юрты, едва только разнохарактерныя фигуры обоихъ пріѣзжихъ были освѣщены красноватымъ пламенемъ костра, какъ старый киргизъ, дочь и Клычь, съ крикомъ — Шихъ-Мансуръ! бросились на встрѣчу молодому киргизу. Аблай съ непритворнымъ восторгомъ нѣсколько разъ обнялъ нежданнаго гостя; дѣвушка, какъ-бы по ошибкѣ и забывая, раза четыре прижала къ своей груди руку Шихъ-Мансура, выражая этимъ свою радость. Въ свою очередь и маленькій Клычь, хотя не встрѣченный послѣ пяти-

*) Отвѣчай! обычный окликъ въ подобномъ случаѣ.

лѣтней разлуки ласкою брата, усердно помогалъ ему снять вооруженіе

Когда миновалъ первый восторгъ, гости и хозяева расположились на попонахъ вокругъ горящаго кизика, на который въ ту же минуту былъ поставленъ котелъ съ бараниною.

— Не думалъ я, — началъ Аблай — что увижу тебя Мансуръ въ моей войлочной юртѣ, я ждалъ не прежде встрѣтиться, какъ на Сыръ-Дерьи, въ лѣтнее кочевье.

— Недождался бы и тамъ, батырь Бій-Аблай, отвѣчалъ гость: только вьюга да два дня некормленный конь занесли меня сюда. Если бы не эти страшные морозы да голодъ и моръ во всѣхъ встрѣчныхъ аулахъ — далеко бы ужъ я былъ отсюда ...

— Эге!.. знаю ... вѣдь я угадалъ, что ты бросился въ Башкирію ...

— Въ Башкирію?.. За чѣмъ?..

— Знаю, знаю всё, досъ Мансуръ ... Не скрывай ... ты отправляешься на помощь къ своему учителю ... У насъ во всѣхъ кочевьяхъ прошла перелетная новость, что Батырь-Ша попалъ въ бѣду и ничего не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ.

Глаза великана, имя котораго назвалъ старый киргизъ, сверкнули какъ глаза хищнаго волка. Спокойный до этой минуты и глубокомысленно созерцавшій прыгавшую въ кипяткѣ баранину, онъ быстро отодвинулся назадъ и толкнулъ локтемъ Шихъ-Мансура.

— Ради Аллаха и вѣчной дружбы, не называй меня по имени, шепнулъ онъ ... Я погибъ, если меня узнаютъ...

— Да, да, повторилъ Аблай, незамѣчая безпокойнаго движенія Батырь-Ша и изумленія его товарища — дѣло его очень плохо ... Говорятъ даже, что отчаяннаго муллу русскіе на цѣпь посадили ... Да ты всё это хорошо знаешь, очи мои, Шихъ-Мансуръ ... сказать не хочешь только.

Изумленіе Шихъ-Мансура росло съ каждой минутой.

— Клянусь твоею мудростію, Бій-Аблай, сказалъ онъ: всё, что ты расказываешь мнѣ, я слышу только переступивъ за порогъ твоей юрты ... Ни чего незнаю. Да, вотъ — онъ нѣсколько дней, какъ изъ Башкиріи, добавилъ молодой мулла, указывая на Батырь-Ша и играя его смущеніемъ — и вѣрно разскажетъ намъ подробно эту печальную новость...

Батырь-Ша принужденно улыбнулся.

— Все это правда — сказалъ онъ отрывисто. Башкиры разбиты и усмирены русскими гарнизонами ... Все это правда, кромѣ того, что Батырь-Ша на цѣпи...

— Пхе! подхватилъ Аблай: вотъ хотѣлось-бы знать, гдѣ-то онъ самъ теперь...

— Онъ? мрачно спросилъ Батырь-Ша.

— Да! Вѣдь ужъ не остался же между тѣми, которыхъ изъ-за него поколотили, какъ ты разсказываешь?..

— Онъ убитъ...

— Убитъ? вскричалъ старый киргизъ, въ то время, какъ Шихъ-Мансуръ едва неразразился громкимъ смѣхомъ при взглядѣ на серьёзную и мрачную физіономію своего товарища.

— Да, убитъ, — повторилъ Батырь-Ша, я самъ видѣлъ, какъ казакъ срѣзалъ его съ коня саблею.

— Аллахъ, Аллахъ!.. Такой мудрый мулла и такъ неосторожно подставилъ лобъ подъ глупую сталь!..

— Что дѣлать: вѣрно на то была воля пророка, смиренно замѣтилъ Шихъ-Мансуръ...

— Вѣрно! да! вполголоса отозвались собесѣдники, убѣжденные мудрымъ изреченіемъ молодаго муллы.

— Такъ ты, сердце моего сердца, Мансуръ, продолжалъ словоохотливый Аблай, возвращаясь къ прежней своей мысли ... не въ Башкирію ѣдешь теперь, какъ я думалъ?

— Нѣтъ ... дальше ... за Каспій, въ страну, куда меня призываетъ вѣра и слава исламизма ... Да, Аблай, много выпадаетъ на долю мою испытаній, быть можетъ мукъ, но покорный голосу святаго вдохновенія ... я иду — и быть можетъ подвиги великихъ дѣлъ Шихъ-Мансура откликнутся въ вашихъ степяхъ, которые я оставлю на долго, а быть можетъ ... и навсегда.

Слова молодаго муллы, высказанныя голосомъ твердымъ и восторженнымъ, произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ собесѣдниковъ ... каждый изъ нихъ былъ связанъ съ судьбою и будущимъ Шихъ-Мансура.

Старый киргизъ, взглянувъ на дочь, которая въ эту минуту отошла въ темный уголъ юрты, стараясь скрыть навернувшіяся на глазахъ слезы, печально поникъ головою и разсѣянно принялся ворочать обугливщійся кизикъ. Маленькій Клычь тяжело вздохнулъ и остановилъ на братѣ умоляющій взглядъ ... Одинъ только Батырь-Ша казался ровнодушнымъ, тогда-какъ въ душѣ его происходила страшная буря. Увѣренный въ дерзости, смѣлости и умѣ своего ученика, онъ съ завистію видѣлъ, что дорога къ подвигамъ, которую избралъ Шихъ-Мансуръ, затмитъ его погибшую славу. Въ эту минуту Хаджа поклялся вы-

вѣдать намѣренія молодаго человѣка и остаться послѣ вѣчнымъ врагомъ его во всѣхъ его дѣйствіяхъ...

Первый прервалъ молчаніе Аблай. Да поможетъ тебѣ—сказалъ онъ—мысль мысли моей, Мансуръ, Аллахъ и великій пророкъ его во всѣхъ дѣлахъ твоихъ!.. Иди, куда зоветъ тебя твое назначеніе ... Слава твоя близка нашей славѣ ... Айканы, продолжалъ онъ:—давай гостямъ баранину, она готова; да принеси...тамъ, въ пустой юртѣ есть у насъ *бишъ-бармакъ* *) А ты, Кучукъ, продолжалъ киргизъ — иди съ сестрою, да приготовь для гостей огня и постели въ юртѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ гости поужинали и разстались съ хозяиномъ. Уходя, Шихъ-Мансуръ не подарилъ Айканы ни однимъ взглядомъ. Истерзанная тоскою, дѣвушкапечаль ная и блѣдная, уже нескрывала слезъ своихъ и долго оставалась на порогѣ юрты, слѣдя за удалявшимся юношею.

— Нѣтъ ... ни слава, ни люди, ни подвиги, ни муки и страданія, которыя ты обѣщаешь себѣ — неразлучатъ насъ съ тобою! прошептала Айканы.

— Полно! Брось Айканы! сказалъ старикъ, проклиная откровенность Шихъ-Мансура ... и готовый самъ расплакаться: поди ко мнѣ.

Айканы отерла слезы, грустно улыбнулась и подошла къ отцу.

— Забудь его, сказалъ Аблай: — слава будетъ его женою, за нее онъ заплатитъ калымъ трудами и испытаніями многихъ лѣтъ ... Неплачь...

— Отецъ, отецъ!.. рыдая вскричала дѣвушка: ты старъ, ты ужъ забылъ боль и муки молодаго сердца, когда это сердце, вызванное на любовь, встрѣчаетъ измѣну ... и даже презрѣніе?.. Нѣтъ, не могу не плакать ... Хотѣла бы не любить его ...Но не могу...

— Забудешь ... сердце дѣвичье — баялишь сухой ... далеко занесетъ его вѣтеръ, да тотъ же вѣтеръ и назадъ принесетъ...Неплачь.. а объ немъ и не думай и не вспоминай...

— Нѣтъ, отецъ !.. ты самъ пріучилъ меня и въ радости и въ грусти, и днемъ и въ часъ безсонной полуночи думать о немъ ... Вырви изъ меня сердце, съ нимъ вырвешь и мысль о немъ...

— Увидимъ ... Вотъ весной, какъ будемъ сбираться на Сыръ-Дерью ... богатый калымъ да пара черныхъ глазъ Абулгая выживутъ эту мысль ... Онъ ужъ давно поглядываетъ на тебя...

---

*) Приготовляется изъ мяса мелко искрошеннаго и смѣшаннаго съ кусочками сала. Бишъ значитъ пять, а бармакъ-палецъ, названіе очень хорошо выражающее предметъ: блюдо это не иначе ѣдятъ какъ пьятью пальцами.

Айканы отрицательно покачала головою и изнемогая отъ душевной боли, опустилась на сундукъ...

Черезъ полчаса огонь потухъ въ юртѣ Аблая ... Старикъ захрапѣлъ на разосланномъ у входа коврѣ, а ребятишки, по обыкновенію, забрались въ горячую золу, и послѣ споровъ и маленькой драки уснули на своемъ пыльномъ ложѣ. Только одна Айканы, тревожимая страшною мыслію о вѣчной разлукѣ съ любимцемъ своего сердца, не могла сомкнуть заплаканныхъ глазъ ... въ полночь она осторожно поднялась съ сундука, накинула на плечи халатъ изъ овечьей кожи, разбудила Клыча и тихо вышла съ нимъ изъ юрты.

III.

Печальный и угрюмый сидѣлъ Батырь-Ша въ юртѣ, служившей ему ночлегомъ. Потухающіе угли почти догорѣвшаго костра, вспыхивая изрѣдка яркимъ красноватымъ огнемъ, освѣщали на мгновеніе мрачное лицо Хаджи. Шихъ-Мансуръ казался также углубленнымъ въ какую-то думу; но если бы безмолвный Батырь-Ша былъ внимательнѣе, то легко бы могъ замѣтить тотъ проницательный взглядъ, которымъ собесѣдникъ наблюдалъ его.

— Грустишь, Хаджа? сказалъ Шихъ-Мансуръ, стараясь въ голосѣ и взглядѣ выразить дружеское участіе къ судьбѣ своего учителя.

— Кто?.. я?..Я не умѣю грустить ... Я только проклинаю мои неудачи, которыя впрочемъ я долженъ былъ предвидѣть ... Подобное дѣло — безумство, и съ нимъ никогда не прійдешь къ цѣли, но всегда къ петли ...

— Что ты говоришь?.. Какое дѣло, Батырь-Ша?.. раскажи мнѣ... раскажи всё ... и не забудь объяснить: почему ты скрываешь свое имя въ здѣшнихъ кочевьяхъ...

— Якши, хорошо, подумалъ Батырь-Ша: я раскажу тебѣ все ... и увидимъ какъ-то ты не откажешься отъ своихъ намѣреній.

— Слушай — сказалъ онъ: — исторія коротка ... Я хотѣлъ славы и власти ... Во имя вѣры я вызвалъ изувѣрство башкирцевъ и отуманенныхъ безумцевъ, словомъ ложной проповѣди, во имя пророка, озло-

билъ противъ касыровъ. *) Пламя вспыхнуло и не только въ одинъ день, въ одинъ часъ тысячи рускихъ погибли въ Башкиріи подъ ножами изступленныхъ... **)

— И всё это ты, Батырь-Ша?

— Я ... будь проклята моя память! Недолго я видѣлъ восходъ моихъ надеждъ ... Мщеніе людей и Аллаха пало тяжелою грозою на мою голову ... Русскія войска вступили въ Башкирію ... и едва только сверкнулъ карательный штыкъ ихъ, какъ башкирцы принесли покорную, обязавшись выдать меня ... меня, у котораго поцѣловать полу халата считалъ каждый изъ нихъ за милость и счастіе ... Я бѣжалъ ... Но еще не ушелъ отъ терзаній душевныхъ и страха погибнуть за преступленія... Голова моя была оцѣнена ... и теперь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитальчества я все еще неизбѣжалъ преслѣдованіи правосудія ...

— Оцѣнена! И дорого? спросилъ Шихъ-Мансуръ, едва скрывая свое удовольствіе.

— Пхе!.. Я думаю ... Голова моя съ туловищемъ, или безъ него, а все пойдетъ на вѣсъ золота ... Вотъ почему я долженъ здѣсь скрывать свое имя ... Ты знаешь киргизовъ, даже и самъ въ половину степной киргизъ ... Цѣлыя тысячи охотниковъ найдутся между ними для того, чтобы стащить меня на арканѣ въ Оренбургъ...

— Правда, правда! отозвался Шихъ-Мансуръ.

— Теперь, спрашиваю тебя, продолжалъ Батырь-Ша: — гдѣ эта слава и власть, которыхъ я добивался, гдѣ мое первое имя мудраго муллы, гдѣ мое спокойствіе, гдѣ моя родина ... семья ... родная юрта?.. А тысячи жизней, которыя отнялъ я ... А милліоны проклятій, которыя легли на мое имя и мою память, обремененную позоромъ .. развѣ не измучатъ умъ и душу?.. Чѣмъ теперь будущее мое лучше участи голоднаго шакала, который и мертвечиной не полакомится безъ опасенія подвернуться подъ айбалтъ или ружейное дуло ... Пхе! Нѣтъ, душа моя, досъ Шихъ-Мансуръ, не иди по безплодной дорогѣ, проторенной мною ... Я угадываю твои замыслы ... и знаю твой конецъ ...

— Воля пророка, мудрый Батырь-Ша. Но что должно свершиться, то будетъ ... Если мнѣ утонуть, Батырь-Ша, то утону и въ этомъ войлокѣ ... если быть въ петлѣ, то не оборвусь и съ паутины ... Но впередъ и впередъ!.. Босой, въ лохмотьяхъ, истощенный постомъ и молитвой, я смѣло пройду горы Кавказа, готовый на всѣ пытки и ли-

---

*) Христіанъ.

**) Историческія извѣстія о Киргизъ-Казацкихъ степяхъ Левшина часть 2. стр. 212

шенія ... И пронесу ученіе пророка отъ снѣжныхъ вершинъ Фартама до крѣпкихъ стѣнъ Бугуръ-Кале *)

— Безумецъ !.. Кто вложилъ тебѣ въ голову эту ужасную мысль!.. Послушай меня ... спроси мою опытность...

— Ты, Батырь-Ша, и я — идемъ по одной дорогѣ ... Но ты шелъ по ней съ завязанными глазами и безъ проводника ... потому-то и споткнулся ... Я пойду съ друзьями ... Мое вдохновеніе, твердая воля, смѣлость и дерзость со мною ... И даже люди — за меня...

— Люди ?.. Не вѣрь имъ ... они продадутъ твое вдохновеніе ... они измучатъ твою твердую волю, они сокрушатъ твою смѣлость и дерзость ... Люди не овцы, они тогда только за тебя, когда ты раздѣлишь съ ними твои пользы, а со всѣми ихъ дѣлить не льзя...

— Можно !.. Это именно тѣ, съ которыми я долженъ дѣлиться своими пользами ... для которыхъ, какъ единовѣрецъ, какъ избранный ихъ, обрекаю себя на гибель или славу...

— Кто же это?—спросилъ насмѣшливо Батырь-Ша.

— Турки ... въ Бухарѣ меня поощрили на это дѣло и обѣщали помощь.

— Не вѣрь имъ, Шихъ-Мансуръ ... Лучше остаться при томъ уваженіи, которымъ ты пользуешься здѣсь ... Лучше трудъ, терпѣніе и умъ твой употреби на пользу твоей родины...

— Что буду дѣлать я здѣсь ?

— Просвѣщай разумъ собратій ... Та же услуга пророку , если ты научишь суевѣрныхъ Кайсаковъ вѣрить въ коранъ , а не въ безумный бредъ коварнаго Яурупчи или Баксы !..

— Нѣтъ, Батырь-Ша, ты самъ нашептывалъ мнѣ, когда я еще былъ ребенкомъ, что служа корану, надо служить и душѣ своей и уготовить ей блаженство за Эль-Сыратомъ , и славную память на землѣ ... Здѣсь я буду только мулла ... а тамъ ... тамъ слово мое — будетъ словомъ пророка!

— Остановись, малодушный ! вскричалъ Батырь-Ша ... Какъ человѣкъ, первый научившій тебя мыслить и вѣровать, я приказываю тебѣ бросить безумный бредъ твой...

— Поздно, Батырь-Ша: Я тебя не послушаю.

— Такъ я вѣчный врагъ твой здѣсь и за гробомъ ... Отнынѣ я обрѣкаю себя на вражду съ тобою ... И каждый шагъ впередъ ты сдѣлаешь неиначе, какъ испытавъ силу моей ненависти и моихъ козней ...

---

*) Кр. Анапа.

Клянусь прахомъ отца ... если бы даже тѣло мое разрушилось и легло въ могилу, то духъ мой пойдетъ за тобою ... и тѣнь моя не разъ заставитъ тебя блѣднѣть передъ твоими начинаніями...

Шихъ-Мансуръ задрожалъ отъ злобы и опустилъ руки на кинжалъ, спрятанный на груди.

Въ эту минуту Батырь-Ша и Шихъ-Мансуръ поклялись въ душѣ погубить другъ друга ... И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — думали оба.

Еще послѣдній не пришелъ въ себя отъ ярости, какъ послышался легкій ударъ въ двери юрты.

— Что это значитъ!.. Насъ подслушали? вскричалъ Шихъ-Мансуръ.

— Можетъ быть и подслушали, съ злобною улыбкою отвѣчалъ Хадже...

— Кто тутъ? спросилъ Шихъ-Мансуръ.

— Клычь.

— За чѣмъ-ты бродишь ночью, волченокъ?.. Что тебѣ надо?

— Тебя, братецъ ... на два слова.

— Завтра ... ступай на свой войлокъ.

— Не пойду...

— Ну такъ мерзни у порога.

— Замерзну, но дождусь тебя...

— Мерзни.

— Братецъ! А братецъ ... снова началъ мальчикъ: — очень нужно.

Шихъ-Мансуръ не отвѣчалъ ...

Спустя нѣсколько минутъ Клычь опять постучался ...

— Ты еще не ушелъ, Клычь?

— Нѣтъ ... и не уйду ... и замерзну, если не выйдешь ...

— Да говори, за чѣмъ ты пришелъ?..

— Сказать нельзя ... выйдешь — узнаешь.

Шихъ-Мансуръ проворчалъ что-то сквозь зубы, накинулъ на плечи кафтанъ и вышелъ изъ юрты...

Ночь была на исходѣ. За сплошнымъ лѣсомъ камыша, опушеннымъ искрами снѣга, тамъ, гдѣ далекая степь исчезала въ утреннемъ туманѣ, блѣднорозовая полоска зари обрисовывала уже прояснявшійся небосклонъ ... Но аулъ еще спалъ и только ржаніе сбатованныхъ коней, принадлежавшихъ пріѣзжей партіи хивинцевъ, да отвѣтный визгъ продрогнувшаго верблюда нарушали безмолвіе кочевья.

— Клычь, гдѣ ты? спросилъ Шихъ-Мансуръ.

— Здѣсь, братецъ...

— Или ты очень малъ ... или еще ночь темна ... но я тебя не вижу, волченокъ ...

— Здѣсь я ... здѣсь ..

— А! вижу ... Ну, зачѣмъ ты звалъ меня?

— А вотъ, Айканы тебѣ это скажетъ, отвѣчалъ малютка и, подпрыгивая, съ веселою пѣснею онъ отбѣжалъ всторону, завернулся въ свой ветхій халатъ и легъ за юртою на снѣгъ.

— Айканы! спросилъ молодой мулла, нахмуривъ брови, въ ту минуту, какъ дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ, нерѣшительно подошла къ нему и взяла его руку...

Вездѣ свои обычаи и свои понятія о приличіяхъ ... И нигдѣ на востокѣ женщины, даже дѣвушки, не пользуются такою свободою, какъ въ степяхъ Киргизъ-Казаковъ; ревнивая чадра не скрываетъ ихъ лицъ, и отцы и мужья не прячутъ ихъ за семью замками въ каменной клѣткѣ, евнухъ и ревность не существуютъ для киргиза, объ нихъ онъ не имѣетъ никакого понятія, приличія въ отношеніи половъ также считаются здѣсь лишними и бесѣда мужчинъ, какова бы она ни была, не стѣсняется присутствіемъ женщинъ. Въ свою очередь дѣвушки, лишенныя надзора, свободно, въ веселыхъ играхъ коротаютъ время съ молодыми наѣздниками.

Вотъ почему Айканы смѣло сама вызвала на свиданіе молодаго муллу: она не боялась свидѣтелей, не прятала блѣднаго лица своего и не украдкой прошла у пороговъ юртъ ... Страхъ и оскорбленное самолюбіе тогда только заставили встрепенуться ея сердце, когда она сжала въ своихъ рукахъ холодную руку Шихъ-Мансура. Мрачный и неласковый взглядъ его связали мысли и языкъ дѣвушки... Безмолвная, вперивъ въ юношу умоляющій взоръ, Айканы оставалась безъ движенія и долго не могла вымолвить ни одного слова.

— Я здѣсь, Айканы, холодно сказалъ Шихъ-Мансуръ: — зачѣмъ ты звала меня?

— О, какъ ты сталъ не привѣтливъ, Мансуръ, съ глубокимъ вздохомъ, опустивъ печально голову, прошептала она. — Неужели пять лѣтъ разлуки такъ измѣнили тебя, что ты даже забылъ тѣхъ, которымъ, уѣзжая, завѣщалъ молитву о себѣ ... которымъ обѣщалъ вѣчную ласку, долгую любовь? Помнишь ли, когда я тебя провожала съ лѣтняго кочевья за камыши ... ты спрыгнулъ тогда съ коня ... упалъ на грудь Айканы ... и долго, долго не могъ оторваться отъ этой груди ... Ты шепталъ тогда, что ...

— Замолчи, замолчи, Айканы! вскричалъ Шихъ-Мансуръ, надвигая на глаза свои шапку, чтобы скрыть выступившія на нихъ слезы.

— А!.. вижу ... и тебя тревожатъ эти воспоминанія, хоть ты стараешься забыть меня ... Сколько-же, Мансуръ, должна страдать моя душа, заглядывая въ отрадное прошедшее и изнывая въ мукахъ при мысли о будущемъ ... За что-же, скажи мнѣ, за что ты разлюбилъ свою Айканы?!.. Развѣ взглядъ мой не такъ же свѣтитъ для тебя привѣтно, какъ и прежде?.. Развѣ я не стала краше чѣмъ была?.. Развѣ ты думаешь, мое сердце не также страстно и пламенно любитъ тебя?.. Нѣтъ, нѣтъ, не обманывайся мой милый, я еще больше люблю тебя теперь, еще больше горячее сердце мое рвется къ твоему сердцу ... Не забывай!.. Не покидай меня, Мансуръ! заключила дѣвушка голосомъ страстной и униженной мольбы. — Да? вѣдь ты меня не забудешь?.. Прости меня ... но ... твоя холодная встрѣча даетъ мнѣ право на этотъ вопросъ ...

— Разстанусь ... и забуду! отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Такъ должно быть, Айканы ... это воля моей судьбы.

— Забудешь!.. Забылъ? рыдая прошептала Айканы. — Забылъ, тогда-какъ клялся ...

— Замолчи, безумная! вскричалъ онъ. — Тебѣ ли упрекать человѣка, котораго дѣйствія независятъ отъ его воли!.. И что такое клятва, данная женщинѣ въ минуту разнѣженной страсти, передъ клятвою, обрекающею меня на могучіе подвиги во славу Пророка!.. Первая — скошенный камышъ, оставленный на мѣстѣ до перваго костра ... вторая — дубъ, который согнется и рухнетъ только подъ бурей ... Не ковры пиршества моя дорога теперь, но колючій терновникъ ... Не ласки жены, не животная, безсмысленная жизнь домовитаго киргиза закабалили думы и мысли мои, а трудъ, скитальчество въ мрачныхъ скалахъ за Каспіемъ, гдѣ твердый голосъ мой зазвучитъ стихомъ изъ корана, а не пѣснію любви!..

Не смотря на этотъ рѣшительный приговоръ молодаго муллы, дѣвушка забывала его жестокую откровенность и молча, съ выраженіемъ сильнаго восторга, любовалась прекраснымъ, одушевленнымъ лицомъ Шихъ-Мансура ... Каждое его слово, высказываемое съ твердостію героя, звучало для нее очарованіемъ, каждый его взглядъ, сверкавшій изъ-подъ сдвинутыхъ бровей огнемъ вдохновенія, сжигалъ ея трепещущее сердце ...

— И тебя!.. Тебя забыть мнѣ! вскричала Айканы въ какомъ-то забытьи ... тебя, когда одинъ только звукъ твоего голоса переноситъ меня въ блаженство обѣщаннаго эдема ... Забыть, бѣжать отъ тебя, тогда какъ бездна мукъ и пытокъ ждетъ тебя впереди .. Не быть подлѣ тебя ... Не обмывать твоихъ ранъ, не страдать у твоего ковра, на

которомъ, быть-можетъ, полумертвый, только вынесенный съ поля смерти вѣрнымъ конемъ, ты будешь изнывать въ томительной тоскѣ за свои неудачи... А потомъ, потомъ не любоваться твоею славой?!..

— Тс!.. прошепталъ Шихъ-Мансуръ, тревожно оглядѣвшись кругомъ и какъ-бы боясь, чтобы не подслушали послѣднихъ словъ Айканы. — Не для славы иду я на гибель, или къ торжеству слова проповѣди, сказалъ онъ: — не для своего счастія, но для счастія цѣлыхъ тысячъ, готовыхъ забыть доблести пророка...

Дѣвушка съ изумленіемъ посмотрѣла на молодаго муллу ... Слезы, казалось, высохли на ея глазахъ, выражавшихъ въ эту минуту рѣшительность и самоотверженіе. Она бодро приподняла голову и снова взяла руку Шихъ-Мансура.

— Да ... сказала она. — Не простая женщина можетъ быть твоей подругой... Вижу, безуміемъ бы было вымаливать мнѣ для себя любви твоей ... Даже прости меня за то, что это бѣдное сердце будетъ страдать при мысли о тебѣ. Сердце человѣческое, въ какомъ бы прекрасномъ тѣлѣ не было заключено оно, не приворожитъ твоихъ мыслей, отданныхъ на жертву вдохновенной проповѣди ... Но, Мансуръ ... ради праха твоего отца ... ради минувшаго блаженства, которымъ ты называлъ любовь Айканы, не запрещай мнѣ удивляться тебѣ ... не запрещай мнѣ быть послѣднею изъ рабовъ твоихъ ...

— Что ты хочешь сказать, Айканы?

— Возьми меня съ собою ... Я пойду у твоего стремя ... Я вынесу для тебя всѣ пытки скитальчества ... Я весело засну подлѣ тебя въ бурную ночь на краю бездны ... Я буду стеречь твой тревожный сонъ ... Я въ битвѣ приму за тебя всѣ вражескіе удары ... и, благословляя тебя, умру у ногъ твоихъ...

— О, зачѣмъ я не долженъ любить ее? подумалъ съ примѣтною грустью Шихъ-Мансуръ, невольно измѣняя своей роли. Онъ даже вздрогнулъ, когда дѣвушка съ новыми слезами припала на грудь его головою, и жарко поцѣловалъ эту голову.

— Предательское сердце! прошепталъ очнувшійся молодой человѣкъ. — Прочь!.. Уйди, Айканы! вскричалъ онъ, оттолкнувъ ее. — Да сохранитъ Аллахъ твою молодость и жизнь!.. Прощай!.. и молись обо мнѣ!..

Послѣднія слова были сказаны такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Айканы, измученная своимъ страданіемъ, невольно повиновалась Шихъ-Мансуру.

— Прощай ... сказала она. — Но нѣтъ, продолжала дѣвушка, уже

стойдя нѣсколько шаговъ отъ молодаго муллы. — Я не хочу умирать безъ тебя въ нашихъ кочевьяхъ ... Я буду съ тобою !..

И долго и часто Айканы, подходя къ своей юртѣ, оглядывалась на задумчиваго юношу ... Но мысли его въ эту минуту уже не принадлежали ей ...

— Хорошо, вполголоса сказалъ Шихъ-Мансуръ: — я начинаю умно ... въ Бухарѣ и здѣсь почти всѣ вѣруютъ въ мое вдохновеніе ...

При этомъ какая-то неразгаданная улыбка судорожно искривила его блѣдное лицо.

— А врагъ? прошепталъ онъ. — Врагъ, поклявшійся ко мнѣ вѣчною враждою? Ихе !.. ... Голова его оцѣнена ... Все къ лучшему. Пусть будутъ думать, то я питаюсь мудрыми изреченіями корана ... но для себя не мѣшаетъ имѣть золото.

— Клычь! громко окликнулъ Шихъ-Мансуръ. Мальчикъ встрепенулся, высунулъ изъ халата свою курчавую голову и отвѣчалъ:

— Здѣсь, братецъ.

— Поди ко мнѣ.

Клычь въ два прыжка былъ подлѣ брата.

— Скажи-ка мнѣ откровенно, началъ молодой мулла: — ты ... не трусливъ?

— Нѣтъ! запальчиво отвѣчалъ мальчикъ: — не боюсь ни нагайки, ни айбалта ... ни волка, ни темныхъ ночей ...

— Стало-быть ты храбръ?

— У !.. Спроси-ко у Аблая, какъ въ прошлое кочевье я темною ночью, одинъ, часа на два конной ѣзды отъ своихъ, выползалъ въ степь и выглядывалъ ночлеги хищныхъ башкировъ ... Ничего, братецъ, не боялся ... ни ружья, ни смерти ... право!

— Батырь ты, Клычь! ну, а умѣетъ-ли твой языкъ помолчать вовремя?

— Э-ге !.. дамъ его отрѣзать, если онъ заврется ...

— Но, вѣдь есть и правда, о которой надо помолчать иногда?

— Такую правду я прячу подъ языкъ, а его между зубами. Стало-быть, братецъ, ее у меня не украдешь: она далеко спрятана.

— Якши, батырь-Клычь, якши !.. Что-же бы ты сдѣлалъ, если-бы у твоего брата нашелся врагъ, который, какъ голодный волкъ, ждетъ броситься на него ...

— Врагъ! Гдѣ онъ, братецъ? Гдѣ? Давай айбалтъ ... Пусти меня ... Укажи ... Ухъ ... я его !..

— Змѣенышь, глаза разгорѣлись какъ у тигренка — подумалъ Шихъ-

Мансуръ. — Славный мальчикъ! и онъ прибавилъ вполголоса, положивъ руку на плечо малютки:

— Врагъ мой, вотъ, въ этой юртѣ...

— Какъ!.. этотъ страшный великанъ?..

— Да, съ которымъ я пріѣхалъ ...

— Такъ мнѣ его, братецъ ... Да, какже это? ... Если онъ не ляжетъ, такъ мнѣ не ущипнуть его даже и за колѣнку ...

— Постой ... Завтра, ночью, будь готовъ: мы отдѣлимъ эту голову отъ огромнаго туловища и спрячемъ ее въ мѣшокъ ...

— А отъ чегожъ не полакомить ею шакаловъ въ камышахъ ...

— Голова оцѣнена, умница — Клычь!..

— А?.. И дорого, братецъ?..

— Да ... голова тяжелая ... если на вѣсъ золота ... много потянетъ ...

— Ну ... Ну, что же потомъ? нетерпѣливо спросилъ Клычь.

— Потомъ сядемъ съ тобой на коня и ... въ Оренбургъ ... я подожду тебя за крѣпостью, въ которой мнѣ нельзя показаться ... тамъ быть можетъ меня неласково примутъ ... Ну ... и ты явишься послѣ съ деньгами ... Понимаешь, Клычь!..

— Какже!.. съ деньгами, братецъ ... Понимаю.

— Всё бы это мы могли съ тобою сдѣлать сегодня, продолжалъ Шихъ-Мансуръ ... но ужъ близокъ день, а надо быть осторожнымъ...

Въ эту минуту, какъ будто-бы, кто скрыпнулъ дверями юрты, въ которой оставался Батырь-Ша.

Братья тревожно переглянулись ...

— Ты ничего не слыхалъ, Клычь? спросилъ Шихъ-Мансуръ, измѣняя на этотъ разъ своему хладнокровію.

— Слышалъ ... скрыпнули двери ...

— Гдѣ показалось тебѣ ... въ которой сторонѣ?..

— Направо, братецъ ...

— Направо?.. а ... не въ нашей юртѣ?.. ну ... прощай ... до завтра ... О, если онъ подслушалъ, прошепталъ Шихъ-Мансуръ, обнаживъ кинжалъ и спрятавъ его за рукавъ.

Тревожно молодой мулла переступилъ порогъ юрты ... Огонь уже потухалъ, превративъ въ угли сырой камышъ, который, изрѣдка треща, бросалъ по сторонамъ мелкія искры. Шихъ-Мансуръ осторожно заглянулъ въ лицо великана. Послѣдній спалъ, повидимому, давно и крѣпко. Шихъ-Мансуръ успокоился на счетъ своихъ подозрѣній и, разославъ попону, бросился на свое скудное ложе ...

IV.

Вѣсть о пріѣздѣ хивинцевъ быстро пробѣжала по всѣмъ ауламъ Каратюлейскаго кочевья ... И въ полдень пространство степи, заключенное между юртами и камышемъ, представляло живую и разнообразную картину кочевой жизни киргизовъ, постигнутыхъ въ то время всѣми бѣдствіями суровой зимы. — Огромные костры сыраго камыша, разложеннаго на всемъ этомъ пространствѣ, бросая по сторонамъ яркія искры, пылали скуднымъ огнемъ. Густой и ѣдкій дымъ взвивался надъ ними чернымъ облакомъ и скрывалъ синеватую даль степи, на снѣгахъ которой тамъ-и-сямъ чернѣлись толпы женщинъ и наѣздниковъ. Около костровъ, покрытыя рубищемъ и окруженныя толпою ребятишекъ всѣхъ возрастовъ, бѣдныя матери, вперивъ мертвенный, болѣзненный взглядъ въ своихъ дѣтей, также жалкихъ и голодныхъ какъ онѣ сами, съ видимымъ нетерпѣніемъ ждали, когда тучный и сытый хивинецъ удостоитъ кинуть имъ горсть пшена на вымѣнъ за живой товаръ. Муки голода заглушали въ этихъ несчастныхъ разсудокъ и то высокое, то жаркое чувство, которое связываетъ настоящее и будущее женщины съ ея дитятею. Этотъ болѣзненный плачъ ребятъ, ихъ исхудалые, посинѣвшія отъ стужи лица не вызывали, какъ прежде, въ сердце киргизокъ тоски и душевнаго сожалѣнія; страданія малютокъ только раздражали ихъ, между-тѣмъ какъ собственныя испытанія увеличивали это раздраженіе ... Они съ завистью смотрѣли, когда хивинецъ, обойдя ихъ, обращалъ вниманіе на сына или дочь сосѣдки.

У одного костра, разложеннаго при началѣ аула, помѣщалось нѣсколько женщинъ, старый киргизъ и толпа больныхъ ребятишекъ. Дѣти, положивъ голову на колѣни матери и прикрытыя ветхой попоной или лоскуткомъ стараго халата, безсмысленно поглядывали то на проѣзжающихъ промышленниковъ, то на камышъ, который, шипя какъ змѣя, коробился и прыгалъ въ огнѣ. Женщины въ свою очередь, опустивъ на грудь голову, съ безотчетнымъ, убійственнымъ равнодушіемъ смотрѣли на блѣдныя щеки ребятъ своихъ, не трогаясь ихъ плачемъ и оживая тогда только, когда слышался вопросъ:

— Два мѣшка проса и суконная попона — за двухъ мальчиковъ... Ну кто? Давай скорѣй ...

Въ эту минуту глаза киргизокъ вспыхивали огнемъ восторга. При мысли о близкой добычѣ онѣ судорожно хватали ребятъ и, подымая ихъ на руки, старались на перерывъ перекричать другъ друга ...

— Я ... я!.. Возьми!.. Смотри, какіе здоровенькіе ... Большіе!.. Мои умѣютъ арканить коня ... Мой славно плететъ рогожи!..

Только старый киргизъ, составлявшій одну изъ видныхъ фигуръ этой голодной группы, не принималъ ни какого участія ни въ торгѣ, ни въ куплѣ. Видъ его былъ важенъ и угрюмъ ... Онъ не былъ похожъ ни на муллу, ни на хаджа, но рѣзко отличался отъ прочихъ киргизовъ своими пріемами и костюмомъ, который заключался въ длинномъ, бѣломъ халатѣ, подпоясанномъ бѣлымъ же кушакомъ ... Не смотря на суровый морозъ, старикъ былъ босъ и безъ шапки. Онъ дико посматривалъ на окружавшую его толпу и нашептывалъ что-то, подбрасывая въ рукахъ то легонькую *чабызгу*, то огромную палку, украшенную мѣдными бляхами.

День уже начиналъ вечереть ... Ребята мало-по-малу перешли въ руки хивинцевъ и пламя костра, у котораго помѣщался старикъ, выкидывая только одинъ дымъ, исчезало совершенно подъ развѣшанными надъ нимъ котлами, въ которыхъ голодныя женщины варили теперь просо, вырученное за ихъ дорогой товаръ.. Ребятишки, забракованныя разборчивыми покупателями, съ жадностію глотали влажный паръ, подымавшійся изъ котловъ, завидуя участи своихъ товарищей, которые ввиду ихъ лакомились остатками отъ прихотливой трапезы купцовъ ...

— Сами мы виноваты, сказала одна старая киргизка, подбросивъ въ свой котелъ щепоть соли, — если умираемъ вмѣстѣ съ нашими овцами отъ стужи ...

— А что же мы сдѣлали? отозвалась другая.

— Сдѣлали то, что остались теперь безъ дѣтей да и безъ *крута* ... *) Для чего намъ было откочевывать отъ русской границы?

— Да... Да ... послышалось въ толпѣ женщинъ.

Старуха продолжала:

А всѣ наши умники — батыри ... имъ тамъ воровать не даютъ, такъ вотъ здѣсь показалось лучше; а тутъ вышло, что ни украсть, ни съѣсть нечего ... Въ цѣломъ кочевьѣ только одинъ аулъ, старшины Аблая, еще богатъ овцами да верблюдами... Не такъ было тамъ... Тамъ, когда ни приди, въ Оренбургъ, что ни принеси — продать можно было безъ убытку ... Ужъ хоть *касрыры* эти русскіе, а жалости въ нихъ больше чѣмъ въ хивинцахъ ...

— Правда ... отозвался старикъ, какъ-бы говоря самъ съ

---

*) Почти вседневная пища каждаго киргиза; она приготовляется на подобіе нашихъ сухихъ сырниковъ, изъ кислаго коровьяго или овечьяго молока.

собою и не оставляя чабызги ... Самъ помню, какъ три весны тому мы кочевали у Кизбеля ... *) вотъ въ такую же точно стужу ... Бывало — принесутъ наши ребятишекъ на границу, такъ воротятся оттуда и сыты и одѣты и съ серебромъ, а тутъ ... Худо намъ, худо!

Старикъ покачалъ головою, дико улыбнулся и еще промолвивъ зловѣщее *худо*, схватилъ чабызгу и издалъ нѣсколько пронзительныхъ звуковъ ...

Женщины съ испугомъ переглянулись между собою ... Онѣ, какъ будто сговорившись, въ одно мгновеніе раздвинули пространный кругъ около костра и боязливо посматривая на зловѣщее лицо старика, трепетно прижались одна къ другой ...

— Худо!.. Аллахъ, Аллахъ!.. Худо — сказалъ онъ, слышалось въ испуганной толпѣ ихъ.

Между-тѣмъ рѣзкій и пронзительный отголосокъ чабызги увеличивался съ каждымъ новымъ звукомъ. Старикъ видимо приходилъ въ какое-то изступленное состояніе. Глаза его, налившіеся кровью, дико блуждали кругомъ, готовые, казалось, выпрыгнуть изъ своихъ орбитъ.. судорожное и быстрое движеніе мускулъ страшно обезображивало и безъ того непривлекательное лицо кудесника; звуки чабызги привлекли вниманіе цѣлаго базара. Хивинцы и киргизы толпами, съ крикомъ: Баксы! Баксы! бросились къ мѣсту, гдѣ босой Торту-Джилкаръ, глава всѣхъ степныхъ гадателей и кудесниковъ того времени, начиналъ свое обычное представленіе.

— Худо, сказалъ онъ, говорили женщины.

— Худо! повторяли мужчины — и стѣсняли кружокъ любопытныхъ.

Торту-Джилкаръ бросилъ чабызгу и съ крикомъ, проникавшимъ до глубины суевѣрнаго сердца киргизовъ, кривляясь началъ вертѣться около костра.

— Нѣтъ ... вѣрно — хорошо! замѣтилъ одинъ изъ зрителей.

Всѣ посмотрѣли на него съ выраженіемъ любопытства и вопроса...

— Да, продолжалъ предсказатель ... Смотрите ... Торту-Джилкаръ ни одного раза не наступилъ на угли ... это значитъ, что Худай не выйдетъ изъ пламени и улетитъ вмѣстѣ съ дымомъ куда нибудь подальше отъ насъ, а съ нимъ — и зло.

— А я такъ думаю, что Баксы просто боится огня и не хочетъ жечь свои ноги, отозвался молодой хивинецъ ...

---

*) Мѣстечко, расположенное недалеко отъ русскаго укрѣпленія Баксаева.

Всѣ съ изумленіемъ посмотрѣли на дерзкаго вольнодумца и многіе изъ толпы уже готовы были вступиться за честь своего Баксы, какъ новый крикъ въ толпѣ: худо! ... худо! — наступилъ!.. обратилъ общее вниманіе на старика.

Въ эту минуту Баксы дѣйствительно обѣжавъ кругъ по горячимъ угольямъ, блѣдный, съ окровавленною пѣною у рта, закрутился на одномъ мѣстѣ и перепрыгнувъ черезъ костеръ, съ глухимъ стономъ, за-мертво рухнулся на землю ...

— Съ весною ... съ весною кончится все ... Худай не станетъ тогда поѣдать стадъ нашихъ! прошепталъ онъ.

— Весною! весною! радостно раздалось въ толпѣ ...

— Ну , а теперь-то ... теперь-то! кричали другія ...

Баксы успокоенный нѣсколько, приподнялся и махнувъ рукой, тихо отвѣчалъ:

— Теперь — худо ...

— Вѣдь онъ правду говоритъ, подхватилъ тотъ же молодой хивинецъ, обращаясь къ своимъ: намъ очень худо; глядите-ка, товарищи, . . мальчишки, которыхъ мы купили, увели нашихъ коней ...

На эти слова толпа киргизовъ разразилась громкимъ и радостнымъ смѣхомъ, какъ между-тѣмъ хивинцы бросились на оставшихся лошадей и понеслись въ догоню за бѣглецами.

Зрители, окружавшіе Баксы и довольные его пророчествомъ, мало-по-малу стали расходиться. Въ это время, на противуположномъ концѣ аула собиралась другая толпа любопытныхъ. Предметомъ ея вниманія былъ Батырь-Ша. — Почтенная одежда муллы, его умѣнье разсказывать о великихъ дѣяніяхъ пророка, о святыхъ могилахъ батырей и счастливыхъ минутахъ правовѣрнаго, который проводитъ ихъ въ молитвѣ на курганѣ Азрета *) — всѣ заставляло киргизовъ съ особеннымъ уваженіемъ вслушиваться въ слова Хаджи ... Каждый изъ нихъ наперерывъ спѣшилъ купить у странствующаго мудреца какой-нибудь талисманъ, заключавшійся или въ горсти песку съ кургана Азрета или въ лоскутѣ бумаги, исписанномъ стихами изъ корана.— Такіе предметы, по мнѣнію киргизовъ, есть вѣрное средство противъ козней Худая,— средства, отстраняющія всякую бѣду — и потому любопытные снимали съ себя послѣдніе пояса или сколько нибудь цѣнныя украшенія и съ восторгомъ мѣняли ихъ на родную пыль, взятую муллою у порога ихней же юрты.

---

*) Особенно чтимый киргизами батырь, погребенный въ Туркестанѣ.

Старый Баксы издали разглядѣлъ Батырь-Ша, потому-что Хаджа былъ цѣлою головою выше его окружавшихъ. Вглядываясь пристальнѣе, Торту-Джилкаръ то улыбался, то хмурилъ брови и, казалось, еще не совсѣмъ довѣряя своимъ глазамъ, сомнительно покачивалъ головою ...

— Это онъ! съ радостною улыбкою сказалъ самъ себѣ Баксы: такъ вотъ куда эти длинныя ноги принесли дорогую голову, продолжалъ онъ ... Хорошо, Батырь-Ша, больше ты не будешь отымать у меня хлѣбъ, продавая талисманы и туманя правовѣрныхъ; да еще за тобой и должокъ есть ... я не забылъ, какъ больно поколотилъ ты меня въ Башкиріи, за то, что я предсказывалъ твою погибель ...

Торту-Джилкаръ весело улыбнулся, поднялъ свою чабызгу и опираясь на палку, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ Хаджа собиралъ обильную жатву во славу своего краснорѣчія... И вдругъ, среди самого обильнаго потока цвѣтистой рѣчи, глаза великана встрѣтились съ насмѣшливымъ взглядомъ стараго Баксы. Всегда смѣлый и хитрый, Хаджа совершенно растерялся въ эту минуту, видимо стараясь избѣжать непріятной для себя встрѣчи Это еще болѣе ободрило Торту-Джилкара.

— Здравствуй, Батырь! ...

Но Баксы не успѣлъ еще высказать послѣдняго слова, какъ Хаджа, раздвинувъ толпу, съ крикомъ: «Досъ-Джилкаръ!» кинулся ему на шею и такъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ рукахъ, что вся кровь бросилась въ голову стараго кудесника.

— На силу-то я встрѣтилъ тебя для новаго спасенія души твоей! продолжалъ Батырь - Ша, и снова съ тою же силою обвилъ своими длинными руками шею Баксы, наклонился къ его уху и шепнулъ:

— Если только заикнешься, старый обманщикъ, назвать меня по имени, такъ въ ту же минуту я выжму изъ тебя языкъ и душу.

Ошеломленный мощными пожатіями великана и его угрозой, Торту-Джилкаръ оставался безъ языка и памяти. Хитрый мулла воспользовался этой минутой, схватилъ Баксы за руку и увелъ за собою въ юрту.

— Ну, Торту-Джилкаръ, сказалъ Батырь-Ша , почти швырнувъ своего гостя на коверъ: — теперь мы одни и ты имѣешь полное право назвать меня по имени, даже можешь поцѣловать замасленный рукавъ моего халата, какъ дѣлывалъ это прежде ...

— Это было прежде, отозвался Баксы, приведенный въ чувство и память послѣднимъ толчкомъ муллы: — но теперь, Батырь-Ша, мы можемъ цѣловаться и обниматься, какъ братья ...

— Какъ братья? Что это значитъ, Торту-Джилкаръ?.. Или ты про-

сишь, чтобъ я напомнилъ тебѣ то разстояніе, которое существуетъ между нами?

— Его нѣтъ, мудрый Хаджа, насмѣшливо и съ язвительнымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ старикъ.

Батырь-Ша выпрямился во весь свой гигантскій ростъ, сжалъ кулаки и не двигался съ мѣста, сильно оскорбленный словами Баксы.

— Да, его нѣтъ, да и не было, тѣмъ же тономъ продолжалъ послѣдній.—Ты обманываешь легковѣрныхъ, я дѣлаю тоже самое; съ тою только разницею, что ты, прикрытый лохмотьями Хаджи, совершаешь зло однимъ средствомъ, а я другимъ ...

— А!.. злодѣй! такъ ты не перестаешь злословить меня даже и въ глаза!..

— И ... полно Хаджа: воронъ ворону глазъ не выклюетъ, говорятъ русскіе, съ которыми я пожилъ лѣтъ семь или восемь ... Ну, скажи по совѣсти, развѣ ты не такой же обманщикъ, какъ и я?

— Торту-Джилкаръ! вскричалъ мулла, задрожавъ отъ гнѣва.

— Полно, Батырь-Ша: вѣдь я тебя не обидѣлъ.

— Не обидѣлъ ... презрѣнный пёсъ!.. А развѣ назвать обманщикомъ того, кто посвятилъ всю жизнь на пользу правовѣрныхъ—не обида!

— Славная польза ... Цѣлыя тысячи свелъ на убой ... а потомъ еще учишь своихъ правовѣрныхъ ... Пхе!.. обманывай мальчишекъ, да безпутныхъ степняковъ, а ужъ я тебя знаю, какъ свою совѣсть ..

— Ты предатель, Торту-Джилкаръ!

— Я только кудесникъ, такой же какъ и ты ...

— И не выйдешь отсюда! съ возрастающимъ жаромъ продолжалъ Батырь-Ша, выхвативъ спрятанный въ чапанѣ *) пистолетъ, которымъ въ туже минуту прицѣлилъ въ грудь Баксы.

— Ну, такъ останемся здѣсь оба! отвѣчалъ равнодушно старикъ, въ одинъ прыжокъ достигая до цротивника и уставивъ въ животъ его обнаженный кинжалъ.

Батырь-Ша улыбнулся и швырнулъ въ сторону свой пистолетъ.

Баксы повторилъ тоже самое, но сохраняя въ лицѣ холодную неподвижность и равнодушіе.

— Звѣрь на ловца бѣжитъ, какъ говорятъ русскіе, сказалъ онъ.

— Да ... мы одинъ другаго стоимъ ... Обнимемся Торту-Джилкаръ!

— Обнимемся, Батырь-Ша!

---

*) Халатъ или кафтанъ.

И новыя друзья, сохраняя въ душѣ прежнюю ненависть, обнялись, повидимому, съ особенною пріязнію.

— Скажи, началъ Хаджа, зажигая разложенныя на срединѣ юрты прутья камыша: — за что ты хотѣлъ предать меня, Баксы?

— За то, что ты отнялъ у меня въ Башкиріи мой доходъ и убавилъ у меня здоровья, отколотивши нагайками ... Долгъ платежемъ красенъ, какъ говорятъ русскіе.. Но не бойся, Батырь-Ша, теперь я этого не сдѣлаю, научи меня только продавать землю съ кургана Азрета.

— Изволь, душа души моей.

Между-тѣмъ камышъ вспыхнулъ и пламя его освѣтило полумрачную юрту.

— Такъ ты не предашь меня, Торту-Джилкаръ? спросилъ Батырь-Ша.

— Ни за золото, ни за круто въ голодный день ...

— Врешь, старый плутъ, подумалъ мулла: — надо предупредить тебя, а не то не миновать мнѣ петли. Сейчасъ же къ дѣлу; кстати, Баксы любитъ аракъ ... Э-ге, что это? вскричалъ Хаджа, какъ-будто нечаянно взглянувъ подъ войлокъ, брошенный въ углу.

— Что тамъ?

— Да погляди ... три фляжки и кажется ... да, такъ и есть, съ аракомъ, продолжалъ Хаджа, откупоривъ одну изъ нихъ. — Ай-да Шихъ-Мансуръ.

— Что? Ученикъ-то твой?

— Да, вотъ онъ какъ помнитъ мои завѣты.

— И въ самомъ дѣлѣ, Батырь-Ша, не прощай ему этого грѣха... выкинь эту скверну за порогъ юрты... или, постой, постой!.. Дай сюда...

Хаджи едва владѣлъ собою отъ удовольствія, поставивъ всѣ три фляжки предъ кудесникомъ. .

Вслѣдъ за тѣмъ не прошло и получаса, какъ Баксы покидалъ пустыя фляжки въ огонь.

— Пусть превратится въ пепелъ и прахъ камышъ, въ который заплетены вы, сказалъ онъ: — такъ, какъ превращается въ прахъ моя ненависть къ мудрому Батырь-Ша.

— Спаенбо, спасибо тебѣ, Торту-Джилкаръ.

— Чего спасибо. Я вѣдь говорю, что чувствую. Это, какъ говорятъ русскіе, что у трезваго на головѣ, то у пьянаго на языкѣ.

— Да какже это, Баксы: вѣдь у трезваго на головѣ шапка, зачѣмъже она на языкъ попадетъ...

— Надо ... такъ надо, умница Батырь-Ша, отвѣчалъ не въ мѣру подгулявшій старикъ. — Ты думаешь, что я ужъ поглупѣлъ, продол-

жалъ онъ. — А вотъ нѣтъ, я чувствую, что всё дѣлаюсь ... какъ-бы сказать ... Положи меня спать, умница Батырь-Ша! И старикъ упалъ на коверъ и захрапѣлъ въ туже минуту.

— Хорошо, Баксы. Это быть можетъ твой вѣчный сонъ, прошепталъ Батырь-Ша. Онъ какъ ребенка приподнялъ старика и перенесъ его на противоположную сторону, потомъ потушилъ горѣвшій камышъ, закрылъ отверстіе юрты и легъ на войлокъ.

V.

Шихъ-Мансуръ, разставшійся утромъ съ Аблаемъ и Айканы на вѣчную разлуку, чтобы успокоить подозрѣнія Батырь-Ша оставилъ аулъ и провелъ цѣлый день въ степи. Едва только ночь раскинулась надъ этою степью, какъ молодой мулла, вѣрный своимъ намѣреніямъ, бросился въ сѣдло и мелкою рысью пустился къ аулу. Занятый мыслями о будущемъ, онъ не замѣчалъ дороги и встрѣчныхъ киргизовъ, возвращавшихся съ базара, и только тогда вспомнилъ о настоящемъ, когда чернѣющійся камышъ и клубы дыма, предвѣстники близкаго кочевья, обозначились передъ его глазми на сѣроватомъ фонѣ степи. Шихъ-Мансуръ сдержалъ коня и поровнявшись съ камышами, окликнулъ брата.

Крайняя купа камышей дрогнула, сбросила съ себя морозный иней и Клычь, выпрыгнувшій изъ этой купы, подбѣжалъ къ стремю Шихъ-Мансура.

— Я здѣсь, братецъ, отвѣчалъ онъ.

— Ага! Не напрасно же Аблай сказалъ, что ты всегда стоишь ласки ... а ... погоди ... что это у тебя за плечами? ...

— Мѣшокъ, братецъ, который, ты говорилъ, нуженъ будетъ ...

Все помнитъ, волченокъ, — подумалъ Шихъ-Мансуръ — и нагнувшись съ сѣдла, онъ съ любовью погладилъ курчавую голову Клыча.

Мальчикъ задрожалъ отъ удовольствія и почтительно поцѣловалъ руку брата.

Оставивъ въ камышахъ коня, братья осторожно и ни кѣмъ не замѣченные прошли позади юртъ до юрты Батырь-Ша. Мракъ да храпѣніе спящаго и несвязный бредъ его встрѣтили въ ней Шихъ-Мансура и Клыча.

— Тс!.. осторожнѣе ... прошепталъ первый, обнажая кинжалъ и достигая ползкомъ противуположнаго отъ дверей юрты угла. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, убійца трепетной рукой ощупалъ спящаго, осторожно отогнулъ у него воротъ халата и обращаясь къ Клычу, тихо сказалъ:

— Приготовь мѣшокъ, да взведи курокъ ружья на случай неудачи.

Въ туже минуту спящій дрогнулъ, захрапѣлъ и судорожно замѣтался по полу юрты.

— Вотъ она! громко сказалъ Шихъ - Мансуръ. — Давай, Клычь, мѣшокъ.

— Какъ, ужъ всё кончено? спросилъ малютка.

— Всё; давай мѣшокъ ... Съ этими словами Шихъ-Мансуръ бросилъ въ мѣшокъ голову, отдѣленную отъ туловища своей жертвы и какъ-бы пораженный свершоннымъ злодѣйствомъ, быстро бросился вонъ изъ юрты. Клычь, испуганный волненіемъ брата, поспѣшилъ за нимъ. Но едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, какъ Шихъ-Мансуръ, трепеща всѣмъ тѣломъ, остановилъ малютку.

— Слышишь! вскричалъ онъ, обезображенный страхомъ и отчаяніемъ.—Слышишь?

— Да... Охъ! я брошу, братецъ, мѣшокъ... голова хохочетъ такъ страшно!..

— Нѣтъ, нѣтъ! это за нами, въ юртѣ! съ этими словами Шихъ-Мансуръ вырвалъ мѣшокъ изъ рукъ Клыча и бѣгомъ пустился къ камышамъ, въ то время какъ сзади его раздавался пронзительный и рѣзкій хохотъ.

Не разбирая ни враговъ, ни снѣжныхъ сугробовъ, конь молодаго муллы, понукаемый ударами плети, быстро мчался впередъ. Мальчикъ, ухватившись обѣими руками за плечи брата, едва могъ держаться позади его.

Аулъ и камыши уже скрылись за бѣглецами и только необозримая, снѣжная равнина раскидывалась теперь передъ ними. Вѣтеръ, начинавшій свѣжѣть, съ каждою минутою взвивалъ сухой снѣгъ степи, засыпая глаза и коня, и всадниковъ.

— Бѣда намъ, Клычь, сказалъ Шихъ-Мансуръ, сдерживая своего скакуна: — того и гляди, что разыграется погода ... пропадемъ мы въ этихъ сугробахъ ...

Онъ угадалъ. Черезъ нѣсколько минутъ хлопья снѣга, взвиваемыя вѣтромъ, замелькали надъ равниною. Снѣгъ густѣлъ, вѣтеръ усиливался. Конь, пугаемый на каждомъ шагу, то перебѣгающимъ по степи баялишемъ, то порывомъ урагана, фыркалъ, осѣдалъ и съ новымъ усер-

діемъ, съ новою силою бросался впередъ, но въ туже минуту уставалъ, и становился какъ вкопаный.

— Нѣтъ, отдохнемъ, Клычь, сказалъ Шихъ-Мансуръ: — зароемся въ снѣгъ и переждемъ непогоды.

Малютка былъ на все согласенъ. Онъ весело спрыгнулъ съ сѣдла, помогъ брату спуститься на землю и, сбатовавъ коня, принялся разгребать снѣгъ голыми руками.

Скоро Шихъ-Мансуръ и Клычь, закутавшись въ свои чапаны, хотя не съ большими удобствами, нашли однакожъ въ снѣжной ямѣ пріютъ отъ непогоды. Вѣрный и привычный къ суровой природѣ степей, конь ихъ не отходилъ отъ своихъ хозяевъ. Понуривъ голову, онъ изрѣдка фыркалъ, расширялъ ноздри и сверкая глазами, безпокойно переминался на мѣстѣ, какъ-бы чувствуя приближеніе незнакомаго человѣка или звѣря. Путники, занесенные хлопьями снѣга, не замѣчали его безпокойныхъ движеній ... Дремота одолѣвала ихъ, и не смотря на гибельныя слѣдствія сна въ такихъ обстоятельствахъ, Шихъ-Мансуръ, измученный и утомленный подвигами минувшаго дня, заснулъ ... Но сонъ его былъ не продолжителенъ. Тревожимая совѣсть заговорила въ душѣ убійцы и видѣнія, одно другаго ужаснѣе, представились воображенію молодаго человѣка. Ему казались то обезглавленный трупъ Батырь-Ша, то прекрасная Айканы, упрекающая его въ преступленіи, то цѣлыя тысячи людей, въ виду и на потѣху которыхъ сожгли его на кострѣ, какъ обманщика и лжепророка, то опять тотъ-же трупъ падалъ на грудь его всею своею тяжестью и давилъ какъ свинецъ .... Шихъ-Мансуръ вздрагивалъ, силясь вырваться изъ обаянія этихъ страшныхъ сновъ — и не могъ; сонъ, въ которомъ ищутъ отрады и успокоенія несчастные, для него былъ въ эту минуту тяжелою пыткою ... И вдругъ ему послышался болѣзненный крикъ Клыча, потомъ чей-то шорохъ и близкое дыханіе наклонившагося надъ нимъ человѣка. Онъ открылъ глаза и встрѣтился ими съ глазами — Батырь-Ша. Суевѣрный киргизъ онѣмѣлъ отъ ужаса. Между-тѣмъ привидѣніе медленно протянуло руку къ мѣшку и, схвативъ его, отошло въ сторону. Задыхаясь отъ страха, Шихъ-Мансуръ силился оторвать свой испуганный взглядъ отъ грозной фигуры великана, но чувства и воля его онѣмѣли. Онъ походилъ на живой трупъ, лишенный мысли и свободы движеній.

— Шихъ-Мансуръ! торжественно и глухимъ голосомъ сказалъ великанъ — я сдержалъ мое слово ... Ты видишь: смерть не можетъ быть для меня препятствіемъ къ вѣчной враждѣ съ тобою и къ вѣчному преслѣдованію тебя на пути твоей жизни ... Помни, что каждое зло, которое ты испытаешь, принесетъ тебѣ зарѣзанный тобою Батырь-Ша.

Великанъ медленно кивнулъ огромною головою и изчезъ въ облакѣ морозной вьюги.

Глухой стонъ вырвался изъ груди Шихъ-Мансура, когда исчезло привидѣніе.

— Клычь, спросилъ онъ шопотомъ и едва переводя дыханіе: ты видѣлъ?.. Ты слышалъ?..

— Слышалъ и видѣлъ, братецъ, отвѣчалъ трепещущій малютка.

— Стало-быть это не сонъ, не порожденіе моей проснувшейся совѣсти?..

— Хорошо, когда-бы это былъ сонъ, отозвался Клычь; я вотъ, братецъ, нѣсколько разъ видѣлъ во снѣ, что меня продаютъ въ Хиву, а проснусь ... погляжу,' — все на томъ же войлокѣ и въ родной юртѣ... Ну, а теперь кабы это случилось во снѣ, такъ мѣшокъ-то остался-бы съ нами.

— Да ... да, Клычь ... Это страшный Батырь-Ша, которому кажется самъ Худай приставилъ другую голову ... Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что мой учитель обманывалъ людей и пророка ... Онъ былъ закорѣнелый ярунчи; недаромъ же у него была сила верблюда, глазъ лисицы и жадность шакала...

Да погоди, у меня отъ этихъ бродяжныхъ мертвецовъ есть въ *калтѣ* *) крошечная записочка, перебилъ Клычь ... Пусть-ко еще покажется ... дамъ я ему ее понюхать, разсыпится онъ у меня прахомъ...

Шихъ-Мансуръ грустно улыбнулся.

— Нѣтъ, Клычь, сказалъ онъ — здѣсь талисманъ твой безсиленъ... Добро и зло свершается надъ нами по волѣ пророка, первое есть награда, второе наказаніе ... И если Батырь-Ша бродитъ еще по землѣ, то въ немъ я вижу карателя моихъ грѣховъ ... Однако — оставимъ это проклятое мѣсто!

Братья снова сѣли на своего коня и пустились впередъ на удачу.

Два дни и двѣ ночи не стихали вьюга и вѣтеръ въ степи. Не находя пріюта, путники наши, въ это время терпѣли всѣ ужасы скитальчества. Шихъ-Мансуръ проклянулъ свою встрѣчу съ Батырь-Ша, которая помѣшала ему перебраться за Каспій и теперь, лишенный всѣхъ средствъ къ скорому достиженію этой цѣли, приходилъ въ страшное отчаяніе. Малютка, замѣчая тоску брата, не говорилъ ни слова о сво-

*) Походная сумка киргизовъ, въ которой прячутся талисманы, листки исписанныя стихами изъ Корана, табакъ, кремень и огниво.

ихъ страданіяхъ и выносилъ ихъ съ удивительнымъ терпѣніемъ ... На третій день измученный конь палъ.

— Все кончено!— сказалъ Шихъ-Мансуръ. — Худай съ Батырь-Ша за одно противъ насъ ... Ну, Клычь, что мы теперь будемъ дѣлать... Круто сьѣдено, конь палъ — члены леденѣютъ отъ стужи...

— Пророкъ милостивъ, братецъ, отвѣчалъ малютка, едва скрывая слезы тоски и отчаянія. Пойдемъ впередъ, быть можетъ, сыщемъ кочевье ... или хоть камыши, въ которыхъ, разведя огонь, и согрѣемся.

Шихъ-Мансуръ бросилъ печальный взглядъ на падшаго коня, осмотрѣлъ однообразную окрестность и не находя ни гдѣ и ни въ чемъ близкаго спасенія, уже не скрывая своей грусти, двинулся впередъ. Дорога была совершенно потеряна для нашихъ путниковъ, они пробирались на удачу по сугробамъ снѣга, который былъ такъ глубокъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Клычь тонулъ въ немъ съ головою ... Почти на каждомъ шагу Шихъ-Мансуръ долженъ былъ спасать брата, а иногда и нести его на рукахъ ... Послѣ четырехъ часовъ ходьбы, голодъ, усталость и потеря силъ такъ измучили молодаго батыря, что онъ упалъ въ изнеможеніи на снѣгъ. Отчаяніе лишило его разсудка и твердости. Лишенія превосходили мѣру человѣческаго терпѣнія.

— Довольно — сказалъ онъ: надежды мои изчезли... Я погибаю... Клычь, зарой меня въ этихъ снѣгахъ—и иди, ищи себѣ жизни и спасенія, или умирай со мною...

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, вскричалъ Клычь, я не дамъ тебѣ умереть здѣсь ... Ахъ, продолжалъ онъ съ чувствомъ неизъяснимой тоски, глядя на блѣдное и страдальческое лицо брата, зачѣмъ я ребенокъ и зачѣмъ у меня нѣтъ силы наѣздника ... я бы десять дней и десять ночей несъ тебя на рукахъ моихъ до перваго аула, до первой юрты. А теперь ... Постой!.. Слышишь? сказалъ онъ и глаза его, полные до этой минуты слезами, сверкнули восторгомъ...

— Да! радостно и приподымаясь повторилъ Шихъ-Мансуръ ... гдѣ-то ржетъ конь...

— Братъ !.. братъ! — мы спасены! перебилъ Клычь ... видишь ... направо камыши ... нѣсколько коней ... люди тамъ ... А!.. да это кажется партія тѣхъ хивинцовъ, что̀ были въ нашемъ кочевьѣ.

— Хивинцы ! вскричалъ Шихъ-Мансуръ. И какой-то изступленный восторгъ исказилъ при этомъ черты лица молодаго батыря ... Клычь, сказалъ онъ — взявъ за руку мальчика — не проклинай твоего брата ... но...

Малютка съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на Шихъ-Мансура. За что мнѣ проклинать тебя, братецъ? спросилъ онъ.

— За что? мрачно спросилъ Шихъ-Мнасуръ. За то, что, быть можетъ, черезъ твои страданія я выйду на торную дорогу къ моей цѣли...

— Что ты говоришь, братецъ?..

— Клычь, мнѣ черезъ нѣсколько дней должно быть за Каспіемъ ... Мнѣ нуженъ конь ...

— Ну?..

— За коня я продамъ тебя хивинцамъ ...

Тоска и ужасъ выразились на лицѣ малютки. Дрожавшія губы его не могли произнести ни одного слова и только умоляющій взглядъ высказывалъ состояніе его души. Жалкій видъ брата и выступившія на глазахъ его слезы тронули на мгновеніе твердое сердце Шихъ-Мансура. Съ несказанной тоской онъ отворотился отъ Клыча, желая скрыть свои настоящія чувства.

— Братъ, рыдая проговорилъ мальчикъ: не продавай меня ... за что я буду *сарты* ... Нѣтъ ... нѣтъ, братецъ; я не боюсь быть сарты ... я не боюсь хивинцевъ ... но не хочу навѣчно разстаться съ тобою ... Пощади меня ... я умру съ тоски ... я все буду плакать, каждый день, пока не умру...

И малютка, цѣлуя руки Шихъ-Мансура, со слезами упалъ къ его ногамъ...

— Встань, Клычь ... я думалъ, что ты въ самомъ дѣлѣ будешь батыремъ ... что любишь своего брата...

— Люблю — клянусь тебѣ прахомъ нашей матери! — такъ люблю какъ никто, какъ даже Айканы не можетъ любить тебя!..

— Любишь и ... плачешь при мысли принести себя въ жертву для моей будущей славы, для исполненія цѣли всей моей жизни...

— Братъ ... братъ!.. не упрекай меня ... Вижу, что мнѣ не выплакать своей свободы ... и разставаясь съ тобой, я не хочу, чтобы ты сказалъ когда нибудь самъ себѣ, вспомнивъ обо мнѣ: я продалъ его.

Блѣдное лице ребенка ожило, онъ улыбнулся, стараясь заглушить принужденною веселостію тоску свою.

— Тебѣ нуженъ конь, братецъ ... хорошо ... я очень люблю тебя.. Продай меня хивинцамъ, — сказалъ Клычь ... И послѣ, никогда не упрекай себя въ этой продажѣ... я самъ себя продаю... я хочу этого... я хочу въ Хиву ... Пойдемъ.

Чрезъ полчаса Шихъ-Мансуръ, на лихомъ конѣ, съ запасомъ крута, оставивъ партію хивинцевъ и камыши, ускоренною рысью пустился по тропинкѣ, протоптанной промышленниками. Раскаяніе въ

совершенной продажѣ терзало сердце батыря и онъ быстро мчался впередъ, стараясь потерять изъ виду камыши, у которыхъ на холмѣ оставался Клычь, слѣдя печальнымъ взглядомъ за удалявшимся братомъ...

— Больше я его не увижу! прошепталъ малютка, отирая крупныя слезы, когда конь и всадникъ исчезли въ вечернемъ туманѣ.

VI.

Наконецъ прошла тяжелая и суровая для киргизовъ зима на Усть Урти. Исчезли глубокіе снѣга на равнинѣ; ихъ замѣнила тощая степная травка, вьюги и ураганы смѣнились отрадной прохладой весны и пернатыя гости юга цѣлыми вереницами зарѣяли надъ оживленною степью. Весело встрепенулись и люди, и животныя; жизнь, со всѣми интересами кочевья, закипѣла въ аулахъ киргизовъ. Конныя наѣздники, обгоняя степнаго беркута, рыскали по степи, кто ища добычи, кто славы въ мстительной барантѣ, но всѣ и каждый спѣшили оставить камыши и горы и перебраться на раздольныя луга къ берегамъ рѣкъ и озеръ.

Рано утромъ, въ первыя дни весны, едва только исчезъ снѣгъ на равнинѣ, поднялся аулъ Аблая. Юрты, взгроможденныя на арбы, толпы веселыхъ наѣздниковъ и наѣздницъ, атары верблюдовъ и быковъ съ нагруженными на нихъ пожитками и привѣшенными по обоимъ сторонамъ мѣшками, въ которыхъ рядомъ съ ребятами покоились и ягнята, все это рисовало любопытную картину отправлявшагося въ путь кочевья.

Звуки кобызговъ мѣшались съ громкимъ говоромъ и веселымъ смѣхомъ молодежи. Дѣвушки, также искусныя въ верховой ѣздѣ, какъ и старые батыри, въ праздничныхъ одеждахъ, сидя на ловкихъ и быстрыхъ коняхъ, дружными кавалькадами летали по степи, обгоняя молодыхъ наѣздниковъ...

Навьюченные верблюды и быки, подгоняемые женщинами, уже выступали за камыши, за ними тронулось и все кочевье...

— Что-то принесетъ намъ эта весна, — сказалъ одинъ старый киргизъ, обращаясь къ двумъ своимъ товарищамъ, шедшимъ съ нимъ

рядомъ, — прибудетъ-ли у насъ скота? Пошлетъ-ли Аллахъ намъ помогу?...

— Да ужъ будетъ все хорошо, — отвѣчалъ другой.

— Эге!.. а ты это какъ знаешь? подхватилъ третій товарищъ.

— Пхе!... Забыли вы, что говорилъ Бакса Торту-Джилкаръ,..

— Стой, Бишъ-Чохъ! вскричалъ старикъ, начавшій разговоръ, — скажи, ради Аллаха, куда дѣвался нашъ Бакса?

— А кто его знаетъ, ушелъ куда-нибудь въ другое кочевье... Правда, пропалъ-то онъ такъ странно...

— Какъ, пропалъ?

— Ну, какъ-же... Помните тотъ день, когда къ намъ пріѣзжала партія хивинцевъ?

— Еще-бы забыть!.. Я тогда всѣхъ ребятъ моихъ продалъ, отозвался одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ну, такъ стало-быть, ты не забылъ и того, что въ этотъ самый день у насъ появился въ аулѣ какой-то странствующій хаджа... Вотъ, какъ теперь помню я, продолжалъ разскащикъ, что хаджа и Баксы поцѣловались, обнялись, потомъ, въ виду всѣхъ, огромный Хаджа взялъ Торту-Джилкара за воротъ, приподнялъ какъ связку сухаго шашлыка и унесъ въ юрту.

— Правда, правда! Всё это и я помню... Еще тогда, какъ они скрылись изъ глазъ нашихъ, да проститъ мнѣ Аллахъ, я невольно подумалъ, что этотъ странникъ долженъ быть съ родни Худаю.

— Э-ге!.. И я такъ думалъ, отозвался Бишъ-Чохъ. Странно было видѣть его огромную голову...

— А руки-то! подхватилъ другой киргизъ: длинныя, какъ оглобли у арбы.

— И должно быть славно умѣютъ защищать глубокія карманы въ своихъ чапанахъ.

— И лицо, я помню, такое страшное, такое волчье...

— Зато говоритъ, точно бишь-бармакомъ кормитъ...

— Ну, такъ, Бишъ-Чохъ, вѣдь въ аулѣ на другой день никто ихъ не видѣлъ.

— Что-жъ, можетъ-быть, ночью вмѣстѣ и уѣхали.

— Въ такой ураганъ, какъ былъ въ эту ночь!

— Пхе! Такъ не провалились-же они сквозь землю... все хоть бы дыра на томъ мѣстѣ осталась... Не сгорѣли, потому-что Аблай послѣ нихъ нашелъ въ пеплѣ и угляхъ только три пустыхъ фляжки, да нѣсколько капель крови на попонѣ... Ну, вѣрно подпили да и подрались...

— Кстати, Бишъ-Чохъ, не слыхалъ ты, что́ случилось у стараго Аблая... вѣдь посмотрите-ка, его юрта и теперь еще остается на мѣстѣ.

Киргизы оглянулись назадъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на мѣстѣ снявшагося кочевья, представлявшемъ теперь одно обширное поле, еще чернѣлась юрта Аблая.

У порога ея сидѣлъ старый Бій, грустно опустивъ голову, и изрѣдка, почти безсмысленнымъ взглядомъ окидывая шумныя толпы женщинъ, скакавшихъ верхами мимо его. Кучукъ и Абулфетъ таскали изъ юрты пожитки и складывали ихъ на верблюдовъ.

— Ну, теперь все! сказалъ наконецъ Абулфетъ, когда послѣдній котелъ былъ повѣшенъ на арбу. Аблай приподнялъ голову, разсѣянно посмотрѣлъ на сына и махнулъ рукою.

— Погоди, — еще поспѣемъ, сказалъ онъ.

— Чего-же ждать, отецъ?

— А быть можетъ она и придетъ еще, отвѣчалъ старикъ, не скрывая слезъ своихъ. — Ахъ, Айканы, Айканы!.. прошепталъ онъ: неуже-ли ты могла бросить старика, не-уже-ли ты говорила правду: отецъ, отецъ, я не могу забыть его...

— Батырь-Бій-Аблай, не помочь-ли твоимъ ребятишкамъ взвалить на верблюда юрту... Видишь, какъ далеко ушелъ весь аулъ... отстанемъ, не скоро догонишь, сказалъ молодой наѣздникъ, поровнявшійся со старикомъ. — Э-ге! да что это ты, продолжалъ киргизъ: —точно тебѣ жаль зимы, не радъ веснѣ... Гдѣ твоя Айканы, вѣрно гоняется съ плеткой за молодцами, хоть-бы она развеселила тебя.

— Айканы, повторилъ старикъ. — Нѣтъ ея, досъ; вотъ жду и недождусь, а безъ не мнѣ и весна не весна.

— Гдѣ-же она, Батырь-Бій-Аблай?

— Не знаю... пропала.

— Пропала... какъ, украли? Да кто-же?

— Нѣтъ... я думаю сама бросила старика.

— Э-ге!.. постой-ка... У тебя не было въ прошедшую ночь никакого гостя?

Старикъ отрицательно покачалъ головою.

— Не было? повторилъ киргизъ. Такъ кто-же это передъ восходомъ солнца сегодня вышелъ изъ твоей юрты, засѣдлавъ коня?

— И?.. вскричалъ Аблай.

— Уѣхалъ въ степь.

— Куда? въ какую сторону?

— Какъ-же тебѣ сказать объ этомъ? Степь широка, на ней вездѣ

дорога ... и наѣздникъ, исчезнувъ изъ виду аула, могъ взять какое ему угодно направленіе.

Старикъ оглянулся на степь, какъ-бы ища въ ней знакомаго предмета, медленно, съ выраженіемъ печали покачалъ головою и приказалъ своимъ ребятишкамъ сбирать овецъ.

— Это она! вскричалъ онъ. Знаю, зачѣмъ она бросила старика-отца, прошепталъ Аблай. — Аллахъ! Аллахъ, заключилъ онъ, — сохрани ее безпомощную въ этой жизни!

ЧАСТЬ II.

—

ВЪ ГОРАХЪ.

I

Спустя десять лѣтъ, перенесемся отъ грустныхъ сценъ безплодной и однообразной равнины Усть-Урта, въ мрачныя ущелья Фартама, къ живописной природѣ нагорной Чечны. Во время, описываемое нами, страна эта представляла страшное гнѣздо разбойниковъ и головорѣзовъ, между которыми еще и теперь часто находятъ пріютъ горные хищники. Окаймленная и прорѣзанная бурными рѣками и потоками, Чечна была окружена тогда непроходимыми рощами, теперь нѣсколько вырубленными, за которыми раскидывались хутора хищниковъ, часто расположенные на вершинахъ неприступныхъ скалъ, рядомъ съ гнѣздомъ орла, надъ бездною, гдѣ едва-замѣтную тропинку для пѣшехода и отчаяннаго наѣздника проторила нога дикой козы или легкаго тура. Обитатели этихъ недоступныхъ скалъ, вскормленные съ кинжала, среди кровавыхъ сценъ наѣздничества, невольно свыклись съ хищничествомъ и полюбили удаль набѣга, отвергая всякое ремесло и безтревожную жизнь, тѣмъ болѣе, что сама мѣстность представляла имъ всѣ удобства грабить своихъ сосѣдей безнаказанно. Чечна была сборищемъ бродягъ и удальцевъ, которыхъ весь капиталъ прятался въ ножнахъ шашки, а настоящее и будущее въ стволѣ винтовки. Потому не удивительно, что только между Чеченцами являлись эти отчаянные выходцы, подосланные врагами Рос-

сіи, муллы и лжепророки, смѣло разсчитывавшіе на дерзость и отвагу хищниковъ Чеченцы, одинаково и съ обычною готовностью, что́ видимъ изъ исторіи Кавказа, отвѣчали на воззванія Шихъ-Мансура, Кази-Муллы и даже Шамиля. Теперь только, когда топоръ русскаго солдата проложилъ дороги въ мрачныхъ лѣсахъ до неприступныхъ хуторовъ, а штыкъ размѣталъ на вѣтеръ саклю хищника, только теперь наѣздникъ не шашкой, а сохой чеканитъ абазы...

Въ началѣ 1785 г., горцы, ободренные неудачною экспедиціею русскаго отряда на Сунжѣ, не смотря на весенніе потоки въ горахъ, дурныя дороги и обвалы, большими партіями спѣшили къ Фартаму, съ видимымъ намѣреніемъ приступить къ дѣлу, которое–бы не ограничилось однимъ наѣздомъ и грабежемъ.

Въ это-то время, однажды, въ холодное апрѣльское утро, ниже аула чеченскаго общества Нашехи, десять человѣкъ горцевъ, на измученныхъ коняхъ, взбирались вверхъ по излучистой тропинкѣ Гушейской скалы. По изодраннымъ буркамъ всадниковъ, по ихъ невеселымъ лицамъ, до половины закрытымъ башлыками, можно было заключить, что Чеченцы возвращались или изъ дальняго пути или изъ неудачнаго наѣзда ... Иные изъ нихъ, стараясь разогрѣть продрогнувшіе отъ стужи члены, джигитовали на узкихъ и скользкихъ площадкахъ скалы, другіе, завернувшись въ сквозную, какъ рѣшето, бурку, отрывистыми проклятіями привѣтствовали холодный вѣтеръ и снѣга Фартама. Только двое передовыхъ наѣздниковъ отличались отъ товарищей бодрымъ взглядомъ, богатымъ вооруженіемъ и не совсѣмъ изодранными чухами. Они ѣхали молча, изрѣдка перекидываясь отрывистымъ и незначительнымъ вопросомъ или словомъ.

Теплый весенній день уже смѣнялъ сырую ночь и влажный туманъ, подымаясь цѣлыми облаками на предгорье, открывалъ живописную декорацію окрестностей Нашехи. Внизу, подъ ногами нашихъ путниковъ, какъ двѣ чешуйчатыя змѣйки, разбѣгались послѣдніе рукава Аргуна, которые, отрѣзавъ правую и лѣвую возвышенности Фартама, исчезали въ ихъ мрачныхъ ущельяхъ. Купы молодой зелени, растилаясь мелкимъ кустарникомъ, то прятались за крутизною береговъ, то ползучимъ можжевельникомъ и мелкимъ самшитомъ взбѣгали на желтыя скалы, соединяясь съ вѣковѣчною сосною, послѣднимъ свидѣтельствомъ жизни на этихъ недоступныхъ скалахъ. Тамъ и сямъ, по предгорьямъ, вылеталъ кудрявый дымокъ, указывая чернѣющіяся сакли, налѣпленныя по скатамъ и обрывамъ, какъ гнѣзда карагутовъ. Стада лѣнивыхъ буйволовъ, десятки медленно движущихся арбъ и быстро мелькающія группы наѣздниковъ, да сотни боевыхъ стреноженныхъ коней, все это рисовало про-

бужденіе нагорныхъ ауловъ, готовящихся въ наѣздъ. Подымаясь выше, до точки, занимаемой нашими путниками, взглядъ ихъ обнималъ безмолвную пустыню скалъ, засыпанныхъ снѣжными обвалами, надъ которыми съ пронзительнымъ крикомъ вился то орелъ, то съ шумомъ пролетала дикая индѣйка, испуганная присутствіемъ человѣка, и за нею неизбѣжный ея спутникъ — легкій туръ, едва касаясь запорошеннаго снѣгомъ кремня, какъ вихрь перелеталъ съ стремнины на другую ... Глыбы камня и снѣгу, оторванныя его копытомъ, съ глухимъ шумомъ катились по обрыву и засыпали слѣдъ бѣглеца ... Голыя сосны, вырванныя бурей и брошенныя съ корнемъ на землю, живыми мостами перекидывались чрезъ трещины и пропасти, на закраинахъ которыхъ осторожно пробирались два наѣздника ... Надъ головой ихъ возвышались мрачныя, черныя развалины какого-то древняго храма, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ развалинъ, подымаясь выше, на самый пикъ скалы, раскидывался еврейскій аулъ Кугутхай.

— Лѣвѣе, уздень Нешхай! вскричалъ одинъ изъ передовыхъ всадниковъ, отличавшійся высокимъ ростомъ, богатырскими плечами и дурнымъ выговоромъ, по которому легко можно было узнать въ немъ дагестанскаго татарина. Съ этими словами рослый наѣздникъ схватилъ за мундштукъ коня своего товарища и почти втащилъ его на площадку.

— Башхенкалъ знаетъ фартамскіе трущобы, какъ грѣхи свои, съ веселою улыбкою отвѣчалъ молодой уздень, заглянувъ съ сѣдла въ мракъ и бездну пропасти, въ которую едва не упалъ за минуту. — Подождемъ товарищей, продолжалъ онъ: безъ проводника они разбредутся здѣсь и не скоро сберешь ихъ послѣ.

— А, да вотъ кстати и площадка, отозвался Башхенкалъ, указавъ плетью на глыбу камня, повисшую надъ балкой. — Не худо будетъ, если дадимъ вздохнуть измученнымъ конямъ, теперь хоть дорога и не дальная, да трудная: змѣей ползти внизъ придется ...

— Для чего-же ты повелъ насъ этими трущобами, когда можно было безопасно и безъ изнуренія для нашихъ коней пробраться къ сборному мѣсту ущельемъ?.. спросилъ молодой уздень, быстро выскакавъ впередъ и спрыгнувъ съ сѣдла.

— Для того, что здѣсь мы выгадали два дни, которые-бы потеряли, объѣзжая эти скалы, а теперь для насъ каждый шагъ дорогъ. Шихъ-Мансуръ завтра на разсвѣтѣ двинетъ всѣ отряды вверхъ по Аргуни, и которыя партіи отстанутъ—догоняй его послѣ на рысяхъ... Смотри-ко, продолжалъ горецъ, указывая внизъ,—отсюда можно видѣть, что наѣздники собрались всѣ, и всѣ какъ будто черезъ часъ въ путь: и кони и лошади на отдыхѣ ... Кажется, только насъ и поджидаютъ.

— Много для насъ чести, Башхенкалъ. Двадцать моихъ молодцовъ, въ числѣ этихъ тысячь — не то ли же самое, что два зерна въ горсти пороху...

— Пхе! не подкрашивая слова ложью, можно сказать, Нешхай, что два зерна пороху, купленныхъ на рынкахъ Эндери — дороже цѣлаго мѣшка выдѣланнаго какимъ-нибудь *Лэгэ*. *) Не у всякаго карагута клювъ остеръ, не всякая шашка рубитъ врага съ кабардинки до стремя!.. Такъ-то... Недаромъ вѣрно Башхенкалъ два дни и двѣ ночи, обгоняя горный вѣтеръ, летѣлъ за вами, сломя голову ... Послушалъ бы, какихъ чудесъ насказали Шихъ-Мансуру про тебя и твою партію. Пхе! Жаль только, говоритъ, что наѣздники Нешхая не истинно правовѣрные.

— Спасибо!.. съ худо скрываемымъ презрѣніемъ отозвался Нешхай.

— Знаю. По этому-то всѣмъ другимъ джигитамъ за труды и отвагу Шихъ-Мансуръ обѣщаетъ по семидесяти-семи наградъ за гробомъ, а вамъ при жизни по столько-же абазовъ...

— Такъ, стало быть, насъ порядкомъ обочли, съ тою-же улыбкою повторилъ Нешхай... за семьдесять абазовъ и на рынкахъ Эндери не купишь красавицы, а ужъ вѣрно хуріи, обѣщанныя Шихъ-Мансуромъ, дороже серебра.

— Экой недовѣрокъ! прошепталъ Башхинкалъ: быть ему въ гостяхъ у шайтана.

— Кого ты бранишь, товарищъ?

— Кагуткайцевъ, храбрый уздень, смиренно отвѣчалъ татаринъ..

— Что-же они тебѣ сдѣлали?

— Они? Да они общіе враги наши ... Мало того, что отказали Шихъ-Мансуру въ оружіи, порохѣ и деньгахъ, такъ еще называютъ его лжецомъ, бѣглымъ киргизскимъ муллою...

— Эге!.. Такъ они вѣрно очень храбры, когда не боятся гнѣва такого сильнаго врага.

— Храбры до тѣхъ поръ, пока не погрозишь на нихъ плетью... Вотъ увидишь, какъ сегодня ночью мы по клочьямъ растащимъ это еврейское гнѣздо. Не въ первый разъ взбираться на крутизны нашимъ джигитамъ. На приступъ выбраны пятьдесятъ отборныхъ головорѣзовъ, которые не струсятъ каменьевъ, хотя-бы на нихъ евреи сдвинули цѣлую скалу.

---

* Рабъ—змѣя. Такъ чеченцы называютъ горцевъ изъ Сюлинскаго племени.

При послѣднихъ словахъ татарина молодой уздень съ любопытствомъ обратился въ ту сторону, гдѣ на высотѣ скалъ мелькали сакли еврейскаго аула. Суета и движеніе были замѣтны въ немъ. Кугутхайцы готовились къ защитѣ, строя завалы и сваливая груды кремней на отвѣсные обрывы. Мужчины, женщины и дѣти—всѣ были въ работѣ, которая кипѣла съ удивительною быстротою. Огромные завалы цѣлыми стѣнами возвышались тамъ; гдѣ за минуту чернѣла голая площадка; подвижныя, на-скоро срубленныя бойницы выдвигались по отлогостямъ, представлявшимъ осаждающимъ удобство къ всходу на верхъ; вооруженные евреи спѣшили занять каждый свой постъ. Словомъ, Кугутхайскій аулъ издали представлялъ въ эту минуту муравейникъ, полный труда и движенія.

Молодой горецъ улыбнулся.

— Не много-же возьметъ у евреевъ вашъ мудрый учитель, сказалъ онъ,—если даетъ имъ укрѣпиться ... Зачѣмъ было не ударить въ расплохъ?..

— Пхе! ты говоришь правду, возразилъ Башхенкалъ, также съ большимъ вниманіемъ наблюдавшій движеніе осажденныхъ. Клянусь мудростію Шихъ-Мансура, что какой-нибудь бродяга, голодный чеченецъ измѣнилъ намъ и встревожилъ евреевъ. Эге! да вонъ и наши зашевелились, продолжалъ татаринъ: видишь, спѣшенная партія наѣздниковъ разсыпалась по предгорью.

— Что-же ... все-таки для нихъ дѣло проиграно; ранѣе полдня они не взберутся на эти скалы, а вечеръ и ночь пройдутъ въ перестрѣлкѣ.

— Да ... да!.. Проклятые недовѣрки! они всѣ перемрутъ, но, клянусь красными чириками моей покойницы Асани, будутъ держаться до завтра, зная, что завтра всѣ наши отряды выступаютъ на Кизляръ... *

— Ничего! радостно вскричалъ татаринъ, снова заглянувъ внизъ: вонъ еще другая партія нашихъ отдѣлилась на скалы... У! Нешхай ... да и партія-то Шагрея, я узнаю ее по бѣлымъ лошадямъ передовыхъ наѣздниковъ, которые, кажется, хотятъ заскакать съ ущелья... Этимъ молодцамъ стоитъ только доползти до кугутхайцевъ, не успѣешь за бороду схватиться, какъ они кинжалами рѣшатъ дѣло.

При видѣ боеваго движенія и при послѣднихъ словахъ Башхенкала,

---

*) Походъ Шихъ-Мансура на Кизляръ. Смотр. Записки Броневскаго о Кавказѣ, ч. 2. стр. 113 и Кавказскій Календарь 1848 г; въ статьѣ «Кизляръ», ст. 87.

смуглое лицо молодаго человѣка вспыхнуло румянцемъ; небольшіе, черные глаза его блеснули огнемъ отваги и мужества. Закинувъ за ухо черные зюльфляры, онъ ударилъ по рукояти кинжала и, указывая на еврейскій аулъ, сказалъ:

— Сотня отчаянныхъ прыжковъ, и мы тамъ, Башхенкалъ! Бросимся: молодцы мои теперь всѣ здѣсь на лицо; не ворвемся въ аулъ, такъ, по крайней мѣрѣ, завяжемъ дѣло и помѣшаемъ евреямъ укрѣпить спуски надъ Аргуномъ...

— Ты смѣлъ, но безразсуденъ, уздень, — отвѣчалъ Башхенкалъ: смотри, еще не дѣлая впередъ ни одного шагу, мы уже стоимъ подъ каменьями, а долго-ли небольшой отрядъ твой придавить евреямъ; одно только движеніе—и кости наши смѣшаются съ прахомъ и пылью.

— Ничего, мы быстры, какъ вѣтеръ—всѣхъ не передавятъ, а если изъ насъ и десятеро взберутся на скалы, то для Шихъ-Мансура половина дѣла будетъ сдѣлана; оставайся, но я иду... скажи только: нѣтъ ли въ аулѣ кого-нибудь изъ чеченцевъ?.. Я не люблю рѣзаться съ кунаками.

— Ихе!.. да за чтожъ чеченецъ продастъ свою душу шайтану и будетъ рѣзаться за евреевъ? Тамъ, куда ты зовешь меня, кромѣ презрѣнныхъ уристовъ, никого нѣтъ, а если они храбры и умны въ эту минуту, такъ только по милости своего отчаяннаго старшины, стараго Чавка.

— Чавка! вскричалъ изумленный Нешхай: не того ли Чавка, который въ Эндери всегда сбывалъ горцамъ свой сафьянъ?..

— Того самого, именно того, котораго Шихъ-Мансуръ вмѣстѣ съ дочерью велѣлъ живьемъ привести къ себѣ и потомъ, на потѣху наѣзднікамъ и на страхъ ослушникамъ, сжечь какъ валежникъ...

— Какъ!.. Чавку и Черкени хотятъ сжечь?

— Сжечь, непремѣнно сжечь, этого мы всѣ требуемъ ... Молодцы-же говорятъ, что у красавицы Черкени глаза и волосъ какъ смола черны, а ужъ ты самъ знаешь, какъ пылаетъ смолистая вѣтка ... Но что съ тобою, Нешхай, ты какъ будто самъ на угольяхъ?.. Развѣ ты знаешь еврея и дочь его, развѣ ты кунакъ имъ?

— Да, кунакъ, котораго Шихъ - Мансуръ не купитъ теперь ни за золото, ни за милліоны хурій. Я не объявляю вражды противъ него, но и не обнажу за него моей шашки, до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ мщенія къ еврею Теперь моя шашка на защиту послѣдняго. Пусть изъ всѣхъ другихъ кугутхайцевъ вашъ мудрый учитель рѣжетъ хоть шашлыкъ и вялитъ его на солнцѣ, мнѣ все равно; но Чавка и Черкени ... За нихъ кровь и жизнь — моя и всѣхъ моихъ наѣзниковъ!

— Нешхай! И ты, слава Чечны, храбрый джигитъ, продаешь кровь одновѣрцевъ, мѣняешь ее на кровь еретиковъ и торгашей? съ упрекомъ сказалъ Башхенкалъ.

— Молчи, бритый кабанъ, запальчиво вскричалъ Нешхай: не тебѣ пачкать ржавчиной дорогой клинокъ моего кинжала; не тебѣ судить мою совѣсть ... Кто тебѣ сказалъ, что Шихъ – Мансуръ еще въ то время, какъ я былъ ребенкомъ, не сталъ врагомъ моимъ, врагомъ бездушнымъ и неотмщеннымъ?.. Но я забылъ свой позоръ, простилъ ему обиду и шелъ сражаться за его безумную мечту, за прихоть его честолюбивой души. Теперь пусть онъ не проклинаетъ меня и не называетъ измѣнникомъ: наѣздникъ также долженъ быть вѣренъ своему слову, какъ ты своему вдохновенному муллѣ, если только ты истинный слуга его. А я поклялся — рано или поздно отвѣтить еврею на добро добромъ: Чавка спасъ мнѣ жизнь; теперь я спасу его. Прощай.

— Одумайся, Нешхай! Не наклинай на свою голову грозы и мщенія сильнаго ...

— Я никогда на раздумываю, Башхенкалъ. Ктому-же время дорого, ваши близко . . Товарищи, продолжалъ Нешхай, обращаясь къ собравшимся около него наѣздникамъ : готовы-ли вы броситься на защиту кугутхайцевъ?...

— Какое намъ дѣло! за кого не драться, лишь-бы платили абазы... До нихъ-же ближе, чѣмъ до Шихъ – Мансура!.. Да они и побогаче его! послышалось въ толпѣ горцевъ, готовыхъ за лишній абазъ зубрить шашку на черепѣ друга и недруга.

Въ ту же минуту, по слову Нешхая, двадцать наѣздниковъ, закинувъ за плеча винтовки и махая скинутыми съ головы шапками, съ гикомъ бросились на перерѣзъ черезъ трещину, засыпанную толстымъ слоемъ снѣга. При первомъ ихъ появленіи подъ скалою, отверстія бойницъ одѣлись легкимъ дымомъ, вспыхнули бѣглымъ огнемъ и градъ пуль и каменьевъ полетѣлъ на встрѣчу наѣздникамъ ... Но, когда евреи замѣтили брошенныя вверхъ кабардинки горцевъ, выражающія знакъ мира, тогда на скалахъ непріязненная встрѣча смѣнилась громкимъ восклицаніемъ восторга и, спустя четверть часа, двадцать лучшихъ джигитовъ скрылись за кугутхайскими завалами ...

II.

Между обоими рукавами Аргуна, на площадкѣ, обрамленной мелкимъ кустарникомъ, располагались отряды чеченцевъ. Одни изъ наѣздниковъ, завернувшись въ бурки, дремали на влажной травѣ, другіе, покуривая изъ коротенькихъ трубокъ, смазывали саломъ оружіе, третьи пересѣдлывали коней, — бо́льшая-же часть внимательно слѣдили за двумя отрядами товарищей, взбиравшихся на Гушейскія крутизны.

На порогѣ крайней сакли, расположенной при входѣ въ ущелье, скрытые зеленью чинаръ, помѣщались два старыхъ чеченца. Оба они, какъ и прочія наѣздники, не спускали глазъ съ партіи Шагрея, уже достигшей половины возвышенности и ставшей въ эту минуту подъ выстрѣлы евреевъ.

— Молодцы, джигиты! . Смотри, смотри, Учь-Ханъ ... Ухъ! кажется цѣлый десятокъ наѣздниковъ закрутился внизъ съ камнемъ! сказалъ одинъ изъ старыхъ горцевъ.

— А лѣзутъ ... все лѣзутъ ... Эге ... вонъ ужъ куда выбрались, кажется ужъ пули ихъ достаютъ бойницы... Ну ... еще ближе подошли... гей!..

— Ну!.. Чтобы коню моему не пить воды изъ Аргуна, если я что-нибудь тутъ понимаю ... Евреи сдѣлали вылазку ... да гдѣ-же это они набрались столько храбрости?..

— Пхе!.. Постой-ко Лай-Гачь ... Что это!..

— Что?..

— Да видишь, семеро евреевъ цѣлый отрядъ назадъ гонятъ ...

— Не евреи это, клянусь нашимъ куначествомъ, не евреи, Учь-Ханъ!..

Въ эту минуту на легкомъ и быстромъ конѣ, изъ ущелья въ обрѣзъ у самой сакли, промчался молодой, статный и необыкновенно красивый горецъ ...

— Гей! Гей!.. Кичикъ! вскричалъ одинъ изъ чеченцевъ.

Наѣздникъ на мгновеніе сдержалъ своего скакуна ...

— Почетъ и милость Аллаха, храбрые, джигиты на домъ вашъ! отозвался юноша ...

— Что новаго!.. Что на вершинахъ?..

— Нехорошо ... нашихъ бьютъ! нашимъ измѣнили ...

— Измѣнили? Кто?...

— Нешхай!

Съ этимъ словомъ наѣздникъ гикнулъ, пригнулся къ сѣдельной лу-

кѣ и въ одно мгновеніе далеко оставилъ за собою изумленныя и вытянутыя физіономіи сѣдыхъ горцевъ.

— Нешхай! повторили они оба, не спуская изумленныхъ глазъ другъ съ друга.

— Нешхай! сказалъ Лай – Гачь ... Ничего не понимаю ... За что?.. Да... какъ-же это нашихъ бьютъ?

— Что бьютъ, такъ это очевидно ... вонъ погляди: партія Шагрея опять ушла версты на три ниже и теперь — прямо попала подъ камни ... А, вотъ Нешхай ... А! Тс... стой! Знаю ..

— Знаешь? Что ты знаешь?

— Знаю, какъ могъ измѣнить намъ Нешхай ...

— Эге! Говори, говори, кунакъ Учь-Ханъ ...

— Очень просто . . ты развѣ не знаешь, что Нешхай и Чавка старые знакомые, что джигитъ не разъ провожалъ еврейскіе караваны до Эндери и что важнѣе всего, у еврея дочь красавица, которая, какъ кажется, приглянулась молодцу ...

— Э!.. Не корми меня, кунакъ, грязью, не слѣпи глаза ложью... Можетъ ли быть, чтобы для дѣвчонки Нешхай рѣшился опозорить свою голову и вызвать на вѣчную месть тысячи чеченцевъ?...

— Ну ... да, впрочемъ, у него есть еще и другая причина, извинительнѣе первой ...

— Другая ... Гдѣ же она?..

— А вотъ, что я слышалъ: когда еще Нешхай былъ просто бродягой, лапàтникомъ, простымъ работникомъ въ кизлярскихъ садахъ, гдѣ, сказать по секрету — также, лѣтъ пять тому назадъ, рѣзалъ виноградныя кисти и Шихъ – Мансуръ ...

— Какъ ... и онъ?

— Да ... но лучше подавиться собственнымъ языкомъ, чѣмъ вслухъ говорить объ этомъ ...

Друзья значительно переглянулись. Учь – Ханъ продолжалъ:

— Такъ, вотъ, когда еще Нешхай не владѣлъ этими двадцатью головорѣзами и не назывался узденемъ, онъ однажды, при расчетѣ съ своимъ хозяиномъ, застрѣлилъ его и бѣжалъ въ горы. Какъ звѣрь, нѣсколько дней прятался онъ въ горныхъ трущобахъ; наконецъ, измученный голодомъ, зноемъ жаркихъ дней и холодомъ сырыхъ ночей, больной и обезсиленный, проходя Шахкерскими скалами, упалъ въ пропасть ... Это случилось въ глазахъ Чавки ...

— Ну ... и еврей ...

— Еврей, рискуя сломать свою шею, спустился за Нешхаемъ, лишеннымъ чувствъ и памяти, но не жизни ... Счастливецъ, онъ задер-

жался на площадкѣ и повисъ надъ джехеннемомъ ... Еврей вынесъ его на скалы, привязалъ къ коню и, полумертваго, привезъ въ свою саклю... Разсказывать-ли тебѣ, что дочь и старый еврей ухаживали за Нешхаемъ, какъ за молочнымъ братомъ, и возвратили его къ жизни ...

— Пхе! послѣ минутнаго молчанія сказалъ Лай-Гачъ, когда кунакъ его кончилъ разсказъ свой ... Пусть, кто хочетъ называетъ Нешхая измѣнникомъ, а я не скажу этаго ни при немъ, ни безъ него... Всякій честный джигитъ сдѣлалъ-бы на его мѣстѣ тоже самое...

— Правда, въ раздумьи и нахмуривъ брови, отвѣчалъ Учь-Ханъ. Къ тому-же Нешхай свободный наѣздникъ, онъ, за кого хочетъ, за того и обнажай свою шашку ... Его дѣло: чеканить-ли для своихъ удальцевъ абазы въ Еврейскомъ аулѣ — или цѣловать карманы Шихъ-Мансура ..

— Пхе! Да и что за хозяинъ чужой головы, этотъ Шихъ-Мансуръ...

— Правда ... Ге! .. съ которой стороны онъ мудренѣе-то насъ?..

— Ужъ надоѣлъ ... въ дѣлѣ съ русскими на Сунжѣ — я было рѣшительно повернулъ коня назадъ, да упросилъ этотъ добрякъ Кичикъ ...

— Дѣйствительно, для него трудно чего нибудь не сдѣлать ... ужъ вотъ, не кормя кунака грязью — можно пожелать такого друга... вѣдь посмотрѣть ... за Шихъ-Мансура онъ, кажется, готовъ сто разъ умереть, хоть пальцы рѣжъ, а не продастъ не выдастъ его ...

— И гдѣ они, на какомъ распутьи встрѣтились съ муллою? Поглядишь, такъ не разстаются почти. .

— Какъ встрѣтились? ... Просто, мальчику понравилась боевая и тревожная жизнь проповѣдующаго о спокойствіи душевномъ ... ну, и пришелъ ...

— А не слыхалъ, откуда онъ?

— Кто говоритъ изъ Табазарани, а кто разсказываетъ, будто былъ въ плѣну у Туркменцевъ, да русскіе выкупили, отъ которыхъ онъ бѣжалъ въ горы ...

Въ это время тотъ, про котораго горцы вели разговоръ свой, мелкою рысью взбирался вверхъ по противуположному предгорью и проскакавъ съ полверсты, остановился у порога сакли, поставленной отдѣльно отъ другихъ ... Спрыгнувъ съ сѣдла и, поправивъ на себѣ чекмень, плотно обхватывавшій его стройный станъ, онъ подошелъ къ двери сакли и тихо постучалъ въ нее. Въ саклѣ слышался однотонный и мѣрный голосъ, читавшій коранъ. Когда дрогнула ветхая дверь подъ ударами пріѣзжаго, голосъ чтеца замѣтно усилился.

— Онъ вѣрно думаетъ, что у сакли ждетъ кто нибудь изъ стар-

шинъ, которыхъ встрѣчаетъ, по обыкновенію, кораномъ и молитвой, прошепталъ юноша.

— Во имя Аллаха милостиваго и милосердаго! сказалъ онъ громко.

— И слава Аллаху за вѣру мусульманскую! отозвался голосъ изнутри сакли. Войди! повторилъ тотъ-же голосъ.

Кичикъ переступилъ порогъ мазанки, осторожно заперъ за собою двери и молча остановился у нихъ, устремивъ на хозяина сакли взглядъ живой преданности и готовности повиноваться первому его желанію. Между-тѣмъ, горецъ, какъ будто-бы незамѣчая своего преданнаго слуги, все еще оставался неподвижнымъ надъ разкрытою тетрадью корана.

Это былъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, но блѣдное, исхудалое и прорѣзанное глубокими морщинами лицо его съ перваго взгляда не оправдывало этаго предположенія. Горецъ казался гораздо старше. Впалыя щеки его, оттѣненныя чернымъ пухомъ волосъ, посеребренныхъ преждевременною сѣдиною, казалось, рѣдко оживали румянцемъ, взглядъ, какъ будто-бы никогда ни одушевлявшійся никакими страстями, выражалъ только смиреніе, а сжатыя, блѣдныя и сухія губы, нѣсколько выдавшіяся впередъ, вмѣстѣ съ сдвинутыми надъ глазами густыми бровями, высказывали только постоянную думу и работу умственную. Не смотря однако на это смиренное выраженіе лица его, которое какъ нельзя лучше рисовало портретъ муллы, широкая грудь горца, богатырскія плеча и быстрота движеній показывали, что онъ могъ-бы быть и отличнымъ наѣздникомъ.

Дочитавъ послѣдній стихъ корана, горецъ набожно поцѣловалъ раскрытую странницу тетради — и поднялъ голову.

Въ туже минуту угрюмое и мрачное лицо его измѣнилось совершенно. Глаза сверкнули веселостію и удовольствіемъ; станъ его, затянутый въ чекмень изъ дорогой шкуры тура, выпрямился ... Онъ бодро подошелъ къ юношѣ и, съ нѣжностію потрепавъ его розовую щеку, молча указалъ на коверъ.

— Садись и отдохни, сказалъ онъ.. насилу я тебя могъ дождаться. Только съ тобой я свободенъ, только при тебѣ отдыхаетъ душа моя и сердце, которыхъ страсти и желанія я долженъ скрывать отъ всѣхъ другихъ, измозжая тѣло постомъ, а душу невольнымъ смиреніемъ ... Глупые горцы хотятъ, чтобы я за нихъ молился и день и ночь, хотятъ, чтобы, даже и въ битвѣ, скрестивъ шашку на шашку, я былъ муллою, а не вождемъ ихъ къ побѣдѣ ...

— Они думаютъ, Шихъ-Мансуръ, отозвался юноша, что твоя молитва въ битвѣ сильнѣе твоей шашки и что тебѣ только стоитъ про-

мчатся предъ ихъ рядами, нашептывая стихъ изъ корана, чтобы вырвать у врага побѣду.

Брови нашего стараго знакомца, Шихъ-Мансура, снова задвинулись надъ пылающимъ взглядомъ.

— О, какъ-бы было хорошо, сказалъ онъ, если-бъ эта вѣра ко мнѣ не ослабѣвала въ горцахъ, а то, — продолжалъ Шихъ-Мансуръ, не скрывая своей грусти — я вижу, какъ съ каждымъ днемъ гаснетъ ихъ довѣріе ко мнѣ ... Неразъ, обходя ночью безмолвный станъ наѣзниковъ, я слышалъ у огня бесѣды ихъ, въ которыхъ они заглядывали въ мое прошедшее, жалуясь на настоящее и не довѣряя тому блаженству, которое я такъ щедро раздаю имъ въ будущемъ... съ насмѣшливымъ видомъ заключилъ онъ.

— Такихъ вольнодумцевъ немного, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Немного ... но они есть ... И при первой моей неудачѣ всѣ повѣрятъ словамъ ихъ ... Только счастливое дѣло на Сунжѣ, увеличенное въ горахъ расказами моихъ приверженцевъ, созвало сюда эти отважныя толпы бродягъ, готовыхъ умирать не за вѣру, не за слово моего ученія, но за добычу ... Не думаешь ли ты, что они идутъ на Кизляръ для того, чтобы шашкой зарубить мою славу на стѣнахъ города? . Они идутъ грабить его ... и отягченные добычей, разбредутся послѣ по своимъ саклямъ и забудутъ меня, и бросятъ на распутьи, какъ изношенные *мачи* *, если я не призову ихъ къ новому грабежу. Горецъ не можетъ быть воиномъ и истиннымъ правовѣрнымъ ... Онъ не умѣетъ умирать за счастіе друзей, дѣтей и женъ, за славу цѣлой страны. Онъ обнажаетъ шашку только въ безумной барантѣ, да въ воровскомъ наѣздѣ ... И посмотри: многіе изъ нихъ, на походѣ къ Кизляру, будутъ хвастать андійцамъ и кунакамъ не славнымъ дѣломъ на Сунжѣ, а лоскутомъ еврейскаго чекменя, добытымъ съ кинжала, подъ градомъ камней въ Кугутхайскомъ аулѣ ...

— Трудно вѣрится, чтобы нашимъ наѣзднимъ пришлось похвастать грабежемъ и пожаромъ еврейскаго аула!.. замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Трудно вѣрится, говоришь ты?.. тогда, какъ наѣзники знаютъ, сколько сокровищей въ каждой саклѣ на Фартамѣ ... Не думаешь ли ты, что завалы, которые успѣли сдѣлать евреи, защитятъ ихъ? ...

— Теперь у нихъ есть защита — понадежнѣе заваловъ ...

---

* Сапоги.

Шихъ-Мансуръ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Кто-же эти защитники? быстро спросилъ онъ.

— Партія — Нешхая ...

— Нешхая !.. Неужели это правда? Кто сообщилъ тебѣ эту страшную новость?..

— Башхенкалъ; да и всѣ мы видѣли, какъ наѣздники Нешхая сдѣлали двѣ вылазки изъ за своихъ заваловъ и далеко прогнали джигитовъ Шагрея ...

При этой послѣдней вѣсти, Шихъ-Мансуръ задрожалъ и поблѣднѣлъ отъ досады ...

— Какъ! вскричалъ онъ ... даже и Шагрей не можетъ выдержать натиска этихъ презрѣнныхъ измѣнниковъ, которые вмѣстѣ съ своимъ узденемъ – бродягою продали евреемъ честь, кровь единовѣрцевъ и совѣсть !

Юноша отрицательно покачалъ головою.

— Не снимаю позора съ совѣсти Нешхая, сказалъ онъ ... Но знаю, что онъ не продалъ ее и если бросился на защиту когутхайцевъ — такъ потому только, что обязанъ жизнію и благодарностію старому Чавкѣ, какъ разказалъ Башхенкалъ, и по привязанности къ его дочери, какъ я думаю ..

— Нѣтъ ... Запальчиво возразилъ Шихъ-Мансуръ, ударивъ рукою по стальному своему нагруднику .. Чавка и дочь его мои жертвы и шашка Нешхая не отстоитъ ихъ свободы ... Еврей старый врагъ мой !.. Всѣ предательскіе разсказы, распущенные про меня между чеченцами, принадлежатъ изобрѣтательности стараго волка Фартамскихъ вершинъ ... Къ тому-же, ты знаешь, какъ нужны для меня теперь сокровища евреевъ ... и сколько можетъ повредить мнѣ неудача въ этой ничтожной попыткѣ ... Повѣрятъ-ли мнѣ горцы, что я отдамъ имъ на расхищеніе армянскіе духаны Кизляра, если равнодушно буду глядѣть на бѣгство моихъ наѣзниковъ отъ горсти еврейскихъ торгашей ... Самъ пойду на скалы съ отрядомъ пшехойцевъ * .. Призывный голосъ мой зазвучитъ словомъ казни и кары непокорнымъ ... и—клянусь Пророкомъ !.. всѣ отступившіе при натискѣ Нешхая, какъ тигры бросятся впередъ по слѣдамъ моимъ ... Коня и шашку !

Юноша вздрогнулъ при послѣднемъ восклицаніи Мансура. Онъ медленно снялъ со стѣны вооруженіе и отдавая его ему нерѣшительно и умоляющимъ голосомъ спросилъ:

— А я?..

---

* Одно изъ тринадцати Чеченскихъ племенъ.

— Ты останешься здѣсь ... Всѣхъ и все принесу въ жертву моихъ начинаній, но не тебя ... И что можетъ сдѣлать тамъ твоя слабая рука? Нѣтъ, Айканы!.. будь здѣсь и молись за меня ... Молитва твоя — молитва, доступная милости Аллаха ...

Шихъ-Мансуръ съ чувствомъ теплой признательности и грусти пожалъ дрожавшую руку дѣвушки и быстро вышелъ изъ сакли.

Чрезъ нѣсколько минутъ мулла на бѣломъ конѣ, впереди отряда пшехойцевъ, съ гикомъ, крупною рысью промчался лѣвымъ берегомъ Аргуна.

III.

Для полноты и ясности нашего разсказа, намъ слѣдуетъ вернутся нѣсколько назадъ и познакомить читателя съ подвигами Айканы, которая, какъ мы видѣли, — не смотря на холодность Шихъ-Мансура, для счастія дѣлить съ нимъ жизнь, славу и горе, — бросила родную юрту, стараго отца и раздольное кочевье. Вотъ какъ дѣвушка достигла своей цѣли.

Въ ночь, съ исходомъ которой Каратюлейскіе аулы должны были подняться на лѣтнее кочевье, Айканы, въ платьѣ киргиза, засѣдлала отцовскаго коня, запаслась небольшимъ количествомъ бишъ-бармака и наудачу умчалась въ степь. Сильно забилось сердце въ груди дѣвушки, когда послѣдніе верьхи родныхъ юртъ изчезли за нею, въ туманѣ весенняго утра. Тоска и чувство невольнаго раскаянія вызвали слезы на глаза ея, при мысли о вѣчной разлукѣ съ старымъ отцомъ и братьями. Она сдержала горячій бѣгъ коня, желая въ послѣдній разъ полюбоваться знакомыми камышами, изчезавшими за нею и потомъ легкою рысью спустилась къ обрывамъ Чинка, хорошо зная, что, держась прямому направленію этихъ обрывовъ, на полдень, она, въ двое сутокъ ускоренной ѣзды, достигнетъ береговъ Каспійскаго моря. Полагаясь во всемъ на удачу и на свою смѣлость, Айканы не знала, или лучше, не хотѣла знать ни дальности пути, ни страшныхъ встрѣчъ съ разбойниками и звѣремъ. Она знала только, какъ говорилъ ей отецъ, что Шихъ-Мансуръ въ Чечнѣ, что Чечна за Каспіемъ. Давая небольшіе роздыхи коню, дѣвушка счастливо миновала обрывы Чинка и на третьи сутки завидѣла вдали зеркальный горизонтъ моря. Чѣмъ ближе подвигалась она къ низменнымъ берегамъ его, тѣмъ шире и необъятнѣе разливался онъ передъ нею и тѣмъ болѣе росли тоска и грусть

путницы, при мысли о безпредѣльномъ пространствѣ, раздѣлявшимъ ее съ милымъ.

— Кто, какой вѣтеръ перенесетъ меня на дальній берегъ? въ отчаяніи подумала Айканы, прислушиваясь къ дробному плеску морской зыби и шуму высокаго камыша ... Неужели вернуться въ кочевье и отказаться отъ мысли жить и страдать подлѣ *него* ... Нѣтъ, нѣтъ! шептала дѣвушка ... Я лучше умру въ этихъ камышахъ! — но хоть полюбуюсь на туманныя вершины горъ, раскинутыя за этимъ моремъ, въ которыхъ Шихъ-Мансуръ обрекъ себя на долгое скитальчество.

Айканы спрыгнула съ коня и, пробравшись сквозь камышъ, подошла къ морю. Легкій вѣтерокъ вырывался изъ сплошной массы зеленаго камыша, пробѣгалъ надъ зыбкою поверхностію водъ и наполнялъ бѣлѣющія вдали паруса торговыхъ судовъ, надъ которыми съ рѣзкимъ свистомъ вились казарки и чайки ... Направо и налѣво тянулся однообразною зеленою коймою низменный берегъ, выбѣгавшій кое-гдѣ впередъ длинною песчаною отмѣлью. Нѣсколько досокъ и бревенъ, то выбрасываемыхъ на эти отмѣли, то снова уносимыхъ волною, да небольшое судно, стоявшее на якорѣ въ полверстѣ отъ берега, вотъ все, что представилось Айканы. Послѣднее особенно обратило на себя вниманіе дѣвушки. Она вспомнила разсказы стараго отца о томъ, что на полдень отъ Каратюлейскаго кочевья, за Чинкомъ и солончаками, есть море, по которому плаваютъ большія лодки съ товарами изъ Персіи и Россіи, и что изъ послѣдней недалеко перебраться въ горы.

— Да, это говорилъ мнѣ отецъ, подумала Айканы; онъ даже разсказывалъ, какъ однажды молодые наѣздники ограбили такую лодку, что часто дѣлаютъ наши киргизы, если лодка близко подходитъ къ берегу. Съ этими мыслями все вниманіе дѣвушки сосредоточилось на небольшомъ суднѣ, качавшемся на легкой зыби моря, ввиду береговъ. Въ этомъ суднѣ она видѣла свое спасеніе и сбыточность своихъ надеждъ, особенно въ ту минуту, когда, судя по наряду человѣка, показавшагося на палубѣ судна, она узнала въ немъ русскаго. Айканы уже была готова окликнуть матроса, какъ близкій говоръ въ камышахъ вызвалъ ея вниманіе. Знакомая съ степными встрѣчами и случайностями, дѣвушка осторожно, избѣгая малѣйшаго шуму, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, тихо раздвинула густой камышъ и быстро, затаивъ дыханіе, припала на землю. Такой маневръ былъ необходимъ для Айканы; въ двухъ шагахъ отъ нея, скрытые камышемъ, бесѣдовали шесть хищныхъ киргизовъ и столько-же туркменцевъ. Между дюжиною этихъ звѣрскихъ лицъ, дѣвушка не находила ни одного знакомаго лица.

Страхъ и опасенія ея еще болѣе увеличились, когда она прислушалась къ бесѣдѣ хищниковъ.

— Посмотри, Батырь-Ага-Кузу, сказалъ одинъ изъ киргизовъ, обращаясь къ своему товарищу: — я замѣчаю, что вправо отъ насъ кто-то бродитъ въ камышахъ, видишь-ли, какъ онъ волнуется? И киргизъ указалъ въ ту сторону, гдѣ скрывалась Айканы.

— Гдѣ?.. я ничего не вижу, Батырь-Джу ... отозвался товарищъ...

— Немного ниже отмели, за которою спрятана наша лодка, повторилъ Батырь-Джу. Всѣ собесѣдники обратили глаза свои по указанному имъ направленію.

Айканы не могла не догадаться, что въ эту минуту предметомъ вниманія киргизовъ былъ ея собственный конь. Вскорѣ послышалось пронзительное ржаніе этого коня ... Животное фыркнуло, выказалось надъ зеленою волною камышей и быстро помчалось въ степь, какъ-бы преслѣдуемое кѣмъ нибудь ...

— Юлъ-барсъ! .. юлъ-барсъ! * послышалось въ встревоженной толпѣ киргизовъ. Дѣйствительно, огромной величины тигръ преслѣдовалъ коня Айканы и вдругъ, какъ-бы заслышавъ голоса киргизовъ, остановился на одно мгновеніе, обратилъ свои сверкающіе глаза въ ту сторону, гдѣ слышался говоръ людей и снова бросился въ камыши, быстрое колебаніе которыхъ указывало теперь слѣдъ его.

— Онъ идетъ на насъ! сказалъ одинъ изъ туркменцовъ.

— Берите ружья! вскричалъ другой ...

— Лучше броситься въ лодку ... до ней не далеко ...

— Тс! .. Молчи, Батырь-Ата-Кузы ... Онъ близко ... Онъ ужъ отрѣзалъ насъ отъ лодки ... Не теряйте его изъ виду ... Только вѣрный прицѣлъ спасетъ насъ! прошепталъ Батырь-Джу. И киргизы, въ нѣмомъ, но тревожномъ молчаніи раздвинули полукругъ, стараясь принять звѣря на перекрестный огонь.

Во всю эту сцену дѣвушка не выпускала изъ виду ни хищниковъ, ни звѣря. Замѣчая, что, по счастливому случаю, она не открыта ни первымъ ни послѣднимъ, — Айканы рѣшилась воспользоваться минутною удачею и, отступая, какъ можно осторожнѣе, до отмели, указанной Батырь-Джу, она скоро достигла ладьи киргизовъ. Спасеніе ея было близко ... И прежде чѣмъ, кто-нибудь замѣтилъ ея движеніе — она была уже въ морѣ и направляла лодку къ судну ... Работая изъ

---

* Такъ киргизы называютъ тигра.

свѣхъ силъ веслами, Айканы не спускала тревожнаго взгляда съ камышей, въ которыхъ чрезъ минуту раздался ружейный залпъ, скоро заглушенный протяжнымъ ревомъ звѣря и нестройнымъ гиканьемъ киргизовъ ... Залпъ повторился ... Въ ту же минуту, что-то черное прыгнуло надъ камышами и бросилось въ море. Раненный тигръ бѣжалъ отъ храбрыхъ враговъ своихъ. Зарываясь въ легкой зыби, раненный звѣрь не могъ долго держаться на водѣ и снова повернулъ къ камышамъ, у которыхъ показались его преслѣдователи, изумленные въ эту минуту смѣлостью поступка Айканы. Теперь вся ихъ ярость обратилась на дѣвушку. Не теряя присутствія духа, Айканы вымѣрила взглядомъ разстояніе, отдѣлявшее ее отъ враговъ и, подъ градомъ пуль, въ нѣсколько усиленныхъ взмаховъ веслами, достигла судна, на палубѣ котораго немногочисленный экипажъ, вызванный на-верхъ нежданною тревогою — принялъ бѣглеца. Судно было дѣйствительно русское, и шло въ Астрахань. Черезъ одного изъ калмыковъ, когда-то бывшаго въ плѣну у киргизовъ, дѣвушка успѣла объяснить хозяину судна, что хищники, отъ которыхъ бѣжала она, устроивъ въ камышахъ засаду, вѣроятно ожидали ночи, чтобы ограбить его. Такая вѣсть тотчасъ - же заставила шкипера сняться съ якоря и уйти въ открытое море. Айканы разсказала новымъ друзьямъ своимъ, что, уходя отъ хищниковъ, она имѣла ввиду и другую причину быть на суднѣ, желая перебраться на русскій берегъ, гдѣ будто-бы въ калмыцкихъ улусахъ давно кочуетъ вся ея семья ...

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Айканы уже была въ Чечнѣ. Невольница своей страсти, въ рубищѣ горца, лишенная пріюта и часто черствaго чурека, — дѣвушка проводила дни и ночи въ грустномъ скитальчествѣ, ища того, кто въ это время самъ страдалъ не менѣе ея за прихоть своей безумной мечты, работая съ бѣдными лезгинами въ садахъ Кизляра или вмѣстѣ съ вѣрною собакою оберегая стада чеченцевъ надъ Сунжею. Имя Шихъ-Мансура еще не откликалось въ горахъ и Айканы нигдѣ не могла его встрѣтить. Она искала его въ толпѣ узденей, на славныхъ джигитовкахъ горцевъ, на важныхъ сборищахъ джемата, гдѣ краснорѣчіе замѣняется дерзостью оратора, а право на нее даютъ не доблестныя дѣла мирнаго гражданина, не опытная сѣдина, но слава джигита, добытая кинжаломъ въ раздольныхъ наѣздахъ и грабежахъ. Она не подозрѣвала, чтобы Шихъ - Мансуръ, гордый и неприступный въ степяхъ, униженно и рабски несъ въ горахъ долю послѣдняго ясыря. Семь лѣтъ, изнывая отъ душевныхъ мукъ и жизни, полной страданій и лишеній, почти не выносимыхъ для женщины, Айканы бродила въ горахъ Чечны и Лезгинстана.

Однажды, во время своихъ странствованій, она, измученная голодомъ и дальнимъ переходомъ, постучалась въ одну изъ саклей Талбыйскаго селенія, раскинутаго на границѣ Осетіи и Чечны, въ тѣснинѣ, между горъ, разрѣзанной послѣднимъ истокомъ Терека.

— Кто тутъ? послышилось за дверью и вслѣдъ за тѣмъ черная, курчавая головка мальчика показалась за рѣшеткою окна.

— Странникъ, отвѣчала Айканы: проситъ пристанища и кусокъ *бепика* *.)

— Не наплюй на порогъ отца моего, добрый джигитъ, отвѣчалъ мальчикъ, его нѣтъ, а безъ него нѣтъ и бепику; отдохнуть — можешь, отдамъ тебѣ свой войлокъ.

— Гдѣ-же отецъ твой, молютка? Ужъ не въ наѣздѣ-ли? спросила Айканы.

— Онъ тамъ, гдѣ и всѣ наши одноаульцы: у сакли стараго Ахши-Хувруза ... слушаетъ умныя рѣчи его гостя.

— Умныя рѣчи гостя? повторила Айканы, невольно останавливаясь на замѣчаніи мальчика. Какой-же это гость? быстро спросила она.

— У!.. такой умный ... такой храбрый, что наши джигиты всѣ безъ ума отъ него ... Да чего, ужъ тѣсно стало въ аулѣ: толпами сбираются къ намъ горцы послушать Шихъ-Мансура ...

— Шихъ-Мансура!.. Какъ, онъ здѣсь!...

— А развѣ ты его знаешь?.. Такъ и есть, продолжалъ мальчикъ, не дожидаясь отвѣта Айканы; правду говоритъ отецъ, что всѣ его знаютъ и всѣ бѣгутъ къ нему.

— Гдѣ-же ... гдѣ сакля стараго Ахши-Хувруза!..

— Мальчикъ высунулся до половины въ окно и указалъ внизъ, по направленію къ рощѣ...

— Видишь-ли, сказалъ онъ, старыя, разрушенныя обвалами съ горъ, сакли, около рощи?.. Такъ за ними, при спускѣ къ Тереку и сакля Ахши-Хувруза.

Забывая усталость и изнеможеніе, Айканы, трепеща отъ счастія и восторга, бросилась по дорогѣ, указанной малюткою. Едва она успѣла спуститься къ рощѣ, какъ должна была остановиться за толпою горцевъ, сдвинувшихъ тѣсный кружекъ у порога сакли Ахши-Хувруза. Глубокое молчаніе царствовало въ кругу наѣздниковъ. Надвинувъ шашки на брови и изрѣдко подергивая плечами или опуская смиренный взглядъ въ землю, горцы, повидимому, съ большимъ вниманіемъ слушали слова про-

*) Пшеничный хлѣбъ; другой, называемый сыскилемъ, дѣлается изъ кукурузы.

повѣдника ... Въ этомъ восторженномъ голосѣ, въ смѣломъ и пылающемъ взглядѣ говорившаго, Айканы не могла не узнать Шихъ-Мансура. Она не слышала теперь словъ его, не понимала ихъ значенія, она впилась въ него своимъ взглядомъ и оставалась, какъ прикованная къ землѣ, благословляя только счастливую минуту встрѣчи, и изнывая въ тоскѣ и мукѣ при мысли—о первомъ свиданіи съ нимъ, которая такъ должна была тревожить сердце страдалицы, отвергнутой и, быть-можетъ, навсегда забытой Шихъ-Мансуромъ...

Вотъ толпа уже встрепенулась, между нею слышались отвѣтныя восклицанія, громкій говоръ и непзбѣжное: *казаватъ* *) Да, говорили чеченцы, расходясь по домамъ, онъ сказалъ правду: кто считаетъ себя истиннымъ мусульманиномъ, для того первое дѣло вражда съ невѣрными...

— Безъ казавата, повторяли другія, исполненіе мудрыхъ правилъ корана не есть моленіе!..

— Правда!.. откликались третьи, безъ этого, всѣ наши посты и намазы все равно, что разряженная винтовка въ дѣлѣ... Война! война! ударимъ на невѣрныхъ!

Горцы разошлись и Шихъ-Мансуръ, довольный своимъ успѣхомъ, одинъ остался на порогѣ сакли. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла безмолвная Айканы.

— Чего хочетъ отъ меня этотъ нѣмой наѣзникъ? подумалъ Шихъ-Мансуръ, замѣтивъ наконецъ присутствіе Айканы ... Онъ смотритъ на меня такими глазами, какъ будто-бы хочетъ вытащить изъ меня душу... Если это тайный убійца, подосланный, моими врагами, которыхъ я легко могъ нажить въ три мѣсяца первыхъ моихъ подвиговъ, продолжалъ мулла, — то врядъ-ли онъ успѣетъ брякнуть курком своего пистолета ... Я прежде швырну его въ Терекъ...

Не измѣняя своей спокойной и вкрадчивой улыбки, Шихъ-Мансуръ сдѣлалъ пришлецу знакъ, которымъ приглашалъ его подойти къ себѣ.

Айканы взорогнула и нетвердою ногою сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

— Подойди ближе, товарищъ! повторилъ мулла, разглядывая жалкіе лохмотья Айканы ... Если ты бѣдный странникъ и ищешь пріюта, то сакля моего друга и покровительство мое къ твоимъ услугамъ...

— Бѣдная Айканы, подумала дѣвушка; онъ совсѣмъ успѣлъ забыть тебя! Онъ не узнаетъ ту, чей голосъ узнавалъ въ родныхъ

*) Война противъ *невѣрныхъ*.

кочевьяхъ издалека. . Да, Шихъ-Мансуръ, почти шопотомъ и нескрывая своего волненія, сказала дѣвушка: я бѣдный странникъ и именно пришелъ искать пріюта въ твоей саклѣ .. Страданіемъ семи лѣтъ я покупаю это счастіе...

— Счастіе, говоришь ты... Но развѣ пріютъ въ моей саклѣ такъ для тебя дорогъ, развѣ ты знаешь меня?..

— О, какъ-же ... Я зналъ тебя еще въ родныхъ степяхъ...

— Въ степяхъ! почти съ ужасомъ повторилъ Шихъ-Мансуръ. Въ какихъ степяхъ?

— На Усть-Уртѣ. Я принесъ тебѣ поклонъ отъ стараго Аблая и бѣдной Айканы, которую ты забылъ и разлюбилъ.

Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Шихъ-Мансуръ поднялся съ порога сакли и схватилъ руку дѣвушки...

— Постой, сказалъ онъ шопотомъ ... Я узнаю тебя. . Неужели это ты?..

— Да!.. Прости меня ... Это я, Шихъ-Мансуръ.. Я, которая, за счастіе жить и страдать подлѣ тебя, бросила родную юрту, наши прекрасныя степи и отца ... Семь лѣтъ я страдала, вынося всѣ ужасы скитальчества и терпѣливо шла по слѣдамъ твоимъ ... Теперь — убей меня ... Но не гони прочь, не отталкивай отъ твоего порога!

— Ахъ, Айканы, у меня нѣтъ его!... Безумная, зачѣмъ ты хочешь поставить свою молодую жизнь рядомъ съ моею жизнью, полною мукъ, неудачь и тревожныхъ, быть-можетъ, несбыточныхъ исканій! Нѣтъ!... пусть гибну одинъ, а тебя не хочу выдать головою врагамъ моимъ, которые будутъ нашими общими врагами... Уйди отъ меня, Айканы... я нехочу ни жертвъ, ни слезъ, ни невольныхъ страданій твоихъ...

— Уйти... Куда-же?.. Опять мыкаться, умереть въ избыткѣ тоски на распутьи, отвергнутой всѣми, даже и тобою!... И рыдая, Айканы опустила на грудь голову; отчаяніе ея было близко къ безумію.

— Хорошо, произнесла она наконецъ голосомъ, выражавшимъ все страшное состояніе ея души ... Я уйду!.. Прощай, Шихъ-Мансуръ... Ты видишь эти скалы ... Первая въ нихъ пропасть будетъ могилою Айканы.

— Несчастная! вскричалъ молодой мулла, не выпуская изъ рукъ своихъ холодную руку дѣвушки... Если жизнь такъ мало имѣетъ цѣны въ глазахъ твоихъ, если страданія со мною и за меня не страшны тебѣ—становись на страшную мою дорогу, будь другомъ скитальца, котораго надежды и замыслы такъ непрочны, а горе и преслѣдованія людей такъ вѣрны ... Айканы!.. Съ этой минуты я самъ не растанусь

съ тобою ... Мнѣ нуженъ вѣрный другъ и вѣрный стражъ. Для всѣхъ другихъ, ты будешь моимъ нукеромъ, а для меня утѣшеніемъ въ страданіяхъ и первою мыслью въ радостяхъ. .

При этихъ словахъ Айканы не могла уже владѣть собою. Она въ восторгѣ и въ избыткѣ благодарности кинулась въ объятія Шихъ-Мансура.

— Женщина—вездѣ женщина! подумалъ мулла, тихо отводя рукою своего новаго нукера.

Съ тѣхъ поръ, Айканы и Шихъ-Мансуръ не разставались до того дня, въ который, чеченцы предъ выступленіемъ на Кизляръ, осадили Кугутхайскій аулъ.

IV.

Обратимся теперь къ другимъ лицамъ нашего разсказа и перенесемся на Фартамскія вершины, къ осажденнымъ евреямъ. День уже вечерѣлъ, когда чеченцы, сбитые на всѣхъ тропинкахъ, раскинули свой бивуакъ подъ навѣсами скалъ, заграждавшихъ ихъ отъ выстрѣловъ и каменьевъ осажденныхъ. Въ свою очередь и послѣдніе, утомленные частыми вылазками, расположились на отдыхъ, не покидая своихъ завалоръ и бойницъ. Но еще движеніе и суета были замѣтны здѣсь и тамъ; и въ то время, какъ отдыхали мужчины, женщины и дѣти таскали на площадки каменья, приготовляя ихъ къ новой защитѣ. Горцы Нешхая, какъ отрядъ опытный и вспомогательный, были разсыпаны по всѣмъ вершинамъ. Самъ Нешхай распоряжался своими молодцами и поспѣвалъ вездѣ, гдѣ нужно было подкрѣпить смѣлыхъ и храбрыхъ евреевъ. — Привычный къ трудамъ и лишеніямъ боевой жизни, онъ не зналъ утомленія и только тогда рѣшился побывать въ саклѣ Чавки, когда аулъ снова принялъ воинственный видъ, вооруженный теперь опытными джигитами смѣлаго наѣздника.

— Гдѣ старикъ? спросилъ Нешхай, переступая порогъ сакли, въ которой вечерній полумракъ скрывалъ отъ него всѣ предметы.

— Его нѣтъ здѣсь, отозвался чей-то голосъ ... Онъ ищетъ Нешхая, съ которымъ во время дѣла не могъ перемолвить и двухъ словъ...

— А Чиркени? нерѣшительно сказалъ наѣзднивъ.

— Чиркени — я думаю, въ свою очередь — ищетъ Нешхай ...

Онъ говоритъ правду, подумалъ наѣзднивъ ... Кто-же сказалъ тебѣ, что Нешхай ищетъ не старика, а Чиркени ...

— Понятно, что наѣзднику нужнѣе благодарный и ласковый взглядъ

дочери, чѣмъ объятія стараго отца ... Кто-же не знаетъ того, что Нешхай только для хорошенькой еврейки явился въ защиту Кугутхайцевъ!

— Я слышалъ иначе, таварищъ... Говорятъ Нешхай обязанъ Чавкѣ какимъ-то добрымъ дѣломъ ...

— Добрыя дѣла въ горахъ не отплачиваются такъ крупно ... Пхе! Не будь у старика этой красавицы Чиркени, для которыя Нешхай готовъ всѣ камни Фартама сбросить на головы чеченцевъ, онъ-бы спокойно проѣхалъ мимо кугутхайцевъ — и развѣ на приступѣ, встрѣтясь лицомъ къ лицу съ евреемъ, по старой дружбѣ, полоснулъ-бы его не шашкой, а плетью.

— Худо-же, кунакъ, ты знаешь Нешхая.

— Я знаю только то, что еврейка для него дороже славы, иначе онъ неизмѣнилъ-бы Шихъ-Мансуру

— Да, вѣдь Нешхай свободный наѣздникъ ... онъ не обязанъ по волѣ чеченскаго муллы врубать шашкою молитвы въ пустыя головы горцевъ ... Торгуя въ горахъ своею удалью, онъ служитъ тому, кто больше дастъ, или кому хочетъ; у него нѣтъ причинъ умирать за чеченцевъ, какъ за братьевъ ... Горцы для него такая-же родня, какъ мы съ тобой одноаульцы.

— Все это правда, однако не забывай, кунакъ, что Нешхай обѣщалъ Шихъ-Мансуру сражаться въ его рядахъ.

— А кто-же мѣшаетъ Нешхаю поколотить наѣзниковъ Шихъ-Мансура, если они залѣзутъ въ его карманы, или станутъ обижать друзей его? — Нешхай сдѣлаетъ свое дѣло на Фартамѣ, отстоитъ кугутхайцевъ и завтра же съ Чеченцами конь-о-конь пустится въ бродъ чрезъ Аргунъ — на Кизляръ. Я это знаю.

Замѣтно было, что послѣдняя новость очень не понравилась незнакомцу и прежде, чѣмъ онъ сдѣлалъ Нешхаю слѣдующій вопросъ, какое-то неясное мычанье, похожее на лай бульдога, послышалось въ углу сакли.

— Какъ, сказалъ онъ — Нешхай не отказывается и теперь даже служить Шихъ-Мансуру?..

— Неотказывается. Драка на Фартамѣ не родитъ между ними ненависти и мести ... это вѣдь игра мальчишекъ въ джигитовку.

— Но говорятъ, Шихъ-Мансуръ не былъ такъ милостивъ къ Нешхаю, какъ тотъ къ нему ... Я слышалъ, что наѣздникъ еще ребенкомъ испыталъ на себѣ ласку муллы, съ язвительною улыбкою добавилъ незнакомецъ ... Неужели уздень проститъ лжепророку кровную обиду? Кто повѣритъ этому?.. Пхе! я думаю, что онъ, просто, подъ видомъ смиренія и дружбы, готовитъ мщеніе Шихъ-Мансуру ...

— Не думай ... я знаю навѣрное, кунакъ, что Нешхай носитъ кинжалъ на поясѣ, а не за пазухой ...

— Такъ за что-же онъ дружитъ съ врагомъ?

— Это ужъ не наше дѣло! съ досадою откликнулся Нешхай, выходя изъ сакли.

— Проклятіе! прошепталъ незнакомецъ ... Хорошо что я встрѣтился съ этимъ мальчишкой и успѣлъ вывѣдать то, чего не знаетъ и самъ мудрый мулла ... О, я разкипячу кровь этого тигренка и вызову его ненависть къ Шихъ-Мансуру ... Надо съ корнемъ вырвать изъ груди его любовь къ киргизскому шакалу ... тогда только я вполнѣ достигну моего мщенія ... Средства въ рукахъ ... въ ночномъ нападеніи горцевъ я головою выдамъ имъ Чавку и дочь ... Смерть послѣдней для меня будетъ вѣрнымъ залогомъ вѣчной вражды Нешхая съ Шихъ-Мансуромъ ...

Съ этими словами незнакомецъ оставилъ саклю и скоро страшной величины фигура его, какимъ-то зловѣщимъ призракомъ обрисовалась на обрывахъ Фартама ...

— Смотрите ... смотрите! раздалось въ толпѣ женщинъ, собравшихся надъ ущельемъ... вонъ, опять этотъ страшный великанъ началъ ворочать камни ...

— Онъ, какъ горный духъ, кажется можетъ отодвинуть гушейскія скалы къ Казбеку ...

— Откуда онъ? Ты вѣрно знаешь, Чиркени,—спросила одна изъ женщинъ, обращаясь къ молоденькой и красивой еврейкѣ ... Мы всѣ видѣли, какъ вчера ночью онъ постучался въ вашу саклю.

— Не знаю, отвѣчала Чиркени; отецъ мой первый разъ встрѣтилъ его на вершинѣ нашихъ скалъ ... Великанъ пришелъ и сказалъ: Скажи твоимъ одноаульцамъ, старый Чавка, чтобы они зарывали въ землю свои обозы, оружіе и порохъ ... Завтра Шихъ-Мансуръ пришлетъ къ вамъ отрядъ Шагрея, встрѣчайте наѣздниковъ каменьями, отстаивайте свои скалы и свою жизнь ...

— Агачь-Чичи, подхватила другая еврейка, наша старая умница, которая знакома съ всѣми шайтанами, говоритъ, что этотъ великанъ— добрый геній Кугутха ...

— Ужъ не онъ-ли, лукаво улыбаясь, подсказала третья, — вызвалъ на нашу защиту красавца Нешхая? А?.. Ты вѣрно хорошо это знаешь, жертвочка моя, Чиркени?

— Но Чиркени, забывая окружавшихъ ея подругъ и не вслушиваясь болѣе въ ихъ вопросы, казалось все вниманіе свое вмѣстѣ съ пы-

лающими очами обратила на молодаго и статнаго горца, который въ эту минуту подходилъ къ ней.

— Нешхай!.. Нешхай! раздалось въ толпѣ евреекъ.

— Онъ! онъ! шептала Чиркени, готовая броситься на встрѣчу наѣзднику.

— Здравствуй, Нешхай! наперывъ кричали дѣвушки, обступая стараго знакомца.

— Спасибо тебѣ... не забылъ насъ! говорили одни. На тебѣ мой поясъ... больше подарить тебя нечѣмъ! Дай намъ на память о себѣ по кусочку позумента съ твоей чухи! И сотни нѣжныхъ, бѣлыхъ рукъ спѣшили пожать руку счастливаго наѣздника.

— Добрый ты нашъ! Пришелъ къ кугутхайцамъ... повторяли дѣвушки... Возьми наше серебро... Чиркени, поцѣлуй Нешхая... Онъ умираетъ за тебя и за насъ... вскричала одна изъ бойкихъ горянокъ...

— Поцѣлуй! поцѣлуй! Не то мы всѣ будемъ цѣловать его! подхватили шалуньи, которые не могли придумать другой награды, достойной подвиговъ Нешхая.

Толпа, волнуясь съ громкимъ и веселымъ смѣхомъ, схватила трепещущую Чиркени и поставила ее лицомъ къ лицу съ наѣзникомъ.

— Поцѣлуй его! кричали дѣвушки.—Нешхай, она тебя любитъ... ты знаешь это... Чиркени, Чиркени, не стыдись... цѣлуй...

— Она не умѣетъ! она не хочетъ! говорили дѣвушки, въ то время, какъ Чиркени, опустивъ глаза въ землю, стояла, какъ на горячихъ угольяхъ, не смѣя взглянуть на милаго.

— Я бы не думала... Я бы сейчасъ поцѣловала наѣзника! замѣтила одна изъ красавицъ.

— И я... и я! откликнулось нѣсколько голосовъ.

— Ну, такъ всѣ! отозвался находчивый Нешхай, дѣлая очень краснорѣчивое движеніе. При этомъ дѣвушки потеряли свою наивную храбрость и съ крикомъ прыснули въ разныя стороны. Нешхай успѣлъ схватить за руку Чиркени, не думавшую, впрочемъ, слѣдовать примѣру подругъ.

— И только ты одна, Чиркени, чьею ласкою я дорожу больше всѣхъ, сказалъ наѣзникъ, — не радуешься моему приходу... Ты разлюбила меня?..

Дѣвушка подняли на молодаго наѣзника пылающій взглядъ свой, выражавшій всю силу ея любви.

Нѣтъ, нѣтъ, Нешхай; сказала она съ упрекомъ. — Я только не смѣла думать, что ласка Чиркени для тебя дороже общей ласки и любви моихъ подругъ... Ахъ, Нехшай, зачѣмъ ты ушелъ изъ нашего аула?.. Когда-бы ты зналъ, какъ скучно безъ тебя въ родной саклѣ.. Если

ты любишь меня, зачѣмъ-же промѣнялъ нашу мирную жизнь на опасное скитальчество въ горахъ?

Наѣздникъ грустно улыбнулся.

— Развѣ ты думаешь, Чиркени, печально отозвался онъ: что я могъ-бы спокойно жить въ вашемъ аулѣ, любоваться твоимъ разцвѣтомъ и съ каждымъ днемъ ждать послѣдняго твоего дня въ родной саклѣ и быть свидѣтелемъ перваго поцѣлуя, который ты подаришь своему избранному?.. Нѣтъ, это выше силъ моихъ ... Ты не можешь быть матерью дѣтей Нешхая ... Ты дочь богатаго Чавки ... Нешхай бѣдный, безпріютный скиталецъ, у котораго нѣтъ ни прошедшаго, ни настоящаго ни будущаго ...

Дѣвушка судорожно сжала руку наѣздника.

— Но вѣдь тебя такъ любитъ цѣлый аулъ нашъ, сказала она не рѣшительно: — такъ любитъ отецъ мой ..

— Да, отецъ, Чиркени ... Ты забываешь, что онъ больше любитъ свою вѣру ...

— Богъ одинъ, Нешхай.

— Тоже бы самое сказалъ и я, великодушный защитникъ и храбрый гость нашъ!.. послышался голосъ позади Нешхая.

Наѣздникъ обернулся и встрѣтилъ объятія стараго Чавки.

— Да, да! повторилъ старикъ; тоже бы самое сказалъ и я ... Ты храбрый горецъ и честный человѣкъ ... Я старъ — и быть можетъ сегодня сложу свои кости, защищая родную саклю ... Кто можетъ быть лучшимъ другомъ моей дочери, какъ не ты, Нешхай ... Возьми мою Чиркени ... и клянусь тебѣ, что цѣлый аулъ одобритъ жертву стараго Чавки ...

Нешхай едва вѣрилъ своему счастію; въ избыткѣ благодарности и восторга онъ молча, нескрывая слезъ радости, обнималъ то добраго старика, то красавицу Чиркени.

Вдругъ громкій вопль тревоги пронесся на Фартамѣ, сливаясь съ гуломъ ружейныхъ выстрѣловъ ...

— Къ оружію! Къ оружію! въ завалы! раздавалось въ аулѣ ...

Въ эту же минуту два наѣздника изъ партіи Нешхая, встревоженные и облитые кровью, на измученныхъ коняхъ примчались къ своему узденю.

— Нашъ сторожевой отрядъ разбитъ подъ скалами — и оставилъ передовыя бойницы, сказали они ... Самъ Шихъ-Мансуръ ввелъ въ дѣло лучшихъ своихъ наѣзниковъ ...

Чавка и Нешхай вопросительно переглянулись при этой вѣсти.

— Ничего! вскричалъ послѣдній. Я самъ ударю съ моими молод-

цами на чеченцевъ и выбью ихъ изъ бойницъ. Отстаивай, старикъ, отъ Шагрея надъ — ущельныя спуски ... Въ случаѣ неудачи, прибавилъ онъ, — нукеръ мой будетъ ждать насъ съ осѣдланными конями у Гушейскихъ обрывовъ, гдѣ только одинъ я, да быстрый туръ знаютъ тропинки ... Чиркени, молись за успѣхъ нашего праваго дѣла и неразлучайся съ отцемъ.

Горецъ молча пожалъ руку дѣвушки, — вспрыгнулъ на коня и бросился на встрѣчу своей партіи, готовой уже къ вылазкѣ.

Между тѣмъ перестрѣлка завязалась по всей возвышенности ... Градъ камней и пуль съ визгомъ и шумомъ летелъ внизъ изъ заваловъ ... Но чеченцы, какъ заговоренныя, разсыпавшись по тропинкамъ— быстро и смѣло взбирались на верхъ. Иногда они соединялись, дѣлали залпъ изъ винтовокъ и снова разбѣгались по тропинкамъ ... Ниже, при всходѣ на скалы — на гранитной площадкѣ, окруженный небольшимъ числомъ чеченскихъ старшинъ, оставался Шихъ – Мансуръ ... Бѣлый конь его былъ замѣченъ на скалѣ евреями. Но, какъ будто бы презирая опасность, онъ нарочно выдвинулся впередъ, оставаясь цѣлью перекрестныхъ выстрѣловъ изъ бойницъ.

— До него не достанешь пулей изъ завала, сказалъ одинъ изъ евреевъ, бросивъ винтовку и нагибаясь къ камню.

— Швырнемъ ему въ голову этотъ кремень, подхватилъ другой, указывая на огромную глыбу камня.

— Да, да! отозвалось нѣсколько голосовъ... скорѣе, пока онъ не перемѣнилъ мѣста ... Увидимъ, правду ли говорятъ, что шайтанъ подставляетъ за него свою рогатую голову ... Ну, дружнѣе братья!

Двадцать сильныхъ рукъ приподняли тяжелую глыбу и съ дружнымъ крикомъ оттолкнули ее впередъ ... Камень дрогнулъ ... зашатался и съ визгомъ запрыгалъ внизъ по скалѣ ... Пыль, искры и мелкіе кремни устилали слѣдъ его .. Вотъ онъ отпрыгнулъ всторону, снова ударился, принявъ прежнее направленіе и рухнулъ на площадку. Пять или шесть человѣкъ, окружавшихъ Шихъ – Мансура, изчезли подъ камнемъ, другіе наѣздники, раненныя только, выбиваясь изъ стремянъ, закрутились съ конями по обрыву .. Но бѣлый конь и всадникъ — не сдѣлали ни малѣйшаго движенія ...

Это ободрило осаждавшихъ и изумило осажденныхъ. Аллахъ хранитъ его, говорили первыя ... Онъ невредимъ .. Надо умѣть молиться, какъ молится онъ и пули евреевъ врастутъ въ ихъ винтовки: впередъ, храбрые наѣздники пророка славной Чечны!

— Онъ невредимъ, повторяли другіе ... Развѣ только громъ Небес-

ный поразитъ ето! И новый градъ камней загораживалъ дорогу отчаяннымъ чеченцамъ ...

— Довольно! Довольно бросать камни, послышался голосъ Чавки... Не мѣшайте Нешхаевцамъ, они подъ нашими выстрѣлами ...

Въ самомъ дѣлѣ партія Нешхая уже вышла на видъ заваловъ и обстрѣливаемая изъ отнятыхъ чеченцами бойницъ — вихремъ пронеслась мимо ихъ — на встрѣчу столпившемуся отряду горцевъ ... Нешхаевцы гикнули, обнажили шашки и быстрѣе мысли врубились въ толпу наѣздниковъ Шихъ-Мансура ... Чеченцы дрогнули и стали отступать шагъ за шагомъ ...

Громкій крикъ восторга привѣтствовалъ на скалахъ первую удачу вылазки, какъ вдругъ — чеченцы оставили бойницу и ударили въ тылъ Нешхая ... Поставленный на узкой тропинкѣ, съ ничтожнымъ отрядомъ, Нешхай не потерялся и прежде чѣмъ принялъ первые удары нападающихъ, также быстро, какъ и въ первый разъ, обскакалъ тропинку, ставъ лицемъ къ лицу съ обоими отрядами ...

— Не устоять, послышался на скалахъ чей-то зловѣщій голосъ ...

— Нешхаевцы отступаютъ ... Чеченцы выше!.. Убитъ! Убитъ!.. Нешхай упалъ съ коня ... Бѣгутъ! всѣ бѣгутъ! ...

И въ виду всѣхъ, раненный или убитый Нешхай, что̀ было опредѣлить трудно, упалъ съ коня ... Вслѣдъ за тѣмъ дрогнули его сподвижники и разсыпались по скаламъ, уходя отъ преслѣдователей ...

— Все кончено! въ отчаяніи прошепталъ Чавка, вынося на рукахъ изъ завала безчувственную Чиркени ...

Прыгая съ легкостью юноши, чрезъ трещины и обвалы, старикъ достигъ указаннаго Нешхаемъ мѣста, въ ту минуту, какъ передовыя чеченцы на кинжалѣ внесли своихъ товарищей въ кухутхайскій аулъ...

Бережно опустивъ на землю Чиркени, измученный и обезсиленный отчаяніемъ старикъ печально поникъ на грудь головою... онъ какъ безумный, безсмысленнымъ взглядомъ отвѣчалъ на слова нукера, напоминавшаго ему о спасеніи и побѣгѣ.

Ночь уже раскидывалась надъ горами, на которыхъ тамъ и сямъ мелькали стада испуганныхъ туровъ ... Пролѣтный вѣтеръ доносилъ до тревожнаго слуха Чавки гулъ отдаленныхъ выстрѣловъ и воплей... и страшное, багровое зарево, разлившееся надъ пылавшимъ ауломъ сказывало объ ужасахъ чеченскаго набѣга.

Чавка тяжело вздохнулъ и, какъ-бы приходя въ себя, наклонился къ дочери, потерявшей способность дышать и мыслить.

— Чиркени, сказалъ онъ: время дорого ... бѣжимъ ... не къ ра-

дости, но отъ смерти. Судьба обрекла насъ на тяжкое скитальчество... О, если бы не ты, дитя моя... Чавка не оставилъ бы родного порога, онъ бы умѣлъ непережить позора и общей бѣды ... Дитя мое, Чиркени!.. Проснись... Чу!.. я слышу голоса враговъ ... Насъ ищутъ ... Насъ настигаютъ!..

— Да, тревожно отозвался нукеръ: насъ преслѣдуютъ ... Такъ и есть .... вонъ сюда спускаются чеченцы ... Скорѣй старикъ!..

Лице Чавки ожило ... Онъ съ силою приподнялъ Чиркени и уже готовъ былъ перекинуть ее черезъ сѣдло, какъ огромная тѣнь знакомаго намъ великана, мелькнувъ мимо его, изчезла подъ скалою, въ ту же минуту толпа чеченцевъ съ громкимъ крикомъ угрозъ и проклятій окружила несчастнаго Чавку...

— А, варвары! вскричалъ старикъ... вамъ мало моего серебра, мало гибели цѣлаго аула, вы хотите и моей жизни и позора моей дочери ... Возьмите трупы наши!

Съ этими словами Чавка занесъ кинжалъ надъ сердцемъ Чиркени.. Но въ это мгновеніе свистнулъ арканъ и спутанный имъ старикъ былъ брошенъ на землю и обезоруженъ.

V.

Аулъ догаралъ, освѣщая крававымъ пламенемъ черныя скалы Фартама, съ которыхъ растаявшій снѣгъ быстрыми потоками бѣжалъ внизъ, омывая кровью облитыя тропинки. Вверху слышались веселыя пѣсни побѣдителей и ржаніе измученныхъ коней ихъ, на которыхъ чеченцы вьючили свою добычу ... Подъ скалами все безмолствовало и только изрѣдка нарушалось это безмолвіе шумомъ подающаго въ пропасть снѣга или кремня, оторванныхъ съ мѣста робкою ногою бѣглеца еврея ... Внизу, остававшіяся на равнинѣ чеченцы давно уже отдыхали у пылающихъ костровъ; разсказы о минувшемъ дѣлѣ, о лихихъ наѣзникахъ Нешхая, о славѣ своего пророка и мечты о предполагаемой добычѣ въ предстоящемъ набѣгѣ, — вотъ что занимало въ эту минуту горцевъ.

— Дѣло-то молодецкое, говорилъ одинъ чеченецъ собравшимся около него таварищамъ, да жаль только, что этотъ проклятый камень раздавилъ столько лушчихъ нашихъ наѣзниковъ...

— Да, замѣтилъ другой, вѣдь какъ рухнулъ!.. мнѣ казалось, что мы всѣ въ джехенимъ провалимся въ эту минуту... Хоть бы кто устоялъ! всѣ закрутились по обрыву, кромѣ тѣхъ, кого притиснуло... а Шихъ-Мансуръ...

— Пхе!.. не дрогнулъ!.. какъ будто Фатима его листочками розы осыпала...

— Гей!.. да что ему сдѣлается? Видалъ я этого Шихъ-Мансура, въ дѣлѣ на Сунжѣ, посмотрѣли бы вы. . Пусть мнѣ вѣкъ свой не любоваться кончикомъ своего носа, если кормлю васъ грязью...

— Э ... Что же онъ, Баталъ-Хай, на Сунжѣ?

— Страхъ съ нимъ ... Стоишь подлѣ, такъ — вотъ и слышешь, какъ въ тебѣ кровь прибываетъ и шкура дѣлается толще ... кажется вотъ пуля объ тебя сплюснится, только стоитъ подумать, что умираешь во славу пророка ... Право!

— Ну, а онъ-то, Баталъ-Хай?..

— Онъ? Пхе!.. Подумать страшно .. Какъ вы думаете, въ моихъ глазахъ, русская пуля, чугунная, съ мою голову изъ падишахъ винтовки (изъ пушки) ударилась въ его кабардинку и ...

— Ну ?

— Ну и сплюснулась въ чурекъ,—съ видомъ особеннаго убѣжденія добавилъ Баталъ-Хай.

— Аллахъ! Аллахъ! отозвались изумленныя чеченцы, схватившись за бороды и устремивъ благоговѣйный взглядъ на саклю Шихъ-Мансура.

— Вотъ онъ какой! снова началъ Баталъ-Хай... Эге!.. Смотрите таварищи, продолжалъ онъ, указывая по направленію къ Кугутхайскому аулу.

Всѣ взоры обратились въ ту сторону и всѣ собесѣдники въ нѣмомъ изумленіи, молча и вопросительно переглянулись между собою.

Причиною этого изумленія было появленіе знакомаго намъ великана. Онъ медленно пробирался на скалахъ, ниже первыхъ бойницъ, достигая того мѣста, гдѣ партія Нешхая билась съ чеченцами. Великанъ, какъ будто бы искалъ чего-то. Онъ безпрестанно нагибался, подымалъ разбросанныя трупы наѣздниковъ и, какъ-будто бы забавляясь своимъ дѣломъ, кидалъ ихъ въ пропасть...

— Клянусь прахомъ отца, шепнулъ Баталъ-Хай, что это горный духъ Фартама...

— Да, да, откликнулись чеченцы .. Онъ сбираетъ въ одинъ джехенемъ трупы друзей своихъ Кугутхайцевъ...

Между тѣмъ великанъ, болѣе похожій на привидѣніе, чѣмъ на обыкновеннаго человѣка, нагнулся еще разъ, поднялъ кого-то и бережно вскинувъ его на свои могучія плечи, сталъ быстро всбираться на скалы, постепенно изчезая изъ глазъ изумленныхъ горцевъ.

Послѣдуемъ за нимъ.

Недоходя нѣсколько шаговъ до тропинки, подымавшейся къ раззоренному аулу, незнакомецъ повернулъ направо, смѣло перебѣжалъ снѣжный обвалъ и остановился надъ ущельемъ

— Кажется здѣсь? тихо сказалъ онъ, озираясь кругомъ. Да, продолжалъ великанъ ... Такъ ... сейчасъ налѣво отъ этой пропасти ... и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ — онъ скрылся въ пещерѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ ней сверкнули искры, потомъ послышалось тяжелое дыханіе человѣка, раздувавшаго огонь .. и скоро пламя сухаго виноградника освѣтило мрачныя стѣны пещеры, грозную фигуру таинственнаго незнакомца фортамскихъ скалъ и блѣдное лицо Нешхая, внесеннаго имъ въ пещеру.

— Онъ еще живъ, онъ дышетъ ... онъ будетъ жить на гибель врагу моему! сказалъ незнакомецъ, заглянувъ въ блѣдное лицо своей ноши.

Съ этими словами великанъ бережно придвинулъ раненнаго къ огню, внимательно осмотрѣлъ и перевязалъ его рану ...

Вѣроятно тепло, распространенное огнемъ пылавшихъ прутьевъ и нѣсколько капель какого-то напитка, влитыхъ въ ротъ Нешхая, имѣли на него благодѣтельное дѣйствіе. Онъ тяжело вздохнулъ, въ то время, какъ печальная улыбка скользнула на его запекшихся кровью губахъ.

— Есть надежда! шепнулъ великанъ, смочивъ виски и губы больнаго тою же жидкостью, которую вливалъ и въ ротъ его.

Спустя минуту новый вздохъ обнаружилъ присутствіе жизни въ груди Нешхая... Онъ открылъ глаза и не будучи въ силахъ выносить въ первую минуту окружавшаго его свѣта, снова закрылъ ихъ.

Незнакомецъ взялъ его за руку и тихо пожалъ ее. Это движеніе заставило очнуться окончательно Нешхая ... Онъ осмотрѣлся кругомъ и остановилъ неподвижно на великанѣ взглядъ свой, въ которомъ отражались изумленіе и ужасъ ...

— Не пугайся другъ мой, ласково сказалъ великанъ: я не врагъ твой ...

— И неужели ... не привидѣніе? тихо спросилъ раненный ... или я уже въ джехеннемѣ и встрѣчаюсь тамъ съ давно погибшими? слабымъ голосомъ продолжалъ онъ.

— Ты на Фартамѣ, въ пещерѣ горнаго скитальца ...

— Но, какже ... вѣдь ты погибъ подъ ножемъ Шихъ-Мансура, Батырь-Ша? еще не оправившись отъ ужаса, спросилъ больной.

— Нѣтъ — Клычь, позволь, Нешхай, назвать тебя твоимъ настоящимъ именемъ, отвѣчалъ Батырь-Ша, котораго читатели вѣроятно уже давно узнали ... Нѣтъ — я живу для вѣчной мести къ твоему бездуш-

ному брату ... Въ степяхъ вы таскали въ мѣшкѣ не мою голову, а голову стараго врага моего, несчастнаго баксы Турту-Джелкара. И видишь ли, Клычь, какъ будущее наше неизбѣжно и страшно ... Сегодня ты едва не погибъ отъ руки роднаго брата, который уже продалъ тебя въ неволю ... и кому же обязанъ теперь спасеніемъ ... мнѣ, чью голову съ такимъ восторгомъ ты думалъ увезти изъ Каратюлея ...

— Остановись, Батырь-Ша, съ усиліемъ прошепталъ Клычь: не вспоминай этого позорнаго минувшаго ... этихъ ужасныхъ дней, воспоминаніе которыхъ давно бы должно отсосать изъ моего сердца любовъ и привязанность мою къ брату, который къ своимъ безумнымъ цѣлямъ перешагнулъ черезъ мою свободу ...

— О ... если бы только !. . Нѣтъ, Клычь — не то еще отнялъ у тебя страшный братъ твой ...

При этомъ сердце Клыча облилось горячею кровью, предчувствіе новаго зла железною рукою сдавило грудь его.

— Что еще? почти съ крикомъ и задыхаясь спросилъ онъ ...

Батырь-Ша пристально посмотрѣлъ на свою жертву и едва скрывая душевное удовольствіе, медленно сказалъ:

— Аулъ Евреевъ сожженъ Чеченцами ...

— Ну !... О, не мучь меня Батырь-Ша !

— Мужчины перерѣзаны... Женщины ...

— Что же ... женщины?

— Одна изъ нихъ, дѣвушка, отдана была Шихъ-Мансуру— и потомъ сожжена вмѣстѣ съ старымъ отцомъ своимъ ...

Какъ уязвленный стрѣлою тигръ, Клычь подпрыгнулъ на мѣстѣ, не смотря на свое безсиліе.

— Эта дѣвушка, продолжалъ Батырь-Ша, называлась Чиркени, отецъ ея Чавка.

— Чиркени ! со стономъ повторилъ пораженный словами муллы молодой человѣкъ ... Чиркени ! сказалъ онъ рыдая ... А !... Злой братъ... Ты отнялъ у меня свободу, родину, отца ... ты завѣщалъ мнѣ только слезы и муки рабства...и я, скиталецъ безъимянный, бѣглый ясырь— опозоренный тобою, — при нашей встрѣчѣ хотѣлъ все простить тебѣ и за твое безуміе — думалъ принести на жертву трудъ и жизнь ... Теперь взялъ ты у меня то, что только властенъ былъ взять Аллахъ ... Руку, Батырь-Ша, вскричалъ исступленный Клычь... Месть ему! месть... Прочь честь и совѣсть наѣздника ... Баранта !.. Даже сонъ—не спасетъ отъ руки моей Шихъ-Мансура!

Такъ, такъ, Клычь! отозвался Батырь-Ша, довольный какъ нельзя болѣе достиженіемъ своей цѣли. Въ нашихъ степяхъ тебя бы бросили

на пустынномъ кочевьѣ, какъ зараженнаго оспой — если бы ты смѣлъ простить такую обиду ...

Между тѣмъ юноша, обезсиленный душевными страданіями въ изнеможеніи опустился возлѣ костра.

— Ахъ, Батырь-Ша: — Скорѣй бы ... Скорѣй! сказалъ онъ.

— Скорое мщеніе—слабость мстителя, отвѣчалъ киргизъ ... Отнять жизнь ... Пхе! .. Этого не много ... И гадину, укусившую насъ, мы убиваемъ также ... Нѣтъ, Клычь, въ *немъ* мы прежде всего должны убить надежды, когда нибудь дойти до предположенныхъ имъ цѣлей, что ужъ составляетъ полжизни Шихъ-Мансура... Этого мы достигнемъ клеветою, которую распустимъ между чиченцами—и когда онъ будетъ жертвою своевольныхъ и кровожадныхъ дикарей—мы предстанемъ передъ нимъ спасителями, вырвемъ его изъ рукъ убійцъ ... и смѣло пойдемъ за изгнанникомъ, указывая на него, какъ на зачумленнаго . .

И для начала, Клычь ... Давай руку, сказалъ Батырь-Ша, едва только ты оправишься, мы пустимся по слѣдамъ хищниковъ къ Кизляру и едва успѣемъ накликать тамъ неудачу, довѣріе горцевъ къ Шихъ-Мансуру убавится на половину, а съ нею и его слава ... отъ одной неудачи до другой не далеко ... я испыталъ это ... а тамъ и гибель!...

Новые друзья молча пожали другъ другу руку и поклялись неизмѣнять своихъ мстительныхъ плановъ.

———

III.

УМНАЯ ЖЕНЩИНА.

ПОВѢСТЬ

С. П. Калошина.

— Николай, ты поѣдешь сегодня въ Собраніе?

— Не думаю. А что?

— Такъ: я думала ѣхать.

— Чтожъ, поѣзжай.

— Съ кѣмъ же я поѣду?

— Твое дѣло.

— Отчего жъ ты не хочешь ѣхать?

— Не могу.

— Для меня.

— И для тебя не могу.

— Я поѣду съ Малевской.

— Кто жъ тебѣ не велитъ!

— Можетъ быть, она не поѣдетъ.

— Почему же я знаю.

— Ахъ! точно, ей нельзя ѣхать: они сегодня на балѣ. Тулаевы въ траурѣ. Я поѣду съ Семиградскимъ.

— Поѣзжай съ Семиградскимъ.

— Не ловко какъ-то.

— Не ловко, такъ не ѣзди.

— Хорошо тебѣ говорить: я цѣлый день сижу дома.

— Кто жъ виноватъ!

Разговоръ этотъ происходилъ въ небольшой столовой залѣ, вечеромъ, за чайнымъ столомъ, между молодой женщиной, лѣтъ двадцати и мужчиной, старшимъ ея двумя — тремя годами. Она была одѣта совершенно по домашнему, онъ въ халатѣ, что́, вмѣстѣ съ тономъ ихъ бесѣды, ясно свидѣтельствовало о ихъ короткихъ отношеніяхъ: это были мужъ и жена. Мужъ занялся чаемъ и трубкой; жена тоже замолчала и только, по временамъ, изъ подлобья посматривала на мужа. Ей какъ будто хотѣлось угадать, о чемъ онъ думаетъ; мгновеніями по лицу ея пробѣгала улыбка, быстро, невольно, какъ жестъ, доканчивающій мысль ни для кого не видную, или какъ отвѣтъ на предположеніе, которое она дѣлала про-себя. Мужъ не замѣчалъ улыбки, и, съ своей стороны, казалось былъ тревожимъ какимъ-то ожиданіемъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія — раздался звонокъ въ передней, и вошелъ слуга. Хозяинъ предупредилъ его:

— Петръ Сергѣичъ? — спросилъ онъ съ живостію.

— Точно такъ-съ.

— Проси въ кабинетъ!... Мари, пришли намъ туда чаю, да рому, пожалуйста: онъ любитъ съ ромомъ.

На этотъ разъ жена взглянула на мужа съ удвоеннымъ вниманіемъ; но только-что она хотѣла сказать ему что-то, онъ поспѣшно вышелъ.

Она улыбнулась. Многое было въ этой улыбкѣ: и иронія, и какъ-будто презрѣніе, и самоувѣренность. Вдругъ лицо ея сдѣлалось серьёзно, печально даже: она призадумалась и закрыла его руками, точно сбиралась плакать или какъ будто ей стало стыдно.

— Чаю, чаю! — громко раздался черезъ переднюю голосъ мужа.

Она опомнилась, налила чай, отправила его, потомъ встала — слѣдъ грусти смѣнился выраженіемъ рѣшимости — подбѣжала въ гостиной къ большому зеркалу, въ которомъ могла видѣть себя во весь ростъ, и, оглянувъ себя съ ногъ до головы, громко сказала:

— Посмотримъ! — и исчезла въ двери, противуположной выходу въ залу.

Спустя съ небольшимъ часъ, и въ залѣ, и въ другихъ окнахъ дома, выходившихъ на улицу, было совершенно темно; въ домѣ всё стихло; только слышался мѣрный храпъ казачка, расположившагося на стулѣ въ прихожей—у печки, да изрѣдка, въ другойст оронѣ, звонкій женскій хохотъ.

Хозяева уѣхали оба, но порознь, и сначала мужъ, потомъ жена.

... Нѣтъ экипажа покойнѣе кареты: это не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію; но какой кареты? — хорошей. Сядьте же въ извощичью карету, да прокатитесь изъ конца въ конецъ какого-нибудь города, извѣстнаго своей обширностію, живописною, т. е. неровною мѣстностію и — что́ вы скажете тогда? Можетъ быть ничего не скажете, оттого, что не будете даже въ состояніи говорить. Но вы все-таки не лишитесь сознанія о томъ, что нѣтъ экипажа покойнѣе хорошей кареты. Пожалуй, это сознаніе еще сильнѣе укоренится въ васъ — чрезъ антитезу.

Читателю необходимо знать, что я люблю иногда метафоры, и хватаюсь за первую, какая попадется подъ-руку.

... Нѣтъ ничего лучше брака по любви: это давно признано, даже многими отъявленными скептиками. Но всѣ ли браки по любви хороши? Вотъ, не далеко ходить, и Иванъ Петровичъ женился по любви, и Петръ Иванычъ, и Иванъ Иванычъ, и Петръ Петровичъ, — все это браки по любви, въ одномъ и томъ же городѣ, на одной и той же улицѣ. Браки все не то, чтобы самые давніе. А Иванъ Петровичъ съ утра до вечера бранится съ женой — послѣ брани, говорятъ, бываетъ и того хуже. Петръ Иванычъ поживаетъ себѣ здѣсь и служитъ какъ слѣдуетъ благородному человѣку, а жена четвертый годъ за границей — ужъ Богъ ее знаетъ зачѣмъ. Иванъ Иванычъ живетъ хоть и въ одномъ домѣ съ женой, но на разныхъ половинахъ, и не видается съ нею по цѣлымъ днямъ. Петръ Петровичъ такъ и вовсе не видается съ женой, и сидитъ всегда въ театрѣ въ ложѣ Каролины Карловны (жену его зовутъ Ѳедосьей Александровной), и такъ далѣе, и такъ далѣе. Оно, конечно кому какое дѣло: но вѣдь это все браки по любви.

Отчего же это все такъ?

Оттого ...

Живетъ, напримѣръ, въ какомъ нибудь городѣ, большомъ или маломъ, или даже въ деревнѣ ... (справедливость требуетъ замѣтить, что подобныя исторіи случаются чаще въ небольшихъ городахъ и деревняхъ: въ этихъ мѣстахъ нравы проще, нежели въ столицахъ и большихъ городахъ, менѣе испорчены, и — вѣроятно по этому — браки по любви обыкновеннѣе) ... И такъ живетъ въ какомъ нибудь городѣ почтенное семейство: мужъ, жена, дѣти; въ числѣ дѣтей — одна, двѣ, три, или четыре дочери, — иногда и болѣе. Подростаетъ дочка, привозятъ ее на балъ: » надо же доставить ей это удовольствіе, — и какое еще у женщины удовольствіе въ жизни! » — глубокомысленно замѣчаетъ во время сборовъ нѣжная мать. Привозятъ дочку на балъ.

Она начинаетъ танцовать. Танцуетъ она, разумѣется, не дурно; можетъ ли быть иначе въ почтенномъ семействѣ? Она не дурна собою: въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ, чтобы быть дурною, нужно быть уродомъ, а уродовъ въ эти лѣта не показываютъ нѣжныя матери. Дѣвочка не дурна, танцуетъ не дурно, въ первый разъ на балѣ—можетъ ли быть недостатокъ въ кавалерахъ? Если же въ ней есть въ придачу что-нибудь выходящее изъ самаго обыкновеннаго уровня: выразительные глазки, очень-тонкая талія, высокій ростъ, особенная грація въ вальсѣ, — отъ кавалеровъ не будетъ отбоя; да и не танцующіе мужчины, кавалеры отставные, обратятъ на нее вниманіе. Этотъ законъ не измѣняется никогда и нигдѣ. Въ числѣ танцующихъ и нетанцующихъ кавалеровъ — бѣснующихся дервишей и степенныхъ перипатетиковъ нашего времени — непремѣнно есть люди до крайности падкіе на очень-тонкія таліи, на выразительные глазки, на высокій ростъ, на грацію въ вальсѣ — вещи, впрочемъ, надо сознаться, сами по себѣ все очень хорошія... И, глядишь, послѣ безчисленнаго множества туровъ вальса, какой-нибудь дервишъ, т. е. танцующій кавалеръ, закружившись только-что не до упаду, говоритъ дѣвочкѣ: — влюбленъ, рѣшительно влюбленъ, безъ памяти влюбленъ; не могу жить безъ васъ; не дайте умереть съ отчаянія! — и формально предлагаетъ руку, сердце, состояніе, сначала своей дамѣ, а потомъ тутъ же или на другой день объясняетъ то же почтеннымъ ея родителямъ ... Или другой, перипатетикъ, т.е. кавалеръ втораго разряда, не танцующій, а ходящій, и ногами и руками козыряющій, — расходившись, закозырявшись — послѣ нѣсколькихъ партій или роберовъ — начинаетъ ставить ремизы, дѣлаетъ ренонсы, проигрываетъ, и увѣряетъ себя, что виною этихъ катастрофъ выразительные глазки, или высокій ростъ, или очень-тонкая талія, или плутовская улыбка: отсюда всего одинъ шагъ до убѣжденія, что онъ влюбленъ — убѣжденіе это такъ вкрадчиво. Ясно, что перипатетику надо жениться. Объясненія съ дѣвушкой у него не происходитъ; за то, если не на другой день, такъ много-много черезъ два-три дня, онъ надѣваетъ новый фракъ, и является передъ почтенными родителями, прося ихъ убѣдительно принять его въ ихъ почтенное семейство; дочери ихъ онъ предлагаетъ состояніе, руку, сердце. (Формула одна и та же: измѣняется только порядокъ членовъ).

.... Случись такъ, что въ почтенномъ семействѣ не одна дочь и всего одна сотня душъ, да и та не совсѣмъ чистая, о чемъ думать и одну-то минуту, если нѣтъ за искателемъ — предположимъ танцующимъ — какихъ-либо видныхъ или на весь свѣтъ оглашенныхъ недостатковъ: онъ не отъявленный пьяница, не вольнодумецъ, не

недоросль, не совсѣмъ нищій. Согласіе не заставитъ ждать себя. Благодарятъ за честь, но все-таки просятъ подумать: «дочь еще такъ молода». И думаютъ сутки всѣ въ почтенномъ семействѣ, отъ-мала-до-велика: отецъ — какъ бы дать за дочерью поменьше денегъ или не дать ничего вовсе; мать — нельзя ли обойтись въ приданомъ полудюжиной тонкаго бѣлья; маленькіе дѣти о томъ, что будетъ очень весело на свадьбѣ, потому-что будетъ много пироговъ, варенья, конфектъ, свѣчей, музыка; прислуга — о томъ, что поѣстся вдоволь и выпьется безъ мѣры чаю и водки; всѣ думаютъ; не думаетъ одна только невѣста: она плачетъ, но о чемъ, бѣдная, этого и сама не знаетъ. Откуда ей знать-то? ... Надумавшись сутки — выдаютъ дѣвочку замужъ... Проходятъ какіе-нибудь два-три мѣсяца, молодой супругъ, на вопросъ стараго пріятеля, удивляющагося, какъ это онъ такъ скоро женился, тогда какъ прежде, кажется, этого и на умѣ не держалъ, отвѣчаетъ рѣшительно: по любви, братецъ, по любви! — Отецъ и мать почтеннаго, семейства, съ достохвальною скромностію принимая искреннія поздравленія съ бракомъ дочери отъ родственницы, матери одиннадцати дочерей, на ея, исполненный участія, вопросъ: «какъ же это такъ скоро устроилось?» отвѣчаютъ, не колеблясь: — по любви, милая, по любви! ... И не смотря на тайные ковы, злобы и сплетни, въ мѣстную хронику, впредь до новыхъ показаній, единогласно заносится: *бракъ по любви* ... Медовый мѣсяцъ молодой четы длится разно: когда мѣсяцъ, когда два, но не болѣе трехъ; въ это время супругамъ некогда опомниться и на мгновеніе: проздравленія, подарки, праздники, поцѣлуи — и они отъ души считаютъ себя въ эмпиреяхъ. Но едва износились наряды, сшитые къ свадьбѣ, прошелъ годъ какой-нибудь, два, три, рѣдко-рѣдко больше — и не взглянулъ бы на этотъ бракъ по любви. Нѣтъ ни тѣни, ни намека, ничего мало-мальски похожаго на прекрасное чувство, яко-бы послужившее ему основаніемъ.

Такова Исторія Ивана Петровича, и Петра Иваныча, и Ивана Иваныча, и Петра Петровича, исторія, завязывающаяся романомъ и развязывающаяся семейною драмою, самою страшною изъ драмъ и едвали не самою обыкновенною, — шутка, за которую платится не одно дѣйствующее въ ней поколѣніе, но и послѣдующее.

И разсудите милостиво, можетъ ли быть иначе, — или не особенное ли счастіе тамъ, гдѣ подобная исторія разыгрывается благополучно?

О вы, едва-разцвѣтающіе юноши, и вы, утомленные бойцы жизни, бойтесь равно обольстительной силы и магнитическаго дѣйствія выразительныхъ глазокъ, или очень тонкой таліи, или высокаго роста, или

граціи въ вальсѣ: въ каждой изъ этихъ прелестей скрыты и свои тернія.

О вы, семнадцатилѣтнія дочки почтенныхъ семействъ, являющіяся въ первый разъ на балѣ, не вѣрьте любви, вспыхнувшей отъ одного взгляда — какъ сухое дерево отъ удара молніи — между двухъ танцевъ или двухъ сдачъ преферанса; не вѣрьте, красавицы, бальнымъ объясненіямъ!

О вы, почтенные родители, главы почтенныхъ семействъ, не спѣшите черезъ-чуръ составлять счастье дочерей вашихъ: успѣете, всегда успѣете. Богъ видитъ ваше усердіе, ваше смиренное рвеніе о счастіи нѣжно-любимыхъ дѣтей, — и не оставитъ надоумить васъ! ...

Обстоятельства женитьбы Николая Николаича Замшина, съ которымъ читатель встрѣтился мелькомъ въ самомъ началѣ этого разсказа, чрезвычайно подходятъ подъ общія черты брака по любви — въ томъ видѣ, какъ онъ былъ представленъ здѣсь.

Для большей ясности можно, пожалуй, въ немногихъ словахъ разсказать, какъ именно онъ женился.

Николаю Николаичу едва исполнилось двадцать лѣтъ. Только-что произведенный въ офицеры, пріѣхалъ онъ на балъ. Это было въ одномъ губернскомъ городѣ. Быть въ первый разъ на балѣ въ эполетахъ, это само по себѣ уже обстоятельство не маловажное: все и всѣ въ глазахъ счастливца выигрываютъ сразу на пятдесятъ процентовъ; противъ этого закона не устоитъ никакое благоразуміе, ни одинъ двадцатилѣтній философъ. А есть натуры до того завидно-одаренныя, что въ подобныя минуты весь міръ кажется имъ волшебной фантасмагоріей, — танцовальная зала является очаровательнѣйшею сценою изъ любимаго балета, — дѣйствующія лица бала живыми воплощеніями фигуръ, рисуемыхъ на иныхъ потолкахъ, съ ранняго еще дѣтства производящихъ странное обаяніе: богинь въ газовыхъ шарфахъ, играющихъ на лирахъ, пухленькихъ ребятишекъ, изо всей мочи дующихъ въ трубы, фигуръ въ разноцвѣтныхъ простыняхъ, и молодыхъ и старыхъ, взирающихъ на все — который съ важностію, который съ несомнѣннымъ участіемъ .... Вотъ съ этакими натурами попробуйте заговорить о благоразуміи!

Николай Николаичъ, если и не совсѣмъ присталъ къ такимъ натурамъ, такъ и недалеко отсталъ отъ нихъ.

Спрыснувши только-что офицерскій мундиръ по чину, въ этомъ случаѣ подобающему, онъ явился на балъ, какъ нельзя лучше подготовленный смотрѣть на все сквозь розовыя стекла: много ли, въ самомъ дѣлѣ, нужно для этого въ двадцать лѣтъ? — Начались танцы. Замшинъ ангажировалъ первую попавшуюся ему на глаза даму: короткихъ знако-

мыхъ у него не было, а понемногу онъ зналъ всѣхъ — таковъ былъ обычай въ губернскомъ городѣ. По случаю, его дама оказалась очень не дурна, ловко танцовала, славно играла глазками, словомъ обнаружила всѣ права на вниманіе человѣка съ чувствительнымъ сердцемъ. Николай Николаичъ не отходилъ отъ нея, танцовалъ почти съ ней одной, а къ концу вечера, или вѣрнѣе къ утру, у него до того закружилась голова, — можетъ быть, впрочемъ, не отъ одного вальса — что онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ объясниться въ любви. И надо сказать къ его чести, что онъ отъ души считалъ себя влюбленнымъ. Объясненіе было принято благосклонно: во-первыхъ, дѣвицы вообще любятъ военныхъ; а во-вторыхъ, что же удивительнаго въ томъ, что дѣвочка, не знающая изъ жизни ровно ничего, рада понравиться первому мужчинѣ, оказавшему ей какое-нибудь вниманіе? Этотъ человѣкъ, если онъ только не старъ, непремѣнно герой романа, который складывала она про-себя, — тотъ рыцарь, которому суждено похитить ее изъ родительскаго терема.

Вмѣсто похищенія, о которомъ быть можетъ немножко мечтала и дама Николая Николаича, на другой день его перваго признанія, послѣдовало формальное объясненіе между нимъ и ея маменькой. У маменьки, кромѣ старшей дочки, чьей руки онъ просилъ, было еще цѣлыхъ четыре, и при этомъ состояніе, болѣе нежели ограниченное, Медлить, колебаться, значитъ, не приходилось. И чего было хотѣть ей? Николай Николаичъ имѣлъ до трехъ-сотъ душъ, родство, кое-какія связи. Со слезами умиленія благословила маменька свою Машу, и чрезъ двѣ недѣли, послѣ первой встрѣчи съ нею, Замшинъ былъ мужъ. Цѣлые три мѣсяца новые супруги не знали мѣры своему счастію. Николай Нилоланчъ тутъ же подалъ въ отставку и ухалъ съ женою въ свою деревню.

И такъ, на первыхъ порахъ все шло довольно хорошо. Какъ настоящія дѣти, восхищаясь правомъ безотчетно распоряжаться своимъ добромъ, они съ увлеченіемъ принялись хозяйничать, но это занятіе, естественно, должно было наскучить имъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ менѣе они были къ нему приготовлены и чѣмъ болѣе убѣждались въ своемъ совершенномъ незнаніи. Такъ и случилось. Хозяйство надоѣло, надоѣло и сидѣть день-денской съ глазу на глазъ,—стали искать развлеченій внѣ дома. Для Марьи Ивановны не нашлось нечего, кромѣ кое-какихъ рѣдкихъ выѣздовъ, совсѣмъ въ добавокъ не интересныхъ. Николай Николаичъ избралъ долю празднаго человѣка: охота, слегка сплетни, отчасти карты и пуншъ заняли его до самой зимы. Кончилась охота, пуншъ приплился, въ карты не везло — и захотѣлось ему

чего-нибудь получше, пошире: новыя желанія родятся по мѣрѣ удовлетворенія старыхъ. Лишь только стала дорога, Замшинъ объявилъ женѣ, что долженъ на время разстаться съ нею и отправиться по дѣламъ, — говорилъ онъ — въ одну изъ столицъ.

Первая разлука, понимается, не обошлась безъ слезъ со стороны Марьи Ивановны, но слезы только раздражили Замшина, и, очутившись въ столицѣ, онъ почувствовалъ себя какъ-бы облегченнымъ отъ какой то тяжести, — былъ доволенъ, какъ школьникъ, вырвавшійся въ праздничный день на свободу.

Столичная жизнь, шумная, разнообразная, пестрая, неумолкающая, представляла много новаго для Николая Николаича, — и именно потому, что не было у него никакого дѣла, ни малѣйшей даже наклонности къ какому бы то нибыло опредѣленному занятію. Эта жизнь очень скоро совершенно вскружила его. Онъ рыскалъ цѣлый день, съ утра до вечера, а иногда и съ вечера до утра, неизвѣстно гдѣ, съ кѣмъ. На бѣду еще сошелся онъ съ однимъ изъ тѣхъ людей, которые обладаютъ особенною способностію весь вѣкъ ровно ничего не дѣлать путнаго и сбивать другихъ на одну съ собою дорогу. Этотъ человѣкъ былъ Петръ Сергѣичъ Лычковъ, рѣшительно геній въ своемъ родѣ. Никто не зналъ столицу, какъ онъ; Петръ Сергѣичъ до конца изучилъ всѣ ея сокровеннѣйшія продѣлки — и въ этомъ смыслѣ, конечно, нельзя сказать, чтобъ жизнь его прошла по пустому, или, вѣрнѣе, не занятою. Гдѣ нужно обѣдать, гдѣ завтракать, кто гдѣ живетъ, кого гдѣ встрѣтить въ такое-то время, кто подъ какимъ домино и съ кѣмъ ходитъ — всѣ эти пункты, на которые Лычковъ отвѣчалъ ни на секунду не задумываясь, были азбукою его науки. Само собою разумѣется, что при этомъ Петръ Сергѣичъ былъ милѣйшій и любезнѣйшій малый. Послѣ двухъ-трехъ встрѣчъ, они сдѣлались съ Замшинымъ неразрывными друзьями. Многовѣдѣніе Лычкова до того иногда озадачивало неопытнаго провинціала, что онъ, кромѣ чувства дружбы, получилъ къ нему даже что-то близкое къ уваженію. Петръ Сергѣичъ возилъ Замшина повсюду, доставалъ ему все, что онъ хотѣлъ, знакомилъ его со всѣми, показывалъ ему многое, о чемъ бѣдному юношѣ и не снилось, — и Замшинъ забылъ и думать о женѣ и о возвращеніи въ деревню.

— Скажи на милость, за чѣмъ ты женился? спросилъ его какъ-то Петръ Сергѣичъ въ припадкѣ особенно-дружескаго расположенія.

— По любви, душа моя! — простодушно отвѣчалъ Замшинъ.

— И давно ты женатъ?

— Годъ будетъ въ Маѣ.

— Охъ-ужъ вы мнѣ, романтики.

Петръ Сергѣичъ былъ несомнѣнный классикъ, и любилъ говорить о себѣ, что онъ родился «въ рощахъ Эпикура.»

Замшина немножко оскорбило восклицаніе Петра Сергѣича, но онъ не хотѣлъ или не смѣлъ показать этого.

— Выпьемъ, душа моя! — только сказалъ онъ.

— Можно, — отвѣчалъ Петръ Сергѣичъ, — только я не вижу льду.

Явился ледъ, и они выпили.

.... Жена, между тѣмъ, писала къ Замшину съ каждою почтою; онъ сначала едва отвѣчалъ ей въ мѣсяцъ разъ, потомъ пересталъ писать. Наконецъ, та пріѣхала сама. По счастію, это случилось въ такую минуту, когда Николай Николаичъ былъ ужасно сердитъ на столичную жизнь, на свое бездомное бытье: надоѣло ему оно, и усталъ онъ, и денежныя средства поистощились. Онъ съ восторгомъ бросился на шею женѣ, и та, ѣхавшая съ горемъ на сердцѣ, съ готовыми, быть можетъ, упреками, забыла все, что въ ней накипѣло въ остутствіе мужа.

Съ первой минуты этого свиданія Замшинъ былъ такъ предупредителенъ, такъ нѣженъ, что Марья Ивановна рѣшила про себя, что тревога ея была совершенно напрасна. Однакожъ, чтобъ обезпечить себя и въ будущемъ, — вчерашній ребенокъ ужъ думалъ о завтрашнемъ днѣ — она склонила мужа ѣхать въ деревню. Николай Николаичъ согласился безъ сопротивленія, и едва-ли даже простился съ Петромъ Сергѣичемъ, — что̀ казалось отраднымъ шагомъ къ лучшему.

Они воротились домой, въ деревню Николая Николаича. Сельская жизнь и прекрасная весенняя природа взяли свое. Замшинъ опять смотрѣлъ въ глаза женѣ и былъ къ ней тотъ-же, что на другой день женитьбы. Опасенія ея разсѣялись, и между ними по прежнему водворились миръ и счастіе. Весело отпраздновавъ годовщину своей свадьбы, потомъ рожденіе сына, они зажили завидно-спокойно, Но это положеніе длилось не долго. Лѣто едва было на исходѣ, какъ Замшину уже не сидѣлось дома. Онъ предался прежнимъ своимъ деревенскимъ развлеченіямъ, съ тою разницею, что они теперь разлучали его съ женой. Съ первымъ же снѣгомъ, его опять не стало въ деревнѣ, и онъ опять отправился въ столицу.

Петръ Сергѣичъ, постоянный ея житель, отыскался самъ собою; началась старая пѣсня, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Жениныхъ писемъ Замшинъ и не распечатывалъ. Марья Ивановна пождала, потерпѣла — и опять явилась передъ нимъ, не предувѣдомивъ его о своемъ пріѣздѣ. Встрѣча была много холоднѣе прошлогодней. Замшинъ

даже намекнулъ женѣ, что она напрасно приняла на себя роль его няньки. Это горько ее тронуло, потому-что она очень любила мужа, — а любила она его потому, что онъ былъ въ самомъ дѣлѣ добръ отъ природы, и потому, что она и не воображала никогда, что можетъ не любить его: послѣднее предположеніе не приходило ей на умъ даже въ видѣ самаго смутнаго вопроса. Благодаря своей правотѣ въ отношеніи къ мужу, не сознанной, но сильно чувствуемой, она не отчаявалась, однакожъ, въ немъ, и стала уговаривать его ѣхать съ нею назадъ. На это Николай Николаичъ изобрѣлъ тму препятствій, которымъ прямо противорѣчить она не смѣла. Она призадумалась; вдругъ сдѣлалось ей будто страшно чего-то.

Впервые, хоть и не ясно, начала складываться въ ея душѣ мысль о невѣрности мужа: привязанность, сильная и горячая привязанность, думала она, одна могла измѣнить его до такой степени и обратить его прежнія чувства, хоть и непостоянныя, въ положительное равнодушіе къ ней. Ей стало ужасно грустно, днями она дѣлалась больна. И этого даже не замѣчалъ Николай Николаичъ. Но предположенію, ея мучившему, суждено было скоро принять новую форму, болѣе опредѣленную, а съ извѣстной стороны и болѣе утѣшительную для нея.

Замшинъ, не прерывавшій своихъ странствій съ Петромъ Сергѣичемъ, жилъ хоть и подъ одной кровлей съ женою, но такъ однакожъ, какъ будто бы ея тутъ и не было: онъ видался съ нею на минуту утромъ, рѣдко когда за обѣдомъ, и почти не выѣзжалъ съ нею вмѣстѣ. О короткихъ отношеніяхъ его къ Лычкову она знала, — слышала о ихъ безпрестанныхъ свиданіяхъ, но гдѣ и какъ именно болѣе всего проводили они время, на это она не умѣла дать себѣ отвѣта, потому-что никто ей объ этомъ не говорилъ, а догадаться она не могла. Разъ какъ-то, вернувшись невзначай съ холостаго обѣда прямо домой и заставъ жену, по обыкновенію, дома, одну и печальную, Николай Николаичъ подсѣлъ къ ней, и, будто впервыя замѣтивъ ея грусть, затѣялъ развеселить ее разсказомъ о своихъ похожденіяхъ. Этого до-сихъ-поръ не случалось, но теперь Замшинъ былъ просто пьянъ. И принялся онъ исчислять ей всѣ свои продѣлки, свои легкія побѣды. Марью Ивановну поразило безстыдство мужа: она попробовала-было остановить потокъ его признаній, но онъ не унимался.

Всякое дѣло жизни, всякая вещь — имѣютъ свою хорошую сторону для самаго того, кому они болѣе всего непріятны или тяжелы: эту старую истину вспомнила бы конечно и Марья Ивановна, если бы была расположена разсуждать хладнокровно. Такой силы, понимается, не нашлось въ ней; за то она, слушая мужа, без-

сознательно утѣшалась: ей понемногу становилось легче, и къ концу вечера — Замшинъ межъ-тѣмъ задремалъ — она убѣждала себя, что если мужъ и палъ въ ея глазахъ, такъ все же еще не безвозвратно потерянъ для нея, потому-что она не видѣла, судя по его разсказамъ, ничего такого, что бы могло въ его сердцѣ навсегда замѣнить ее, или съ корнемъ вырвать изъ него чувство. Явно было для нея, что изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ не стыдился онъ называть при ней и которыхъ она, разумѣется, не знала, ни одна не могла остановить на себѣ исключительнаго вниманія Николая Николаича, — тѣмъ менѣе совершенно овладѣть его мыслію и чувствами. Надо, впрочемъ, прибавить, что онъ, разсказывая, не думалъ и намекать на противное, что и выставляло его со всѣхъ сторонъ только вѣтреннымъ и безхарактернымъ мальчишкой, отнюдь не болѣе. Нужно было, значитъ, переждать, чтобъ надоѣли теперешнія игрушки, какъ прежде надоѣли другія.

Такъ заключила Марья Ивановна и она была совершенно-права. Но откуда въ девятнадцатилѣтней женщинѣ бралась такая мѣткость взгляда, проницательность, которою не похвалится иная и въ тридцать лѣтъ? Отвѣтъ у каждаго на языкѣ: »горе сердечное старитъ человѣка скоро,— жизнь дѣйствительная, жизнь своимъ лицомъ, какъ ни тѣсна ея рама, если человѣкъ не лишенъ способности понимать, чувствовать и сознавать происходящее надъ нимъ, открываетъ болѣе тайнъ въ годъ, нежели всевозможныя теоріи, всевозможныя наставленія, устныя, письменныя и печатныя — въ пятьдесятъ лѣтъ» ... Такъ, конечно. Но вотъ другой вопросъ, вытекающій непосредственно изъ предыдущаго отвѣта, и который я предлагаю на разрѣшеніе философовъ: почему всѣ теоріи, всѣ благоразумные совѣты и мудрыя наставленія, тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о чисто-матеріальныхъ интересахъ жизни, не ведутъ никогда ровно ни къ чему, даже не отвратятъ никогда неудачи или горя? — По моему слабому разумѣнію дозволено предположить только два основанія: или упорство со стороны тѣхъ, на кого направлено дѣйствіе всѣхъ этихъ теорій, совѣтовъ, наставленій — упорства безусловнаго въ человѣкѣ, однакожъ, допустить нельзя, если не отнята у него вовсе мыслящая способность,— или непримѣнимость, нелѣпость теорій и наставленій. Въ послѣднемъ случаѣ куда же годенъ многолѣтній опытъ, которымъ вообще такъ любятъ хвастаться люди?... Не умнѣе ли, господа, держаться другой поговорки, тоже давнишней; «чужая опытность никому не наука»? И — кстати — не лучше ли было бы всѣмъ намъ жить на свѣтѣ, еслибъ всякій человѣкъ, звено нескончаемой родословной цѣпи, — посѣявъ въ нисходящемъ все добро, какое только доступно ему, изощривъ его спо-

собности всѣмъ, что́ не выше силы, предоставилъ ему, съ первымъ появленіемъ сознанія, полную свободу дѣйствовать, не ограничивая его пути извѣстнымъ предѣломъ, хотя бы тотъ предѣлъ казался самому ему полезенъ, даже необходимъ? ... Ни одинъ мало-мальски разсудительный отецъ, ни одна сколько-нибудь не глупая мать не скажетъ же сыну: «я хочу, чтобъ ты былъ живописецъ, а ты — дипломатъ, ты — докторъ, ты — механикъ,» а тѣ же отцы и матери, разсудительные и не глупыя, случается, говорятъ дочери: «ты пойдешь за этого человѣка, или не пойдешь за него,» — и живутъ въ счастливой вѣрѣ, что они правы морально, что́ должно сбыться по-ихнему, «потому—что они желаютъ добра своей дочери.»

... Прочь, однакожъ, всѣ эти «мечтанія!» Съ ними, пожалуй, зайдешь такъ далеко, что читатель, чего добраго, надуется.

.. Досада овладѣла Замшинымъ на утро извѣстнаго обѣда, когда вспомнилъ онъ о вчерашнихъ происшествіяхъ — досада, главное на то, что онъ такъ глупо все выболталъ женѣ: стыда въ этомъ чувствѣ было немного. Онъ, однакожъ, пошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ и умолялъ ее не вѣрить тому, что онъ ей наговорилъ вчера, а чтобъ вовсе разувѣрить ее, до-того путался, понесъ такую околесицу, что сдѣлался ей жалокъ. Сдавивъ просившіяся наружу слезы, она увѣряла его, что ничего изъ его разсказовъ не помнитъ, половины и не поняла, остальнаго знать не хочетъ, а въ заключеніе нѣжно совѣтовала успокоиться, отдохнуть ... О возвращеніи въ деревню она говорить не рѣшилась, отлагая этотъ предметъ до болѣе благопріятнаго настроенія Николая Николаича. Два дня просидѣлъ онъ съ женою, но положеніе обоихъ было до крайности принужденно; онъ, въ особенности, казался ужасноглупъ, былъ страшно неловокъ — какъ человѣкъ въ чужомъ платьѣ, или какъ актеръ, взявшій на себя роль не по силамъ: безпрестанно смотрѣлъ въ окно, и по временамъ чрезвычайно – комически вздыхалъ. На третій день пріѣхалъ Петръ Сергѣичъ. Замшинъ сказалъ женѣ, что оставляетъ ее на полчаса, и ... пропалъ, т. е. опять сталъ видаться съ нею едва разъ въ день.

Только отъ времени, видно, можно было ожидать спасенія. Марья Ивановна ужъ не сомнѣвалась въ этомъ и, не разсчитывая на свое вліяніе, она, скрѣпя сердце за себя, охотно отдала бы мужа въ руки этого единственнаго въ своемъ родѣ учителя, еслибъ не преслѣдовала ее неотступно мысль о растратѣ состоянія, котораго, правда, она опредѣлительно не знала, но которое должно было очень страдать отъ крайней неразчетливости мужа и его безпрестанныхъ излишествъ. Говорить объ этомъ прямо — ей было невозможно: состояніе принадлежало не

ей; просить мужа ѣхать въ деревню — было бы теперь безполезно: ей, по крайней мѣрѣ, хотѣлось взять съ него обѣщаніе, что онъ не заживется въ столицѣ. Самой же ей оставаться при немъ было рѣшительно не для чего, кромѣ того ее тянулъ домой ребенокъ, котораго она не привезла съ собою, потому—что думала разстаться съ нимъ много дней на десять, а между тѣмъ, прошло полтора мѣсяца.

Слово вскорости вернуться въ деревню Замшинъ далъ безъ затрудненія, но сдержать его и не думалъ. Жена уѣхала. Онъ писалъ къ ней рѣдко и только когда нужны были деньги: эти письма были не иное что, какъ порученіе управляющему, которому приказывалось-то продать часть лѣса, то запродать хлѣбъ будущаго урожая, то «какъ ужъ онъ хочетъ себѣ» достать денегъ. Бѣдная женщина съ каждымъ днемъ приходила въ бо́льшій ужасъ. Имѣнію грозило неминуемое разореніе: прикащикъ не смѣлъ говорить объ этомъ, но ясно намекалъ. Не исполнять приказаній Николая Николаича, при всемъ томъ, было невозможно.

Миновала весна, Замшинъ не ѣхалъ; лѣто прошло, настала осень—его все не было. Наконецъ, жена рѣшилась написать ему, что присутствіе его необходимо для хозяйства и заклинала его пріѣхать хоть на-время. Николай Николаичъ отвѣчалъ коротко, что онъ пріѣхать не можетъ, что у него есть дѣла, что онъ знаетъ самъ, что́ дѣлаетъ, чтобъ его оставили въ покоѣ. Выждавъ еще, Марья Ивановна увѣдомила мужа, что она сама пріѣдетъ въ столицу, что она больна, и просила его, если можно, нанять ей квартиру: Николай Николаичъ, какъ человѣкъ совершенно-безпечный, около года жилъ въ гостинницѣ. Опредѣленнаго плана у ней не было, но она все-таки не теряла надежды хоть немного пріостановить мужа своимъ присутствіемъ, а можетъ быть и склонить мольбами на то, чтобъ онъ сколько-нибудь подумалъ, если не о себѣ и о ней, такъ о будущности ребенка. На письмо ея послѣдовалъ отвѣтъ благопріятный и въ тоже время до того странный по тону, что невозможно было понять, радъ ли былъ Замшинъ имѣть при себѣ жену, или только не хочетъ ей противорѣчить изъ приличія. Онъ писалъ, что никогда не мѣшалъ ей дѣлать все, что́ ей угодно, не мѣшаетъ и теперь, — что давно бы ей пора бросить хандру и ребячества,—что о квартирѣ онъ распорядится не медля, а когда будетъ готова, дастъ знать сейчасъ-же. Все это было выражено такъ двусмысленно, что Марья Ивановна по неволѣ задумалась и притомъ гораздо сильнѣе нежели передъ признаніями мужа, въ день помянутаго обѣда. Не менѣе того, какъ только получила извѣстіе, что домъ для нея готовъ, она пустилась въ дорогу, взявъ съ собою, на этотъ разъ, и сына. Не брать, значило-бы, по ея понятію, пренебречь самою святою обязанностію.

Отчаяніе смѣнялось надеждой, надежда — отчаяніемъ: всю дорогу она не могла успокоиться ни на минуту, не знала, на чемъ остановить свое предположеніе. Когда повозка подъѣхала къ дому, страшно забилось сердце Марьи Ивановны. У подъѣзда стояло двое саней. Она даже боялась войти. Что ее ожидало? Не возвращаться же было, однакожъ.

Едва переводя дыханіе, ступила она въ сѣни. Вдругъ на встрѣчу ей дама какая-то, молодая, очень-нарядно одѣтая, очень недурная собою. Дама нахально оглянула пріѣзжую съ головы до пятокъ, чуть-чуть не сбила ее съ ногъ, еще нахальнѣе улыбнулась, вышла на подъѣздъ и исчезла. Провожавшій даму слуга Николая Николаича, котораго Марья Ивановна знала и который не могъ не узнать ее сейчасъ же, едва поклонился ей и, какъ ни въ чемъ не бывалый, отворилъ дверь въ переднюю. У Марьи Ивановны голова кружилась, въ глазахъ становилось зелено, но она все перемогалась. Изъ передней другой слуга, мальчикъ, бросился во внутреннія комнаты и громко крикнулъ:

— Барыня пріѣхали-съ!

— Ослы! — отвѣчалъ чей-то голосъ.

Въ залу вышли Николай Николаичъ и Петръ Сергѣичъ.

— А я — только что совѣтовался здѣсь, какую тебѣ купить шляпку — нашелся Николай Николаичъ, цѣлуя жену. — Маша! вѣдь тебѣ нужна шляпа?

— Зачѣмъ? — отвѣчала она, сквозь слезы. — Какой ты добрый!

— Вотъ видишь, какъ мы тебя помнимъ! — сказалъ Николай Николаичъ и взглянулъ на Петра Сергѣича, какъ будто умоляя его помочь ему.

— Да-съ, не проходило дня ... чтобъ мы васъ не ждали, не говорили о васъ съ нимъ — сказалъ Петръ Сергѣичъ.

— Вамъ я въ особенности благодарна — возразила Марья Ивановна.

Петръ Сергѣичъ хорошо понялъ скрытый смыслъ этихъ словъ, и какъ отъявленный врагъ всего вреднаго для пищеваренія, поэтому всякихъ объясненій и сценъ, кромѣ водевильныхъ, онъ поспѣшно взялся за шляпу и хотѣлъ раскланяться. Достойный адептъ достойнаго учителя, Замшинъ не болѣе его сочувствовалъ драматическимъ положеніямъ жизни, и, замѣтивъ намѣреніе Петра Сергѣича, удержалъ его за полу сюртука. Все это не столько видѣла, сколько угадала Марья Ивановна. Силы ее оставляли; она кое-какъ дотащилась до своей спальни и упала на постель, почти безъ чувствъ.

Петръ Сергѣичъ, рѣшившись не покидать друга въ столь-критическую минуту, стоялъ въ гостиной. Николай Николаичъ, растерявшись, впрочемъ нисколько не отъ испуга, суетился около жены.

— Что̀ съ тобой! — говорилъ онъ. — Какъ тебя растроила дорога! Постой, я съѣзжу за докторомъ.

— Не надо, не надо! — слабо пробормотала она— это пройдетъ.

Замшинъ вышелъ однакожъ, махнулъ рукою Петру Сергѣичу, и оба, сѣвъ въ одни сани, уѣхали.

Доктора Замшинъ, не менѣе того, привезъ, и нѣсколько дней самъ ухаживалъ за женою, которая, казалось сначала, слегла не на шутку. Но недѣли черезъ полторы, она совсѣмъ оправилась; только какъ-будто похудѣла и была блѣднѣе прежняго. О цѣли ея пріѣзда не было между ними и помина; мало этого — отношенія ихъ, по видимому, давно не были такъ хороши: въ особенности Марья Ивановна была мила, внимательна, нѣжна даже, какъ на другой день свадьбы. Замшинъ, не проникшій настоящаго смысла ея образа дѣйствій, нашелъ въ немъ, увы! только побужденія продолжать прежніе свои подвиги, за что и принялся съ удвоеннымъ усердіемъ— все-таки въ сообществѣ неутомимаго Петра Сергѣича. Марья Ивановна, съ своей стороны, также выѣзжала, не думая и намекать мужу на странность и неправильность его жизни. Онъ никогда не заботился о томъ, гдѣ и съ кѣмъ бываетъ жена, едва объ этомъ спрашивалъ, — самъ, впрочемъ, изрѣдка выѣзжалъ вмѣстѣ съ нею, — позволялъ ей принимать кого угодно, и между тѣмъ, какъ-то незамѣтно, взялъ привычку разсказывать ей всѣ свои глупыя продѣлки, пошлыя волокитства, бо́льшею частію не утаивая даже именъ героевъ и героинь и повѣряя ей то радость свою, то безнадежность, будто товарищу своихъ забавъ. Послѣднее собственно мало оскорбляло Марью Ивановну; что̀ слышала она отъ мужа, то въ сущности было не новостью для нея; но невыносимо-тяжкимъ дѣлалось для нея убѣжденіе въ безпечности Замшина, обнимавшей, кромѣ его и ее, и сына, и состояніе. Этому нужно было поскорѣе положить конецъ, во что бы то ни стало, и она до сихъ поръ не видѣла инаго средства къ достиженію своей цѣли, какъ обратить чувства мужа къ себѣ — съ условіемъ, чтобъ онъ не угадалъ ея намѣреній: прямо же говорить ему о положеніи ихъ дѣлъ, объ обязанностяхъ мужа и отца, это было бы теперь пустою тратою словъ и времени, а въ минуту дурного расположенія могло даже въ-конецъ испортить все. Что, однакожъ, ей предпринять? Какъ дѣйствовать? Ласками, внимательностію она не выиграла ровно ничего, точно также, какъ и равнодушіемъ: ей вздумалось возбудить ревность мужа. Случай представился легко.

Николай Николаичъ, довольно-серьезно простудившись, принужденъ былъ просидѣть дома болѣе недѣли. Въ это же время сталъ каждый день посѣщать Замшиныхъ нѣкто Семиградскій, молодой человѣкъ, со всѣ-

ми видимыми правами на успѣхъ въ отношеніяхъ съ женщинами: красавецъ собой, левъ—или что-то близкое къ льву. Семиградскій встрѣтилъ Замшину какъ-то разъ или два, еще дѣвушкой, въ провинціи, тогда ее замѣтилъ, а теперь, столкнувшись съ нею гдѣ-то въ обществѣ, навязался на знакомство и сталъ ѣздить, по всему вѣроятію, не безъ видовъ. Такъ казалось и Марьѣ Ивановнѣ, но не останавливаясь на вопросѣ о намѣреніяхъ Семиградскаго, она только обрадовалась возможности обратить его въ орудіе для своей цѣли. Она принялась кокетничать съ нимъ до-нельзя, не хуже самой модной, самой опытной въ подобныхъ дѣлахъ женщины, — и кокетничала, въ особенности при мужѣ, иногда по цѣлымъ часамъ. Даже Семиградскій сбивался съ толку. Николай Николаичъ не могъ не видѣть этого, потому-что весь маневръ происходилъ у него подъ самымъ носомъ, но . . . его какъ будто тутъ и не было. Разъ, когда Семиградскій былъ одинъ у Замшиныхъ, Марья Ивановна объявила, что ѣдетъ съ нимъ въ маскарадъ: Николай Николаичъ позвонилъ, велѣлъ запрягать карету и преспокойно отправился спать. Въ эту минуту Марью Ивановну чуть не взяло отчаяніе: въ маскарадъ она поѣхала — дѣлать было нечего, за то, вернувшись изъ Собранья, гдѣ черезъ великую силу пробыла часа два, а кавалеръ ея до-нельзя надоѣлъ ей, она не могла уснуть всю ночь: положеніе мужа, ея собственное и ребенка рисовалось ей самыми ужасными красками; она видѣла передъ собою просто нищету — и не далѣе, какъ завтра! А пылкая, раздражительная фантазія — этотъ тайный врагъ и причина гибели не одной женщины — все жарче и жарче освѣщало страшную и безъ того картину. И никакихъ средствъ отвратить несчастіе! Силы все болѣе и болѣе измѣняли ей, соображенія путались, изобрѣтательность стала въ тупикъ.

Она не плакала, даже когда брала на руки ребенка, но что творилось въ душѣ ея, то было конечно и горче и тяжеле слезъ. На мужа она нѣсколько дней сряду рѣшительно боялась взглянуть, какъ будто уже видѣла въ немъ раззорителя своего ребенка, губителя ея счастія и спокойствія; все время почти сидѣла одна, въ своей спальнѣ, въ глубокой задумчивости ... И вдругъ ей мелькнула мысль, удивительная мысль, за которую она ухватилась съ увлеченіемъ! Само собою разумѣется, что ей нужно было привести ее въ исполненіе непремѣнно, потому-что въ этой мысли была ея послѣдняя надежда, — и она рѣшилась осуществить ее, не жалѣя ничего, соединивъ все, что было въ ней способности, ума, силы. Что предположеніе ея должно было удаться безъ большихъ затрудненій, этого она не предчувствовала, но о затрудненіяхъ она и не думала, ее без-

покоило только то, что она не могла опредѣлить, когда именно и какъ начать дѣйствовать. Нетерпѣніе ея было понятно.

Эта счасливая мысль, въ которой Марья Ивановна видѣла рѣшительный якорь спасенія, родилась у ней во время разговора за чаемъ, съ котораго начался предлагаемый разсказъ. Дивиться ли разнообразію и рѣзкой противоположности впечатлѣній, ее волновавшихъ, по выходѣ изъ комнаты мужа, и живости, съ которою эти впечатлѣнія выражались на ея лицѣ и смѣнялись? Отъ исполненія настоящаго ея плана зависѣло, по ея убѣжденію, все: и для мужа, и для сына, и для нея.

. . . Вслѣдъ за Николаемъ Николаичемъ, который въ этотъ вечеръ въ первый разъ опять выѣхалъ съ Петромъ Сергѣичемъ, поѣхала куда-то и Марья Ивановна.

... Было около двухъ часовъ за полночь. Большая и боковыя залы Благороднаго Собранія поопустѣли; за то наполнилась столовая, какъ и всегда, почти исключительно мужчинами ... Дамы вообще не ужинаютъ въ Собраньи, можетъ быть потому, что боятся услышать въ это время что-нибудь лишнее. Злые языки утверждаютъ, однакожъ, будтобы многія женщины очень любятъ слышать то, что говорятъ между собою мужчины за ужиномъ и шампанскимъ — на томъ основаніи, что мужчины отъ ужина и шампанскаго дѣлаются любезнѣе, а нѣкоторыхъ только тутъ и можно слушать. Я, разумѣется, не вѣрю злымъ языкамъ.

На концѣ одного изъ столовъ ужинали Петръ Сергѣичъ и Замшинъ. Возлѣ послѣдняго были два пустые стула. Подошла маска и сѣла,

— Замшинъ, какими судьбами?

— Вотъ вопросъ!

— Тебя никогда не видать здѣсь.

— Увы! не было бы видно и сегодня, еслибъ мы не вздумали ужинать въ два часа. Не хочешь ли шампанскаго, маска?

— Фи!

— Какъ хочешь. Такъ я выпью.

— За чье здоровье?

— За свое.

Онъ выпилъ.

— Будто бы? — спросила маска. — А еще за чье?

—Пожалуй, еще за твое, если это тебѣ пріятно.

Онъ налилъ себѣ снова и выпилъ.

— Ты очень любезенъ, однакожъ, ха-ха-ха!

— Благодарю за комплиментъ. Не хочешь ли желе? Это сладенькое.

— Что за страсть угощать! Уменя до тебя дѣло.

— Дѣло? до меня?

— Дѣло, — и до тебя.

— У тебя?

— У меня. Чему жъ ты удивляешься?

— Странно! Я тебя, кажется, не знаю.

Замшинъ вглядывался въ маску; онъ бросилъ въ то же время вопросительный взлядъ на Петра Сергѣича. Петръ Сергѣичъ сдѣлалъ глазами знакъ, что онъ ее не знаетъ.

— Можетъ быть узнаешь,—отвѣчала Замшину маска, — но не въ томъ дѣло: хочешь ты подарить мнѣ четверть-часа?

— Съ удовольствіемъ, но мы сперва пойдемъ покурить. Ты позволишь?

— Идите. Я буду ждать тебя здѣсь,—сказала маска; — но ты придешь, однакожъ? — прибавила она, слегка пожавъ плечами.

— Приду, непремѣнно приду: честное слово!

Черезъ десять минутъ Замшинъ подалъ руку маскѣ, она отвела его въ сторону, и они сѣли.

— Скажи, пожалуйста, любишь ты свою жену? — начала маска, безъ другаго предисловія.

— Что за странныя шутки!

— Нѣтъ, серьёзно.

— Развѣ объ этихъ вещахъ говорятъ въ маскарадѣ?

— Отвѣчай, или я не буду говорить съ тобой.

— Ну, положимъ ... люблю.

— Это значитъ: не любишь.

— Если тебѣ этого угодно: не люблю.

— Вотъ, видишь-ли, я это знала.

— Ты отгадчица.

— Погоди. И ты ... никого не любишь?

— Это еще страннѣе! Я рѣшительно не знаю, что́ на это сказать.

— Не хочешь, не отвѣчай. Но, видишь-ли, еслибъ я знала, что тебѣ можно повѣрить, еслибъ я была въ тебѣ увѣрена, я бы тебѣ сказала секретъ, очень интересный для тебя, очень-интересный.

— Секретъ! Скажи, пожалуйста. Я никому не скажу: честное слово, никому.

— Сегодня ты этого не стоишь.

— А! понимаю. Ты хочешь сказать, что за моей женой волочится Семиградскій.

— Какой вздоръ! И что мнѣ до этого за дѣло! — отвѣчала маска, и на минуту отвернулась, казалось невольно. — Совсѣмъ не въ томъ дѣло.

— Такъ говори же, ради Бога: я согласенъ на какія хочешь условія.

— Ты думаешь подкупить меня?

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать.

— Говори: любишь ты кого-нибудь ... сильно, горячо ... ну, какъ, напримѣръ, любилъ ты жену, когда только-что женился?

— Клянусь тебѣ, никого.

Въ это время къ маскѣ подошелъ совершенно-незнакомый Замшину мужчина, и сказалъ ей, что пора ѣхать. Маска встала и пошла съ неизвѣстнымъ господиномъ.

— Такъ ты мнѣ ничего не скажешь? — спросилъ ее Замшинъ, догоняя ихъ.

— Въ будущій разъ, здѣсь же. Пріѣдешь?

— Буду.

— Только не въ два часа.

Маска и кавалеръ ея спустились по лѣстницѣ и сѣли въ карету. Замшинъ хотѣлъ ѣхать за ними, узнать фамилію и мѣсто жительства, но Петръ Сергѣичъ, дожидавшійся его, потому — что они пріѣхали въ Собранье въ одномъ экипажѣ, и которому Николай Николаичъ успѣлъ передать свой разговоръ, удержалъ его.

— Какъ не стыдно! — сказалъ онъ, зѣвая. — Вѣрить маскарадным объясненіямъ!

— Замѣтилъ ты ея кавалера? — спросилъ Замшинъ.

— Замѣтилъ.

— И не знаешь?

— Провинціалъ какой-нибудь: жилетъ какой-то мудреный — съ пѣтухами, кажется. А шляпа съ лакея! Видѣлъ?

— Не замѣтилъ.

— Просто — шутъ.

На другой день Замшинъ сказалъ женѣ, что былъ въ Собраньи, о разговорѣ же съ маской умолчалъ.

На слѣдующей недѣли, тоже не предупредивъ жены, что ѣдетъ въ Собранье, онъ очутился тамъ изъ первыхъ; случайно-ли, нѣтъ-ли, рѣшить было трудно. Несомнѣнно впрочемъ то, что онъ, если и помнилъ о маскарад-

ной встрѣчѣ, то никакъ не семь дней, въ которые не обошелся безъ прежнихъ развлеченій и дѣлъ съ Петромъ Сергѣичемъ. Какъ бы то ни было, онъ, однакожъ, пріѣхалъ въ Собранье, и очень рано. Масокъ еще не было. Въ двѣнадцатомъ часу онѣ, по обыкновенію, стали показываться, и число ихъ росло по-минутно.

Замшинъ въ боковой залѣ говорилъ съ кѣмъ-то изъ знакомыхъ мужчинъ, стоя и, сказать правду, какъ будто поджидалъ кого-то.

— Ты здѣсь? — вдругъ произнесъ сзади его женскій голосъ—вотъ это мило!

Замшинъ обернулся: передъ нимъ стояло домино прошлаго маскарада; нельзя было не узнать его: тотъ же ростъ, тѣ же формы. Показалось ему, что голосъ не совсѣмъ тотъ, но онъ увѣрилъ себя, что ошибается; ошибиться въ подобномъ случаѣ точно не трудно: голосъ, и самъ по себѣ нѣсколько измѣняющійся подъ маской, обыкновенно еще мѣняется съ намѣреніемъ, слѣдственно можетъ, въ это время, измѣнить и себѣ, какъ дурно-выученная роль.

— Пойдемъ! — сказала маска; — я никакъ не ожидала тебя видѣть сегодня.

— Это почему! Я далъ тебѣ слово.

— Гм! Стало, для тебя дать и сдержать одно и тоже?

— А ты думала нѣтъ?

— Гдѣ ты обѣщался быть сегодня вечеромъ?

— Развѣ я не явился?

— Нѣтъ, припомни хорошенько. Будто тебя ужъ не ждутъ нигдѣ?

— Мало-ли кому я что говорю. Да ты что́ такое, маска?

И Замшинъ еще пристальнѣе прежняго сталъ въ нее вглядываться. Маска, въ эту минуту, вынула носовой платокъ, и Замшинъ увидѣлъ на немъ двѣ начальныя буквы съ княжеской короной. Буквы и корона до-того его спутали, что онъ рѣшился лучше не дѣлать никакихъ догадокъ, предоставляя все на волю судьбы.

— Отгадай, отвѣчала маска — если угадаешь, скажу.

— Ты давно меня знаешь?

— Года ... три.

— А я тебя знаю?

— Знаешь.

— Т. е. можетъ быть, разъ или два видѣлъ мелькомъ.

— Нѣтъ, видалъ очень близко и часто; говорилъ сколько разъ.

Николай Николаичъ всматривался.

— Рѣшительно, не знаю.

— Вотъ каковы всѣ вы мужчины! Сто́ите ли вы, чтобы мы обра-

щали на васъ какое-нибудь вниманіе? Стóишь ли ты, напримѣръ, чтобъ порядочная женщина на минуту занялась тобой.

— Послушай ...

— Можетъ быть, мнѣ и не слѣдовало бы говорить съ тобою. Другая на моемъ мѣстѣ не рѣшилась бы на это и была бы умнѣе. Я и сама знаю, что дѣлаю очень дурно, но всегда ли есть сила жить такъ, какъ должно! ...

Маска замолчала. Замшинъ былъ сильно заинтересованъ и не зналъ, что́ сказать.

— Намекни мнѣ, по крайней мѣрѣ ... пробормоталъ онъ.

— Ничего тебѣ не скажу; ничего и никогда; мы съ тобой больше не увидимся.

Маска живо вскочила, скользнула сквозь довольно-тѣсную группу, и, покуда Николай Николаичъ успѣлъ опомниться, встать и взглянуть ей въ-слѣдъ, скрылась изъ-вида. Замшинъ отправился искать ее; попадалось ему не одно домино похожее, но узнать его маску по одному домино было не легко; особыхъ примѣтъ на немъ не было: черное съ ногъ до головы, съ капишономъ, оно не отличалось отъ другихъ совершенно-черныхъ домино ничѣмъ, ни ленточкой какой-нибудь, ни кружевомъ. Долго искалъ онъ поэтому, и ничего не нашелъ. Господина, бывшаго кавалеромъ ея въ прошлый разъ, видно не было въ Собраньи; по крайней мѣрѣ Замшинъ, сколько ни обходилъ всѣ залы, даже хоры, не могъ его найдти.

Съ досады онъ пошелъ ужинать, хотя ѣсть ему совсѣмъ не хотѣлось; шампанское успокоило его не надолго, и, воротившись домой, онъ все ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ: кто́ эта маска?

Утромъ явился Петръ Сергѣичъ, и когда Замшинъ передалъ ему разговоръ свой съ маской, Лычковъ до-того сталъ трунить надъ его простодушіемъ и довѣрчивостію, что Замшинъ чуть не разсердился. Петръ Сергѣичъ уѣхалъ. Николай Николаичъ пошелъ къ женѣ.

Жена встрѣтила его удивительно-нѣжно.

— Что это ты сегодня какой странный? — спросила она.

— Такъ что̀-то, голова болитъ.

— Ты бы съѣздилъ провѣтриться.

— Лѣнь.

— Поздно, вѣрно, вчера легъ.

— Не скажу: часу въ третьемъ. Тотчасъ послѣ Собранья.

— А былъ-таки въ Собраньи. Какъ тебѣ не стыдно! хоть бы разъ въ зиму взялъ меня.

— Сдѣлай милость, поѣдемъ — отвѣчалъ онъ разсѣянно.

— Обманешь, не возьмешь.

— Что за вздоръ.

— Смотри жъ, Николай: я не забуду обѣщанія.

— И я не забуду.

Николай Николаичъ, однакожъ, разсудилъ провѣтриться: ему стало, почему-то, душно дома.

И объѣхалъ онъ, по обыкновенію, одного за другимъ, одну за другою, разныхъ знакомыхъ и знакомокъ, пріятелей и пріятельницъ. Изъ послѣднихъ, онъ въ заключеніе навѣстилъ одну женщину, — никто, кажется, не исключая и Петра Сергѣича, не зналъ опредѣлительно, какъ называть ее — имѣвшую постоянно блистательнѣйшую способность разгонять какой-угодно сплинъ своей болтовней, неутомимой веселостью — свойствами, высоко и справедливо цѣнившимися ея безчисленными поклонниками. Но на этотъ разъ всѣ чары не произвели никакого впечатлѣнія на Николая Николаича: онъ уѣхалъ домой недовольный ею и полный мысли о своей маскѣ.

Непонятная для него самого напала на него сосредоточенность, потомъ опять отлегло отъ сердца, и онъ уже сталъ подшучивать надъ своей мизантропіей, какъ называлъ его расположеніе Петръ Сергѣичъ, когда насталъ день маскарада. Тутъ онъ сталъ опять не свой, и никакъ не могъ дождаться вечера.

Ужасно не хотѣлось ему брать съ собою въ Собранье жену. — Почему? Въ этомъ онъ себѣ не отдалъ отчета; но немного подумавъ, онъ основательно разсудилъ, что если и не возьметъ ее, это не помѣшаетъ ей быть въ Собраньи. Просить же ее, чтобъ она не ѣхала въ маскарадъ — на это не стало у него рѣшимости, да и казалось ему неловко.

Не было и девяти часовъ, а Замшинъ уже одѣлся. Марья Ивановна изъявила крайнее удивленіе его поспѣшности.

— Куда это ты съ этихъ поръ, помилуй! — сказала она. — И балъ еще не начинался, а я на балъ не поѣду.

Замшинъ согласился въ душѣ, что и ему былъ нуженъ маскарадъ, однакожъ на силу усидѣлъ дома.

Только-что ударило одинадцать, отъ принялся въ десятый разъ торопить жену. Та какъ-то странно улыбалась.

— Чему ты смѣешься? — спросилъ онъ, замѣтивъ ея улыбку.

— Откуда у тебя такая страсть къ Собранію?

— Не могу же я цѣлый день сидѣть дома.

— Ты и прежде, кажется, не засиживался.

— Что жъ ты ѣдешь, или нѣтъ?

Марья Ивановна, какъ будто нарочно, одѣвалась очень тихо и ни-

мало не спѣша; наконецъ, накинувъ домино, она вышла въ гостиную и, вмѣсто того, что-бы направиться къ передней, прехладнокровно сѣла. Николай Николаичъ смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Знаешь, Николай, мнѣ просто совѣстно — сказала она: — мнѣ кажется, ты только для меня ѣдешь; останемся, пожалуй.

— Оставайся, мнѣ все равно! — отвѣчалъ онъ, топнувъ ногой.— Я поѣду.

— Ну, такъ возьми ужъ и меня.

— Такъ ѣдемъ же, сдѣлай милость!

— Что это ты какой сердитый?

Николай Николаичъ не отвѣчалъ ни слова.

Въ Собраньи онъ по-неволѣ долженъ былъ ходить съ женой, и на бѣду не попадалось никого знакомаго, кому бы можно было поручить ее безъ нарушенія приличія. За то, предавшись своей главной мысли, онъ исходилъ съ нею по нѣскольку разъ и залы всѣ, и хоры. Искалъ онъ, разумѣется, свое черное домино. Но черныхъ домино опять было много, и ни одно не подходило къ нему, не оказывало даже вниманія къ его особѣ, а самому узнать не было никакой возможности. Наконецъ Марья Ивановна объявила, что устала, и сѣла. Замшинъ стоялъ возлѣ нея, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ подойдетъ къ нему его маска, и не зналъ, что тогда ему дѣлать съ женой: оставить ее одну было невозможно, а съ другой стороны не хотѣлось ему почему-то, чтобы она знала о его маскарадной встрѣчѣ. Подошелъ Семиградскій. Марья Ивановна, будто угадавъ мысль и желаніе мужа, встала и пошла съ Семиградскимъ. Замшинъ вздохнулъ свободно и снова началъ свои поиски.

Они оказались не безплодными: только-что онъ обошелъ одинъ разъ всѣ залы, его остановила маска, которую онъ съ перваго взгляда призналъ за свою незнакомку.

— Я ужъ думалъ, что ты исполнишь обѣщаніе не видаться со мною никогда, — сказалъ онъ.

— Т. е. ты хочешь сказать, что былъ увѣренъ въ противномъ. Я и сама знаю, что это ни на что не похоже ... т. е. то, что я дѣлаю. И, главное, въ то время, какъ ты ѣздишь по маскарадамъ съ женой?

— Это насмѣшка?

— Нимало.

— Почему жъ ты знаешь, что я пріѣхалъ съ женой?

— Знаю, я все знаю.

— Рѣшительно все?

— Спроси, о чемъ хочешь, что бы до тебя касалось. Ну, хочешь, я тебѣ скажу, гдѣ ты былъ въ прошлую середу?

— Хочу.

— Ты не разсердишься?

— За что жъ сердиться, если скажешь правду.

— У ***. — Она назвала ему женщину, обладавшую блистательною способностію разгонять какой угодно сплинъ.

Замшинъ сконфузился.

— Что за вздоръ! Кто тебѣ это сказалъ?

— Зачѣмъ-же ты сердишься? Я сама видѣла, какъ ты выходилъ отъ нея.

— Такъ ты живешь въ томъ же домѣ?

— Нѣтъ, я ѣхала мимо, и ты вышелъ.

— Почему же ты знаешь, что тутъ живетъ ***?

Маска не вдругъ отвѣчала. Въ головѣ Замшина мелькнуло непріятное подозрѣніе. Но маска нашлась скоро.

— Мнѣ бы не слѣдовало говорить это, но я ужъ зашла такъ далеко что останавливаться поздно. Когда ты вышелъ отъ ***, я велѣла остановить лошадей и послала узнать, кто тутъ живетъ.

Это было такъ лестно для самолюбія, что нельзя было Замшину не повѣрить; но въ то же время ему показалось невыгоднымъ, что маска узнала о томъ, гдѣ онъ бываетъ. Но онъ не умѣлъ вдругъ придумать, какъ поправить это дѣло.

Маска продолжала:

— Тебѣ очень нравится ***?

— Какъ тебѣ не стыдно говорить это!

— А тебѣ не стыдно къ ней ѣздить?

— Послушай, я — мужчина; ну, иногда скучно, не сидѣть же мнѣ цѣлый день съ-глазу-на-глазъ съ женой.

— И надо рыскать съ-утра-до-ночи, Богъ знаетъ гдѣ, Богъ знаетъ съ кѣмъ!

— Позволь мнѣ бывать у тебя, и я никуда, повѣрь, не поѣду.

— Прекрасно! За кого же ты меня считаешь?

— Какъ, за кого?

— Ты хочешь помѣстить меня въ число твоихъ прихотей, твоихъ минутныхъ интригъ!... Спасибо, Замшинъ, я отъ тебя этого не ожидала.

— Послушай, маска, ты и сама знаешь, что говоришь не то, что думаешь. Можно ли дѣлать такія сравненія!

— Т. е. ты хочешь сказать, что охотно промѣнялъ бы на меня всѣхъ женщинъ, которыхъ зналъ или знаешь?

— Я не умѣю отвѣчать на твои вопросы.

— Чего жъ тебѣ нужно?

— Чего мнѣ нужно? Странный вопросъ. Мнѣ нужно знать, кто ты, нужно тебя видѣть, всякій часъ, всякую минуту, потому-что... потому, что... я безъ тебя жить не могу!

— Какъ скоро! — отвѣчала, смѣясь, маска, — но рука ея дрожала, и Замшинъ, почувствовавъ это, все болѣе горячился.

— Клянусь тебѣ, я не шучу!

Маска молчала.

— По крайней мѣрѣ, сними маску, началъ онъ.

— Изволь! сказала она.

Въ эту самую минуту Замшинъ увидѣлъ идущаго къ нимъ на встрѣчу кавалера своей маски въ день перваго ихъ разговора.

— Мужъ мой! сказала маска съ досадой. Вернемся.

— И, кажется, съ моей женой! прибавилъ Замшинъ. Ея домино: рѣшительно это она. Стало, она его знаетъ?

— Не думаю. Можетъ быть, подошла поинтриговать, поманить

Маска оглянулась назадъ.

— Пойдемъ скорѣе, сказала она, они не отстаютъ отъ насъ. Послушай, подведи меня къ уборной: я войду, но не жди меня тутъ лучше, а пройдись хоть въ столовую, и минутъ черезъ десять вернись: я безъ тебя не выйду.

Замшинъ повиновался: у него пропала всякая способность къ собственному соображенію. Когда онъ подошелъ опять къ уборнымъ, у входа стоялъ незнакомецъ, мужъ его маски. Увидѣвъ его, этотъ господинъ какъ-будто улыбнулся. Съ какимъ удовольствіемъ привязался бы къ нему Замшинъ, но онъ боялся испортить все дѣло, и ждалъ.

Изъ уборной вышли въ одно время двѣ маски: его взяла подъ руку жена, а маска, съ которою ходилъ онъ, взглянувъ на него однакожъ, пошла съ своимъ мужемъ. Замшинъ былъ внѣ себя отъ досады.

— Скажи, пожалуйста, ты ходила съ этимъ уродомъ? спросилъ онъ жену.

— Ходила, отвѣчала она.

— Ты его знаешь?

— Въ первый разъ видѣла сегодня.

— Но его фамилія?

— И этого не знаю. Присталъ Семиградскій, чтобъ я походила съ нимъ: я поняла, что онъ ухаживаетъ за его женой.

— А-а-а! протяжно замѣтилъ Николай Николаичъ. — Мнѣ бы хотѣлось, однакожъ, видѣть Семиградскаго.

— Онъ простился со мною и уѣхалъ.

— Такъ поѣдемъ домой; или нѣтъ, обойдемъ еще разъ Собранье.

— Изволь, мнѣ все равно.

— Можетъ, Семиградскій еще не уѣхалъ.

Замшинъ гораздо менѣе искалъ, разумѣется, Семиградскаго, нежели свою маску, хотя и не надѣялся въ этотъ вечеръ опять говорить съ ней. Но и она, и кавалеръ ея, по всему вѣроятію, уѣхали. Поѣхали и Замшины.

Николай Николаичъ былъ рѣшительно влюбленъ, влюбленъ, какъ только могъ онъ влюбиться, гораздо больше и сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, чѣмъ передъ свадьбою въ Марью Ивановну. Таинственность маскараднаго знакомства, до невѣроятности простые, даже глупые случаи, по которымъ онъ былъ лишенъ до-сихъ-поръ малѣйшей возможности узнать, кто такая его маска, или, по крайней мѣрѣ, кто такой ея кавалеръ, котораго она называла мужемъ, эти два обстоятельства, въ соединеніи съ серьёзно-искреннимъ тономъ маски, до-нельзя дразнившія его любопытство и льстившія его самолюбію, поддерживали въ немъ сладкую и мучительную мысль, что женщина, скрывающаяся подъ маской, больше, чѣмъ не равнодушна къ нему; а этого было достаточно, чтобъ раздуть до пламени искру чувства или чувствительности, которую всегда зароняло въ него первое столкновеніе съ женщиной, мало-мальски выходящей изъ обыкновеннаго ряду. Онъ, въ этомъ отношеніи, былъ такъ-же молодъ, какъ и во всѣхъ другихъ. Тѣмъ болѣе нужно ему было повѣрить кому нибудь «тайну сердца». Но кому повѣрить? Женѣ?—ни за что. Явился неизбѣжный, неизмѣнный Петръ Сергѣичъ. Чего-жъ было лучше! Петръ Сергѣичъ, войдя въ кабинетъ Замшина, началъ было упрекать его, что его не видать нигдѣ, сталъ высказывать, кто о немъ спрашивалъ; но Замшинъ, не дослушавъ его, перебилъ и принялся за свое признаніе. Все разсказалъ онъ Лычкову, почти отъ слова до слова, что было между нимъ и маской. Петръ Сергѣичъ выслушалъ его со вниманіемъ, и наконецъ хладнокровно спросилъ:

— Ты кончилъ?

— Кончилъ.

— А съ маской своей кончилъ?

— Помилуй, какъ кончилъ!

— Нѣтъ? Такъ совѣтую кончить.

— Да, но какъ кончить?

— Не обращать на нее вниманія, а если она опять явится къ тебѣ съ своими объясненіями, раскланяться.

— Что ты, помилуй!

— А ты намѣренъ продолжать?

— Ты сегодня говоришь ужасныя глупости.

— Это мое правило: говорить ихъ, но не дѣлать; оттого я спокой-

но сплю. Прощай, любезнѣйшій: я ѣду ѣсть устрицы.

— Погоди, ради Бога!

— Чего-жъ ты хочешь отъ меня?

— Скажи, что̀ мнѣ дѣлать.

— Изволь. Поѣдемъ ѣсть устрицы.

Николай Николаичъ ужасно разсердился и началъ говорить Петру Сергѣичу колкости.

— Видишь, какой ты чудакъ: дѣлаешь или затѣваешь глупости, а за пріятельскіе совѣты, которыхъ самъ требуешь, сердишься, бранишься, и портишь себѣ аппетитъ. Я увѣренъ, ты сегодня ничего не ѣлъ?

— Нѣтъ, простодушно отвѣчалъ сконфуженный Замшинъ.

— Ну, и я тоже. И потому, прощай.

Когда неумолимый Петръ Сергѣичъ уѣхалъ, Замшинъ придумалъ—что же? Идти къ тому дому, гдѣ жила ***, въ надеждѣ, что можетъ быть, почему бы то ни было, проѣдетъ мимо его маска; проѣхала-же она тогда, отчего-жъ не проѣхать ей и сегодня? А можетъ быть, нарочно проѣдетъ? «Но какъ я узнаю ее?» говорилъ онъ самъ съ собою: «Узнаю, вздоръ! а можетъ и сама подзоветъ: что мудренаго!» Естественно и легко было ему, въ его настроенности, тѣшить себя этими надеждами.

Морозъ былъ преизрядный; не смотря на это, Николай Николаичъ долго прогуливался подъ окнами ***, переходилъ съ одной стороны улицы на другую, заглядывалъ на всѣ проѣзжавшіе сани, во всѣ кареты, гдѣ сидѣли дамы, и не разъ готовъ былъ подбѣжать къ той или другой, въ полной увѣренности, что узналъ свою маску. Не подбѣжалъ, однакожъ, ни къ однимъ санямъ, ни къ одной каретѣ: всѣ ѣхавшіе мимо женщины смотрѣли на него по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ на нихъ, но всѣ продолжали свою дорогу, и онъ долженъ былъ вернуться домой, и вернулся, не зайдя даже къ ***. На другой и третій день онъ повторилъ свою мучительную прогулку, и, кромѣ того, не выходилъ почти изъ дома до урочнаго вечера.

Въ день Собранья, въ десятомъ часу онъ уже отправился. Пріѣзжаетъ. Швейцаръ подаетъ ему записку. Стоило взглянуть ему на конвертъ, маленькій, атласный и раздушеный, чтобъ догадаться, что въ немъ кроется посланіе отъ его маски. Кто, если не она, могъ писать къ нему? Рука была ему вовсе незнакома. Съ тайнымъ трепетомъ сорвалъ онъ облатку, на которой не было, увы! и начальныхъ буквъ какихъ нибудь. Каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ прочелъ слѣдующее:

«Ты, я знаю, будешь въ Собраньи, не жди меня, я нездорова. Но въ будущій разъ, пріѣду непремѣнно. Не мучься по пустому. Я тебя *люблю*: довольно съ тебя. Потерпи недѣлю, и узнаешь меня. Записку,

разумѣется, сожги, и не дѣлай никакихъ глупостей, а пуще всего, если дорожишь своей маской, брось совсѣмъ свою прежнюю жизнь: до чего довела она тебя, до чего еще можетъ довести? Займись покуда своими дѣлами: я этого хочу, я этого требую, слышишь! Или, не увидишь меня никогда. До вторника.»

Досадно, страшно досадно было Замшину, но увѣренность, что онъ увидитъ скоро свою маску, что наконецъ узнаетъ ее и слово «люблю», дважды подчеркнутое, вполнѣ вознаградили его за неудовольствіе. Не мѣшало, однакожъ, думалъ онъ, пройтись по Собранью, гдѣ можно встрѣтить мужа незнакомки и стороной узнать хоть его фамилію. Но господина въ пестромъ жилетѣ не оказалось, и Замшинъ поѣхалъ домой, если и не совсѣмъ довольный своимъ вечеромъ, за то съ удивительно-сладкими надеждами.

На другой день, машинально повинуясь полученному въ запискѣ приказанію, онъ написалъ, можетъ быть не совсѣмъ толковое, по крайней мѣрѣ довольно-длинное, письмо къ своему управляющему, въ которомъ спрашивалъ подробно о разныхъ пунктахъ хозяйства, а денегъ требовалъ, «если есть». Письма этого онъ не утаилъ отъ Марьи Ивановны, которая не могла скрыть своего удовольствія. И вообще онъ сталъ особенно нѣженъ и внимателенъ къ женѣ. Замѣчено не разъ, что влюбленные обыкновенно добры и ласковы ко всѣмъ, ихъ окружающимъ; любовь, серьёзна она или нѣтъ, есть одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя наполняютъ всего человѣка и не оставляютъ мѣста ничему, а менѣе всего дурнымъ ощущеніямъ, кромѣ, разумѣется, излишней подозрительности или ревности во всемъ, что касается до любимаго человѣка. Но развѣ это чувство не есть натуральная изнанка любви? — Марья Ивановна разцвѣла, какъ въ первое время замужества. Замшинъ, видя веселое расположеніе жены, ея душевное спокойствіе и беззаботность, словомъ, всѣ признаки счастія, все болѣе упрекалъ себя за нее — не въ прошлой своей жизни, а въ томъ, что теперь долженъ былъ скрывать отъ нея чувство, разгорѣвшееся не на шутку — и отъ этого удвоивалъ внимательность и нѣжность. Иногда онъ посматривалъ на жену изъ подлобья, боясь встрѣтить насмѣшливую улыбку, боясь, чтобъ она не угадала его тайны; у Марьи Ивановны какъ будто была своя тайна, и эта тайна, разъ или два, повидимому, готова была сорваться у нея съ языка.

Горячо желанный вторникъ подошелъ почти незамѣтно: нетерпѣніе Николая Николаича дремало подъ безпрестанный лепетъ сладкаго ожиданія... Такъ дремлетъ котъ, котораго гладятъ по шерсти, или покуда тихо чешутъ ему голову; но перестаньте чесать, или погладьте противъ шерсти—сейчасъ онъ откроетъ глаза и осмотрится подозрительно...

— Поѣдешь ты въ Собранье? спросила, во вторникъ утромъ, Марья Ивановна.

— Не знаю, отвѣчалъ Николай Николаичъ, какъ будто не нарочно закрывъ лицо рукой.

— Я тоже не думаю ѣхать. А если вздумается, найду съ кѣмъ.

Николай Николаичъ молчалъ, но сейчасъ-же послѣ обѣда, чтобъ почему-нибудь не вздумалось женѣ ѣхать съ нимъ, одѣлся, какъ нужно было для вечера, и уѣхалъ изъ-дому. Мудрено повѣрить, что нѣсколько часовъ сряду, отдѣлявшихъ его отъ самого интереснаго часа, онъ провелъ не у Петра Сергѣича и ни у кого изъ своихъ знакомыхъ или пріятельницъ, изъ которыхъ ни души не видалъ болѣе двухъ недѣль, а одинъ-одинёшенекъ въ кондитерской, гдѣ даже нельзя было ему курить и онъ по неволѣ долженъ былъ ограничиться чтеніемъ, вовсе его незанимавшимъ, иностранныхъ газетъ. За то и читалъ онъ, какъ извѣстный спутникъ и камердинеръ Чичикова, и едва-ли не все одну и ту-же страницу.

Пробило одиннадцать. Николай Николаичъ съ намѣреніемъ промучилъ себя полчаса еще, и поѣхалъ въ Собранье.

Очень скоро подошла къ нему маска. Сначала они оба молчали: въ Замшинѣ это происходило отъ сильнаго внутренняго волненія.

— Я тобой довольна, сказала маска.

— Зачѣмъ-же такъ мучить? отвѣчалъ онъ отъ чистаго сердца.

— Мучить! А ты думаешь я не мучилась.

— Я цѣлую недѣлю высматривалъ тебя на *** улицѣ, знаешь, гдѣ живетъ *** ?

— Ха, ха, ха! Это съ какой стати?

— Думалъ, не проѣдешь ли ты?

— Ха, ха, ха!

— И ты смѣешься.

— Ха, ха, ха!

— А обѣщанье?

— Мнѣ хочется помучить тебя еще.

— За что, помилуй? и такъ, кажется, довольно.

— За эту глупость, которой я и не знала.

— И я-же виноватъ!

— Разумѣется, ты: ты во всемъ виноватъ.

— Ну, хорошо: я готовъ взять на себя все, все, что тебѣ угодно, только сними маску.

— Изволь, но съ условіемъ.

— Что хочешь!

— Во-первыхъ, ты долженъ мнѣ обѣщать не сердиться на меня,

кто-бъ я ни была, хороша ли я или дурна, знакома тебѣ или нѣтъ.

— Даю честное слово.

— Во-вторыхъ, ты исполнишь все, о чемъ-бы я ни попросила.

— Честное слово!

— Или нѣтъ: послѣ будетъ поздно; не понравлюсь я тебѣ, — и тогда ищи тебя.

— Маска, да пощади меня.

— Сдѣлаемъ напередъ условіе. Дай мнѣ слово, но, знаешь, серьёзно, не то, что называется parole de bal masqué, что въ концѣ этой недѣли, или хоть не позже будущей, ты уѣдешь въ деревню.

Голосъ маски дрожалъ. Замшинъ пришелъ въ совершенное замѣшательство.

— Какъ въ деревню! Стало, ты смѣешься надо мной.

— Нимало.

— Куда-жъ въ деревню, — въ мое имѣніе?

— Въ твое имѣніе.

— Ну, а ты? Ты, стало быть, изъ нашихъ мѣстъ? спросилъ онъ, обрадованный своей догадливостью.

— Изъ вашихъ мѣстъ. Такъ что-жъ, ѣдешь въ деревню?

— Ѣду, но и ты поѣдешь?

— И я поѣду.

— Скоро?

— Это будетъ зависѣть отъ тебя.

— Ѣду, ѣду, честное слово—завтра-же!

Между тѣмъ, какъ Замшинъ ломалъ себѣ голову, чтобъ разрѣшить вопросъ, кто бы могла быть эта маска изъ его сосѣдокъ, они вошли въ полу-темную, круглую залу. Дама сѣла на диванъ. Замшинъ стоялъ передъ нею, готовясь упасть на колѣна, благо въ комнатѣ никого не было.

— Смотри-же, не сердиться! сказала еще разъ маска.

— Полно, полно, ради Бога!

Маска спала.

И Замшинъ упалъ, только не на колѣна, а на диванъ.

— Маша, какъ тебѣ не стыдно! могъ только проговорить онъ нѣсколько секундъ спустя.

— Вотъ видишь: ты ужъ и сердишься! отвѣчала Марья Ивановна, у которой на глазахъ были слезы: я это знала.

— Нѣтъ, нѣтъ! прервалъ онъ новое молчаніе, прости меня, ради Бога. Я теперь все понялъ. Я былъ пустой человѣкъ, я былъ недостоинъ тебя, я самъ себѣ гадокъ, увѣряю тебя; но клянусь всѣмъ святымъ, памятью отца и матери, что ты съ завтрашняго же дня не узнаешь меня. Ахъ я дуракъ, дуракъ!

— Такъ ты не сердишься на меня? весело спросила Марья Ивановна.

— Я? Какъ тебѣ не грѣхъ!

— Такъ пойдемъ ужинать.

— Не хочу : поужинаемъ дома.

— Ну, такъ обойдемъ разъ залу — для меня

— Все, что ты хочешь, но...

— Я надѣну маску, будь покоенъ.

Они вошли въ большую залу, и когда встрѣтились съ господиномъ, котораго фамилію прежде такъ нужно было знать Николаю Николаичу, Марья Ивановна сказала въ полголоса два слова этому господину. Замшинъ это едва замѣтилъ.

— Ѣдемъ, сказала Марья Ивановна.

Только-что они у подъѣзда своего дома вышли изъ кареты, подъѣхала другая карета.

— Это кто еще? сказалъ Замшинъ. Ужъ не сумасшедшій-ли Петръ Сергѣичъ. Сказать, что меня нѣтъ дома! приказалъ онъ слугѣ.

Но въ сѣняхъ, вслѣдъ за ними, послышались два голоса, вовсе незнакомые Николаю Николаичу.

Онъ вошелъ съ женою въ залу и обернулся. Передъ нимъ стоялъ неизвѣстный господинъ и сопровождавшая его въ Собраньи маска, въ которой онъ тотчасъ-же узналъ вторую сестру своей жены.

— Рекомендую тебѣ твою маску перваго маскарада, и—ея мужа.

Замшинъ бросился цѣловать невѣстку, а мужу ея протянулъ руку, которую тотъ отъ души пожалъ.

Тутъ только замѣтилъ Николай Николаичъ, что на сестрѣ Марьи Ивановны было то самое домино, въ которомъ выѣхала намедни съ нимъ жена.

— Ужинать, ужинать! закричала Марья Ивановна.—Я хочу ужинать, и не иначе, какъ съ шампанскимъ!

— У меня нѣтъ ни гроша! простодушно замѣтилъ Николай Николаичъ.

— А я-то на что? отвѣчала Марья Ивановна, нѣжно цѣлуя мужа. Я давно купила шампанскаго для сегоднишняго дня.

Ужинъ былъ удивительно-веселъ. Провинціалъ, какъ назвалъ мужа Катерины Ивановны Петръ Сергѣичъ, оказался простымъ и добрымъ человѣкомъ. Марья Ивановна была мила до-нельзя. Николай Николаичъ сначала все казался неловокъ какъ-то, но когда явилось шампанское и онъ выпилъ два стакана, совершенно вошелъ въ свою тарелку, и обратился къ женѣ:

— Скажи-же, пожалуйста, Маша, какъ это было: я понялъ, но не все.

— Очень просто! отвѣчала Марья Ивановна. — Въ тотъ самый

день, когда я просила тебя въ первый разъ взять меня въ Собранье, я получила утромъ извѣстіе, что пріѣхала Катя съ мужемъ. Ты уѣхалъ съ Петромъ Сергѣичемъ, а я—къ нимъ. У меня ужъ была мысль заинтриговать тебя въ Собраньи, но я не знала, удастся-ли она мнѣ: во-первыхъ, ты рѣдко или совсѣмъ не ѣздилъ въ Собранье; во-вторыхъ, мнѣ нужно было узнать навѣрное, не занятъ-ли ты кѣмъ нибудь серьёзно. Теперь обо всемъ можно говорить. Я пріѣхала къ сестрѣ, разсказала ей все, ну, знаешь, все что было и теперь, слава Богу, прошло. Сказала ей и о моемъ планѣ, и просила совѣта. Она ничего не успѣла отвѣчать мнѣ рѣшительнаго, но вдругъ ей пришло въ голову непремѣнно ѣхать въ Собранье въ тотъ-же вечеръ. Домино было готово, и она поѣхала съ мужемъ. Звали и меня, мнѣ не хотѣлось. Случилось, что ты былъ въ Собраньи. Катя тебя узнала, и подошла. Разговоръ ея ты помнишь. На другое утро она прислала за мной и передала мнѣ его, ручаясь, притомъ, что ты никѣмъ не занятъ особенно: она поклялась мнѣ. Я просила ее и мужа не ѣздить къ намъ, а тебѣ о ихъ пріѣздѣ не сказала. Случилось такъ, что не отъ кого было тебѣ услышать о нихъ. Я сговорилась въ будущій разъ ѣхать съ ней вмѣстѣ въ маскарадъ, тамъ въ уборной обмѣнялись мы нашими домино,—и я подошла къ тебѣ. Мы одного роста, въ голосѣ разница небольшая,—все это я разсчитала, и мнѣ не трудно было обмануть тебя; впрочемъ, я старалась говорить не натуральнымъ голосомъ. Когда я въ первый разъ намекнула тебѣ на ... твой образъ жизни, ты такъ было взглянулъ на меня, что я боялась, чтобъ ты не узналъ меня, но какъ-то во-время закрылась платкомъ ...

— Что-жъ это за корона была у тебя на платкѣ? Она-то меня и сбила, — прервалъ Николай Николаичъ.

— Какая корона? — спросила Марья Ивановна. — Платокъ былъ сестринъ: изъ кармана ея домино.

— Вообрази, Маша, я въ этотъ день въ уборной обмѣнила платокъ съ какой-то маской, — сказала Катерина Ивановна.—Я и забыла тебѣ сказать. Какъ это вышло кстати!

— А я и не замѣтила, отвѣчала Марья Ивановна, и продолжала: во второй разъ, когда мы поѣхали вмѣстѣ, ты оттого такъ долго ждалъ меня, что нужно же мнѣ было отойти отъ тебя и обмѣняться костюмомъ съ сестрой ... Когда явился Семиградскій, который, впрочемъ, ничего не зналъ и не знаетъ, я отыскала Катю и мы переодѣлись. Я обѣщала тебѣ снять маску, но знала напередъ, что не исполню этого, а не хотѣла исполнить оттого, что я еще несовсѣмъ была довольна тобой, и ты казался мнѣ недовольно занятъ мною, недовольно заинтригованъ. Я нарочно сдѣлала знакъ сестрѣ, чтобъ онине

отставали отъ насъ: она видѣла, какъ я вошла въ уборную, и, по уговору пришла туда-же. Мы переодѣлись, и я уѣхала съ тобой домой. Записку, которую отдалъ тебѣ швейцаръ, писала сестра, а диктовала, разумѣется, я. Ты понимаешь, что мнѣ нужно было хорошенько испытать тебя, отъучить отъ разныхъ знакомствъ. Да; во второе наше свиданіе, когда я сказала тебѣ, что знаю, что ты былъ у *** (что ты самъ же мнѣ сказалъ, помнишь?), а ты спросилъ: «почему?» я было чуть-чуть не растерялась; но когда я сказала, что проѣзжала мимо, видѣла, какъ ты выходилъ, и послала спросить кто тутъ живетъ, ты мнѣ повѣрилъ. Но этотъ визитъ къ *** былъ послѣдній: я это знала, потому-что дома ты мнѣ говорилъ все, кромѣ нашихъ маскарадныхъ разговоровъ. Не такъ ли? Когда я увидѣла, что ты бросилъ все свое прежнее знакомство, прежнюю жизнь, и наконецъ, послѣ моей записки, даже написалъ довольно-серьёзное письмо къ управляющему ..

— Который до сихъ поръ не шлетъ денегъ, разбойникъ! перебилъ Николай Николаичъ, такъ-что, еслибъ не ты, не чѣмъ было бы встрѣтить гостей ...

— Прислалъ, перебила его въ свою очередь Марья Ивановна: — я получила повѣстку послѣ обѣда: тебя ужъ не было дома.

— Мы, значитъ, выпьемъ еще шампанскаго, сказалъ Николай Николаичъ, и ты выпьешь въ наказаніе за то, что скрыла отъ меня повѣстку.

— Я звала тебя ужинать въ Собраньи.

— И какъ ты думаешь, отчего я не пошелъ?

— Оттого, что не было денегъ.

— Ну, положимъ, положимъ. Но все-таки вѣдь надо выпить еще шампанскаго: я съ нынѣшняго вечера не пью его, кромѣ торжественныхъ случаевъ.

Принесли шампанскаго, Марья Ивановна продолжала:

— Все остальное ты знаешь, но ты не можешь вообразить себѣ, въ какомъ я была положеніи, когда ты пересталъ бѣгать изъ дома, и написалъ въ деревню, т. е. что я чувствовала: и совѣстно-то мнѣ было, и боялась я, что ты разсердишься, а разъ чуть-чуть не призналась тебѣ во всемъ .. Не знаю ужъ, какъ я выдержала ... Все кончено, слава Богу!...

— И мы завтра же ѣдемъ въ деревню, — заключилъ Николай Николаичъ.

Черезъ три дня они, дѣйствительно, уѣхали, и то потому, что нельзя было не сдѣлать кое-какихъ распоряженій ...

»Скучная и старая исторія!»— замѣтитъ здѣсь, пожалуй, иной читатель. Перваго, господа, не говорите никогда разскащику, потому-что онъ не властенъ на это отвѣчать вамъ. На второе, на то, что моя исторія старая, я скажу да, и нѣтъ: — потому-что, какъ извѣстно вамъ,

«Ничто не ново подъ луною;
«Что было, есть и будетъ ввѣкъ:» —

нѣтъ потому-что не всѣ исторіи, начавшіяся подобно предлагаемой, подобно ей кончаются. Будь это иначе, не попадались бы намъ безпре-

станно Иваны Петровичи, Петры Иванычи, Иваны Иванычи и Петры Петровичи со всей ихъ жалкой братіей. Не такъ ли, читатель?

А вотъ, неугодно-ли, и эпилогъ къ моему разсказу.

Десять лѣтъ спустя любо было взглянуть на Замшиныхъ. Они провели все это время въ деревнѣ, почти безвыходно. Марья Ивановна постарѣла, разумѣется, но Николай Николаичъ увѣряетъ, что она хорошѣетъ съ каждымъ ребенкомъ, а у нихъ не давно родился четвертый. Самъ Николай Николаичъ сдѣлался отличнымъ хозяиномъ. Одно странно: Николай Николаичъ терпѣть не можетъ маскарадовъ, и утверждаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, никто не могъ выдумать ничего глупѣе ... Но найдите же человѣка, который бы вспомнилъ съ благодарностію о горькомъ лекарствѣ, хотя бы оно спасло его отъ смерти! .

Петръ Сергѣичъ не бранитъ и продолжаетъ посѣщать маскарады, хотя и рѣже прежняго, но все-таки ѣздитъ, потому-что этого хочетъ его жена. Онъ женился на одной своей давнишней пріятельницѣ, которая въ маскарадахъ удивительно интригуетъ кого угодно, только не его. ... За то француженка! Et quel chic!

... Въ заключеніе спектакля мнѣ непремѣнно хочется сказать и нравоученіе къ моему разсказу. Вотъ оно:

Вы, читательницы, хороши и умны; не забудьте же, если Богъ пошлетъ вамъ мужа слишкомъ молодого и вѣтрянаго, что средства исправить его и прочно привязать къ себѣ въ вашихъ рукахъ. Когда первый жаръ его къ вамъ пройдетъ, вы, я знаю, хоть и грустно будетъ вамъ, не станете искать себѣ посторонняго утѣшителя: нѣтъ, этого вы не сдѣлаете — вы не эксцентрическая женщина, не выродокъ изъ лучшей половины человѣчества; но мало и этого одного: нужно еще не плакать, не отчаяваться, не жаловаться, а твердо и терпѣливо дѣйствовать, помня всегда, старинную поговорку «Ce que femme veut, Dieu le veut» сказана которая о женщинѣ умной и ... правой. Послушайтесь моего совѣта и повѣрьте, мужъ вашъ никогда не поѣдетъ въ театръ съ Каролиной Карловной и не будетъ жить съ вами, на разныхъ половинахъ ... И вы дружно доживете съ нимъ вѣкъ.

... Вы, читатель, если вы молоды, влюбляйтесь на балѣ, женитесь на другой день, но пошли вамъ только Богъ жену умную — и тогда нечего бояться вамъ за будущее: ни молоды вы, сколько ни попадайся вамъ на пути Петровъ Сергѣичей, ото всего спасетъ васъ умная жена, если любили вы ее хоть мигъ одинъ. Отъ глупой жены да сохранитъ васъ судьба! Хуже глупой жены можетъ быть только жена-поэтъ или жена — синій-чулокъ, но это ужъ такія напасти, которыя, какъ моровая язва, посылаются человѣку за грѣхи ...

Я не даю вамъ совѣта не жениться на француженкѣ, т. е. на одной изъ тѣхъ, которыхъ видимъ мы здѣсь, въ Петербургѣ и Москвѣ; вы и сами этого не сдѣлаете. Развѣ вы Петръ Сергѣичъ? ...

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

СПОНТИНИ

И

ЕГО МУЗЫКА.

Въ началѣ истекшаго года скончался знаменитый композиторъ, пользовавшійся въ свое время (во второмъ и третьемъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка) славою *первъйшаго*, по части лирической трагедіи; «lyricae tragoediae princeps» — какъ величаетъ его медаль, выбитая въ честь его, въ Германіи, въ 1829 году.

«Угасло еще одно свѣтило на музыкальномъ горизонтѣ» — выражается одна французская музыкальная газета, по случаю смерти Спонтини (La France musicale, 1851. № 6): «скончался композиторъ, «котораго имя останется *на ряду* съ безсмертными именами Моцарта, «Бетховена и Россини. Важная потеря для искусства, которое доведено «имъ до высшихъ предѣловъ. Его «Весталка» и «Фернандо Кортесъ» не «умрутъ: съ нихъ началась новѣйшая школа драматической музыки.»

Композиторъ, о которомъ такимъ образомъ выражаются *современные* намъ музыкальные журналы, который дѣйствительно сіялъ на музыкаль-

номъ горизонтѣ, какъ свѣтило первой величины, до появленія Россини, конечно заслуживаетъ, чтобы сказать о немъ нѣчто болѣе обыкновеннаго некролога. Извѣстное дѣло, что успѣхъ или неуспѣхъ, долгая или эфемерная слава, не всегда бываютъ въ *прямой* пропорціи къ достоинству художественныхъ произведеній, или къ общей дѣятельности художника, а напротивъ того, зависятъ отъ столкновенія бездны причинъ и обстоятельствъ, иногда, въ отношеніи искусства, совсѣмъ постороннихъ. Желая, по случаю множества являющихся теперь статей о Спонтини, дать читателямъ полный, по возможности, обзоръ дѣятельности этого знаменитаго композитора, и вѣрный, сколько намъ удастся, взглядъ на характеръ и достоинство главныхъ его произведеній, и на мѣсто, занимаемое имъ въ искусствѣ, мы никакъ не ограничимся біографическими фактами, не богатыми разнообразіемъ, какъ въ жизни бо̀льшей части художниковъ, которыхъ жизнь вся въ ихъ твореніяхъ, не ограничимся и перечнемъ произведеній съ прибавленіемъ коротенькихъ замѣчаній объ успѣхѣ или неуспѣхѣ. По нашему мнѣнію, такого рода «послужные списки» художниковъ могутъ быть очень у мѣста въ книгахъ *справочныхъ*, въ біографическихъ и музыкальныхъ словаряхъ, но не могутъ имѣть никакой занимательности какъ статьи литературно-художественныя. Для того, чтобъ сдѣлать настоящую оцѣнку произведеній художника, независимо отъ болѣе или менѣе ложнаго *современнаго* успѣха, независимо отъ болѣе или менѣе *пристрастнаго* взгляда современныхъ художнику другихъ художниковъ и критиковъ искусства, не всегда руководимыхъ справедливостью и стремленіемъ къ истинѣ, по нашему мнѣнію, всего важнѣе, во–первыхъ: опредѣлить точку развитія искусства, на которой засталъ его художникъ въ эпоху настоящей своей дѣятельности, чтобы ясно видѣть, что̀ принадлежитъ *его эпохѣ*, и что́ собственно *ему;* во-вторыхъ: изъ подробнаго, отчетливаго разбора *главныхъ* (если не всѣхъ) произведеній художника, вывести характеръ его таланта и показать, какое этотъ талантъ имѣлъ вліяніе на искусство (въ томъ случаѣ, если имѣлъ); вліяніе благодѣтельное для успѣховъ искусства, или вредное (хоть на время), на сколько и въ чемъ именно, въ томъ и въ другомъ случаѣ. Но ясно, что *такого рода* критическая оцѣнка произведеній Спонтини не можетъ быть сдѣлана безъ отступленія въ область общей музыкальной критики. Это необходимо, чтобъ показать, въ чемъ состоялъ *идеалъ* серьёзной, трагической оперы въ эпоху, современную Спонтини, и на сколько его произведенія отвѣчаютъ этому идеалу; далѣе, въ чемъ состоитъ *идеалъ* трагической оперы въ *наше* время и согласны ли съ этимъ идеаломъ оперы Спонтини, т. е. должны ли онѣ являться на

современныхъ сценахъ или принадлежатъ уже архивамъ искусства. Читатели да не сочтутъ *лишними* многихъ страницъ, которые мы должны будемъ святить изложенію нашихъ понятій объ оперной музыкѣ, о ея совершенствѣ *идеальномъ* и несовершенствахъ *реальныхъ*, и объ участи оперы въ наше время вообще. Безъ этого, для насъ кажется рѣшительно невозможнымъ и безцѣльнымъ говорить о произведеніяхъ Спонтини со стороны ихъ значенія въ исторіи искусства. Для показанія вліяній, которымъ художникъ подчинялся въ продолженіе своей дѣятельности, его, такъ сказать, *родственной* связи (filiation) въ отношеніи къ его предшественникамъ, для показанія внѣшнихъ обстоятельствъ, внѣшней обстановки жизни, которая не могла не отразиться и въ произведеніяхъ — *біографія* становится необходимою, а потому мы съ нея и начнемъ, предваривъ читателей, что въ отношеніи біографическихъ подробностей будемъ пользоваться всѣми лучшими источниками (которыхъ, впрочемъ, немного и всѣ очень неполны и недостаточны). Для эстетической же части нашей статьи и для разбора главныхъ партитуръ Спонтини, мы не будемъ и не можемъ пользоваться ничѣмъ, кромѣ *самихъ этихъ партитуръ* и общей философіи искусства.

О Спонтини было писано довольно (особенно въ Германіи, даже въ послѣднее время), но по многимъ, весьма уважительнымъ причинамъ, не все, что̀ писано, можетъ имѣть для насъ большую цѣну. Въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, пускай само дѣло говоритъ за себя, пускай произведенія Спонтини сами за себя отвѣчаютъ.

Гаспаръ Спонтини родился, 14 ноября 1779, въ Маіолати близъ Гези, въ Анконской провинціи. О его дѣтствѣ, первоначальномъ воспитаніи и о томъ, какъ рано появилась въ немъ склонность къ музыкѣ, не сохранилось никакихъ подробностей (да это и не такъ важно). Музыкальное его поприще начинается однако весьма рано, а именно: когда ему было двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, онъ былъ отправленъ въ Неаполь, чтобы поступить въ тамошнюю консерваторію della Pieta (1791), бывшую подъ управленіемъ знаменитыхъ профессоровъ. Но кто именно былъ первымъ и главнымъ учителемъ Спонтини изъ извѣстныхъ въ то время музыкальныхъ педагоговъ, также неизвѣстно достовѣрно, потому-что въ біографіи его вкрались многія ошибки. Неизвѣстенъ также и поводъ поступленія Спонтини въ неаполитанскую консерваторію, т. е. какъ говоритъ Берліозъ «неизвѣстно, было ли это

желаніе самого мальчика, или здѣсь проявилась мысль не совсѣмъ достаточныхъ его родителей, отворявшихъ сыну дверь знаменитой школы музыки, съ цѣлію выхлопотать ему впослѣдствіи скромное званіе капельмейстера въ какомъ-нибудь второклассномъ монастырѣ.» Берліозъ склоняется на послѣднюю гипотезу, основывая ее на расположеніи къ духовной жизни, которымъ отличались прочіе члены семейства Спонтини. Молодой Гаспаръ Спонтини занимался въ Неаполитанской консерваторіи, какъ видно, съ большимъ успѣхомъ, потому — что *черезъ годъ* получилъ званіе primo maestro, (что значило впрочемъ только «первый, первоначальный учитель, репетиторъ»), а въ 1795 году, т. е. 16-ти лѣтъ, написалъ первую свою оперу I puntigli delle donne.» Эта опера была представлена на одномъ изъ маленькихъ неаполитанскихъ театровъ, и принадлежала (какъ и многія послѣдующія произведенія Спонтини до самой «Весталки») къ пустымъ, рутиннымъ произведеніямъ *тогдашняго* итальянскаго вкуса, пристрастнаго (какъ и въ позднѣйшія времена) къ блестящей вокализаціи на незатѣйливыя сценическія положенія и къ совершенной подчиненности оркестра и гармоніи вообще мелодическому интересу, (каковъ бы онъ ни былъ). «Тѣмъ не менѣе,—говоритъ Берліозъ,—первый опытъ внушилъ столько самонадѣянности композитору, что онъ бѣжалъ изъ консерваторіи въ Римъ, надѣясь въ этомъ городѣ получить еще болѣе успѣха, какъ оперный maestro. — Бѣглецъ былъ пойманъ, и подъ опасеніемъ быть отправленнымъ въ Неаполь, какъ бродяга, поплатился новою оперою. Опера была написана для карнавала, на скорую руку, на либретто «Gli amanti in cimento» и имѣла успѣхъ. Публика, — какъ обыкновенно бываетъ въ Италіи въ подобныхъ случаяхъ, — была въ восторгѣ отъ новаго композитора. Его юный возрастъ, а также и эпизодъ бѣгства изъ консерваторіи, расположили дилеттантовъ въ его пользу. Спонтини былъ оглушенъ рукоплесканіями; его вызывали безчисленное множество разъ, носили съ тріумфомъ и ... чрезъ двѣ недѣли—забыли. По крайней мѣрѣ, этотъ эфемерный успѣхъ доставилъ ему свободу — такъ какъ онъ уволенъ былъ отъ обязанности снова вступить въ консерваторію и получилъ выгодное приглашеніе въ Венецію—*писать*.» Въ Венеціи онъ сочинилъ оперу «l'Amor segreto.» Возвратившись въ Римъ, въ 1797, онъ тамъ написалъ (на либретто Метастазіо) «l'Isola disabitata» для театра въ Пармѣ, но не могъ отправиться въ Парму, чтобъ ставить эту оперу, потому-что получилъ приглашеніе изъ Неаполя, гдѣ и поставилъ еще оперу «l'Eroismo ridicolo.» Приглашенный во Флоренцію, въ 1798, онъ далъ тамъ Teseo riconosciuto (opera seria), потомъ, по возвращеніи въ Неаполь, написалъ «La finta filosofa» и въ 1800

La fuga in maschera.» (Объ оперы *комическія*, какъ и большая часть всѣхъ его произведеній *до* Весталки).

Въ 1800 и 1801 годахъ Спонтини написалъ въ Палермо, гдѣ жилъ тогда неаполитанскій дворъ, двѣ оперы-буффы «I quadri parlanti,» «Il finto pittore» и одну оперу – серію «Gli Elisi delusi.» Климатъ Сициліи имѣлъ вредное вліяніе на здоровье Спонтини и онъ долженъ былъ возвратиться на материкъ Италіи. Къ этому времени относятся еще четыре его оперы, а именно, «Il geloso e l'Audace», написанная въ Римѣ, —«Le metamorfosi di Pasquale»—«Chi fiu garda meno vede,» и «La principessa d'Amalfi»— всѣ три въ Венеціи. Объ успѣхѣ всѣхъ этихъ четырнадцати оперъ біографы Спонтини хранятъ молчаніе. Вѣроятно, впрочемъ, что оперы эти доставили ихъ автору также мало славы, какъ и денегъ, потому-то онъ рѣшился попробовать счастья во Франціи — безъ всякаго приглашенья туда, ни со стороны какого-нибудь сильнаго лица, ни со стороны директоровъ Оперы. Берліозъ разсказываетъ, что Спонтини сохранилъ въ своей библіотекѣ манускрипты и даже печатныя либретто всѣхъ своихъ итальянскихъ оперъ, бѣдныхъ и ничѣмъ особенно незамѣчательныхъ произведеній, которыя онъ показывалъ друзьямъ съ улыбкою презрѣнія, какъ грѣхи «юности.»

Въ Парижѣ (въ 1803) дѣла Спонтини сначала шли очень плохо. Онъ принужденъ былъ кое – какъ жить уроками, и какъ – то случайно добился, что его опера «La finta filosofa» была представлена на Итальянскомъ театрѣ, въ Февралѣ 1804, и имѣла нѣкоторый успѣхъ. Затѣмъ Спонтини принялся за сочиненіе небольшихъ комическихъ оперъ, на *французскія* слова. На театрѣ Комической Оперы (theatre Feydeau, какъ тогда онъ назывался) появилась (также въ 1804) «Iulie» — и прошла незамѣтно, какъ множество ничтожныхъ произведеній, которыя появляются на всѣхъ театрахъ для того, чтобъ изчезнуть навсегда послѣ перваго представленія. Одна только арія изъ этой оперы сохранилась на потребленіе водевильныхъ театровъ. Эта же самая опера, подъ другимъ заглавіемъ (Le pot de fleurs) и съ нѣкоторыми измѣненіями, была дана на томъ же театрѣ годомъ позже, и снова упала. Небольшая опера «Мильтонъ» (либретто Жуи) была принята несравненно лучше «Юліи» — даже имѣла нѣкоторый успѣхъ. Но опера, написанная Спонтини на весьма плохое либретто «La Pétite maison», неудачно рекомендованное ему знаменитымъ актеромъ Комической Оперы Элевью—имѣла участь еще худшую «Юліи». Первое представленіе оперы не дошло даже до конца: ее освистали.

Вѣроятно вслѣдствіе этихъ неудачъ, Спонтини рѣшился дать своей музыкальной дѣятельности совершенно другое направленіе и, оставивъ

въ сторонѣ комическую оперу, принялся за изученіе условій и стиля лирической трагедіи, созданной Глукомъ. Произведенія Глука блистали тогда на горизонтѣ парижской Большой Оперы въ полной славѣ. По стопамъ Глука съ чрезвычайнымъ успѣхомъ шли Мегюль и Керубини. Спонтини, въ послѣднее время своей жизни, въ разговорахъ съ друзьями, не скрывалъ, что ревностное изученіе оперъ Глука сдѣлало въ немъ совершенный переворотъ и заставило его навсегда отказаться отъ пошлыхъ пріемовъ итальянской рутины, по которой онъ написалъ столько дюжинныхъ оперъ. Имѣя дѣйствительно (покрайней мѣрѣ до нѣкоторой степени) *призваніе* къ трагической оперѣ, Спонтини страстно привязался къ стилю Глука и, изучая этотъ, стиль, почувствовалъ необходимость развить въ своихъ произведеніяхъ многія стороны, едва затронутыя Глукомъ. Приготовляя себя такимъ образомъ, Спонтини жаждалъ дѣятельности, согласной съ его *новымъ* направленіемъ, жаждалъ случая написать большую лирическую драму, но случай этотъ не представлялся. Послѣ многихъ неудачъ, молодой композиторъ былъ въ совершенной опалѣ. Почти всѣ двери заперлись передъ нимъ. Одно только покровительство императрицы Жозефины могло его поддержать противъ всеобщаго гоненія и насмѣшекъ — и было вскорѣ дѣйствительно въ высшей степени для него полезно.

У литератора Жуи давно хранилось въ портфёйлѣ либретто большой оперы «Весталка», за которое не хотѣли приняться ни Мегюль, ни Керубини. Спонтини просилъ это либретто для себя съ такою настойчивостью, что авторъ, по совѣтамъ одной дамы, быть можетъ не безъ вліянія императрицы, — уступилъ просьбамъ молодаго и нелюбимаго композитора. Когда опера была готова, императрица приказала немедленно поставить ее на сцену, и репетиціи начались. «Но, — говоря словами Берліоза, — вмѣстѣ съ репетиціями началась для Спонтини истинная мука; мука невыносимая для нововводителя, не пользующагося авторитетомъ и встрѣчающаго на каждомъ шагу постоянное, систематическое противудѣйствіе со стороны цѣлаго полка исполнителей; безконечная борьба съ интригами и препятствіями всякаго рода.. Всѣ возстали противъ трудностей пьесы, противъ непринятыхъ формъ этого строгаго стиля, который утомлялъ исполнителей, требуя отъ нихъ безпрерывнаго вниманія, напряженія, чувства, энергіи и строгой отчетливости. Всякому хотѣлось урѣзать, очистить, сгладить эту непокорную музыку».

Пѣвица Браншю, создавшая роль Весталки, Юліи и чрезвычайно прославившаяся въ этой роли, — признавалась Берліозу лично, что во время первыхъ репетицій «Весталки» она сказала Спонтини

наотрѣзъ, что *никогда* незаучитъ его *неисполнимыхъ* речитативовъ. Другой исполнитель, которому поручена была роль *главнаго жреца*, такъ былъ испуганъ ея трудностями, что отказался отъ нея напрямки. Взбѣшенный Спонтини (это было на пробѣ) схватилъ роль, хотѣлъ изорвать ее въ клочки и бросить всю оперу, но одинъ молодой человѣкъ (Dérivis) изъ числа хористовъ, скромно подошелъ къ Спонтини и выпросилъ себѣ роль жреца. Впослѣдствіи, этотъ молодой человѣкъ чрезвычайно отличался въ своей роли и немало содѣйствовалъ особенному успѣху «Весталки». — Безпрерывныя поправки, урѣзки, перемѣны въ партитурѣ протянули репетиціи «Весталки» на цѣлый годъ, и вслѣдствіе этихъ безчисленныхъ поправокъ сумма переписки вокальныхъ и оркестрныхъ партій возросла до 10,000 франковъ. Безъ чрезвычайной доброты и внимательности Жозефины и непреклонной воли Наполеона, «Весталка», по причинѣ своей трудности или, какъ тогда находили, неисполнимости (un opéra inchantable et injouable) навѣрно *никогда* не явилась бы на сценѣ. Между тѣмъ, и съ другой стороны готовилась гроза для Спонтини. Уже давно вся парижская Консерваторія недоброжелательствовала итальянскому выходцу и посмѣивалась надъ каждымъ промахомъ противъ его техники композиторства, а промаховъ такихъ въ каждой его оперѣ было не мало. Теперь, при распространеніи слуховъ объ его новой большой оперѣ, воспитанники Консерваторіи заранѣе радовались, воображая, какая будетъ лихая пожива для ихъ сарказмовъ въ этомъ новомъ произведеніи «неудачнаго» маэстро, въ его нелѣпыхъ нововведеніяхъ, забавныхъ претензіяхъ на колоссальную высокость и величіе стиля и въ тысячѣ грубыхъ ошибокъ всякаго рода. Въ Консерваторіи давно уже ходило о Спонтини мнѣніе, что онъ не знаетъ самыхъ первыхъ правилъ гармоніи, что его пѣніе плаваетъ въ акомпаниментѣ «какъ клочокъ волосъ въ супѣ». «И вдругъ этотъ человѣкъ, *освистанный* въ Комической Оперѣ, покушается дать оперу возвышеннѣе и великолѣпнѣе, чѣмъ безсмертныя произведенія Глука! Погоди же! узнаетъ онъ насъ! Если вѣрить Берліозу, воспитанники Консерваторіи, поддержанные почти всѣми французскими композиторами и профессорами музыки, сговорились во что бы то ни стало уронить «Весталку». Система свистковъ на этотъ разъ была замѣнена смѣхомъ и зѣвотой. Но вотъ наступилъ роковой для Спонтини вечеръ 15 декабря 1807. «Весталка» дана и — не смотря на злыя насмѣшки музыкантовъ – исполнителей и всей оппозиціонной партіи, не смотря на неправильности и промахи противъ науки, которыхъ довольно въ партитурѣ «Весталки», успѣхъ этой оперы былъ *самый блистательный*. Публика была рѣшительно увлечена страстью, огнемъ и живымъ

драматизмомъ этой, во многомъ новой для нея, музыки. Подробно о причинахъ успѣха мы еще скажемъ въ своемъ мѣстѣ, при разборѣ «Весталки.» Здѣсь замѣтимъ только, что вся опера вообще нравилась чрезвычайно, а нѣкоторые нумера (напр. маршъ весталокъ и др.) очень скоро сдѣлались народными и на крыльяхъ моды изъ Парижа облетѣли всю Европу. Наполеономъ учреждены были десятилѣтнія *преміи* (les prix décennaux) для всего *отличнаго* въ области искусствъ и знаній; премія *Большой Оперы* присуждена была Спонтини за «Весталку». Довольно любопытно сужденіе о ней назначеннаго Императоромъ комитета (jury), въ докладѣ о присужденіи преміи. «Опера эта имѣла блистательный и постоянный успѣхъ; «композиторъ весьма счастливо употребилъ свое дарованіе на пьесу за«нимательную и истинно-трагическую; въ музыкѣ его есть сила, (verve) «блескъ, иногда грація. Публикѣ особенно понравились двѣ аріи пре«краснаго стиля и весьма выразительныя (d'un beau style et d'une belle «expression), два хора, въ характерѣ религіозномъ и трогательномъ, и «финалъ — вмѣстѣ трагическій и *пріятный* ?! (à la fois tragique «et agréable)... Если не всегда вполнѣ музыка выражаетъ намѣреніе тек«ста, то замѣняетъ, по крайней мѣрѣ, эффектами пріятными и пора«зительными (effets agréables, et piquants), свойственными искуству зву«ковъ, тѣ эффекты, которыхъ можно было бы ожидать отъ ближайшаго «согласія между музыкой и словами или сценическимъ положеніемъ». «Moniteur du 21 juillet 1820».

Въ самое короткое время «Весталка» выдержала *сто* представленій въ Парижѣ, исполнялась рѣшительно на всѣхъ провинціальныхъ французскихъ театрахъ, давалась и въ Германіи, и въ Италіи, и вездѣ съ необыкновеннымъ успѣхомъ (хотя съ меньшимъ, чѣмъ въ Парижѣ). Давалась она и въ Петербургѣ (до двадцатыхъ годовъ — во времена отличнаго тенора Самойлова и превосходнаго баса Злова, — и восхищала всѣхъ почти также, какъ въ Парижѣ. Вообще, «Весталка» пользовалась успѣхомъ вездѣ, гдѣ давалась, и въ продолженіе тридцати лѣтъ (или около того) не сходила со сценъ всѣхъ оперныхъ театровъ. Натурально, что съ появленія «Весталки» Спонтини началъ пользоваться самою громкою славою, и, какъ это почти всегда бываетъ съ *не самыми первостепенными* художниками, слава его почти вся и сосредоточилась на «Весталкѣ». Имя Спонтини неразлучно съ «Весталкою.» Автора «Фернанда Кортеса» или «Олимпіи» знаютъ конечно всѣ музыканты, но автора «Весталки» знаютъ рѣшительно *всѣ*, даже вовсе не музыканты и вообще люди, знакомые съ операми только по слухамъ. «Фернандъ Кортесъ» тоже большая опера, въ

героическомъ стилѣ, была написана Спонтини вслѣдъ за «Весталкою» и дана въ 1809 году; но уже *того* успѣха не имѣла, хотя принята была очень хорошо. Такъ было и со всѣми послѣдующими операми Спонтини. Ни одна изъ нихъ въ успѣхѣ не могла идти въ сравненіе съ «Весталкою.» Замѣчательно, что точно тоже повторилось и съ Веберомъ. Послѣ «Фрейшюца» — который буквально обошелъ весь свѣтъ, а въ Германіи сдѣлался народнѣйшею изъ *всѣхъ* операъ (которыхъ въ Германіи не мало), — Веберъ написалъ «Эвріанту,» оперу еще болѣе выработанную, чѣмъ «Фрейшюцъ»,—«Оберона», произведеніе чрезвычайно замѣчательное; но обѣ эти оперы, *сравнительно* съ Фрейшюцомъ, не имѣли успѣха *вовсе*, и до-сихъ-поръ Карлъ Марія Веберъ извѣстенъ и знаменитъ *больше всего*, какъ авторъ «Фрейшюца». Тоже самое, въ наше время, повторяется и на Мейерберѣ: все, что онъ писалъ до «Роберта», совершенно забыто, и «Гвельфы и Гибеллины» »Пророкъ» пользуются славою, благодаря «Роберту».

Опера «Кортесъ» или завоеваніе Мехики, была написана Спонтини по желанію императора Наполеона, между-тѣмъ, какъ самъ Спонтини для второй своей оперы уже остановилъ свой выборъ на античной трагедіи «Электра» и даже, за два года до смерти, выражалъ Берліозу свое сожалѣніе, что ему не пришлось писать лирической трагедіи на сюжетъ Электры, который онъ считалъ самымъ «вдохновительнымъ».

Годъ спустя послѣ появленія «Кортеса», (т. е. 1810) Спонтини былъ назначенъ директоромъ Итальянскаго Театра, въ Парижѣ, который назывался тогда—opera buffo. Спонтини составилъ превосходную оперную труппу, въ которой было очень много первыхъ знаменитостей того времени. Но не смотря на имена Гарсіи (отца Віардо), Кривелли, (знаменитаго тенора), Такинарди (отца Персіани), Барилли и примадоннъ: Барилли, Фесты и Сесои, не смотря на важныя услуги, оказанныя *Спонтини* искусству, во время бытности его директоромъ, онъ *первый* далъ въ Парижѣ Моцартова «Донъ-Жуана», — интриги, главною пружиною которыхъ были деньги, скоро заставили его отказаться отъ директорства.

Личнымъ врагомъ Спонтини былъ Паеръ (или Пэръ, Paer), бывшій тогда директоромъ придворнаго Итальянскаго Театра и завидовавшій успѣхамъ своего соперника на сценѣ Большой Оперы. Берліозъ говоритъ, что Пэръ, пріискивая всѣ способы сдѣлать Спонтини смѣшнымъ, передѣлалъ его имя въ Mr. Sponlin и прозвалъ *ренегатомъ*, намѣкая на то, что Спонтини, родомъ итальянецъ, въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ почти вовсе отказался отъ итальянской оперной манеры и принялъ стиль французскихъ оперныхъ композиторовъ. Къ этому времени жизни Спонтини относятся ничѣмъ незамѣчательныя и теперь

совершенно забытыя, произведенія — «Pélage ou le Roi et la paix» опера, написанная на случай (1814), — и опера-балетъ «Les deux rivaux» написанная въ сотрудничествѣ съ дирижёромъ оперная оркестра, Персюи, и композиторами Бертономъ и Крейцеромъ (1816).—По случаю возобновленія въ 1817 году оперы Сальери «Данаиды» самъ Сальери, не желавшій на старости выѣзжать изъ Вѣны, поручилъ Спонтини надзоръ за разучиваніемъ своей оперы, уполномочивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать въ ней измѣненія, какія ему будетъ угодно. Спонтини ограничился тѣмъ, что измѣнилъ конецъ одной аріи Гипермнестры, и, кромѣ того, написалъ вновь нѣсколько танцевъ и «Вакханалію», которая считается однимъ изъ лучшихъ его произведеній, особенно по оригинальной и чрезвычайно блестящей оркестровкѣ *).

Въ 1819 году Спонтини, поставилъ на сцену еще большую оперу въ 3-хъ актахъ, опять трагическую и античную — «*Олимпію*», на успѣхъ которой онъ особенно разсчитывалъ, соображая все, что̀ доставило великолѣпный успѣхъ «Весталкѣ.» Но, какъ мы уже сказали, успѣхъ «Весталки» не повторился для «Олимпіи». Ни въ минуту своего появленія, ни гораздо позже, при возобновленіи въ 1827 году, эта опера не имѣла того успѣха, котораго, быть можетъ, заслуживала, потому-что, какъ увидимъ при разборѣ оперъ Спонтини, музыкальное достоинство «Олимпіи» почти одинаково съ достоинствомъ «Весталки». Причиною перваго неуспѣха было множество случайныхъ обстоятельствъ и даже политическія идеи (въ сюжетѣ Олимпіи демократы наш-

(*) Замѣчательна вообще судьба оперы «Данаиды». Либретто ея написано было для ***Глука***, который и взялъ его съ собою въ Вѣну, обѣщавъ прислать музыку въ дирекцію Парижской оперы. Между-тѣмъ Глукъ, по преклонности лѣтъ и по слабости здоровья, считалъ себя не въ силахъ приняться за такой большой трудъ. Не заявляя ничего директорамъ Оперы, Глукъ поручилъ сочиненіе «Данаидъ» *Сальери*—тогда еще очень молодому (около 25 лѣтъ). Кромѣ того, что надобно было замѣнить *Глука*, для Сальери не мало трудностей представлялъ и французскій языкъ съ которымъ онъ былъ едва знакомъ, и всѣ условія французской сцены, также не очень ему извѣстные. Послѣ долгихъ трудовъ, Сальери кончилъ оперу, и Глукъ былъ такъ ею доволенъ, что написалъ къ директору Королевской Академіи Музыки въ Парижѣ, что одинъ изъ его учениковъ *помогалъ* ему при сочиненіи оперы и что самъ этотъ ученикъ явится въ Парижъ, чтобы ставить «Данаидъ» на сцену. Сальери пріѣхалъ въ Парижъ въ 1784. Опера «Данаиды,» была играна сначала при Дворѣ съ большимъ успѣхомъ, потомъ и на большой оперной сценѣ, гдѣ принята была съ восторгомъ,— но все *подъ именемъ* оперы ***Глука***. Только въ день 13-го представленія «Данаидъ,» утромъ, въ парижскихъ журналахъ появилось письмо Глука къ директору Оперы, въ которомъ объявлялось публикѣ, что единственный авторъ «Данаидъ» — Сальери. И съ этого времени началась слава Сальери. Мы видѣли, что и Спонтини пришлось потрудиться надъ «Данаидами» которыя, какъ будто по наслѣдству переходили изъ рукъ въ руки трехъ знаменитыхъ композиторовъ.

ли какой-то непріятный для себя намёкъ). При возобновленіи же Олимпіи, Спонтини, бывшій въ то время директоромъ музыки короля Прусскаго, нашелъ, по возвращеніи своемъ изъ Берлина, огромную перемѣну во вкусѣ и идеяхъ парижанъ. Современнымъ идоломъ меломановъ былъ уже *Россини*. И публика, и дирекція были на сторонѣ нэзарскаго маэстро; другихъ композиторовъ и знать не хотѣли. Музыку «Олимпіи» нашли вовсе не театральною и до крайности скучною.

Слава автора «Весталки» стала больше и больше меркнуть передъ яркимъ блистаніемъ славы автора «Танкреда» и «Севильскаго Цирульника». — Для Спонтини не хотѣли ничего дѣлать; отказались даже продлить на нѣсколько недѣль контрактъ пѣвицы Браншю, которая *одна* могла исполнить роль *Статиры* въ «Олимпіи». На долю весьма не многихъ композиторовъ, даже самыхъ счастливыхъ, самыхъ обласканныхъ фортуною — выпадалъ успѣхъ, подобный успѣху *Весталки*, и если заря и закатъ Спонтини на музыкальномъ горизонтѣ сливаются съ мракомъ, то въ своемъ *полднѣ* звѣзда его сіяла такъ ярко, что лучшаго ни кто бы и пожелать не могъ, за то этотъ самый успѣхъ, быстрый, всеобщій, неожиданный, успѣхъ, вслѣдствіе котораго имя вчера еще неизвѣстнаго музыканта вдругъ сдѣлалось одной изъ знаменитостей *наполеоновскаго* времени,— этотъ самый успѣхъ отравилъ всю дальнѣйшую жизнь Спонтини, а къ своему несчастью онъ жилъ долго и многими десятками лѣтъ пережилъ свою славу! Трудно вообразить вполнѣ страданія артистическаго самолюбія, обреченнаго на такую пытку. Чтобы оживлять существованіе художника, чтобы безпрерывно побуждать его къ новому творчеству, *успѣхъ* долженъ *повториться* если же не повторится, тогда онъ становится отравой жизни, потому-что художникъ ни на минуту не можетъ забыть его и всѣ дни его проходятъ въ этомъ горькомъ воспоминаніи о прежней славѣ, онъ остается какъ-будто прикованнымъ къ этому незабвенному для него дню, когда имя его заблистало впервые:— точно такъ было и съ Спонтини. Для него 1807 годъ никогда не кончался. До конца своей жизни онъ сохранилъ тогдашнія свои привычки, манеру говорить, образъ мыслей; даже костюмъ его до конца жизни не переставалъ принадлежать 1807 году, «Весталкѣ» и наполеоновской преміи! Вся жизнь его прошла въ томъ, что онъ любовался своимъ единственнымъ произведеніемъ, принесшимъ ему славу! — Вѣчно оставаясь при однихъ и тѣхъ же идеяхъ, вращаясь въ ограниченномъ кругу собственнаго творчества, онъ и въ своей музыкѣ, почти безсознательно для себя, повторялъ свою «Весталку» — кромѣ нея и себя, онъ не хотѣлъ ничего знать. Онъ и не подозрѣвалъ, что общество, духъ времени требо-

вали уже совсѣмъ другаго. Потому-то и не могъ онъ понять, вслѣдствіе какихъ адскихъ интригъ на сценѣ парижской большой оперы стали давать «Фенеллу» «Вильгельма Телля» — а не «Весталку», не «Кортеса», не «Олимпію»! — «Олимпія» была послѣднимъ произведеніемъ Спонтини изъ написанныхъ, для французской оперы.

Въ 1820 году Спонтини принялъ выгодное для себя предложеніе отъ Прусскаго короля, который звалъ его въ Берлинъ въ должность придворнаго капельмейстера и директора оперной музыки. Спонтини получилъ по контракту *тридцать шесть тысячъ франковъ* ежегоднаго содержанія, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ выгодъ.—Первая опера, данная имъ въ Берлинѣ, была «Олимпія» которой третій (послѣдній) актъ былъ передѣланъ извѣстнымъ писателемъ Гофманомъ. Зимой 1821 онъ написалъ для придворныхъ празднествъ оперу-балетъ: «Лалла-Рукъ», сюжетъ которой заимствованъ изъ поэмы Томаса-Мура. Нѣсколько позже онъ многими нумерами этого произведенія воспользовался для оперы «Нурмагалъ», которая была дана на королевскомъ театрѣ. Въ этой же оперѣ *Спонтини* употребилъ «Вакханалію», написанную имъ для «Данаидъ».—Послѣ того, онъ еще разъ передѣлалъ оперу «Фернандъ-Кортесъ», именно — перемѣнилъ въ ней конецъ послѣдняго акта. Въ 1825 году онъ написалъ оперу «Альциндоръ». Враги Спонтини подсмѣивались надъ этимъ произведеніемъ, нападая на музыкальный шумъ и «цѣлый оркестръ» наковаленъ, введенный въ акомпаниментъ хора кузнецовъ въ этой оперѣ. Въ 1829 году появилась опера «Агнеса Гогенштауфенъ», написанная, какъ самъ Спонтини говорилъ своимъ друзьямъ, совсѣмъ въ *иномъ* стилѣ, чѣмъ всѣ прежнія его произведенія. Вообще, онъ ставилъ «Агнесу» выше всего, что написалъ, исключая, разумѣется, «Весталку».

Надъ «Агнесою»—Спонтини, вообще чрезвычайно медленно работавшій, трудился необыкновенно долго. Она начата была еще въ 1815 году. Въ 1827 готовъ былъ только одинъ актъ и увертюра, заимствованная отчасти изъ прежней его оперы Milton.—Непонятно, какимъ образомъ могла подойти прежняя, давно написанная музыка, къ оперѣ, въ которой Спонтини, по собственнымъ его словамъ, употребилъ совсѣмъ *новыя, неслыханныя* формы? Но и эта опера особеннаго успѣха не имѣла, хотя Спонтини и передѣлалъ ее весьма значительно уже въ 1837 году. Прусскій народный гимнъ и нѣсколько маршей для военнаго оркестра дополняютъ перечень *всѣхъ* произведеній Спонтини. Чисто инструментальной музыки, какъ напр. сонатъ, квартетовъ, симфоній—Спонтини не писалъ вовсе, потому, вѣроятно, что не чувствовалъ въ талантѣ своемъ ни малѣйшаго призванія къ такого рода музыкѣ. Онъ не испытывалъ своихъ

силъ и въ музыкѣ церковной. Онъ былъ *исключительно* оперным композиторомъ. Дѣятельность его имѣетъ замѣчательное сходство съ дѣятельностью Мейербера. Оба начали свое музыкальное поприще весьма значительнымъ количествомъ *итальянскихъ оперъ*, которые большой славы ни тому, ни другому не доставили. Оба среди своего поприща задумали сдѣлать рѣшительный переворотъ въ направленіи своего таланта, и послѣ этого перелома, каждый написалъ по произведенію, которое, въ эпоху своего появленія, затмило всѣ современные оперы и разомъ возвело автора на апогею славы. Мы видѣли уже, что такою апогеею для Спонтини была «Весталка;» для Мейербера «Робертъ.» Далѣе, оба шли съ торжествомъ по своему вновь проложенному пути, хотя уже не имѣли ни въ чемъ такого успѣха, какъ въ означенныхъ произведеніяхъ, наконецъ, и тотъ, и другой ничего (или почти ничего), кромѣ *оперъ*, не писали; и тотъ, и другой начали свое поприще въ Италіи, славу пріобрѣли во Франціи и отдыхали на лаврахъ — въ Пруссіи. При разборѣ оперъ Спонтини, мы увидимъ еще нѣкоторыя черты сходства между нимъ и Мейерберомъ, который при прусскомъ дворѣ сдѣлался дѣйствительно *преемникомъ* Спонтини. — Хотя музыка Спонтини нашла довольно почитателей въ Германіи, и самъ Спонтини пользовался особеннымъ покровительствомъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, но это не спасло знаменитаго маэстро отъ жестокихъ нападокъ со стороны музыкантовъ и музыкальныхъ критиковъ. Его преслѣдовали съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ, во все время бытности его прусскимъ придворнымъ капельмейстеромъ. Онъ даже личныхъ враговъ нажилъ себѣ не мало. Между прочимъ, безпрерывно обвиняли его въ самомъ мелкомъ тщеславіи и эгоизмѣ, вслѣдствіе которыхъ онъ не допускалъ на берлинскую оперную сцену почти ничего, кромѣ своихъ произведеній да еще оперъ Глука — и будто бы употреблялъ даже не совсѣмъ чистыя средства, чтобъ вредить успѣху всѣхъ другихъ произведеній, когда *принуждаемъ* былъ допускать ихъ на сцену. Объ этомъ, впрочемъ, трудно судить безпристрасно — *издалека* и, не зная притомъ самыхъ мелкихъ подробностей частной жизни Спонтини. Можно только изъ всего вмѣстѣ вывести не совсѣмъ выгодное заключеніе о его характерѣ, въ которомъ, конечно, была достаточная доза и тщеславія, и заносчивости, и нетерпимости. Какъ дирижеръ оркестра, Спонтини былъ необыкновенно строгъ и горячъ, чѣмъ, разумѣется, вооружилъ противъ себя всѣхъ бывшихъ подъ его управленіемъ виртуозовъ, они и примкнули къ лагерю его враговъ. Между этими врагами особенно бойко воевалъ, конечно перомъ, извѣстный берлинскій музыкальный критикъ Рельштабъ. Онъ безпрестанно печаталъ журнальныя статьи и даже отдѣльныя брошюры,

гдѣ среди цѣлаго потопа сарказмовъ, иногда очень тяжелыхъ, на нѣмецкій ладъ, старался совершенно уронить репутацію Спонтини, осмѣивалъ его со всевозможныхъ сторонъ, даже покушался доказать, что «Весталка» вовсе не произведеніе Спонтини, а что онъ воспользомался чьимъ-нибудь чужимъ трудомъ. Выведенный изъ терпѣнія, Спонтини имѣлъ неосторожность жаловаться на Рельштаба судебнымъ порядкомъ. Рельштабъ поплатился заключеніемъ въ тюрьму, — но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ дѣлахъ, Спонтини ровно ничего отъ этого не выигралъ, напротивъ, число враговъ его увеличилось. Кромѣ Рельштаба, и отъ другихъ Спонтини долженъ былъ выдерживать жестокія нападки, и нѣсколько разъ самъ брался за перо, чтобъ оправдываться или перебраниваться въ журналахъ. И съ директоромъ королевскаго театра, барономъ Рёдерномъ, Спонтини жилъ не въ ладахъ. Но этимъ непріятностямъ и по странной болѣзни слуха, отъ которой онъ иногда едва слышалъ, а звуки, доходившіе до него, казались ему страшной разладицей и дѣлали для него занятіе музыкой нестерпимой пыткой, — Спонтини пожелалъ отдыха и отправился во Францію, (въ 1842), посѣтивъ прежде того свою родину, гдѣ основалъ на свои деньги нѣсколько благотворительныхъ заведеній. — Въ Парижѣ его выбрали членомъ Института, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ отказался отъ своей должности въ Берлинѣ и жилъ въ Парижѣ. Не смотря на это, Спонтини снова вернулся въ Берлинъ. Избраніе Спонтини членомъ Института замѣчательно въ томъ отношеніи, что онъ признанъ классикомъ и получилъ почетный дипломъ почти отъ тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя за какія-нибудь тридцать лѣтъ отчаянно протестовали противъ его нововведеній и его *романтическаго* направленія! — Съ кончиною короля Фридриха-Вильгельма III, измѣнилось положеніе Спонтини при прусскомъ дворѣ; за проступокъ противъ закона о тисненіи, надъ Спонтини былъ произнесенъ судебный приговоръ о заточеніи его въ крѣпость. Но король, сохранившій отчасти благосклонность своего предшественника къ Спонтини, не только простилъ его, но даже оставилъ ему большую часть прежнихъ его матеріальныхъ выгодъ, съ титломъ придворнаго капельмейстера и съ полною свободою — жить, гдѣ ему угодно. Спонтини постояннымъ мѣстомъ жительства избралъ снова Парижъ. Въ концѣ прошлаго года (1851), чтобъ разсѣять свою скуку, онъ предпринялъ вторичное путешествіе на родину. Судьбѣ угодно было, чтобъ онъ тамъ (въ Маіолати) окончилъ жизнь, гдѣ за семдесятъ два года родился.

Въ началѣ нашей статьи мы замѣтили, что прежде разбора трехъ главныхъ произведеній Спонтини, должны будемъ сдѣлать отступленіе въ область общей музыкальной критики, бросить взглядъ на судьбу оперы, особенно, когда Спонтини создалъ свою «Весталку»; а чтобъ справедливѣе оцѣнить заслуги Спонтини, обязаны разсмотрѣть, *идеалъ* оперы, слѣдовательно, близко подходящія къ этому идеалу—серьёзныя оперы, въ томъ характерѣ, какой имъ приданъ французскими драматическими композиторами, преемниками Глука. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ весьма тѣсно связано съ исторіею оперы вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но не пугайтесь, благосклонные читатели! Мы не начнемъ разсказывать объ участи лирической трагедіи у Ассиріянъ и Вавилонянъ, — даже древнихъ Грековъ и Римлянъ оставимъ въ покоѣ, не потревожимъ праха и гораздо позднѣйшихъ дѣятелей временъ, такъ называемаго «возрожденія» — или дѣйствительнаго «зарожденія», въ отношеніи къ оперѣ.

Обратимся прямо къ судьбѣ лирической трагедіи у Французовъ, и то не къ первымъ, до крайности вялымъ и скучнымъ попыткамъ Люлли и Рамо: — мы нисколько не собираемся, въ самомъ дѣлѣ, писать исторію оперы. — Всё то, что́ было во Франціи до Глука, рѣшительно имѣетъ въ искусствѣ только значеніе историческое или антикварское. — Какъ всегда, когда рѣчь заходитъ объ участи *музыки*, о постепенномъ развитіи этого чуднаго искусства, — нельзя и по случаю оперы не удивиться чрезвычайной *быстротѣ* ея развитія! — Какъ *юно* искусство звуковъ вообще и, между-тѣмъ, какъ оно *зрѣло*,—какъ сложно и глубоко выработались многія его стороны! Что́ такое была такъ называемая *опера* въ XVII вѣкѣ т: е. при Люлли, потомъ даже при Рамо́, — чрезвычайно знаменитыхъ и любимыхъ композиторахъ въ свое время? — *Операми* назывались блѣдныя, скучныя педантическія музыкальныя сочиненія, но, пожалуй, довольно замысловатыя для тогдашняго времени, когда музыка и вообще - то едва-едва стала освобождаться отъ тяжелыхъ контрапунктическихъ формъ. Благодаря этимъ формамъ и благодаря ретивымъ усиліямъ сухихъ контрапунктистовъ, *гармонія* сдѣлала конечно исполинскіе успѣхи, только *мелодическая* сторона, настоящая-то *поэзія* музыки, была почти совсѣмъ неизвѣстна. О *правдѣ*, о *сценическомъ эффектѣ* никто и помышлять не могъ, при такомъ, почти младенческомъ лепетѣ искусства. Но прошло какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ—и на той же самой сценѣ парижской оперы, гдѣ царствовали оперы Люлли и Рамо́, засіяли такія произведенія, въ которыхъ возвышенный пафосъ древнихъ греческихъ трагедій нашелъ *полное музыкальное* выраженіе,—такія произведенія,

въ которыхъ музыкальная *правда* въ голосахъ и въ оркестрѣ дошла, можно сказать, до своеей *апогеи*, такъ–что даже въ наше время, т: е: *послѣ* Моцарта и Бетховена, со стороны *патетическаго*, въ музыкальной драмѣ Глукъ не имѣетъ соперниковъ. — Какова же должна быть сила генія, который, при такихъ скудныхъ до него средствахъ искусства, могъ вдругъ раздвинуть его предѣлы такъ широко и дойти до точки токого недосягаемаго совершенства. Впрочемъ, извѣстное дѣло, что XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ чудесъ интеллектуальнаго міра. Музыка, какъ мы ее теперь понимаемъ, почти *вся* создалась въ XVIII вѣкѣ. Этотъ вѣкъ видѣлъ дѣятельность Баха и Генделя; видѣлъ, какъ изъ полу–шуточныхъ попытокъ Саммартини (въ началѣ XVIII в.) геній Гейдна создалъ *камерную* музыку — создалъ *симфонію*, которая, пройдя черезъ геній Моцарта, явилась въ такомъ величіи подъ перомъ Бетховена; видѣлъ, наконецъ, все постепенное возрастаніе оперы, отъ «Армиды» — Люлли до «Армиды» — Глюка и отъ «Serva padrona» Перголезе до «Фигаро» и Cosi fan tutte! Но, несмотря на это чрезвычайно быстрое развитіе, не смотря на безсмертное произведеніе Глука и Моцарта; на произведенія Россини и позднѣйшихъ композиторовъ, съ многихъ сторонъ представляющія красоты поразительныя и многія счастливыя нововведенія, въ сравненіи съ прежними операми; не смотря на бездну статей и даже цѣлыхъ отдѣльныхъ трактатовъ объ операѣ и ея идеальномъ совершенствѣ,—вопросъ о томъ: *чѣмъ именно должна быть музыкальная драма* вообще *и музыкальная драма серьёзная, т: е: не–комическая* въ особенности, — даже въ наше время еще не близокъ къ окончательному разрѣшенію, а напротивъ того, принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ вопросамъ эстетики или философіи искусства. — Замѣчательно, что еще въ прошломъ вѣкѣ, а именно, одновременно съ операми Глука, высказаны были по этому поводу, т: е: касательно идеала оперы — мысли очень здравыя, весьма близкія къ правильному разрѣшенію вопроса ; но потомъ, въ теченіе пяти или шести десятковъ лѣтъ, вслѣдствіе практическихъ усилій композиторовъ, тянувшихъ все въ разныя стороны, вопросъ этотъ снова затемнился.

Вотъ что говоритъ *Ж. Ж. Руссо* въ своемъ «Dictionnaire de musique» (писанномъ въ 1770) объ *Оперѣ*. «При возниканіи оперы, «ея изобрѣтатели, стараясь избѣжать упрека въ *ненатуральности*, ко«торую представляло соединеніе *музыки съ рѣчью* въ изображеніи че«ловѣческой жизни, придумали переносить мѣсто дѣйствія то на Олимпъ, «то въ преисподнюю; и не умѣя заставить *говорить людей*, въ дѣй«ствующія лица выбирали *боговъ* и *демоновъ*. Вскорѣ все волшебное и «сверхъестественное сдѣлалось основою лирической сцены и, довольству-

«ясь богатствами этого новаго рода, никто и не помышлялъ о томъ, *тотъ «ли родъ* былъ избранъ, который *нуженъ* для оперы. Чтобъ поддер- «жать «иллюзію», надо было истощить все, что изящныя искусства мог- «ли представить самаго очаровательнаго. Знаменитый народъ, который, «отъ прежняго своего величія, сохранилъ только свое первенство въ из- «ящныхъ искусствахъ, употребилъ весь свой вкусъ, всѣ свои познанія, «чтобъ придать новоизобрѣтеннымъ зрѣлищамъ желаемый блескъ. По «всей Италіи сооружались театры, огромные и пышные, для ихъ укра- «шенія создались чудеса *перспективы* и *декораціи*. Художники всякаго «рода спѣшили блеснуть другъ передъ другомъ своими талантами. Полеты, «превращенія, бури, громы и молніи—удивляли зрѣніе, въ то время, какъ «соединеніе *оркестра* съ *голосами* удивляло слухъ. Но при этомъ, *сце- «ническое дѣйствіе* оставалось до крайности холодно и не предста- «вляло никакой занимательности. Нѣтъ такой трудной драматической «завязки, которую не былѳ бы *легко* распутать; оттого зритель, напередъ «увѣренный во всемогуществѣ поэта, совершенно полагался на него, что «онъ *уже знаетъ, какъ* вывести своихъ героевъ изъ бѣды. Такимъ «образомъ, хлопотъ было много, а дѣйствія на публику *мало*, потому- «что сюжетъ оперы нисколько не соприкасался съ дѣйствительностью, «а *иллюзія* бываетъ обыкновенно очень слаба, *если душа въ ней не «принимаетъ участія*. Однимъ словомъ, всѣ чрезвычайныя усилія «составителей тогдашнихъ оперъ (поэтовъ, музыкантовъ, машинистовъ, «декораторовъ, костюмеровъ) результатомъ имѣли — *скуку* всѣхъ зрите- «лей. (Il leur été difficile d'ennuyér une assemblée à plus grands frais).

«Такія зрѣлища, при всемъ ихъ несовершенствѣ, долгое время воз- «буждали всеобщее *удивленіе* (если не *наслажденіе*) ...Но, хотя ав- «торы такихъ *оперъ* не имѣли въ виду другой цѣли, кромѣ ослѣпле- «нія, *оглушенія* и *изумленія*—музыканты, писавшіе музыку для та- «кихъ зрѣлищъ, не смѣли избѣжать искушенія высказать, посредствомъ «музыкальныхъ звуковъ, *чувствованія, душевныя положенія,* изрѣд- «ка встрѣчавшіяся въ текстѣ,—между *пѣніемъ нимфъ, гимнами жре- «цовъ, крикомъ воиновъ, завываніями адскихъ чудовищъ* ... И «вотъ, мало-по-малу, начали понимать, что *независимо отъ музы- «кальной декламаціи*, есть въ музыкѣ что-то другое, — что «выборъ ритма, гармоніи и напѣва, несовсѣмъ-то безразличенъ въ «отношеніи къ тому, что дѣлается на оперной сценѣ, — что наконецъ «музыка *можетъ иногда доходить до сердца*. Мелодія, сначала «только по необходимости отдѣлившаяся отъ поэзіи,—отъ такой неза- «висимости получила свою *настоящую*, чисто-музыкальную красоту. «Успѣхи гармоніи стали безпрерывно указывать мелодіи новое богатство,

«новые пути къ душѣ зрителей,—и ритмъ, освобожденный отъ совер-
«шенной подчиненности размѣру стиховъ, получилъ свою, также чисто-
«музыкальную *самостоятельность*.—Такимъ образомъ, музыка вскорѣ
«пріобрѣла *свою* полную рѣчь, свою выразительность, *независимо отъ*
«*поэзіи*. Инструментальная сторона музыки получила туже выразитель-
«ность, какъ и пѣніе; и въ оркестрѣ — чувства, волнующія душу, ста-
«ли находить такое же вѣрное отраженіе, какъ и въ устахъ пѣвцовъ.
«Съ этихъ поръ прекратилась исключительная мода на чудесное и
«сверхъестественное; — мѣсто фантастическаго, никогда невиданнаго,
«заступили картины *жизни* дѣйствительной, несравненно болѣе занима-
«тельныя; очарованіе *трогательнаго*, *задушевнаго* (les charmes du
«sentiment) смѣнило очарованіе волшебнаго жезла, и лирическая драма
«получила болѣе свойственныя ей формы. Все *трогательное* нашло
«въ ней мѣсто, миѳологическіе «боги» были изгнаны со сцены,
«какъ скоро «люди» водворились на ней. Оказалось, что такія, болѣе
«логическія, болѣе натуральныя формы для сюжетовъ оперъ и для
«иллюзіи сценической были несравненно лучше: стали догадываться,
«что высшая цѣль музыки—заставить слушателя *забыть объ ней*...
«Тогда начали понимать, что въ оперѣ не должно быть ничего хо-
«лоднаго, адресующагося только къ разсудку;—иначе все очарованіе
«вмигъ разрушится и весь составъ оперы покажется чѣмъ-то *нелѣ-*
«*пымъ*; въ этомъ именно должно состоять главное различіе *музыкаль-*
«*ной* драмы отъ комедіи и трагедіи, въ обыкновенной ихъ формѣ.
«Однимъ словомъ, *все*, что говоритъ только *уму*, должно быть изгнано
«изъ музыки—*языка сердца*.

«Какъ только» — продолжаетъ Руссо — вмѣсто неистоваго крика
«вакханокъ и заклинаній волшебниковъ, на оперной сценѣ стали разда-
«ваться нѣжные звуки любви, сердечной радости, взрывы гнѣва, сте-
«нанія печали, слёзы, вопли — все, что волнуетъ душу, — композито-
«ры, на крыльяхъ генія (Руссо приводитъ имена Лео, Перголезе)
«пустились въ новый для нихъ путь, и почти съ первыхъ шаговъ очу-
«тились у самой цѣли

«Но, *совершенство* такая точка, на которой трудно удержаться.
«Музыка, узнавъ свои силы, почувствовавъ вполнѣ свою независимость,
«начинаетъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотрѣть на *поэзію*, которую
«прежде только сопровождала. Музыкантъ и поэтъ не совсѣмъ дру-
«жно идутъ къ одной цѣли. Начинается перевѣсъ то одного, то дру-
«гаго искусства: если геній музыканта сильнѣе, онъ затмѣваетъ и за-
«ставляетъ забывать поэта. Авторъ идетъ по стопамъ музыканта и пре-
«небрегаетъ *игрой* для *пѣнія*; смыслъ пьэсы остается почти со

«всѣмъ всторонѣ — и *опера* превращается *въ концертъ*. Если же «перевѣсъ на сторонѣ поэта, музыка въ свою очередь дѣлается почти «лишнею и при всѣхъ недостаткахъ можетъ пройти благополучно, бла- «годаря достоинству занимательнаго либретто».

Далѣе, — все съ этой, не совсѣмъ вѣрной, точки зрѣнія, что въ оперѣ должно быть равное участіе трехъ искусствъ: поэзіи, музыки и живописи — Руссо́ говоритъ, впрочемъ довольно туманно, о необходимости въ оперѣ — хорошихъ декорацій, изящныхъ и вѣрныхъ, о близкой связи музыки съ *внѣшнею* сценическою обстановкою — и наконецъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: что къ тремъ искусствамъ, принимающимъ участіе въ *оперѣ*, старались присоединить *четвертое* — искусство *танцевъ*. Опредѣливъ это искусство (и не различивъ въ опредѣленіи собственно *танцевъ* отъ *пантомимы*), Руссо́ предлагаетъ самъ себѣ дилемму: танцы, какъ особаго рода «нѣмая рѣчь» должны ли участвовать въ составѣ оперы, наравнѣ съ тремя другими, или должны быть допущены въ оперу только эпизодически, прерывая ходъ піэсы, но не вредя ея эффекту и единству. Первый случай представляется для Руссо́ совершенною *нелѣпостью* (такъ-какъ онъ все разумѣетъ пантомиму) потому-что ня ряду съ говоренною или пѣтою рѣчью невозможно допустить языка тѣлодвиженій, кромѣ какого-нибудь особеннаго исключенія (нѣмой или нѣмая на сценѣ оперной); второй случай, по мнѣнію Руссо́, тоже невозможенъ съ эстетической точки зрѣнія: «при танцахъ, введенныхъ, какъ эпизодъ, вся цѣ- «лость впечатлѣнія оперы разрушится, интересъ дѣйствія *непремѣнно* «ослабѣетъ и пьеса несравненно болѣе потерпитъ со стороны единства, «чѣмъ со стороны разнообразія. Такимъ-образомъ, — говоритъ Руссо́, «двухъ этихъ доводовъ совершенно достаточно, чтобъ *изъ лирической «драмы навсегда изгнать всѣ празднества и дивертисеманы*, какъ рѣшительно вредящіе ходу пьэсы.

Кромѣ того, что во всемъ, что мы выписали изъ «Dictionnaire de musique» сильно просвѣчиваетъ французскій, современный Жанъ-Жаку взглядъ на искусство, нельзя не видѣть, что Руссо, какъ и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, слишкомъ увлекается предметомъ, слишкомъ *идеализируетъ* его. Желая сдѣлать очеркъ исторіи оперы, онъ говоритъ о такомъ ея совершенствѣ, котораго она не только въ его время, но и теперь, то есть, позже почти столѣтіемъ — еще не достигла. Но для насъ именно по этому чрезвычайно дороги его замѣчанія — при всей ихъ неопредѣленности, отрывочности и невыработанности. Въ немногихъ строчкахъ Руссо успѣлъ затронуть почти всѣ стороны идеальнаго совершенства оперы, умѣлъ угадать инстинктивно, чего надо ис-

кать въ истинно-изящной оперѣ и чего никогда не должно быть на оперной сценѣ. Взглядъ Руссо на недостатки лирической драмы такъ вѣренъ, что слова его кажутся направленными не на современную ему оперу, а на чудовищныя оперы нашего времени.

Разсмотримъ нѣсколько поближе дѣйствительную судьбу оперы послѣ той точки, на которой засталъ ее Руссо. Послѣ той эпохи оперы, когда необходимымъ ея условіемъ былъ міръ волшебный, сверхъестественный, явилась серьезная музыкальная драма или *лирическая трагедія*, и такъ-какъ произведенія Спонтини, о которыхъ мы хотимъ говорить подробно, принадлежатъ именно къ этому роду оперъ, то мы и оставимъ въ сторонѣ оперу комическую или mezzo carattere (какъ напримѣръ: «Донъ-Жуанъ» Моцарта). Лирическая трагедія, почти совершенно созданная Глукомъ, съ особенною любовью разработывалась композиторами французской школы, преемниками Глука, (Сальери, Мегюлемъ, Керубини). Къ этой же школѣ прямо относится и Спонтини; къ ней же отнести надо «Вильгельма Теля» Россини — (другіе его серьезные оперы «Семирамида», «Отелло» относятся прямо къ *итальянской* школѣ, выработавшейся совершенно отдѣльно отъ французской и почти ничего съ нею общаго не имѣющей) — а въ наше время представители французской серьезной оперы: Оберъ, въ немногихъ своихъ произведеніяхъ съ сюжетомъ трагическимъ, напримѣръ: «Фенелла» «Густавъ III» Мейерберъ въ «Робертѣ,» «Гвельфахъ и Гибелинахъ» и «Пророкѣ» и Галэви въ «Жидовкѣ,» «Гвидо и Джиневра» и другихъ. Лирическая драма разработывалась и въ Италіи и въ Германіи; и тамъ и тутъ появилась бездна оперъ съ трагическимъ сюжетомъ, но въ Италіи, гдѣ очень скоро вкусъ публики наклонился къ одной мелодической сторонѣ, мало-по-малу такъ называемыя «Opera–seria» превратились въ «концерты» на сценѣ и въ костюмахъ «un concert, dont le drame est le prétexte», какъ сказалъ объ нихъ французскій эстетикъ Арно. Въ Германіи, послѣ Моцарта, который серьёзныхъ оперъ написалъ только двѣ («Idomeneo» и «Tito») и потому предпочиталъ родъ смѣшанный «dramma diocoso» — композиторы, по пристрастію германскихъ поэтовъ къ чудесному и фантастическому, также отступили отъ характера Глуковыхъ музыкальныхъ драмъ, создавъ оперу такъ названную ими «романтическую» (Фрейшюцъ, Эвріанта, Оберонъ, Фаустъ и другія), которая конечно не возвратилась къ тому дѣтскому вкусу, надъ которымъ посмѣивается Руссо, — но въ которой однако фантастическое, волшебное играетъ черезъ-чуръ значительную роль.

Глукъ, создавая *музыкальную* трагедію, первый уразумѣлъ, что главныя условія ея тѣже, что и трагедіи *словесной*, что музыкаль-

ная драма прежде всего должна быть — *драмою*; оттого для своихъ оперъ онъ бралъ цѣликомъ знаменитыя въ его время французскія трагедіи и заставлялъ либреттистовъ измѣнять ихъ на столько, на сколько того требовали условія *музыкальнаго* языка. Онъ такъ высоко ставилъ поэтическое достоинство трагедій, на которыя писалъ музыку, такъ высоко цѣнилъ важность текста въ музыкальной драмѣ, что самъ говорилъ: «Приступая къ сочиненію оперы, я стараюсь забыть, что я музыкантъ». Для него *правда* выраженія стояла несравненно выше собственно музыкальной красоты; по счастью *музыкальный* его геній такъ былъ силенъ, что не допустилъ его искажать музыкальную мысль, принося ее въ жертву поэтическому смыслу; — въ его произведеніяхъ, по большой части, царствуетъ желаемое идеаломъ музыки *равновѣсіе* между поэтическимъ смысломъ и красотой музыкальной фразы. Теорія же его не безъ преувеличенія, и слѣдствія этого преувеличенія были довольно вредны для его преемниковъ. Современная Глуку французская трагедія насквозь была пропитана ложнымъ классицизмомъ временъ Корнелья и Расина. Въ либреттахъ Глуковыхъ оперъ тѣже ходули, таже несносная натянутость положеній, напыщенность разговора; тоже, такъ-сказать, мишурное величіе, какъ и въ тогдашнихъ трагедіяхъ, съ которыхъ, какъ мы сказали, Глуковы либретто были просто сколки, но всѣ эти жалкія стороны рѣшительно незамѣтны за исполинскимъ величіемъ его геніальной музыки. Его геній умѣлъ угадать настоящій духъ античнаго міра: его оперы рѣшительно также величественны, какъ созданія Эсхила и Софокла; читая его партитуры, нельзя вѣрить, что его Ахиллъ, его Агамемнонъ выходили на сцену напудренные и въ башмакахъ! что его юноша Орфей, хочетъ на сценѣ заколоться шпагою! А это, между-прочимъ, en toutes lettres напечатано въ партитурѣ). Но при меньшей красотѣ музыки, напыщенность, натянутость самой драмы выступила бы слишкомъ ярко и сдѣлалась бы несносною. Одна музыка все спасаетъ и ужъ никакъ нельзя приписать достоинство Глуковыхъ оперъ ихъ *тексту*, о которомъ онъ самъ столько заботился! Вмѣшательство миѳологическихъ божествъ въ частныя дѣла смертныхъ — никакъ не можетъ быть занимательно на сценѣ, кромѣ какъ развѣ съ комической стороны, но и этого во всѣхъ возможныхъ *древнихъ* сюжетахъ надо избѣгать—какъ весьма дѣльно замѣтилъ Руссо; между-тѣмъ во всѣхъ *античныхъ* операхъ Глука боги вмѣшиваются въ развязку пренаивныхъ образомъ и, надо правду сказать, не совсѣмъ ловко съ музыкальной стороны. Такого рода недостатокъ вкуса въ планѣ оперы—составляетъ, можетъ-быть, одну изъ главныхъ причинъ, почему оперы Глука въ наше

время почти нигдѣ не даются. Нынче всѣ подобные «deus ex machina» не произведутъ ничего, кромѣ забавнаго впечатлѣнія (даже и появленіе «Пустынника» при развязкѣ Фрейшюца вызываетъ невольную улыбку — а уже не то, что какая-нибудь Діана или Аполлонъ, на облачной колесницѣ!) Но, даже и послѣ Глука, подобнаго рода «чудесное» допускалось во французскихъ лирическихъ драмахъ. По нашему мнѣнію, Руссо, какъ нельзя справедливѣе замѣтилъ о *неумѣстности* танцевъ въ лирической драмѣ; они прерываютъ дѣйствіе, развлекаютъ вниманіе, переносятъ совсѣмъ въ другую область, даютъ другое-настроеніе духу, весьма далекое отъ навѣяннаго трагической музыкой, не говоря уже о затрудненіяхъ и неизбѣжныхъ нелѣпостяхъ при постановкѣ на сцену дивертисмана, эпизодомъ входящаго въ серьезную музыкальную драму! Между-тѣмъ, танцы и дивертисманы составляютъ треть, если не половину, каждой изъ партитуръ Глука, и, конечно, не самую лучшую ихъ часть, въ собственно-музыкальномъ значеніи.

Глукъ въ этомъ случаѣ не могъ освободиться отъ вліянія своего вѣка и, вѣроятно, считалъ присоединеніе *танцевъ* въ операѣ необходимымъ для *отдыха* отъ слишкомъ сильныхъ впечатлѣній *патетическаго*. Но эта ошибка вкоренилась на сценѣ парижской Большой Оперы. Танцы сдѣлались необходимою принадлежностью, капитальнымъ условіемъ всѣхъ оперъ, писанныхъ для этой сцены. Этому, по нашему мнѣнію — варварскому, обычаю слѣпо слѣдовали и Сальери и Спонтини, ему же долженъ былъ покориться и Россини (въ «Теллѣ» и въ передѣлкѣ «Моисея» и «Осады Коринѳа», даже и *Веберу* навязали танцы (при передѣлкѣ его Фрейшюца для сцены Большой Оперы Берліозомъ). Съ особеннымъ удовольствіемъ повиновались этому принятому правилу Оберъ, Мейерберъ и Галеви, желавшіе блеснуть танцовальною музыкою, въ наше время чрезвычайно выработанною, и разсчитывавшіе на вкусъ толпы, вкусъ, по большой части не слишкомъ чистый и вѣрный. По нашему мнѣнію, для танцевъ, есть своя отдѣльная область — *балетъ*, гдѣ соединеніе мимики, т. е. пластической красоты въ движеніи, съ красотой обстановки и съ выразительною музыкою можетъ доставить наслажденіе, быть можетъ, достойное соперничать съ оперою, по крайней мѣрѣ съ многихъ сторонъ; но смѣшивать сферу оперы съ сферой балета никакъ недолжно, потому-что такая амальгама неестественна и вредитъ полнотѣ впечатлѣнія.

Французскіе критики и литераторы, во время Глука и послѣ него, не мало хлопотали объ уясненіи общихъ законовъ для составленія либреттъ оперъ, чтобы уравновѣсить занимательность содержанія пьесы (l'interet

du *poëte*, какъ они называютъ) и занимательность музыки, чтобы участіе обоихъ искусствъ, поэзіи и музыки, было, по возможности, равное; — но всѣ ихъ глубокія соображенія, привели не къ слишкомъ утѣшительнымъ результатамъ. Очень мудрствовалъ по этому случаю Бомарше — изложивъ свою философію оперная текста въ предисловіи къ своей операѣ «Tarare» — но сама эта опера до того плоха, до того забавно-нелѣпа, наполнена несообразностями всякаго рода и насквозь пропитана безвкусіемъ, что надо было имѣть талантъ *Сальери*, чтобы написать что-нибудь порядочное на такой курьёзный текстъ! Что для оперы необходимы рѣзко-очерченны характерые, сильныя страсти, интересная завязка всей пьесы и занимательность отдѣльныхъ сценъ — это было давно понято, хотя и не всегда соблюдалось, но и въ наше время, при составленіи либреттъ серьёзныхъ операъ еще не нашли настоящей средней черты между рѣзкостью отчаянной мелодрамы и совершенной безцвѣтностью, безхарактерностью сюжета. Мелодрама давно осмѣяна и не смѣетъ явиться иначе, какъ на третьестепенныхъ театрахъ, а въ оперныхъ текстахъ и до нашего времени неистовые тираны — басы, приторные героини — сопрано, сантиментальные рыцари — теноры — еще въ полномъ ходу!

Далѣе: отъ волшебства и вмѣшательства безтѣлесныхъ силъ мало-по-малу въ серьёзныхъ операхъ начинаютъ отказываться, но не хотятъ убѣдиться въ ненужности и незанимательности всѣхъ этихъ торжественныхъ процессій, маршей, сраженій и всего, что встарину и на афишахъ называлось «великолѣпнымъ спектаклемъ». Не хотятъ убѣдиться, что настоящее дѣло музыки не изумлять и поражать внѣшнимъ, чисто-декораціоннымъ блескомъ, а изображать душевную жизнь отдѣльныхъ людей. Область музыки *сценической* не въ шумныхъ хорахъ и вакханаліяхъ, а въ глубокой психологіи, въ разговорѣ между душой дѣйствующихъ лицъ и душой зрителя, въ волненіи, въ порывахъ души, то страстныхъ, то нѣжныхъ, однимъ словомъ, во всемъ, что составляетъ *жизнь души*. Сфера, кажется, не маленькая, и право нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ внѣшнимъ средствамъ, только развлекающимъ вниманіе къ невыгодѣ музыки. Но Французовъ еще долго въ этомъ не убѣдить. Какъ народъ, по натурѣ вовсе не музыкальный, они и до-сихъ-поръ больше всего любятъ такія оперы, гдѣ такъ много всякой всячины на сценѣ. Французы изобрѣли этотъ «чудовищный спектакль» называемый большою оперою (въ наше время не иначе какъ въ 5 актахъ, съ танцами, съ лошадьми и верблюдами и съ электрическимъ солнцемъ); они довели его до крайнихъ предѣловъ въ «Пророкѣ» или «Блудномъ сынѣ» Обера. Этимъ мы никакъ не хо-

тимъ сказать, что въ операѣ не должно вовсе заботиться о сценическомъ эффектѣ, напротивъ *должно* и *очень*, должно не только объ эффектѣ самого хода пьесы, но и о внѣшнемъ эффектѣ, о картинности каждой сцены въ ея связи съ обстановкою, костюмомъ и декораціею. Это необходимыя условія, для каждой драмы; почему же *музыкальная* драма должна быть освобождена отъ нихъ? Напротивъ, если мы и не повторимъ за Руссо, что оперу составляетъ соединеніе *трехъ* искусствъ, потому-что по нашимъ понятіямъ, роль поэзіи въ этомъ случаѣ далеко не наравнѣ съ ролью *музыки*, а роль живописи еще на дальнѣйшемъ планѣ, тѣмъ не менѣе — такъ-какъ ходъ оперы не можетъ быть такъ быстръ, какъ ходъ драмы и каждое изъ драматическихъ положеній задерживается музыкою, — внѣшняя обстановка въ операѣ важнѣе, чѣмъ въ просто-поэтической драмѣ.

И такъ, *эффектность, сценичность* — необходимыя условія оперы, но эта сценичность никакъ не должна переходить въ чисто-внѣшнюю *декораціонность*, завязка должна быть занимательна, но никакъ не запутана, потому-что музыка не можетъ и не должна передавать всѣхъ подробностей запутанной интриги, не разлучныхъ съ такими чертами реальной жизни, которымъ, какъ и многому другому, рѣшительно нѣтъ мѣста въ музыкѣ.

Уловить настоящую черту того, что̀ можетъ и что̀ не можетъ, а слѣдовательно и не должно быть выражено музыкою въ сценическомъ дѣйствіи — не такъ легко, какъ можетъ инымъ показаться. Даже самые опытные либреттисты очень часто жестоко ошибаются въ выборѣ положеній и идей, на оперной сценѣ. Вообще часто забываютъ, что далеко не все, выражаемое поэзіею, доступно музыкальному языку; не-только не всѣ подробности, больше или меньше прозаическія, но и не всѣ страсти, напр. честолюбіе, скупость — не музыкальные предметы; равно какъ и коварство, какъ у Яго, злоба Ричарда III, мудрствованіе Гётева Фауста. Составитель оперная текста, или при пособіи композитора, или самъ собою, и почти *инстинктивно*, долженъ угадать тѣ страсти и тѣ положенія, которыя могутъ быть переданы музыкальнымъ языкомъ, тѣ страсти и положенія, которыя, такъ сказать, сами просятся подъ музыку. Безъ этого, опера будетъ холодна, скучна, лишена музыкальной поэзіи. Сообразивъ всѣ эти трудности и прибавивъ, что каждый оперный текстъ, чтобы вдохновить композитора, долженъ быть и занимателенъ, и простъ, и безъ всякихъ претензій, и глубоко-поэтиченъ въ основѣ, мы не удивимся — отчего такъ мало хорошихъ либреттъ, даже не касаясь ихъ языка, тоже не маловажнаго условія для музыки!

Разсмотрѣвъ условія серьёзной *оперы*, какъ *пьесы*, какъ *драмы*, бросимъ на нее взглядъ, какъ на *музыкальное* произведеніе и постараемся и здѣсь вывести необходимыя требованія. Здѣсь, на первомъ мѣстѣ, встрѣчается вопросъ, уже нѣсколько разъ нами затронутый, о «равновѣсіи» между поэтическимъ содержаніемъ оперы, т. е. текстомъ— и музыкою. Руссо довольно хорошо очертилъ два случая, когда это равновѣсіе бываетъ нарушено: при перевѣсѣ чисто-музыкальной стороны — опера превращается въ *концертъ*; при перевѣсѣ поэтической стороны слушается драма, музыка дѣлается почти лишнею. Постараемся съ другой стороны подойти къ этимъ же результатамъ. Цѣль оперы есть душевное наслажденіе, доставляемое драматической музыкой въ соединеніи съ сценическою игрою. Духовное наслажденіе доставляется только красотою; красота въ этомъ случаѣ можетъ быть или красота выраженія, т. е. правда характера, правда обрисованнаго музыкою положенія, правда декламаціи, или красота собственно музыкальной мысли, красота музыкальныхъ фразъ, свободно текущихъ одна за другою, хотя бы и безъ прямаго отношенія къ тексту. На первый разъ можетъ показаться, что эти двѣ красоты, совершенно разныя, достигаются разными путями и объ соединеніи ихъ мудрено и думать. И въ-самомъ дѣлѣ, стремленія исключительныя то къ той, то къ другой красотѣ, въ искусствѣ имѣли слѣдствіемъ пагубный расколъ, такъ называемой музыки *итальянской* (красота собственно музыкальная) и *нѣмецкой* (красота поэтической мысли, выраженной музыкою, правда музыкальная). Всѣ, въ комъ стремленіе къ непосредственному наслажденію, сильнѣе стремленія къ наслажденію, проведенному чрезъ умъ — будь это композиторы или публика, критика или диллетанты — всѣ на сторонѣ чисто-музыкальной красоты, на сторонѣ музыки, такъ называемой *итальянской;* — всѣ другіе, т. е. приверженцы по преимуществу наслажденія духовнаго, будутъ на сторонѣ музыки, такъ называемой *нѣмецкой*. Въ томъ смыслѣ, какой мы здѣсь придаемъ слову *нѣмецкая* музыка, къ ней будетъ относиться и музыка *французской* школы или школы *Глука*. Строгая правда характера, положенія, декламаціи, правда *выраженія* въ музыкѣ вообще, т. е. чтобъ вопросъ звучалъ вопросомъ, отвѣтъ отвѣтомъ или какъ Спонтини говорилъ о Глукѣ: «у него въ музыкѣ «да», въ-самомъ-дѣлѣ «да!» и «нѣтъ», въ-самомъ-дѣлѣ «нѣтъ!»), такая правда до извѣстной степени можетъ быть, уловлена обдуманностью, вниманіемъ, дразсчетомъ, и часто можетъ замѣнить дѣйствительный талантъ въ драматической музыкѣ. Все остальное, т. е. дѣйствительно *музыкальный* интересъ, будетъ рѣшительно отсутствовать въ произведеніяхъ такого, хотя бы до чрезвычайности умнаго и опытнаго ком-

позитора; произведенія его, не смотря на эту *правду* характеровъ и положеній, не будутъ имѣть почти никакой привлекательности, будутъ сухи и скучны. А такъ-какъ *умъ* заставитъ композитора увидѣть, что тутъ многаго еще не достаетъ для сценическаго эффекта, то композиторъ не преминетъ пустить въ ходъ всѣ позволенныя и непозволенныя средства, чтобы изумить, поразить, ошеломить публику. Вотъ начало этихъ произведеній, гдѣ постоянно видны *претензіи* на глубокую драматичность, и гдѣ эти претензіи замѣняютъ собою *музыку*, которой на лицо не оказывается, потому-что вездѣ, гдѣ нужно чисто-*музыкальное* вдохновеніе, никакой на свѣтѣ умъ, никакіе обдуманнѣйшіе разсчеты не пособятъ; отсутствіе музыкальной, *мелодической* мысли не выкупается ничѣмъ, и никакой умъ въ обдѣлкѣ, никакая правда декламаціи, никакой блескъ и новизна оркестровки не спасаютъ оперы отъ холодности и скуки общаго впечатлѣнія.

Въ такую-то невыгодную сторону уклонились нѣкоторые изъ преемниковъ Глука, впадая болѣе и болѣе въ грубую декораціонность и характеровъ и положеній, въ мелодраматическія рѣзкости и контрасты и въ страшную трескотню въ оркестрѣ и на сценѣ. Стремясь къ *сильному* эффекту, они наконецъ совершенно потеряли мѣрку *выносимой* ушами *силы* безъ болѣзненнаго оглушенія. Имъ все казалось еще не довольно *сильно* и въ текстѣ и въ партитурѣ, пока не дошли чуть не до постояннаго бѣшенства и неистовства въ пьесѣ и до сплошнаго fff на всѣхъ страницахъ партитуры. Съ другой стороны тѣ композиторы, которые, какъ избранники, были щедро надѣлены даромъ мелодіи, не имѣя почти никакой надобности развивать въ себѣ другія нужныя для композитора качества, довели оперу до того *изнѣженнаго* состоянія, которымъ теперь отличается вся итальянская музыка. Имъ, при способности къ чудесной, очаровательной музыкальной мысли, которую съ наслажденіемъ передавали гибкіе, послушные итальянскіе голоса, никакой заботы не было до *правды* характера, положенія или декламаціи. Ихъ оперы сдѣлались костюмированными концертами, но нравились всѣмъ и каждому, игрались на всѣхъ театрахъ свѣта, цѣль ихъ была достигнута.

Къ счастію музыки, есть возможность примирить оба, такъ далеко разошедшіяся направленія. Къ счастію музыки, еще во многихъ живетъ убѣжденіе, что *идеальное совершенство* музыки только тогда достигается, когда *правда* выраженія *совпадаетъ* съ *чисто-музыкальною*, мелодическою *красотою*, когда высшая *правда* выраженія вызываетъ высшую красоту музыки. И такое совершенство не просто въ идеалѣ, оно существуетъ и на оперной сценѣ: въ операхъ Глука и Моцарта, также во многихъ мѣстахъ оперъ Мегюля, Керубини, Россини и Вебера.

Но пора однако обратиться къ операмъ Спонтини ... Начнемъ съ Весталки. Дѣйствіе въ древнемъ Римѣ, во времена консуловъ.

Полководецъ Лициній возвращается побѣдителемъ изъ похода противъ какихъ-то варваровъ. Идутъ приготовленія къ тріумфу побѣдителя, но душа Лицинія полна не побѣдою, не предстоящимъ торжествомъ, — онъ любитъ Юлію, которая была уже почти невѣстою его, но по волѣ матери, въ отсутствіе Лицинія, сдѣлалась *весталкою* (речитативъ). Другъ Лицинія, Цинна старается удержать его порывы (арія Цинны и дуэтъ его съ Лицініемъ). Сцена передъ храмомъ Весты. Жрицы ея — въ томъ числѣ Юлія, подъ предводительствомъ главной весталки — въ церемоніяльномъ шествіи поютъ утренній гимнъ своей богинѣ (женскій хоръ). Главная весталка, замѣчая постоянную грусть и волненіе Юліи и узнавъ, что причиною этого волненія любовь, въ мрачныхъ краскахъ представляетъ ей весь ужасъ власти бога любви; предостерегаетъ ее, чтобъ она бѣжала отъ искушеній этого бога, непримиримаго врага Весты (речитативъ и арія главной Весталки); потомъ объявляетъ Юліи, что въ предстоящую ночь ея очередь сторожить вѣчно-горящій огонь на жертвенникѣ Весты, въ ея храмѣ, — и что, по древнему обычаю, *дежурная* весталка должна всенародно увѣнчать тріумфатора (речитативъ). Юлія остается одна. Высказываетъ всю тревогу своей души — она увидитъ Лицинія — будетъ говорить съ нимъ ... (сцена) Но вотъ несутся издали звуки тріумфальнаго марша — шествіе приближается. Сцена полна народомъ, жрецы, весталки, воины, консулъ, Лициній на колѣсницѣ тріумфатора, — великолѣпный спектакль (финалъ 1-го акта). Юлія, вся дрожа отъ волненія, возлагаетъ на Лицинія лавровый вѣнокъ. Лициній пользуется этими минутами, чтобы условиться съ нею о свиданіи; Между тѣмъ главный жрецъ и консулъ отъ лица боговъ и всего римскаго народа выражаютъ признательность Лицинію за его побѣды, — народъ радость свою выражаетъ плясками (длинный балетъ); обратнымъ шествіемъ весталокъ и повтореніемъ торжественнаго хора оканчивается первый актъ.

Второе дѣйствіе въ храмѣ Весты. Вечеръ. Огонь пылаетъ на жертвенникѣ. Весталки (въ числѣ ихъ главная жрица и Юлія) поютъ вечерній гимнъ богинѣ (женскій хоръ). Главная весталка еще разъ поручаетъ Юліи храненіе священнаго огня подъ опасеніемъ *смерти*, если онъ погаснетъ — и оставляетъ ее одну у жертвенника. Монологъ Юліи (большая арія), волненіе любви въ ея душѣ, колебаніе между любовію и долгомъ, любовъ пересиливаетъ, Юлія бѣжитъ къ дверямъ храма и открываетъ ихъ Лицинію (дуетъ). Восторгъ свиданія; въ упоеніи любви Лициній и Юлія забываютъ весь міръ, между тѣмъ

огонь Весты потухаетъ, совершенная темнота въ храмѣ напоминаетъ Юліи о ея преступленіи. Ужасъ любовниковъ. Юлія заранѣе обрекаетъ себя смерти: законъ римскій неумолимъ. Вбѣгаетъ Цинна съ тревожнымъ извѣстіемъ, что народъ узналъ о присутствіи Лициніа въ священныхъ предѣлахъ храма Весты и волнуется у дверей храма (терцетъ съ хоромъ). Бурныя восклицанія народа ближе и ближе. Цинна и Юлія заклинаютъ Лициніа спастись бѣгствомъ, онъ колеблется, желаетъ цѣною своей жизни выкупить жизнь Юліи, но это невозможно. Цинна наконецъ увлекаетъ Лициніа. Въ изступленіи отъ страшной борьбы, отъ жестокости своего положенія, Юлія падаетъ безъ чувствъ къ подножію жертвенника. Входитъ главный жрецъ, за нимъ жрецы и весталки съ факелами, за ними народъ (финалъ втораго акта). Всеобщій ужасъ при видѣ погасшаго жертвенника и Юліи въ безпамятствѣ.

Le feu sacré éteint
La prêtresse expirante!..
Les dieux pour signaler
Leur colère éclotante и проч.

восклицаетъ главный жрецъ. Юлія приходитъ въ себя ... Зная, что ее ожидаетъ, она прямо, съ ожесточеніемъ на свою судьбу, признается въ своемъ преступленіи, не называя однако своего возлюбленнаго. Главный жрецъ, полный фанатическаго негодованія противъ преступницы, произноситъ страшное ей проклятіе и послѣ торжественнаго обряда, которымъ Юлія исключается изъ числа жрицъ Весты, набрасываетъ на нее черное покрывало, знакъ ожидающей ее смертной казни. Хоръ жрецовъ, весталокъ и народа, сопровождающій этотъ печальный обрядъ, дѣлаетъ это мгновеніе оперы самымъ важнымъ и занимательнымъ.

Третій актъ открывается монологомъ Лициніа (арія), на мѣстѣ казни весталки. Это sceleratus ager близъ Квиринальской горы. Вдали камень съ надписью показываетъ мѣсто, гдѣ была зарыта живая въ землю весталка, прежде Юліи, провинившаяся; тутъ же рядомъ приготовлена могила и для Юліи. Лициній въ бѣшенствѣ, рѣшается возмутить если нужно весь міръ, чтобъ спасти несчастную Юлію. Является Цинна и опять (въ длинной аріи) выражаетъ свою дружбу и приверженность къ Лициніо (!) и готовность помогать ему во всемъ. Приходитъ главный жрецъ, чтобы сдѣлать распоряженіе къ казни — и встрѣчается съ Лициніемъ (дуэтъ тенора и баса). Оба угрожаютъ другъ другу. Лициній удаляется, чтобъ воспламенить своихъ друзей къ защитѣ Юліи. Главный жрецъ отдаетъ прика-

заніе Аруспицію — между тѣмъ раздаются звуки погребальнаго шествія; хоръ весталокъ и молодыхъ дѣвицъ предшествуетъ Юліи — потомъ ведутъ ее подъ чернымъ покрываломъ — далѣе жрецы, воины, народъ. Трогательное прощаніе Юліи съ главной весталкой и съ подругами, (дуэтъ и женскій хоръ); наконецъ Юлія должна сама сойдти въ свою могилу, вотъ уже она спустилась на нѣсколько ступеней и въ послѣдній разъ (въ аріи) мысленно обращается къ своему возлюбленному, прощается съ нимъ и съ жизнію ... Вдругъ шумъ и тревога: —воины подъ предводительствомъ Лициніа бѣгутъ съ Квириналской горы. Главный жрецъ, жрицы и часть народа вооружаются въ свою очередь противъ этого нарушенія варварскаго обряда, всеобщее смятеніе, которое готово перейти въ кровопролитіе (финалъ послѣдняго акта). Но весь народъ пораженъ новымъ ужасомъ: — черная туча налегла надъ Римомъ, сдѣлалась ночь среди дня, вихрь, буря, гроза молніи во всѣхъ направленіяхъ бороздятъ небо ... Огненная стрѣла падаетъ на жертвенникъ Весты и *священный огонь* снова пылаетъ! Главный жрецъ тотчасъ изъясняетъ народу волю боговъ: Веста *прощаетъ* Юлію съ тѣмъ, чтобы она не была болѣе ея жрицей и дозволяетъ ей вступить въ бракъ съ Лициніемъ. (!) Сцена переносится въ другую часть Рима, на площадь передъ храмомъ Венеры. Радость любовниковъ, — радость народа. Балетъ.

— Вотъ бѣглый очеркъ хода «*Весталки.*» Тотчасъ видно, что тутъ очень много выгодныхъ для патетичесткой музыки положеній.

Удивительно, почему это либретто не понравилось ни Мегюлю, ни Керубини, тогда–какъ можно полагать навѣрное, что занимательность и нѣкоторая новизна сюжета играли важную роль въ успѣхѣ оперы передъ парижской публикой. Конечно, въ подробностяхъ сценъ, въ самыхъ словахъ текста и, главное, въ натянутой счастливой развязкѣ есть много возбуждающаго улыбку — теперь не было бы никакой необходимости придумывать счастливый конецъ оперѣ: трагическій сюжетъ остался бы вполнѣ трагическимъ; несчастная Юлія сошла бы въ могилу, не получивъ помилованія отъ богини; такъбыло бы въ наше время: примѣръ—Фенелла, Гвельфы и Гибеллины, Жидовка, Норма, Пророкъ и проч: Во время Спонтини иначе смотрѣли на сцену; —притомъ же какое либретто изъ всѣхъ существующихъ серьёзныхъ оперъ совершенно свободно отъ упрековъ въ нѣкоторой нелѣпости? Главное дѣло, какъ мы слышали, чтобы было широкое поле для *музыки*, для музыкальной *поэзіи*, чтобы было гдѣ высказаться радости и горю, счастью и тревогамъ любви, жалобамъ на суровую судьбу, мольбамъ, воплямъ души,— чтобъ были минуты ужаса, смятенія и минуты торжества и ликованія,

для отдѣльныхъ лицъ и для хора, наконецъ, чтобы это было окаймлено рамкой *извѣстнаго* времени, *извѣстнаго* мѣста, для общихъ оттѣнковъ историческаго или мѣстнаго колорита, который придаетъ необыкновенную прелесть музыкѣ.

Всѣ эти условія мы находимъ въ сюжетѣ *Весталки*, а при такихъ условіяхъ нелѣпости и неловкости, несвязность и натянутость иныхъ сценъ и положеній — не въ счетъ. Если уже рѣчь зайдетъ о *нелѣпости* оперныхъ сюжетовъ, которая будто-бы вредитъ музыкѣ, — то самымъ лучшимъ доказательствомъ противнаго навсегда останутся оперы Моцарта «Волшебная Флейта» и «Cosi fan tutte.» Трудно что-нибудь придумать *нелѣпѣе* текста Волшебной Флейты, и наивно-*глупѣе* сюжета Cosi fan tutte! Это не помѣшало однако Моцарту написать на такіе тексты *очаровательнѣйшія* произведенія, *лучшія* изъ всей оперной музыки. Но мы опять отдалились отъ *Весталки*. Существенный упрекъ, который можно сдѣлать тексту этой оперы — это холодность нѣкоторыхъ сценъ, именно тѣхъ, гдѣ Цинна разглагольствуетъ о своей дружбѣ. Вообще этотъ Цинна лицо совершенно лишнее по ходу пьесы и придумано авторомъ либретто вѣроятно вслѣдствіе преданій классической трагедіи, гдѣ необходимо вводились *наперсники* и *наперсницы*, хотя-бы совершенно лишенные индивидуальнаго характера. Композиторъ Весталки оставилъ это лицо на сценѣ, быть можетъ, оттого, что не смѣлъ слишкомъ рѣзко по своему распорядиться даннымъ ему «изъ милости» текстомъ, а быть можетъ, даже считалъ этого наперсника и *необходимымъ* лицомъ! Да и въ музыкальномъ отношеніи Цинна казался ему нужнымъ въ качествѣ втораго тенора для дуэта съ Лициніемъ и для терцета, послѣ катастрофы. Въ наше время, впрочемъ, еслибъ пришлось кому-нибудь составлять планъ оперы на подобный сюжетъ, навѣрное Цинну не оставили бы на сценѣ, по-крайней-мѣрѣ, не дали бы ему длинныхъ *арій* о дружбѣ въ 1-мъ и 3-мъ актахъ. Въ Нормѣ, напримѣръ, подобный *наперсникъ* Flavio, *молча* выслушиваетъ длинный разсказъ Полліона о его душевныхъ мученіяхъ и вся роль этого Flavio заключаетсявъ нѣсколькихъ фразахъ речитатива. Въ наше время авторы оперъ слишкомъ хорошо помнятъ, какую жалкую роль играютъ на сценѣ лица третьестепенные; помнятъ, какъ *опасно* поручать длинныя «solo» подобнымъ лицамъ, обыкновенно исполняемымъ самыми плохими сюжетами труппы, способными только возбудить смѣхъ въ самыя трогательныя минуты пьесы. Можно сдѣлать и еще упрекъ тексту «Весталки» въ отношеніи плана, а именно: за чрезвычайное изобиліе маршей и церемоніальныхъ шествій. Но тутъ уже должна зайти рѣчь о всемъ направленіи оперной музыки, какъ ее понималъ Спонтини. Быть-можетъ

именно эта сторона церемоніальной торжественности заставила Спонтини такъ жадно ухватиться за сюжетъ «Весталки». Во время Спонтини позволительно было смотрѣть на эту внѣшнюю пышность, какъ на *единственно-возможную* сферу для героической оперы.

Старая истина, что въ каждомъ художественномъ произведеніи болѣе или менѣе отражается то время, въ которое оно создалось. Но въ этомъ *болѣе* или *менѣе* вся градація отъ непервостепеннаго таланта до геніальности. Въ геніальныхъ произведеніяхъ сила мысли и необходимой неорганической формы побѣждаетъ вліяніе духа времени; каждый геніальный художникъ надѣленъ даромъ объективности до такой степени, что мимо современныхъ формъ и идей, безсознательно для него самого толпящихся въ его воображеніи, онъ умѣетъ перенести себя въ отдаленную древность, въ чужую, едва по описаніямъ знакомую мѣстность; умѣетъ въ полной картинѣ мысленно провидѣть жизнь людей за нѣсколько тысячелѣтій; умѣетъ въ минуту вдохновеннаго творчества совершенно отрѣшиться отъ своей личности, отъ своей національности, быть просто человѣкомъ, а не французомъ, не англичаниномъ. Мы говорили уже объ этой удивительной сторонѣ геніальности «Глука», которому, также какъ и Шекспиру, нисколько не мѣшали оковы *современности,* чтобъ видѣть и передавать античный міръ во всей его правдѣ. Анахронизмы Шекспира и мелкія ошибки Глука конечно должны исчезнуть передъ той *правдой,* которою они умѣли запечатлѣть свои картины древняго міра. Дань духу времени въ геніальныхъ произведеніяхъ занимаетъ слишкомъ незначительное мѣсто. Но не такъ бываетъ съ произведеніями художниковъ не–первостепенныхъ. Въ нихъ прежде всего замѣтно вліяніе современности, дань вѣку, даже модѣ.—Когда вы любуетесь «Танцовщицей» или «Психеею», Кановы, въ воображеніи вашемъ невольно промелькнутъ портреты красавицъ первыхъ годовъ нашего вѣка, и «Танцовщица» и «Психея» представятся вамъ идеализированными парижанками временъ Имперіи. Точно также ясно и въ музыкѣ «Весталки» отразилась современная эпоха, блестящая эпоха военной славы Франціи, побѣдъ Наполеона, эпоха Давида, Жиродэ, Жерара, Штейбельта, Каталани, эпоха прическъ à la Titus, узкихъ платьевъ и короткихъ талій, эпоха праздничной пышности на военную ногу, повторенія во Франціи внѣшности *римской* жизни, эпоха марціальной вѣжливости и жеманной граціозности.

Спонтини имѣлъ передъ собою оперы Глука и Моцарта, Керубини и Мегюля; героическія оперы съ самыми богатыми и разнообразными сюжетами подъ перомъ этихъ великихъ музыкальныхъ поэтовъ получили такія формы и такіе размѣры, что надо было идти по ихъ слѣдамъ,

чтобъ дѣлать образцово-прекрасное. Спонтини всего больше сочувствовалъ Глуку. Но онъ ясно видѣлъ, что оперы Глука были уже не въ духѣ времени. Онѣ были слишкомъ глубоки, слишкомъ, такъ-сказать, тяжеловѣсны для публики временъ Имперіи. Между-тѣмъ, оркестръ и вся фактура въ операхъ Моцарта, Мегюля и Керубини пріобрѣли новыя, незнакомыя Глуку красоты отъ многихъ счастливыхъ нововведеній, особенно въ финалахъ, и въ совокупныхъ мѣстахъ Только для Спонтини казалось, что все еще мало яркаго блеску и пышности въ оркестрѣ и на сценѣ. Онъ жаждалъ оперы, которой сюжетъ потребовалъ бы всѣхъ условій, которыя для него казались лучшимъ украшеніемъ оперной музыки. «Весталка», какъ мы сказали, какъ нельзя лучше отвѣчала идеалу Спонтини и онъ принялся за нее со всею ретивостью композитора, влюбленнаго въ свой сюжетъ.

Не имѣя въ своемъ талантѣ ничего геніальнаго, онъ, рыская почти по слѣдамъ Глука, умѣлъ подойдти къ нему нѣсколько въ *речитативахъ, въ стремленіи къ постянной правдѣ декламаціи,* во всемъ же остальномъ музыка его безконечно далека отъ музыки Глука, за неимѣніемъ главнаго элемента, элемента *красоты мелодической*. Мѣстами встрѣчается нѣкоторая щеголеватость (élégance), но тутъ же рядомъ какая-нибудь до крайности пошлая фраза портитъ все впечатлѣніе. Вездѣ отрывочность, разорванность мелодіи, а тамъ, гдѣ и есть ея сплошное теченіе на нѣсколько тактовъ, мелодія сама по себѣ такъ иногда ничтожна, что только досадно дѣлается, зачѣмъ писалась такая музыка! Долго было въ модѣ сравнивать музыку Спонтини съ *Россиніевою;* говорили даже, что Россини въ серьёзной оперѣ взялъ себѣ за образецъ «Весталку». Ничего не можетъ быть ложнѣе этого взгляда: Спонтини въ полномъ смыслѣ только продолжатель бывшаго *до него* стиля героическихъ оперъ школы Глука; Россини развился совсѣмъ на другой почвѣ и всего больше обязанъ не образцамъ своимъ, а собственной, исполински - даровитой личности.

Музыка Россини отличается постоянною мелодичностью, плавнымъ теченіемъ мелодической мысли, иногда даже въ ущербъ правдѣ драматической; музыка Спонтини страдаетъ отсутствіемъ мелодическаго элемента, самыя лучшія мѣста его оперъ тѣ, гдѣ нѣтъ надобности въ плавномъ теченіи собственно музыкальной мысли, т. е. речитативы, декламація, съ пособіемъ всѣхъ богатыхъ средствъ оркестра. Лучшимъ доказательствомъ бѣдности *мелодическаго* творчества въ талантѣ Спонтини служитъ особенное его пристрастіе къ ритму марша. Этотъ ритмъ, своею яркою опредѣлительностью, способенъ придать характеръ даже самой безцвѣтной мелодіи. У Спонтини бо́льшая часть

нумеровъ оперы въ этомъ движеніи «alla marcia». Не повторяя уже объ изобиліи въ «Весталкѣ» *дѣйствительныхъ* маршей и процессій всякаго рода, даже патетическія, страстныя минуты оперы иногда не внушали Спонтини другаго ритма, кромѣ маршеобразнаго. Напримѣръ, въ дуэтѣ Юліи и Лицинія въ храмѣ Весты (восторгъ и упоеніе передъ тѣмъ, какъ огонь погасъ) « Sur cet autel sacré« (B dur — C)» — чистый маршъ!

Отъ этого, конечно, Спонтини всей своей музыкѣ придалъ чрезвычайное однообразіе. Но и это вѣчное «pomposo marziale» было въ талантѣ Спонтини отраженіемъ его времени. Тогда во Франціи почти все было настроено на воинственный ладъ. Въ «Весталкѣ» дѣйствуютъ Римляне; но кромѣ внѣшности, сценической обстановки въ этой оперѣ ни въ чемъ не видно Римлянъ. Сколько сама Юлія, Лициній, главная весталка, жрецъ, даже хоръ — *французы* въ текстѣ Жуи, столько же, если еще не больше, они остались *французами* въ музыкѣ Спонтини. Надо было имѣть крылья Глукова генія, чтобъ высоко подняться надъ французскою неправдой текста. Спонтини остался въ тѣсныхъ предѣлахъ, заданныхъ ему либреттистомъ. Въ одномъ нельзя отказать музыкѣ Спонтини: въ нѣкоторой силѣ и увлеченіи, въ страстныхъ моментахъ оперы. Чѣмъ сильнѣе патетическое положеніе, тѣмъ Спонтини болѣе въ своей сферѣ. Въ этомъ у него есть отдаленное сходство съ направленіемъ Глука, всегда стремящагося къ патетическому. Но сходство это иногда, особенно при замѣтномъ желаніи Спонтини подражать Глуку, переходитъ въ каррикатуру, потому-что сила, энергія, безъ красоты, тотчасъ впадаетъ въ преувеличеніе. Черезъ-чуръ сильная декламація переходитъ въ непріятный крикъ, черезъ-чуръ сильная оркестровка—въ оглушительный трескъ, патетическое превращается въ мелодраму, картина—въ декорацію. Все это очень часто встрѣчается въ музыкѣ Спонтини. Желая придать героической оперѣ нѣсколько новый, блестящій характеръ, онъ, въ этомъ стремленіи къ яркому блеску, потерялъ мѣру благоустройности въ употребленіи голосовъ и оркестра, особенно оркестра. Въ партитурахъ Спонтини впервые въ оперной музыкѣ встрѣчаются эти шумные, оглушительные взрывы, на которые такъ щедры всѣ оперные композиторы нашего вѣка. Спонтини первый высказалъ пристрастіе къ мѣднымъ инструментамъ, къ ихъ массѣ, къ *реву* тромбоновъ и трубъ. Впрочемъ, въ оркестровкѣ Спонтини еще далеко нѣтъ такой нелѣпости въ злоупотребленіи силы, какъ, напримѣръ, въ операхъ Верди. Спонтини все-таки превосходно зналъ всѣ средства оркестра, и въ его партитурахъ мѣстами являются изумительно-прекрасныя, нѣжныя и прозрачныя сочетанія инструментовъ. Точно так-

же и въ распредѣленіи вокальныхъ партій въ большихъ morceaux d'ensemble у него большое мастерство. Онъ *первый* началъ употреблять длинное, превосходно расчитанное crescendo голосовъ и оркестра.

И вотъ, быть-можетъ, единственная сторона, которою воспользовался Россини изъ всего, что сдѣлалъ авторъ Весталки. Ни у Моцарта, ни у Керубини, ни у Мегюля нѣтъ такого громоваго crescendo, которое появилось на сценѣ во второмъ финалѣ Весталки. Теперь это crescendo уже не новость; Россини, а за нимъ его подражатели, довольно поизносили его. И такъ, эта сторона и стремленіе къ правдѣ въ речитативахъ, иногда достигающее цѣли — вотъ заслуги Спонтини. Но ни превосходное знаніе оркестра и голосовъ, ни правдивая, иногда прекрасная декламація не могутъ выкупить существеннаго недостатка: бѣдности мелодической мысли! Въ этой бѣдности, уничтожающей по нашему мнѣнію, всѣ прочія достоинства музыки, не могутъ не сознаться самые ревностные поклонники Спонтини. Поклонниковъ его музыки и до-сихъ-поръ много въ Германіи, гдѣ со времени Бетговена не появлялось ни одного композитора, одареннаго родникомъ истинной, чистой мелодіи. За отсутствіемъ мелодическаго композитора, нѣмцы мало-по-малу отвыкли смотрѣть на мелодію, какъ на душу всей музыки и привыкли восхищаться такими произведеніями, гдѣ есть глубокая наука гармоніи, контрапункта, оркестровки, гдѣ есть умъ, поэтичность, все на свѣтѣ, кромѣ — мелодіи!

Въ своемъ энтузіазмѣ къ операмъ Спонтини, нѣмцы дошли до того, что его, Итальянца по рожденію, признали *своимъ* (Spontini, den wir wenigstens mit gleichem Rechte *unser* nennen, wie Frankreich *unsern* Gluck den *seinigen* genannt. Gottfr. Weber). Но Спонтини — только по серьезности направленія и по пристрастію къ сложной гармоніи можетъ-быть причисленъ къ *нѣмецкимъ* композиторамъ. Въ мелодіи его, при всей ея бѣдности, замѣтенъ иногда характеръ итальянскихъ композиторовъ конца XVIII вѣка, и это натурально: не могъ же Спонтини до такой степени преобразить себя, чтобъ не осталось въ немъ и слѣдовъ композитора *четырнадцати итальянскихъ* оперъ. Весь поворотъ фразы мелодической, каждая каденца обличаютъ въ немъ Итальянца. Въ фактурѣ его оперъ нѣтъ настоящей *нѣмецкой* науки; въ гармоніи его, при всей ея сложности, встрѣчаются значительныя неправильности, промахи противъ того, что нѣмцы называютъ der reine Satz,—напримѣръ: въ первой аріи Цинны, въ контрапунктѣ онъ слабъ и въ этомъ отношеніи безконечно далекъ отъ Мегюля и Керубини, не говоря уже о Моцартѣ. На изобрѣтеніе ритмическихъ формъ онъ до крайности не богатъ: Мы говорили уже, что любимое его

движеніе — ритмъ марша. И въ другихъ движеніяхъ ($^6/_8$, $^3/_4$) ритмъ у него очень однообразенъ и скученъ. Въ оркестровкѣ его встрѣчается иногда какая-то неясность, замѣшательство, un certain embarras, какъ говорятъ Французы; въ его оркестрѣ нѣтъ ни той *строгой* органичности, какъ у Моцарта или у Мегюля, нѣтъ и той *смѣлости*, какъ у Бетговена или у Вебера, — но, какъ мы сказали, мѣстами встрѣчаются прелестныя подробности. Мы видѣли, что въ Спонтини отразилась современная ему эпоха. Въ этомъ главнѣйшая причина блистательнаго успѣха «Весталки». — Музыка Спонтини *угодила* публикѣ, потому-что была какъ-разъ ни выше, ни ниже того уровня, на которомъ стояла публика, оно пришлась какъ нельзя лучше къ современному вкусу. Если прибавимъ къ этому занимательный трагическій сюжетъ, новый на сценѣ, великолѣпную обстановку и превосходное исполненіе двухъ главныхъ партій — Юліи (г-жею Браншю) и великаго жреца (Дериви́сомъ)—намъ будетъ очень понятно, чѣмъ восхищались Парижане, а за ними вся Европа. И тогда, какъ теперь, — Парижъ былъ главною фабрикою репутацій. Особенно финалъ втораго акта, съ его знаменитымъ crescendo и съ интересной мимической игрой Юліи — сводилъ публику съ ума. Разумѣется, что все это доставило бы оперѣ успѣхъ только эфемерный, а не постоянный, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, еслибъ въ партитурѣ Весталки не заключались многія и дѣйствительныя достоинства. Но все-таки *мода*, согласіе съ современнымъ вкусомъ было краеугольнымъ камнемъ успѣха. Двѣ другія оперы Спонтини, при той же бѣдности мелодической, заключаютъ тѣ же достоинства, какъ и Весталка, — но такого успѣха не заслужили и не могли заслужить, потому-что Спонтини остался на одной точкѣ, а духъ времени ушелъ впередъ. Но что, наконецъ, всѣ достоинства Весталки не такого рода, чтобъ сдѣлать ее образцовымъ произведеніемъ навсегда — доказывается ея устарѣлостью. Изрѣдка Весталку еще даютъ на нѣмецкихъ оперныхъ сценахъ, но уже безъ особеннаго успѣха ; публика, по преданію, старается любоваться тѣмъ и другимъ моментомъ оперы — но, что было ново и поразительно въ 1807 г, къ тому теперь уже слишкомъ привыкли, а отсутствіе *мелодіи*, безсознательно для публики выдвигаетъ на первый планъ скуку. Одна вѣчная прелесть истинно-прекрасной *мелодіи* можетъ доставить безсмертіе оперѣ. Въ заключеніе о «Весталкѣ» отмѣтимъ тѣ нумера ея партитуры, которыя намъ кажутся особенно замѣчательными, въ какомънибудь отношеніи. Въ первомъ актѣ лучшія мѣста по музыкѣ (№ 4) утренній гимнъ весталокъ, съ эпизодами соло — Юліи и главной весталки. Но и здѣсь мелодія не богатая и очень часто переходитъ въ

притворную манерность, вмѣсто требуемой простоты. Далѣе—№ 5, большая арія главной весталки: L'amour est un monstre terrible (D-dur) совершенно въ родѣ Глуковыхъ свирѣпыхъ арій (напр: аріи Тоаса въ «Ифигеніи въ Тавридѣ») но и тутъ, средняя, мелодическая часть очень слаба. Финалъ 1-го акта (тріумфъ) замѣчателенъ развѣ только по неимовѣрной плоскости, дюжинности мелодій, которыя должны-бы быть торжественными. О балетѣ, также, какъ и объ увертюрѣ — умолчимъ. Спонтини не имѣлъ ни малѣйшей способности къ симфонической музыкѣ. Второй актъ начинается *вечернимъ* гимномъ весталокъ, который, по нашему мнѣнію, несравненно лучше *утренняго*.

Фигура акомпаньемента въ скрыпкахъ—выражающая мерцаніе священнаго огня на жертвенникѣ Весты, очень оригинальна и очень искусно проведена черезъ весь хоръ. Въ оркестрѣ замѣчательны ходы віолончелей и контрабассовъ. Вообще, нельзя не замѣтить, что въ инструментовкѣ Спонтини воспользовался всѣми нововведеніями великихъ мастеровъ, ему предшествовавшихъ. — Очень хорошъ *речитативъ* главной весталки, когда она поручаетъ Юліи храненіе священнаго огня и потомъ оставляетъ ее одну у жертвенника. Въ аріи Юліи есть много превосходныхъ подробностей, но главный ея недостатокъ — растянутость. Этотъ монологъ Юліи занимаетъ цѣлые два нумера оперы (№№ 8 и 9)! Конечно, моменты борьбы между любовью и долгомъ разсчитаны довольно поэтически, музыка довольно близко идетъ за текстомъ, но (по-крайней-мѣрѣ, по нашему мнѣнію) чрезвычайная длина аріи, особенно при отсутствіи красоты мелодической и преобладаніи декламаціи — вредитъ впечатлѣнію. Оркестръ въ этой аріи отдѣланъ превосходно: въ largetto замѣчательно соло вальдгорна и очень красивая фигура скрыпокъ; въ presto agitato (f moll) оркестръ пущенъ на всѣхъ парусахъ. Тутъ очень часто встрѣчаются взрывы всего оркестра (съ тромбонами и пр.)—любимый пріемъ Мейербера и другихъ. Сцена Юліи съ Лициніемъ обработана съ чрезвычайнымъ тщаніемъ, но красоты мелодической нѣтъ, а сцену любовнаго восторга и упоенія мудрено передать безъ истинной мелодіи, хотя и въ наше время иные композиторы еще не признали всей важности мелодической стороны и думаютъ замѣнить ее энергическими порывами и богатствомъ оркестра, даже въ самыхъ *нѣжныхъ* сценахъ. Терцетъ Юліи, Лициніи и Цинны замѣчателенъ только по превосходному употребленію хора (за сценой) и по энергіи общаго движенія. О финалѣ 2-го акта мы уже говорили, какъ о лучшей, занимательнѣйшей сценѣ изъ всей «Весталки» — это сердце оперы. Такъ и должно было быть по сюжету: все, что́ идетъ до этой сцены, одно лишь приготовленіе къ ней; все, что́ за нею—ея послѣдствія. Когда

главный жрецъ проклинаетъ Юлію — въ оркестрѣ; на словѣ *anathème* употребленъ *тамъ-тамъ* (гонгъ), страшный звукъ котораго, при его совершенной новизнѣ, непремѣнно произвелъ сильное впечатлѣніе на публику. — Берліозъ говоритъ, что и большой турецкій барабанъ (la grande caisse) впервые встрѣчается въ оркестрѣ Спонтини. Это несправедливо: въ одной изъ первыхъ оперъ Моцарта, въ «Entführung aus dem Serail» очень часто употребленъ большой барабанъ, но въ видѣ мѣстнаго колорита, для турецкой музыки. Быть-можетъ, въ-самомъ-дѣлѣ Спонтини первый вздумалъ употребить большой барабанъ просто, какъ одно изъ средствъ чрезвычайнаго усиленія оркестра, но за то, когда вспомнишь о нынѣшнемъ оперномъ оркестрѣ, гдѣ ни шагу не дѣлается безъ янычарской музыки — нельзя быть благодарнымъ автору «Весталки». Мы говорили уже о великолѣпномъ «crescendo» голосовъ и оркестра въ этомъ 2-мъ финалѣ (E-dur, $^3/_4$). Прибавимъ, что и въ самой *музыкѣ* тутъ есть нѣкоторая грація; и что партія *главнаго жреца* такъ разсчитана, что его голосъ легко покрываетъ всю огромную вокальную и инструментальную массу

Между вторымъ и послѣднимъ актами, есть замѣчательно-хорошій антрактъ — вступленіе къ аріи Лицинія. Мрачный характеръ музыки, какъ-нельзя-лучше, идетъ къ этому моменту оперы. Квартетъ веденъ эффектными имитаціями, которыя всегда придаютъ особенную, строгую красоту стилю музыки. Арія Лицинія коротка и ничѣмъ особенно не замѣчательна. Арія Цинны о дружбѣ (andante sostenuto) длинна и скучна до крайности, особенно потому, что въ этомъ мѣстѣ оперы она чрезвычайно не-кстати и холодитъ общее впечатлѣніе. Дуэтъ главнаго жреца съ Лициніемъ довольно хорошъ въ голосахъ, но страдаетъ бѣдностью мелодической мысли. № 17 оперы, шествіе весталки къ мѣсту казни (choeur et march funéraire), замѣчателенъ по оркестру. Изъ словъ хора:

«Périsse la vestale impie,'
«Objet de la haine des dieux»

ясно, что надо было написать самую печальную, самую мрачную музыку. Не обладая даромъ мелодіи, Спонтини сдѣлалъ «похоронный маршъ», очень *обыкновенный* по мелодіи, но искуснымъ употребленіемъ оркестра (timpani coperti pp, tromboni ppp въ очень тѣсно-сжатомъ аккордѣ, на среднемъ, почти низкомъ регистрѣ) придалъ этой музыкѣ мрачный отчаянно унылый колоритъ, который невольно заставляетъ содрогаться. По выраженію Берліоза: «les trombonnes ont ici un caractère hideux». Контрастъ этого погребальнаго хора съ трогательнымъ прощаніемъ Юліи и главной весталки и съ хоромъ женщинъ, утѣшаю-

щихъ Юлію, очень хорошо разсчитанъ. Жаль, что во всемъ этомъ собственно мелодическія формы такъ бѣдны. Арія, которую поетъ Юлія, до половины спустившаяся въ могилу, всегда пропускалась при представленіи. Уже тогда почувствовали всю ея неумѣстность. Въ послѣднемъ финалѣ замѣчателенъ хоръ ужаса народа, во время страшной грозы. Это, впрочемъ, сколокъ съ нѣкоторыхъ хоровъ Глука и Моцарта (въ Идоменеѣ). Послѣ счастливой развязки, въ партитурѣ нѣтъ ничего особенно-замѣчательнаго, развѣ только употребленіе арфъ въ послѣднемъ хорѣ и счастливая мысль дать Юліи и Лицинію — повтореніе ихъ дуэта въ храмѣ Весты (Sur cet autal sacré B — dur, C.). Въ заключеніе оперы помѣщенъ длиннѣйшій балетъ изъ 3-хъ нумеровъ! Въ наше время, если и даютъ Весталку, то, конечно, этотъ балетъ выпускается. За чѣмъ же было писать его?...

Въ біографіи Спонтини мы сказали, что главное его произведеніе — Весталка; оттого мы остановились на ней подольше. Другія оперы его—повтореніе тѣхъ же формъ и пріемовъ; онъ какъ будто остался на одной точкѣ; слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности подробно разбирать ни «Кортеса», ни «Олимпію», — а оперы. «Альциндоръ» «Нурмагаль» и «Агнеса Гогенштауфенъ» даже въ Германіи не пользуются славою. Постараемся однако, хотя нѣсколько, ознакомить читателя съ «Кортесомъ» и «Олимпіею».

По самому заглавію «Фернандъ Кортесъ или завоеваніе Мехики» сюжетъ оперы извѣстенъ. Только къ историческимъ лицамъ Кортеса и Монтезумы приплетена Мехиканка Амазили, влюбленная въ Кортеса и спасенная имъ изъ рукъ изступленныхъ мехиканскихъ жрецовъ, хотѣвшихъ принести ее въ жертву своему идолу. Другія дѣйствующія лица: главный жрецъ; братъ Амазили, мехиканскій военачальникъ, Теласко, и братъ Кортеса, Альваресъ. Этотъ Альваресъ и нѣсколько другихъ испанцевъ въ плѣну у Монтезумы. Мехиканцы, возбуждаемые главнымъ жрецомъ, сбираются принести плѣнниковъ въ жертву своему божеству, но въ продолженіе почти всей пьесы только сбираются, что́ даетъ поводъ къ свирѣпымъ хорамъ, въ родѣ скиѳскихъ хоровъ Глука, и къ эффектному контрасту съ христіанскими гимнами плѣнниковъ. Остальная часть оперы наполнена хорами воиновъ Кортеса, возмутившихся было противъ своего вождя, но тотчасъ же укрощенныхъ нѣсколькими его словами. Натурально, что и въ этой оперѣ не безъ длиннѣйшихъ балетовъ (испанскіе и мехиканскіе танцы) и еще больше, чѣмъ въ Весталкѣ, расчетъ на декораціи и на великолѣпную обстановку; напримѣръ, есть сцена, гдѣ Кортесъ велитъ зажечь свой флотъ и корабли его ны

лаютъ ввиду изумленныхъ мехиканцевъ. Ихъ костюмы и роскошная природа Мехики—обильное поле для внѣшней сценической красоты. Музыка «Кортеса» въ свое время чрезвычайно нравилась французамъ, особенно за ея *рыцарскій* колоритъ. Мы же теперь можемъ видѣть въ этомъ только общій недостатокъ глубокой сосредоточенности въ талантѣ Спонтини. И въ «Кортесѣ», какъ въ «Весталкѣ», онъ представилъ французовъ. Самъ Кортесъ у него нисколько не историческій испанецъ, а наполеоновскій генералъ;—воины тоже французскіе солдаты; Амазили француженка—въ театральномъ костюмѣ мехиканки.

Вообще, въ созданіи всѣхъ лицъ оперы слишкомъ замѣтенъ расчетъ на театральность, на декоративность, чрезвычайно далекую отъ настоящей *правды*. Почти вся опера состоитъ изъ шумныхъ хоровъ, которые не имѣютъ большой связи между собою (доказательство: безпрерывныя перемѣщенія сценъ при многократныхъ передѣлкахъ «Кортеса»); безцвѣтность мелодіи и безхарактерность отдѣльныхъ лицъ оперы еще замѣтнѣе, чѣмъ въ Весталкѣ. Маршамъ нѣтъ конца, начиная съ увертюры, до крайности плоской. Преувеличеній въ оркестрѣ еще больше; кто-то уже давно сказалъ, что въ оркестрѣ Кортеса—цѣлая артиллерія.

Стремясь все къ исполинскому, громадному, въ области героической оперы, Спонтини, послѣ Кортеса, избралъ своимъ сюжетомъ эпизодъ изъ исторіи царей македонскихъ. Тотчасъ послѣ смерти Александра Великаго. Кассандръ, царь Македонскій, подозрѣваемый въ убійствѣ Александра, любитъ его дочь, Олимпію, которую спасъ отъ смерти и облагодѣтельствовалъ. Олимпія раздѣляетъ его любовь и готовится къ браку въ храмѣ Діаны. Жрица, которая должна совершить брачный обрядъ, Статира, мать Олимпіи, со дня смерти Александра отъ всѣхъ невѣдомо скрывавшаяся въ храмѣ Діаны, неподозрѣвая, чей бракъ она должна совершить, является для обряда и не узнаетъ своей дочери, которую считала давно погибшею. Но едва услышала Статира имя Кассандра, какъ вся душа ея наполнилась воспоминаніемъ о смерти Александра и о виновникѣ этой смерти. Вмѣсто благословенія, она призываетъ мщеніе всѣхъ силъ земныхъ и небесныхъ на голову Кассандра, и проклинаетъ его. Ужасъ и смятеніе народа прерываютъ брачное торжество.—Далѣе мать и дочь узнаютъ другъ друга, и мстительная Статира забываетъ на мгновеніе о своемъ горѣ, чтобъ предаться чувству нѣжной материнской любви. Внявъ мольбамъ любимой дочери, она уже готова соединить ее съ Кассандромъ, но одинъ взглядъ на него напоминаетъ ей его злодѣяніе, ея невозвратную потерю ... и она разлучаетъ навсегда любовниковъ. Чтобъ отмстить Кассандру, она соединяется съ

царемъ Антигономъ, который предлагаетъ ей тронъ Александра и свою руку Олимпіи. Война. Кассандръ остается побѣдителемъ; Антигонъ раненъ и передъ смертью сознается, что онъ, а не Кассандръ, былъ убійцею Александра. Статира, возведенная на престолъ своего супруга, благословляетъ союзъ Олимпіи съ Кассандромъ.

Ясно, что во всей операѣ *одна* роль, одинъ характеръ — сама Статира, дочь Дарія и вдова Александра. Душевная борьба ея составляетъ весь сюжетъ оперы, которой приличнѣе было-бы называться ея именемъ, чѣмъ именемъ Олимпіи, потому-что Олимпія ничто иное, какъ лицо пассивное. Кассандръ — обыкновенный *теноръ* героической оперы; Антигонъ — театральный злодѣй. Въ числѣ солистовъ есть еще лицо, безъ котораго не можетъ обойтись ни одна опера Спонтини: это жрецъ Гіерофантъ. Если уже въ «Весталкѣ» постоянное стремленіе къ высокотрагическому придаетъ ненатуральную напыщенность всей операѣ, то въ «Олимпіи» эта сторона еще сильнѣе. Здѣсь все на ходуляхъ, все страшнымъ образомъ преувеличено. Самый сюжетъ напыщенъ до карикатурности. Планъ оперы очень неудаченъ, пьеса тянется вяло, безъ сценическаго интереса. Развязка —въ половинѣ третьяго акта, между тѣмъ опера еще продолжается около часу: послѣ того, какъ Антигонъ сознается въ своемъ преступленіи и Статира отдаетъ руку Олимпіи Касандру, сцена перемѣняется: идетъ длинное, торжественное шествіе (вѣчно!), потомъ Кассандръ и Статира держатъ рѣчи къ народу и войску; потомъ Статира повторяетъ еще разъ свое благословеніе брачной четѣ, народъ ликуетъ, хотя чувствуетъ, что, такъ-какъ все кончилось благополучно, пора и по домамъ. Но нѣтъ! Кассандръ еще разъ держитъ рѣчь къ народу, гдѣ увѣщеваетъ хранить вѣрность Статирѣ, затѣмъ сама Статира еще что-то разглагольствуетъ, и наконецъ, à la fin des fins — послѣдній хоръ!!

Въ музыкѣ замѣчательны, какъ всегда у Спонтини, многіе речитативы, многія подробности инструментовки, многія совокупныя мѣста въ томъ числѣ тріумфальное шествіе для двухъ оркестровъ и двухъ хоровъ. Бѣдность мелодіи равна съ «Весталкою» (по нашему мнѣнію «Олимпія» нѣсколько лучше «Кортеса» въ мелодическомъ отношеніи); въ гармоніи есть очень интересныя подробности, но напыщенность и преувеличенія портятъ все и результатъ цѣлой оперы — невыносимая скука.

«Олимпія» нигдѣ не имѣла успѣха, сколько нибудь похожаго на успѣхъ «Весталки» или даже «Кортеса». Хотя успѣхъ и неуспѣхъ передъ публикой никогда не долженъ считаться за краеугольный камень критики, за мѣрило внутренняго достоинства произведенія, но мы такой вѣры, что à la longue — достоинство художественнаго произведенія для публики является въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Публика инстинктивно чувствуетъ согласіе или несогласіе произведенія съ духомъ времени.

Публика чувствуетъ, что оперы Спонтини отжили свой вѣкъ, что

на ряду съ устарѣлыми формами, которыми онѣ изобилуютъ, въ нихъ нѣтъ, какъ мы столько разъ повторяли, элемента *вѣчной* красоты, истинной красоты мелодіи. Въ мелодіи главная прелесть, главное очарованіе искусства звуковъ; безъ нея все блѣдно, безцвѣтно, мертво, не смотря на самыя принужденныя гармоническія сочетанія, на всѣ чудеса контрапункта и оркестровки. Отрицая въ Спонтини даръ мелодіи, мы готовы повторить за однимъ французскимъ критикомъ, что Спонтини родился безъ призванія къ своему искусству, «était né sans génie de son art». Всѣ достоинства его таланта — достоинства прикладныя, необходимыя, конечно, каждому композитору, — достоинства важныя, — но только при способности къ живымъ, вѣчно-юнымъ мелодическимъ формамъ.

Глядя съ этой стороны на дѣятельность Спонтини, мы не можемъ не признать преувеличенною всю его славу, которая доставила ему громкія *величанья*, выписанныя нами въ самомъ началѣ статьи.

Нѣтъ, не ему, а безсмертному *Глуку* прилично названіе: «lyricae tragoediae princeps!» Нѣтъ, кончина автора «Весталки» не есть *утрата* для искусства, тѣмъ болѣе, что онъ въ послѣднее время ничего не создавалъ, да и не могъ создавать ничего новаго, потому-что уже давно только повторялъ самъ себя, работая чрезвычайно медленно и насилуя себя на то, что для него казалось *вдохновеніемъ*. Въ *исторіи* оперы, за Спонтини всегда останется почетное мѣсто продолжателя Глука въ трагическихъ речитативахъ и въ серьёзномъ направленіи героической оперы; но на сценѣ, оперы его въ наше время также устарѣли, какъ и оперы Глука, даже болѣе, потому что въ Глуковыхъ операхъ отдѣльныя сцены, отдѣльныя аріи, отдѣльные хоры *безсмертны*, по вѣчной красотѣ, которой нѣтъ въ произведеніяхъ Спонтини.

Вопросъ объ *идеалѣ* героической оперы или, попроще, о томъ, какими должны быть героическія оперы въ наше время, разрѣшить можетъ окончательно не критика, а новый геніальный дѣятель въ оперной музыкѣ, который имѣлъ бы призваніе къ трагическому роду. Почти ничего нельзя сказать навѣрное, а priori, въ этомъ случаѣ: одна геніальность художника можетъ разсѣчь Гордіевъ узелъ.

Но объ одномъ можно сказать почти навѣрное: идеально-прекрасныя трагическія оперы нашего времени не будутъ въ формѣ своей нисколько похожи на тѣ чудовищно-огромныя, скучныя и нелѣпыя произведенія, которыхъ зародышъ мы видѣли въ операхъ Спонтини и, которыя такъ страшно разрослись подъ перомъ композиторовъ новѣйшей французской школы.

Намъ кажется, что если современный вкусъ отклонился совершенно отъ псевдо-классической трагедіи, если мы на сценѣ требуемъ чего-то совсѣмъ непохожаго на скучныя произведенія Корнеля и Расина, чего-то непохожаго съ другой стороны и на неистовыя французскія мелодрамы тридцатыхъ годовъ, то и въ области музыкальной драмы невозможно воскресить вкусъ къ чисто-героической оперѣ на прежній ладъ, и еще менѣе надолго поддержать вкусъ къ пятиактнымъ операмъ съ великолѣпнымъ спектаклемъ.

Теперь только съ улыбкой вспоминаютъ о наперсникахъ и на-

персницахъ, длиннѣйшихъ тирадахъ разсказовъ и о скучнѣйшихъ монологахъ; — съ другой стороны также порядочно прискучили вѣчные кинжалы и отравленія, вѣчные антитезы и контрасты, противна сдѣлалась наконецъ вѣчная преувеличенность и неестественность драматическихъ положеній, такъ называвшейся романической школы. Но если въ области драмы одно забыто, другое надоѣло: почему-же музыкальная драма, освободившись нѣсколько отъ псевдо-классицизма, (теперь рѣдко гдѣ даются прежнія оперы-серіи), должна еще надолго оставаться въ предѣлахъ отчаянной мелодрамы? Почему оперную публику подчуютъ такими эффектами, которые не смѣютъ показаться на сцену въ драмѣ не-музыкальной? Почему оперную публику считаютъ до того ребячески-наивною, что угощаютъ ее волшебствами и балаганными эффектами, въ наше время и для ребятъ мало-занимательными? Почему въ оперѣ считаютъ невозможнымъ водворить то царство *правды* и поэтической простоты, которыя мало-по-малу водворяются въ романѣ и на сценѣ драматической?

Повторимъ слова Руссо и вы удивитесь, какъ близко они относятся къ нынѣшнимъ пятиактнымъ операмъ съ великолѣпнымъ спектаклемъ. «Хлопотъ много, а дѣйствія на душу зрителей мало, потому что сюжетъ оперы нисколко не соприкасается съ правдою дѣйствительной жизни, а иллюзія бываетъ очень слаба, если душа въ ней не принимаетъ участія. Всѣ чрезвычайныя усилія составителей оперъ (поэтовъ, музыкантовъ, машинистовъ, декораторовъ, костюмёромъ) результатомъ имѣютъ скуку всѣхъ зрителей (Il eut été difficile *d'ennuyer* le public à plus grands frais).» Въ этихъ огромныхъ операхъ собственно музыкальной поэзіи, психологической сторонѣ музыки выпадаетъ слишкомъ ничтожная доля; эта сторона, главная-то прелесть оперы, раздавлена между длиннѣйшими и скучнѣйшими хорами, процессіями пѣшими и конными, танцами на конькахъ и безъ оныхъ, между сценами купающихся женщинъ, возстающихъ изъ гроба грѣшницъ, между любопытными представленіями восходящаго электрическаго солнца, осадами городовъ и разрушеніями замковъ!

Бѣдная музыка! гдѣ ей тутъ пріютиться!

Да не подумаютъ однако, что мы желали бы изгнать съ оперной сцены всю внѣшнюю красоту обстановки. Ни мало; мы говорили уже, какъ, по нашему мнѣнію, важна картинность на оперной сценѣ. Но только, чтобъ это не было главнымъ, не было въ ущербъ музыкѣ, а напротивъ, служило бы ей украшеніемъ. Чтобъ на первомъ планѣ была сама музыкальная драма, музыкальная поэзія, которая очень часто и вовсе не нуждается въ вспомогательныхъ средствахъ. Самое простое драматическое положеніе, безъ всякаго блеска, безъ всякой пышности въ обстановкѣ, можетъ быть предлогомъ самой очаровательной музыки и чрезъ нее проникнуть до глубины души слушателей. Это возвращеніе къ простотѣ, эта реакція необходима, она отчасти уже чувствуется въ духѣ времени, и слѣдовательно совершится непремѣнно.

А. Сѣровъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Деньщикъ. Историческая драма въ пяти актахъ, въ стихахъ, сочиненіе *Н. В. Кукольника.* Новая музыка: увертюра, торжественный маршъ и антракты, соч. *О. И. Дютча.* Новые декораціи гг.: *Шастова, Исакова* и *Логинова.*

Мы начинаемъ нашу новую лѣтопись довольно пріятнымъ образомъ: внесеніемъ въ нее *большаго успѣха!* Успѣхъ художественнаго произведенія, выставленнаго на судъ публики, каковъ бы онъ ни былъ, вещь очень важная: онъ доказываетъ, что художникъ хорошо постигъ свое время, сталъ въ уровень съ своими зрителями и слушателями, и приноситъ имъ въ жертву все, что составляетъ духовное его достояніе, не помышляя объ оцѣнкѣ отдаленной и болѣе хладнокровной. Но всякій успѣхъ вообще есть уже завоеваніе въ области искусства; будь оно временное или вѣчное, оно не перестаетъ быть торжествомъ.

Пьеса «Деньщикъ» Н. В. Кукольника пользуется полнымъ успѣхомъ, который обѣщаетъ быть продолжительнымъ. Она явилась, какъ нельзя болѣе кстати, когда сцена наша ощущала явный недостатокъ въ народной драмѣ, явилась подъ самыми утѣшительными предзнаменованіями, въ обстановкѣ блестящей, какой мы давно не видали и въ передачѣ, по истинѣ, артистической. Мы радуемся въ этомъ явленіи не столько новому пріобрѣтенію нашей драматической литературы, какъ факту, болѣе важному для нашего народнаго искусства: явленіе это разшевелило потухавшее пламя любви къ русскому театру и заманило въ его залу тѣхъ, для кого она перестала быть эстетическою потребностію. Въ этомъ фактѣ видимъ мы большую заслугу.

Еслибъ мы писали критическій разборъ новаго произведенія Нестора Васильевича, мы, можетъ-быть, вошли бы во многія подробности на счетъ концепціи и выполненія «Деньщика», но теперь наше дѣло занести только въ драматическую лѣтопись успѣхъ этой пьесы, и мы исполняемъ нашъ

долгъ съ тѣмъ большею охотою, что легкія замѣтки, которыя мы себѣ позволимъ, отнюдь не могутъ нарушить ни достоинства самаго произведенія, ни торжества его автора.

Авторъ задалъ себѣ тему—олицетворить на сценѣ мысль, что передъ чувствомъ преданности къ Государю должны умолкнуть всѣ частныя отношенія человѣка, и выбралъ для этого имя Монарха, отъ котораго каждое русское сердце приходитъ въ невольный восторгъ, имя Великаго Петра, а идеаломъ своей мысли выставилъ лицо неизвѣстное, Трофима Степанова, деньщика, который всѣми соблазнами и сокровищами міра жертвуетъ любви и преданности своей къ Петру. Ходъ пьесы, основанной не на историческихъ событіяхъ, а на вымыслѣ, не представляетъ Трофму значительныхъ случаевъ выказать эти высокія чувства на дѣлѣ, но онъ прекрасно выражаетъ ихъ въ блестящихъ, сильныхъ монологахъ, звучными, полными мысли стихами.

Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе пьесы: аптекарь Грегоріусъ, человѣкъ, занесенный въ Россію тѣмъ же побужденіемъ, которое заманиваетъ нынѣ толпы ему подобныхъ къ берегамъ Сакраменто, началъ свое поприще съ ремесла маркитанта при войскахъ въ военное время и довольно высокой цѣной заставлялъ русскихъ героевъ праздновать свои побѣды. По заключеніи мира онъ поселился въ Нѣмецкой Слободѣ, въ Москвѣ, и открылъ аптеку, не столько для фармацевтической пользы, какъ для корчемства подкрашенными спиртами, въ силу запрета на водку. Въ минуту, когда мы съ нимъ знакомимся, у него уже вторая жена и двѣ взрослыя дочери-красавицы. Онъ въ ужасномъ отчаяніи, что имѣлъ неосторожность свозить ихъ въ ассамблею, гдѣ ихъ окружила толпа влюбчивыхъ офицеровъ, отъ которыхъ ему теперь нѣтъ отбою. Весь первый актъ проходитъ въ сватовствѣ. За старшую, вѣтренницу Агату, сватается фонъ-Гове, полковой хирургъ, за меньшую, мечтательницу Доротею, сперва влюбленный въ нее капитанъ Саксе, потомъ драгунскій полковникъ Бодевинъ, который хочетъ завоевать невѣсту и ея приданое, какъ истинный Аттила, рукою сильнаго. Аптекарь страхъ боится военныхъ и обоимъ отказываетъ. Но вотъ является третій женихъ, деньщикъ царскій, Трофимъ. Видя оказываемое ему уваженіе капитаномъ и полковникомъ, Грегоріусъ боится оскорбить его явнымъ отказомъ и отыгрывается двусмысленными фразами. Но едва всѣ эти женихи перешагнули порогъ его дома, онъ проворно сзываетъ обѣихъ дочерей и тутъ-же, не раздумывая долго, обручаетъ ихъ съ регимент-хирургами Карре и Фонъ-Гове. По случаю этого двойнаго бракосочетанія, Грегоріусъ сзываетъ всѣхъ знакомыхъ на ассамблею. Между знакомыми являются и непрошенные гости: капитанъ Саксе, который пришелъ на вѣки проститься съ

своею возлюбленною Доротеею, и полковникъ Бодевинъ, явившійся, чтобы отмстить за сдѣланный ему отказъ и за афронтъ не приглашенія на вечеринку. Саксе, разсѣянный, какъ и всѣ влюбенные, смѣшался въ танцахъ, произвелъ безпорядокъ въ фигурѣ — и его за это приговариваютъ, по установленному закону ассамблей, къ осушенію кубка *большаго орла*. Чтобы его поскорѣе сбыть съ вечера, Грегоріусъ къ вину подмѣшиваетъ еще какое-то аптекарское зелье. Бѣдный молодой человѣкъ, вовсе не привыкшій къ крѣпкимъ напиткамъ, сразу одурѣлъ и не помнитъ ни себя, ни мѣста, гдѣ находится: жива въ немъ осталась только одна мысль объ сердечной утратѣ. Въ эту роковую минуту входитъ Бодевинъ и поднимаетъ страшный дебошъ. Онъ кидается на жениха Агаты и схватываетъ его за воротъ. Увлеченный примѣромъ, Саксе дѣлаетъ тоже съ своимъ соперникомъ. Шумъ, крикъ драка. Бѣгутъ за карауломъ. Палаши обнажены и въ азартѣ Саксе убиваетъ хирурга Карре. Въ послѣдующихъ актахъ онъ отданъ подъ судъ и приговоръ его подписанъ. Потерявъ выгоднаго жениха для дочери, Грегоріусъ, хочетъ поскорѣе пополнить его мѣсто, чтобы не терять понапрасно свадебныхъ расходовъ. Онъ отправляется къ деньщику Трофиму и увѣряетъ его, что Доротея отъ него безъ ума и согласна за него выдти за-мужъ. Трофимъ на верху блаженства. Вслѣдъ за отцемъ приходитъ сама Доротея. Трофимъ бросается благодарить ее, со всѣмъ увлеченіемъ страсти, и вдругъ узнаетъ, — что она и не думала измѣнять любви своей къ Саксу и пришла къ нему только за тѣмъ, чтобы онъ доставилъ Государю просьбу ея о помилованіи виновнаго. Страшное испытаніе для влюбленнаго! Онъ берется за порученіе и — прячетъ просьбу въ карманъ. Но вдругъ пробуждается въ немъ совѣсть: онъ бѣжитъ къ Государю съ повинною, и вручаетъ ему утаенную имъ просьбу.

Въ послѣднемъ актѣ, Доротея, видя, что всѣ усилія ея спасти Саксе остались тщетными, бѣжитъ изъ родительскаго дома, чтобы умереть вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ кого жить не можетъ. Эта сцена самая драматическая и художественная во всей пьесѣ. Виновнаго ведутъ на казнь, но въ самую роковую для него минуту является Трофимъ: онъ вымолилъ у Государя помилованіе преступнику. Великодушіе его побѣждаетъ Доротею, она добровольно отдаетъ ему свою руку, но онъ, послѣ краткой внутренной борьбы, соединяетъ ее съ Саксе.

Вотъ очеркъ всей драмы, въ которой нѣтъ первенствующаго лица потому-что вниманіе зрителя одинаково раздѣлено между всѣми лицами и участіе его ни къ одному особенно не прилѣпляется. Впрочемъ, это происходитъ болѣе оттого, что всѣ катастрофы драмы, какъ онѣ ни эффектны, принадлежатъ къ случайностямъ, а не вытекаютъ изъ необ-

ходимыхъ послѣдствій развитія главной идеи, и потому, размельчая вниманіе зрителя на подробностяхъ, они кажутся какъ бы эпизодами и лишаютъ пьесу ея драматическаго единства. По этой же причинѣ, при большомъ сценическомъ движеніи, многимъ кажется, что въ драмѣ нѣтъ вовсе дѣйствія. Авторъ употребилъ слишкомъ много колорита на обрисовку каждаго характера отдѣльно и самую утонченную отдѣлку въ мелочныхъ подробностяхъ: эта тщательность поглащаетъ впечатленіе цѣлаго. Надо долго вглядываться, чтобы отыскать всѣ достойнства полнаго созданія. Это широкая картина, написанная кистью миньятюриста.

Изъ мужскихъ характеровъ — Грегоріусъ, Бодевинъ, Тузловы, отецъ и сынъ, Саксе—невольно выступаютъ впередъ, по оконченности отдѣлки. Характеръ Трофима не такъ рельефенъ, потому что на долю его выпало высказываться болѣе рѣчами, чѣмъ дѣйствіями. Изъ женскихъ характеровъ, которые вообще художественнѣе созданы, чѣмъ мужскіе, очень живо обрисованы обѣ дочери аптекаря и Марфа Тузлова, лицо комическое. Семейство Тузловыхъ эпизодически введено въ драму: оно прямаго участія въ дѣйствіи не принимаетъ, и даже нѣкоторымъ образомъ вредитъ ему, отвлекая вниманіе зрителя отъ главнаго интереса. Если намъ позволено откровенно высказать свое мнѣніе, то, по крайнему нашему убѣжденію, Марѳа и Тимоѳей Тузловы лица, вовсе не подходящія къ Петровской эпохѣ, и, скажемъ болѣе, лица, даже намъ не современныя. Въ Петрово время поѣздки за границу были дѣломъ совсемъ необыкновеннымъ и совершались, по большей части, по назначенію самого Государя, съ политической или ученой цѣлію. Такого франта, какъ Тимоѳей Тулузóвъ, Великій Петръ вѣроятно не послалъ бы въ чужіе края. Въ наше время, люди проматывающіе имѣніе за границею и вывозящіе оттуда парижскія моды и всѣ глупости, не сродныя русской жизни, по счастью, стали самыми рѣдкими явленіями. По этому сатира г. Кукольника, выставленная съ самымъ благимъ намѣреніемъ, и притомъ выставленная довольно рѣзко, не достигаетъ своей похвальной цѣли: она кажется двойнымъ анахронизмомъ. Люди, имъ обрисованные, были уже своевременно выставляемы Княжнинымъ и Крыловымъ, и отжили свой вѣкъ. Нынче такія лица, благодаря просвѣщенію, составляютъ у насъ самыя рѣдкія исключенія и, какъ исключенія, именно въ сатиру не годятся. Трудно также повѣрить, чтобы боярыня Петрова времени, съ малолѣтства коснѣвшая въ предразсудкахъ и обычаяхъ предковъ, на старости лѣтъ рѣшилась поддаться обаянію не слишкомъ заманчивыхъ и для нея несовсѣмъ понятныхъ разсказовъ сына о заграничныхъ дамахъ и тотчасъ-же пуститься во вся—тяжкія нововведенія. Это просто licentia

poetica, весьма простительная поэту за цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду. Но жалко намъ то, что эти вводныя лица подали поводъ къ сценамъ, хотя по натурѣ своей и вѣрнымъ, но тяжкимъ для человѣческа го чувства. Этотъ отецъ, закоснѣлый въ полудикой жизни, лишенный всякой нравственной силы, и этотъ сынъ, въ которомъ дѣтское чувство притупляется совершенно болѣе свѣтлымъ взглядомъ на вещи, явленія довольно непріятныя на сценѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ кажется. Можетъ быть, въ этомъ, нѣсколько преувеличенномъ, изображеніи авторъ руководствовался древнимъ правиломъ Аристотеля· Comedia enim deteriores, traqoedia meliores, quam nunc sunt, imitari conantur! И онъ правъ; но мы предпочитаемъ въ этомъ случаѣ болѣе эстетическое правило Шиллера:

Wo das Strenge mit dem Zarten,
Wo Starkes sich und Mildes paarten:
Da giebt es einen guten Klang!

и правы по своему. У каждаго свой взглядъ, и это полезно въ дѣлѣ искусства.

По натурѣ своей, человѣкъ, къ вещамъ, выходящимъ изъ вседневнаго порядка, бываетъ обыкновенно недовѣрчивъ. По этому, мы, можетъ быть, покажемся придирчивыми къ мелачамъ, но, даже съ опасеніемъ этого упрека, желаемъ себя провѣрить. Насъ въ »Деньщикѣ» болѣе всего соблазняетъ названіе *исторической* драмы. Доселѣ мы подъ *историческою драмою* разумѣли пьесу, построенную на канвѣ историческаго событія, играющую въ данную историческую минуту, выводящую извѣстныя историческія лица. Всего этаго мы въ «Деньщикѣ» не находимъ. Лица всѣ вымышленныя, неисключая даже Трофима Степановича, который, если и существовалъ дѣйствительно, ни по дѣламъ своимъ, ни по вліянію на дѣла—не вошелъ въ фалангу историческихъ лицъ. Событія, рѣзко характеризующаго эпоху дѣйствія и имѣющаго на него неотразимое вліяніе, мы также не видимъ въ пьесѣ. Историческія имена, произносимыя на сценѣ, не составляютъ еще въ драмѣ элемента историческаго. Каждая пьеса, какая бы она не была непременно дѣйствуетъ въ какое нибудь данное время, въ извѣстное царствованіе, но это не даетъ ей еще права на названіе исторической. Если судъ и осужденіе капитана Саксе—дѣйствительно вѣрны, то все-таки это дѣло частное, и лицо, вовсе не политическое, не можетъ чрезъ него сдѣлаться историческимъ.

Но какова бы драма ни была, историческая или нѣтъ, она признана

общественнымъ мнѣніемъ, увѣнчана успѣхомъ, и мы предъ нимъ умолкаемъ. Если мы высказали свое задушевное мнѣніе, такъ это вовсе не для того, чтобы идти на перекоръ суду публики, но собственно для того, чтобы показать, въ какой мѣрѣ мы уважаемъ почтеннаго автора, которому рѣшаемся передать прямо наши впечатлѣнія. Замѣчанія, нами сдѣланныя, поражаются съ его стороны самымъ сильнымъ оружіемъ: красотами неоспоримыми. И какъ нарочно, такія красоты встрѣчаемъ мы въ мѣстахъ, которыя, по нашему мнѣнію, не самыя выгодныя для пьесы. Такъ, на-примѣръ, вотъ монологъ Деньщика къ Тимоѳею Тузлову:

Да перестань языкъ
Ломать! Французиною насъ не удивишь!
Кто языка роднаго стыдится,
Тотъ и родителей стыдиться будетъ.
Похвально знать, полезно, должно знать
Чужіе языки, чтобъ изучать
Обычаи и нравы зрѣлыхъ націй,
Усвоивать хорошее, дурнаго
Остерегаться.—Про себя скажу:
Я по французски говорю не дурно,
Не хуже по Нѣмецки и Голландски,
Но съ русскимъ—унизительно и стыдно
Болтать на чужестранномъ языкѣ.
По моему, такъ это хвастовство
У тѣхъ, кто сами разсуждать не могутъ.
Но обезьянамъ я еще прощаю,
А тѣ, которые способны думать,
И съ умысломъ не говорятъ по русски ..
Такъ тутъ уже не хвастовства; а значитъ,
Что тѣ и чувствуютъ ужъ не по русски.
Такіе, что деревья безъ корней,
Засохшая смоковница изъ притчи.
. . . . . .
Когда вы по французски говорите,
Все кажется, что соловей охрипъ
И чижикомъ пищитъ. Когда въ собраньяхъ
Кривляетесь и корчите французовъ,
Мнѣ кажется, что я попалъ въ звѣринецъ,
Къ сорокамъ и мартышкамъ въ ассамблею.
Французъ, Германецъ, Англичанинъ, Шведъ
Всегда, вездѣ свой образъ сохраняютъ,
А мы, кого ни есть, каррикатуримъ,
Мы слѣпо, раболѣпно подражаемъ
Пріемамъ и обычаямъ наружнымъ;
За то—въ кругу ученыхъ иноземцевъ
Невѣжество насъ ярко отличаетъ ...
Зачѣмъ вы ѣздите въ чужіе край?
Самъ государь въ вояжи посылаетъ,

Затѣмъ, чтобъ вы художествамъ, наукамъ,
Мануфактурамъ, ремесламъ учились,
А воротясь, своихъ тому-жъ учили . .
И многіе исполнили достойно
Высокій долгъ и привезли съ собой
Сокровища художествъ и наукъ,
Царю на радость и на пользу царства.
Въ семьѣ не безъ урода. Есть, къ несчастью,
Межъ нихъ и вашей масти тунеядцы :
Исколесили почитай Европу,
Не въ аудиторіяхъ, не въ мастерскихъ
Они мѣняли время на познанья,
Нѣтъ ! Тратили и время, и червонцы
На карты, на актрисъ и на вино:
Ни одного ученаго въ Европѣ
По имени не назовутъ, за то
Игорные дома, трактиры, клубы,
Актрисъ, танцорокъ, баядеръ, модистокъ,
Портныхъ, кухмистеровъ—хоть по реестру —
На перекличку вызывай ... всѣхъ знаютъ !
Домой пріѣдутъ — къ дѣлу не способны,
Скучаютъ.Такъ и тянетъ ихъ какъ пьяницъ,
Въ Пале-Ройяль !

Обстановка пьесы на сценѣ самая великолѣпная, и что еще важнѣе, довольно вѣрная эпохѣ. даже въ малѣйшихъ подробностяхъ монтировки, за что мы обязаны особенной признательностію заботливости репертуарнаго начальства. Костюмы, декораціи, мебель—все было достойно хорошаго произведенія и, какъ нельзя болѣе, способствовало къ полному успѣху пьесы. Всѣ артисты, безъ исключенія, выполнили свои роли отчетливо, старательно, дружно, каждый по своимъ средствамъ и разумѣнію. Нечего говорить о томъ, какъ г. Каратыгинъ 1-й (Деньщикъ) передалъ лучшія тирады своей роли: всѣмъ извѣстно мастерство этаго артиста, когда надо дать силу стиху, энергію выраженію и рельефность мысли! Ему, его тремъ, четыремъ монологамъ, принадлежитъ пальма главнаго успѣха всей пьесы. Въ особенности торжественно говоритъ онъ слѣдующія тирады:

Въ баталіяхъ морскихъ и сухопутныхъ
Трофимъ не отставалъ отъ Государя!
Съ нимъ мы неслись передъ Полтавскимъ фронтомъ,
Съ нимъ штурмъ вели плотины Фридрихштатской ...
На шведскихъ палубахъ, въ рукѣ съ гранатой,
Вслѣдъ за Петромъ, деньщикъ Трофимъ являлся ...
И въ черный день для нашихъ войскъ, подъ Прутомъ,
Когда министры съ туркой хлопотали,
А мы сбирались въ десператный путь ;
Идти сквозь тучи турокъ на проломъ
Трофимъ точилъ булатъ для Государя!
Въ двадцатилѣтнихъ подвигахъ воинскихъ

Не рѣдко ночь насъ въ полѣ заставала:
Трудами утомленному Петру —
Спина моя служила изголовьемъ,
А я не спалъ. Глаза, какъ часовые,
Ходили по окрестности пустынной
И жукъ въ травѣ не смѣлъ пошевельнуться!
Не знали мы, что значитъ жить на мѣстѣ:
Хозяинъ у себя—былъ только гостемъ.
Москва-ли, Питербурхъ, всѣ города,
Село, деревня, одинокій хуторъ...
Вездѣонъ былъ, заботливый хозяинъ!
Дворецъ Петра — безмѣрная Россія;
Европа — полисадникъ, съ цвѣтниками,

Гдѣ, какъ пчела, Петръ собираетъ соты
Въ вояжахъ, на ночлегахъ и привалахъ,
Въ Москвѣ и Петербургѣ, на стоянкахъ,
Писались, подъ диктовку Государя,
Инструкціи, указы, регламенты.
Я видѣлъ, какъ великій анатомъ
Разсѣкъ Россіи одряхлѣвшій трупъ,
Перемѣнилъ ей внутренность гнилую,
Сложилъ ея очищенные члены,
Искусно всю перевязалъ порядкомъ,
За уши поднялъ, на ноги поставилъ,
И степь Московская, Китай Европы,
За дивныя заслуги Государя,
Въ Имперію возведена соборне!

Свидѣтель изумительныхъ трудовъ,
Я видѣлъ, какъ въ безмѣрномъ государствѣ,
По жиламъ ходитъ кровь; — какъ врачеванья
Тѣ слѣдствія приносятъ неизмѣнно,
Которыя задумалъ врачь безсмертный.
О! въ эти двадцать незабвенныхъ лѣтъ
Собственно-ручныхъ писемъ Государя
Я тысячъ семьдесятъ, по-крайней-мѣрѣ,
Прочелъ, и запечаталъ, и отправилъ;
Исторія Великаго Петра —
Подробная, правдивая, живая,
Какъ въ зеркало алмазной чистоты,
Впилась въ мою ликующую память ...

Охъ, и у насъ дни черные бывали,
Несчастія, смертельныя утраты,
И Государь въ рабочей запирался,
И никого къ себѣ не допускалъ,
Ни Государыни-Императрицы,
Ни Ихъ Высочествъ ... У дубовой двери
Стоялъ Трофимъ, хранилъ печаль Цареву,
И вздохъ, и стонъ, и вопль души великой
Сбиралъ своей растерзанной душонкой
И за Петра всѣмъ существомъ молился.
Какой-же чинъ на мой я промѣняю?
Червь честолюбія вамъ сердце гложетъ,
Самостоятельность васъ соблазняетъ,

А что вы въ сущности?—Петровы мысли,
Одѣтыя въ различныя мундиры;
На шахматной доскѣ Петра вы пѣшки
И движитесь, по волѣ Государя,

Къ великой цѣли — благу государства,
У каждаго изъ васъ своя есть клѣтка,
А у меня всѣ клѣтки на глазахъ;
Вашъ каждый шагъ сосчитанъ и заплаченъ,
Чины, титулы, ордена, помѣстья ...
Исторія про васъ напишетъ книги,
Потомство васъ признательно вспомянетъ
Вы мзду пріяли за слуги ваши,
Награждены... Я не хочу награды,
Я не хочу извѣстности почетной :
Исторія Трофима не отыщетъ;
Я соглашусь быть лучше паукомъ,
Чтобы висѣть на потолкѣ, но видѣть,
Какъ зодчій мой свою державу строитъ,
Какъ не по днямъ, а по часамъ ростетъ
Его перерожденная Россія,
И страхомъ озабоченной Европы
Ростъ русскаго величья измѣрять.
О! сладко, весело, отрадно, любо
Смотрѣть вблизи, смотрѣть со всѣхъ сторонъ,
Какъ дивными дѣлами человѣка
Исторія поставлена въ тупикъ,
И, побѣжденная, благоговѣйно
Титулъ Великаго даетъ живому!..
Ей Богу! сказки!
Въ золотѣ купайтесь,
Возьмите почести, все благо міра,
Въ истопники разжалуйте Трофима,
Но отъ Петра меня не отлучайте ...
О, дайте умереть въ моей передней!

Г-жа В. Самойлова 2 въ характерѣ мечтательной нѣмочки (*Доротея*) была прелестна, и въ послѣднихъ актахъ возвысилась до патетической энергіи. Г. Григорьевъ 1 (*Бодевинъ*) былъ очень хорошъ: это именно то, чего хотѣлъ авторъ, лучше передать этаго характера невозможно. Г-жа Орлова маленькой ролькѣ *Агаты* умѣла придать жизнь и колоритъ естественности. Г. Самойловъ — сдѣлалъ все, что могъ, все, чего отъ него требовали, въ роли *Тимовея Тузлова*, но сама роль, выдвигаясь изъ рамы картины, много мѣшала полному эффекту. Тоже можно сказать и о роли его слуги, *Ѳедьки*, занимаемой г. Мартыновымъ 1. Но выполненіе двухъ ролей показалось намъ ошибочнымъ, и, къ сожалѣнію, мы должны сдѣлать это замѣчаніе о главныхъ нашихъ любимцахъ, о г. и г-жѣ Сосницкихъ. Г. Сосницкій занималъ роль аптекаря *Грегоріуса* и говорилъ ломаннымъ русскимъ языкомъ. Какъ

мы уже сказали, Грегоріусъ тридцать лѣтъ въ Россіи, былъ маркитантомъ, терся между войскомъ, ведетъ промыселъ въ Москвѣ — и все не научился говорить по русски, тогда, какъ его жена и дочери, и друзья, и недруги его, лекаря, капитанъ и полковникъ, живущіе въ нашемъ отечествѣ только по нѣсколько лѣтъ, говорятъ самымъ чистымъ московскимъ нарѣчіемъ. Это немножко непріятно поражаетъ зрителя. Да притомъ это коверканье языка отняло, вѣроятно, у артиста возможность придать своему характеру весь комизмъ, который вложилъ въ него авторъ. Г–жа Сосницкая, съ своей стороны, впала совсѣмъ въ противоположную погрѣшность, она придала характеру старухи *Тузловой*, гораздо больше комизма, чѣмъ–бы слѣдовало и чрезъ то сдѣлала его нѣсколько неправдоподобнымъ.

Но вообще, цѣлое — удовлетворяетъ вполнѣ самаго взыскательнаго любителя театра, и много споспѣшествуетъ постоянному успѣху пьесы. Декораціи, по сюжету драмы, не могутъ быть хитры и блестящи, но они вѣрны и приличны — и это уже большое достоинство. О музыкѣ г. Дютча скажемъ, что она, какъ нельзя болѣе, идетъ къ содержанію и обработана въ строгомъ стилѣ, съ самыми ловкими принаровленіями къ положеніямъ драмы. Ее слушаютъ съ большимъ удовольствіемъ и всегда одобряютъ рукоплесканіями.

Теперь отъ серьознаго и выходящаго изъ обыкновенной колеи, перейдемъ къ обыденному. Передъ нами *бенефисъ* г. Максимова 1.

Безденежье. Сцены изъ Петергской жизни молодаго человѣка. Соч. *И. С Тургенева.*

Разлука таже наука. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Соч. *П. И. Григорьева 1.*

Такъ и этакъ или **Всякій за себя.** Сцены изъ домашняго быта. Передѣлка съ французскаго.

Утка и стаканъ воды. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланъ съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ.*

Съ недавняго времени на русской сценѣ завелся обычай давать, вмѣсто пьесъ, однѣ сцены — подъ названіемъ пьесъ. Обычай этотъ начался съ легкой руки нашихъ доморощенныхъ Альфредовъ Мюссе, которые нашли, что нѣтъ драматическаго рода, легче того, который изобрѣлъ этотъ авторъ: а именно — такъ называемой — *салонной комедіи*. Но они, подражая формѣ, забыли, что въ основѣ каждой, съ–виду столь легкой, пьески Альфреда де-Мюссе, лежитъ глубокая психическая мысль, которую авторъ мастерски развиваетъ въ небольшихъ сценкахъ, прикрытыхъ щеголеватой болтовней и мнимымъ спокойствіемъ гостиныхъ. Самая болтовня эта, подъ перомъ его, принимаетъ видъ чего–то, гораздо важнѣйшаго, чѣмъ взбитыя сливки, это музыка, которая пріятно дѣйствуетъ на

ухо, смѣсь ума, юмора, остроты, счастливыхъ выраженій, ловкихъ репликъ, капризныхъ оборотовъ, словомъ, это языкъ — полный, сжатый, блестящій, почти неуловимый и не передаваемый на другія нарѣчія,—одного изъ остроумнѣйшихъ писателей нашего вѣка. Алфредъ де-Мюссе не брался никогда писать форменную комедію: онъ задалъ себѣ тему, выманить изъ темнаго закоулка сердца человѣческаго то или другое чувство, ощупать его со всѣхъ сторонъ своимъ аналитическимъ тетоскопомъ и передать свѣту, шутя, безъ желчи и колкости, sine ira nec studio, всѣ нѣжнѣйшія его біенія, всѣ неуловимые оттѣнки, въ легкихъ и граціозныхъ разговорахъ. Чтобъ устранить всякую претензію на драматизмъ, онъ даже придумалъ для своихъ легкихъ сценъ (въ спокойной игривости которыхъ, мимоходомъ сказать, таится гораздо больше драматическаго начала, чѣмъ въ иныхъ огромныхъ и громкихъ комедіяхъ и драмахъ), уклончивое названіе *пословицъ*-proverbes. Наши русскіе Поли-Муссе сразу переняли форму его произведеній и пошли писать свои сцены, въ которыхъ нѣтъ ни характеровъ, ни дѣйствія, ни психическаго анализу, но есть прескучные, предлинные разговоры, не ведущіе ровно ни къ какому результату. Мы не понимаемъ, что могутъ доказать такія сцены и какая ихъ цѣль. Но насъ крайне изумляетъ, что г. Тургеневъ, человѣкъ съ большимъ и рѣшительнымъ талантомъ, послѣ нѣсколькихъ успѣховъ на сценѣ, рѣшился также пуститься въ этотъ родъ на-скоро набросанныхъ и недоконченныхъ драматическихъ картиночекъ. Его «Безденежье», не смотря на то, что во многихъ мѣстахъ обличаетъ руку художника, въ цѣломъ—вещь чрезвычайно слабая. Вотъ въ чемъ дѣло: Жазиковъ, пустѣйшій человѣкъ, всё пропилъ, проѣлъ, проигралъ и сидитъ, запершись, безъ гроша денегъ. При каждомъ звонкѣ, онъ прячется за ширмы и не велитъ сказываться дома. Въ этихъ гулючкахъ проходитъ цѣлый часъ, пока наконецъ пріѣзжаетъ его дядя, у котораго онъ занимаетъ сто рублей и ѣдетъ обѣдать и пить шампанское къ Дюссо, предоставя своимъ кредиторамъ по прежнему звонить и выслушивать стереотипный отвѣтъ слуги Матвѣя: «дома нѣтъ!» И это названо сценами изъ *петербургской жизни* молодаго человѣка. Въ Петербургѣ есть и молодые, и старые люди, не платящіе долговъ, и есть также люди всѣхъ возрастовъ, очень порядочные и честные; и петербургскій климатъ, какъ онъ ни дуренъ, вовсе не имѣетъ свойства заставлять молодыхъ людей отъ каждаго звонка прятаться, какъ отъ сквознаго вѣтра. Но это бы всё ничего; главное, что въ этой пьесѣ производитъ довольно непріятное впечатлѣніе, это то, что герои ея, *Жазиковъ* и слуга его *Матвѣй*, какъ-то родственно напоминаютъ собою *Хлестакова* и *Осипа* изъ «Ревизора». Но и въ этомъ маленькомъ трудѣ г. Тургенева есть одинъ мастерской очеркъ,

именно характеръ помѣщика Блинова. Разсказъ его о тяжбѣ, желаніе посмотрѣть раздирательную трагедію и разспросы у прикащика изъ литографіи — черты, вѣрно подмѣченныя въ дѣйствительности. Этотъ характеръ былъ прекрасно исполненъ г. Григорьевымъ 1-мъ. Г. Мартыновъ дополнилъ своею жизненною игрою недостатокъ типичности слуги Матвѣя.

Г. Григорьевъ 1-й опять стяжалъ успѣхъ, и опять комедіей, въ которой много ловкихъ сценическихъ оборотовъ, хотя и не совсѣмъ правдоподобныхъ. Комедія эта называется «Разлука также наука». Глафира Львовна и Сергѣй Васильичъ Саржинскіе женились по любви, и послѣ медоваго мѣсяца, очнувшись отъ любовнаго угара, нашли другъ друга самыми несносными существами въ мірѣ. Онъ нашелъ, что его Глашенька и капризна, и причудлива, и расточительна, и кокетлива и пр. и цр. Она нашла, что ея Сержинка ворчунъ, брюзга, хандрикъ, ревнивецъ, ледяшка, тиранъ и пр. и пр. какъ водится. Оба жалуются на свою судьбу дядѣ, Сургучеву, который ихъ сосваталъ. Дядя, какъ и всѣ дядюшки въ комедіяхъ г. Григорьева, резонеръ, моралистъ, наставникъ, и въ силу этой должности, обязанъ дать имъ урокъ.— «А, вы не можете жить вмѣстѣ,— говоритъ онъ: ладно, я поправлю свою ошибку: собирайтесь, — вамъ надо разъѣхаться. Ты, Глафира, отправишься къ матери въ Самару, ты, Сергѣй, поѣдешь со мною въ Оренбургъ. Ну, теперь проворно! собирайтесь, укладывайтесь, надѣвайте шубы и маршъ: повозки готовы, почтовыя лошади на дворѣ.» Начинаются сборы, суматоха, супруги помогаютъ другъ другу укладываться и тутъ только, въ рѣшительную минуту разлуки, чувствуютъ, что они другъ безъ друга жить не могутъ. Извиненіе, прощеніе, цѣлованье, милованье и уроку конецъ. Сцены пьесы ведены живо, занимательно, иногда не лишены истиннаго комизма, но характеры немножко утрированы. Причины ссоръ слишкомъ вздорны: жена хочетъ сама не зная чего; мужъ пѣтушится также изъ пустяковъ. Наконецъ, этотъ дядя, который такъ самовольно и деспотически распоряжается семейными дѣлами молодыхъ супруговъ и въ чужомъ домѣ хозяйничаетъ, какъ у себя, лицо довольно неправдоподобное. Несмотря на всѣ эти важные недостатки, нельзя отнять у пьесы литературнаго достоинства: она написана бойко и съ замѣчательнымъ знаніемъ сцены. Встрѣчаются стихи, довольно удачные и мѣткіе, которые въ устахъ В. Самойловой 2 и самаго автора (*дяди*) получаютъ новую силу. Пьеска эта прекрасно разыграна, и, еслибъ г. Максимовъ не принималъ своей роли со стороны фарса, а постарался создать изъ нея живой характеръ, говоря и дѣйствуя просто, безъ ужимокъ и *выжиманій* словъ (старинное техническое выраженіе), она производила бы еще больше эффекту.

«ТАКЪ ИЛИ ЭТАКЪ» небольшая, умная сцена между мужемъ и женою, которые, истощивъ все свое краснорѣчіе на разные парадоксы, приходятъ къ счастливому заключенію, что только во взаимной вѣрности можно найдти истинное семейное блаженство. И поучительно и мило. Сцена эта очень хорошо разыгрывается г-жею В. Самойловой 2 и г. Максимовымъ.

Но теперь мы васъ введемъ въ довольно странное семейство и познакомимъ съ самыми забавными лицами. Дмитрій Васильичъ Глыбинъ, по мужскому колѣну, происходитъ отъ людей очень хладнокровныхъ и положительныхъ, отъ русскихъ предковъ, по женскому-же, онъ потомокъ цыганки, жидовки и итальянки, и потому непомѣрная вспыльчивость часто помрачаетъ въ немъ болѣе спокойную половину его происхожденію. У него есть восьмнадцатилѣтняя дочка, Аннета, которая вся уродилась въ женское свое колѣно. Дмитрію Васильичу очень хочется выдать ее поскорѣе за-мужъ, и притомъ изъ самаго прекраснаго побужденія, изъ чувства благодарности. Въ минуту вспыльчивости, онъ разъ, на охотѣ, столкнулъ въ Парголовское озеро г. Рожкова, который чуть не захлебнулся. По счастью, подоспѣли рыбаки и его вытащили. Рожковъ объявилъ, что самъ нечаянно оступился, прицѣливаясь къ дикой уткѣ. Эта утка, доказывающая великодушный характеръ Рожкова, преисполнила Дмитрія Васильевича глубокаго къ нему уваженія и самой отчаянной благодарности: онъ тутъ-же, въ награду за великодушный подвигъ, рѣшилъ женить его на своей Аннетѣ. Рожковъ человѣкъ скромный или, говоря простѣе, мямля: онъ любитъ другую, но не смѣетъ объ этомъ и заикнуться будущему тестю, потому-что тотъ тотчасъ вспылитъ и не дастъ ему выговорить слова. Въ такомъ положеніи находятся дѣла, какъ вдругъ Аннета, танцуя на балѣ съ г. Заборскимъ, самымъ неловкимъ полькеромъ, награждаетъ своего кавалера доброй пощечиной, за то, что онъ ее уронилъ среди залы. Глыбинъ въ отчаяніи, онъ ждетъ самыхъ непріятныхъ послѣдствій отъ этой скандалезной исторіи. Но дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ. Заборскій, видно, тоже южнаго происхожденія; ему очень нравится эта пощечина, дарованная ему миленькой, пухленькой ручькой, въ минуту запальчивости. Онъ является къ Аннетѣ, чтобы въ вознагражденіе выучиться у нея танцовать польку, потому что онъ рѣшился съ этой минуты ангажировать ее на каждомъ балѣ, куда она явится. Аннетѣ нравится оригинальность мысли, ему нравится незастѣнчивость Аннеты. Послѣ небольшой вспышки съ обѣихъ сторонъ, молодые люди рѣшаются соединить свою судьбу навсегда, чтобы имѣть удобный случай каждый день возобновлять эти пріятныя ссоры. Но Глыбинъ никакъ на это не согласенъ: это зна-

чило бы измѣнить чувству благодарности. «Никогда!» восклицаетъ онъ трагически. Молодые люди начинаютъ кипятиться, Глыбинъ также вспыхнулъ — и пошла цотѣха, кто кого перекричитъ, кто кого перебуянитъ... Японскія вазы летятъ на полъ, сервизы и посуда въ дребезгахъ. Наконецъ Глыбинъ выгоняетъ своего незваннаго зятя. Но не долго продолжается его побѣдное торжество: онъ получаетъ записку отъ своего благодѣтеля, который его проситъ окончить эту ссору мировой и добрымъ завтракомъ. Дѣлать нечего; надо покориться необходимости. Враги сходятся и за столомъ въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ и съ изысканной деликатностью выражаютъ другъ другу искреннюю свою ненависть. Оба разгорячаются по немногу и, наконецъ, Глыбинъ, выведенный изъ терпѣнія, выплескиваетъ стаканъ воды въ Заборскаго, но вмѣсто его, попадаетъ имъ прямо въ лицо Назарьеву, секретарю своего благодѣтеля, котораго тотъ прислалъ удостовѣриться, исполнилъ-ли Глыбинъ его желаніе. Секретарь въ страшной обидѣ и Глыбину опять угрожаетъ пренепріятнѣйшая исторія. Но Заборскій великодушно принимаетъ всю вину на себя, вступается за Глыбина и улаживаетъ дѣло мирнымъ образомъ. Противъ великодушія Глыбинъ устоять не можетъ, нужна благодарность — подъ рукой нѣтъ ничего ближе Аннеты и онъ отдаетъ ее Заборскому, забывъ о прежнемъ женихѣ. Рожковъ очень радъ этой развязкѣ — она даетъ ему право жениться на своей возлюбленной.

Пьеса эта называется: «Утка и стаканъ воды.»

Г. Мартыновъ чрезвычайно хорошъ въ роли Глыбина, а г-жа Жулева поддерживаетъ его своей оживленной игрой въ ролѣ *Аннеты*. Публика хохочетъ до упаду отъ начала до конца всей пьесы.

Ѳедоръ Кони.

РУССКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ЭСМЕРАЛЬДА,

большая, романтическая опера, въ четырехъ дѣйствіяхъ,
музыка А. С. Даргомыжскаго.

Наша отечественная опера не многими еще можетъ похвастаться драматическими композиторами. — Слышалъ я про двухъ, или трехъ, появившихся съ честью и славою еще въ прошломъ вѣкѣ, а въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ едва наберется двѣнадцать сочинителей русскихъ оперъ или мелодрамъ. Вотъ они: Давыдовъ, Кавосъ (отецъ), Верстовскій, Геништа, Мауреръ, Толстой, Глинка, Струйскій, Варламовъ, Бернардъ, Львовъ, Дютчъ; да съ нынѣшняго сезона еще г–нъ Даргомыжскій. Сколько мнѣ извѣстно, ихъ больше нѣтъ.

Конечно не могли, да и не могутъ, всѣ эти композиторы быть равнаго достоинства, и я попытаюсь, по силамъ и разумѣнію моему, дать краткій очеркъ о дѣйствіяхъ и достоинствѣ сочиненій каждаго изъ нихъ.

Давыдовъ, сколько я могъ усмотрѣть изъ мелодрамъ и хоровъ, написанныхъ имъ для трагедіи Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ», былъ даровитый и воспитанный въ строгомъ германскомъ классицизмѣ композиторъ. Поэтому, музыка его отзывается болѣе ораторіею, нежели драмою; но этотъ недостатокъ былъ слѣдствіемъ всеобщаго тогда направленія всѣхъ сѣверныхъ композиторовъ (напримѣръ Шпора); а потому, остается намъ только поклониться праху этого артиста, достойнаго всякого уваженія.

К. К. Кавосъ, итальянецъ по происхожденію, но душою сроднившійся съ Россіею, и въ особенности съ русскою сценою, главнымъ двигателемъ которой онъ былъ въ теченіе почти полувѣка, оставилъ о себѣ память какъ о даровитомъ, драматическомъ композиторѣ. Его:

«Князь Невидимка»; «Жаръ-Птица», «Илья-Муромецъ», «Вавилонскія развалины», «Любовная почта», «Илья Муромецъ» «Вавилонскія Ралвалины», а болѣе всего его «Иванъ Сусанинъ» исполнены огня, вѣрности въ выраженіи, сценическихъ эффектовъ и мелодіи, которыя, не смотря на старомодный свой покрой, въ состояніи и нынѣ разшевелить сердце непритворнаго любителя хорошей музыки. Кавосъ жилъ только для русской оперы, и при немъ она не отказывалась отъ отечественныхъ произведеній; напротивъ знакомымъ съ закулисною исторіею нашего театра, вѣроятно еще памятно, что его старанія и опытность не мало способствовали счастливому успѣху оперы «Жизнь за Царя», на сюжетъ которой онъ создалъ нѣкогда своего «Ивана Сусанина!» — Въ лѣтописяхъ искусствъ подобные факты безкорыстія весьма рѣдки! — Миръ праху твоему, добрый, честный и талантливый художникъ!

Послѣ миленькаго водевиля-оперетки: «Бабушкины попугаи», А. Н Верстовскій написалъ другой водевиль въ большемъ размѣрѣ: «Панъ Твардовскій», и назвалъ его «большою оперою!» — Но это произведеніе оттого не сдѣлалось оперою, а глядитъ все водевилемъ, да притомъ довольно скучнымъ и устарѣлымъ, въ которомъ нѣтъ музыкальныхъ идей, а инструментовка походитъ на картину, въ которой съ одной стороны вовсе нѣтъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, а съ другой нанесены цѣлыя массы яркихъ красокъ. — Второе произведеніе: «Вадимъ» далеко выше перваго. Въ «Вадимѣ» есть уже счастливая музыкальная идея, проходящая чрезъ всю партитуру; въ немъ встрѣчаешь иной разъ свѣтлую музыкальную мысль, — но цѣлое далеко еще не соотвѣтствуетъ требованіямъ настоящей оперы и страждетъ однимъ изъ главныхъ недостатковъ лирической драмы, отсутствіемъ всякаго драматизма въ музыкѣ. Эта музыка — живопись и лиризмъ — и только.

Третья опера г-на Верстовскаго: «*Аскольдова Могила*», слаба, какъ музыкальная драма, но въ вокальномъ отношеніи имѣетъ много счастливыхъ мѣстъ, и показываетъ въ композиторѣ нѣкоторый переходъ отъ лиризма къ драматизму. Пріятные мотивы, удачно поддѣланные подъ типъ народнаго пѣнія, доставили ей хорошій успѣхъ и надолго удержали на сценѣ. Четвертая его опера: «Тоска по родинѣ», лишена всѣхъ элементовъ современной лирической драмы. Не слыхавъ послѣдняго творенія г-на Верстовскаго: «Сонъ на яву», я могу только желать, чтобы оно опровергло мое сужденіе объ этомъ композиторѣ, въ которомъ долженъ признать рѣдкій природный талантъ, но не нахожу достаточнаго изученія образцовъ и тѣхъ музыкальныхъ свѣдѣній, которыя становятся неизбѣжными для современнаго композитора музыки

О. О. Геништа, композиторъ съ глубокимъ, классическимъ образованіемъ, съ талантомъ оригинальнымъ и вполнѣ драматическимъ, что̀ видно даже изъ извѣстной его кантаты «*Погасло дневное свѣтило*», къ сожалѣнію написалъ для сцены только двѣ оперетки: «*Бальдонскія воды*» и «*Сюрпризъ*», изъ которыхъ послѣдняя, по довольно бѣдному либретто,

не могла имѣть на сценѣ того успѣха, какого вполнѣ заслуживала музыка.

Ѳ. М. Толстой, выступилъ въ 1833 году опереткою: «*Докторъ въ хлопотахъ*», а въ 1847 г. поставилъ на Итальянской сценѣ большую комическую оперу «Il biricihino di Parigi» (Le gamin de Paris). У него много дарованія и вкуса, въ особенности, по части пѣнія, но комическая музыка не допускаетъ основательнаго сужденія о настоящемъ присутствіи или отсутствіи драматическаго таланта. Въ ней главная цѣль игривость и легкость мелодій, и слѣдовательно, глубокихъ идей и сильныхъ выраженій душевной страсти отыскивать въ ней нельзя. По долгу безпристрастнаго критика, я обязанъ еще замѣтить, что мотивы его не совсѣмъ свѣжи и оригинальны.

Д. Ю. Струйскій, давшій въ 1840 году двух–актную оперу: *Параша Сибирячка*, имѣлъ много дарованія; но съ одной стороны недоконченное изученіе музыкальныхъ средствъ, а съ другой неограниченное стремленіе къ оригинальности (которой впрочемъ нельзя уловить, какъ скоро она не врожденна), сдѣлали изъ него тяжелаго, неловкаго сочинителя, съ причудливыми, неудобоисполнимыми мелодіями, и съ инструментаціею, которая, хотя поражала изысканностью, но не производила никакого эффекта. Но вотъ что странно: я не зналъ и не знаю другаго музыканта, который имѣлъ бы, подобно ему, столь вѣрный критическій взглядъ.

Что же сказать о соперникѣ Струйскаго (по сюжету оперы) М. И. Бернарѣ и объ оперѣ его: «*Ольга*»? Благодарить его можно за доброе намѣреніе и трудъ, который онъ принялъ на себя, стараясь въ этой оперѣ поддѣлаться подъ ладъ русскихъ пѣсенъ, но правильной лирической драмы изъ этого труда всё–таки не вышло.

А. Ѳ. Львовъ, авторъ народнаго гимна и многихъ духовныхъ концертовъ и одинъ изъ лучшихъ русскихъ скрыпачей, извѣстный также потому, что къ классической «Stabat Mater» Перголезе, придѣлалъ свою инструментовку, на итальянской и русской сценахъ поставилъ двѣ оперы: «Bianca e Gualtiero» и «Ундина». Въ нихъ онъ доказалъ свое знаніе инструментовъ, а касательно драмы, иногда возвышается до нѣкотораго патетическаго выраженія.

Объ Варламовѣ много говорить не приходится. Онъ для сцены написалъ только двѣ мелодраматическія композиціи: *пѣсни Офеліи въ* «Гамлетѣ» и *пѣсни и хоры въ* «Двумужницѣ». Въ обѣихъ видѣнъ талантъ самородный, сильный, но не облагороженный наукою и не могущій подняться выше обыкновенной пѣсни и романса.

Выше всѣхъ нашихъ маэстровъ стоитъ безспорно М. И. Глинка, сколько по оригинальности въ созданіяхъ, столько же и по музыкальнымъ познаніямъ.

Глинка основательно и преимущественно изучилъ человѣческій голосъ; онъ знаетъ всѣ его изгибы, средства и недостатки, хотя и онъ, какъ–бы увлекаясь пагубнымъ стремленіемъ современныхъ композиторовъ, часто принуждаетъ своихъ пѣвцовъ къ излишнему усилію. Инструментація его, полная блеска и живости, всегда глубоко обдумана, сообразна съ законами музыки и отличается изяществомъ и вкусомъ.

Будучи хорошимъ контрапунктистомъ, Глинка, однакожъ, бываетъ неповоротливъ въ бассахъ, отчего теряется иногда энергія въ выраженіи прекраснѣйшихъ его музыкальныхъ мыслей. Въ послѣднемъ произведеніи Глинки: «*Русланъ и Людмила*»—въ особенности лирическая обработка служитъ доказательствомъ всему мною сказанному, но относительно драматизма, надо отдать преимущество первой его оперѣ: «*Жизнь за Царя.*» Тутъ встрѣчается еще драматическая вѣрность, между-тѣмъ какъ въ «Русланѣ и Людмилѣ» ее вовсе нѣтъ. Эта опера представляетъ собою не музыкальную драму, а безсвязный рядъ прекрасныхъ, лирическихъ фантазій, или лучше, драматическій концертъ. Можно восхищаться каждымъ нумеромъ, отдѣльно спѣтымъ, но невольно скучаешь когда надо выслушать *всю* оперу на сценѣ. Даже остроумная, до мелочей обработанная ея инструментація, часто несообразна съ драматическимъ характеромъ сцены и теряется незамѣтно въ общей массѣ. Къ тому же, Глинка, въ этой же оперѣ измѣнилъ обычному своему свойству естественнаго пѣнія. Но какъ чисто лирическій композиторъ, Глинка, въ томъ и сомнѣнія быть не можетъ, одинъ изъ первыхъ въ мірѣ. Тріо 1-го дѣйствія, предсмертная арія *Сусанина* и послѣднее тріо въ эпилогѣ оперы «Жизнь за Царя» непремѣнно обезсмертятъ его имя.

Объ опереткѣ О. И. Дютча: *Узкіе башмачки*, я уже высказалъ разъ свое мнѣніе печатно; остается только повторить, что я искренно почитаю въ этомъ композиторѣ замѣчательный талантъ и знаніе дѣла, обнаруженные въ этой опереткѣ, но не рѣшаюсь еще указать на его мѣсто между извѣстными нашими композиторами, до появленія въ свѣтъ второго, болѣе важнаго его драматическаго труда.

Опера А. С. Даргомыжскаго *Эсмеральда*, данная въ первый разъ нѣсколько лѣтъ тому на Московской сценѣ, оставалась для насъ, петербургскихъ жителей, неизвѣстною, пока заслуженный нашъ primo basso, г. Петровъ, не поставилъ ее для своего бенефиса, въ концѣ прошлаго мѣсяца, на сценѣ Александринскаго театра. Должно и можно было ожидать, что записные наши меломаны полюбопытствуютъ, по-крайней-мѣрѣ, услышать драматическое сочиненіе извѣстнаго уже въ музыкальномъ мірѣ соотечественника. Ни чуть не бывало! Театръ съ самаго перваго представленія былъ далеко не полонъ, хотя небольшое число истинныхъ любителей, съ непритворнымъ одобреніемъ встрѣтило это истинное обогащеніе отечественнаго нашего музыкальнаго репертуара.

Я былъ въ Александринскомъ театрѣ въ первое представленіе «Эсмеральды» и чистосердечно вызывалъ, какъ автора оперы, такъ и старательныхъ нашихъ артистовъ. Послѣдніе пѣли *вѣрно* и *съ усердіемъ*, что относится къ особенной ихъ похвалѣ.

«Эсмеральда,» первое произведеніе г. Даргомыжскаго; какъ мы слышали, оно было имъ написано еще въ 1842 или 1843 году, слѣдовательно, въ самомъ началѣ музыкальнаго его поприща. Конечно, опера эта не можетъ еще назваться совершенствомъ (chef – d'oeuvre)—но въ ней такъ много вѣрныхъ признаковъ свѣжаго, замѣчательнаго таланта,

что я почелъ за особенное удовольствіе тщательно изучить эту музыку—въ партитурѣ.

Сюжетъ, избранный г. Даргомыжскимъ, нѣсколько избитъ: многіе знаютъ «Эсмеральду» по роману, всѣ знаютъ ее по драмѣ и наконецъ по великолѣпному балету. Тѣмъ болѣе чести композитору, что̀ онъ и старый сюжетъ умѣлъ обновить и сдѣлать интереснымъ, окунувъ его въ живительный ключъ гармонім и мелодіи.

По характеру своей музыки, г. Даргомыжскій кажется послѣдователемъ образовавшейся въ послѣдніе 30 лѣтъ французко–германской школы, т. е. при господствующемъ въ мелодіяхъ ритмическомъ элементѣ, встрѣчаете вы живую, блестящую, но болѣе къ сильнымъ эффектамъ склоняющуюся, нежели естественную, гармонизацію. Въ *Эсмеральдѣ*, при всѣхъ спеціальныхъ красотахъ ея, не видно однакоже еще положительнаго, самостоятельнаго направленія. Въ манерѣ драматическаго выраженія, въ инструментаціи, даже въ самыхъ сценическихъ эффектахъ замѣтно, что у молодаго композитора были два колоссальные образца: Мейерберъ и Оберъ.—Это не можетъ служить упрекомъ, потому-что всѣ, даже величайшіе композиторы, въ первыхъ своихъ твореніяхъ придерживались преимущественно манеры кого-нибудь изъ знаменитыхъ предшественниковъ. Такъ, напр., можно легко убѣдиться, что Моцартъ, даже еще въ 3-й своей оперѣ «Idomeneo» принялъ за образецъ оперы Глука, и въ особенности его «Армиду,» хотя совѣстно упрекнуть Моцарта въ слѣпомъ копированіи Глука, или въ отсутствіи оригинальности. Мейерберъ, до своего «Роберта,» написалъ до шести оперъ въ манерѣ Россини. Въ этомъ–то только смыслѣ назвалъ я г. Даргомыжскаго послѣдователемъ означенныхъ двухъ маэстровъ. Что же касается собственно до мелодій г Даргомыжскаго, то онѣ оригинальны, граціозны и удобопонятны, но въ исполненіи кажутся нѣсколько затруднительными. Гармонизація его живая, даже фантастическая, но правильная, а инструментація, обдуманная, эфектная, основана не на простомъ употребленіи массъ безъ разбора, ради одного усиленія звуковъ, а на оттѣнкахъ, происходящихъ изъ самой натуры разныхъ инструментовъ. Вообще же, композиторъ Эсмеральды *началъ* такъ, какъ никогда не могутъ *кончить* ни Паччини, ни Марліани, ни Россини, ни дюжины другихъ подобныхъ имъ знаменитостей.

Но, тише! капельмейстеръ поднялъ свой жезлъ, будемъ внимательны

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. *Увертюра*, или лучше сказать, небольшая *интродукція* имѣетъ сначала характеръ молитвы, а потомъ уже изображаетъ борьбу страстей.

Въ этой интродукціи, прекрасно расположенной, инструментованной со вкусомъ и знаніемъ, довольно эффектно изображена борьба религіознаго чувства съ порывами страстей. Страсти, при оживленной модуляціи, все болѣе и болѣе возрастаютъ, пока наконецъ оркестръ какъ–бы утомленный, вдругъ утихаетъ, и diminuendo переходитъ въ ладъ fa majeur. Пауза!

Занавѣсъ взвивается. Вдругъ два блестящихъ пассажа съ средней

до высшей октавы, вводятъ насъ въ вертепъ нищихъ и бродягъ. Характеристическіе обороты въ пѣніи и сообразная тому инструментація рисуютъ живо и эффекто это собраніе тунеядцевъ.

Входитъ *Клодъ Фролло*: мрачный речитативъ бѣлыми нотами знакомитъ насъ съ состояніемъ его души. Мнѣ кажется однакоже, что на словахъ «*я страдаю*» приличнѣе было бы дать услышать раздирающій аккордъ уменшенной септимы при тромбонахъ sfz, и продолжать акомпаниманъ мѣдными инструментами, нежели употребить простой доминандъ - аккордъ въ квартетѣ съ духовыми инструментами. Любовь Фролло порочная, душевныя страданія его происходятъ (по понятіямъ того вѣка, въ который мы обязаны перенести себя) отъ искушеній злого духа и притомъ онъ самъ говоритъ впослѣдствіи, что въ груди его *волканъ*. Что же можетъ быть ужаснѣе этого состоянія? Это мѣсто заслуживаетъ самой сильной музыкальной тѣни. Къ тому-же Фролло, по сюжету, представитель злыхъ началъ (le mauvais principe de la fable), стало быть, требуетъ мрачнаго, а не тёплаго тона, а духовые инструменты всегда придаютъ рисунку нѣкоторую ясность и мягкость.

Входитъ Эсмеральда съ тамбуриномъ. № 2. *Рондо*, начинается граціозною, но нѣсколько меланхолическою фразою духовыхъ инструментовъ, къ чему присоединяются легкіе, я бы сказалъ, воздушные пассажи на флейтѣ.—Авторъ хотѣлъ, вѣроятно, выразить характеръ юной, беззаботной дѣвушки, въ груди которой однакоже есть уже отголоски извѣстной въ 16 лѣтъ тоски о невѣдомомъ. Слѣдуетъ сообразное тому пѣніе Эсмеральды, съ наивнымъ и премиленькимъ мотивомъ. Между первою и второю частями рондо, находится страстный речитативъ Клода Фролло съ прекраснымъ ходомъ бассовъ внизъ. — При 2-й части, или лучше сказать, при повтореніи рондо, является варіантъ въ акомпаниманѣ, свидѣтельствующій о вкусѣ автора, а именно игривое движеніе въ скрыпкахъ. Но долго-ли можетъ грустить веселое дитя природы? И вотъ рондо переходитъ къ звукамъ веселія, но невиннаго, безмятежнаго веселія, а хоръ женщинъ, невольно восхищаясь ею, говоритъ ей : «Веселись, дитя!» Этотъ пассажъ придуманъ чрезвычайно мило.

№ 3. Является процессія масокъ и бродягъ (procession des fous et des truands). Избраннаго въ главы дураковъ *Квазимодо*, въ полномъ костюмѣ, несутъ на носилкахъ, въ сопровожденіи толпы, съ факелами и цвѣтными фонарями на шестахъ. Короткій, но очень эффектный хоръ, переходящій въ характеристическій маршъ, въ которомъ привлекаетъ вниманіе эффектное движеніе тріолями, господствующее подъ конецъ въ бассахъ.

За тѣмъ слѣдуетъ пляска съ фонарями, дикаго и буйнаго характера, чрезвычайно оригинально созданная и интересно инструментованная. При переходѣ въ Mi b-mineur, входитъ Клодъ Фролло. Узнавъ Квазимодо, своего звонаря и слугу, въ неприличной одеждѣ, онъ срываетъ съ него шапку и мантію и осыпаетъ всю оргію проклятіями. Этому речитативу приданъ взволнованный характеръ сильною модуляціею.

№ 4. Разъяренные смѣлымъ поступкомъ Фролло, бродяги (хоръ, si mineur allegro $^3/_4$), хотятъ броситься на него, но Квазимодо защищаетъ своего господина. Нумеръ этотъ весьма драматиченъ, и жаль только, что пѣнію Фролло и Квазимодо не приданъ болѣе отличительный характеръ.

№ 5. *Арія.* Фролло одинъ на сценѣ. Онъ говоритъ о счастіи овладѣть Эсмеральдою, что довольно хорошо выражено, при оживленномъ акомпаниманѣ. Арія кончается страстнымъ allegro, въ которомъ и темпъ, и ладъ, и движеніе въ инструментахъ получили сообразное съ драмою выраженіе.

Квазимодо извѣщаетъ Фролло о приближеніи ночнаго дозора, и оба прячутся за уголъ ближайшаго дома.

№ 6. *Хоръ* дозора, подъ предводительствомъ Феба. (La maj. allegro $^2/_4$). Не смотря на довольно интересный акомпаниманъ, мотивъ и вообще характеръ (staccato) этого хора сильно напоминаютъ о хорѣ ночнаго же дозора въ оперѣ Обера: «Невѣста.»

Дозоръ уходитъ. Фигурація (doubles croches) въ скрыпкахъ, подобная той, что предъ *№* 2, возвѣстила о приходѣ Эсмеральды, является и теперь передъ ея выходомъ. Фролло и Квазимодо схватываютъ ее. Она зоветъ на помощь. Сильное движеніе въ скрыпкахъ, фигурація которыхъ продолжается до совершеннаго освобожденія Эсмеральды и взятія подъ стражу Квазимодо (Фролло спасается), выражаетъ эту буйную сцену. Бассы ударяютъ въ контръ–тактъ; духовые инструменты усиливаютъ гармонію бѣлыми нотами. Рисунокъ ярокъ и смѣлъ.

Освободившій Эсмеральду Фебъ прельщается ея красотою; она любуется имъ въ свою очередь. № 7. *Дуэтъ* (ré maj. allegro C). Кокет ливому, полу–наивному пѣнію, сопровождаетъ игривая фигурація въ скрыпкахъ, которая съ эффектомъ воспроизводится также и въ другихъ инструментахъ. Фебъ хочетъ поцѣловать Эсмеральду, она увертывается.

Оба рѣзвятся, какъ дѣти, въ 20 и въ 16 лѣтъ, онъ съ жаромъ увлеченія, — она полустыдливая, полувоспламененная: «Vorrei, e no vorrei!» какъ говоритъ Церлина. Весь этотъ граціозный нумеръ носитъ на себѣ отпечатокъ легкой, игривой манеры Обера. Онъ не совсѣмъ самостоятеленъ, но чрезвычайно хорошъ.

Занавѣсъ опускается при повтореніи хора ночнаго дозора.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ. Гревская площадь. Народъ окружаетъ выставленнаго у позорнаго столба Квазимодо. № 8. Allegro non troppo, domajeur C въ родѣ фугато извѣщаетъ насъ, что Квазимодо подвергается наказанію за покушеніе похитить Эсмеральду. Не смотря на то, что этотъ хоръ довольно тщательно обработанъ и затѣйливо инструментованъ, я нахожу, во 1-хъ, что онъ слишкомъ растянутъ и мало драматиченъ (какъ и самыя слова), и оттого холоденъ; во 2-хъ что, вопреки правиламъ, теноры и бассы съ самаго уже начала имитаціи вступаютъ не тѣмъ порядкомъ, какъ сопраны и альты, а пол-тактомъ позже. — Помѣщенные среди этого нумера речитативъ и краткій хоръ порицанія (когда Эсмеральда подаетъ жаждущему Квазимодо вдоы), не придаетъ этой сценѣ ни эфекту, ни интересу. Надобно однако

сознаться, что эта сцена сама по себѣ скучна и холодна въ либретто, и композитору трудно было сдѣлать изъ нея что-нибудь лучшее.

Перемѣна декорацій переноситъ насъ во дворецъ невѣсты Феба, Флёръ-де-ли, гдѣ празднуется обрученіе танцами и балетомъ

Въ партитурѣ, которую я разсматривалъ, не достаетъ на этомъ мѣстѣ трехъ нумеровъ (№№ 9, 10 и 11), и я никакъ ие могу вообразить, чтобы музыка, которую я слышалъ во время исполненія танцевъ, вылилась изъ-подъ пера столь богатаго воображеніемъ автора, каковъ г Даргомыжскій.

Начало № 12., финала, съ того момента, когда подруги Флеръ-де-Ли, увидѣвъ въ окно Эсмеральду, изъявляютъ желаніе, чтобы ее позвали, — до самаго появленія цыганки на сценѣ, по данному ей Фебомъ знаку, — показалось мнѣ нѣсколько неполнымъ и не совсѣмъ оживленнымъ. Входъ Эсмеральды весьма логически предвѣщается извѣстною намъ уже фигураціею въ скрыпкахъ, послѣ чего віолончель, а за тѣмъ кларнетъ и наконецъ флейта прохаживаются тріольными пассажами.

Тѣперь слѣдуетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ въ оперѣ, *квинтетъ* съ хоромъ, (fa majeur, adagio $^2/_4$). Эсмеральда входитъ въ замѣшательствѣ, она увидѣла и узнала Феба. Флеръ-де-Ли, удивляясь тому, что цыганка безъ замедленія явилась на зовъ Феба, начинаетъ ревновать; — Фебъ предчувствуетъ, что дѣло идетъ не къ добру; одна изъ подругъ Флеръ-де-Ли и Виконтъ де-Гишь, пріятель Феба, дополняютъ квинтетъ.

Голоса прекрасно ведены и такъ сказать переплетены съ большимъ искусствомъ: партіи Эсмеральды и Феба красуются передъ другими. Коротенькое allegro (fa majeur, C) и allegretto (do majeur, $^3/_8$), во время котораго Эсмеральда, собираясь танцовать, снимаетъ съ себя подаренный ей Фебомъ въ 1-мъ дѣйствіи шарфъ), ведутъ, при восклицаніи Флеръ-де-Ли: «*мой шарфъ! Фебъ измѣнникъ!*» къ окончательному allegro (do mineur $^6/_8$). Эсмеральда въ страхѣ подбѣгаетъ къ Фебу, умоляя его о защитѣ; онъ успокоиваетъ ее и грозитъ другимъ; Флеръ-де-Ли и всѣ ея гости въ негодованіи, они выгоняютъ обоихъ влюбленныхъ, осыпая ихъ упреками. Эсмеральда убѣгаетъ наконецъ, защищаемая Фебомъ и другомъ его, де-Гишь.

Въ этомъ финалѣ композиторъ развилъ чрезвычайную энергію и много драматизма, не нарушая притомъ плавности въ пѣніи. Весьма эффектно окончаніе въ do majeur при употребленіи малой ноты въ Роминантъ-аккордахъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ. Передъ таверною, въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, сидятъ молодые люди за веселымъ пиромъ, распѣвая и попивая. Въ антрактѣ уже отзываются живые звуки ихъ *застольной пѣсни* (*№* 13). Фебъ и де-Гишь между ними. Первый поетъ куплеты, повторяемые хоромъ. Въ нихъ хорошо выражаются блескъ и удальство. Но если судить со всею строгостію придирчиваго критика, то можно было бы упрекнуть автора за нѣсколько *слишкомъ модный* характеръ мотива, походящаго почти на мазурку. Въ послѣдующей за тѣмъ аріи Феба (*№* 14) съ акомпанеманомъ облигатной скрыпки (fa majeur,

Andante, $^{12}/_{8}$), достойны вниманія какъ прекрасный ритурнель, такъ и вкрадчивая мелодія, выражающая ожиданія счастливаго любовника. Перешедъ въ Allegretto (Ré majeur $^{2}/_{4}$) Фебъ принимаетъ выраженіе легкости и игривости, сообразныхъ съ вѣтреннымъ его характеромъ.

№ 15. Послѣ вечерняго набата, (couvre feu), хоръ напоминаетъ Фебу, что ему пора отправиться на свиданіе съ Эсмеральдою. Фебъ въ речитативѣ говоритъ о своемъ счастіи.

Между-тѣмъ Фролло, закутанный въ свой капуцинъ, все подслушалъ и, когда молодые люди уходятъ, онъ останавливаетъ Феба.

№ 16. *Дуэтъ.* (Речитативъ). «Капитанъ,» говоритъ Фролло, — «на пару словъ!» — Да только поскорѣе! отвѣчаетъ Фебъ. — «Какъ зовутъ прелестную, къ которой вы отправляетесь? — Эсмеральда!

Фролло вздрогнулъ, и мрачнымъ напѣвомъ совѣтуетъ Фебу не ходить на свиданіе, потому-что тамъ ожидаетъ его смерть. — «Ты сумасшедшій!» отвѣчаетъ ему Фебъ насмѣшливо и беззаботно. При всемъ томъ въ немъ видно невольное смущеніе, что не ускользнетъ отъ Фролло. (Adagio, fa mineur, $^{6}/_{8}$). Вскорѣ однакоже оправившись отъ этого чувства, Фебъ принимаетъ опять беззаботный свой характеръ, (La b majeur, piu allegro C). Фролло снова угрожаетъ ему смертію, но уже напрасно, и дуэтъ кончается возвращеніемъ къ предыдущему мотиву въ сопровожденіи мрачнаго напѣва Фролло.—Видно, правда, что этотъ нумеръ созданъ подъ вліяніемъ Мейербера (*Робертъ*, дуэтъ 3 дѣйствія, между Рембо и Бертраномъ); но все-таки онъ прекрасенъ и весьма эффектенъ. Драматическіе очерки двухъ характеровъ, беззаботнаго Феба и мрачнаго Фролло, чрезвычайно вѣрны и мастерски выдержаны.

Перемѣна декорацій. Лачуга Эсмеральды. № 17. Тріо, которое слѣдуетъ теперь, безспорно самый лучшій нумеръ всей оперы. Прекрасный ритурнель (fa majeur, Moderato, $^{3}/_{4}$) набросанный широкою, драматическою кистью, сопровождаетъ таинственный входъ Фролло и его сообщниковъ въ бѣдную хижинку Эсмеральды. Краткое, но страстное аріозо Фролло хорошо обрисовываетъ положеніе отвергнутаго любовника, который приготовляетъ месть.

Входятъ Эсмеральда и Фебъ; Фролло скрывается за занавѣсомъ двери, ведущей въ спальную дѣвушки.

Слѣдуетъ миленькая, исполненная любви кантилена Эсмеральды (въ Si b maj.), повторяемая потомъ Фебомъ, въ сопровожденіи обоихъ остальныхъ голосовъ. Фебъ начинаетъ настоящее тріо, выражающимъ любовь

и счастіе мотивомъ, который повторяется затѣмъ Эсмеральдою (въ томъ же тонѣ), а наконецъ послѣ краткаго Agitato Фролло, также и этимъ послѣднимъ. Послѣ Agitato въ три голоса возвращается прежнее Andante Краткое Allegro ведетъ къ страстному мотиву Феба, умоляющаго Эсмеральду, которая сочувствуетъ ему. Конечно, это возбуждаетъ едва подавленную ярость подслушивающаго Фролло, выражающуюся тѣмъ же мотивомъ. Развивая тріо все болѣе и болѣе, весьма оживленною модуляціею, композиторъ (посредствомъ перехода въ Mi b mineur и аккорда fa 76) приводитъ пѣвцовъ своихъ опять къ мотиву въ Si b majeur, придавая ему выраженіе дикости (рисующей кровавое намѣреніе Фролло) рѣзкимъ аккордомъ уменшенной септимы (чего въ началѣ этого Allegretto не было), и кончаетъ тріо на сильномъ аккордѣ чрезмѣрной сексты отъ Sol b, сопровождающемъ убійство Феба и похищеніе упавшей безъ чувствъ Эсмеральды. Оркестръ выражаетъ ужасъ и страхъ ходомъ вверхъ мѣняющихся на каждомъ ударѣ диссонирующихъ аккордовъ, и спускаясь потомъ внизъ быстрымъ движеніемъ. Четыре краткихъ, но сильныхъ удара, кончаютъ дѣйствіе.

Дѣйствіе четвертое. № 18. Антрактъ начинается мѣрными, печальными ударами въ бассахъ, на что жалобно отвѣчаютъ духовые инструменты. Съ 11-го такта начинается двух-тактная таинственная фигурація, переходящая къ разнымъ инструментамъ. Поднимается занавѣсъ: предъ нами темница. Блѣдная, изнеможенная Эсмеральда, одѣтая въ простую, бѣлую сорочку кающихся, лежитъ на соломѣ. Въ речитативѣ она оплакиваетъ смерть Феба, котораго такъ любила, и въ убійствѣ котораго ее обвиняютъ. Отчаяніе ея выражено въ инструментахъ (ff, Allegro) синконными пассажами (en doubles croches), восходящими до верхней октавы, откуда оркестръ спускается медленно и утихая мало по малу. Ретурнель ad libitum на флейтѣ (sol mineur)), выражающая плачь, оканчиваетъ этотъ драматическій рисунокъ. Эсмеральда, обращаясь мысленно къ Фебу, спрашиваетъ: нѣтъ ли какого-нибудь средства осушить ея слезы, или воскресить мертваго? (Adagio sol mineur $^3/_4$). Пѣніе имѣетъ нѣжный, грустный характеръ сопровождающійся одними скрыпками, безъ басса, а отъ времени до времени являются звуки духовыхъ инструментовъ. Молитва ея, не совсѣмъ впрочемъ спокойная, внушаетъ ей мысль о соединеніи съ Фебомъ въ лучшемъ мірѣ, вскорѣ, вскорѣ и она умретъ (Lento). Тріольный ходъ въ оркестрѣ до верхней октавы на аккордѣ Sib 7b, ведетъ къ Allegro (Mi b maj. C.). Эсмеральда въ восторженномъ состояніи вскакиваетъ: «воспари же, мой Фебъ, на крыльяхъ неземныхъ!» поетъ она, подъ акомпанеманъ тріолями въ

квартетѣ, при выдерживаемыхъ звукахъ духовыхъ инструментовъ. Потомъ опять молится (прежнее Adagio $^3/_4$; віолончель и фаготъ поддерживаютъ пѣніе; въ скрыпкахъ pp tremolo), и повторяетъ снова мотивъ Allegro (C), сопровождаемый усиленною инструментаціею. Оркестръ (piu mosso) восходитъ синкопнымъ движеніемъ къ верху (cresc), и кончаетъ (morendo) простымъ мотивомъ изъ немногихъ нотъ въ унисоно, сначала въ скрыпкахъ, а потомъ въ кларнетѣ и фаготѣ. Въ заключеніе повторяется въ оркестрѣ мотивъ антракта (Mi b majeus), перейдя подъ конецъ въ sol mineur. Нельзя не любоваться этимъ прекраснымъ нумеромъ. Мысль, чувство, страсть, всё здѣсь соединено для полнаго драматическаго эффекта, и всё выражено съ искусствомъ и вкусомъ истиннаго мастера. Входитъ Клодъ Фролло.

№ 19. Жаль, что разборъ этого нумера, который принадлежитъ къ лучшимъ въ оперѣ, долженъ я начать замѣчаніемъ, а именно: что послѣ предыдущаго лада sol mineur, онъ начинается прямо съ аккорда sol majeur, безъ септимы fa. Это слишкомъ рѣзко, а нота fa смягчила бы рѣзкость, потому-что съ нею аккордъ этотъ былъ бы естественнымъ вѣстникомъ послѣдующаго Do mineur, для маскированія котораго композиторъ не могъ имѣть ни какихъ основательныхъ причинъ. Я согласенъ, съ одной стороны, что придирка эта, какъ и нѣкоторыя другія, мелочная, но я принялъ за правило быть тѣмъ строже въ разборѣ, чѣмъ выше я ставлю композитора: какому-нибудь италіянскому маэстро, даже восхваленному Донидзетти, я бы конечно не сдѣлалъ подобнаго упрека, потому-что у нихъ встрѣчаются безпрестанно еще не такія неправильности въ послѣдовательности звуковъ. Имъ переходъ экспромтомъ, безъ причины, ни почемъ, и слѣдовательно уже не удивляетъ подъ конецъ, но въ чистомъ и гладкомъ стилѣ г. Даргомыжскаго всякая, даже малая ошибка, невольно задѣваетъ ухо и сердце. Amico, perdona, ma troppo, è cara a me la veracita! (Другъ мой, прости, но слишкомъ дорога для меня правда!).

Фролло возвѣщаетъ Эсмеральдѣ, что ей завтра должно умереть. «Зачѣмъ же не сегодня?» отвѣчаетъ она. — Такъ ты очень страдаешь? возражаетъ Фролло: — ахъ! я, который завтра буду живъ, страдаю болѣе тебя. «Кто же ты?» спрашиваетъ Эсьмеральда. — Ты хочешь знать? И Фролло снимаетъ скрывающій его капишонъ. «Это онъ!» вскрикиваетъ Эсмеральда (на аккордѣ Mi b съ чрезмѣрною секстою, разрѣшающимся въ Remajeur). За тѣмъ слѣдуетъ прекраснѣйшій, эффектный мотивъ, выражающій волненіе и негодованіе Эсмеральды. Наконецъ она спрашиваетъ у Фролло: стало быть ты меня очень возненавидѣлъ, что такъ

преслѣдуешь?—«Люблю тебя», отвѣчаетъ онъ на самыхъ страстныхъ нотахъ, и продолжаетъ описывать ей ужасное состояніе своей души (Ré mineur, Agitato C). Драматическій мотивъ сопровождается волнующимся движеніемъ въ скрыпкахъ, (при чемъ первая нота усилена мѣдными, а двѣ послѣднія духовыми инструментами). Пѣніе становится всё страстнѣе и страстнѣе, акомпанеманъ всё живѣе и живѣе, пока Фролло съ отчаяніемъ въ душѣ не кончаетъ сильно акцентованными четвертными нотами, послѣ чего оркестръ усмиряется, и краткими, рѣдкими ударами переходитъ въ Moderato assai. Фролло, увѣренный, что Эсмеральда не можетъ уже уйти отъ него, говоритъ ей, что наконецъ пришелъ и его чередъ! Несчастная напрасно умоляетъ его, чтобы онъ ее оставилъ. Фролло требуетъ, чтобы она съ нимъ бѣжала. Страстная фигурація въ квартетѣ даетъ еще болѣе силы выраженію отчаянной его любви. Эсмеральда отвѣчаетъ, что предпочитаетъ смерть и осыпаетъ его проклятіемъ. Фролло отвѣчаетъ угрозами, выраженіе которыхъ заключается въ болѣе широкомъ мотивѣ, начинающемся съ септимы доминанты, переходитъ въ Si b mineur и кончается на аккордѣ sol b съ секстою разрѣшающемся въ fa majeur, въ которомъ тонѣ Эсмеральда повторяетъ тотъ же мотивъ и возвращается къ первому своему тріольному мотиву. Въ слѣдующемъ за тѣмъ отдѣлѣ оба голоса сливаются. Этотъ дуэтъ преисполненъ, какъ музыкальныхъ, такъ и драматическихъ красотъ.

№ 20. Перемѣна декораціи переноситъ насъ на площадь предъ Nôtre Dame de Paris. Народъ собрался, чтобы присутствовать при осужденіи Эсмеральды. Въ Соборѣ слышны торжественные звуки органовъ, въ характерѣ римскаго церковнаго пѣнія. За тѣмъ начинается въ оркестрѣ похоронный маршъ, въ которомъ я былъ изумленъ два раза неправильными звуками віолончели, а именно такъ называемыми *антигармоническими пересѣченіями* (Unharmonische Querstände) на ритмическихъ цезурахъ 8-го и 16-го тактовъ, не допускаемыми законами контрапункта. Безъ всякаго сомнѣнія это произошло вовсе не отъ незнанія правилъ со стороны талантливаго сочинителя, а просто одинъ изъ часто встрѣчаемыхъ авторскихъ капризовъ, поэтическая вольность; — но какъ критикъ долженъ только придерживаться непоколебимыхъ правилъ громматики и эстетики, то мнѣ и нельзя было умалчивать объ этомъ обстоятельствѣ.

За похоронымъ маршемъ снова раздаются органы въ Соборѣ, при весьма эффектномъ гимнѣ хора (сначала majeur, а потомъ mineur) въ видѣ небольшой фуги, за которою слѣдуетъ въ оркестрѣ краткое введеніе къ общей молитвѣ народа, кончающееся весьма удачнымъ (хотя и не совсѣмъ новымъ) ходомъ флейты съ кларнетомъ. Самая же мо-

литва (Allegro moderato Mi b majeur), съ мотивомъ, являющимся попеременно въ женскихъ и въ мужскихъ голосахъ, прекрасна и въ высшей степени характерна.

Извѣстная уже фигурація въ скрыпкахъ (здѣсь однакоже сверху внизъ на секст-аккордѣ) предвѣщаетъ о появленіи Эсмеральды, которая входитъ въ сопровожденіи стражи и судей. Въ то же время приходитъ и Фролло, какъ главный судья. Эсмеральда становится на колѣни и молится; въ Фролло, стоящемъ всторонѣ, борятся гибельная его страсть и сожалѣніе къ бѣдной, прекрасной жертвѣ своей; а народъ выражаетъ сочувствіе къ осужденной. Весь нумеръ живъ и прекрасенъ. Въ послѣднемъ Allegro Фролло пытается снова убѣдить Эсмеральду, но она, отвергая его предложенія, избираетъ смерть, которая должна ее соединить съ Фебомъ. Въ концѣ этого интереснаго отдѣла очень характеристическое перехожденіе чрезъ La b mineur къ аккорду Mi b majeur, служащаго началомъ мѣрнаго речитатива, въ которомъ Фролло обрѣкаетъ несчастную Эсмеральду на смертную казнь.

Но вдругъ (Allegro vivace) прибѣгаетъ Квазимодо и, схвативъ Эсмеральду, переноситъ ее къ ступенямъ Собора при восклицаніи: «Убѣжище!» Народъ съ радостію повторяетъ эти слова, хоромъ. Фролло, внѣ себя отъ гнѣва, провозглашаетъ (въ речитативѣ), что Эсмеральда, какъ цыганка, отлученная отъ церкви, недостойна заступничества: но провидѣніе уничтожаетъ наконецъ всѣ его замыслы: является Фебъ (Allegro vivace), едва оправившійся отъ раны, оправдываетъ Эсмеральду и указываетъ на Фролло, какъ на настоящаго своего убійцу. — Фролло, покоряясь небесному правосудію, восклицаетъ: «нѣтъ Господа, кромѣ Всевышняго!» и удаляется подъ стражею. Въ небольшомъ, прекрасномъ Дуэтино (Si b majeur) между Эсмеральдою и Фебомъ, изображена нѣжная радость свиданія; но Фебъ блѣднѣетъ, ослабѣваетъ, рана его вскрылась отъ скорой верховой ѣзды и усилія поспѣть во время и онъ умираетъ. Эсмеральда, которой весь составъ потрясенъ слишкомъ сильными переходами отъ отчаянія къ радости, и отъ радости вновь къ отчаянію, чувствуетъ, что она готова послѣдовать за Фебомъ (повтореніе прекраснаго мотива изъ аріи въ темницѣ) и падаетъ замертво, на трупъ своего возлюбленнаго.

Это повтореніе прежняго мотива, весьма удачное и естественное, служитъ одно уже доказательствомъ, что г. Даргомыжскій мыслящій и логическій композиторъ. Эсмеральдѣ, при мысли о послѣдованіи ея за Фебомъ, даже за предѣлы гроба, (что невольно напоминаетъ прежнюю ея арію), нельзя было здѣсь дать никакого другаго мотива. Народъ,

пораженный событіемъ, восклицаетъ только: «о судьба!» Allegro въ оркестрѣ, при тревожномъ движеніи въ альтахъ и бассахъ, заключаетъ оперу.

Съ особеннымъ удовольствіемъ считаю своимъ долгомъ выразить г. Даргомыжскому полное мое уваженіе къ замѣчательному его таланту. Какъ первое произведеніе драматической его музы, конечно «Эсмеральда» имѣетъ кой-какія слабости и негладкости, о которыхъ я и упомянулъ, но вообще нельзя и самымъ жаркимъ противникамъ его не согласиться, что опера «Эсмеральда» большею частію состоитъ изъ прекрасныхъ, истинно драматическихъ нумеровъ. Я увѣренъ, что за границею эта музыка непремѣнно обратила бы на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ, и убѣжденъ въ томъ, что при другихъ обстоятельствахъ, наша же публика никакъ не оправдала бы грустной пословицы: Nul n'est prophète en son pays.

ЮРІЙ АРНОЛЬДЪ.

СИГНАЛЫ МУЗЫКАЛЬНЫЕ.

III.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

«Донъ-Жуанъ» — Моцарта; **«Сорока-Воровка,»** — **«Севильскій Цирульникъ»** и **«Отелло»** — Россини.

Читатели очень удивятся, если мы, съ самаго начала разбора «Донъ-Жуана» Моцарта, даннаго въ бенефисъ г-жи Маррай, предложимъ имъ вопросъ: что̀ это за музыка — нѣмецкая или итальянская? Итальянцы, отказывающіеся отъ стиля первыхъ (итальянскихъ) оперъ Мейербера, съ радостью принимаютъ Моцарта въ свое лоно. Нѣмцы отстаиваютъ его за собою. Старая исторія! исторія Гомера съ семью городами, оспаривавшими его рожденіе. Дѣло въ томъ, что въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта мелодіи чисто-итальянскія безъ итальянской рутины и каждая изъ нихъ вполнѣ вѣрна характеру и лица поющаго и даннаго момента. Эта музыка — истина, красота и тонкое музыкальное пониманіе развитія психологическихъ характеровъ и данныхъ драматическихъ моментовъ. Шекспира трудно подвести подъ какую-нибудь литературную школу; тоже самое должно сказать относительно Моцарта. Музыка его—всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Онъ зналъ, что она, какъ языкъ общій, должна быть понятна всѣмъ и говорить уму и сердцу каждаго. Область драматической музыки — Психологія, различныя душевныя ощущенія человѣка при всевозможной обстановкѣ внѣшнихъ обстоятельствъ. Да-Понте думалъ создать фантастически балаганную штуку въ явленіи статуи командора, — Моцартъ въ музыкѣ своей сдѣлалъ его прозрачной аллегоріей, сквозь которую ясно проглядываетъ мысль автора, мысль не сложная и простая до крайности. Вы видите передъ собою человѣка, надѣленнаго всѣми земными благами, всюду торжествующаго, забывающегося въ своей гордости и — что-же? едва только смерть является звать его къ отвѣту — куда исчезла гордость,

непобѣдимость: все это прахъ, ничто, передъ грознымъ голосомъ смерти. Вотъ какъ объясняетъ вамъ Моцартъ аллегорію явленія статуи командора: драма *жизни и смерти!* величайшая изъ драмъ, совершающихся на нашемъ маленькомъ земномъ шарѣ. Эта главная, великая, нравственная мысль оперы обнаруживается преимущественно въ послѣдней сценѣ. Въ ней двѣ партіи: одна опирается на всѣ наличныя средства оркестра, другая — акомпанируется слабо. Съ одной стороны — всемогущая смерть, въ другой — слабый и немощный въ ея присутствіи человѣкъ. Главный ужасъ всей этой сцены, главная высокая черта ея заключается въ томъ, что Моцартъ отнюдь не сдѣлалъ партію человѣка — униженною и жалкою. Нѣтъ, никогда Донъ-Жуанъ не находилъ въ музыкѣ болѣе высокихъ, болѣе патетическихъ акцентовъ! Слова «parla dunque, che chiedi, che vuoi?» отвѣтъ «no! на — «pentiti scelerato» статуи — внушаютъ вамъ невольное къ нему уваженіе. Вся бѣда въ томъ, что всё это вотще, что всё это не поможетъ противъ страшнаго приговора смерти.

Мы уже доказывали въ предыдущей статьѣ, что *опера, какъ лирическая драма, какъ психологическое развитіе чувствъ и страстей интимныхъ — не подвинулась ни на шагъ впередъ со временъ Моцарта.* Самое ясное, неопровержимое подтвержденіе этой мысли найдемъ мы, показавъ развитіе музыкально-психологическихъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ «Донъ-Жуана.» Здѣсь каждое лицо дѣйствуетъ въ каждый данный моментъ во имя своей индивидуальности, остается постоянно вѣрно самому себѣ.

Мы вывели сейчасъ главную господствующую драму нашей оперы, но въ ней есть еще нѣсколько второстепенныхъ драмъ; герои ихъ — каждое изъ дѣйствующихъ лицъ. Сперва донна Анна...

Между Анной Моцарта и Анной Гофмана нѣтъ ничего общаго: весь этотъ характеръ понятъ Гофманомъ превратно. Анна женщина патетическая, натура высокая, съ сильными страстями. Донъ-Жуанъ хотѣлъ ее обмануть, но не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Анна—невѣста Донъ-Оттавіо. Оттавіо—ничего больше, какъ любовникъ. Созданіе этого харатера—одна изъ величайшихъ заслугъ Моцарта на удивленіе потомства. Замѣтили ли вы странность, читатель? Есть на свѣтѣ множество превосходнѣйшихъ актёровъ на самые различныя амплуа, на самые трудные характеры, но до сихъ поръ намъ не случалось видѣть ни одного порядочнаго jeune premier. Всѣ они вялы, безцвѣтны, блѣдны. Не оттого-ли это, что собственно самое положеніе влюбленнаго вяло, безцвѣтно ... глупо (извините, господа влюбленные!)? Въ этомъ положеніи господствующая черта — лиризмъ; дѣйствія, драматизма — никакого. Вотъ почему, какъ мы уже замѣчали въ предыдущей статьѣ нашей, — эти характеры удаются преимущественно поэзіи лирической. На сценѣ передать это трудно ... Человѣкъ влюбленный теряетъ свою самостоятельность, свою активность; онъ — отблескъ той, кого любитъ; онъ — живетъ въ ней, думаетъ ею и ни къ чему не способенъ, кромѣ лирическихъ порывовъ.. Пошлое положеніе! Лиризмъ на сценѣ смѣшонъ также, какъ и въ жизни. И взгляните — какой контрастъ: посреди всеобщаго движенія,

всеобщей дѣятельности, онъ старается тоже принять участіе и остается на однихъ лирическихъ выходкахъ. Онъ—тѣнь своей возлюбленной, и едва только въ сердцѣ ея возникнетъ страсть активная, дѣятельная—лирическій любовникъ падаетъ въ ея глазахъ. Оттавіо въ партитурѣ Донъ-Жуана—типъ такого любовника. Для него только акценты любви, лиризмъ, для Анны бурные порывы страсти. Любовь — его жизнь, его дѣятельность. Какъ нѣжно говоритъ онъ Аннѣ: «Ihai sposo e padre in me!» Но ей не до того: всѣ страсти ея громадной души пробудились: клянись отомстить за отца — говоритъ она ему «Giura!» — «Giuro!» отвѣчаетъ онъ рѣшительно, вдохновенный своею возлюбленной: но дѣло кончается ничѣмъ. Едва только Оттавіо поставленъ въ соприкосновеніе съ натурами, рѣшившимися дѣйствовать — онъ пассъ: въ тріо масокъ перваго акта партія его не имѣетъ никакой самостоятельности и служитъ фономъ, на который ложатся голоса двухъ женщинъ. «Il mio tesoro» въ отношеніи къ выдержанности этого характера еще болѣе замѣчательно. Въ первой мелодической фразѣ этой аріи вылилась вся любящая натура Оттавіо, весь его лиризмъ; есть-ли что нѣжнѣе, трогательнѣе этой фразы? Вотъ вамъ Оттавіо ... Но Анна вся занята мыслью мщенія, вся предана этому страстному порыву, овладѣвшему ея душою. И вотъ влюбленный вызываетъ себя на дѣятельность; оркестръ принимаетъ грозный, воинственный характеръ, въ вокальной части проявляется героизмъ «Dite-le che i suoi torti a vendicar io vado.» Что это? героизмъ исчезъ, въ пѣніи снова любовь, соловьиныя рулады, нѣжность и слова «Il mio tesoro in tanto»: дальше этого Оттавіо не пойдетъ ... вотъ онъ скрылся — и всё забыто: оркестръ повторяетъ подъ сурдину нѣжно вздохи влюбленнаго, которые раздѣлили между собою кларнетъ и фаготъ.

Таковъ Оттавіо, но далёко не такова Анна. Донъ-Жуанъ хотѣлъ ее соблазнить — и эта попытка развила всѣ страсти въ душѣ ея; смерть отца довершила остальное. Съ этого момента Анна вся предана одной господствующей страсти — мщенію. Эта женщина одарена силой воли необъятной и энергической. Съ перваго тріо »Non sperar se non múccide,« этотъ характеръ уже обрисованъ вполнѣ; дальнѣйшая роль развиваетъ всѣ его стороны. Речитативъ «padre, caro padre» представляетъ намъ Анну, какъ высочайшее проявленіе *высокаго* въ изображеніи трагическихъ страстей. «Quel sangue ... quella piaga .. quel volto ... tinto e coperto dell' color di morte» ... вотъ фразы, которыя рисуютъ вамъ всю, такъ сказать, картину смерти ... «Fredde le membre» ... вотъ описательная музыка, вотъ торжество ея! За речитативомъ дуэтъ контрастовъ. Анна энергическая, страстная, раздраженная, сохраняетъ въ партіи своей этотъ характеръ «Ma il padre mio dov' è?» ... «Giura!» это верхъ отчаянія и энергіи. Оттавіо вѣренъ себѣ: мелодіи его колеблются между минёромъ и мажёромъ «Guarda mi un solo instante», говоритъ онъ Аннѣ, и на вопросъ ея «Il padre mio dov' é?» отвѣчаетъ нѣжно, поддерживаемый гобоемъ «Ihai sposo e padre in me!» Эта фраза особенно эффектна послѣ взрыва оркестра за вопросомъ Анны. Обратите вниманіе на это мрачное повтореніе вопроса въ оркестрѣ. Анна воскликнула: гдѣ мой отецъ? и въ душѣ ея вдругъ пробудилось воспомина-

ніе о томъ, что совершилось. Но вотъ, голоса пошли ровно, переливаясь между собою: Оттавіо увлеченъ энергіей и силой воли своей возлюбленной. Другая сцена: Анна узнала въ Донъ – Жуанѣ убійцу своего отца: «O Dei!» крикъ ужаса, поддерживаемый всѣмъ оркестромъ, «Guegli e il carnifice del padre mio!» Вотъ что̀ я помню! — Инструментованный речитативъ, въ которомъ скрыпки съ голосомъ, дѣлая синкопы и задержанія на плавномъ ритмическомъ ходѣ остальнаго оркестра, производятъ рядъ диссонансовъ, рядъ криковъ ужаса и негодованія. Or sai chi l'onore,» апоѳеоза роли Анны. Слабая женщина исчезла за героиней, требующей мщенія, во что – бы то ни стало «Vendetta io chiamo!» Этотъ голосъ потрясаетъ глубину души грѣшника; имитаціи контрабассовъ и фигуры гобоя уже предсказываютъ вамъ исполненіе того, чего требуетъ Анна. Такая экзальтація въ женщинѣ долго продлиться не можетъ: слабая натура ея, нервозность этого невыдержатъ. Изъ героини она скоро превратится опять въ женщину. Кто зналъ сердце человѣческое лучше Моцарта? Ramménta la piaga del misero seno» съ этой фразой въ мелодію вкрадывается нѣжно – грустный, меланхолическій элементъ. Многіе толкователи Донъ – Жуана видѣли въ этой аріи уговоръ Анны съ *невидимыми*: смерть за смерть, сказали будто – бы ей эти господа; ты отомстишь, но цѣною твоей жизни. Къ чему натягивать положеніе? Намъ всё это дѣло представляется гораздо проще; стоитъ только разсмотрѣть положеніе съ точки зрѣнія психологической.

Всякая страсть, овладѣвающая существомъ человѣка, держащая его постоянно въ ненормальномъ положеніи, истощаетъ силы его, уничтожаетъ жизнь, губитъ. Положеніе насильственное кончается обыкновенно гибелью. Вы задали себѣ цѣль, стремитесь къ ней, упиваетесь ею, живёте ею; сила воли заставляетъ насъ преодолѣвать всѣ препятствія, всѣ препоны. Вся ваша дѣятельность направлена къ одному — осуществленію того, что̀ вы себѣ положили. Представьте, что цѣль эта достигнута, усилія ваши, сила воли взяла свое: въ вашей душѣ, въ вашемъ существѣ остается пустота, которая ничѣмъ уже не наполнится. Силы ваши истощены, — что же остается? Смерть — общій знаменатель всего на свѣтѣ; смерть, если не физическая, то моральная, во сто разъ худшая. Для Анны страсть ея еще болѣе пагубна, потому – что она противна ея высокой, доброй натурѣ. Ненависть, мщеніе — страсти преимущественно злой натуры. Анна увлеклась оскорбленіемъ и смертью отца; въ минуты экзальтаніи она предается своей ненависти, своему мщенію безъ размышленія, она насилуетъ свою натуру. Но когда цѣль будетъ достигнута, явится размышленіе, явится анализъ. Анна увидитъ, что она измѣнила своей натурѣ, что страсть увлекла ее, развила всѣ ея стремленія по одному направленію, истощила ея силы безплодно для нея самой. Тогда – то явится эта нравственная пустота, плодъ насильственной дѣятельности, истощенія, нервнаго разстройства, вѣчнаго противорѣчія съ своей натурой, съ самой собою. Умретъ – ли Анна? Дай Богъ! — Но что до этого за дѣло? Нравственная смерть уже показана Моцартомъ въ речитативѣ и аріи ея «Non

mi dir, bel idol mio» (ни тотъ, ни другая не исполнялись на нашей сценѣ). Здѣсь Анна уже не героиня перваго акта: цѣль ея достигнута — мщеніе совершится — и вотъ та переломная точка ея существованія, на которую мы указали выше: «Crudele, ah non mio bene» речитативъ, въ которомъ высказывается всё изнеможеніе натуры нашей страстной героини. Періодъ пустоты наступилъ: инструментальныя фигуры противорѣчатъ нѣжнымъ и обнадеживающимъ словамъ. Жалобная фигура скрыпки при повтореніи фразы «calma, calma il tuo tormento,» эти бемольные ходы проникаютъ васъ какой-то томящей меланхоліей. Allegretto еще высочайшая тонко-психологическая черта: оно показываетъ вамъ прежнюю Анну до столкновенія съ Донъ-Жуаномъ. Анну любящую, невинную, добрую. Прости всё это, простите наслажденія, любовь, жизнь!..

Возвращаемся снова къ аріи «or sai chi l'onore» ... Меланхолическій оборотъ на фразѣ «rammenta la piaga del misero seno» толкователи объясняли тѣмъ, что Анна сознала заранѣе конецъ свой. Напрасно! Не прямѣе-ли наше объясненіе? Женщина не могла долго выдержать экзальтаціи, проявившейся въ страшныхъ акцентахъ «vendetta io chiamo!» натура ея, нервозность взяли свое: за усиленнымъ порывомъ является всегда паденіе, un affaissement, какъ говорятъ французы. Это психологически-вѣрно и дѣлаетъ большую честь знанію человѣческаго сердца Моцарта. Кстати замѣтить здѣсь одно изъ любопытныхъ противорѣчій между либретто Да-Понте и партитурой Моцарта. Въ аріи Анны «non mi dir» Да-Понте вполнѣ увѣренъ, что съ погибелью Донъ-Жуана окончатся страданія нашей героини, что она затянетъ съ Оттавіо дуетъ «or che tutti, o mio tesoro,» выйдетъ за него замужъ, народитъ ему дѣтей и будетъ вполнѣ счастлива. Мнѣніе Моцарта мы видѣли выше ... Но надобно-же было дать что-нибудь въ утѣшеніе завѣтной мысли автора. И вотъ, послѣ страшной сцены появленія статуи, является въ партитурѣ названный выше дуэтъ: но, что̀ это? пошло, избито, въ итальянскомъ стилѣ того времени ... Какъ-же иначе? Если вы поняли смыслъ аріи «non mi dir», вы увидите, что Моцартъ говоритъ вамъ въ дуэтѣ: вздоръ, не вѣрьте этому! если вы не поняли, утѣшайтесь и хлопайте. Потомство показало, что смыслъ аріи для него понятенъ: дуэтъ «or che tutti» изчезъ навсегда со сцены.

Любопытны отношенія Анны къ Оттавіо. Она его любила, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но что-же значутъ слова «Lascia, o caro, un anno ancora, allo sfogo del cor mio»? Сопоставьте двѣ натуры одну — по существу своему лирическую, недѣятельную, сентиментальную; другую — всю выточенную изъ драматизма, энергическую, страстную, поставленную обстоятельствами въ постоянную экзальтированную нравственную дѣятельность: кто не видитъ, что это два полюса, которые никогда не могутъ сойтись? Анна помнитъ свои прежнія отношенія къ Оттавіо, но онъ уже упалъ въ ея глазахъ: не отдавая себѣ вполнѣ отчета въ этомъ, она чувствуетъ, что имъ нѣтъ никакой возможности соединиться; гармоніи между ними не можетъ быть никакой.

Мы увлеклись донной Анной ... За нею является Эльвира. Эльвира — покинутая жена. Отчего это, читатель, сердце человѣческое такъ устроено, что въ любви безъ взаимности, въ стремленіяхъ любящаго сердца, жертвующаго всѣмъ для возвращенія, gli bei momenti, оно видитъ всегда что – то комическое? Пусть разрѣшатъ этотъ психологическій вопросъ другіе; мы хотѣли только обозначить фактъ, чтобы показать еще примѣръ тонкаго пониманія человѣческой природы Моцартомъ. Аббатъ Да – Понте создалъ въ Эльвирѣ фигуру, для возбужденія порывовъ смѣха публики. Моцартъ, великій Моцартъ, перемѣнилъ смѣхъ на сострадательную улыбку. Не смѣйтесь, господа, сказалъ онъ: эта женщина заслуживаетъ ваше уваженіе! И вотъ ритурнель первой аріи Эльвиры объясняетъ всё это лучше всякихъ словъ. «Ah che mi dici mai quell barbaro dov' è? Мелодія этой аріи широка и величава ... но берегитесь, не увлекайтесь! на фразѣ «gli vo cavar il cor», фигура акомпаньемана такъ подозрительна, что величавое впечатлѣніе начинаетъ мало – по – малу исчезать. «Улыбнитесь» говоритъ вамъ Моцартъ. Скрыпка, віола и контрабассъ перекликаются между собою, приготовляютъ васъ къ чему – то смѣшному. Еще – бы! на сценѣ Донъ – Жуанъ. Не узнавая Эльвиры, онъ собирается «di consolar il suo tormento». Въ оркестрѣ все бѣгаетъ какая–то насмѣшливая фигура. «Донна Эльвира!» — «Донъ – Жуанъ!» ... Узнались? Стой! оркестръ остановился: нумеръ не оконченъ. Дѣло въ томъ, что встрѣча могла только окончиться объясненіемъ, но Донъ – Жуанъ тайкомъ ушелъ ... и музыкальный эпизодъ осталея неоконченнымъ. Лепорелло старается утѣшить несчастную чтеніемъ каталога, о которомъ будемъ говорить послѣ. Какое униженіе! Бѣдная, благородная Эльвира чувствуетъ пошлость своего положенія, въ ней пробуждается гордость, вызванная оскорбленіемъ; она собирается мстить: комизмъ исчезаетъ. «In quali ecessi, o Numi,» инструментованный речитативъ, полный достоинства и драматической истины и очень патетическій. За речитативомъ является арія «Mi tradi quell alma ingrata.» Арія эта помѣщена была на нашей сценѣ въ первомъ актѣ за каталогомъ по Рохлицу. Хотя г. Улыбышевъ и назначаетъ ей мѣсто въ началѣ 2–го акта, но первое намъ кажется болѣе психологическимъ. Эта арія, какъ было замѣчаемо не разъ многими, переводитъ насъ въ область чистой, лирической музыки. Драматическаго положенія собственно нѣтъ: Эльвира мечтаетъ, сравниваетъ горькое настоящее съ прошедшимъ, не знаетъ, что̀ предпринять. На эту тему маэстро написалъ одну изъ своихъ лучшихъ вокальныхъ вещей. Мелодія катится, раздѣляясь поровну между голосомъ и инструментами: то слышится акцентъ меланхолическій, то благородный порывъ и всё это при обворожительнѣйшемъ и оригинальнѣйшемъ акомпаньеманѣ оркестра. Замѣтимъ здѣсь характеръ руладъ: онѣ не разбиваютъ мелодію, какъ это случается въ итальянскомъ стилѣ, но идутъ съ темою, зависятъ отъ нея, развиваютъ ее и проводятъ по всей пьесѣ замѣчательное единство музыкальной экспрессіи. Полу – патетическій характеръ партіи Эльвиры проявляется всюду: въ финальной фра-

зѣ квартета перваго акта, «te vuol tradir ancor», въ которой на аккорды pizzicato скрыпокъ, ложится pianissimo подсвистыванье флейты и кларнета; въ тріо втораго акта «Ah, taci ingiusto core.» (Andante $^{6}/_{8}$ A-dur), гдѣ Эльвира снова вдается въ обманъ и гдѣ фразы ея партіи дышатъ какимъ – то невыразимымъ романтизмомъ; въ полупатетической фразѣ ея «Sola, sola in buio loco, palpitar il cor mi sento,» гдѣ хроматическія гаммы струннаго квартета выражаютъ трепетъ ея сердца ... Комическая arrière pensée изчезаетъ совершенно только при послѣднемъ появленіи Эльвиры въ домѣ Донъ – Жуана. Но тутъ положеніе измѣнилось: оставленная жена исчезла и передъ нами высокое существо, являющееся къ Донъ – Жуану молить не о себѣ, но о немъ самомъ *. Какая возвышенность, какая любовь въ фразѣ: «Ah, non deridere gl'affani miei!»

Еще героиня, еще драма въ общей драмѣ жизни и смерти: мы говоримъ о Зерлинѣ.

Веселый и шести-осьмушечный хоръ возвѣщаетъ намъ веселую процессію деревенской свадьбы. «Tralala, tralala!» любо! кричатъ всѣ. Рекомендую: женихъ—Мазетто, кусокъ говядины, у котораго есть сердце, не смотря на его пошлость и глупость, и сердце сильно защемленное; невѣста—Зерлина. Партія этой плутовки обдѣлана Моцартомъ съ необыкновенной любовью. Эта же партія служитъ лучшимъ опроверженіемъ нелѣпаго обвиненія въ недостаткѣ мелодичности въ партитурѣ «Донъ-Жуана». Любовь Моцарта къ партіи Зерлины вмѣняетъ намъ въ непремѣнную обязанность заняться ею повнимательнѣе.

Кокетство въ женщинѣ—вещьврожденная. Это кокетство не покидаетъ ея до старости. Важная ошибка въ томъ, что его часто принимаютъ за безнравственность... Первое чувство женщины, при встрѣчѣ съ мужчиной, привлечь его къ себѣ, опутать своими сѣтями: вещь въ сущности очень невинная и льстящая только ея самолюбію. Ухаживаніе мужчины пріятно занимаетъ этого маленькаго демона, вѣчно въ насъ живущаго, котораго мы только–что назвали. Женщина предается этой игрѣ, не видя, къ чему она ведетъ; она охотно будетъ для этого скрытничать съ мужемъ, употреблять хитрости, обманывать его... Но бѣда, если вы, счастливецъ избранный, дадите слишкомъ много воли съ вашей стороны своему самолюбію. Прекратите игру, взгляните на вещь серьёзно, сдѣлайте еще шагъ впередъ, выведите ее изъ заблужденія или убѣжденія, что это игра; откройте ей глаза — и всё пропало! Передъ вами явится женщина, почувствовавшая опасность игры; она отвернется отъ васъ съ негодованіемъ и обратится къ тому, передъ кѣмъ

---

* Въ нашемъ разборѣ мы стараемся, сколько возможно, говорить только о тѣхъ нумерахъ «Донъ–Жуана,» которые были исполняемы на нашей сценѣ. Желаемъ, чтобы каждый читатель, незнакомый съ самой партитурой «Донъ–Жуана» могъ повѣрить самъ, на сценѣ, всѣ наши впечатлѣнія. Вотъ почему мы неговоримъ объ аріи Эльвиры «Fuggi il traditor» лишенной, впрочемъ, всякаго драматическаго выраженія и представляющей ничто болѣе, какъ прекрасный этюдъ контрапункта.

хитрила еще съ бо̀льшимъ увлеченіемъ, чувствуя маленькое безпокойство на днѣ совѣсти. Вы сдѣлаетесь ей противны, потому–что не поняли, что были игрушкою ея самолюбія. Напрасна будетъ ваша логика; напрасно станете вы доказывать себѣ и, пожалуй, ей, что вина не съ вашей стороны, что она увлекла васъ, заманила, какъ болотный огонекъ заблудившагося путешественника. Эту граціозную драму повседневной жизни изобразилъ Моцартъ великолѣпно и художественно-вѣрно въ партіи Зерлины. Три фазиса, три момента этой драмы представляютъ: дуэтъ «La ci darem», арія «Batti, batti o bell Mazetto» и каватина «Vedrai carino».

Первый моментъ—Донъ-Жуанъ увидѣлъ крестьяночку и начинаетъ за нею ухаживать. Самолюбіе польщено; голова начинаетъ кружиться у бѣдненькой! «Хочешь идти со мной?» Минута нерѣшительности и вотъ дуэтъ «La ci darem la mano», одна изъ наивнѣйшихъ, превосходнѣйшихъ мелодіи всѣхъ временъ и вѣковъ. Чувствуете–ли вы въ этихъ звукахъ обаяніе кокетки, играющей и ласкающей свое самолюбіе? Нѣкоторые критики назвали *пошлою* мелодіею allegro этого дуэта. Они говорили объ ней, какъ объ отдѣльно-взятомъ произведеніи, но, въ связи съ andante, она имѣетъ значеніе. Г. Улыбышевъ превосходно объясняетъ его такъ:

«Невинность, борющаяся съ обольщеніемъ и ослабѣвающая мало-помалу, картина, если не поучительная, то по-крайней-мѣрѣ очень музыкальная ... Съ той минуты, когда Зерлина сказала «andiam», она упала также низко, какъ и всѣ женщины, составляющія каталогъ ... Мелодія allegro выражаетъ радость, показываетъ бѣдную крестьянскую головку, вскруженную при видѣ блестящаго господина, покрытаго золотомъ и перьями».

Но посреди этой радости есть одинъ хроматическій пассажъ, который ясно говоритъ и слушателямъ и Зерлинѣ: «Эй, не шути! обожжешься!»

Второй моментъ — Мазетто ревнуетъ; надо его провести: чѣмъ? разумѣется своимъ вліяніемъ на его сердце: любовь слѣпа! «Batti, batti, o bell Mazetto!» Здѣсь господствуетъ отъ начала до конца віолончель obligato, опутывающій своими сѣтями Мазетто; скрыпки обворожительно трильируютъ, какъ, вѣроятно, трильируетъ въ это время сердце влюбленнаго Мазетто; флейта вздыхаетъ, къ віолончелю иногда пристаетъ фаготъ. Мало сказать: это прекрасно! это обворожительно, поэтически-хорошо! Віолончель увивался долго съ голосомъ около Мазетто; женщина взяла свое; и вотъ онъ забѣгалъ быстрыми гаммами; «Pace, pace, o vita mia!» Этотъ обворожительный номеръ кончается на pianissimo контрабассовъ, подтрунивающихъ изподтишка надъ обманутымъ супругомъ.

Третій моментъ — Донъ-Жуанъ впалъ въ промахъ, обозначенный нами выше; случилось то, что̀ мы предсказывали. Зерлина обожглась, Мазетто прибитъ. Утѣшимся и помиримся, говоритъ ему жена. Она говоритъ отъ сердца и потому ей нечего такъ увиваться, какъ въ «Batti, batti»; мотивъ короче, акомпанеманъ простенькій и,

при концѣ, контрабассы уже не трунятъ, но весь оркестръ повторяетъ мотивъ и провозглашаетъ тѣмъ торжество супружеской любви. Здѣсь мы обозначимъ одинъ пассажъ, когда, послѣ ферматы, оркестръ разливается въ пѣсняхъ, а голосъ воркуетъ: «Senti lo battere, tocca mi quà»: еще и еще — выраженіе становится всё страстнѣе и страстнѣе. Вставай, Мазетто, полно считать раны! Скоро онѣ заживутъ! Погляди вокругъ себя: ночь, южная, испанская ночь, дышетъ упоеніемъ любви, навѣваетъ томительную нѣгу ... всё тихо ... деревья не колыхнутся ... городъ спитъ ... Услышавъ наши слова, Мазетто, вѣрно, отвѣчалъ-бы также, какъ онъ отвѣтилъ Донъ-Жуану: «Capisco si, signor!»

Еще лицо — Лепорелло и, на этотъ разъ, торжество Да-Понте: Лепорелло въ партитурѣ и въ либретто — два существа совершенно одинаковыя. Лепорелло—типъ лакея развратнаго, хитраго, подлаго, низкаго, пускающагося въ продѣлки, отчасти изъ диллетантизма, отчасти изъ выгодъ своихъ, отчасти изъ страха. Наединѣ онъ посылаетъ своего барина ко всѣмъ чертямъ »notte e giorno fatigar» (гдѣ контрабассы заканчиваютъ каждый періодъ хрипомъ на низкой струнѣ, какъ человѣкъ, которому холодно, или, просто скверно), а передъ нимъ значительно умаляетъ себя и подличаетъ. Онъ падокъ на сентенціи: когда Эльвира изливаетъ свои упреки на crudele, онъ назидательно замѣчаетъ: «parla come un libro stampato«; когда Донъ-Жуанъ собирается «di consola ril suo tormento», лакей опять находитъ нужнымъ замѣтить:

«Cosi ne consol'mille e otto cento»!

Но лучше всего онъ проявляется въ аріи каталога. Кстати здѣсь замѣтить, какъ глубоко Моцартъ понималъ истинно-хорошія стороны разныхъ музыкальныхъ школъ и какъ старался подражать имъ. Подъ мощнымъ вліяніемъ Пиччини стиль buffo развился въ Италіи въ совершенствѣ, какъ отдѣльный замкнутый родъ, какъ лучшее проявленіе итальянскаго духа. Паэзіэлло и Чимароза представили въ этомъ родѣ произведенія образцовыя и Моцартъ перенесъ въ свой стиль съ замѣчательнѣйшимъ талантомъ результаты усилій этихъ композиторовъ. Всѣ (и Итальянцы болѣе, чѣмъ кто-либо), отдаютъ Моцарту полную справедливость въ его превосходныхъ произведеніяхъ комическаго стиля, который, какъ извѣстно, никогда не давался нѣмцамъ. Итальянскія комическія parlante Моцарта полны жизни и движенія: слушая ихъ, никакъ не понимаешь, какъ могъ написать ихъ не Итальянецъ? Арія каталога его chef d'oeuvres.

Начинаетъ одинъ струнный квартетъ съ голосомъ: In Italia sei cento e quaranta ... скрыпка и контрабассъ ворочаютъ листки, гобои и вальдгорны начинаютъ подсмѣиваться и удивляться ... «Ma» ... и пѣвецъ и оркестръ остановились: пѣвецъ хочетъ поразить — Лепорелло любитъ эффекты; оркестръ недоумѣваетъ. «Ma in Ispagna son giá mille e tre!» Mille e tre! говорятъ удивленныя скрыпки! Mille e tre! повторяютъ гобой и фаготъ! Послѣ этого ораторскаго пріема задержанія оркестръ бѣжитъ впередъ; Лепорелло говоритъ parlante, какъ человѣкъ, который

чувствуетъ, что главное уже сказано; остальное можно поставить какъ-бы въ скобкахъ: «V'han fra questo contadine,

Cameriere, citadine,
V'han contesse, baronesse,
Marchesine, principesse!

Всѣхъ не перечтешь! Но отчего это allegro смѣнилось andante, весь оркестръ дружно поддерживаетъ пѣвца? Лепорелло читаетъ нравственныя сентенціи. Какихъ женщинъ не бывало? Во-первыхъ — grande maestosa, которую рисуетъ весь оркестръ; потомъ — la piccina, la piccina, la piccina, выражаемую преимущественно плутоватой фигурой первой скрыпки; въ заключеніе — vecchia, которую беретъ подъ свое покровительство и рекомендуетъ публикѣ фаготъ. Кстати здѣсь замѣтить, что комическій эффектъ низкихъ нотъ этого инструмента, въ которыхъ, по замѣчанію Шубарта, есть «etwas drollig Moquantes», употребленъ здѣсь впервые Моцартомъ. Этимъ эффектомъ пользовался впослѣдствіи Бетховенъ въ своихъ симфоническихъ произведеніяхъ: одна изъ ихъ характеристическихъ чертъ — романтическій юморъ въ родѣ Жанъ-Поля-Рихтера.

Другой номеръ въ комическомъ итальянскомъ стилѣ — дуэтъ Донъ-Жуана съ Лепорелло «Eh via buffone», въ которомъ такъ смѣшно героическое положеніе послѣдняго, рѣшившагося оставить своего господина и на всѣ его убѣжденія говорящаго: «no, no, no, no»... Замѣчательна комическая партія Лепорелло, выдающаяся изъ трагическаго фона секстета втораго акта. Не говоримъ объ аріи «Ah pieta, signori miei», потому-что она не исполнялась на нашей сценѣ; въ ней бездна неподдѣльнаго комизма. Дуэтъ «o statua gentilissima» величайшая изъ попытокъ соединенія трагическаго съ комическимъ. Донъ-Жуанъ разсказываетъ на кладбищѣ похожденія свои Лепорелло: оба очень веселы, оба смѣются. И вдругъ: «Dirider finirai pria dell'aurora»! раздается чей-то страшный голосъ. «Chi va la, chi va la»! вскрикиваетъ Донъ-Жуанъ Голосъ повторяетъ: «Ribaldo, audace, lascia a morti la pace». Замѣтьте акомпанеманъ этого plain chant; по аккорду на каждый слогъ: тромбонъ-бассъ завываетъ на бѣлыхъ нотахъ, тромбоны-альты и фаготы держатся въ своемъ среднемъ регистрѣ, кларнеты и гобои на верхней октавѣ. Донъ-Жуанъ, бравируя, посылаетъ Лепорелло звать статую командора къ себѣ на ужинъ, дрожащимъ голосомъ начинаетъ онъ: «O Statua gentilissima» и въ испугѣ бросается къ барину — «o padrone»! Этотъ скачекъ голоса на сексту рисуетъ наглядно испугъ лакея; еще болѣе осязательны ритмическіе эффекты оркестра, изображающіе фразу: «colla marmorea tasta ei fa cosi»!

О «Донъ-Жуанѣ» было много писано очень *замысловатаго*. Цѣль нашей характеристики лицъ показать, что эта опера — *торжество теоріи музыкальной драмы, какъ психологической картины, какъ психологическаго анализа чувствъ и страстей*. Въ ней — критеріумъ музыкально-драматической истины, сознанный Глукомъ, доведенъ до полнаго, совершеннаго развитія. Какъ Шекспиръ, истинный живописатель серд-

ца человѣческаго, будетъ всегда казаться юнымъ, такъ и Моцартъ никогда не устарѣетъ.

Исполненіе «Донъ-Жуана» Гризи, Тамбурини и Маріо уже извѣстно.

Г-жа Персіани создала роль Зерлины con amore. «La ci darem» было обдѣлано ею съ тѣмъ высокимъ художественнымъ тактомъ, который мы всегда въ ней замѣчали; милая, граціозная борьба — драматическая основа дуэта была прочувствована ею и выставлена рельефно. Особенно намъ понравилась игра и характеръ пѣнія allegro «andiam, andiam, mio bene!» Въ аріи «Batti batti», въ каватинѣ »Vedrai carino» г-жа Персіани представила идеалъ Моцартовой Зерлины. Замѣтимъ также здѣсь характеръ украшеній, которыя она дѣлала всѣ въ моцартовомъ стилѣ.

Г-нъ Формесъ исполнилъ партію Лепорелло хорошо. Эльвира — *г-жа Маррай*, была очень хороша.

За «Донъ-Жуаномъ» были даны почти сряду три оперы Россини *«Сорока Воровка»*, *«Севильскій Цирульникъ»* и *«Отелло»*. Въ послѣднее время господа критики начали обходиться что-то ужъ слишкомъ sans façons съ этимъ геніальнымъ композиторомъ, и потому мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность поговорить о значеніи его въ исторіи искусства.

Въ XVIII столѣтіи Италія считалась счастливою страною для всякаго музыканта и всѣ Нѣмцы ѣздили туда получать патентъ на званіе композиторовъ. Неаполитанская школа, замкнутая въ свою національность, произвела Паэзіелло и Чимарозу, развила стиль буффо до совершенства и довела оперу-серіа до послѣдней границы фальшиваго, преобразовавъ ее окончательно въ собраніе концертныхъ пьесъ безъ всякой связи съ драматическимъ положеніемъ. Нѣмцы начали мало-помалу овладѣвать итальянской мелодіей: Гассе пѣлъ уже достаточно хорошо, чтобы возбудить восторгъ итальянской публики. Драматической истины все-таки не было во всей этой музыкѣ; между словами и ею существовала страшная разладица. Это обстоятельство поразило Глука: въ введеніи къ изданію оперы своей «Альцесты», разобравъ критически ложность современной ему школы итальянскихъ мелодистовъ, онъ изложилъ принципы своего образа дѣйствій: въ оперѣ музыка должна слѣдить шагъ-за-шагомъ за дѣйствіемъ; всѣ части оперы должны носить на себѣ одинъ общій характеръ, соотвѣтствующій смыслу драматическаго сюжета; всѣ лишнія украшенія и формализмъ должны быть отброшены, речитативы — согласоваться вполнѣ въ интонаціями декламаціи. Глукъ, преданный единственно преслѣдованію постановленнаго имъ принципа драматической истины, и не подозрѣвалъ, что создавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ чисто-французскій оперный стиль. Этотъ стиль былъ французскимъ въ томъ смыслѣ, что провозглашалъ господство музыкально-декламаціонной системы, которая лежала въ основаніи музыкальнаго чувства французовъ. Глукъ былъ слишкомъ послѣдователенъ своей системѣ и потому одностороненъ, но мы уже видѣли выше, что Моцартъ развилъ вполнѣ и всесторонне найденный имъ принципъ, и такимъ образомъ, создалъ истинный музыкальный драматизмъ. Читателямъ уже из-

вѣстно, что реформа Моцарта отразилась во всей Европѣ. Въ Италіи Симонъ Майръ и Паэръ начали вводить по немногу большее соотвѣтствіе между словами и музыкой. Сравненіе «omba adorata» Цингарелли съ дуэтомъ «Rosa bianca e rosa rossa» Майра, или аріей »Agnese» Паэра достаточно покажетъ успѣхъ музыки въ этомъ отношеніи. Акомпанеманъ началъ также принимать болѣе независимые пріемы. Все предвѣщало полную реформу и она была произведена Россини. Этотъ композиторъ образовалъ себя изученіемъ твореній Моцарта, понялъ ихъ значеніе и создалъ свой драматическій стиль блестящій, яркій, но часто вѣрный драматической истинѣ и глубокій. И такъ, для Италіи Россини былъ истиннымъ творцомъ драматическаго стиля. Но Россини не чисто-итальянское произведеніе; что онъ имѣетъ значеніе европейское — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и первое доказательство этого — всеобщій успѣхъ его произведеній. Это европейское значеніе Россини вытекаетъ ясно изъ самой исторіи музыки въ разныхъ странахъ Европы. Въ Германіи, послѣ пастушескаго Гассе, выступила на сцену школа инструментальная, которая получила начало отъ Гайдна, Глука и Моцарта. Эта школа поглотила естественное пѣніе мелодіи, загромоздила ее эффектами инструментаціи и подъ вліяніемъ ученія о трансцендентальномъ разумѣ Фихте, породила Бетховена. Во Франціи строгая школа Глука произвела Мегюля, Керубини. Приспѣло время музыки тревожной и мрачной. Частныя противодѣйствія этому всеобщему направленію начали проявляться въ разныхъ странахъ. Такъ, въ 1809, въ Вѣнѣ была представлена опера «Швейцарское Семейство», которая поразила прелестью мелодій и геснеровскимъ идиллическимъ характеромъ. Авторомъ этой оперы былъ Вейгль, котораго очень уважалъ Веберъ. Главныя черты музыкальныхъ идей Вейгля — ясность, простота и задушевность. Во Франціи музыка Мегюля съ своей энергіей и грандіозными финалами, въ которые онъ первый ввелъ неожиданныя модуляціи, доведенныя нынѣ до злоупотребленія, была мгновенно смѣнена спокойнымъ стилемъ Делла-Маріи, который былъ преимущественно мелодистъ, обладалъ талантомъ вдохновенія и, мало занимаясь наукой, бралъ напѣвы свои изъ природы. Въ Италіи возникъ также прекрасный мелодистъ Рафаэль Орджитано, ранняя смерть котораго обманула ожиданія соотечественниковъ. Но всѣ эти попытки были только попытками. Въ Германіи школа бетховенистовъ взяла верхъ подъ вліяніемъ энергическаго порыва германской національности; во Франціи мощная, воинственная музыка Спонтини выразила мимолетное величіе имперіи Наполеона; въ Италіи Франциск Морлакки, строгимъ стилемъ своимъ напомнилъ эпоху музыкальнаго торжества этой страны. Такимъ образомъ, всюду искусство взяло верхъ надъ природою, умъ и энергія надъ сердцемъ и нѣжностью. Европа, послѣ потрясеній наполеоновскихъ войскъ, жаждала успокоенія и тихихъ ощущеній. При такомъ расположеніи умовъ явился, въ 1813 году, «Танкредъ» Россини. Для Италіи эта опера была предвѣстницей реформы драматической музыки; для Европы — мощнымъ протестомъ духа мира противъ генія войны. Право, музыка гораздо тѣснѣе соединена съ общественными интересами и потребностями, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда! Въ

этомъ-то протестѣ видимъ мы все музыкально-историческое значеніе Россини. «Танкредъ» поразилъ свѣжестью мелодій, занимательнымъ оркестромъ и *новизною* пріемовъ. Въ 1816 году были написаны «Отелло» и «Севильскій Цирульникъ».

«Отелло» создалъ истинно-драматическую оперу - seria въ Италіи, потой теоріи, которую Моцартъ развилъ въ своемъ «Донъ-Жуанѣ». «Отелло» представляетъ рѣзкую музыкальную характеристику лицъ, выраженіе драматической истины и занимательный оркестръ. Характеръ венеціанскаго мавра созданъ въ музыкѣ какъ нельзя болѣе удовлетворительно: она возвѣщаетъ каждый выходъ его и проводитъ по всей партіи замѣчательное психологическое единство. Характеръ Десдемоны очевидно созданъ въ музыкѣ по прототипу Шекспира. Это наивное, нѣжное, любящее существо всюду рельефно выдается въ музыкѣ. Второй актъ «Отелло» еще отзывается старой манерой, но третій — полная, грандіозная музыкальная картина. Здѣсь въ музыкѣ все сгруппировано для послѣдняго эпизода. Мрачный колоритъ акомпанемана инструментованному речитативу, пѣсня гондольера, звуки которой заноситъ съ балкона ночной вѣтерокъ, буря, разбитое окно, дивная и печальная мелодія *ивы* съ замѣчательной музыкальной компановкой своей, финальный дуэтъ, — все это выше всякой критики. Дѣйствіе, загнанное прежде въ речитативъ, развивается музыкально, на манеръ Моцарта, morceaux d'ensemble выражаютъ именно различныя ощущенія и противоположность характеровъ въ данный моментъ.

Какъ «Отелло» созданъ по теоріи музыкальнаго драматизма Моцарта, такъ и «Севильскій Цирульникъ» созданъ по его-же теоріи музыкальнаго комизма. Объ этой теоріи мы говорили подробно въ предыдущей статьѣ. Теперь, для нагляднаго доказательства этого, мы разберемъ паралельно музыкальную характеристику лицъ «Свадьбы Фигаро» и «Севильскаго Цирульника». Здѣсь мы будемъ имѣть случай опять-таки обнаружить, что Россини очень успѣшно усвоилъ себѣ глубокое пониманіе Моцартомъ музыкальной психологіи. Въ «Свадьбѣ Фигаро» двѣ примадонны (не считая Керубино); каждой изъ нихъ надо было дать музыкальную характеристику. Моцартъ сдѣлалъ болѣе: онъ далъ сообразное характеру каждой изъ нихъ участіе въ разныхъ нумерахъ.

Розина — покинутая жена, оплакивающая свое настоящее и вспоминающая съ восторгомъ о прошедшемъ. Эта жена, правда, не совсѣмъ неутѣшна, — но это уже вторая черта. Ей поручилъ Моцартъ господство въ аріяхъ патетическихъ, въ лирическимъ изліяніяхъ. Сусанна — женщина, около которой групируется интрига пьэсы; ей Моцартъ поручилъ господство въ драматическихъ моментахъ. Аріи Сусанны болѣе декламаціонны; аріи графини — полны чувства и лиризма. Въ morceaux d'ensemble, Сусанна всегда на первомъ планѣ: въ этой музыкальной постройкѣ не проглядываетъ-ли высокій умъ, тонкое пониманіе психологіи? первый характеръ графини — патетическій лиризмъ, но, такъ какъ этотъ пататизмъ не всегда безъ упрека, то аріи ея должны выражать это противорѣчіе. Каватина «Porgi amor» отъ начала до конца въ патетическомъ характерѣ: по ней разлита какая-то нѣжная,

тихая грусть. Арія «Dove sono i bei momenti» уже представляетъ тонко-подмѣченный и выраженный двойственный характеръ. Пока Розина предается воспоминаніямъ прошедшаго, мелодія (andante) полна высокой выразительности, но едва только она заговариваетъ о своей «constanza», — тэма allegro теряетъ характеръ жалобы, а фигура гобоя и фагота, перекликающаяся съ голосомъ даже подтруниваетъ довольно граціозно надъ этой «constanza». Арія кончается блестящей péroraison. Какъ это умно и тонко!

Арія Бартоло начинается торжественно: «La vendetta, oh la vendetta»! восклицаетъ dottore; и въ такомъ благородномъ намѣреніи, его поддерживаетъ весь оркестръ, со включеніемъ литавръ. Это торжественное начало получаетъ высоко-комическій характеръ; когда, послѣ него, является какая–то несчастная, пошлая фигура скрыпокъ, передразниваемая контра-басами, забѣгающими впередъ, какъ уличные мальчишки, которымъ подъ зубокъ попался какой–нибудь смѣшной прохожій. Читатели, прочитавшіе комедію Бомарше, знаютъ уже, что этотъ мотивъ изображаетъ то мщеніе, которое Бартоло собирается почерпнуть въ законахъ, чтобы воспользоваться малѣйшей закорючкой. Посреди этого объясненія крючкотвора, композиторъ — что̀ можетъ–быть смѣшнѣе? — напоминаетъ вамъ отъ времени до времени: «вотъ каково мщеніе доктора Бартоло»! (выдерживаемыя ноты скрыпокъ и вальдгорновъ). Въ концѣ, когда Бартоло, вполнѣ довольный собою, восклицаетъ: «Il birbo Figaro vinto sara!» музыка принимаетъ снова торжественный, ликующій характеръ. Вотъ музыка, которая уже не буффонство, а тонкій, высокій комизмъ, — или мы жестоко ошибаемся!

Съ достойнымъ товарищемъ Бартоло — дономъ Базиліо, — Моцартъ сыгралъ уморительнѣйшую музыкальную шутку. Арія его, содержаніе которой всѣмъ извѣстно, написана въ торжественномъ воинственномъ характерѣ! Базиліо объясняетъ свой нравственный кодексъ также громко и торжественно, какъ, вѣроятно, Солонъ или Ликургъ обнародовали свои законы собравшимся Грекамъ. Музыка рисуетъ громъ, пощадившій кожу осла звѣря, не удостоившаго коснуться ея; самаго Базиліо, торжествующаго непогрѣшимость своихъ правилъ. Это — переведенная на музыкальный языкъ уловка — разсказывать комическое событіе трагическимъ голосомъ.

Арія Сусанны «Venite inginocchiate vi», — представляетъ опять образчикъ глубокаго пониманія Моцартомъ сценическихъ условій. Сусанна занята туалетомъ пажа, котораго онѣ съ графиней наряжаютъ въ женское платье: тутъ, очевидно, некогда пѣть; да и вообще, при подобномъ занятіи разговоръ можетъ быть только веденъ урывчатыми фразами. Это зналъ Моцартъ лучше насъ: мелодія въ этой аріи поручена имъ оркестру; скрыпки и флейты кокетливо переговариваются между собою и съ другими инструментами. Мотивы возникаютъ одинъ за другимъ, одинъ лучше другаго; на эту обворожительную болтовню ложатся урывчатыя фразы вокальной партіи. О плутовка! какъ она старается выказать передъ графиней Керубино!

Наконецъ мы добрались до этого характера, полнаго поэзіи, который обдѣланъ Моцартомъ съ особенною любовью. Дайте какому-нибудь итальянцу текстъ аріи Керубино — Non so piu cosa son, cosa faccio»,— онъ сдѣлаетъ изъ него тотчасъ-же лѣнивое, растянутое adagio; Моцартъ, великій Моцартъ — сдѣлалъ изъ него образецъ изобразительной музыки. Вотъ текстъ Бомарше: «я не знаю, что со мною дѣлается; съ нѣкотораго времени грудь моя волнуется и сердце бьется при одномъ видѣ женщины; слова *любовь* и *нѣга* заставляютъ трепетать и смущаютъ меня. Наконецъ, потребность сказать кому-нибудь: *я васъ люблю* сдѣлалась такъ сильна, что я говорю это самому себѣ, бѣгая по парку, госпожѣ твоей, тебѣ, деревьямъ, облакамъ, вѣтру, уносящему мои теряющіяся слова ...» Теперь посмотримъ переводъ этого текста на музыкальный языкъ. Оркестръ бьется въ какомъ-то лихорадочномъ ритмѣ при инструментаціи полной таинственной неопредѣленности и волненія; голосъ идетъ трепещущими, урывчатыми фразами, около которыхъ съ любовью обвивается бассъ, — ужели эта музыка требуетъ комментарія и каждый изъ насъ, читатели, слушая ее, — ужели не вспомнитъ своей молодости? Лихорадочный ритмъ — клокотаніе молодой, играющей крови; неопредѣленность и волненіе инструментаціи — состояніе юноши, который еще не ясно понимаетъ, что съ нимъ ... и ищетъ ... ищетъ кругомъ себя ... Вотъ уже бассъ довольно ясно намѣкаетъ ему, обвиваясь съ любовью около его трепетныхъ фразъ ... Такъ тревожный сонъ юноши вѣчно возмущаетъ одинъ образъ, манящій къ себѣ издали съ обаятельной нѣгой. Юноша тревожно, со страхомъ подвигается впередъ, кровь бросается въ голову . . еще шагъ — и онъ достигъ милаго образа. Тревожное состояніе исчезаетъ: имъ овладѣваетъ успокоительная нѣга. Такъ и въ аріи, разбираемой нами, allegro agitato къ концу смѣняется нѣсколькими тактами adagio. Картина Моцарта, какъ вы видите, обширнѣе картины Бомарше, который оставилъ юношу въ тревожномъ состояніи и кончилъ ее натянутымъ эпизодомъ по поводу старой Марчелины. Подивитесь этому, истинно-шекспировскому знанію человѣческой натуры. Похвалы для этой каватины — неумѣстны: передъ такими созданіями молча преклоняешься. Вотъ лучшая для нихъ похвала!

Вотъ одна сторона характера Керубино. «Voi, che sapete» представляетъ другую. Тревожное состояніе его, событія дня, удаленіе изъ дома графа, — все это далеко подвинуло впередъ нашего пажа, и я бьюсь объ закладъ, что теперь, смиренно стоя передъ графиней, онъ уже не скажетъ: «non so piu cosa son, cosa faccio». Предсказаніе заключительныхъ тактовъ адажіо его первой аріи сбылось: вмѣсто allegro agitato мы имѣемъ andante con moto; мелодія вся проникнута эротическимъ характеромъ. Pizzicato струннаго квартета и фигуры духовыхъ инструментовъ довольно замысловато выказываютъ прелесть мотива вокальной партіи; въ серединѣ аріи, модуляція измѣняется при перемѣнѣ каждаго такта и навѣваетъ на васъ нѣгу, прокрадываясь въ самый дальній уголокъ женскаго сердечка. О, графиня! не вѣрьте мнимому характеру невинности этой пѣсенки, не шутите съ ребенкомъ. Повѣрьте,

когда онъ подростетъ — вы много пострадаете за вашу будто–бы невинную шутку. Бомарше первый вывелъ это необходимое заключеніе изъ первыхъ подвиговъ Керубино; въ дальнѣйшемъ развитіи этого характера мы уже видимъ, до какихъ размѣровъ развился юноша, изъ подтишка засматривавшійся на всѣхъ попадавшихся на пути женщинъ. Это обстоятельство навело нѣкоторыхъ критиковъ на мысль, что въ сознаніи Моцарта — Керубино подалъ первую мысль о Донъ–Жуанѣ. Мы не большіе охотники до натянутыхъ аналогій, но здѣсь — нельзя не сознаться — критики совершенно правы. Въ Донъ–Жуанѣ двѣ главныя черты: какое–то обаяніе, которому не можетъ противиться ни одна женщина, и храбрость, ничего не страшащаяся и выходящая отовсюду побѣдительницей; обѣ эти характеристическія черты находятся въ характерѣ Керубино и Альмавива.

Теперь намъ осталось разобрать арію Фигаро «Non piu andrai». Это картина военнаго быта; оркестръ сначала держится на той–же точкѣ зрѣнія: «Collo dritto! Muso franco!» оркестръ ударяетъ урывчато аккордами, какъ фронтъ солдатъ, разомъ исполняющій команду начальника. Но, посреди этихъ воинскихъ упражненій, музыка становится вдругъ мягче, мягче, нѣжнѣе... мимолетное воспоминаніе о домѣ, о родныхъ, о красоткѣ: «edin vece del fandango, una marcia per un fango!» модуляція быстро вернулась къ тоникѣ. Здѣсь, между оркестромъ и Фигаро произошелъ разладъ; они разошлись въ точкѣ зрѣнія: въ то время, какъ Фигаро разсказываетъ въ силлабическомъ parlante, какъ войска идутъ:

«Per montagni, per valloni,
Colle neve e i sol Lioni,
Al concerto di tromboni ...» и т. д.

духовые инструменты играютъ превосходный маршъ, полный отваги, благородства и поэзіи; и, когда Фигаро, разобравъ всѣ непріятности дороги, объявляетъ, что она ведетъ «alla vittoria, alla gloria militar!» воинственные тріолеты трубы достойно заканчиваютъ эту высоко-поэтическую картину. Вотъ еще образикъ самостоятельнаго вмѣшательства оркестра въ текстъ оперы, характеристика котораго—съ точки зрѣнія извѣстнаго положенія или лица — поручена вокальной партіи. Съ помощью этого–то самостоятельнаго вмѣшательства и основалъ Моцартъ высокій, музыкальный комизмъ. Безъ него, т. е. безъ самостоятельности оркестра, комическая опера могла быть только *буффонствомъ*.

Кстати объ оркестрѣ Моцарта. Его называютъ въ настоящее время бѣднымъ. Есть два рода богатства инструментаціи: количественное и качественное. Количественное состоитъ въ употребленіи возможно бо̀льшей массы *инструментовъ;* качественное — въ употребленіи возможно бо̀льшаго числа *партій,* сливающихся въ одно цѣлое. Количественно-богатая инструментація можетъ быть бѣдна партіями (Верди); каче-

ственно–богатая можетъ быть бѣдна массой инструментовъ (Моцартъ) *. Первое богатство инструментаціи подчинено успѣхамъ инструментальнаго искусства; второе — генію композитора. Въ инструментаціи Моцарта богатство и разнообразіе партій невообразимо; но это богатство было у него богатствомъ идей и логической (контра–пунктической) обстановки ихъ: о превращеніи инструментовъ оркестра въ какія–то дѣйствующія лица воображаемой, на воздухѣ разыгрывающейся драмы, онъ не имѣлъ понятія. Музыкальный романтизмъ, въ которомъ, какъ и въ литературномъ, много условнаго, натянутаго, непонятнаго, фантастическаго, еще не созрѣлъ въ его время. Въ «Донъ–Жуанѣ» онъ указалъ на границы, въ которыхъ романтизмъ могъ существовать въ музыкѣ *положительно*. Слѣдующее поколѣніе перешло за Рубиконъ. Въ инструментаціи Моцарта мы находимъ одно великое качество, нынѣ совершенно забытое, *такта* (конечно, въ переносномъ значеніи этого слова). Онъ всегда соразмѣрялъ силу и богатство акомпанемана съ важностью сценическаго положенія.

Если кто постигъ и передалъ намъ это тонкое искусство пользоваться оркестромъ, то это, конечно, Россини. Разборъ нумеровъ «Севильскаго Цирюльника» доставитъ намъ сейчасъ случай убѣдиться въ этомъ. Вѣрный своему великому наставнику, Россини создалъ въ «Barbiere» рядъ самыхъ свѣжихъ, увлекательныхъ, дивныхъ мелодій. Какъ человѣкъ, задачей котораго было введеніе истинно драматическаго элемента въ итальянскую музыку, онъ сообщилъ этимъ мелодіямъ строгое выраженіе положеній и сдѣлалъ посредствомъ ихъ геніальный опытъ музыкально-комической характеристики лицъ à la Моцартъ: Розина, Альмавива, Фигаро, Бартоло, Базиліо имѣютъ каждый свою опредѣленную физіономію, свою типическую особенность. Розина вся выражена въ своей превосходной аріи «Una voce poco fa»: черноглазая испанка, для которой *жить* и *любить* — слова однозначащія, плутовка, которая проведетъ кого угодно! Сколько нѣги въ фразѣ «una voce poco. fa», сколько любви! «Io sono docile», говоритъ Розина, но она плутуетъ: скачки голоса тріолями внизъ ясно показываютъ, на сколько должно вѣрить этой фразѣ. Какъ-бы тамъ ни было, а всё-таки «io sono docile», пока меня не выведутъ изъ терпѣнія ... «Ма ...» и вотъ покатились и запорхали вокализы, въ которыхъ нѣтъ ничего натянутаго, неестественнаго, и которыя такъ и рисуютъ птичку, выпорхнувшую изъ клѣтки. Да, да, «io sono docile» и это двоекратное повтореніе, въ которомъ опять непокорный характеръ втораго противорѣчитъ смиренію перваго, кончающагося самымъ невиннымъ скачкомъ съ діатонической скалы на полутонъ и переносящаго фразу на верхнюю малую сексту, сообщая ей плутовское выраженіе, полное граціи. Наконецъ кокетка и плутовка раскрывается вполнѣ въ дуэтѣ «Dunque io son la fortunata», внушающемъ Фигаро назидательное замѣчаніе «Donne, donne,« первая половина котораго лежитъ на sol, si и заключается нижнимъ do. Эта

* Впрочемъ, говоримъ послѣднее относительно нашей эпохи: сравненіе инструментаціи Моцарта съ инструментаціей наприм. «Matrimonio segretto» показываетъ, что, *для своего времени*, инструментація Моцарта была и количественно необыкновенно богата.

бассовая терція, звуча противъ секст–аккорда въ оркестрѣ и хода сопрано, рѣзко обозначаетъ, что Розина и Фигаро смотрятъ на любовь съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія; первая сдѣлала свое profession de foi въ «una voce poco fa», второй въ «Largo al factotum della cita». Альмавива – любовникъ мастерски очерченъ въ каватинѣ «Ecco ridente il cielo», которую вѣроятно каждый изъ насъ напѣвалъ въ пору любви. Вотъ что странно: нѣтъ сомнѣнія, что мотивъ этой каватины такъ и просится въ уста любовника, а между-тѣмъ онъ заимствованъ Россини изъ хора жрецовъ «Sposa del grande Osiride» другой его оперы «Aureliano in Palmira», написанной для Милана въ 1814 г., но не имѣвшей успѣха. Кромѣ того, въ лицѣ Альмавивы очерчены превосходно пьяный солдатъ и скромный и гнусливый ученикъ Базиліо. Въ дуэттино «pace e gioja» фигура акомпанемана скрыпокъ въ оркестрѣ рисуетъ какъ нельзя болѣе низко поклонную фигуру мнимаго донъ-Алонзо. Трудно представить что̀–либо смѣшнѣе этого перехода мотива на второй фразѣ изъ мажёра въ минёръ нижней терціи: вотъ величайшій музыкальный комизмъ, какой намъ случалось только встрѣчать.

Характеристика Фигаро разбросана по всей оперѣ, но главныя черты ея сгруппированы въ аріи «Largo al factotum della cita». И точно, этотъ взвизгъ скрыпокъ на первомъ словѣ аріи и въ ритурнели ясно говоритъ: давай дорогу! И вотъ является передъ вами Фигаро, вѣчно веселый, безпечный, въ усъ не дующій ни кому и чувствующій, что ворочаетъ потихоньку всѣмъ городомъ. Che bel vivere, che piacere! И музыка передаетъ вамъ одинъ за другимъ всѣ ощущенія этого забавнаго лица. «Largo», вскрикиваетъ онъ, и восходящая гамма въ оркестрѣ такъ и гонитъ передъ нимъ народъ въ стороны. «Всѣ меня зовутъ, всѣ просятъ ...» мотивъ изъ тоники восходящими тріолями переходитъ въ суб–доминантъ и вдругъ останавливается ... что̀ случилось? Фигаро занялся разсчетами: «col cavaliere ... colla donette» и пришелъ къ отрадному заключенію. «son un barbiere di qualita». И оркестръ помчался во всѣ стороны: «проходу нѣтъ! Фигаро сюда, Фигаро туда!..» Это что̀ опять! модуляція перешла вдругъ въ торжественный аккордъ нижней большой терціи ... Вздоръ! шутка Фигаро; хитрецъ притворяется важнымъ человѣкомъ, замученнымъ всѣми: «un al la volta, per carita!» Въ то время, какъ Ронкони превосходно передавалъ намъ эту арію, намъ пришло въ голову любопытное сравненіе ея съ аріей Лепорелло, въ которой послѣдній высчитываетъ Эльвирѣ число побѣдъ своего господина. Какая разница! Лепорелло—лакей, не имѣющій никакой самостоятельности, живущій и дышащій однимъ Донъ-Жуаномъ. Его разсказъ, разсказъ лакея о «нашихъ». По мѣрѣ возрастанія похожденій барина, возрастаетъ и самъ лакей: «Ma in Ispagna son già mille e tre!» и скрыпки, фаготы и гобои поддерживаютъ разхарахорившагося слугу; Фигаро—дѣло другое; Фигаро философъ и острякъ, котораго быть можетъ и бьютъ, но который всё-таки водитъ другихъ за носъ. Фигаро человѣкъ независимый, немножко здравомыслъ, немножко плутоватъ . . да и то едва-ли? Въ аріи Лепорелло глав-

ное лицо Донъ-Жуанъ; въ аріи Фигаро—онъ самъ. Онъ factotum della cita; имъ живетъ весь городъ, онъ всё рѣшаетъ, всё знаетъ, всё обдѣлываетъ. Вотъ почему въ аріи послѣдняго господствуетъ независимость и самодовольствіе. Фигаро всё рѣшаетъ, всё примиряетъ своимъ присутствіемъ — e un galante uomo: и Бомарше и Россини того-же мнѣнія. Вспомните этотъ живой мотивъ на скрыпкахъ, при появленіи цирюльника въ тотъ моментъ, когда пьяный солдатъ собирается

«Все сокрушить предъ собою»:

это Spiccato скрыпокъ внизъ по интерваламъ секст-аккорда послѣ шумной предшествующей сцены возвѣщаетъ вамъ, безъ пособія зрѣнія, присутствіе Фигаро на сценѣ. Фигаро очень высокаго мнѣнія о своей особѣ; выдумавъ средство обмануть Бартоло, онъ такъ самоувѣренно затягиваетъ свое «che invenzione!», что Альмавивѣ невозможно не поддакнуть ему. Еще черта психологическая, тонко выраженная въ музыкѣ: въ присутствіи Альмавивы, Фигаро значительно поумѣряетъ свою спѣсь и прорывается только мѣстами. О, онъ хорошо знаетъ, какъ обходиться съ знатными: вотъ почему его партія въ дуэтѣ съ теноромъ остается постоянно на второмъ планѣ. Съ людьми средней руки онъ не такъ церемонится: Бартоло не любитъ, но менажируетъ, въ надеждѣ отъ него кое-чѣмъ поживиться. Но вотъ на доктора нашелъ столбнякъ и Фигаро чувствуетъ, что праздникъ на его улицѣ: тутъ-то онъ финтитъ, тутъ-то вертится. «Guardate Bartolo, sembro un statua», кричитъ онъ всѣмъ. Едва только замѣшается интересъ — Фигаро бросаетъ въ сторону ménagements. Альмавивѣ необходимо отвлечь почтеннаго доктора, а онъ не хочетъ бриться: приходи завтра! «Завтра никакъ нельзя! Завтра долженъ выбрить голову и бороду полковнику, пустить кровь капитану, убрать волосы княгинѣ Д., мало-ли что!» И Бартоло покоряется по неволѣ. Это лицо также *типизировано* въ музыкѣ. Главный его номеръ — арія 2-й картины перваго акта. Всѣхъ поразила, вѣроятно, воинственная, сильная оркестровка въ началѣ этой аріи, написанной въ Es-dur—обыкновенномъ тонѣ военныхъ оркестровъ: дѣло въ томъ, что Бартоло старикъ злой, скупой, педантъ и ревнивецъ, но у него одна слабость — онъ влюбленъ въ Розину; онъ надоѣдаетъ своей воспитанницѣ, она его бѣситъ, но старику надо собрать всю твердость духа, чтобъ разбранить ее; влюбленный въ Розину, онъ постоянно борется между сварливостью и ревностью и страхомъ огорчить ее.

Такъ понималъ эту фигуру Россини. Теперь воинственный приступъ къ назиданію намъ понятенъ: dottore собралъ всю твердость своего духа, принялъ рѣшеніе и спѣшитъ его поддержать. Но это трудно, да къ тому-же старикъ дѣлаетъ промахъ, общій всѣмъ наставникамъ, имѣющимъ дѣло съ дѣвушками, сознающими свою красоту и граціозность. «И ты думаешь, что хороша собою?» (говорятъ обыкно-

венно эти почтенные люди) .. «да ты взгляни на себя: ты косолапая, глаза у тебя каррикатурные, походка вертлявая, носъ огромный: ну, гдѣ – же тутъ красота?» Система префальшивая, которая будетъ производить эффектъ только тогда, когда на свѣтѣ уничтожатся зеркала и сгинетъ навсегда вредная порода jeunes premiers – теноровъ съ грудным̆ъ do, данным̆ъ им̆ъ для того, чтобы кружить головы дѣвушкам̆ъ и внушать им̆ъ пагубныя мысли о силѣ красоты. И такъ — Бартоло впалъ въ промахъ: Розина услышала уже подъ балкономъ, если не do, то, по крайней мѣрѣ, чистое и не менѣе краснорѣчивое si – bémole Фигаро — «disgraziato Figaro» — уже успѣлъ сообщить ей свѣдѣнія о чьихъ – то глазахъ «che parla»... come un libero stampato» замѣтилъ – бы Лепорелло ... На слова опекуна она могла бы отвѣтить: фи, какъ это пошло!« Однако Розина молчитъ, но за нее весь оркестръ, начавшій дѣло такими воинственными аллюрами и теперь доведенный до одного струннаго квартета, отмѣчаетъ пошлость положенія лѣнивым̆ъ акомпанеманом̆ъ одной изъ пошлѣйшихъ мелодій съ какимъ – то разбитым̆ъ танцовальным̆ъ ритмом̆ъ. Не за свое дѣло взялся, донъ – Бартоло! ну, гдѣ тебѣ передразнить, съ твоими разбитыми ногами, плавныя движенія хорошенькой дѣвушки? Старикъ самъ почувствовалъ это: между им̆ъ и оркестром̆ъ, такъ дружно его сначала поддерживавшим̆ъ, вышла разладица. Соскучившись слѣдить за докторомъ, оркестръ живо полетѣлъ впередъ въ быстромъ allegro, и Бартоло, лишенный его помощи, едва выдерживаетъ принятую на себя роль нѣсколькими фразами parlando. Но если оркестръ отказался помогать доктору и поддерживать его, то у него осталась еще опора въ донъ – Базиліо. Донъ – Базиліо воспитанъ въ испанской семинаріи и потому любитъ говорить много и выражается иперболами, сентенціями и нравоученіями. Вотъ почему онъ радостно хватается за случай разсказать нравоучительно дону – Бартоло, что̀ такое «calumnia?» Но вотъ бѣда: едва Базиліо началъ свой разсказъ, какъ композиторъ, увлекаясь драматизмомъ задачи, забылъ и почтеннаго Базиліо и слушающаго его доктора, и создалъ вещь громадную, которую олицетворилъ мастерски покойный Сулье въ той сценѣ «Mémoires du Diable,» въ которой, посрѣди общества, только – что оклеветавшаго благородную и непорочную женщину, онъ заставилъ пропѣть эту дивную арію. По мѣрѣ того, какъ развивался музыкальный разсказъ, — ужасъ и угрызеніе совѣсти овладѣвало присутствующими. Впечатлѣніе этой аріи точно таково: блѣдный испитой донъ–Базиліо, принимая огромные размѣры въ черной своей одеждѣ, представляется намъ постоянно духомъ тьмы. «La calumnia é un venticello, una auretta assai gentile»... ($^4/_4$ D–dur) — пустое дѣло въ началѣ: надъ нею даже подсмѣиваются довольно смѣло скрыпки въ этой троекратной фигурѣ полутоннаго форшлага на la; но восходящая діатоническая гамма staccatto голоса уже предупреждаетъ васъ не шутить. И вотъ начинается этотъ чудный, образный мотивъ постепеннаго крешендо: «piano, piano ... terra, terra ... s'introduce ... va schorrendo, va ronzando» ... Контрабассо начинаютъ угрожать, мотивъ незамѣтно перешелъ изъ D – dur въ

H–mol — тонъ, изображающій преимущественно страданіе ... * крешендо развивается съ усиленіемъ presto. Клевета всё растетъ болѣе и болѣе и наконецъ разражается надъ жертвой «come un colpa di canone!» Эти страшные полутоны re, rè – dièse и mi голоса, усиленные всѣми силами трепещущаго оркестра и ударомъ литавръ, — производятъ впечатлѣніе невыразимое. Жертва убита окончательно: скрыпки подаютъ вѣсть о ея существованіи, защипывая нерѣшительно la, si ... «Il meschino calumniato, avilito, scolprezzato ... va crepar!» погибель его возвѣщается унисонной фигурой оркестра на re, do - dièse и провозглашается верхнимъ fa - dièse басса. Это fa - dièse, рѣдкое въ діапазонѣ этого голоса такъ умѣстно и выразительно, что, при переложеніи аріи въ C - dur, mi далеко не производитъ того же эффекта. Оклеветанный погибъ на этомъ вокальномъ fa dièse, и потому оркестръ при повтореніи фразы «il meschino calumniato» плачетъ объ немъ на жидкихъ аккордахъ скрипокъ. Трагедія разыгрына и донъ–Базиліо, принявшій громадные размѣры, возвращается снова въ границы своей подлой и щедушной фигуры, въ словарѣ которой господствуетъ фраза «la borssa parlaciaro.

Этимъ не кончается музыкальная характеристика лицъ: у доктора Бартоло есть ключница Берта, порядочная старушенція — какъ она? И у этой матроны есть аріетта и что̀ еще лучше, мотивъ этой аріи, состоящій почти весь изъ staccato, такъ и напоминаетъ вамъ сухой кашель старухи!

Говорить–ли о другихъ превосходныхъ нумерахъ оперы, — объ этомъ комическомъ parlando «questa bestia», настоящемъ музыкальномъ brouhaha, оканчивающемся бассовой нотой «non son sordo» съ ея октавой, о безподобномъ хорѣ интродукціи съ такимъ эффектнымъ пассажемъ pizzicato во 2–й половинѣ? Еслибъ говорить, то пришлось-бы написать еще столько-же, сколько мы уже написали, и потому ограничимся тѣмъ, что обратимъ вниманіе читателей на прекрасный симфоническій отрывокъ — бурю 2–го акта: въ ней господствуетъ какой–то юморъ и безотчетный комизмъ. Россини былъ мастеръ писать бури: въ увертюрѣ къ «Вильгельму Теллю» онъ изобразилъ страшное возмущеніе природы въ горахъ Швейцаріи, въ дуэтѣ своемъ; «I Marinari» онъ мастерски воспроизвелъ ва фортепьяно бурю морскую. Какъ въ той, такъ и въ другой отразилось величіе природы на просторѣ; въ бурѣ «Севильскаго Цирюльника» вы чувствуете, что находитесь не въ горахъ Швейцаріи, ни на взволнованномъ морѣ, а просто въ городѣ Севильѣ. Здѣсь буря заключена въ болѣе тѣсныя рамки; здѣсь схвачена ея комическая сторона: краплетъ дождь, прохожіе скрываются; дождь усиливается и немилосердно мочитъ запоз-

---

* Гати, въ своей характеристикѣ тоновъ (ладовъ), персонифируя каждый изъ нихъ какимъ-нибудь лицомъ фактивнымъ или историческимъ (напр. C - dur — Карлъ Великій и Наполеонъ; C - mol — Брутъ; Fis mol — Отелло и пр.) олицетворяетъ H - mol — королемъ Лиромъ и Байрономъ.

давшихъ; — всё это наглядно изображаетъ фигура скрыпокъ, лежащая въ основаніи отрывка и сообщающая ему тотъ юмористическій характеръ, о которомъ мы только – что говорили.

Мы распространились о «Севильскомъ Цирюльникѣ», потому-что это самое высокое, вполнѣ выдержанное и *цѣлое* созданіе Россини, въ которомъ прелесть мелодій соединена съ вѣрностью ихъ психологической истины. «Сорока-Воровка», написанная позднѣе, не такъ выдержана въ цѣломъ и представляетъ много нумеровъ чисто–концертныхъ, то есть не имѣющихъ никакого отношенія съ текстомъ и драматическимъ положеніемъ. Но эти недостатки выкупаются необыкновенной свѣжестью вдохновенія и прелестью мелодій.

Пальма первенства въ исполненіи «Сороки-Воровки» принадлежитъ *г-ну Тамбурини.* Вся его роль Фернанда была обдѣлана съ любовью и глубокимъ знаніемъ дѣла.

Г-жа Гризи принадлежитъ къ той школѣ драматическихъ пѣвицъ, которая вѣрность драматическаго дѣйствія помѣщала въ основаніе всего, пренебрегая лирической частью — каватиной. Вотъ почему исполненіе роли Нинеты увлекало насъ и трогало въ драматическихъ моментахъ, болѣе нежели въ мѣстахъ чисто лирическихъ. Гораздо болѣе впечатлѣнія произвела на насъ роль Десдемоны въ «Отелло», Г–жа Гризи создала этотъ характеръ по своему и создала прекрасно. Обратимъ особенное вниманіе на игру и пѣніе въ третьемъ актѣ, которое было совершенствомъ исполненія.

Г-жа Де-Мерикъ спѣла превосходно партію Пипо и проявила въ дуэтѣ тюрьмы бездну задушевнаго чувства, которымъ она рѣдко насъ угощаетъ.

Г-нъ Ронкони исполнилъ роль Подеста. До–сихъ–поръ мы слышали этого пѣвца въ роляхъ Дулькамары, Подеста и Фигаро въ комическомъ родѣ, но на основаніи этихъ данныхъ можемъ уже судить о его комическомъ дарованіи. Чѣмъ карикатурнѣе комическая роль, тѣмъ рельефнѣе выставитъ намъ г–нъ Ронкони весь ея гротескъ Вотъ вамъ истый Дулькамара, плутъ какихъ мало, не низкопоклонникъ толпы, но говорящій дерзко, беззастѣнчиво, всюду шутъ, даже въ минуту, когда объявляетъ Адинѣ о томъ, что Неморино записался въ солдаты; вотъ вамъ сельскій Подеста, потѣшающій публику даже въ минуту произнесенія смертнаго приговора. Какъ комикъ и, притомъ комикъ поющій хорошо—г–нъ Ронкони не оставляетъ желать ничего лучшаго. Мы удивляемся и поклоняемся г–ну Ронкони какъ великому трагическому пѣвцу и снова съ удовольствіемъ указываемъ на мастерски–образцовое исполненіе роли Яго въ «Отелло».

Г-нъ Формесъ спѣлъ очень хорошо арію клеветы. Остальные артисты исполнили роли «Севильскаго Цирюльника» съ тѣмъ–же совершенствомъ, къ которому они насъ пріучили въ прошломъ году. *Г–жа Персіани* въ роли Розины, кажется, рѣшилась показать, до чего можетъ достигать совершенство вокальнаго механизма, соединеннаго съ

умной, оживленной и кокетливой комической игрою. Весь Петербургъ знаетъ, конечно, варьяціи ея на тему Паэзіелло.

Партія Отелло нашла въ этомъ году очень удачнаго исполнителя въ лицѣ *Г–на Тамберлика*. Речитативы и голосные эффекты дуэтовъ были, дѣйствительно, превосходны. Фразы «il cor mi si dividere fra tanta crudelta» и «si, doppo lei moro» еще до–сихъ–поръ звѣнятъ въ ушахъ всѣхъ дилеттантовъ, особенно послѣдняя, съ своимъ высокимъ, могучимъ do-dièze, который ничего не терялъ изъ своей силы при повтореніи. Нечего сказать — могучія легкія, дивный do–dieze, счастливые дилеттанты! Но, будьте увѣрены, милостивые государи! что это именно do-dièze, а не ré–bémol какъ старался доказать вамъ одинъ вашъ фельетонистъ. Allegro дуэта въ la majeur, по этому нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что верхняя терца его есть именно do-dièze.

О *г–нѣ Поццолини* въ «Сорокѣ–Воровкѣ» и «Отелло» мы ничего не говоримъ: красота тэмбра можетъ вывести въ операхъ Верди, но въ операхъ Россини она недостаточна!

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ КРЕЙСЛЕРЪ. (КАШКАРОВЪ).

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА ОТЪ 19-го декабря, 1851. / 1-го января 1852.

Съ давнихъ временъ уже Парижъ твердитъ о необходимости учредить третій оперный театръ. Цѣль его, по мнѣнію однихъ, должна заключаться въ томъ, чтобы образовать драматическую музыку, доступную необразованнымъ классамъ, и такимъ образомъ содѣйствовать эстетическому развитію этихъ классовъ. Мысль, пожалуй, очень хорошая въ сущности: развитіе эстетическаго чувства, одна изъ главныхъ пружинъ истиннаго образованія, во всѣхъ классахъ народонаселенія; только возможно-ли спеціяльное учрежденіе для достиженія этой цѣли? Не говоря уже о матеріяльныхъ условіяхъ благоденствія настоящаго театра, а не балагана, которыя не позволяютъ ему обращаться исключительно къ необразованному классу, — какъ опредѣлить черту между тѣмъ, что̀ должно принадлежать театру *простонародному*, и тѣмъ, что̀ можно предложить слушателямъ, получившимъ бо̀льшее или мѣньшее образованіе? Если и опредѣлить эту черту, какой композиторъ захочетъ остаться ниже ея и наложить на себя клеймо достойнаго только ушей невѣждъ, полудикарей? Наконецъ, нужны-ли такія спеціяльныя учрежденія? не можетъ-ли та-же цѣль быть достигнута безъ нихъ? Мы твердо убѣждены, что для того, чтобы создавать художественныя произведенія, доступныя необразованному, неразвитому уму, и въ тоже время способныя сообщать предполагаемое авторомъ движеніе эстетическому или нравственному началу, кроющемуся въ душѣ каждаго человѣка, потребно едва-ли не больше еще таланта и силы мысли, чѣмъ для сочиненія драмъ, романовъ и всякихъ произведеній, назначенныхъ только для людей, приготовленныхъ къ уразумѣнію ихъ воспитаніемъ и ученіемъ: «François le champi,» «Фадетта» или «Клоди» Жоржа-Санда, народныя и дѣтскія повѣсти госпожи Эджвортъ или госпожи Мартино̀, деревенскіе разсказы Ауербаха или Цшокке, при всей простотѣ круга идей, въ которомъ они вращаются, несравненно глубже обдуманы и художественнѣе выполнены, и представлятъ гораздо больше интересу каждому мыслящему человѣку, чѣмъ мно-

жество очень порядочныхъ романовъ, драмъ и комедій, писанныхъ для образованнаго класса. Возьмемъ другой примѣръ. Въ послѣдніе годы нѣсколько даровитыхъ музыкантовъ, въ томъ числѣ Робертъ-Шуманъ, Мендельсонъ-Бартольди, Таубертъ, — все люди, крѣпко набившіе себѣ руку въ самыхъ головоломныхъ хитростяхъ ученой композиціи, возымѣли прекрасную мысль писать дѣтскія музыкальныя пьесы, которыя, не будучи слишкомъ трудными для начинающихъ піанистовъ и посвящая ихъ постепенно въ технику искусства, въ то же время представляли-бы интересъ поэтическій, доступный дѣтскому уму. Такимъ образомъ, они создали нѣсколько небольшихъ музыкальныхъ поэмъ, полныхъ дѣтской наивности и игривой фантазіи, и мы увѣрены, что каждый мыслящій музыкантъ за одну тетрадку Шумановыхъ «Kinderscenen» или Таубертовыхъ «Tutti-frutti» охотно отдастъ десятки тетрадей фантазій, réminiscences и другихъ произведеній извѣстнѣйшихъ модныхъ сочинителей. Эти примѣры достаточно доказываютъ возможность сочетанія въ музыкѣ и въ литературѣ художественнаго интереса, котораго требуетъ образованный слушатель, съ простотою идей, дѣлающею произведеніе доступнымъ неразвитому уму. Если-же это сочетаніе возможно въ драмѣ и въ инструментальной музыкѣ, отчего не быть ему возможнымъ въ оперѣ, въ драмѣ музыкальной? А если оно возможно, то этимъ уничтожается мнимая необходимость спеціальнаго лирическаго театра для необразованныхъ классовъ Пусть только композиторъ съ большимъ дарованіемъ возьмется за эту задачу, а задача такого рода, что не грѣхъ за нее взяться даже геніяльному художнику, — и никакой оперный театръ не откажется отъ его произведенія, точно также, какъ драматическіе театры, посѣщаемые болѣе образованными классами, чѣмъ простымъ народомъ, не ставятъ себѣ въ униженіе играть «François le champi» или «Клоди.»

Впрочемъ, невозможность учредить театръ съ такою спеціальною цѣлью такъ разительна, что сами Парижане, большіе охотники до громкихъ словъ, отказались отъ этой мысли; но взамѣнъ ея предложили третьей Оперѣ другое назначеніе: — служить школою молодымъ композиторамъ и артистамъ, первою ступенью ихъ поприща въ столицѣ, назначеніе, которое едва-ли не труднѣе еще осуществить, чѣмъ первое. Можетъ-ли театръ, существующій своими сборами, ограничиваться неизвѣстными именами, открыть свою сцену всѣмъ желающимъ показать свои силы, хотя-бы въ каждомъ изъ этихъ начинающихъ крылся будущій громадный талантъ? Представимъ себѣ столицу, привлекающую постоянно множество первокласныхъ артистовъ, считающую себя законодательницею въ искусствѣ, имѣющую уже два оперныхъ театра, которые она признаетъ первыми въ мірѣ вмѣстилищами всего, что только является во всѣхъ школахъ музыки (справедливо, ли это мнѣніе, другой вопросъ, но парижанинъ готовъ отстаивать свое убѣжденіе до послѣдней крайности),—столицу, кромѣ того имѣющую особенный театръ для итальянской оперы, и въ такой столицѣ представимъ себѣ театръ, который на первыхъ строкахъ своей программы объявитъ, что на сценѣ его будутъ являться только первые опыты молодыхъ композиторовъ, а исполнять

ихъ будутъ начинающіе артисты. Какого успѣха можетъ ждать такой театръ? Это будетъ повтореніе исторіи Одеона, который всегда имѣлъ такихъ-же артистовъ и такой-же репертуаръ, какъ и другіе парижскіе театры, но никогда не имѣлъ прочнаго существованія, потому-что считался *вторымъ французскимъ театромъ*, чѣмъ-то въ родѣ школы для приготовленія авторовъ и артистовъ для перваго. Не смотря на то, съ такимъ назначеніемъ учредился третій лирическій театръ въ 1847 году, подъ управленіемъ Адольфа Адана; пустилъ въ ходъ нѣсколько молодыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, познакомилъ публику съ двумя новыми композиторами, Мальяромъ и Лимнандеромъ, и затѣмъ принялся за старый репертуаръ, за произведенія Бертона и самаго основателя. Этотъ театръ, не просуществовавъ и году, принужденъ былъ закрыться. Казалось-бы, гораздо удобнѣе молодымъ артистамъ начинать свое поприще въ провинціи, тѣмъ болѣе, что во Франціи, между провинціяльными оперными театрами, можно насчитать достаточное число очень хорошихъ. Но этому долго еще будетъ противиться духъ художественной централизаціи, который такъ глубоко вкоренился въ жизни французовъ.

Для того, чтобы имѣть успѣхъ въ провинціи, артисту почти необходимо явиться сначала съ нѣкоторымъ успѣхомъ въ Парижѣ. Актеру или пѣвцу добиться этого нетрудно; парижскіе театры охотно ангажируютъ его на нѣсколько представленій, и это служитъ ему рекомендаціей въ провинціи. Потомъ, объѣхавъ значительнѣйшіе провинціяльные города и составивъ себѣ тамъ имя, онъ можетъ надѣяться черезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться въ Парижъ. Но не таково положеніе авторовъ, и особенно композиторовъ. Постановка новой оперы не то, что дебютъ; она сопряжена съ расходами, на которые директоръ не рѣшится, не будучи увѣренъ въ успѣхѣ; а въ провинціи довольствуются заимствованіями изъ парижскихъ репертуаровъ, и если неизвѣстный композиторъ представитъ партитуру, директоръ не посмотритъ, хороша-ли она, а спроситъ: была-ли она играна въ Парижѣ, и что̀ сказалъ о ней Парижъ? Если-же, сверхъ всякаго ожиданія, ему и удалось представить свое произведеніе въ провинціи, и оно имѣло успѣхъ, это еще не значитъ, что ему открытъ доступъ на другіе провинціяльные театры, не говоря уже о парижскихъ, которымъ ихъ столичная спѣсь никакъ не позволитъ заимствоваться у второстепеннаго театра; парижанинъ съ презрѣніемъ смотритъ на такъ называемыя productions du crû. Послѣ этого неудивительно, что композиторы такъ настоятельно требуютъ учрежденія въ Парижѣ третьяго лирическаго театра, не думая, что этотъ третій театръ никакъ не будетъ въ состояніи удовлетворить ихъ требованій. Одинъ только композиторъ понялъ, что одно уничтоженіе централизаціи въ дѣлѣ искусства можетъ открыть путь множеству молодыхъ художниковъ, которыхъ талантъ гибнетъ въ ожиданіи случая проявиться, и что къ этому должны быть направлены всѣ ихъ усилія: это Луи, авторъ большой оперы, «Маріи-Терезіи,» имѣвшей громадный успѣхъ въ Ліонѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Онъ не добивается чести видѣть свои произведенія на парижской сценѣ, а мужественно борется съ предубѣжденіемъ, которое держитъ

провинцію подъ игомъ Парижа. А между-тѣмъ, онъ человѣкъ съ огромнымъ талантомъ, который доставилъ-бы ему успѣхъ передъ самою взыскательною публикою.

Какъ-бы то ни было, но по кончинѣ достославнаго Историческаго театра, учрежденнаго Александромъ Дюма, вопросъ о необходимости третьяго лирическаго театра закипѣлъ снова, и пошли опять разсужденія о томъ, которое изъ двухъ показанныхъ назначеній слѣдуетъ ему дать. Первый проектъ оказался неисполнимымъ. Въ зданіи Историческаго театра вновь возникъ третій лирическій театръ, съ тѣмъ-же назначеніемъ, какое онъ имѣлъ при Аданѣ, и въ два мѣсяца своего существованія обманулъ уже многія ожиданія. Изъ поставленныхъ имъ шести оперъ, три — старыя: «Севильскій Цирульникъ» Россини, «Тетушка Аврора» Бойельдьё и «Капельмейстеръ» Пера; остальныя три принадлежатъ господамъ Буасло, Фелисьену Давиду и Готье. Изъ этихъ трехъ композиторовъ, одинъ послѣдній въ строгомъ смыслѣ начинающій; Буасло уже поставилъ съ успѣхомъ на сценѣ Комической Оперы двѣ партитуры, изъ которыхъ одна обошла даже половину Франціи, а Фелисьенъ Давидъ, хотя въ первый разъ вступаетъ на драматическое поприще, однако составилъ себѣ уже такое громкое имя въ другой отрасли музыки, что не нуждается въ поощреніи и покровительствѣ. Слѣдовательно, изъ шести пьесъ, пять не соотвѣтствуютъ назначенію театра; но директоръ возразитъ вамъ на это, что онъ не сведетъ концовъ съ концами, если ему не заимствоваться изъ стараго репертуара и новыя пьесы брать только у совершенно неизвѣстныхъ композиторовъ, и директоръ будетъ совершенно правъ.

Высказавъ разъ навсегда наше мнѣніе относительно назначенія, даннаго Національной Оперѣ, мы будемъ смотрѣть на нее впредь, какъ на такой-же оперный театръ, какъ Большая или Комическая Опера, не принимая въ соображеніе ея цѣли, которую мы считаемъ рѣшительно недостижимою, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій, примемся за разборъ ея новаго репертуара.

«*Колдунья Москита,*» опера въ трехъ дѣйствіяхъ, г. Буасло, открыла театръ не самымъ блестящимъ образомъ. Гг. Скрибъ и Гюставъ Ваэзъ написали самое ребяческое, самое ничтожное либретто, на тему, которая являлась уже безчисленное множество разъ въ водевиляхъ, варьированная на всѣ возможные лады. Дѣвушка, полюбивъ молодаго повѣсу, своего кузена, и желая спасти его отъ безразсудствъ, слѣдуетъ за нимъ повсюду, въ видѣ колдуньи; ограждаетъ его отъ тысячи бѣдъ, наводитъ на путь истины и, заставивъ его пасть къ своимъ ногамъ съ повинною, открывается и даритъ ему свою руку въ придачу къ сердцу. Эта избитая тема ведена вяло, несвязно и наполнена несообразностями, которыя г. Скрибъ считаетъ, кажется, существеннымъ условіемъ комической оперы. Неудивительно, что сюжетъ не могъ вдохновить композитора, и что его новая партитура вышла несравненно слабѣе прежнихъ, не смотря на нѣсколько удачныхъ нумеровъ и на старательное исполненіе артистовъ, особенно г-жъ Рувруа и Мендесъ и тенора Мишеля. «*Москита*» въ первое представленіе произвела

очень неблагопріятное впечатлѣніе, которое разсѣялось только тогда, когда публика увидѣла стараго знакомаго, «*Севильскаго Цирюльника.*» Роль Розины была торжествомъ для г–жи Дюэзъ, молодой пѣвицы съ прекраснымъ голосомъ, превосходно обработаннымъ, и съ значительнымъ драматическимъ талантомъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ ея огромнаго успѣха можетъ служить то, что Лумлей, говорятъ, рѣшался похитить ее у Національной Оперы и ангажировать въ свою итальянскую труппу

«*Мурдокъ – Разбойникъ,*» комическая опера гг. Лёвена и Невё, съ музыкою г. Готье, послѣдовавшій за «*Колдуньею Москитою*» имѣлъ почти такой-же слабый успѣхъ. Одно названіе уже показываетъ, что авторы либретто не ходили далеко за содержаніемъ своей пьесы, а просто черпнули изъ обиходнаго источника Комической Оперы. Великодушный разбойникъ, губернаторскій сынъ, принимающій на себя роль разбойника, чтобы похищать женскія сердца; влюбленные, которыхъ разлучаетъ честолюбіе дяди и соединяетъ великодушіе разбойника, и наконецъ всеобщее прощеніе и мировая,—чѣмъ не опера? Англійскій лордъ живетъ въ своихъ помѣстьяхъ съ своею племянницею, мисъ–Арабеллою, которая, отъ нечего дѣлать, полюбила молодаго адвоката Артура, единственное существо, оживляющее ихъ уединеніе. Но опекунъ, имѣя другіе виды для племянницы, отсылаетъ Артура къ отцу, а Арабеллу увѣряетъ, что онъ поѣхалъ жениться на кузинѣ. Обиженная дѣвушка, чтобы отомстить невѣрному, готова выдти за перваго, кого предложитъ ей дядя, а старому лорду того только и нужно. Онъ слышалъ, что разбойникъ Мурдокъ сбирается сдѣлать нападеніе на его помѣстье, и знаетъ также, что сынъ Ирландскаго губернатора изволитъ зачастую заимствовать имя и костюмъ атамана, чтобы совершать свои донжуановскіе подвиги. На этомъ основываетъ почтенный лордъ свой планъ, чтобы пристроить мисъ Арабеллу Онъ убѣжденъ, что гостемъ его будетъ не подлинный Мурдокъ, а подложный, что онъ непремѣнно влюбится въ Арабеллу, женится на ней, и конечно выведетъ своего будущаго дядю, по–крайней–мѣрѣ, въ генералы. Мурдокъ, явившись съ добрымъ намѣреніемъ ограбить домъ, глазамъ не вѣритъ, и подозрѣваетъ даже западню подъ прекраснымъ пріемомъ хозяина. Вмѣсто тысячи гиней, ему даютъ три тысячи, открываютъ всѣ ящики съ брилліантами, ставятъ на столъ отличнѣйшій ужинъ, послѣ ужина оставляютъ гостя одного съ племянницею, и чтобы не мѣшать ихъ бесѣдѣ, испрашиваютъ позволеніе принять начальство въ экспедиціи, которую предполагаетъ атаманъ; и въ то же время все готовятъ къ совершенію свадебнаго обряда. Мурдоку, какъ великодушному разбойнику, становится даже совѣстно обирать людей, которые принимаютъ его такъ любезно. Между–тѣмъ, Артуръ, узнавъ о хитрости старика, возвращается въ ужасномъ гнѣвѣ, и въ своемъ соперникѣ узнаетъ разбойника, котораго онъ однажды своимъ краснорѣчіемъ спасъ отъ висѣлицы. Молодые люди объясняются, Мурдокъ узнаетъ ошибку, доставившую ему такой лестный пріемъ; но помня, что онъ обязанъ Артуру жизнью, хочетъ воспользоваться промахомъ честолюбиваго опекуна только затѣмъ, чтобы осчастливить влюбленную

чету. Когда лордъ возвращается побѣдителемъ изъ экспедиціи, Арабелла представляетъ ему своего мужа, Артура, и посаженаго отца, атамана разбойниковъ Мурдока. Ктожъ такой тотъ Мурдокъ, котораго лордъ ведетъ съ тріумфомъ за собою? По объясненіи оказывается, что лордъ полонилъ губернаторскаго сына, въѣхавшаго въ экспедицію своего рода, подъ именемъ Мурдока. Впрочемъ, мнимый атаманъ не хочетъ уступить въ великодушіи настоящему: онъ прощаетъ лорда, обѣщаетъ ему свое покровительство, и вынимаетъ изъ кармана грамоту, которою даруется прощеніе настоящему Мурдоку, съ его шайкою, съ тѣмъ, чтобы онъ поискалъ подальше закоулокъ для своихъ геройскихъ подвиговъ.

Партитура г. Готье, хотя писана съ знаніемъ дѣла и представляетъ нѣсколько хорошенькихъ мелодій, однако не можетъ выкупить пошлости и устарѣлости сюжета. Какъ первый опытъ, она дѣлаетъ честь автору, хотя не обѣщаетъ въ немъ большаго, самостоятельнаго таланта. Она старательно обработана, и больше въ ней свѣжести и даже оригинальности, чѣмъ въ новомъ произведеніи г. Буасло, однако она не изъ тѣхъ твореній, отъ которыхъ театръ можетъ ожидать блестящаго и продолжительнаго успѣха.

Послѣ двухъ quasi неудачъ, Національной Оперѣ необходимо было поправить свои дѣла хоть однимъ успѣхомъ, выходящимъ изъ ряду обыкновенныхъ. Такое торжество доставила ей опера Фелисьена Давида: «*Бразильская жемчужина,*» торжество тѣмъ болѣе замѣчательное, что одно уже имя композитора давало право на требованія, которымъ не легко удовлетворить, даже съ его великимъ дарованіемъ. Въ одномъ считаемъ мы себя вправѣ упрекнуть его: въ выборѣ либретто, которое нисколько не лучше двухъ предыдущихъ и не дѣлаетъ чести изобрѣтательности гг. Габріеля и Сильвень Сентъ-Этьенна. Одинъ коммодоръ, крѣпко смахивающій на опернаго корсара, подобралъ гдѣто въ своихъ путешествіяхъ хорошенькую бразильянку, которая кружитъ не только его старую голову, но и всѣ головы, попадающія подъ стрѣлы ея черныхъ глазъ. Между прочими претендателями на ея сердце, одинъ молодой дворянинъ наводитъ такой страхъ на ревниваго старика, что онъ сажаетъ свою Жемчужину на корабль, пускается рыскать съ нею по океану и, въ попыхахъ, не замѣчаетъ, что въ экипажѣ явилось новое лицо, котораго бѣлыя руки и изящныя манеры вовсе не идутъ къ званію матроса. Чтобы отразить бѣду и пресѣчь всѣ надежды, коммодоръ созываетъ экипажъ и торжественно объявляетъ, что онъ женится на Жемчужинѣ. Бѣлорукій матросъ измѣняетъ своей тайнѣ; и крѣпко досталось-бы ему, еслибъ онъ не поспѣшилъ объявять свое имя. Это имя напоминаетъ морскому волку, что онъ когда-то убилъ человѣка, называвшагося тѣмъ-же именемъ, вѣроятно отца своего соперника. Къ этому присоединяется буря, которая отвлекаетъ корсара отъ любви и сватовства. Буря прибиваетъ корабль къ какому-то неизвѣстному берегу, поросшему дѣвственными американскими лѣсами и населенному племенемъ, очень негостепріимнымъ и весьма лакомымъ до человѣческаго мяса. Впрочемъ, въ этихъ дикаряхъ

есть одна черта, которая можетъ устыдить всѣхъ европейскихъ дилетантовъ-гастрономовъ; за одну пѣсенку, которую поетъ имъ Жемчужина, они не только отказываются отъ пирушки, — подвигъ неслыханный для гастронома,—но еще осыпаютъ своихъ плѣнниковъ любезностями и подарками, и отпускаютъ ихъ съ почестью; а коммодоръ, въ благодарность за спасеніе жизни всему экипажу, выдаетъ бразиліянку за ея возлюбленнаго.

Мы возвратимся еще къ партитурѣ, чтобы разобрать ее подробнѣе, а нынче скажемъ только, что въ ней разсыпано множество очаровательныхъ мелодій, и что оркестровка вполнѣ достойна симфоній знаменитаго композитора. По самому уже характеру таланта г. Давида слѣдовало ожидать, что самою удачною частью будутъ буря и все третье дѣйствіе, баллада духа лѣсовъ, превосходно исполненная г-жею Дюэзъ, воинскій хоръ дикарей, квартетъ бразильскихъ вождей. Опера поставлена съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ и обѣщаетъ дирекціи продолжительные и обильные сборы.

Большая Опера обѣщаетъ великолѣпное новое твореніе Галеви. «*Странствующаго Жида,*» а между-тѣмъ прощальныя представленія синьоры Альбони, новый балетъ и разные дебюты довольствуютъ любопытство и поддерживаютъ терпѣніе публики.

Изъ дебютовъ самый замѣчательный — дебютъ г-жи Тедеско, въ «*Кипрской Королевѣ*» Галеви. Г-жа Тедеско по происхожденію нѣмка, не смотря на свое итальянское имя и на то, что родилась въ Италіи. Въ 1844 году, семнадцати лѣтъ, дебютировала она на театрѣ La Scala въ Миланѣ, потомъ играла попеременно, съ равнымъ успѣхомъ, въ этомъ городѣ, въ Вѣнѣ и въ Генуѣ, а въ 1846 поѣхала въ Гаванну, гдѣ и оставалась до настоящаго времени. Возвратившись въ прошломъ сентябрѣ, съ своимъ мужемъ, г-мъ Франко, въ Европу, она въ нѣсколько недѣль выучилась французскому языку и въ ноябрѣ дебютировала съ огромнымъ успѣхомъ. Свойства ея голоса, густаго меццо-сопрано, нисходящаго почти до контральта, и ея драматическій талантъ указываютъ ей мѣсто въ репертуарѣ г-жи Штольцъ, которой многія роли до-сихъ-поръ не могли быть исполнены надлежащимъ образомъ, по недостатку пѣвицы съ ея средствами. Къ числу такихъ ролей принадлежитъ Кипрская королева. Эта партитура писана для г-жи Штольцъ, въ то время, какъ она была на верху своей артистической славы и, безгранично властвовала на сценѣ Большой Оперы; поэтому не только роль Катарины совершенно приноровлена къ ея средствамъ, но композиторъ долженъ былъ даже пожертвовать другими ролями, и женскими и мужскими, чтобы не оскорбить ревности знаменитой артистки, не терпѣвшей подлѣ себя соперниковъ. Когда г-жа Штольцъ, послѣ достопамятнаго скандала, принуждена была оставить парижскую оперу, нѣсколько молодыхъ талантливыхъ артистокъ раздѣлили между собою ея репертуаръ и принимались за роль Катарины; но, не имѣя ни матеріяльныхъ средствъ своей предшественницы, ни ея огромнаго драматическаго таланта, не могли поддержать пьесы, написанной исключительно для нея, тѣмъ болѣе, что партитура, сама по себѣ, принадле-

житъ къ слабѣйшимъ произведеніямъ Галеви. Г–жа Тедеско удовлетворяетъ, какъ нельзя болѣе, всѣмъ требованіямъ этой трудной роли; голосъ ея обширенъ, полонъ и силенъ, притомъ она поетъ безъ малѣйшаго усилія, почему можно ожидать, что ея голосъ не подвергнется такому преждевременному истомленію, какъ голосъ ея знаменитой предшественницы. Съ прекраснымъ голосомъ и умѣньемъ владѣть имъ, она соединяетъ, какъ мы уже сказали, огромный драматическій талантъ.

Вмѣстѣ съ г–жею Тедеско, Парижъ опять услышалъ своихъ прежнихъ любимцевъ, тенора Рожѐ и баритона Массоля. Второй дебютъ г-жи Тедеско, говорятъ, будетъ въ «*Странствующемъ Жидѣ*,» новой оперѣ Галеви, въ которой, кромѣ ея, должна явиться еще другая молодая пѣвица, с тяжавшая въ прошломъ году огромную славу въ Германіи, г–жа Лагруа.

Другая замѣчательная дебютантка—наша соотечественница, шестнадцатилѣтняя танцовщица Надежда Богданова. Чтобы судить о ней, должно дождаться дальнѣйшихъ ея дебютовъ; но уже съ перваго своего появленія на здѣшней сценѣ, она завоевала себѣ высокое мѣсто между любимицами публики, прекрасно выполнивъ главную роль въ «*Маркитанткѣ*,» одну изъ лучшихъ ролей знаменитой Черито.

О новомъ балетѣ «Vert–Vert» гг. Лёвена, Мазилье и Сенъ–Леона, съ музыкою Деладвеза и Тольбека, мы не будемъ говорить подробно, потому–что до насъ дошло извѣстіе, что г. Мазилье, одинъ изъ авторовъ, ставитъ его уже на петербургской сценѣ; слѣдовательно вы сами будете судить о томъ, въ какой степени онъ заслуживаетъ огромнаго успѣха, какой онъ имѣлъ здѣсь. * Притомъ, сюжетъ его почти всѣмъ извѣстенъ: это ничто иное, какъ передѣлка водевиля г. Левена, игранаго, подъ тѣмъ же названіемъ, въ 1832 голу, на театрѣ Палероияля, и который въ свою очередь былъ передѣланъ изъ комической оперы Бернара Вальвиля, игранной, сколько намъ помнится, въ 1801 году, и также заимствованной изъ извѣстной сказки Грессе. Кромѣ того, авторы балета перенесли цѣликомъ въ третье дѣйствіе водевиль гг. Дюмануара и Мальяна, игранный довольно давно на театрѣ Variétés, подъ названіемъ St. Denis, ou une insurrection de demoiselles. Впрочемъ, своимъ успѣхомъ на здѣшней сценѣ онъ преимущественно обязанъ превосходной игрѣ г–жи Пріоры, новой танцовщицы, пріѣхавшей изъ Милана и грозящей затмить многія балетныя знаменитости. Хотя все почти вниманіе зрителей обращено на дебютантку, однако это не мѣшаетъ ей отдавать справедливость и усердно аплодировать также г–жѣ Плункетъ, исполняющей роль Вервера, и Надеждѣ Богдановой, прелестно танцующей венгеркій танецъ.

Говоря о дебютахъ въ Большой–Оперѣ нельзя не упомянуть о необыкновенномъ явленіи, о которомъ толкуетъ весь городъ, именно: о новой пѣвицѣ, пріѣхавшей уже не изъ Италіи, которая нынѣ совсѣмъ утратила свою монополію на произведеніе пѣвцовъ и пѣвицъ, не изъ Швеціи, не изъ Ирландіи, которыя довольствуются покамѣстъ тѣмъ,

*) Въ слѣдующемъ № Пантеона, редакція дастъ отчетъ объ этомъ балетѣ, данномъ на дняхъ на здѣшней сценѣ. *Ред.*

что родили на свѣтъ по одному соловью, даже не съ Мартиники, о которой такъ много толковали въ прошломъ году, и которая совершенно скрылась съ горизонта искусства; нѣтъ, родина этого новаго соловья гораздо подальше, на небольшомъ острову Австральскаго Моря, въ которомъ никто не подозрѣвалъ способности снабжать артистами дряхлую Европу; однимъ словомъ, эта прелестная островитянка, по имени Ореа, дочь одного изъ мелкихъ вождей острова Отаити. Царица Помаре, страстная охотница до музыки, учреждала недавно при своемъ дворѣ концерты, на которыхъ и явилась впервые эта новая соперница шведскихъ и ирландскихъ соловьевъ. Разсказываютъ, что эта Ореа, очень хорошенькая и понятливая дѣвочка, съ замѣчательными способностями къ музыкѣ, и съ превосходнымъ сопрано, очень мило поетъ оперныя аріи на французскомъ языкѣ, а когда запоетъ на родномъ языкѣ оригинальныя пѣсни Океаніи, то вполнѣ оправдываетъ невѣроятные разсказы объ Океанійскихъ напѣвахъ Бугенвиля и его спутниковъ. Прибавляютъ, что она пріѣхала во Францію для окончанія своего музыкальнаго образованія въ парижской Консерваторіи.

Комическая Опера, напавъ на мысль возобновлять нѣкоторыя оперы, много лѣтъ уже покоившіяся въ театральномъ архивѣ, рѣшилась, кажется, не покидать этого золотаго пріиска до тѣхъ поръ, пока не истощитъ его совершенно. Конечно, никто не роптalъ на это, пока дирекція возобновляла безсмертныя творенія Гретри или Бойельдьё, или прелестныя партитуры Николо-Изуара. Съ такимъ-же восторгомъ, съ такою-же благодарностью приняла публика возобновленіе великаго творенія Мегюля «*Іосифа*», которое не являлось на парижской сценѣ съ 1828 года. Но многіе начинаютъ поговаривать — и мы совершенно согласны съ ихъ мнѣніемъ, — что можно-бы уволить отъ возобновленія Донизеттіевой «*Дочери полка*», тѣмъ болѣе, что она дается и въ Итальянской Оперѣ, а особенно отъ «*Старухи*» многоученаго г. Фетиса, надъ которою музыканты такъ удачно сострили, уничтоживъ одну запятую: «La Vieille (,) musique de M-r Fétis». Впрочемъ, надо отдать справедливость артистамъ, они исполняютъ эти пьесы превосходно.

Итальянская Опера открыла свои представленія оперою Донизетти: «*Лукреція Борджіа*». За нею слѣдовали оперы: «*Лучія ди Ламмермуръ*». «*Норма*» Беллини и «*Семирамида*» Россини. Произведенія эти такъ уже извѣстны, что о нихъ почти ничего нельзя сказать, что не было бы уже повторено сорокъ разъ. Поговоримъ только объ исполнителяхъ, изъ которыхъ многіе въ первый разъ являются на парижской сценѣ. Первое мѣсто между ними занимаютъ г-жи Барбіери-Нини и Софія Крувелли. Первая являлась уже въ двухъ роляхъ, въ Лукреціи Борджіи и въ Семирамидѣ и произвела самое благопріятное впечатлѣніе своимъ сильнымъ и обширнымъ голосомъ, которымъ она прекрасно владѣетъ. Можно-бы посовѣтовать ей только не употреблять во зло силу своего голоса въ драматическихъ мѣстахъ; исправившись отъ этого недостатка, она можетъ смѣло стать на ряду съ первоклассными пѣвицами нашего времени. Это особенно вредитъ ей, когда послѣ нея слышишь Софію Крувелли, которая, обладая еще большею, можетъ-быть, силою голоса, съ такимъ совершенствомъ управляется съ нею, что самый взы-

скательный слушатель никогда не замѣтитъ за нею ни одной непріятной, крикливой ноты. Трудная партія Нормы показала, что Софія Крувелли будетъ въ нынѣшній сезонъ первымъ свѣтиломъ Итальянской Оперы и кумиромъ публики. Г-жа Ида-Бертранъ, исполнявшая роль Орсино въ «*Лукреціи*» и Арсаче въ «*Семирамидѣ*», съ честью поддержала выгодное мнѣніе, которое она внушила въ прошломъ году; жаль только, что она больше, чѣмъ когда, имѣетъ склонность украшать свои партіи излишними фіоритурами, иногда вовсе несогласными съ характеромъ мелодіи. Баритонъ Белетти, знаменитый спутникъ Женни Линдъ, взялъ въ «*Семирамидѣ*» трудную роль Ассура, и явилъ въ ней драматическій талантъ, котораго Парижане, видѣвшіе его прежде только въ комическихъ роляхъ, въ немъ и не подозрѣвали. Изъ теноровъ, мы не слыхали еще главнаго, на котораго дирекція возлагаетъ всѣ свои надежды, г. Гуаско; онъ долженъ дебютировать въ операѣ Верди «I Lombardi». Кальцорали довольно удачно исполнилъ роль Эдгара въ *Лучіи*, операѣ, обставленной очень слабо, потому-что г-жа Корбари (Лучія) не можетъ своимъ довольно недурнымъ голоскомъ выкупить рѣшительное отсутствіе драматическаго таланта. Граціани, въ роли Дженнаро, въ «*Лукреціи*», показался намъ чрезвычайно слабъ; впрочемъ мы не смѣемъ судить его по первой роли.

Въ непродолжительномъ времени обѣщаютъ дебюты г-жи Фіорентини, Маріи Крувелли и г. Ферранти; съ ними возвратится и незабвенный и незамѣнимый Лаблашъ.

Во Французскомъ Театрѣ, кромѣ извѣстной вамъ уже комедіи Жюля Сандо—«*Мадмуазель де-ла-Сеглiеръ*», нѣтъ никакихъ замѣчательныхъ новыхъ пьесъ. Г. Бовалле поставилъ драму въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ «Le dernier Abencerrage»; но это произведеніе довольно слабое и безцвѣтное, и кажется только слава автора, какъ актера спасла его отъ паденія на поприщѣ писателя. Сюжетъ драмы заимствованъ изъ извѣстной повѣсти Шатобріана. Авторъ, кажется, поставилъ себѣ въ задачу, слѣдовать какъ можно ближе за подлинникомъ, а подлинникъ, какъ всѣ вообще сочиненія Шатобріана, плохо ложился въ драматическую рамку; оттого въ драмѣ очень чувствительно отсутствіе движенія; это длинный рядъ разговоровъ, монологовъ, разсужденій, жалобъ, сѣтованій, нерѣдко очень краснорѣчивыхъ, но тѣмъ не менѣе очень скучныхъ на сценѣ. Содержаніе можно разсказать въ двухъ словахъ. Это исторія молодаго мавра, потомка Гренадскихъ калифовъ, который пріѣхалъ въ Испанію, чтобъ кровавою местью, завѣщанною ему отцами, истребить всѣхъ потомковъ Сида, и влюбился въ одну дѣвушку, не зная, что она дочь послѣдняго представителя дома Биваровъ. Чтобы удостоиться руки своей возлюбленной, онъ жертвуетъ всѣмъ, и отечествомъ, и родными обычаями, и любовью своего племени; даже отказывается отъ ислама; и когда отецъ Юліи кладетъ руку дочери въ его руку, Абенъ-Гометъ узнаетъ, что она принадлежитъ къ ненавистному дому Биваровъ, что ея отецъ тотъ самый, котораго онъ поклялся убить. Онъ могъ принести въ жертву любви многое, но не забудетъ родовой мести. Рука его не поднимается на отца Юліи, но въ наказаніе за

свое отступничество, онъ отправится въ свои родныя степи, и тамъ будетъ искать не любви, а смерти.

«*Послѣднее прости*», комедія гг. Карре и Барбье, не большая, но довольно хорошенькая пьеска; она могла–бы быть еще лучше, еслибъ не было замѣтно въ каждой почти сценѣ, что авторы работали на срокъ и бились только изъ того, какъ-бы скорѣе сколотить ее. Девилье, молодой литераторъ, полюбилъ когда-то молодую креолку Марію и просилъ ея руки. Но онъ тогда былъ еще неизвѣстенъ и бѣденъ, у Маріи также состояніе было очень небольшое, и благоразумные родители не согласились на желаніе молодыхъ людей. Впрочемъ, молодые люди покорились родительскому опредѣленію, и почти забыли другъ друга: Девилье женился на англичанкѣ, дочери богатаго помѣщика, а Марія вышла за честнаго ньюіоркскаго негоціанта. Только, послѣ шести лѣтъ разлуки, судьба, вздумала свести ихъ въ одной гостинницѣ. Девилье ѣдетъ въ Гавръ, чтобы оттуда отправиться въ Англію, къ женѣ, ухаживающей за больною матерью, а Марія ѣдетъ въ Парижъ, къ мужу, который уѣхалъ впередъ приготовить ей квартиру. Послѣ шестилѣтней разлуки очень понятно желаніе поговорить о старинѣ, о настоящемъ, о будущемъ. Девилье и Марія совершенно довольны своей судьбою, и представляютъ себѣ будущее въ самомъ блестящемъ свѣтѣ; говорятъ о томъ, какъ они будутъ встрѣчаться въ Парижѣ, какъ оба мужа будутъ друзьями, а обѣ жены полюбятъ другъ друга, какъ родныя сестры. Но въ человѣческомъ сердцѣ, особенно въ сердцѣ мужчины, всегда есть нѣкоторая толика эгоизма. Девилье самъ признается, что онъ счастливъ съ другою, но тѣмъ не менѣе ему досадно, что Марія можетъ быть счастлива безъ него. Мало–по-малу, его воображеніе воспламеняется, онъ увѣряетъ и себя, и Марію, что они не могутъ быть счастливы врозь, и кончаетъ предложеніемъ бѣжать съ нимъ на край свѣта и забыть людей. Лихорадка страсти, хотя и поддѣльной, заразительна, однако Марія мужественно борется съ нею, и хочетъ бѣжать отъ искусителя, который прибѣгаетъ къ послѣднему средству влюбленныхъ, грозится застрѣлиться въ ея глазахъ. Но судьба хотѣла только проучить ихъ самоувѣренность; въ самую роковую минуту слуга Девилье приходитъ напомнить ему, что пора отвѣчать на письмо жены, а онъ еще его не распечатывалъ; въ то же время малютка сынъ прибѣгаетъ къ Маріи и бросается въ ея объятія. Это призываетъ обоихъ къ мысли о долгѣ, и бывъ на краю опасности, они рѣшаютъ, что имъ не слѣдуетъ видѣться. Затѣмъ, они говорятъ другъ другу послѣднее, вѣчное прости, и разъѣзжаются въ разныя стороны.

«*Школа мѣщанъ*» (L'école des bourgeois) Даленваля, хотя только возобновлена, однако она такъ давно уже не являлась на сценѣ, что можетъ идти за новую пьесу. Сколько намъ помнится, она не играна со временъ Флёри, который былъ такъ недостижимо хорошъ въ роли маркиза Монкада. Аббатъ Рулонъ Даленваль (Roulon d'Hallainval) выступилъ на сцену въ 1725 г., писалъ очень много, но, не смотря на свое трудолюбіе и скромный образъ жизни, провелъ всю жизнь въ крайней нищетѣ и умеръ въ богадѣльнѣ, въ 1753 г. Изъ многочисленныхъ его

произведеній, которыя всѣ отличаются веселостью, комизмомъ и умною сатирою, только два удержались на сценѣ: «*Непріятности богатства*» и «*Школа мѣщанъ*». Послѣднее есть живая и колкая сатира на нравы восемнадцатаго вѣка, и преимущественно на тотъ періодъ, когда средній классъ, la bourgeoisie, сталъ состязаться въ роскоши и блескѣ съ дворянствомъ. Завидуя знатнымъ, купцы, обогатившіеся трудомъ и торговлею, отсчитывали полновѣсное золото за титулы и гербы разоренныхъ дворянъ; отдавали несчастныхъ дочерей за повѣсъ и негодяевъ, которые, презирая своихъ женъ и ихъ родню, между-тѣмъ всегда готовы были вступить въ супружество съ богатою купеческою дочерью, s'encanailler, по ихъ выраженію, чтобъ спустить ея имѣніе въ ландскнехтъ. Мотовство было первымъ признакомъ знатности и первымъ условіемъ успѣховъ въ обществѣ; кто скорѣе и безпечнѣе разорялся, тотъ пользовался наибольшимъ уваженіемъ. Маркизъ де-Монкадъ представляетъ типъ такого франта. Онъ занялъ сто тысячь франковъ у мадамъ Абрагамъ, вдовы жида-банкира, и спустивъ эти деньги, рѣшается взять еще двѣсти тысячь, женившись на ея дочери. Мадамъ Абрагамъ принимаетъ предложеніе съ восторгомъ; сама Бенжамина не задумывается отказать своему жениху, Дамнею, чтобъ сдѣлаться маркизою. Одинъ дядя Матьё противится этой глупой свадьбѣ, но и его Монкадъ привлекаетъ на свою сторону, величая милымъ дядею! Какъ не пожелать быть дядюшкою маркиза? Слуга Монкада разстроиваетъ планъ своего барина, вручивъ Бенжаминѣ письмо, назначенное одному пріятелю повѣсы, и въ которомъ онъ съ презрительными насмѣшками отзывается о своей будущей роднѣ. Это письмо открываетъ глаза ослѣпленнымъ мѣщанамъ, и Бенжамина съ ея приданымъ, достаются честному и трудолюбивому Дамнею.

Французскій Театръ возобновилъ также прекрасную драму Виктора Гюго: «*Маріонъ Делормъ*», въ которой г-жа Жюдитъ превосходно исполняетъ роль, такъ прославившую нѣкогда г-жу Дорваль.

На театрѣ Одеона имѣетъ большой успѣхъ комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, г. Саррѣ—«*Семейство*». Въ ней дѣйствительно есть много очень хорошихъ мыслей, выраженныхъ энергическимъ стихомъ; но, къ-сожалѣнію, она нѣсколько растянута. Авторъ предложилъ себѣ задачею показать важность и неприкосновенность брачнаго союза въ отношеніи къ счастію дѣтей. Мосье де-Серни, не имѣя никакихъ поводовъ къ неудовольствію, разошелся съ своею женою; между-тѣмъ, онъ считаетъ себя примѣрнымъ отцемъ, потому-что не проматываетъ имѣнія дѣтей, платитъ долги сына и балуетъ дочь. Мадамъ де-Серни согласилась на свиданіе съ нимъ, чтобы переговорить о будущности дѣтей; мосье де-Серни обѣщаетъ руку дочери своему пріятелю де-Люссану; но жена не хочетъ слышать о такомъ зятѣ; отсюда новая ссора, за которой послѣдовала-бы окончательная размолвка супруговъ, еслибъ Валантина не созналась отцу, что она уже избрала себѣ мужа, Густава Дюбрёлья, сына честнаго и богатаго негоціанта. Мосье де-Серни ни въ чемъ не можетъ отказать дочери, и потому остается только склонить родителей ея возлюбленнаго.

Но старикъ Дюбрёль не ищетъ для сына ни знатности, ни богатства, а требуетъ только семейнаго счастія и почтенной родни; поэтому онъ не прежде согласится на его желаніе, какъ когда мосье и мадамъ де-Серни примиряття. Оскорбленный мужъ клянется, что Валентина выйдетъ за Люссана и взводитъ на жену ложное обвиненіе, котораго она не можетъ простить ему. Она изгоняетъ его изъ своего дома; стыдясь своей вспышки, онъ рѣшается прибѣгнуть къ хитрости и воспользоваться статьею кодекса, которою постановлено, что супруги, живущіе врознь, лишаются права просить о законномъ разводѣ, если проведутъ одну ночь подъ однимъ кровомъ. Между-тѣмъ, новыя огорченія со всѣхъ сторонъ преслѣдуютъ несчастную мадамъ де-Серни · она перехватила записку, въ которой Валантина изъявляетъ своему возлюбленному готовность бѣжать съ нимъ; сынъ позоритъ семейство долгами и мотовствомъ. Къ довершенію своей горести узнаетъ она о хитрости, употребленной мужемъ. Но онъ прибѣгъ къ этому средству не для того, чтобъ употребить во зло постановленіе закона; онъ винится передъ женою въ своихъ проступкахъ, сознается въ ложности своего обвиненія и вымаливаетъ прощеніе. Послѣ этого, старикъ Дюбрёль не имѣетъ никакой причины противиться союзу съ фамиліею Серни.

Съ нѣкотораго времени античныя комедіи вошли въ большую моду. Гг. Понсаръ, Ожье, Барбье поставили на разныхъ театрахъ болѣе полудюжины произведеній этого рода, имѣвшихъ большій или меньшій успѣхъ. Г. Ларенъ польстился на ихъ удачу и отдалъ въ дирекцію Одеона античную комедію, подъ названіемъ: «Подъ виноградъ», которая слишкомъ напоминаетъ «Воробья Лесбіи» и «Горація и Лидію», чтобъ имѣть успѣхъ своихъ предшественницъ. Героемъ онъ избралъ опять Катулла. Поэтъ ищетъ отъ винѣ утѣшенія отъ притворныхъ измѣнъ своей возлюбленной Лесбіи, и подъ шумомъ фалернскаго вина, пускается въ не слишкомъ лестные отзывы о диктаторѣ, Юліи Цезарѣ. Но Лесбія охраняетъ его, и благодаря ея стараніямъ, когда преторы, донесшіе на поэта, приносятъ ему декретъ объ изгнаніи, оказывается, что этотъ декретъ только приглашеніе на обѣдъ къ диктатору. Обласканный и тронутый снисхожденіемъ Цезаря, Катуллъ принимается опять за элегіи въ честь красоты Лесбіи и за диѳирамбы въ честь милосердому завоевателю.

«*Книга III, глава I*», незатѣйливая, но довольно веселая и забавная комедія гг. Пьеррона и Лаферьера. Эдмонъ, не смотря на званіе молодаго супруга, не забываетъ своихъ друзей и счелъ долгомъ предложить пристанище на своей квартирѣ Октаву Дюбуру, разорившемуся несчастными торговыми предпріятіями. Но присутствіе посторонняго лица, стѣсняющаго удовольствія медоваго мѣсяца, очень не нравится молодой, которая рѣшается выпроводить мужнина друга, прикинувшись влюбленною въ него. Дюбуръ сначала хочетъ удалиться, пока не попадаетъ ему въ руки письмо тётки молодой, которое открываетъ ему хитрость. Чтобы подшутить надъ женой пріятеля, онъ самъ притворяется влюбленнымъ, и устроиваетъ такъ, что Эдмонъ застаетъ его у ногъ Люсили. Онъ очень хладнокровно выдерживаетъ гнѣвъ и негодо-

ваніе молодыхъ супруговъ и обезоруживаетъ ихъ, вынувъ изъ кармана письмо тётки и указавъ первую главу третьей книги Лесажевой *Эстеванильи*.

Жюль де-Премарэ, извѣстный нѣсколькими неудачными подражаніями Альфреду де-Мюссѐ, написалъ комедію въ двухъ дѣйствіяхъ «*Права мужчины*»; это два дѣйствія разговоровъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, о томъ, кто въ супружествѣ властелинъ, мужъ или жена? Въ этихъ разговорахъ, какъ водится, представительницы прекраснаго пола пускаются въ безконечныя филиппики противъ тираніи мужей, хотя очень хорошо знаютъ, лицемѣрки, что̀ дѣлаютъ изъ жениховъ и будутъ дѣлать изъ мужей все, что имъ угодно; поэтому вовсе неудивительно, что всѣ эти разсужденія кончаются тѣмъ, что самыя отчаянныя противницы супружескаго ярма очень охотно идутъ подъ это ярмо, которое будутъ нести не онѣ, а ихъ почтенные властелины. Это новое покушеніе на пьесу въ родѣ, созданномъ Альфредомъ де-Мюссѐ, такъ-же безцвѣтно и слабо, какъ и прежнія произведенія автора.

Кромѣ исчисленныхъ новыхъ пьесъ, Одеонъ возобновилъ двѣ старыя: драму Альфреда де-Мюссѐ «*Андрея дель-Сарто*» и драму г. Камилла Дусѐ — «*Молодой человѣкъ*». Драма г. де-Мюссѐ была поставлена года три назадъ и имѣла довольно лестный успѣхъ. Теперь успѣхъ ея еще больше, благодаря превосходной игрѣ Тисерана, въ роли Андрея дель-Сарто; но, по нашему мнѣнію, измѣненія, которыя авторъ счелъ нужнымъ сдѣлать въ пьесѣ, не совсѣмъ удачны. Правда, что теперь интересъ болѣе сосредоточивается на игрѣ пьесы, тогда, какъ прежде Гардіани и Лукреція оттѣсняли его на второй планъ; но самая драма стала сбивать на тѣ натянутыя произведенія, въ которыхъ авторы пытаются если не оправдывать, то маскировать слабыя стороны великихъ людей и художниковъ.

Драма г. Дусѐ была первымъ его опытомъ на драматическомъ поприщѣ и явилась въ 1841 г. Въ ней есть дѣльная нравственная мысль, что жизнь—школа, и что промахи молодости, если въ душѣ есть нѣсколько хорошихъ качествъ и энергическая воля, не губятъ человѣка, а только служатъ къ тому, чтобы закалить его противъ будущихъ искушеній; но мысль эта проведена довольно слабо; видно, что авторъ молодъ, что онъ не совладалъ вполнѣ съ своею идеею; тѣмъ не менѣе пьеса занимательна и, при хорошемъ исполненіи, имѣетъ успѣхъ.

На театрѣ Драматической-Гимназіи первое мѣсто между новостями принадлежитъ, конечно, «*Свадьбѣ Викторины*». Г-жа Жоржъ-Зандъ сама называетъ свою пьесу продолженіемъ комедіи Седена «Le philosophe sans le savoir». Въ комедіи Седена есть молоденькая дѣвочка, Викторина, въ которой авторъ мастерски обрисовалъ первые слѣды рождающейся любви. Этотъ эпизодъ г-жа Зандъ развиваетъ въ своей пьесѣ. Викторина изъ дѣвочки уже сдѣлалась дѣвушкою невѣстою; вмѣстѣ съ тѣмъ выросла и любовь ея къ Алексису; но она уже не предается ей съ прежнею наивностью, она теперь понимаетъ раздѣляющую ихъ разность состояній, ей и въ голову не приходитъ возможность быть его женою. Не смотря на отвращеніе, которое она чувствуетъ къ Фюль-

рансу, прикащику Вандерка, благодѣтеля ея отца, она соглашается выйти за него, потому–что отецъ желаетъ этого брака, а Вандеркъ находитъ его очень приличною партіею. По грусти, по слезамъ и уклончивымъ отвѣтамъ дочери, Антуанъ угадываетъ тайну ея сердца, но считаетъ долгомъ задавить ея любовь и старается ободрить дѣвушку. Вандеркъ, съ своей стороны, также замѣтилъ взаимную привязанность молодыхъ людей; но видя въ ней только юношескую мечту, заключаетъ, что разлука легко исцѣлитъ ихъ, и отправляетъ сына въ Парижъ. Въ этомъ намѣреніи утверждаетъ его самъ Антуанъ, готовый принести счастіе дочери въ жертву тому, что онъ считаетъ своимъ долгомъ передъ благодѣтелемъ. Горесть Викторины еще увеличивается отсутствіемъ ея возлюбленнаго, и погружаетъ въ печаль весь домъ. Женихъ начинаетъ ревновать. Софія, бывшая свидѣтельницею слезъ и обморока Викторины, при прощаніи съ Алексисомъ, допрашиваетъ брата, который между тѣмъ тайно возвратился изъ Парижа; но въ ту минуту, какъ онъ готовъ открыть ей свою любовь, шумъ шаговъ принуждаетъ его спрятаться въ сосѣдней комнатѣ, откуда онъ слышитъ бесѣду Викторины съ Антуаномъ, уговаривающимъ ее отказаться отъ своей безумной любви и ускорить бракъ съ Фюльрансомъ. Викторина согласна на всё, и на всѣ убѣжденія Софіи и ея брата отвѣчаетъ только, что она рѣшилась, и пойдетъ за назначеннаго ей жениха. Но Фюльрансъ, заставъ Викторину съ Алексисомъ, съ гнѣвомъ отказывается отъ ея руки. Тогда Алексисъ рѣшается объявить свою любовь и просить руки дѣвушки у ея отца. И Антуанъ и сама Викторина отказываются отъ такой чести. Само собою разумѣется, что убѣжденія Вандерка и Софіи побѣждаютъ упрямство старика и упрочиваютъ счастіе молодыхъ людей.

И говорить нечего, что пьеса г–жи Жоржъ–Зандъ не могла не имѣть громаднаго успѣха, особенно при трогательной и въ высшей степени художественной игрѣ г–жи Розы Шери. Едва–ли найдется другая артистка, которая умѣла-бы такъ хорошо передавать всѣ сокровища нѣжности, покорности, преданности, самоотверженія, заключающіяся въ женскомъ сердцѣ. Страсти, любовь бурная, кипучая, не ея дѣло, и она неохотно берется за страстныя роли; ея идеалъ — Шекспировы Миранда, Десдемона, Офелія, Гётева—Миньона, эти дивныя существа, въ которыхъ нѣтъ страсти, но такъ много глубокаго чувства, которыя такъ проникнуты любовью. Къ этому разряду женскихъ характеровъ принадлежитъ Викторина и Беттина, въ новой пьесѣ Альфреда де–Мюссѐ, которую должно поставить рядомъ съ комедіею г–жи Жоржъ–Зандъ.

Если хотите «*Беттина*» Альфреда Мюссѐ не комедія, не пьеса; это, подобно «*Прихоти Маріанны*» предисловіе, прологъ къ пьесѣ, на которую авторъ только указываетъ, предоставляя читателю или зрителю создать ее самому. Беттина славная пѣвица, кумиръ миланской публики; но любовь побуждаетъ ее измѣнить искусству, она готова отказаться отъ театра и отъ славы, чтобы угодить своему будущему супругу. Баронъ Штейнбергъ не достоинъ такой безграничной любви; у него другая страсть въ сердцѣ — карты; и между-тѣмъ, какъ невѣста ждетъ его и свидѣтелей для подписанія контракта, онъ проигрываетъ

чужія деньги у какой-то весьма сомнительной женщины. Наконецъ, онъ является печальный, мрачный; но ласки и любовь Беттины скоро утѣшаютъ его, онъ забываетъ настоящее, чтобы думать только о будущемъ. Вотъ приходитъ и нотаріусъ; все готово къ подписанію контракта, но въ эту же минуту записка призываетъ Штейнберга къ сказанной дамѣ, Онъ отправляется, оставивъ Беттину въ сильномъ недоумѣніи и безпокойствѣ. Приходъ новаго гостя развлекаетъ ее; это старый другъ, Стефани, отчаянный поклонникъ искусства и ея таланта. Онъ очень огорченъ ея намѣреніемъ покинуть театръ и проситъ позволенія, въ знакъ своего уваженія и дружбы, подарить ей богатый брилліантовый уборъ. Этотъ подарокъ приносятъ ей въ то время, какъ возвратившійся баронъ Штейнбергъ открываетъ невѣстѣ, что онъ опять проигралъ огромную сумму, который не будетъ въ состояніи заплатить безъ помощи друзей. Беттина предлагаетъ ему все свое состояніе, добытое трудомъ артистки, и даже подарокъ Стефани. Штейнбергъ отвергаетъ ея предложенія; брилліантовый уборъ возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе и ревность, и онъ удаляется, разрушивъ всѣ надежды Беттины. Въ этой горести застаетъ ее Стефани, когда приходитъ окончательно проститься съ нею; при немъ получаетъ она записку, въ которой Штейнбергъ пишетъ, что возвращаетъ ее театру и искусству, а самъ уѣзжаетъ съ дамою, которая выиграла его деньги и теперь овлавѣла его сердцемъ. Отчаяніе Беттины. — «Время поможетъ горю, говоритъ Стефани; когда разлука изгладитъ изъ вашего сердца образъ неблагодарнаго измѣнника и вы почувствуете потребность въ другѣ, обернитесь, — онъ будетъ подлѣ васъ». Приметъ–ли Беттина эту безкорыстную дружбу, и какъ совершится переходъ отъ первой любви ко второй? Не думалъ–ли авторъ пустить только скептическую стрѣлу противъ непрочности человѣческихъ чувствъ? Это вопросы, которые предоставлено рѣшить слушателямъ.

Не всякій день праздникъ, не всякій день удается видѣть только глубоко почувствованные и обдуманные анализы сердца, какими дарятъ насъ по временамъ г–жа Жоржъ Зандъ, или игривыя фантазіи Альфреда де-Мюссé. Такъ и теперь приходится намъ обратиться отъ ихъ поэтическихъ созданій къ водевилю г. Баяра. Мы этимъ, однако, не хотимъ сказать, что водевиль г. Баяра плохъ; напротивъ, его «*Дельфина и Лаура*» очень миленькія существа, не чуждыя даже своего рода поэзіи, — поэзіи водевильной. Дельфина, старшая сестра, дѣвушка задумчивая, кроткая, съ томными глазами; ее обвиняютъ даже отчасти въ скрытности, и не совсѣмъ неосновательно. Лаура, напротивъ, рѣзвушка, шалунья, проказница, играющая любовью, какъ пансіонерка. Живутъ онѣ у отца, стараго негоціанта, котораго, на старости лѣтъ, мучитъ бѣсъ честолюбія. Мундиръ мера — предметъ всѣхъ желаній и мечтаній мосье Франковиля, какъ женихъ — предметъ всѣхъ желаній мадмоазель Франковиль, его почтенной сестрицы. Само собою разумѣется, что по сосѣдству живетъ молодой человѣкъ, мосье Альберъ, тихій, кроткій, скромный и чрезвычайно бѣдный; бѣдность, конечно, не порокъ, но это ужасное зло для влюбленнаго, а Альберъ влюбленъ

въ проказницу Лауру. Есть у нихъ еще сосѣды, господинъ префектъ и его племянникъ Мортимеръ, промотавшійся повѣса, которые въ большомъ почетѣ у мосье Франковиля и его сестры, потому-что могутъ удовлетворить ихъ задушевныя желанія. Г. префектъ дѣйствительно достаетъ мундиръ мера и жениха, — только жениха не теткѣ, а племянницѣ, Дельфинѣ. Задумчивая Дельфина отказывается на отрѣзъ отъ этой чести, къ великому соблазну ея почтенныхъ родственниковъ; префектъ и его племянникъ приписываютъ этотъ отказъ вліянію Альбера; а Альберъ догадывается наконецъ, что пора ему принять мѣры для полученія руки Лауры, и отправляется въ Индію отыскивать богатаго дядю. Полтора года спустя, встрѣчаемъ мы мосье Франковиля въ Парижѣ; мундиръ мера только разжегъ его честолюбіе, и онъ домогается еще другихъ отличій. Сестра его еще ждетъ жениха; Дельфина по прежнему задумчива и грустна; Лаура, — жена префекта, мучитъ своими проказами мужа и Мотимера, котораго старается женить на своей сестрѣ. Можете себѣ представить горесть Альбера, когда онъ возвращается съ дядюшкиными милліонами и узнаетъ, что Лаура замужемъ. А еще передъ отъѣздомъ получилъ онъ записку, въ которой его ободряли и обѣщали ждать его, и въ Индіи получилъ онъ поклонъ и вѣсти, что онъ не забытъ! Къ счастію, Лаура угадываетъ, кто виновникъ этихъ таинственныхъ утѣшеній, и чтобы вознаградить Альбера за горе, которое она причинила ему своимъ легкомысліемъ, рѣшается женить его, а ужъ не повѣсу Мортимера, на Дельфинѣ. Пользуясь ревностью мужа, она заставляетъ сестру сознаться, что она писала загадочныя записки. Альберъ слышалъ сознаніе за занавѣскою и, тронутый такою великодушною любовью, проситъ руки Дельфины. Но Мортимеръ считаетъ себя въ правѣ воспротивиться, потому-что онъ также получалъ чувствительныя записки. Всеобщее изумленіе. Однако, по сличеніи почерковъ, оказывается, что записки къ Мортимеру писала не Дельфина, а ея тётка. Мортимеръ дѣлаетъ кислую рожу, но подумавъ, беретъ ея старую любовь и особу, въ придачу къ ея приданому.

«*Ивонна и Лоинъ*», пьеска очень наивная и сладкая, которую авторы, гг. Каррѐ и Наррей, имѣли скромность назвать *сельскою картиною*. Тутъ вы опять видите добраго, кроткаго, тихаго и бѣднаго жениха, который не смѣетъ говорить о своей любви и стать соперникомъ другимъ женихамъ. Но если Лоинъ такъ боязливъ, то Ивонна смѣтлива и смѣла за него; она снабжаетъ его деньгами, чтобы онъ могъ прилично одѣться; она-же однимъ взглядомъ даетъ ему смѣлость броситься въ море во время бури, чтобы спасти ея дѣда, рыбака Жоана; а когда онъ возвращается на берегъ, волею-неволею она должна быть его женою, потому-что обѣщала руку тому, кто спасетъ старика. Пьеска имѣетъ нѣкоторыя притязанія на званіе оперетки, потому-что г. Деліу написалъ къ ней нѣсколько очень хорошенькихъ нумеровъ, даже два дуэта и оригинальный бретонскій танецъ.

Театръ Разнообразія къ испанскимъ танцовщицамъ, которыя все уѣзжаютъ и никакъ не могутъ уѣхать, присоединилъ еще новый куріезъ, который имѣлъ большой успѣхъ. Это цѣлая труппа китайцевъ, настоящихъ китайцевъ, прибывшихъ прямо изъ Нанкина. Какой-то

господинъ сколотилъ программу, подъ названіемъ «*Китай въ Парижѣ*», въ которую они должны были вставить свои инструментальныя, вокальныя и воинскія упражненія. Въ этой программѣ представленъ чудакъ, который такъ влюбился въ китайщину, что не только устроилъ свой домъ по-китайски и населилъ его китайскими уродами, но и дочь хочетъ выдать непремѣнно за китайца. Но дочь, конечно, предпочитаетъ парижанина китайцу, и чтобы отучить отца отъ синоманіи, она съ помощью своего возлюбленнаго, уличаетъ назначеннаго ей въ женихи китайца въ подложности, и въ награду за позволеніе ей выдти за мосье Жедеона, показываетъ старому чудаку настоящихъ китайцевъ, нарочно выписанныхъ изъ Срединной Имперіи. Мы охотно сказали-бы вамъ, кто сочинитель этой остроумной программы — г. Гастонъ де-Монто; но боимся прослыть за нескромныхъ болтуновъ, потому–что, когда публика потребовала автора, мадмуазель Флора выкатилась булочкою на сцену и объявила, что «La pièce est d'un pékin, qui desire gardèr l'anonime. И публика довольствовалась этимъ отвѣтомъ, найдя, что это было самое остроумное слово, слышанное ею во весь вечеръ. Затѣмъ, четыре корифея вынесли въ золотомъ паланкинѣ Ми–читу, по прозванію Нанкинскую Розу; вслѣдъ на нею вышли Кей–сингъ, А–ну, А–Ква, А–чу и А–хоа. Нанкинскую Розу посадили въ кресла на эстраду, а остальные чинно разсѣлись на стульяхъ, кружкомъ около нея, ударили въ тамтамы, бубны, дудки, гусли, колокольчики, запѣли, и пошелъ китайскій концертъ. Что такое они пѣли и играли, и хорошо-ли, не умѣемъ вамъ сказать. Одинъ господинъ, бывшій къ Китаѣ, увѣрялъ насъ, что они мастера своего дѣла, играли и пѣли съ необыкновеннымъ талантомъ и большимъ чувствомъ. И точно, оно было такъ чувствительно ушамъ, что хоть бѣжать изъ театра. Мы однако не бѣжали, а дослушали до конца. Потомъ два китайца показали свою ловкость въ воинскихъ упражненіяхъ на сабляхъ, на копьяхъ, на косахъ, на острогахъ, очень проворно укрываясь отъ ударовъ за камышевыми щитами. Всего любопытнѣе одиночный бой китайца съ невидимымъ духомъ зла, Амна–цу. Зрѣлище заключилось самыми бѣшеными рукоплесканіями публики.

О главномъ украшеніи этой китайской труппы, Нанкинской Розѣ, разсказываютъ очень трогательную исторію, которую мы передаемъ, какъ ее слышали, не ручаясь за ея истину. Говорятъ, что она дочь мандарина втораго разряда и губернатора провинціи ; имѣла неосторожность заслушаться вкрадчивыхъ рѣчей одного англійскаго офицера; какъ далеко зашла любовь, неизвѣстно, но, застигнутая наединѣ съ офицеромъ въ саду Англійской Факторіи, бѣдная только бѣгствомъ спаслась отъ строгаго наказанія. А-чу, сынъ ея кормилицы, принялъ ее подъ свое охраненіе. Въ это время китайская джонка, собиравшаяся посѣтить Европу, набирала экипажъ; А–чу поступилъ на нее простымъ матросомъ, съ тѣмъ, чтобы ему позволили взять съ собою сестру. Такимъ образомъ пріѣхали они въ Англію, гдѣ несчастная Ми-читу узнала, что ея отецъ со всѣмъ семействомъ приговоренъ къ казни и погибъ подъ батогами. Нанкинская Роза очень вѣрна памяти первой любви и разсказываютъ, что она пріѣхала въ Парижъ съ А–чу и его то-

варищами только за тѣмъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій и щедрыхъ предложеній лорда Д., одного изъ самыхъ отчаянныхъ лондонскихъ львовъ.

Другой курьезъ на Театрѣ Разнообразія, это шестилѣтняя Марія Дальби, соперница Селины Монталанъ, Юдиѳи Перейры и прочихъ необыкновенныхъ дѣтей. Остроумный водевилистъ Деноїе написалъ для нея пьеску въ беркеновскомъ родѣ, «*Дочь пьяницы*», въ которой она читаетъ сцены изъ «*Тартюфа*» и «*Мнимаго больнаго*», избавляетъ мать отъ преслѣдованій докучливаго волокиты и исправляетъ отца отъ пьянства. Эта избитая чепуха растянута на два дѣйствія, и не смотря на неоспоримые признаки таланта въ маленькоіі Дальби, заставила насъ еще разъ пожелать, чтобы положены были предѣлы этому безразсудному обычаю выводить на сцену дѣтей. Неужели нѣтъ другаго средства развивать ихъ способности, какъ только погружая ихъ почти съ пеленокъ, въ закулисную атмосферу, которая непремѣнно должна имѣть пагубное вліяніе на ихъ юныя души? Грустно смотрѣть на эти несчастныя существа!

Чтобы разомъ покончить съ китайцами, необыкновенными дѣтьми и другими курьозами, разскажемъ одинъ достовѣрный случай, относящійся къ новой породѣ артистовъ, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ являющейся на сцену. Г. Контъ, содержатель дѣтскаго театра, поставилъ недавно волшебную пьесу «*Кота въ сапогахъ*», въ которой у него является до сорока котовъ всѣхъ породъ и шерстей. Мы видѣли на сценѣ и лошадей, и собакъ и слоновъ; чѣмъ-же котъ не такое-же животное, и почему ему не быть драматическимъ артистомъ? А коты г. Конта превосходно вышколены, съ большимъ талантомъ возятъ колесницу и поднимаются въ воздушныхъ шарахъ, не хуже гг. Пуатьвена и Годара. Одно неудобство имѣютъ эти артисты новаго рода: они очень часто разбѣгаются, и потомъ ищи ихъ. Такъ у г. Конта разомъ сбѣжали три артиста и онъ принужденъ былъ замѣнить ихъ новыми, по три франка за штуку. Новые артисты вступили въ должность, но въ первое-же представленіе зала вдругъ огласилась жалобнымъ стономъ, а потомъ криками негодованія: «Гого, мой Гого! Это онъ, онъ самъ! отдайте мнѣ моего Гого! Минетъ, Минетъ! кисъ, кисъ, кисъ!» Одинъ изъ вновь ангажированныхъ артистовъ обратилъ томный взоръ въ ту сторону, откуда слышался знакомый голосъ, хотѣлъ бѣжать, но постромки удержали его. Мадамъ Жераръ съ воплемъ прибѣжала къ режиссеру, требовать своего кота. —«Отдайте мнѣ моего кота! Это дневной разбой, грабежъ! сдѣлали изъ моего Гого презрѣннаго скомороха! Я не позволю этого!» — «Этотъ котъ принадлежитъ г. Конту, онъ заплатилъ за него три франка!» отвѣчалъ режиссеръ съ хладнокровіемъ, доступнымъ однимъ режиссерамъ. На слѣдующій день г-жа Жераръ подала жалобу мирному судьѣ, объясняя, что любимый котъ ея пропалъ, что она тщетно искала его нѣсколько дней и наконецъ, отправившись въ театръ г. Конта, увидѣла своего милаго Гого, запряженнаго въ колесницу маркиза Карабаса. Хотя законами не предусмотрѣнъ подобный случай, и не опредѣлено, до какой степени обязателенъ для котовъ, заключаемый отъ ихъ имени контрактъ съ директорами теа-

тровъ, однако судъ рѣшилъ, что г. Контъ пріобрѣлъ Гого законнымъ образомъ, впрочемъ, предоставилъ г–жѣ Жераръ, буде она того желаетъ и г. Контъ будетъ на то согласенъ, выкупить своего кота, заплативъ, кромѣ означенной г. Контомъ цѣны, и убытки, могущіе произойти для него отъ выбытія сказаннаго артиста изъ его труппы, и судебныя издержки.

Но возвратимся къ новостямъ театра Разнообразія. Лучшая изъ новыхъ пьесъ, данныхъ на этомъ театрѣ, конечно, комедія-водевиль гг. Декурселя, Барьера и Барбье — «*Властитель моды*». Сначала вамъ и въ голову не пришло–бы подозрѣвать въ Жоржѣ Дювернэ знаменитаго, блестящаго Жоржа де–Бюсенера, бывшаго вождемъ парижской моды, первымъ столичнымъ львомъ, кружившаго головы всѣмъ парижанкамъ. Онъ живетъ настоящимъ помѣщикомъ, не выѣзжая изъ деревни, съ женой и сестрой, не зная бо̀льшаго удовольствія, какъ удить рыбу. А это дѣйствительно онъ и мы объяснимъ вамъ причину этой внезапной перемѣны. Одна женщина, графиня Файель, женщина довольно умная и отчаянная кокетка, одурачила его; пораженіе было для него такъ невыносимо, что онъ счелъ нужнымъ скрыть свой стыдъ въ деревенской глуши, и тамъ, не думая, не гадая, нашелъ счастіе въ супружествѣ и въ радостяхъ семейной жизни. Но давно извѣстно, что счастіе не прочно. Надо графинѣ Файель съ Гекторомъ Дюмономъ проѣзжать мимо сельскаго убѣжища Жоржа; надо ея каретѣ сломаться передъ самыми его воротами! Путешественники просятъ у него пристанища, и вы можете себѣ представить, сколько насмѣшекъ сыплется на отступника отъ львиной братіи. Старая дурь пробуждается въ немъ и заглушаетъ разсудокъ: онъ клянется отомстить графинѣ. Во второмъ дѣйствіи вы встрѣчаете его опять въ Парижѣ, на балу у графини Файель, блестящѣе, нахальнѣе, непобѣдимѣе, чѣмъ когда–либо. Онъ торжествуетъ, потому что вчерашніе его соперники стали его почитателями и учениками, и сама графиня назначила ему свиданіе. На этомъ свиданіи узнаетъ онъ, что Гекторъ и Люсьенъ влюблены, первый въ его жену, второй въ сестру, и намѣрены приложить къ нимъ его уроки. Это плодъ его ученія! Десять минутъ такой пытки достаточное наказаніе; графиня успокоиваетъ его, сказавъ, что мадамъ Дювернэ выпроводила Гектора за дверь, а невинность Сесиліи самая лучшая защита отъ нападеній льва. Жоржъ, послѣ этого, навсегда отрекается отъ львинаго царства и возвращается въ деревню, къ женѣ и сестрѣ, убѣдившись, что рыбу удить легче, чѣмъ перехитрить парижскую кокетку.

Гастонъ де Монто̀, авторъ знаменитаго «*Китая въ Парижѣ*,» написалъ для того–же театра комедію, въ двухъ дѣйствіяхъ—«*Миньону*». Одинъ сосѣдъ говорилъ, что пьеса заимствована изъ знаменитаго Гётева романа, «*Вильгельма Мейстера*,» и въ самомъ дѣлѣ, мы слышали знакомыя имена Миньоны, Вильгельма Мейстера, Фидины, видѣли цыганскую труппу, дающую свои представленія на базарной площади, но тщетно искали хоть слѣда тѣхъ образовъ, которые неизгладимо остаются въ памяти, послѣ чтенія Гётева романа. Это воздушное существо,

Миньона, подъ тяжелымъ перомъ г де-Монтò, обращается въ простую гризетку, самую прозаическую изъ грезетокъ, которая носитъ мужское платье, очень ловко устроиваетъ хитрый планъ, чтобы уличить Фидину въ измѣнѣ Вильгельму, и наконецъ женить его на себѣ.

«*Атаманъ разбойниковъ*,» водевиль гг. Варена и Маршѐ, нелѣпый, но довольно забавный фарсъ. Елена, вдова, начавшая цѣнить своего покойнаго мужа только послѣ его смерти, когда онъ оставилъ ей богатое наслѣдство, ведетъ тяжбу объ этомъ наслѣдствѣ съ двоюроднымъ братомъ, Морисомъ. Противникъ, впрочемъ, охотно согласился-бы на мировую съ тѣмъ, чтобы она, взамѣнъ наслѣдства, отдала ему руку. По этому онъ старается проникнуть къ вдовѣ, подъ видомъ врача-гомеопата и втереться въ ея довѣріе. Но у него есть соперникъ, аптекарь алопатъ, который уличаетъ его въ невѣжествѣ и самозванствѣ и съ позоромъ выгоняетъ изъ дому. Морисъ прибѣгаетъ къ другому средству, подговариваетъ своего пріятеля Дюфлò ворваться въ домъ Елены, подъ видомъ знаменитаго разбойника Тибержа, чтобы ему, Морису, имѣть счастіе спасти ее. Оказывается, что этотъ Дюфлò никто иной, какъ самъ Тиберж; онъ вламывается въ домъ, обираетъ вдову, и ужъ конечно не дожидается, чтобы пріятель пришелъ отнимать у него добычу. Между-тѣмъ, аптекарь также выдумалъ взять Елену страхомъ, лично является въ домъ разбойникомъ, и какъ разъ натыкается на Мориса. Побѣда, конечно, остается за послѣднимъ.

Развѣ для полноты перечня, упомянемъ еще о двухъ пошлыхъ пьескахъ: о водевилѣ г. Сироденя «*Два отца*,» въ которомъ два отца рыщутъ по свѣту, отыскивая своихъ милыхъ дѣтей, одинъ сына, другой дочь, и сходятся въ разныхъ мѣстахъ, и наконецъ открываютъ искомыхъ — въ лицахъ, въ которыхъ ихъ никакъ не подозрѣвали; и о водевилѣ г. Лефранка: «*Давай колотить жену*,» въ которомъ любознательный зритель можетъ узнать, какимъ образомъ смѣтливая крестьянка отучаетъ мужика отъ побоевъ и дѣлаетъ его кротче ягненка.

Трудно было-бы сосчитать, сколько уже разъ на своемъ вѣку Театръ Водевиля погибалъ и снова возраждался, какъ Фениксъ, изъ своего пепла. Это явленіе повторилось и нынѣ; лѣтомъ Водевиль закрылся, и теперь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, опять открывается. Само собою разумѣется, что такое важное происшествіе не могло обойтись безъ пролога, написаннаго на этотъ случай, въ которомъ говорится въ прозѣ и въ стихахъ, что «*Старикъ Водевиль еще живъ*,» и вызываются изъ мертвыхъ всѣ прежніе герои водевиля, отъ Оливье Басленя до Теолона и самыя хорошенькія актрисы труппы представляютъ насмѣшку, эпиграмму, возраженный водевиль, и другія аллегорическія лица.

Впрочемъ репертуаръ Водевиля до сихъ поръ не отличается еще ни количествомъ, ни качествомъ пьесъ. Между ними, по крайней мѣрѣ, именемъ авторовъ отличаются двѣ пьески Леона Гозлана и слезливая комедія Баяра и Боплана.

«Le coucher d'une etoile» г. Леона Гозлана, довольно оригинальная шутка. Надъ артистическимъ горизонтомъ Лондона взошла новая звѣзда, французская пѣвица мадмоазель Персеваль. Послѣ самаго блиста-

тельнаго дебюта, она пріѣзжаетъ домой, съ прозаическимъ, но очень понятнымъ желаніемъ лечь спать. Не тутъ-то было. Къ ней являются два гостя, предшествуемые подарками и двумя визитными карточками. На одной значится «Лордъ Монтгомера», на другой «Лордъ Клифордъ». Оба льва первой руки, оба богаты и причудливы, какъ англичане, и оба имѣютъ притязанія на сердце артистки. Они начинаютъ съ того, что взаимно вручаютъ свои подарки, ужинаютъ, пьютъ, и смотрѣть не хотятъ на всѣ усилія хозяйки выжить ихъ изъ дома. Наконецъ оба встаютъ разомъ, раскланиваются и выходятъ, но вслѣдъ за тѣмъ, оба разомъ возвращаются; играютъ партію въ шахматы, которая должна разсудить ихъ и которая ничего не рѣшаетъ, потому что оба плутуютъ. Наконецъ оба засыпаютъ; ни тотъ, ни другой не хочетъ выдти прежде соперника. Между-тѣмъ, пѣвица, видя, что гости рѣшительно завладѣли ея квартирою, пользуется ихъ сномъ, чтобы переночевать у пріятельницы. Сонъ внушаетъ счастливую мысль лорду Монтгомера; онъ покупаетъ домъ, и потомъ, какъ хозяинъ, именемъ закона проситъ Клифорда удалиться. Клифордъ повинуется, и у подъѣзда встрѣчаетъ пѣвицу, которая успѣла уже выспаться и возвратиться домой. Артистка объявляетъ на отрѣзъ, что она отдаетъ сердце только съ рукою. — «Пишите контрактъ», говоритъ Монтгомера. — Для меня! подхватываетъ Клифордъ. Монтгомера и забылъ, что онъ уже женатъ. Побѣда за Клифордомъ; но артистка одумывается, и говоритъ, что искусство будетъ всегда единственнымъ предметомъ ея любви.

Что касается другой пьесы г. Гозлана, «*Бѣлыя платья*», мы рѣшительно не понимаемъ, какъ могла придти ету мысль передѣлать изъ хорошенькаго разсказа ничтожную комедію, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ чувствительныхъ фразъ. Серъ Гамильтонъ уѣхалъ за моря, чтобы не видѣть смерти своей дочери. Крупъ похитилъ у него уже двухъ дочерей, и онъ убѣжденъ, что и Нелли обречена тойже участи. Возвратившись на родину, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ боится войти въ домъ, въ увѣренности, что его встрѣтятъ роковою вѣстью Въ эту минуту выбѣгаютъ три бѣлыя платья, и въ одномъ изъ нихъ онъ узнаетъ свою Нелли. Молодой врачъ вылечилъ неизлечимую болѣзнь и, какъ слѣдуетъ въ порядочной комедіи, обрадованный отецъ жалуетъ его въ свои зятья.

Комедія гг. Баяра и Боплана, «*Гортензія де-Серни*», такая путаница, что для изложенія ея содержанія, пришлось-бы разсказывать каждую сцену по порядку; но при этомъ нужно такъ лавировать, что мы не беремся за такой подвигъ.

Къ этимъ пьесамъ присоединяются еще два фарса, которыхъ все достоинство заключается въ очень крупныхъ остротахъ и двусмысленностяхъ, и которыя имѣли очень незавидный успѣхъ. Это «*Еще мушкетеры*,» гг. Варена и Поля Вермона, и «*Сборъ орѣховъ*,» гг. Ганри де-Кока и Жалле́. Послѣдняя, впрочемъ, имѣетъ очень нравственную цѣль: доказать, что добрая жена и хорошая хозяйка лучшій кладъ на землѣ.

На Театрѣ Монтансье скудость новостей безпримѣрная. Изъ четы.

рехъ или пяти фарсовъ, одинъ только имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Это водевиль гг. Декурселя, Барьера и Марона, «*Съ бою*». Мадмоазель Константина, видѣвъ смерть брата въ сраженіи съ бедуинами, съ горести рѣшилась жить отшельницею, и не иначе выйдти тамужъ, какъ если ея согласіе возьмутъ съ бою. Молодой живописецъ, мосье Антеноръ, зная это рѣшеніе, ведетъ приступъ. Мадмоазель Константина сдаетъ свою квартиру; мосье Антаноръ является со всѣми пожитками нанимать ее, а какъ хозяйка не можетъ очистить ее немедленно, то для устраненія этого затрудненія, онъ предлагаетъ ей быть его женою. Но какъ всякое сватовство должно вестись порядкомъ, посредствомъ визитовъ, подарковъ, записокъ, то онъ въ четверть часа дѣлаетъ ей десять визитовъ, выходя и входя въ дверь, заваливаетъ ее дюжиною букетовъ, одинъ другаго огромнѣе, и съ одного присѣста пишетъ двѣ дюжины записокъ, предоставляя ей самой поставить на нихъ числа. Константина смѣется, а это уже первый признакъ согласія. Въ числѣ картинъ живописца, она замѣчаетъ одну, изображающую сраженіе, въ которомъ погибъ ея братъ; за эту картину она готова отдать все на свѣтѣ. — Возьмите ее и живописца въ придачу, отвѣчаетъ Антеноръ. Если пьеса имѣетъ успѣхъ, то вѣроятно оттого только, что актеры. взяли его съ бою.

По кончинѣ Историческаго Театра и закрытіи Театра Сенъ-Мартенскихъ воротъ, этихъ двухъ ревнителей трескучей драмы, намъ рѣже приходится видѣть этотъ родъ произведеній Въ послѣднее время явилось только три новыя драмы, одна на театрѣ Веселости и двѣ въ Амбигю.

Первая называется «*Превращенною крестьянкою*» и принадлежитперу гг. Деннери и Дюмануара. Авторы представляютъ въ ней опасности, которымъ подвергается на каждомъ шагу простодушная крестьянка, пріѣхавшая изъ своей деревушки въ Парижъ, польстившись на разсказы о богатствѣ, роскоши, удовольствіяхъ новаго Вавилона, и воображая, что стоитъ только быть въ Парижѣ, чтобы насладиться всѣми его благами. Изъ этого читатели могутъ уже угадать, какого рода людей и какія мѣста, авторы выводятъ на сцену, и какими назидательными разговорами они угощаютъ слушателей.

«*Марта и Марія*», драма гг. Анисе Буржуа и Мишеля Массона, непосредственно истекаетъ изъ послѣднихъ драмъ Александра Дюма и Поля Фуше. Тутъ поднимается на ноги цѣлый рядъ тайныхъ злодѣйствъ и подлостей, которы внушаютъ одно омерзеніе, и все это сколочено безъ всякаго смыслу, безъ всякой другой цѣли, кромѣ гремучихъ эффектовъ.

Третья драма заимствована изъ знаменитаго романа Бальзака »La peau de chagrin». Г. Жюдисисъ просто разбилъ книгу не дѣйствія, картины и сцены, далъ имъ разговорную форму, и пустилъ на сцену, но не имѣлъ того успѣха, какого, вѣроятно, ожидалъ. Его драма принята очень сухо, не смотря на вліяніе волшебнаго имени Бальзака.

АПОЛИНАРІЙ БОНАВЕНТУРА.

СМѢСЬ.

СОГДЕНСКІЯ СКАЛЫ

и

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА

ВЪ ГОРАХЪ АБХАЗІИ.

При настоящемъ и общемъ вниманіи, обращаемомъ учеными и писателями на Кавказъ и его обитателей, здѣшніе евреи остаются ими совершенно забытыми. Между тѣмъ ихъ жизнь, нравы, обычаи и то положеніе, которое они занимаютъ между горцами, заключаютъ въ себѣ много интереснаго, такъ сильно отличающаго ихъ отъ всѣхъ собратій по вѣрѣ. Число ихъ въ горахъ Кавказа опредѣлить весьма трудно. Извѣстно только то, что самая большая часть населяетъ горы Осетіи, Абхазіи и Тушетіи. Осетинскіе евреи, всѣ безъ исключенія, принадлежатъ къ сектѣ Ури. Они не имѣютъ никакого понятія о Библіи и Талмудѣ и ведутъ жизнь подобную своимъ сосѣдямъ Осетинамъ. Напротивъ того, абхазскіе евреи, принявъ характеръ, нѣкоторые нравы и обычаи горцевъ, рѣзко отличаются отъ туземцевъ и осетинскихъ уристовъ, своими наклонностями, нравственною чистотою, стремленіемъ къ спокойной и осѣдлой жизни. Я намѣренъ говорить здѣсь исключительно объ *еврейской общинѣ*, встрѣченной мною во время плѣна, въ горахъ Абхазіи...

Обращаясь на Востокъ, находимъ одну изъ сектъ еврейской вѣры, которая, повидимому, чрезъ нѣсколько вѣковъ сохранила во всей чистотѣ основу своей религіи. Это — *караиты* или *караимы*. Въ Россіи ихъ

можно встрѣчать частію въ херсонской губерніи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Крыма. За свою промышленость, честность и гостепріимство они уважаются всѣми; одежда ихъ проста и пища умѣренна, наслажденій жизни и удовольствій ищутъ они въ кругу своей семьи. Раввины вообще ненавидятъ ихъ и обвиняютъ въ расколахъ, но все отступленіе караимовъ заключается только въ томъ, что они строго хранятъ законъ древній Еврейскій, отвергая всѣ прибавки и объясненія Талмуда. Будучи строгой нравственности, они допускаютъ разводъ только въ случаѣ уличенія жены, между тѣмъ, какъ по мнѣнію раввиновъ, развестись съ женою зависитъ отъ воли и прихоти мужа. Ихъ ученые законовѣдцы на нравственные тексты говорятъ проповѣди каждую субботу, что раввины исполняютъ только дважды въ годъ.

Есть много сказокъ о происхожденіи караимовъ; достовѣрно, впрочемъ, только то, что они водворились въ Крыму въ концѣ XII столѣтія, гдѣ и получили отъ Хана нѣкоторыя привиллегіи. Они основали тамъ городъ Бахчисарай и крѣпость или замокъ на скалахъ Джуфуръ-Кале, живописнымъ мѣстоположеніемъ котораго плѣняются всѣ путешественники. Здѣсь, на кладбищѣ, видна гробница съ надписью отъ 1258 года. Въ настоящее время въ Бахчисараѣ встрѣчается весьма немного караимовъ; всѣ они почти ремесленики или земледѣльцы. Караимы вообще нрава простаго и тихаго, и строго хранятъ религію предковъ. По замѣчанію одного христіанскаго автора, въ продолженіе 400 лѣтъ не было между ними уголовныхъ преступленій. Они, повидимому, не имѣютъ никакого понятія о софизмахъ, приводимыхъ раввинами въ своихъ спорахъ религіи.

Вольфъ, одинъ изъ лепантскихъ миссіонеровъ, во время своихъ религіозныхъ путешествій узналъ, что колонія караимовъ находится въ степи Гатъ, въ разстояніи трехдневнаго пути отъ Багдада, и посѣтилъ ее. Вотъ что узналъ онъ о происхожденіи этой секты.

Во время плѣненія Вавилонскаго, нѣкоторые евреи, преданные закону Моисея, замѣчая, что братья ихъ измѣнили чистотѣ его примѣсью ложнаго ученія, отдѣлились отъ нихъ и составили секту, которая и получила названіе караимовъ *(раскольниковъ)*. По возвращеніи изъ плѣна, караимы, избѣгая насмѣшекъ, обидъ и притѣсненій отъ своихъ собратій, оставили ихъ и поселились въ степи, гдѣ Вольфъ и встрѣтилъ ихъ потомковъ. Они ведутъ жизнь кочевую; сосѣди отдаютъ имъ справедливость въ чистотѣ нравовъ и опрятности.

Въ послѣднемъ отношеніи тоже самое можно сказать и объ еврейской общинѣ, населяющей вершины абхазскихъ скалъ. Евреи, составляющіе эту общину, считаютъ себя потомками крымскихъ караимовъ, которые переселились въ концѣ XVI столѣтія изъ Крыма въ Фанагорію и разсѣялись въ послѣдствіи между племенами закубанскихъ горцевъ. Трудно указать причину, заставившую крымскихъ караимовъ бросить родину, промѣнять осѣдлую жизнь на жалкое скитальчество между дикарями Кавказа, гдѣ каждое зерно пшеницы, каждый клокъ бараньей шерсти и кусокъ шашлыка надо добывать съ кинжала, по неизмѣнному обычаю и правилу туземцевъ; гдѣ честный трудъ и ре-

месло ничто предъ отчаянною удалью джигита и ремесломъ наѣздника... Дѣятельные, честные, мирные, всегда готовые на услугу, караимы, не могли накликать на себя нелюбовь, ненависть или преслѣдованіе Крымцевъ; напротивъ, какъ я уже сказалъ, самые ханы крымскіе дарили ихъ привиллегіями, поощряя къ труду и ремесламъ, которые приносили, быть-можетъ, огромную пользу странѣ и народу, вѣчно занятому войною и наѣздами, народу, рѣдко бросавшему мечь для сохи... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что переселеніе караимовъ было добровольное... Быть-можетъ эти несчастные выходцы составляли жалкую толпу аргонавтовъ, думавшихъ въ скалахъ и трущобахъ сѣверо-восточнаго Кавказа обрести новую Колхиду и новое неизсѣкаемое руно, думавшихъ продать дикарямъ свои ремесла и знанія на вѣсъ золота ... Въ первое время переселенія караимы были съ восторгомъ встрѣчены Закубанцами. Горцы обняли ихъ, какъ братій. Они видѣли въ нихъ средство сберечь и кровь свою и дѣтей своихъ, которыхъ часто приходилось мѣнять на патронъ пороху или узорчатую насѣчку на кинжалѣ... Закубанцы встрѣтили въ караимахъ опытныхъ оружейниковъ, кузнецовъ, сѣдельниковъ и отличныхъ знатоковъ въ выдѣлкѣ пороху, словомъ все, въ чемъ они такъ нуждались, что составляетъ по роду ихъ жизни важную и необходимую потребность, для чего съ вершинъ далекихъ и неприступныхъ скалъ они должны были спускаться къ мелкимъ бухтамъ и заливамъ Чернаго Моря, гдѣ на свинцовую пулю отцы часто мѣняли дѣтей, а ловкіе хищники— красивыхъ горянокъ. Дробясь семействами, утрачивая свою общую силу и переходя изъ аула въ другой, или углубляясь въ горы, пришлецы скоро и невольно должны были подчиниться прихотямъ и несправедливостямъ горцевъ. Въ горахъ право сильнаго и между туземцами служитъ закономъ, а надъ пришлецами это былъ законъ непреложный. Едва только разъединившіеся караимы оставили плоскость и вступили на скалы, какъ изъ гостей они сдѣлались рабами. Горцы сторожили ихъ въ ущельяхъ, завалахъ и перелѣскахъ, арканили какъ звѣрей, уводя въ страшное и тяжелое рабство. Хищникъ, бросая въ грязную яму свою жертву, не спрашивалъ плѣнника по принятому обычаю : «знаешь ли какое-нибудь ремесло?» онъ говорилъ: «дѣлай!»

Такимъ образомъ жалкіе скитальцы становились мучениками своего ремесла и подъ присмотромъ праздныхъ *феасе* *) или *ансхонкъ* **) проводили дни и ночи въ изнурительной работѣ, удовлетворяя корыстолюбію своего владѣльца. Счастливыми могли назваться тѣ изъ караимовъ, которые попадали въ неволю цѣлыми семьями: плакать и страдать вмѣстѣ еще могло назваться ихъ счастіемъ... Покорные своимъ мучителямъ, они скоро заслужили ихъ довѣренность и хотя оставались въ томъ же грустномъ рабствѣ, но сбросили съ себя цѣпи и недовѣрчивый надзоръ.

---

*) Дѣвушка.

**) Мальчикъ.

Годы бѣжали, минуло почти цѣлое столѣтіе, а участь караимовъ не измѣнялась. Проходя горы и ущелья Абхазіи, трудно было въ то время не встрѣтить при пяти или шести сакляхъ туземцевъ *) одно или два еврейскихъ семейства, которые и здѣсь, вѣрные своей нравственности, находили сладость утѣшенія въ религіи... Но пришло время... и послѣднее, жестокое зло пало тяжелымъ испытаніемъ на головы бѣдныхъ переселенцевъ. Проповѣдь лжепророка Шихъ-Майхура, возмутивъ Чечну, проникла и въ дебри Абхазіи. Когда-то идолопоклонники, когда-то христіане, потомъ магометане, потомъ опять язычники-Абхазы рады были принять всякое красное словцо за истину и завѣтъ... Правда, не столько готовые на принятіе основной религіи, какъ на вражду съ гяуромъ, горцы, еще болѣе подстрекаемые турецкими выходцами, явно преслѣдовавшими переселенцевъ какъ опасныхъ соперниковъ, ослабившихъ ихъ торговлю въ горахъ, обратили первое гоненіе на своихъ благодѣтелей, которые искупили ихъ и руками и трудомъ отъ зависимости жадныхъ турокъ... Гоненія начались со всѣмъ изступленіемъ дикарей, жадныхъ до крови... и въ Абхазіи запылали костры, на которыхъ сжигали мнимыхъ еретиковъ ... Три года страдали караимы подъ пыткою истязаній, на правежѣ изувѣрства и жестокаго фанатизма проповѣдниковъ и посланцевъ Шихъ-Мансура... Наконецъ насталъ часъ ихъ избавленія и торжества!

Имя Іосифа Кадзи евреи абхазской общины чтутъ на ряду съ именами первыхъ своихъ пророковъ. Сынъ кузнеца, ремесломъ и самъ кузнецъ, Іосифъ Кадзи, еще ребенкомъ проданный изъ Абхазіи въ Чечну, тридцать лѣтъ прожилъ въ неволѣ на снѣжныхъ вершинахъ Фартама. Одаренный характеромъ пылкимъ, твердымъ, стоическимъ и предпріимчивымъ, Кадзи, войдя въ полныя лѣта, бросилъ своего владѣльца и бѣжалъ на Балта-Кай. Подъ видомъ чеченскаго кузнеца онъ десять лѣтъ бродилъ здѣсь изъ аула въ аулъ, встрѣчая на каждомъ шагу грустное униженіе и рабство собратій.. Гордая его душа, страдала при каждой изъ этихъ встрѣчъ, и скоро цѣлію его жизни сдѣлалась постоянная мысль и дума объ освобожденіи изъ неволи своихъ собратій по вѣрѣ. Но осторожный и опытный, онъ схоронилъ до времени въ своемъ сердцѣ эту мысль, смиренно закаливая кинжалы горцевъ и усердно полируя винтовочные стволы ихъ. Однажды, въ ненастную осеннюю ночь, во второй годъ появленія въ горахъ Шихъ-Мансура, Кадзи, возвращавшійся съ береговъ Чоры, заблудился въ извилистыхъ тропинкахъ Балта-Кая. Не зная дороги и напуганный близкимъ журчаніемъ потока въ пропасти, еврей рѣшился провести ночь на первой площадкѣ, опасаясь упасть въ кручу. Сбатовавъ измученнаго коня, Кадзи завернулся въ бурку и готовъ былъ уже вздремнуть на мокромъ гранитѣ, какъ чей-то близкій говоръ и легкая струя дыма, донесенные то него вѣтромъ, заставили его оглядѣть окрестность. Осторожно, какъ змѣя, подползъ онъ къ закраинѣ обрыва и заглянулъ

---

*) Горные Абхазы вообще живутъ небольшими аулами и часто самый населенный высчитывается 15 мазанками.

внизъ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ кремнистымъ навѣсомъ скалы въ оврагѣ, Кадзи разглядѣлъ трехъ горцевъ. Разложивъ небольшой огонь, одинъ изъ нихъ приготовлялъ, повидимому, ужинъ, въ то время, какъ его товарищи весело разговаривая, усердно и поочереди прикладывались къ походному бурдюку. «Это не Карачаевцы и не Балтакаевцы,» подумалъ Кадзи. «Враги или друзья?» Холодный дождь и пріятный, соблазнительный запахъ баранины, подымавшійся въ густыхъ клубахъ пара, заставилъ Кадзи измѣнить своей обычной осторожности... Онъ рѣшился скоротать ночь съ незнакомцами и, взявъ въ поводъ коня, спустился въ балку. За нѣсколько шаговъ отъ костра, еврей узналъ въ бродягахъ горскихъ хищниковъ, но было уже поздно — горцы замѣтили его въ свою очередь и голова Кадзи въ тоже мгновеніе попала на прицѣлъ ихъ винтовокъ. Не теряя бодрости, еврей спряталъ въ чахолъ свою винтовку и перекинулъ ее за плечи, дѣлая этимъ знакъ покорности.

— Гибель врагамъ и слава друзьямъ вашимъ, храбрые джигиты! сказалъ онъ, свободно опускаясь на влажную землю подлѣ горцевъ.

— Пріютъ и огонь костра нашего къ услугамъ странника! отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Бурдюкъ съ виномъ и кусокъ дымящейся баранины по поламъ съ пришлецомъ! весело подхватилъ другой.

— Откуда и куда, кунакъ? спросили оба.

— Отъ чорскихъ друзей—въ родную саклю, на вершину Балта-Кая... Ночь темна и ненастна... конь мой усталъ, я тоже; ктому-же оба мы потеряли дорогу — отвѣчалъ Кадзи. Спасибо вамъ за пріютъ и лакомый ужинъ, продолжалъ еврей, протянувъ руку къ котлу, въ кипяткѣ котораго прыгалъ кусокъ баранины. Но едва онъ успѣлъ сдѣлать это движеніе, какъ вспыхнувшій хворостъ освѣтилъ его блѣдное и исхудалое лицо... въ тоже мгновеніе третій горецъ, быстро опустивъ одну руку на кинжалъ, другою схватилъ гостя за полу бурки.

— Еврей!... выходецъ! вскричалъ онъ такимъ голосомъ, который, повидимому, выражалъ не презрѣніе и угрозу, но сильный восторгъ.

— Кладу стволъ моей винтовки между тобою, Аханъ-Ури, и гостемъ, вскричалъ первый горецъ, замѣчая непріязненное движеніе товарища. Оставь его.

— Не закидывай пылью и грязью могилу отцовъ-джигитовъ, не накликай позора на наши головы, обижая гостя и странника, — сказалъ другой.

— Пхе! Гость у меня въ саклѣ! А на распутьи я голодный шакалъ и кидаю на вѣтеръ вмѣстѣ съ выстрѣломъ завѣты отцовъ моихъ!... Добывая пріютъ съ ножа, кровью и жизнью — я не могу дѣлиться имъ въ полѣ также радушно, какъ дымомъ моей сакли въ родномъ аулѣ, — отвѣчалъ Аханъ-Ури. Пусть, пожалуй, продолжалъ онъ, Кадзи будетъ вашимъ гостемъ, но съ этой минуты — онъ *ясырь* мой!...

— Кадзи! вскричали хищники — Кадзи—Балтакайскій кузнецъ! И въ туже минуту, — конь, кинжалъ и винтовка еврея перешли въ распоряженіе гостепріимныхъ наѣздниковъ.

— Не сердись, кунакъ, *ипташи* Кадзи, весело продолжалъ Аханъ-

Ури, обобравъ своего гостя: человѣкъ-то ты намъ очень нужный, у насъ въ урупчайскихъ ледникахъ только тебя и недоставало... ты насъ научишь закаливать сталь и ковать прочные нагрудники

Во всю послѣднюю сцену Кадзи ни сдѣлалъ ни одного движенія въ свою защиту. Онъ, повидимому, ни сколько не былъ встревоженъ такимъ привѣтомъ и неожиданнымъ превращеніемъ изъ свободнаго ремесленника въ раба горскаго хищника. Лицо его выражало тоже спокойствіе и туже ласковую улыбку, какъ и въ первую минуту свиданія съ недругами.

— Мнѣ все равно, гдѣ ни жить, кунакъ, отвѣчалъ онъ хладнокровно, выкинувъ изъ котла на бурку кусокъ горячей баранины. Еврей говорилъ правду: рабство и разлука съ женою и дѣтьми, которыхъ онъ уже давно поручилъ попеченіямъ брата, его не пугали. Въ послѣдніе годы онъ обрекъ себя на скитальчество въ горахъ, съ цѣлію, которой достиженіе выкупала общую неволю и рабство всѣхъ его кровныхъ. Кадзи вѣрилъ въ Провидѣніе, считая себя Его избранникомъ для спасенія друзей и кровныхъ, и каждую неудачу на пути своемъ онъ считалъ испытаніемъ, посылаемымъ ему Свыше, и каждое испытаніе называлъ новымъ и вѣрнымъ шагомъ къ цѣли своей дѣятельности и жизни. Вотъ почему онъ былъ такъ равнодушенъ къ своимъ несчастіямъ. Покорность еврея скоро расположила въ его пользу горцевъ. На разсвѣтѣ, когда хищники стали подниматься на скалы, глядя на нихъ, можно было подумать, что Кадзи ни больше, ни меньше, какъ общій *молочный* братъ ихъ. Вооруженіе и конь были возвращены ему — и въ мѣстахъ трудной переправы горцы наперерывъ бросались взять поводъ коня Кадзи, чтобы провести его чрезъ бурный потокъ или по узкой тропѣ, проторенной на закраинѣ бездны. На третій день быстраго и утомительнаго перехода въ скалахъ хищники достигли снѣжныхъ лавинъ урупчайской возвышенности — и своего бѣднаго селенія. Въ эти три дня Аханъ-Ури такъ полюбилъ Кадзи и такъ сдружился съ нимъ, что тотчасъ-же предложилъ пріятелямъ оцѣнить еврея и выплатилъ имъ доли ихъ парою барановъ и двумя винтовками. Въ нѣсколько сутокъ Кадзи при помощи Ахань-Ури и его пріятелей смазалъ изъ кремня и грязи кузницу, завербовалъ до десятка учениковъ и принялся за работу...

Осень и зима — время тоски и бездѣйствія для горца. Дожди и потоки, размывая едва замѣтныя тропинки скалъ, снѣжные обвалы и жалкіе лохмотья, худо согрѣвающіе тѣло наѣздника — совершенно лишаютъ его возможности оставить родной очагъ и попытать счастья и добычи на распутьи Въ это грустное время хищникъ прячется въ свою грязную берлогу — и наслаждается только семейною жизнію, т. е. бьетъ жену, холитъ коня, раздавая щедрою рукою щелчки своему неумытому потомству, которое въ числѣ пяти или шести ребятишекъ кувыркается съ утра до поздняго вечера на сальномъ войлокѣ, или, изучая правила джигитства, очищаетъ карманы у зазѣвавшихся куначовъ. Горецъ привыкъ къ лишеніямъ, къ безпрестанной борьбѣ съ опасностями, онъ вскормленъ ими, они цѣль его жизни, отрада, сред-

ства и утѣшеніе — и потому въ тѣ минуты, когда природа и нищета захлопнутъ дверь его сакли, за которою онъ дрожитъ отъ стужи, чуть не плавая въ потокахъ дождя, наводнившихъ грязную саклю — онъ ищетъ наслажденій и душевнаго отдыха въ воспоминаніяхъ объ этихъ страшныхъ очарованіяхъ своей жизни... Влажный хворостъ, шипя какъ сотня змѣй — курится на очагѣ, какъ сопка, бросая крастоватый отблескъ на черныя стѣны сакли... дымъ гуляетъ въ ней цѣлымъ облакомъ, медленно вырываясь въ рѣшетчатое окно или въ отверстіе, прорѣзанное надъ очагомъ, а закоптѣлые джигиты, сжавшись въ тѣсный кружокъ, коротаютъ ненастную ночь бойкимъ разсказомъ про свою удаль, или гадаютъ о будущихъ подвигахъ... Въ ту зиму, когда Кадзи началъ свои работы у Урупчаевцевъ — всѣ горскіе врали и хвастуны были лишены чести и удовольствія потѣшать почтенное общество оборванныхъ витязей разсказами; Кадзи одинъ — и со славою замѣнилъ ихъ всѣхъ. Еврей испыталъ и выстрадалъ весьма много; одной тридцатилѣтней жизни между независимыми Чеченцами, славными разбойниками и головорѣзами, было довольно для того, чтобы говорить безъ умолку цѣлую зиму о лихихъ наѣздахъ и ловкихъ грабежахъ. Ктому же Кадзи обладалъ въ высшей степени искуствомъ горскаго *масальджи*, и въ то время, какъ искры брызгали дождемъ изъ-подъ его молота, — онъ не уставалъ переходить отъ исторіи къ другой, собирая вокругъ себя толпу любопытныхъ, которая росла съ каждымъ днемъ... и наконецъ кузница еврея сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ всего аула. Это еще болѣе расположило горцевъ въ пользу Кадзи. Они стали на него смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на человѣка, извѣдавшаго тысячи золъ и столько же бѣдъ, а такая репутація въ глазахъ хищника есть очень важный документъ на право хозяина чужой головы. Въ самомъ дѣлѣ, съ наступленіемъ весны, отдѣльныя партіи хищниковъ,— прежде чѣмъ оставили свои норы, бросились за совѣтомъ къ Кадзи, прося его указать, гдѣ и какъ пробираются къ Анапѣ богатыя караваны турецкихъ промышленниковъ. Еврей удовлетворилъ всѣхъ — и въ концѣ Апрѣля самъ отправился на поискъ съ другомъ своимъ Аханъ-Ури... Послѣдній съ четырьмя наемными молодцами отдался совершенно въ распоряженіе своего ясыря... Кадзи владѣлъ отличнымъ чутьемъ наѣзднка: по слѣду коня, по оброненному ремешку — онъ узнавалъ тропинку, по которой прошла арба промышленика. Въ первый же день похода еврей обратилъ вниманіе своихъ спутниковъ на двѣ вызженныя лужайки въ балкѣ и на изрытую площадку земли, гдѣ по его мнѣнію непремѣнно помѣщалась палатка турецкаго купца.. Хищники мелкой рысью пустились берегомъ Урупа и къ ночи дѣйствительно настигли небольшой караванъ... Первый встрѣченный товаръ заключался въ шести хорошенкихъ горянкахъ, а потому хищники, предпочитающіе золото красотѣ, удовольствовались только нѣсколькими горстями абазовъ: — маленькою контрибуціею, взятою съ хозяина двухъ арбъ за удовольствіе безпрепятственнаго слѣдованія до новой встрѣчи съ такими же представителями горской честности, какъ Аханъ-Ури. Усыпивъ на время алчность своего пріятеля, Кадзи обратился

къ своимъ планамъ. Подъ видомъ новыхъ розысковъ, еврей, миновавъ нѣсколько ауловъ верхней Абхазіи, въ которыхъ страданія его единовѣрцевъ еще болѣе подстрекнули его дѣятельность — пустился въ горы... Страшными и непроходимыми трущобами велъ Кадзи свою партію. Хищники, закаленныя въ трудахъ и тяжкихъ походахъ, теряли свое мужество и храбрость, слѣдуя за евреемъ.. Казалось, ни одна нога человѣческая не оставила слѣда на этихъ снѣгахъ горъ, въ ущельяхъ которыхъ Кадзи пробирался какъ бывалый... — Куда ты ведешь насъ? — спрашивалъ Аханъ-Ури, теряя и бодрость и терпѣніе. — А, вотъ, еще день, — отвѣчалъ хладнокровный проводникъ — и мы перевалимъ на арбенную дорогу, гдѣ купцовъ, какъ шаман въ Рижцѣ... (*) Наконецъ открылась вершина Согдена — цѣль всѣхъ думъ, трудовъ и походовъ Кадзи... Гикомъ восторга и удивленія привѣтствовали хищники мрачную и неприступную мѣсность Согдена. Да, сказалъ Кадзи, когда утомленные и измученные горцы расположились на отдыхъ, меня не обманули! мѣсто это въ самомъ дѣлѣ сокровище Абхазіи ... и здѣсь съ сотнею молодцевъ — я заговорилъ бы всѣ кинжалы и винтовки окружныхъ Абазеховъ. — Правда! Правда! подхватили хищники, вопросительно переглянувшись; казалось, каждый изъ нихъ готовъ былъ въ тý же минуту осуществить эту мысль. — Два, три набѣга на сосѣдей и потомъ, продолжалъ Кадзи, только катайся на коврѣ, обнявшись съ бурдюкомъ, всѣ бы принесли сюда: и медъ и кукурузу — не тронь только!... Пхе! Сколько догадокъ подъ этой шапкою, прошепталъ Аханъ-Ури, устремивъ одобрительный взглядъ на еврея... За твою голову, продолжалъ онъ восторженно и прищелкнувъ по рукояткѣ кинжала, — я бы *нагатишъ* Кадзи (братъ Кадзи) — выворотилъ всѣ карманы на бугуркальскомъ базарѣ... — Ну... за то я твою куплю дешевле, подумалъ еврей... Въ эту же ночь и на этомъ же привалѣ хищники рѣшили основать аулъ въ Согденскихъ трущобахъ. — Едва только первыя лучи солнца разсыпались яркими блестками на дѣвственныхъ снѣгахъ Согдена, какъ наши путники уже оставили ночлегъ... Теперь спускъ съ вершины хотя былъ вдвое труднѣе и опаснѣе чемъ подъемъ, — но здѣсь робость и отчаяніе искателей приключеній невольно изчезла при взглядѣ на волшебную и грозную природу... Казалось, это былъ пріютъ, готовый усладить самыя взыскательныя и прихотливыя требованія человѣка... декорація мѣстности могла сравниться съ тѣми несбыточными и волшебными картинами, какія только можетъ породить воображеніе китайца, заснувшаго отъ пріема обаятельнаго опіума. Вершина скалъ, опушенная снѣгомъ, съ ужасающими безднами, чрезъ которыя перекидывались живые снѣжные мостики, скованные обледенелою корою; черныя и мрачныя разсѣлины, на кремнистыхъ ребрахъ которыхъ, въ замерзшихъ капляхъ снѣга, тысячью огней переливались лучи утренняго солнца, едва коснувшагося угрюмой вершины Согдена, —

---

*) Небольшое озеро верхней Абхазіи въ землѣ *Ашхоадзевъ*.

и кругомъ ни слѣда жизни, ни травки, ни деревца... все это рисовало такую мрачную и величественную картину, что даже хитрецъ Аханъ-Ури не могъ не прошептать съ благоговѣніемъ молитву: о Аллахъ! если мы первые видимъ это мѣсто, гдѣ ты спряталъ твои дожди, вѣтры и громы—то не отнимай у насъ недостойныхъ глазъ нашихъ!... При спускѣ съ крутизны природа мало-по-малу измѣнялась и представляла новыя очарованія... блѣдная зелень, влажный мохъ, вызолоченный желтизною и ползущій мозжевельникъ унизывали пестрымъ бархатомъ площадки, повизшія надъ безднами, и окаймляли узкія и темныя ущелья, задвинутыя вверху кремнемъ... направо раскидывался, повидимому, непроходимый, безконечный сосновый боръ, отрѣзанный отъ западныхъ скалъ быстрымъ потокомъ, который, какъ зверь, крутясь и прыгая, падалъ широкою лентою въ балку... Балка эта рисовала всю роскошь, всю прелесть природы, которою такъ богаты плоскости Абхазіи... Сжатая двумя рукавами Макеры и задвинутая съ сѣвера горами — плоскость представляла все могущество, всѣ сокровища растительности юга... Слѣва открывались раздольныя луга; справа молодой самшитъ, перевитый гибкими лозами дикаго винограда. Тамъ-и-сямъ вытягивались стройныя тополи, отъ которыхъ отдѣляясь темною зеленью цвѣли яблони и черешня ... Спустившись въ балку, Кадзи, можно сказать, обычнымъ чутьемъ отыскалъ бродъ на правомъ рукавѣ Макеры и къ полдню вывелъ товарищей на арбенную дорогу ... Зной былъ не стерпимъ, ктому же трудность пути, вынесенная конями нашихъ странниковъ, — всё располагало послѣднихъ искать пріюта и отдыха, какъ вдругъ отдаленный выстрѣлъ, потомъ нѣсколько горцевъ, промчавшихся вихремъ чрезъ поляну и наконецъ частая перестрѣлка остановили вниманіе Урупчаевцевъ.

— Что бы это значило? спросилъ Аханъ-Ури, не спуская внимательныхъ глазъ съ ущелья, въ которомъ скрывались наѣздники.

— То, — отвѣчалъ догадливый Кадзи, что горные коршуны прежде насъ свили гнѣзда въ этихъ скалахъ и высторожили добычу... Постой! Слышишь — эти звонкіе удары выстрѣловъ... это длинное дуло турецкихъ ружей... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что купцы отстаиваютъ свинцомъ свое серебро.

— Если считать пули, замѣтилъ одинъ изъ наѣзднивовъ — то свалка должна быть славная.

— Въ ней вѣрно еозіо (двадцать) головъ есть на прицѣлѣ! подхватилъ другой .

— Что жъ — гикнемъ, Кадзи? сказалъ Аханъ-Ури, разгорячая своего бѣгуна крутыми поворотами... Перестрѣлка въ разгарѣ: работы будетъ и нашимъ рукамъ, и хоть въ дѣло поспѣемъ послѣдними, за то въ дѣлежѣ будемъ первыми.

— Гикнемъ — Ахалъ-Ури: шестью шашками можно много начеканить золота!... Гай-да!

Горцы гикнули... кинжалъ въ зубы, винтовку изъ чахла... и быстрѣе вѣтра, обгоняя другъ друга, понеслись къ ущелью Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ тѣснины, при спускѣ съ косогора, человѣкъ пять турокъ и

столько же шапсуговъ — проводниковъ, отстрѣливались, укрѣпившись за арбами, отъ семи горскихъ хищниковъ ... Видно было, что удача оставила послѣднихъ: почти всѣ они были ранены и, укрываясь за камнями, мѣняли пулю на пулю; только двое изъ нихъ, обнаживъ шашки, успѣли вспрыгнуть на арбу. Прибытіе Аханъ-Ури съ пріятелями произвело общее замѣшательство между обоими сторонами ... ни турки, ни хищники не знали, кому изъ нихъ достанется быть на прицѣлѣ этихъ шести винтовокъ...

Аханъ-Ури рѣшилъ загадку.

— *Гай-да уррысыны-эх-коо-угурь-еакка*! (Бей въ сердце бритоголовыхъ!) вскричалъ онъ ... Пули свиснули, и бодрые Урупчаевцы, спѣшившись, бросились на арбы.

— Гай-да уррысыны! отвѣчали хищники, быстро повторяя маневръ подкрѣпленія.

Натискъ былъ силенъ ... Кинжалъ, шашки, ногти и зубы — всё пошло въ работу ... Только одни отчаянныя шапсуги отстаивали грузныя арбы, — турки давно уже забились между колесъ подъ телегами...

— Сдайся! брось шашку! кричалъ Аханъ-Ури, размахивая направо и налѣво кинжаломъ, въ то время, какъ жадныя пріятели, оставивъ шапсуговъ, выгружали телеги ...

— Впередъ! Бей разбойниковъ! ... отвѣчалъ рослый шапсугъ, окруженный тремя безстрашными и, повидимому, невредимыми товарищами, словно заговоренными отъ стали и свинца.

— Сюда! всѣ сюда! Втопчемъ ихъ въ кремень и свинцомъ забьемъ скважины! кричалъ ожесточенный Аханъ-Ури.

— Неуспѣешь, стѣпной волкъ! ... Ступай въ джеххенемъ; тамъ шайтаны изъ тебя гяурамъ подковъ надѣлаютъ! — Съ этими словами рослый шапсугъ, заслоненный товарищами отъ вражескихъ ударовъ, нагнулся въ арбу, вытащилъ боченокъ пороху, однимъ ударомъ кинжала выколотилъ изъ него дно — и брякнулъ куркомъ пистолета надъ отверстіемъ ... Борьба происходила не болѣе какъ на трехъ квадратныхъ саженяхъ ... и потому въ тотъ же моментъ — люди, лошади, арбы, тряпки, щепки, кольчуги и шашки — все взвилось на воздухъ при оглушительномъ стонѣ окрестности ... Когда черное облако пороховаго дыма, разорваннаго воздухомъ, разбѣжалось на скалы, когда смолкло горное эхо, повторившее въ звучныхъ раскатахъ взрывъ и дробное паденіе разорванныхъ тѣлъ, камней и кремней, то мѣсто, которое за нѣсколько минутъ представляло столько жизни, столько предметовъ, — теперь было совершенно пустынно и безмолвно... Только три раздавленные трупа, въ которыхъ еще можно было признать турецкихъ купцовъ — да пять или шесть разбросанныхъ поодаль винтовокъ свидѣтельствовали о минувшей борьбѣ ... И созерцателемъ этой печальной картины оставался одинъ Кадзи ... Смерть обошла его... Оглушенный взрывомъ арбъ и ударомъ какого-то осколка въ голову, еврей стоялъ нѣсколько минутъ безъ мысли и движенія, какъ вдругъ знакомый окликъ: «Кадзи, ты — живъ?» заставилъ его очнуться. Еврей поднялъ

голову и къ немалой своей досадѣ встрѣтилъ Ханъ-Ури, оставшагося также невредимымъ...

— Проклятый шапсугъ, сказалъ хищникъ, придумалъ умную штуку ... взгляни-ко!.. и Ханъ-Ури приподнялъ съ головы лоскутъ сукна, замѣнившій ему шапку ... гляди-ко, волосъ какъ не бывало!.. Однако, надо признаться, — меня швырнуло порядочно — и, хватись я головой — ты бы, другъ Кадзи, видѣлъ теперь только одни мои ноги; къ счастію я упалъ бокомъ — и кажется сломалъ только одно ребро ... Ну ... гдѣ же наши? ... неужели ихъ всѣхъ закинуло на солнце?.. А . . вотъ Байра!.. Въ самомъ дѣлѣ, избитый и изуродованный Байра подошелъ къ намъ.

— Вѣрно ужъ больше никого недокличешься? сказалъ Ханъ-Ури, грустно оглядѣвъ окрестность... И конь только одинъ... Плохо! Впрочемъ всё-таки не мѣшаетъ выворотить карманы у этихъ храбрыхъ джигитовъ, которые, какъ кажется, задохнулись отъ излишней отваги и мужества. Съ этими словами хищникъ принялся раздѣвать трупы купцовъ, выгружая карманы изъ ихъ шалваровъ ... Жатва была обильная ... При каждомъ брызгѣ золотыхъ монетъ, при каждомъ мѣшкѣ, полномъ золота, которое въ то же мгновеніе изчезало въ черкескѣ Ханъ-Ури, глаза Кадзи сверкали какъ угли и дрожавшая рука его не разъ судорожно искала рукоять кинжала ... Ну, довольно! Пхе! ... кажется всё? внимательно прошепталъ хищникъ ... Куда же мы теперь, ипташи Кадзи? ласково спросилъ онъ, обращаясь въ еврею.

— Домой, отвѣчалъ послѣдній, — мы избиты, измучены — и съ добычей. .

— Гм ... Да! ... Ну и опять черезъ эти скалы?

— Опять, тутъ ближе путь! отвѣчалъ еврей — подаривъ Ханъ-Ури такимъ взглядомъ, что послѣдній не поскупился бы посадить ему пулю въ затылокъ, если бы подмѣтилъ этотъ взглядъ: столько было въ немъ вражды, непріязни и злыхъ обѣтовъ...

Снова перейдя вбродъ рукавъ Макеры, хищники поднялись на средину согденскихъ скалъ и расположились здѣсь на ночлегъ. Измученный и избитый Байра, не смотря на боль и воспаленіе ранъ, захрапѣлъ первый, за нимъ Ханъ-Ури, убаюканный мечтами о будущихъ табунахъ коней и цѣлыхъ тысячахъ барановъ, которые прятались теперь у него за пазухой въ видѣ золотыхъ *тумановъ* и *буджаловъ*. Не спалъ одинъ Кадзи ... Страшныя мысли роились въ головѣ его. Теперь онъ почти достигъ своей цѣли ... Мѣсто, куда бы онъ могъ созвать своихъ страдальцевъ-братій, гдѣ бы они смѣло могли отстаивать свою свободу — такое мѣсто найдено ... Деньги, необходимыя для начала предпріятія, цѣлыми горстями спрятаны на груди врага его, Ханъ-Ури ... стоитъ только кинжаломъ разработать эту золотую руду — и тысячи единовѣрцевъ побѣгутъ по слѣдамъ Кадзи къ своему спасенію ... Тревожнымъ взглядомъ окинулъ еврей мрачную окрестность ... все безмолствовало ... ни одного видѣнія непредставлялось его тревожной совѣсти и только кипящій клубомъ потокъ въ пропасти, да отдаленный вскрикъ совы въ мрачномъ борѣ разрушали спокойствіе ночи ... При-

таивъ дыханіе, Кадзи на локтяхъ подползъ къ Аханъ-Ури ... прислушался ... заглянулъ въ лицо — спитъ! .. Но, съумѣю ли я однимъ ударомъ перерѣзать вздохъ въ этой груди? подумалъ Кадзи ... перерѣзать такъ, чтобы ни одинъ звукъ не сползъ съ языка его ... Нѣтъ! ... лучше, прежде — Байру ... днемъ раньше ... ему всё равно; ктому же онъ спитъ на краю пропасти ... толчекъ ... и я одинъ-на-одинъ съ золотомъ— и Аханъ-Ури! .. Также какъ и прежде, на локтяхъ и груди, Кадзи змѣею подползъ къ сонному горцу ... оглянулся на спящаго Аханъ-Ури, согнулся, вытянувъ впередъ голову и сохраняя упоръ тѣла въ гранитъ — сильною рукою мѣтнулъ впередъ несчастнаго Байру ... Бурка чернымъ крыломъ заполоскалась надъ пропастью ... раздался вопль ... потомъ дробное паденіе земли и кремня. и слышно было, какъ разбитое тѣло горца, катясь по обрывамъ, то задерживалось на мгновеніе ... то съ новою силою стремилось впередъ и — упало въ потокъ на дно бѣздны. Руки Кадзи дрожали; измученный душевнымъ волненіемъ, онъ прилегъ на землю ... но предсмертный стонъ товарища не пролетѣлъ мимо чуткаго и тревожнаго уха Аханъ-Ури; какъ раненный тигръ вспрыгнулъ онъ на буркѣ.

— Кто стонетъ? вскричалъ онъ.

При этомъ вопросѣ вся бодрость и рѣшимость вернулась къ еврею...

— Байра упалъ въ пропасть, Аханъ-Ури! отвѣчалъ Кадзи, — быстро обнаживъ кинжалъ и въ одинъ прыжокъ настигая врага своего.— Одною рукою онъ ухватилъ воротъ черкески хищника, другою занесъ кинжалъ надъ его головою ... Ловкою и сильною рукою Аханъ-Ури вышибъ кинжалъ изъ рукъ Кадзи ... Враги съ проклятіемъ обвились руками, — закрутились направо, налѣво — и грянулись на землю, повиснувъ на краю обрыва...

— Пусти! прошепталъ Аханъ-Ури ... Честное слово джигита — половина тумановъ твоя!..

— Всё и съ твоею жизнію!..

— Такъ вмѣстѣ, подлый жидъ!.. Будь ты проклятъ!.. И ожесточенные враги, обнявшись, ринулись съ крутизны... На половинѣ полета, бурка, плотно застегнутая у шеи Кадзи, зацѣпилась за кремень стремнины ... Оба тѣла, задержанные въ быстромъ полетѣ, дрогнули и замотались надъ балкой... Еврей не потерялся: — отчаяннымъ движеніемъ онъ сбросилъ съ себя врага, и въ то время, какъ тотъ катился внизъ, Кадзи, какъ змѣя свернувшись на воздухѣ въ узелъ, судорожно впился ногами и руками въ спасительную глыбу кремня...

Солнце и утро застали еврея на мѣстѣ его ночныхъ подвиговъ. Не рискуя въ темнотѣ сдѣлать даже и малѣйшаго движенія, Кадзи окостенѣвшими руками, почти вися на воздухѣ — продержался до разсвѣта на выдавшейся глыбѣ кремней. Теперь первымъ его дѣломъ было вскарабкаться на первую площадку и потомъ заглянуть внизъ ... Стремнина подымалась съ балки перпендикулярною стѣною, изрытою, пещерами и трещинами; — всѣ предметы, расположенныя у ея подошвы, открывались совершенно взгляду наблюдателя. Этого-то и желалъ Кадзи. Внимательно преслѣдуя каждый предметъ, еврей остановился на-

конецъ на черномъ тѣлѣ, казавшемся сверху неболѣе мухи ... вглядываясь пристальнѣе онъ узналъ въ немъ трупъ Аханъ–Ури, упавшій въ мозжевельникъ при опушкѣ саммитовой рощи ... Однако спуститься прямо къ цѣли всѣхъ своихъ трудовъ и подвиговъ еврей неимѣлъ ни какой возможности, его опытный и зоркій глазъ не могъ найти ни одной удобной тропинки къ сходу внизъ ... Нужно было снова подняться на скалы, потомъ спуститься на сѣверный склонъ ихъ и, обойдя нѣсколько подошву, искать ущелья или трещины, которыя бы вывели его на южную сторону Согдена, гдѣ лежалъ золотой трупъ Аханъ-Ури ... Подняться на скалы для Кадзи предстоялъ трудъ весьма важный и опасный, однако спустя полчаса, послѣ неимовѣрныхъ усилій, еврей выбрался на вершину Согдена и, забывая голодъ и усталость, отыскалъ коня, прыгнулъ въ сѣдло и бросился внизъ по тропинкѣ ... Чѣмъ далѣе подавался онъ впередъ, тѣмъ всё болѣе и болѣе съуживалась тропинка и наконецъ изчезла она на закраинѣ обрыва. Привычный къ бѣдамъ и препятствіямъ, еврей не отчаявался; онъ рѣшился бросить коня и снова, довѣряя крѣпости рукъ и ногъ своихъ, сталъ спускаться внизъ по крутизнамъ и обрывамъ, обходя трещины и глубокіе овраги... Смеркалось, когда Кадзи успѣлъ выйти на арбенную дорогу и, пробѣжавъ нѣсколько верстъ, встрѣтить трещину въ сплошной массѣ скалъ. По всѣмъ соображеніямъ и расчетамъ нашего героя, трещина должна была вывести его къ южнымъ гранямъ горы. Ободренный близкимъ окончаніемъ похода, Кадзи собралъ все свое мужество и, привычную твердость ... Казалось, путь, который предстоялъ ему теперь, не видалъ на себѣ никогда слѣда звѣря или человѣка ... Глубокій снѣгъ, павшій въ трещины и задвинутый ребрами скалъ, сохранялъ всю свою дѣвственную бѣлизну, лишенный солнечнаго луча ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣлись огромные и страшные провалы, образовавшіеся отъ паденія съ горы кремней и плитъ ... Мракъ и грустное молчаніе царствовали въ этомъ проходѣ, когда безстрашный Кадзи вступилъ въ него, ощупывая прикладомъ винтовки каждый шагъ свой ... Время летѣло быстро; пробираясь, гдѣ ползкомъ, гдѣ, повозможности, ускоряя шагъ, еврей съ ужасомъ видѣлъ, какъ выходное отверстіе мало-по-мало рѣдѣло, стоновилось всё менѣе замѣтнымъ и наконецъ исчезло въ мракѣ наступившей ночи ... Кадзи оглянулся назадъ: всходъ также изчезъ за нимъ. Изнемогая отъ голоду, холоду, усталости и душевнаго волненія, путникъ осторожно опустился на снѣгъ, оторвалъ воротъ своей рубахи и раздѣливъ его кинжаломъ на нѣсколько нитей, при помощи пороховой мякоти сдѣлалъ изъ нихъ факелъ, съ которымъ и рѣшился продолжать путь ... Скоро отдаленный вой шакаловъ ободрилъ еврея: не было ни какого сомнѣнья, что какъ выходъ, такъ и трупъ Аханъ–Ури недалеко ... Въ самомъ дѣлѣ, спустя минутъ десять холодный вѣтеръ пахнулъ въ лицо Кадзи, донеся до него отрадный и живительный воздухъ балки ... Почти съ воплемъ восторга еврей кинулся внизъ по отлогому выходу изъ тѣснины ... Прислушиваясь къ вою шакаловъ, вѣроятно дѣлившихъ трупъ Аханъ-Ури, Кадзи опредѣлилъ могилу врага, до которой, повидимому, оставалось нѣсколько

шаговъ ... Хотя и сквозь мрака ночи, но — зоркій глазъ еврея успѣлъ разлядѣть предметы, замѣченные имъ еще утромъ съ вершины скалъ ... Густая самшитовая роща, перемѣшанная съ мелкимъ дубомъ, волнуясь общей массой подъ вѣтромъ, рѣзко отдѣлялась на черномъ фонѣ ночнаго воздуха; передъ нею, какъ черный пушистый коверъ — выстилался мозжевельникъ, взбѣгая на мрачную стремнину... Держась тропинки у основанія этой стремнины, Кадзи съ величайшею осторожностію подавался впередъ, какъ вдругъ вой шакаловъ, указывавшій ему до-сихъ-поръ путь, смолкъ, покрытый громкимъ и протяжнымъ ревомъ звѣря, болѣе сильнаго и опаснаго; и въ тоже время испуганная стая шакаловъ съ визгомъ промчалась у ногъ путника ... Послѣдній не остановился ни на минуту ... Напротивъ, опустивъ еще пулю въ дуло винтовки и изготовивъ кинжалъ, онъ прибавилъ шагу, уже не обращая вниманія на колючій терновникъ, рвавшій клочьями его одежду ... Если это медвѣдь, думалъ Кадзи, то еще нѣсколько минутъ и онъ унесетъ мою добычу въ рощу ... Новый ревъ звѣря, болѣе свирѣпый и протяжный, на который отвѣчалъ пронзительный вой волковъ, огласивъ пустынную окрестность, остановилъ на минуту еврея ... Ага! сказалъ онъ, волки вѣрно также хорошо чуютъ золото, какъ и я ... по всему видно, что они не шакалы и, какъ кажется, уступятъ мясо Ханъ-Ури только съ бою ... Впередъ Кадзи!.. Гибель — или конецъ всѣмъ пыткамъ!.. Но еврей еще не успѣлъ двинуться съ мѣста, какъ вражда за золотой трупъ хищника началась со всѣмъ ожесточеніемъ между голодными звѣрями... Глухое рычаніе, переходившее въ протяжный вопль, смѣшанное съ ворчаніемъ озлобленныхъ волковъ подобнымъ вою цѣлой стаи собакъ, шумъ, трескъ сухаго мозжевельника и наконецъ паденіе нѣсколькихъ тяжелыхъ тѣлъ — всё это навело минутный ужасъ на безстрашнаго еврея, тѣмъ болѣе, что борьба происходила неболѣе какъ въ десяти отъ него саженяхъ... Вдругъ зарокоталъ справо выстрѣлъ, потомъ другой ... При свѣтѣ сверкнувшаго огня на полкахъ винтовокъ Кадзи успѣлъ разглядѣть двухъ горцевъ, бросившихся на огромнаго медвѣдя...

— Лѣвѣе ... Смѣлѣе Акчай!.. Принимай его на кинжалъ — кричалъ одинъ.

— Я въ лапахъ — Учибъ-Гай!... бери его ... въ припоръ ... Ухъ... рветъ... Плечо... Умираю!...

— Прочь!.. Долой съ прицѣла! Бью! вскричалъ Кадзи, въ одинъ прыжокъ достигнувъ медвѣдя ... Въ тотъ же моментъ свистнули двѣ пули, ударясь о черепъ звѣря.

— Славно, таварищъ, отозвался Учибъ-Гай, высвобождая изъ лапъ, убитаго медвѣдя своего полумертваго товарища ... Откуда подоспѣлъ?.. Словно съ мѣсяца свалился!..

Кадзи ненадо было много думать, чтобы узнать въ своихъ новыхъ знакомцахъ горскихъ охотниковъ.

— Также, какъ и вы, кунакъ, отвѣчалъ еврей — охотился въ здѣшнихъ трущобахъ съ моимъ молочнымъ братомъ, да вотъ, сегодня шайтанъ на разсвѣтѣ подставилъ ему ногу ...

— Пхе!.. ну — и?...

— Ну, и швырнулъ его со скалъ въ кручу; отыскивая его трупъ, отъ котораго хоть руку надо привести въ аулъ, я и набрелъ на васъ...

— А мы, такъ вотъ три дня сряду слѣдили этого силача ... Пхе! .. не прилгавши можно сказать, что гнали его верстъ тридцать, наконецъ попался ... Зажигай, кунакъ, костеръ: — у насъ есть славный ужинъ... Ты вотъ сыщешь объѣдки твоего молочнаго брата, а я перевяжу пока рану Акчая.

Костеръ запылалъ въ минуту, разогнавъ далеко голодныхъ волковъ и шакаловъ. — Охотникъ, занятый реченнымъ товарищемъ, не обращалъ вниманія на поиски Кадзи, который въ четверть часа успѣлъ обобрать карманы Ахань-Ури, обезображеннаго шакалами — и воротился къ костру съ его ухомъ...

Проведя ночь въ балкѣ, Кадзи купилъ у охотниковъ коня и, полный отрадныхъ надеждъ въ будущемъ, выбрался на горныя тропинки, спустившись на югъ Абхазіи лѣвымъ берегомъ *Агура* (*) Перейдя вбродъ, согнутое у Дзыбна колѣно Бзыби, сжатое въ тѣснинѣ, Кадзи здѣсь же, въ аулѣ, встрѣтилъ своего одноаульца, стараго еврея — Саки. Послѣдній, одобривъ планъ товарища, на другой день отослалъ свое семейство съ двумя другими въ неприступныя скалы Согдена и съ восемью удальцами отправился впередъ выручать кровныхъ. Нашимъ героямъ необходимо было добраться только до самого населеннаго евреями Абхазскаго аула Геймаза, расположеннаго при рѣкѣ того же имени. На четвертый день пути евреи были уже въ немъ, встрѣтивъ тамъ страшную картину униженія и гибели собратій ... По слову Кадзи и Саки, угнетенные евреи взялись за оружіе, перерѣзали притѣснителей и ушли вслѣдъ за семействомъ Саки. Такъ, въ пять мѣсяцевъ, Кадзи успѣлъ переселить на Согденъ нѣсколько тысячъ страдавшихъ до того караимовъ ... Жену и брата онъ не нашелъ на Балта-Каѣ: они были сожжены изувѣрами; осталась одна дочь, которая, будучи перепродана въ горы, уже спустя годъ, успѣла бѣжать къ отцу въ его неприступное и безопасное убѣжище. Поклявшись вѣчною враждою къ врагамъ своимъ, Кадзи съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ и умѣньемъ привелъ въ два года къ окончанію планъ свой, возстановилъ удивительный порядокъ между переселенцами, подаривъ ихъ жизнью, которой и теперь завидуютъ въ горахъ всѣ окружные туземцы. Собранные въ одно мирное и дружное семейство, евреи насѣлили три аула и составили отдѣльное общество. Кадзи распорядился умно. Тѣснимые и презираемые до того караимы, теперь вдругъ сдѣлались предметомъ почета и ласки окружныхъ горцевъ. Зная полное невѣжество горцевъ во всемъ и способ-

---

*) Одинъ изъ самыхъ большихъ рукавовъ Бзыбн, которая, вытекая изъ озера Рицца, пробѣгаетъ въ кривомъ направленіи до аула Дзыбнѣ, гдѣ поворотивъ подъ прямымъ угломъ, течетъ на юго-востокъ и при укрѣпленіи Пицунда впадаетъ въ Черное Море. Берега этой рѣки весьма заселены, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются неприступныя кручи и рощи, мѣста особенно предпочитаемыя Абазехами.

ность и смышленость во всякомъ ремеслѣ своихъ единовѣрцевъ, Кадзи обратилъ каждую саклю въ своихъ аулахъ въ заводъ или фабрику...Тогда-то горцы, забывая свое презрѣніе къ евреемъ, съ поклономъ приходили и приходятъ къ нимъ за горстью пороху или съ заказомъ сшить новую чуху, или разукрасить оружіе блестящею и искусною насѣчкою. Кадзи какъ былъ кузнецъ, такъ имъ и остался... Чрезъ десять лѣтъ послѣ населенія онъ умеръ на рукахъ своихъ друзей, завѣщая имъ миръ и храненіе тѣхъ порядковъ, которые онъ ввелъ между ними.

Вотъ что расказываютъ сами согденскіе евреи объ образованіи своей общины, прибавляя къ исторіи подвиговъ Кадзи тысячи басней, которымъ рѣшительно нельзя вѣрить, и я разсказалъ изъ его жизни только то, что хотя нѣсколько походитъ на правду...

1844 г. въ первыхъ числахъ Мая, находясь въ плѣну въ одномъ изъ Абхазскихъ ауловъ, именно въ «*Дазари*» у князя Астанъ – Гари, мнѣ удалось посѣтить два раза согденскіе аулы караимовъ. Князь выдавалъ одну изъ дочерей своихъ за своего стараго сосѣда и желая блеснуть горскою роскошью, отправился на Согденъ съ заказами для цѣлой стаи нукеровъ новыхъ черкесокъ и новаго вооруженія. Ктому же ему нужно было до десятка новыхъ ковровъ, на которыхъ вообще любятъ попировать и упиться горцы, и довѣряя моему вкусу, какъ вкусу человѣка цивилизованнаго, знакомаго по его выраженію со всѣми *змѣйками на платьяхъ капуданскихъ женъ*, — онъ благоволилъ взять меня съ собою. Рано, еще до восхода солнца, я, два нукера и князь отправились въ дорогу. Сказать по совѣсти, не привычный къ отчаяннымъ бродамъ въ кипящихъ потокахъ и переѣздамъ чрезъ крутизны, гдѣ каждая трещина ждетъ путника оскаливъ зубы,—я не безъ страха и головокруженія слѣдовалъ за моими владѣтелями. Цѣлый день и затѣмъ ночь мы кочевали въ скалахъ подъ проливнымъ дождемъ, питаясь, на основаніи горской походной экономіи, однимъ сухимъ просомъ — и, наконецъ, къ общему благополучію и неизъяснимому восторгу моего голоднаго желудка, на вторыя сутки, переправившись чрезъ Анреуто, завидѣли гостепріимныя скалы евреевъ...

Сплошною массою и въ полномъ величіи путникъ можетъ разсмотрѣть ихъ еще верстъ за десять... Но чѣмъ ближе подвигаешься къ нимъ, тѣмъ болѣе растетъ очарованіе, при взглядѣ, какъ дробятся и отдѣляются красоты этихъ скалъ... Мы были на западной сторонѣ ихъ. Нельзя не сознать всего величія, всего могущества Создателя, нельзя не затрепетать въ нѣмомъ восторгѣ, созерцая эти громады, повитыя внизу всею роскошью южной природы, а вверху надѣленные всемъ ужасомъ, всемъ грознымъ величіемъ недосягаемой, мрачной выси, доступной только быстрому оленю и горному орлу ... Пробираясь виноград-

никомъ, я припадалъ на гриву коня, подымался на короткое стремя, стараясь поймать глазомъ хотя одну саклю на скалахъ, хотя одинъ признакъ жизни ... ни чего не бывало!.. Только одни мазанковые бойницы бѣлѣлись на склонѣ скалъ ... за ними тянулись ряды сосенъ, или громады камня, готовыя, повидимому, рухнуть съ мѣста отъ полета надъ ними дикаго голубя ... За нами съ шумомъ била въ крутые берега Анреуто, справа высились скалы, слѣва самшитовая роща, прямо виноградникъ и далекая безпредѣльная степь ... Но, вотъ открылась въ скалахъ крутая тѣснина, желтой змѣйкой взвившаяся кверху ... Нукеры спрыгнули съ сѣдла, бросили мнѣ въ руку свои уздечки — и съ гикомъ погнали въ гору княжескаго коня, за которымъ слѣдовалъ и мой вихорь ... На половинѣ подъема мы остановились ... Князь выстрѣлилъ изъ пистолета.

— Откуда? раздался голосъ надъ нами.

— Дарійцы! отвѣчалъ Князь.

— Я поднялъ голову ... Бѣлыя, чистыя сакли, совершенно отличныя постройкою отъ горскихъ хижинъ и болѣе похожія на мазанки, какія мы встрѣчаемъ въ военныхъ поселеніяхъ Херсони, тянулись прямою линіею по обѣимъ сторонамъ подъема, на ребрахъ скалъ. Два еврея сбѣжали къ намъ. Передавъ имъ оружіе и коней, горцы отправились вверхъ за своими вожатыми. Чѣмъ далѣе подымались мы, тѣмъ болѣе замѣчалась чистота и опрятность, которою пользовалось селеніе караимовъ. Прекрасно изсѣченная въ скалахъ тропинка представляла все удобство для прогона въ балку стадъ и для проѣзда арбъ. Передовой еврей ввелъ насъ на дворъ крайней мазанки, принадлежавшей старшинѣ. Дворъ здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ мазанкахъ, которые мнѣ удалось видѣть во второй пріѣздъ, былъ крытый виноградникомъ. Направо выдвигались конюшни и хлевы для овецъ, прямо нѣсколько ступень вели въ покои хозяина.

Каждый предметъ, встрѣчаемый здѣсь въ еврейской саклѣ, даетъ замѣтить удивительный порядокъ и чистоту. Глядя на бытъ здѣшнихъ караимовъ, невольно переносишься въ какую-то баснословную утопію: чистота, аккуратность, скромность хозяина, уваженіе къ нему цѣлой семьи — всё это поражаетъ съ перваго взгляда пришельца. Князь занялся съ хозяиномъ заказомъ, а семья его мною. Удовлетворяя ихъ распросамъ о Россіи, я не упускалъ случая узнать, повозможности, что-нибудь и о ихъ житьѣ.

Наружность караимовъ Согдена почти ничемъ не отличается отъ наружности абхазскихъ горцевъ: та же стройность, орлиный взглядъ, суровая желтизна лица, острый абрисъ всей физіономіи, манера выражаться скоро, съ быстрою подвижностію и жестикуляціею ... Обычаи ихъ жизни почти одинаковы ... За то женщины караимовъ Согдена превосходятъ во всемъ женщинъ Абхазіи. Не смотря на совершенную красоту послѣднихъ, всякій бы джигитъ Абхазіи, отдавая за свою будущую цѣнный калымъ, прибавилъ бы къ нему съ охотою и голову — если бы пришлось платить за еврейку — такъ хороши они! Прибавьте къ этому удивительную свободу въ обращеньи, отсутствіе

ревнивой чадры, опрятность въ одеждѣ и удивительное умѣнье нравиться, при чемъ нисколько не теряетъ чистота нравовъ и скромность женщины.

Евреи Согдена всѣ вообще говорятъ языкомъ Абхазовъ, не зная никакого другаго. Книгъ не имѣютъ, а между тѣмъ обряды и обычаи ихъ, бо̀льшею частію, основаны на изустныхъ текстахъ и выдержкахъ изъ книгъ Моисея.

Исповѣданіе ихъ представляетъ страшную смѣсь іудейства съ язычествомъ, послѣднее о̀собенно замѣчается въ сильномъ суевѣріи, которымъ ознаменовывается каждый шагъ согденскаго караима. Точно такъ какъ и Абазехи — они имѣютъ заповѣдныя дубовыя рощи, чтутъ праздники Мезитхи и Тленса.

Они не имѣютъ синагоги и отправляютъ богослуженіе чрезъ старшаго въ семьѣ, въ своей саклѣ. Старикъ — здѣсь патріархъ семейства, а нерѣдко и цѣлаго аула, его опытности довѣряется рѣшеніе споровъ и тяжбъ и приговоръ его — законъ. Суббота, какъ и у всѣхъ евреевъ, для нихъ особенный праздникъ, который впрочемъ не сопровождается удовольствіями рѣзкими и буйными, какъ вообще праздники горцевъ, у которыхъ пиръ не въ пиръ безъ джигитовки и драки ...

Между всѣми праздниками согденской общины особенно отличается праздникъ «*Памяти Кадзи*» Я не былъ его свидѣтелемъ, но разсказываю о немъ со словъ Юзефа, княжескаго пастуха, у котораго я имѣлъ скромность находиться помощникомъ.

Бывшій мой временный начальникъ, Юзефъ, по крайней глупости своей, не могъ опредѣлить времени, когда совершается этотъ праздникъ, что̀, однако же, весьма важно, ибо праздникъ этотъ совершается въ воспоминаніе общаго переселенія, то есть въ память дня прибытія къ общинѣ Кадзи ... Вотъ что̀ и ка́къ разсказывалъ Юзефъ.

Видишь ли, недокормленный гяуръ, говорилъ онъ: — съ вечера, наканунѣ праздника, евреи выносятъ изъ саклей всю свою рухлядь — и ночь проводятъ на скалахъ ... Понимаешь ли ты, пустая голова, продолжалъ онъ, что это означаетъ ихъ безпріютную долю, которую они терпѣли прежде?

— Понимаю, ипташи (душечька) Юзефъ, отвѣчалъ я ...

— Врешь ты, недокормленный гяуръ; ничего ты не понимаешь, продолжалъ горецъ — и не зови ты меня ипташи ... нехочу я быть душою въ твоемъ собачьемъ тѣлѣ ... Ну, вотъ, какъ въ сырую и холодную ночь — насчёлкаются евреи досыта обѣими челюстями, то съ первыми лучами солнца подымаютъ такой гвалдъ, что — безъ лжи, честнымъ языкомъ вымолвить можно — въ Бугуръ-Калѣ, почитай, ихъ слышно ... За тѣмъ всѣ хорошенькія дѣвушки — еврейки ... А, постой-ко гяуръ ... Ну-ко, скажи — кого вы у себя ... тамъ, въ вашихъ горахъ называете дѣвушками?..

— Да кого и вы — въ своихъ, мой храбрый Юзефъ ...

— Да нѣтъ, недокормленный гяуръ, кого?.. А!.. что?.. грязи наѣлся?.. Ихъ у васъ нѣтъ!.. Ну, а вѣдь ты видѣлъ — каковы согденскія дѣвчонки?..

— Видѣлъ, инташи — Юзефъ, видѣлъ ...

— Вотъ, ужъ за одинъ бы волосокъ изъ рѣсницы можно отдать цѣлую атару овецъ!..

— Можно, инташи — Юзефъ, можно!..

— Какъ! княжескую-то атару! вскричалъ Юзефъ, готовый взяться за арапникъ. Смотри, скажу князю, дальше ямы спрячетъ ...

Послѣ долгихъ просьбъ и извиненій съ моей стороны, коварный горецъ, какъ притворно разсердился, также притворно и успокоился и потомъ продолжалъ:

Ну, вотъ — говорилъ онъ — всѣ эти хорошенькія дѣвчонки, которыя только однѣ ночуютъ въ сакляхъ, выбѣгаютъ на порогъ и кричатъ: Кадзи ѣдетъ! Кадзи ѣдетъ ... Тогда толпа евреевъ бросается внизъ со скалъ и встрѣчаетъ перваго своего старшину, который на лихомъ конѣ подымается по тропинкѣ. — Съ почетомъ встрѣтивъ его, старики уводятъ старшину въ общую саклю, на этотъ разъ нарочно смазанную — и начинаютъ ... пиръ!.. Только ... Пхе ... Пиръ, какого не встрѣтишь въ горахъ !.. Къ вечеру расходятся всѣ цѣлехоньки, хоть бы у кого одна царапина!.. За то молодцамъ потѣха! Красавицы остаются по прежнему на порогахъ саклей и каждый изъ молодцовъ, которому до того приглянулась красавица, несетъ ей калымъ, а на утро и женится ... Понимаешь недокормленный гяуръ — за чѣмъ молодцы въ этотъ день разгораживаютъ саклю? *) ...

— Нѣтъ, инташи Юзефъ, отвѣчалъ я смиренно.

— Просто ты вытянутый бурдюкъ — гяуръ; подъ твоимъ черепомъ хоть фазанъ гнѣздо свей: мѣсто будетъ ... ничего ни смѣкнешь, недокормленный! продолжалъ Юзефъ, гордый и дерзкій, какъ всякій горецъ, съ тѣмъ, кто не можетъ ни поколотить его, ни возражать ему .. За тѣмъ, сказалъ онъ,—чтобы разводить общину ... чтобы... понимаешь ты ... сказать проще, за тѣмъ, чтобы наполнить этимъ заселеніе согденскихъ скалъ!..

Въ разсказѣ Юзефа было нѣсколько истины ... Правда, что въ день *памяти Кадзи* согденскіе юноши имѣютъ право избирать себѣ въ жены дѣвушку по сердцу, но онъ забылъ добавить, что это избраніе должно быть заранѣе обусловлено и подготовлено, и что это право весьма ограничено: имъ только пользуются влюбленные, къ соединенію которыхъ препятствуетъ неравность состояній или несогласіе родителей ... День *памяти Кадзи* разрушаетъ эти препятствія и еврей, успѣвшій при встрѣчѣ съ старшиною назвать имя своей возлюбленной, дѣлается ея мужемъ, если она сама не отрекается отъ него. Что же касается до женидьбъ, въ которыхъ преобладаетъ расчетъ или желаніе родныхъ, то онѣ должны быть порѣшены прежде. Странно, казалось бы, въ этомъ незамѣтномъ уголкѣ міра, гдѣ, жизнь выкроена по особенной мѣркѣ, гдѣ обычаи сохранили свою простоту, первобытность

*) Богатые и зажиточные Абазехи передъ женидьбой строятъ новую саклю, а бѣдные разгораживаютъ ее только.

и патріархальность—странно встрѣтить лицо, созданное для житейской промышленности горожанъ, для ихъ семейнаго столкновенія ... встрѣтить — *сваху*! А между тѣмъ они здѣсь есть.

Агачь-чичи (все знаю) — такъ называются эти почтенныя старушки Согдена, непремѣнно старушки, и чѣмъ дряхлѣе она, чѣмъ отвратительнѣе и безобразнѣе ея наружность, тѣмъ болѣе у нее практики и тѣмъ болѣе къ ней довѣрія. Агачь-чичи лицо весьма замѣчательное для наблюдателя и чрезвычайно важное въ аулѣ согденскихъ караимовъ. Безъ нея не совершаются ни родины, ни свадьба, ни похороны, ни общее предпріятіе цѣлаго аула ... Въ первомъ случаѣ они бабка, во второмъ сваха, въ третьемъ плакальщица, въ четвертомъ сивилла. Обыкновенно Агачь-чичи, которыхъ рѣдко въ аулѣ встрѣчается болѣе трехъ, живутъ за селеніемъ, гдѣ-нибудь въ оврагѣ, въ трущобѣ, подъ навѣсомъ скалы, на закраинѣ бездны, рядомъ съ гнѣздомъ орла или коршуна ... Мѣсто ея обиталища вообще считается нечистымъ и суевѣрный еврей, въ сумерки или ночью, обойдетъ его за тысячу шаговъ, рѣшаясь встать на порогъ старухи только въ крайней необходимости. Самая мрачность, окружающая саклю Агачь – чичи, страшная тропинка ведущая къ ней, вѣчная грязь и копоть на мазанкѣ съ уродливыми изображеніями на стѣнахъ ремесла хозяйки — всё это само собою располагаетъ суевѣрнаго согденца къ невольному страху и невольному почтенію къ такимъ старухамъ. На случай родинъ согденцы лишены всякихъ религіозныхъ обрядовъ, они даже отвергаютъ обрѣзаніе, слѣдуя правиламъ горныхъ Абазеховъ, что вообще совершенно предаетъ ихъ въ руки этихъ почтенныхъ старушекъ, которыя крайне любятъ окружать всякое свое дѣйствіе и каждый шагъ свой таинственностію и условіями, для самихъ себя не совсѣмъ безвыгодными, а бѣдныя согденцы въ простотѣ души своей называютъ это зерномъ премудрости!.. Мужъ, поспѣшающій къ Агачь-чичи съ требованіемъ ея помощи, на случай родинъ жены, долженъ непремѣнно запастись желтымъ сафьяномъ — на пару чириковъ. *) Входя въ саклю старухи, онъ молча кладетъ на очагъ ея свой подарокъ и говоритъ: «Если жена родитъ мнѣ сына, то я желаю, чтобы сынъ мой былъ хорошимъ сапожникомъ!» — Въ ту же минуту старуха беретъ его за руку и оставивъ его на порогѣ своей сакли, поспѣшаетъ къ родильницѣ. Если новорожденный — сынъ, то Ачачь–чичи, послѣ непонятныхъ и ни для кого невѣдомыхъ нашептываній надъ младенцемъ, уноситъ его въ первую саклю, хозяинъ которой по ремеслу принадлежитъ къ сапожникамъ ... Отцу стоитъ только назвать ремесло — и у сосѣда нежданно—негаданно явится малютка, котораго онъ до десятилѣтняго возраста обязанъ воспитывать и выучить своему знанію. Таковъ обычай, который ни для кого здѣсь не въ тягость: круговая порука миритъ съ нимъ каждаго.

Темная, ненастная и бурная ночь, вообще, выгодна для Агачь–

*) Сапоги или башмаки.

чичи; старуха рѣдко коротаетъ такую ночь одна, тревожно прислушиваясь къ грустному и печальному завыванію вѣтра и шакаловъ, или къ пронзительному вскрику карагута, испуганнаго шумомъ сброшенной вѣтромъ лавины, которая, дробясь, со стономъ катится въ пропасть и на пути обледѣнелыми осколками осыпаетъ саклю старухи. Весело въ такую ночь ей: она вѣрно дождется посѣтителя ... Какой нибудь молодецъ, которому наскучило одиночество, идетъ къ ней съ поклономъ и просьбою высватать пригожую сосѣдку ... (*) Днемъ или въ ясную ночь — нельзя: увидятъ пріятели, подымутъ на зубки, а грѣхомъ и страстишку провѣдаютъ; пропали тогда и сосѣдъ и сосѣдка ... Ночь темна — хоть глазъ выколи, только вѣтеръ перекликается въ горной трещинѣ, только крупный дождь, крутясь подъ этимъ вѣтромъ, дробно бьетъ въ горный кремень ... и вотъ, молодой караимъ, завернувшись въ чорную бурку, какъ воръ крадется мимо знакомыхъ пороговъ; бойко и смѣло перепрыгнулъ онъ оврагъ, другой, и съ замирающимъ отъ страха сердцемъ поднялся въ гору, — на пустырь ... Далеко за нимъ сверкаютъ огоньки въ. сакляхъ, а впереди ни деревца, ни тычинки ... Сто разъ задумается молодецъ: идти ли?.. Ну, что, если у старухи шайтаны играютъ въ *трефоваго джигита.* **) Оглянется на сакли, а сакля милой какъ тутъ съ краю ... и бѣгомъ, бѣгомъ чрезъ крутизны и овраги ... дрожащею рукою стукнетъ въ окно грязной мазанки и стоитъ, вымирая отъ страху душой и сердцемъ ...

— Уймешься ли, вѣтеръ, отвѣчаетъ хитрая старуха: — что̀ рвешься, въ окно, да рвешь дверь съ петлей; вышлю шайтана, ухватитъ онъ тебя въ пазуху, да забьетъ въ какую-нибудь трещину Согдена, не увидишь ни травы, ни воды!

— Не надо шайтана, Агачь-чичи; наступи ты ему на хвостъ, погрози на него пальцемъ!.. Это не вѣтеръ ... Это я! отвѣчаетъ пришлецъ, щелкая съ перепугу обѣими челюстями.

— Такъ кто же? продолжаетъ старуха. Ты, что̀ ли, оборотень-шакалъ, что̀ каждую ночь ко мнѣ вѣсти изъ аула носишь ... Ну, говори, что̀ тамъ злыя языки про меня разсказываютъ?.. Я ихъ!

— Ну, бѣда! — думаетъ, еще болѣе струсившій гость, — бѣда, какъ мы съ нимъ въ одно время здѣсь сойдемся!.. Нѣтъ, Агачь-Чичи — это я ... впусти пожалуйста ... давно сбирался занести ахабку шерсти, да вотъ сегодня только улучилъ время ...

И старуха, шаркая грязными чириками, подходитъ къ дверямъ, чтобы впустить посѣтителя.

— Ба! ... Ба! ... Вассуръ! ... И забыла, совсѣмъ забыла ... еще утромъ знала, что ты придешь ко мнѣ ... Что̀ это ... шерсть?

---

*) У согденцевъ родители дѣвушки и сама она не засылаютъ свахъ — это считается большимъ стыдомъ и внѣ обычая.

**) Карточная игра, употребляемая между Абхазкими горцами, о которой было мною сказано подробно въ «*Достовѣрныхъ разсказахъ объ Абазіи*» Пантеонъ 1850 года. томъ VI, № 11.

— Шерсть, Агачь-Чичи, не погнушайся ...

— Не погнушайся ... пхе! .. А какъ отецъ завтра спроситъ у тебя, куда она дѣвалась? .. А? .. Вассуръ! ...

— Проклятая! думаетъ Вассуръ: — вѣдь узнала, что шерсть-то краденая . Ничего, Агачь-Чичи ... не узнаетъ ... право не узнаетъ ...

— Ну спасибо, спасибо Вассурочка ... добрый ты ... право ... недаромъ тебя такъ крѣпко любитъ ... та ... какъ её — черноглазенькая-то ...

— Ассынь!!

— Да ... да! ... Пхе! ... еще бы не заглядѣться на такого ...

— Такъ она меня любитъ, Агачь-Чичи? ..

— А то какже? .. Вотъ, я вчера говорю съ нею, а сама и думаю: дай-ка загляну, по комъ это у тебя сердце-то сохнетъ моя аидачка ... *) стала вглядываться, пошептала ... глядь, а въ глазахъ— то у нее ты ... ну, вотъ, какъ есть ты! ...

— Все знаетъ, старая шакалка! думаетъ Вассуръ, задыхаясь отъ удовольствія ... Пожалуй, слышала, какъ я и обругалъ ее про себя ... У меня, тамъ, для тебя, душечка Агачь-Чичи, продолжаетъ онъ, — припасена еще цѣлая арба кукурузы, да кусокъ канаусу, что привезли отцу горцы изъ Эндери ...

— Ахъ, ты жертвочка моя ... ну, такъ ... вчера, какъ зажгла хворостъ на очагѣ, да пошептала ... смотрю —всё вылетаетъ дымъ канаусомъ ... отъ кого? думаю ... а — это ты! ... Ужъ спрячу я твое сердце въ сердце Ассыни, ужъ врастетъ же онъ въ него ...

— Ахъ, Агачь-Чичи, ужъ какихъ бы я парочку барашковъ пригналъ къ тебѣ, въ темную ночь ...

— Гони, гони Вассуръ ... совью я изъ ихъ шерсти тесемку и свяжу ею тебя съ Ассынью, да съ отцомъ и матерью ея ..

— Затѣмъ-то я и пришелъ къ тебѣ ... Помоги! .. Вотъ курушки (сорокъ) абазовъ ...

— Спасибо ... По серебрянной дорожкѣ, какъ на лучѣ мѣсяца — упаду завтра въ саклю Ассыни ... Вскипячу я ей кровь ... залѣплю, запорошу глаза отцу и матери пестрымъ калымомъ ... На-ко, Вассурочка, — вотъ карагатъ (кувшинъ) съ водой ... окуни въ него кинжалъ твой, да прикинь туда абазекъ ... Дамъ я этой Ассыни хлѣбнуть глоточекъ съ серебра и стали ... заплатитъ она намъ за одинъ глотокъ сотнями поцѣлуевъ. —

И еще абазъ, и еще вдохъ, да двадцать поясныхъ поклоновъ ... И бѣгомъ домой Вассуръ ... Старуха уладитъ дѣло.

На другой день чуть свѣтъ, а Агачь-Чичи, какъ-будто не нарокомъ, шасть — нежданная въ саклю Ассыни, и разсыпится мелкимъ бисеромъ, разскажетъ съ-три-короба новостей хозяину ...

— Вотъ, говоритъ она, посмотрѣла я вчера въ карагатъ ... всѣхъ дѣвушекъ нашихъ видѣла! ... и Ассынь, мою аидочку ...

---

*) *аида*, горная роза.

— Ну, а что̀ Ассы́нь? спрашиваютъ любопытные отецъ и мать.

— Да что ... быть у васъ въ дому хорошей новости ... видѣла я въ карагатѣ — и новую саклю въ нашемъ аулѣ. У всѣхъ дѣвушекъ шкурка плотно обвила грудь, а у Ассыни пошла сборкою: *) знать скороразрѣжетъ ее кинжалъ молодца ... Да, приглянулась Ассынь молодцу ... Ужъ скажу вамъ шепоткомъ и имя его ... Хоть куда мужъ, а работникъ какой! .. Что̀ молоткомъ стукнетъ — то въ карманѣ лищній абазъ звякнетъ ...

— Кто же, кто это, душечка Агачь-Чичи?

— Пхе! ... не отрекайтесь только ... и калымъ у него припасенъ, да и Ассынь его, не видавши, во снѣ полюбила, исчахнетъ ... а счастье, да радость сами въ руку напрашиваются. Вассуръ — не какой-нибудь бродяжный джигитъ Абазехъ, да и отецъ-то его, вотъ какъ ни встрѣтится — всё думается старшина идетъ .. .Ужъ быть ему старшиною! ..

— Вассуръ! думаютъ старики ... Ну, что дѣлать, ужъ если Агачь-Чичи въ карагатѣ видѣла судьбу нашей Ассыни, да и она-то его, вишь ты, невидавши, во снѣ полюбила ... Подождемъ калыма ... Видно ужъ мы всегда честно блюли завѣты Кадзи, что счастье само къ намъ напрашивается ...

А на другой день какъ тутъ арбы три съ калымомъ, стоятъ оглоблями вверхъ, у порога Ассыниной сакли ...

Это служитъ знакомъ предложенія, и если старики на него согласны, то, по роду ремесла и занятій суженаго, они закупаютъ полный заводъ инструментовъ, которые и отсылаютъ съ дочерью къ счастливому Вассуру.

Когда совершенъ размѣнъ установленнаго калыма, обѣ стороны родственниковъ договариваются о назначеніи дня свадьбы, а между тѣмъ женихъ сзываетъ одноаульцевъ и смазываетъ при ихъ помощи брачную саклю.

Обрядъ соединенія бракомъ у согденскихъ караимовъ очень простъ. Молодая чета, рано утромъ, въ сопровожденіи близкихъ и родственниковъ, отправляется въ саклю главнаго старшины — *тшатшпа*. Предупрежденный заранѣе о прибытіи поѣзда, онъ встрѣчаетъ молодыхъ въ переднемъ отдѣленіи сакли, въ то время, какъ прочія лица остаются у воротъ мазанки. Потомъ, надѣвъ на себя бѣлую мантію — единственное его отличіе отъ прочихъ караимовъ, спрашиваетъ имена вошедшихъ и читаетъ имъ молитву, положивъ руки на головы молодыхъ. За тѣмъ разламываетъ *азыль* (медовая лепешка) на двѣ неровныя части, отдавая большую жениху, а меньшую невѣстѣ ... Этимъ и заключается весь религіозный обрядъ, къ которому иногда умный старшина прибавляетъ назидательную рѣчь.

Этотъ счастливый день для новобрачныхъ проводится весело. Въ ихъ радости участвуетъ весь аулъ. Дѣвушки подъ звуки зурны пля-

---

*) Какъ и нѣкоторыя горскія племена, Согденцы тоже зашиваютъ грудь и талью дѣвушекъ въ баранью шкуру, которая остается на дѣвушкѣ до перваго дня брака.

шутъ рѣзвую лезгинку или болгачь, а старики и юноши, расположившись на узорчатыхъ коврахъ, пьютъ виноградное, высчитываютъ свои барыши и слушаютъ однотонную, заунывную пѣсню горскаго импровизатора, который на этотъ разъ нарочно приглашается изъ ближняго абхазскаго аула. Между согденскими евреями такихъ артистовъ–дармоѣдовъ неводится ...

Доля еврейскихъ женъ вообще лучше и счастливѣе участи абазинокъ. Они пользуются полною любовью и уваженіемъ мужа и, раздѣляя его труды, не несутъ тѣхъ тяжелыхъ работъ, какія безусловно выполняютъ горянки, въ то время, какъ лѣнивый джигитъ спитъ безъ просыпу послѣ какого–нибудь поиска въ скалахъ, откуда весьма часто возвращается съ пустыми руками и больными ребрами

Разводъ между согденскими евреями, какъ и у крымскихъ карапмовъ, допускается только въ случаѣ уличенія жены въ невѣрности, чему почти не бывало примѣра. Надо отдать справедливость чистотѣ ихъ нравовъ; даже мужчины здѣсь самою высокою добродѣтелью ставятъ цѣломудріе, что̀, разумѣется, есть вѣрное слѣдствіе общаго здоровья, мирной жизни и согласія ...

Обоюдныя ссоры, споры, особенно драки или преступленія уголовныя между ними весьма рѣдки, а если и случаются, то мудрый тшатшпа рѣшаетъ дѣло въ одну минуту.

Во второй пріѣздъ нашъ на Согденъ я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ одного приговора послѣ рѣшенія спора.

Двое молодыхъ евреевъ, Кашь и Ахань, охотились въ скалахъ и подстрѣлили оленя. При осмотрѣ убитаго оленя оказалось, что въ немъ только одна пуля ... Между друзьями начался споръ за право владѣнія добычей. Кашь увѣрялъ, что пуля, попавшая въ оленя, принадлежитъ ему, Ахань докасывалъ противное. Первый изъ охотниковъ былъ посильнѣе — онъ отбился отъ пріятеля, взвалилъ добычу на плечи и, донеся ее до своего осла, перекинулъ чрезъ хребетъ животнаго, глубокомысленно щипавшаго тощую травку. Ахань не хотѣлъ подарить добычи своей одноаульцу, бросился отнимать ее и между друзьями началась потасовка ... Въ эту минуту, встревоженный воплями и завываньемъ ратоборцевъ, оселъ вздрогнулъ и весьма невѣжливо лягнулъ Ахань ...

Вслѣдствіе этой ослиной шутки у Ахань выпрыгнулъ зубъ и треснула губа ...

Мы были въ саклѣ тшатшпа, когда еврей, взволнованный и облитый кровью, вбѣжалъ въ мазанку старшины ...

— Что ты Ахань? вскричалъ старшина ... Кто захотѣлъ твоей крови?!

— Оселъ ... могущественный и мудрый тшатшпа ... отвѣчалъ еврей, едва переводя духъ отъ усталости и досады ...

— Какъ ... оселъ? .. Зачѣмъ же ты связался съ осломъ? ...

— Вотъ ужъ именно, мудрый тшатшпа, ненадо бы было мнѣ съ нимъ связываться .... Выслушай и скажи, кому изъ насъ ѣсть оленя.

— Что такое? .. Развѣ согденскіе ослы ѣдятъ оленину!?

— Выслушай, мудрый тшатшпа, и суди насъ ... Я и кузнецъ

Кашь сегодня утромъ вышли на охоту въ скалы ... Уговоръ былъ: дичь и звѣря выгонять на прицѣлъ вмѣстѣ, а брать ее тому, кто поранитъ или убьетъ ... вотъ и выгнали мы оленя ... оба прицѣлились — выстрѣлили ... олень упалъ ... пуля оказалась въ немъ одна ... И пуля это моя-пусть меня старая Агачь-Чичи превратитъ въ сѣдаго шакала, если я лгу! .. Что-жъ бы ты думалъ, мудрый тшатшпа? ... Безсовѣстный Кашь вырвалъ у меня добычу и взвалилъ ее на осла ... я сталъ отнимать ее ... Оселъ вступился за своего хозяина и лягнулъ меня въ зубы ... На! .. смотри ... — и Ахань открылъ ротъ ... видишь ... одного нѣтъ, сказалъ онъ ...

Тшатшпа внимательно выслушалъ жалобу; сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по саклѣ и, обращаясь къ просителю, сказалъ:

— Позови ко мнѣ Кашь; да чтобъ оселъ и олень были здѣсь.

Чрезъ нѣсколько минутъ на судъ явились Ахань, встревоженный Кашь, убитый олень и безстрастный, совершенно хладнокровный оселъ.

— Кашь, сказалъ старшина, по какому праву ты отнялъ оленя у товарища?

— Олень мой, мудрый Тшатшпа,—я подстрѣлилъ его...

— Нѣтъ, я! вскричалъ запальчиво Ахань ...

— Молчи! отвѣчалъ Кашь, — тебѣ ли стрѣлять по оленю, когда ты даешь промахъ дробью по цѣлой вереницѣ фазановъ ... у тебя вѣдь и винтовка заговорена... я знаю...

— Тс!.. Отвѣчайте на вопросы и не спорьте, кротко и съ упрекомъ сказалъ старшина. — Кашь, продолжалъ онъ, во что̀ ты мѣтилъ, когда завидѣлъ оленя?

— Въ лобъ, на одну мысль ниже рога.

— А ты, Ахань?

— Тоже, мудрый Тшатшпа

По осмотрѣ оленя оказалось, что пуля одна и на показанномъ мѣстѣ.

— Хорошо ... продолжалъ старшина послѣ недолгаго раздумья. — Ну, а скажи, Ахань, что̀ ты думалъ, когда мѣтилъ?

— Я говорилъ тогда себѣ, мудрый Тшатшпа,—что если уложу этого быстроногаго, то навялю изъ него пропасть мяса и половину подарю отцу.

— Добрый ты сынъ, Ахань; ну, а ты, Кашь?

— Я думалъ, мудрый старшина, ка́къ бы попасть вѣрнѣе въ звѣря...

— Хорошій ты охотникъ, Кашь.. Ну, вотъ мое рѣшеніе... Ахань, который, неубивши оленя, ужъ вялилъ его мясо, не могъ попасть въ звѣря и промахнулся... Это вѣрно, братья мои... За тоже, что оселъ Каша лягаетъ друзей своего хозяина, Кашь удѣлитъ половину оленины Ахань и виноватый оселъ свезетъ на себѣ эту половину въ саклю обиженнаго ..

Евреи, повидимому, остались весьма довольны такимъ рѣшеніемъ и, поцѣловавъ полу черкески у мудраго Тшатшпы, оставили саклю. Судите сами о согденскомъ правосудіи, гдѣ старшина судитъ даже и виноватыхъ ословъ,

Согденскіе евреи не имѣютъ у себя уставныхъ законовъ и всѣ ихъ

законы вмѣщаются въ мудромъ изрѣченіи, знакомомъ всякому здравомыслящему: «*Не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь!*»

Два главные и важные порока, въ которыхъ можно упрекнуть согденскихъ евреевъ, это суевѣріе, въ высшей степени нелѣпое во всѣхъ отношеніяхъ, и сребролюбіе, при постоянномъ стремленіи обобрать и обмануть, по возможности, довѣрчиваго абазеха, съ которыми у нихъ постоянныя торговыя сношенія...

Стоитъ только тряхнуть черкеску согденскаго еврея и изъ нее, кромѣ горсти абазовъ, вѣрно выпрыгнетъ полсотни талисмановъ въ видѣ различныхъ корешковъ, гвоздиковъ, сушеныхъ грибовъ, двойныхъ орѣховъ, которыми ограждаетъ себя суевѣръ отъ дурнаго глаза, бѣшенаго волка, лихорадки, пожара... Словомъ, по мнѣнію еврея, надо только запастись полнымъ экземпляромъ всѣхъ этихъ сокровищъ, а ужъ бѣда да напасть останутся на зубокъ шайтану. Весьма замѣчательно, что здѣшніе караимы заражены вѣрою въ вампиризмъ, о чемъ всѣ горцы Кавказа не имѣютъ никакого понятія. И по мнѣнію ихъ, стоитъ только нажить ненависть Агачь-Чичи, чтобы по смерти высосать всю кровь своихъ родственниковъ. Согденскіе караимы большіе охотники до странныхъ фантастическихъ разсказовъ, въ которыхъ главную роль всегда занимаютъ тѣни усопшихъ, кровожадные вампиры, горные духи, словомъ вся почтенная труппа полночныхъ героевъ, у которыхъ режиссеромъ непремѣнно сова, лицо равносильное нашему пѣтуху: по ея первому вечернему вскрику вся эта ватага оставляетъ гробы, и бродитъ въ скалахъ, отыскивая запоздалаго путника-горемыку. Но вскрикнетъ сова подъ исходъ ночи, предъ разсвѣтомъ, и злокачественныя бродяги мрака послушно разбѣгаются по своимъ квартирамъ до новаго сходбища. Суевѣріе—болѣзнь заразительная и прилипчивая. И окрестныя горцы, часто имѣющія сношенія съ согденскими евреями, при всемъ своемъ равнодушіи къ мертвецамъ, привидѣніямъ и неспокойнымъ шайтанамъ, мало-по-малу заражаются суевѣріемъ своихъ сосѣдей и съ каждымъ днемъ свыкаются съ замысловатою таинственностію явленій, наважденій и чаръ, стараясь, по возможности, населять и свои горы порожденіемъ суевѣрнаго воображенія... Для примѣра я разскажу здѣсь вкратцѣ обстоятельство, когда-то мною разсказанное подробно.

Въ первый мѣсяцъ моего плѣна, аулъ *Дазари* находился въ страшной враждѣ съ сосѣднимъ ауломъ *Джаріи*. Изъ-за чего началась эта вражда, о томъ умалчиваетъ горская хроника, — только ея послѣдствія были ужасны, и каждый день въ томъ или другомъ аулѣ джигиты недосчитывались одного или двухъ наѣздниковъ. Между тѣмъ, до начала этой вражды, старшины этихъ ауловъ, князь Астанъ-Гари и Убехъ-Джаріискій были задушевными кунаками, и чтобы еще болѣе связать дружбу, они помолвили дѣтей своихъ. Первый—дочь красавицу Рити; второй—сына, молодца и славнаго наѣздника Ихтали!.. Молодые люди крѣпко любили другъ друга и уже были близки къ счастливому соединенію, какъ вдругъ вспыхнула эта вражда... Рити сходила съ ума... Ихтали бѣсился и грустилъ; сначала, чтобъ размыкать тоску, онъ порывался въ наѣздъ на русское укрѣпленіе. Отецъ отказалъ и снялъ съ молодца

чирики, отобравъ вооруженіе ... Арестованный Ихтали придумалъ другую забаву: по горскому обычаю, весьма почтенному въ глазахъ всѣхъ храбрыхъ джигитовъ, онъ рѣшился украсть красавицу. Отецъ одобрилъ этотъ смѣлый планъ, соглашаясь на предпріятіе тѣмъ болѣе, что находилъ въ немъ средство сдѣлать кровную и страшную обиду гордому Астанъ-Гари...

Однажды ночью, я, закабаленный въ мою грязную яму, по обыкновенію, мечталъ о прошедшемъ, грустно созерцая будущее, въ то время, какъ на груди моей покоился косматый шайтанъ, единственный товарищъ моего одиночества — огромная горская сабака, которая имѣла благодѣтельную привычку согрѣвать мое продрогнувшее тѣло въ сырыя и холодныя ночи. Вдругъ чей-то кашель, казалось, насильно вырванный изъ груди и затаенный при самомъ исходѣ, заставилъ меня очнуться и покинуть на время обычную думу ... Шайтанъ также вздрогнулъ и поднялъ уши ... Въ ту-же минуту у сакли моего владѣльца мелькнули двѣ человѣческія фигуры ... Онѣ быстро и сгорбясь, какъ-бы не желая быть замѣченными, крались къ моей ямѣ ... Въ нихъ я скоро узналъ моего владѣльца, Астанъ-Гари, и его лихаго нукера, Байру ... Осмотрѣвшись кругомъ, князь сдѣлалъ Байрѣ знакъ, и съ нимъ вмѣстѣ спустился ко мнѣ въ яму. По ихъ изготовленному и полному вооруженію я заключилъ, что они ждутъ гостей, которымъ подарятъ неласковую встрѣчу.

Тогда я еще дурно понималъ языкъ Абазеховъ, но изъ отрывистаго и краткаго разговора моихъ гостей могъ кое-какъ понять въ чемъ дѣло.

— Не ошибся ли ты, Байра? спросилъ князь послѣ минутнаго молчанія.

Пхе! ошибся. Можно ли ошибаться слугѣ, если у него во лбу пара глазъ, а за висками два уха?.. Я съ перваго взгляда узналъ разбойника Тахалымъ-Ура.

— Гм ... что же ... раскажи, раскажи, Байра...

— Я разсказывалъ тебѣ утромъ.

— Раскажи вечеромъ ... говори цѣлую ночь, если я хочу того!

— Говорю ... слушай. Еще не показывалось за Согденомъ солнце, какъ я вышелъ изъ сакли и легъ въ оврагѣ на траву ... лежу ... хотѣлъ вздремнуть ... не спится ... а тамъ-и-сямъ такъ и распѣваютъ пташки ... славно они пѣли, князь!..

— О пташкахъ въ другой разъ, говори про звѣря...

— Говорю... Вотъ лежу часъ, лежу другой ... не спится... погляжу на скалы, а тамъ кто-то словно змѣя въ кольцо свернувшись ползетъ по кремню ... Э-ге! Такъ и есть!.. За чѣмъ и къ кому этотъ гость?—подумалъ я ... а Тахалымъ-Уры прыгнулъ съ косогора въ балку да и залегъ въ оврагъ у твоей сакли ... Вотъ и лежимъ оба ... я поглядываю на него, онъ на саклю...

— Что же ты не залѣпилъ ему глаза свинцомъ?..

— А за чѣмъ?.. Надо было выждать, какого меду пришелъ лизнуть пріятель... Вотъ и лежимъ оба, словно у обоихъ головы срѣзаны...

Смотрю—на порогѣ сакли показалась Рити ... въ ту же минуту Тахалымъ–Уры къ ней и хвать ее за чадру . . Эге! думаю ... Ихе!.. вотъ оно что!.. Послушаю музыканта...

— Ну ... дальше !..

— И я въ это время думалъ: что–то будетъ дальше ... а дальше-то Тахалымъ–Уры, не выпуская изъ рукъ чадры, и запѣлъ пѣсенку: князь мой, Ихтали, сказалъ онъ ... Ихтали? прошептала Рити, вздрогнувъ и покраснѣвъ до ушей...

— Презрѣнная! сказалъ князь ... Ну, продолжай...

— Ихтали ... Ихтали, повторилъ Тахалымъ–Уры, и разсыпался въ такую лесть да ласку, что у меня, словно у голоднаго шакала, защелкали челюсти ... Съ — три арбы насказалъ онъ про любовь молодаго тигренка: что и жить–то не можетъ, что и умретъ ... и въ воду-то бросится, и пулю–то посадитъ себѣ въ лобъ ... словомъ, такъ на словахъ изувѣчилъ князя, что мнѣ даже страшно стало ... Да потомъ и говоритъ ... Вотъ, если, ипташи Рити, ты хочешь сберечь молодаго князя, если не разлюбила его ... то бѣги съ нимъ, онъ въ эту ночь будетъ у твоей сакли ... Дѣвушка было въ слезы ... Какъ, говоритъ, можно?.. позоръ моему отцу!.. Нѣтъ! Нѣтъ!.. Тахалымъ–Уры опять давай топить, да вѣшать, да швырять въ пропасть молодаго князя ... дѣвушка-то и разжалобилась...

Ну ... и чтожъ! вскричалъ князь...

— Велѣла приходить гостю, отвѣчалъ со вздохомъ Байра .. И знаешь ли что, князь, продолжалъ Нукеръ ... я подозрѣваю ...

— Что ты подозрѣваешь, собака?

— Что Тахалымъ – Уры готовитъ Рити для себя ...

— Подавись ты своимъ языкомъ, презрѣнный рабъ! запальчиво вскричалъ князь.

— Подавлюсь, если прикажешь ... Только въ минуту разговора княжны съ разбойникомъ я замѣтилъ въ его глазахъ столько бѣсовскаго огня, столько масла въ этихъ красныхъ зрачкахъ, что ...

— Тс! прошепталъ князь.

Въ безмолвіи ночи, чьи–то осторожные шаги послышались у порога княжеской сакли ... Шайтанъ вздрогнулъ, вытянулся и заворчалъ. Князь погрозился на него кинжаломъ и собака снова улеглась на моихъ ногахъ.

Всѣ мы видѣли, какъ красавецъ Ихтали, блѣдный какъ лучъ мѣсяца, который прямо падалъ на его желтый бешметъ, — оглянувшись кругомъ, осторожно и тихо постучалъ рукоятью кинжала въ рѣшотчетое окно сакли ...

— Опалю я крылья этимъ воркующимъ фазанамъ! яростно прошепталъ князь, когда на сигналъ горца Рити вышла изъ сакли и бросилась въ его объятія ...

— Байра! бей! вскричалъ князь. Астанъ – Гари и нукеръ съ гикомъ выскочили изъ ямы и въ ту же минуту первый наткнулся на кинжалъ Тахалымъ – Уры, второй, раненный, полетѣлъ подъ ноги молодаго наѣздника ... Чрезъ нѣсколько минутъ два коня мчали изъ аула

Тахалымъ – Уры и Ихтали, на рукахъ котораго лежала безчувственная Рити.

Прибѣжавшія на шумъ горцы окружили раненаго князя, который слабымъ голосомъ и едва внятно могъ разсказать дазарцамъ свой позоръ ...

— На коней! На коней! Гай – да – уруссыны! гикнули горцы и вихремъ понеслись въ погоню за бѣглецами ... Но еще въ минуту ихъ отъѣзда за ауломъ раздался выстрѣлъ ... Я вздрогнулъ ... я понялъ кого срѣзала эта пуля ... И точно, вѣрнувшіеся преслѣдователи привезли въ аулъ только трупъ Ихтали, простр ѣленный въ спину на вылетъ . . Рити и Тахалымъ – Уры не нагнали. Прошло два дни ... князь выздоравливалъ и сбирался въ мстительный наѣздъ на джарійцевъ ...

Въ ночь, съ разсвѣтомъ которой наѣздники должны были оставить аулъ, я, по обыкновенію, не могъ заснуть долго, занятый мыслями и планами о побѣгѣ ... Вдругъ вижу ... кто–то медленно поднялся изъ камышей, и то останавливаясь, то какъ - будто дѣлая кому – то знаки рукою, сталъ подходить къ княжеской саклѣ ... вглядываюсь ... женщина ... Въ ней я узналъ — Рити! Бѣдная дѣвушка шла безъ чадры, съ распущенными по плечамъ волосами ... глаза ея глубоко впали, но несмотря на это, сверкали какимъ–то дикимъ огнемъ ... Рити была помѣшана. Медленно подойдя къ саклѣ отца, она хриплымъ и похороннымъ голосомъ запѣла, рыдая:

Онъ убилъ его!.. Онъ убилъ его!..

— Ихтали!.. орленочекъ мой Ихтали! шептала дѣвушка ... не плачь!.. я заплатила ему ... Онъ обнялъ меня ... цѣловалъ жарко ... жарко ... а я не хотѣла ... я убила его ... Проклятый гяуръ! продолжала Рити, подходя къ моему убѣжищу ... Это ты выслалъ изъ твоей страшной ямы злыхъ шайтановъ ... У!.. проклятый!... Дѣвушка подняла камень и швырнула имъ въ яму, назначая, быть можетъ, эту тяжелую посылку мнѣ прямо въ голову. Камень перелетѣлъ чрезъ яму и ударился въ окно сакли ...

— Рити! Рити! вскричало нѣсколько голосовъ, и толпа мужчинъ и женщинъ, выбѣжавъ изъ сакли, бросились за нею. Между тѣмъ дѣвушка съ пронзительнымъ визгомъ и хохотомъ, перебѣжавъ поляну, стала взбираться на скалы ... Рити преслѣдовали, а она уже была на верху — и неподвижно остановилась на одномъ мѣстѣ ...

Не дамся! сказала она, тихо и печально покачавъ головкою ... Не дамся ... мучить станете, какъ того гяура ... Убьете, какъ *его* убили!.. Цѣловать будете, какъ цѣловалъ Тахалымъ – Ури!.. Проклятый Тахалымъ – Ури!.. и она медленно напѣвая:

Онъ убилъ его!.. Онъ убилъ его!..

подошла къ пропасти.

— Рити! Вернись ... поди къ намъ, Рити! кричали ей родные ..

Она остановилась ... отрицательно покачала головой ... и съ дикимъ смѣхомъ, хлопая въ ладоши, закрутилась надъ бездною ...

— Рити! .. сердце мое! вскричалъ насчастный отецъ ...

Раздался пронзительный смѣхъ ... потомъ протяжный вопль ... и Рити изчезла въ безднѣ ...

Не прошло и двухъ дней, какъ Дазарцы стали увѣрять другъ друга, что тѣнь Рити каждую полночь бродитъ на скалахъ, зоветъ къ себѣ Ихтали и напѣваетъ свою грустную пѣсенку ... Иные, даже, клялись, что они видѣли сами, какъ въ извѣстное время она, кружась надъ бездною, съ хохотомъ изчезаетъ въ ней. Князь двѣ ночи караулилъ тѣнь дочери, и хотя не видалъ ее, но повѣрилъ разсказамъ, приказавъ на пятый день перевести меня въ саклю, опасаясь, чтобы я не умеръ отъ страху. — «Всё-же осторожнымъ быть не мѣшаетъ!» говорилъ онъ, а я думалъ: «нѣтъ худа безъ добра» и грѣлся у вѣчно пылавшаго очага сакли

Не смотря однакоже на сильное суевѣріе и бѣсобоязнь согденскихъ евреевъ, они съ людьми вообще храбры и отважны. Надо сказать, что въ этомъ отношеніи они нисколько ни уступятъ горцамъ, что̀ и доказали, когда, какъ сами разсказываютъ, скопище черкесовъ, выгнанныхъ изъ Анапы при защитѣ ее Шихъ-Мансуромъ напали было на ихъ аулы ... Согденцы отчаянными вылазками въ нѣсколько дней одолѣли вдвое сильнѣйшаго врага, прогнавъ его съ урономъ. Также какъ и горцы, они не оставляютъ сакли безъ кинжала и винтовки и любятъ щеголять хорошимъ и богатымъ вооруженіемъ. Въ сношеніяхъ съ горцами они довольно дружелюбны, гостепріимны и даже предупредительны, но недовѣрчивы къ нимъ ... Горцы по самымъ важнымъ торговымъ дѣламъ могутъ являться въ согденскій аулъ не болѣе девяти человѣкъ и то безъ всякаго вооруженія ... Здѣшнія евреи, зная коварную совѣсть своихъ сосѣдей, вѣчно бодрствуютъ ... На скалахъ у нихъ всегда сторожевые. Я даже видѣлъ на Согденѣ одну пушку турецкаго литья.

Согденскіе евреи никогда не оставляютъ своихъ скалъ, что̀ запрещено у нихъ Кадзи, подъ страхомъ вѣчнаго изгнанія.

Прочіе евреи, разсѣянные въ горахъ Кавказа, нисколько не походятъ на согденскихъ, или лучше сказать, ни на что не походятъ ... Это люди, лишенные мысли и вѣры.

В. Натухайскій.

К. Т. СОЛЕНИКЪ,

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЙ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ

АКТЕРЪ.

Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ:
Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но кто, читая, понимаетъ?

Д. Веневитиновъ.

Артистъ, о жизни котораго мы хотимъ передать нашимъ читателямъ нѣсколько свѣдѣній, доставилъ всѣмъ, знавшимъ его, столько эстетическихъ наслажденій и такъ рѣзко выдавался изъ толпы всѣхъ провинціальныхъ актеровъ, когда-либо видѣнныхъ нами, (а мы видѣли ихъ не мало), что не вспомнить о его заслугахъ, не обратить вниманія на это рѣдкое, сошедшее теперь въ могилу, явленіе въ мірѣ театральнаго искусства — было бы съ нашей стороны несправедливо, неблагодарно. Лавровый вѣнокъ, которымъ Харьковцы украсили гробъ усопшаго, служитъ доказательствомъ, что Соленикъ стоилъ участи лучшей, нежели та, какая досталась ему на долю, какъ провинціальному актеру, и что мы правы, желая почтить память о немъ печатнымъ разсказомъ о его жизни.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, какія успѣли мы собрать объ немъ, очень неполны. Въ бумагахъ покойнаго нашли мы только документы о его происхожденіи; нѣкоторыя подробности о его жизни заимствовали мы изъ разсказовъ людей, коротко знавшихъ его съ давнихъ поръ; нѣкоторыя черты его, какъ артиста и человѣка, почерпнуты изъ личнаго нашего знакомства съ покойнымъ.

Карпъ Трофимовичъ Соленикъ, или правильнѣе, *Соленникъ,* родился въ маѣ 1811 года, въ городѣ *Лепль,* Могилевской губерніи. Отецъ его служилъ уѣзднымъ землемѣромъ въ той губерніи, въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Въ 1821 году прадѣдъ нашего Соленика признанъ дворяниномъ, и родъ Солениковъ внесенъ въ 6-ю часть дворянской родо-

словной книги Бѣлорусско-Могилевской губерніи, восходя до 6-го поколѣнія. К. Т. Соленикъ былъ крещенъ въ православную вѣру и, проведя почти всю жизнь свою въ Малороссіи, справедливѣе могъ считать своею родиною этотъ край, чѣмъ какой-либо другой. Не знаемъ ничего о его дѣтствѣ. Извѣстно только, что около 18-ти-лѣтняго возраста онъ поступилъ въ Виленскій Университетъ, по математическому факультету. Курса здѣсь онъ не окончилъ — по чему? то же намъ неизвѣстно. Слышали мы, что еще сидя на ученической скамьѣ, онъ обнаруживалъ страсть къ театру. Быть можетъ, это-то и заставило его бросить учебныя занятія. — Неизвѣстно также, какими судьбами, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, попалъ онъ въ труппу Штейна, бывшаго содержателя харьковскаго театра. Поступилъ онъ въ нее сначала суфлеромъ, но былъ имъ, вѣроятно, недолго. У насъ есть харьковская театральная афиша 1832 года; въ ней, кажется, въ первый разъ попадается имя Соленика: онъ игралъ тогда роль слуги *Провора*, въ комедіи «Неслыханное диво, или Честный секретарь», и суфлера *Шепталова*, въ пьесѣ «Странное представленіе, или Сюпризъ публикѣ».—Потомъ, спустя года два, когда бывшій въ труппѣ Штейна актеръ Млотковскій завелъ свой театръ въ Курскѣ,—Соленикъ поступилъ къ нему, и здѣсь-то собственно началъ свое артистическое поприще, въ небольшихъ, третьестепенныхъ роляхъ. Умная, живая игра молодаго актера скоро понравилась публикѣ — и онъ быстро пошелъ впередъ.

Въ 1841 году онъ женился на актрисѣ харьковскаго театра, *дѣвицѣ Протасовой*. Оригинально было сватовство его. Онъ ухаживалъ за Протасовой и однажды, вечеромъ, идя мимо ея квартиры, увидѣлъ, что она сидитъ подъ окномъ. Онъ остановился у окна и, безъ дальнихъ объясненій, сказалъ ей: «женимся?»—Женимся!—отвѣчала она,—и въ тотъ же вечеръ они обручились. Отъ этого брака было у нихъ двое дѣтей; но они жили не долго.

Жизнь провинціальнаго актера, обыкновенно,—кочевая жизнь. Несогласія съ антрепренёромъ, выгодныя приглашенія (переманки) въ труппу другаго города и тому подобныя причины заставляютъ его скитаться изъ края въкрай. Тоже было и съ Соленикомъ, хотя не въ такой степени, какъ это водится за другими. Онъ игрывалъ въ Кіевѣ, Кишинёвѣ, Воронежѣ, Одессѣ и — преимущественно — въ Харьковѣ. Харьковъ любилъ онъ особенно. Въ прошломъ году онъ понавѣдался было въ Одессу; но скоро опять воротился къ намъ, какъ будто предчувствуя свою смерть, какъ будто спѣша умереть въ томъ городѣ, который такъ ласкалъ его! Одесса ему не нравилась, и онъ съ нетерпѣніемъ спѣшилъ въ Харьковъ. Быть можетъ, тамъ дурно его принимали?... Не думаемъ.

Въ 1837 г. былъ онъ въ Вознесенскѣ, во время пребыванія тамъ Высочайшей Фамиліи, и игралъ (въ труппѣ Ерохина) вмѣстѣ съ Щепкинымъ. Вниманіе публики къ нашему артисту было также велико, какъ и къ московскому. Оба они въ равной степени собирали обильную дань рукоплесканій и вызововъ. Одно значительное лицо, замѣтивъ блестящее дарованіе Соленика, предлагало ему свое покрови-

тельство и приглашало его на петербургскую сцену. «Нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Соленикъ, я Малороссіянинъ, люблю Малороссію, и мнѣ жаль разстаться съ нею?» — Не то ли же было причиною и его скораго возвращенія къ намъ изъ Одессы?

И радостно принялъ Харьковъ своего давнишняго любимца! »Нашъ Соленикъ опять у насъ!»—вотъ что говорили тогда всѣ, если рѣчь заходила о театрѣ.—Зная его вкусъ и опытность въ дѣлѣ сценическаго искусства, наша театральная дирекція поручила ему обязанность режиссера.

Но въ послѣдней половинѣ августа 1851 имя Соленика вдругъ исчезло съ афишъ: онъ заболѣлъ!«—Что съ нимъ? каковъ онъ?» спрашивали всѣ, сходясь въ театрѣ.—Хуже и хуже!—было отвѣтомъ на это. Потомъ мы услышали:—умираетъ!—а 7-го октября, въ половинѣ 9-го часа утра, когда намъ случайно довелось быть въ театрѣ, насъ поразили слова театральнаго сторожа, вбѣжавшаго въ сѣни: «вже одили и положили на столъ!» — Кого? — спросили мы...—«Соленика!»...

Главною причиною его смерти была чахотка.

Онъ умеръ спокойно, исповѣдавшись и причастившись Св. Таинъ, въ полной памяти. Только часа задва до смерти онъ порою впадалъ въ бредъ на нѣсколько минутъ. Жалобъ на преждевременную смерть отъ него не было слышно (онъ умеръ 41 года отъ роду). Но по нѣкоторымъ предсмертнымъ словамъ его можно догадываться, что онъ не безъ грусти покидалъ свѣтъ. Хотя для него потеря жизни была «не утрата»,—но совершенною непривязанностью къ землѣ кто можетъ похвалиться, особенно, когда смерть заглянетъ въ глаза? Такъ, когда осторожно предложили ему исполнить долгъ христіанскій,—онъ согласился на это охотно; но узнавъ, что уже хотятъ послать за священникомъ, тревожно спросилъ: «развѣ сегодня?»... Подобное безпокойство проявлялось и въ послѣдніе часы его жизни. — «Ну, что вы скажете? Не нужно ли чего вамъ?» спросила его въ одну изъ этихъ минутъ хозяйка дома, гдѣ онъ квартировалъ. — Я скажу вамъ, что больному нуженъ покой! — возразилъ умирающій съ недовольнымъ видомъ.

8-го октября, въ 4 часа послѣ обѣда, тѣло его вынесли въ Крестовоздвиженскую церковь, а въ слѣдующій за тѣмъ день, часу въ первомъ по-полудни, выслушавъ обѣдню, проводили мы его на Новое Кладбище. Много шло народу за гробомъ, качавшимся на дрогахъ, подъ чернымъ балдахиномъ. Многіе плакали; за гробомъ пѣли пѣвчіе и стонала погребальная музыка; на гробовой крышѣ, малиноваго цвѣта, лежала эмблема заслугъ покойнаго — на ней зеленѣлъ вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирта — украшеніе гроба, до сихъ поръ у насъ еще невиданное! Наконецъ, могильный склѣпъ, выложенный бѣлымъ камнемъ, на вѣки скрылъ отъ насъ Соленика!....

Его положили подлѣ могилы актера Дранше, очень любимаго когда-то публикою, однакожъ схороненнаго очень скромно.

И завидною показалась намъ участь такого артиста, какимъ былъ Соленикъ! Посмотрите: жилъ на чужбинѣ, умеръ одинокъ, близкихъ

родныхъ—ни души *),—а при погребеніи тѣснятся вокругъ его гроба цѣлыя толпы, спѣшатъ дать ему послѣднее цѣлованіе, льются слезы, слышатся вздохи и грустныя слова прощанія, и всѣ разстаются съ этимъ *чужимъ* человѣкомъ, какъ невсегда разстается и братъ съ братомъ, роднымъ по крови!

Чѣмъ же Соленикъ заслужилъ такое горячее участіе, такой почетъ при погребеніи?

Въ чемъ состоитъ заслуга предъ человѣчествомъ художника вообще? Въ томъ, что онъ, умѣя воспринимать головою и сердцемъ явленія внѣшняго міра, умѣетъ проявлять ихъ въ творческомъ созданіи, будь это созданіе картина, стихотвореніе, статуя, музыкальная пьеса—все равно. Въ этой способности проявлять свой внутренній міръ заключается высокое преимущество художника предъ нехудожниками, хотя бы это были люди, умѣющіе видѣть, наблюдать, чувствовать. Онъ прорицатель, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ языческіе народы древности называли этимъ именемъ поэта, истолкователь того, чего не видитъ, или хотя и видитъ, но безсознательно, безотчетно, какъ человѣкъ обыкновенный, непосвященный. Подобнымъ художникомъ былъ Соленикъ въ мірѣ сценическаго искусства, потому – что актеръ можетъ быть такимъ же творцомъ, какъ поэтъ, живописецъ, ваятель. Выполняя роли изъ произведеній Грибоѣдова, Гоголя, Мольера,—Соленикъ, касательно заслугъ своихъ въ этомъ случаѣ, стоялъ, быть можетъ, наравнѣ съ этими писателями. Онъ давалъ тѣло, кровь и живую душу ихъ созданіямъ, дополнялъ то, чего авторъ не могъ передать мертвою буквою, и черезъ него ясными и понятными становились эти созданія для всякаго, не говоря уже о произведеніяхъ посредственности, изъ которыхъ могучій талантъ его создавалъ почти образцовое.

Соленикъ былъ по преимуществу *комикъ*, т. е. занималъ такъ называемыя комическія роли, къ которымъ обыкновенно относятъ и тѣ, гдѣ «сквозь видимый міру смѣхъ, таятся невидимыя ему слезы.» Молодая, пылкая, благородно – разгульная жизнь; жизнь, тоже молодая и разгульная, но пошлая и грязная; старость въ разныхъ видахъ ея комизма, въ видѣ претензій на юность, скаредности и привлекательности, состоящей изъ равновѣсія между строгостью разсудка и теплотою чувствъ оригинальность, поражающая или уродливостью, или возбуждающая въ васъ добродушный смѣхъ, — вотъ элементы, изъ которыхъ, по преимуществу, состояли роли Соленика. Трагическія роли занималъ онъ рѣдко. Извѣстно предубѣжденіе (виною его односторонніе таланты, бросающіеся на все) предубѣжденіе, по которому мы съ такимъ удивленіемъ и такъ широко раскрываемъ глаза, если актеръ, при появленіи котораго всѣ привыкли смѣяться, въ одинъ прекрасный вечеръ является передъ нами вовсе не съ тѣмъ, чтобы посмѣшить насъ. Это, обыкновенно, сбиваетъ насъ съ толку, и одни изъ насъ,

---

*) Жена его на этотъ разъ была въ Тулѣ и не знала о болѣзни мужа.

молча, пожимаютъ плечами, другіе смѣются (и притомъ вовсе не желая вредить артисту, а такъ, по привычкѣ, добродушно). Рѣдко занималъ Соленикъ трагическія роли; и не только никогда не ронялъ ихъ, но даже почти всегда, послѣ нѣкотораго колебанія публики, встрѣчалъ самыя громкія одобренія. — Были даже люди — такіе чудаки! — которые желали видѣть Соленика въ роли Гамлета, разсчитывая на глубокость чувства и высокость таланта артиста и на бѣдность роста и вообще наружности датскаго принца, не того, который обыкновенно является передъ нами на сценическихъ подмосткахъ, а созданнаго Шекспиромъ, того Гамлета, который дѣлаетъ такое обидное для своей наружности сравненіе себя съ Геркулесомъ. — Трудно немногими словами опредѣлить характеръ ролей, къ которымъ относилось амплуа Соленика. Какъ провинціальный, а еще болѣе, какъ даровитый артистъ, онъ игралъ все, начиная отъ Филатки до трагической роли въ шекспировской драмѣ.

Вотъ роли, въ которыхъ Соленикъ былъ особенно хорошъ: *Левъ Гурычъ Синичкинъ*, *Бударажинъ*, *Матросъ*, *Гамлетъ Сидорычъ*, (въ пьесахъ тѣхъ же именъ), *Фамусовъ* и *Репетиловъ* (въ Горѣ отъ ума), *Хлестаковъ* и *Бобчинскій* (въ Ревизорѣ), *Кочкаревъ* (въ Женидьбѣ — Гоголя), *Дворникъ* (въ Войнѣ съ дворникомъ), *Голубчикъ* (въ вод. Тетушка и добродѣтель), *Оселковъ* (въ Цирульникѣ на Пескахъ), *Весельевъ* (въ вод. Въ тихомъ омутѣ — Кони), *Репейкинъ* (въ Хлопотунѣ, Писарева), *Маглуаръ* (въ вод. Графъ – Литографъ — Ленскаго), *Горскій* (въ Дѣловомъ человѣкѣ — Кони), *Дебютантъ* (въ вод. Дебютантъ или Страсть къ театру), *Роландъ* (въ вод. Дѣвушка – Гусаръ — Кони), *Стецько* (въ Сватаньѣ на Гончаровкѣ), *Шельменко* (во всѣхъ пьесахъ этого названія Грицки – Основьяненки), *Макогоненко* (въ Натадкѣ – Полтавкѣ), *Чупрунъ* (въ Москалѣ – Чаривникѣ) *) ..... Но всѣхъ не перечтешь!

Говоря вообще, въ игрѣ Соленика замѣчали одинъ недостатокъ: въ ней недовольно было разнообразія. Онъ не умѣлъ (или, быть можетъ, не хотѣлъ) въ иныхъ роляхъ измѣнять свою внѣшность до того, чтобы быть неузнаннымъ зрителями. Или лучше сказать, въ немъ недоставало мелкаго, копотливаго изученія характерныхъ ролей, исключительныхъ касательно произношенія, пріемовъ и вообще внѣшности (исключая роли малороссіянъ). Представляя какого – нибудь армянина, грека или италіанца, ломающихъ русскій языкъ, онъ уступалъ другимъ ар-

---

*) Въ роли Чупруна онъ былъ выше Щепкина. Вполнѣ владѣя малороссійскимъ языкомъ и отличаясь въ высшей степени натуральною игрою, какъ и московскій артистъ, Соленикъ придавалъ этой роли не тотъ характеръ, въ какомъ являлась она у Щепкина. У послѣдняго Чупрунъ — простофиля, вѣритъ всему, всего боится; у перваго — онъ простъ по наружности, не хочетъ вывести Москаля на чистую воду — по лѣности, между - тѣмъ смекаетъ все очень хорошо, когда говоритъ лукаво: «Ой, гляды, жинко!» Чупрунъ - Щепкинъ — таковъ, какимъ создалъ его Котляревскій; Чупрунъ - Соленикъ — собственное созданіе нашего артиста, вѣрная копія природы, или лучше, сама природа.

тистамъ, напр. петербургскому Самойлову, рѣдкому мастеру этого дѣла. — Но въ роляхъ тѣхъ людей, между которыми вращаемся мы съ вами, читатель, — положимъ, вы дышете благоуханною атмосферою аристократическихъ гостиныхъ, а мы — обыкновеннымъ воздухомъ самаго скромнаго уголка, или, если взять что-нибудь среднее между этимъ, — Соленикъ былъ истиненъ въ высшей степени. Простота, непринужденность, естественность, благородная веселость, совершенно чуждая малѣйшихъ фарсовъ, полное увлеченіе ролью, особенно какой-то молодой жаръ и глубокое чувство, въ иныхъ роляхъ, — все это, подобно алмазамъ, блистало въ его игрѣ. И Соленика любили всѣ—отъ райка до креселъ. Какъ бы ни была скучна пьеса, но если въ ней участвовалъ Соленикъ — она проходила весело. Какъ бы ни была мала и пошла роль — она у него выростала и дѣлалась замѣчательною. Бывало, въ залѣ театра тихо и сонно, зрители дремлютъ, — но вотъ за кулисами раздается бойкій говоръ Соленика — и всѣ поднимаютъ головы, улыбка удовольствія озаряетъ всѣ лица, и руки всѣхъ готовятся аплодировать. При столкновеніи на сценѣ съ столичными знаменитостями, — при чемъ другіе наши, очень недурные актеры, какъ-то уходили въ тѣнь, — Соленикъ всегда стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Подобное явленіе въ провинціи и передъ зрителями, давнымъ-давно, привыкшими къ артисту, согласитесь, большая рѣдкость!

Вотъ еще замѣчательная черта этаго артиста: онъ никогда не училъ ролей, но всегда зналъ ихъ, какъ нельзя лучше! Побывать на репетиціи, много, пробѣжать роль — этого для него было довольно. При серьезныхъ роляхъ, онъ бралъ всю пьесу къ себѣ домой, читалъ ее, вчитывался, увлекался не одною своею ролью, а всѣмъ, чѣмъ можно было увлечься въ пьесѣ, иногда плакалъ (какъ это было при чтеніи имъ пьесы «Матросъ»), — и вечеромъ, на сценѣ, слова лились у него, не какъ заученная роль актера, а какъ естественная неприготовленная рѣчь человѣка, просто, безъ натяжки. Говорили: онъ находчивъ, онъ умѣетъ *сочинять* на сценѣ, и этимъ иногда сбиваетъ съ толку тѣхъ, съ кѣмъ играетъ. Это неправда. Не разъ мы сами нарочно слѣдили за нимъ въ коротко—знакомыхъ намъ роляхъ, и убѣждались, что онъ говорилъ ихъ слово въ слово. Дѣйствительно онъ былъ находчивъ, какъ умный актеръ; умѣлъ кое-что кстати прибавить; но это не только не спутывало лицъ, окружавшихъ его на сценѣ, а напротивъ, часто выручало ихъ, если они сами выходили не во время, или проглатывали необходимыя фразы.

Соленикъ былъ замѣчателенъ и какъ человѣкъ. Прямой, благородный по натурѣ, гордый, самолюбивый, какъ сознающій свое достоинство, онъ былъ добръ и мягкосердеченъ. Онъ готовъ былъ отдать послѣдній червонецъ нуждающемуся ближнему. Его честность знаютъ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ хоть какое-нибудь дѣло.

Вотъ очеркъ его наружности: онъ былъ очень невысокаго роста, худощавъ, но сложенъ стройно. Лицо .... какъ бы вамъ описать его? Оно могло, пожалуй, показаться некрасивымъ на взглядъ того, кто полагаетъ красоту лица въ античной правильности очертаній, въ свѣ-

жемъ, молочномъ цвѣтѣ кожи; но на наши глаза — оно было красиво. Цвѣтъ его былъ смуглый; на лбу и на щекахъ проходило нѣсколько складокъ, что дѣлало его старѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, потому— что Соленикъ жилъ хотя не много, но много пережилъ. Открытый, почти плоскій, съ небольшою впадиною по срединѣ, четырехъ – угольный лобъ показывалъ счастливое развитіе мыслящей способности. Глаза блистали умомъ и живостью. Губы были выпуклы и очерчены рѣзко, отчасти, какъ у Арабовъ, нижняя выдавалась, нѣсколько отвисло, впередъ, какъ-бы свидѣтельствуя о гордости и энергіи артиста. Всѣ прочія части лица и вообще головы были *на своемъ мѣстѣ* (что случается такъ рѣдко) и въ совершенной гармоніи между собою. Довольно длинные, мягкіе, темнаго цвѣта волосы зачесывались на затылокъ. Физіономія Соленика, внѣ сцены, была, по большей части, серьезна и задумчива. — Одѣвался онъ часто щеголевато и всегда со вкусомъ. Касательно одежды, мы могли бы привести нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ аристократическую его натуру; но боимся, чтобы наша статья не вышла черезъ - чуръ длинною. Когда онъ говорилъ, гдѣ бы то ни было: на сценѣ, въ гостяхъ, дома — разсказъ его лился быстрымъ, живымъ потокомъ, жесты были одушевлены и выразительны, голосъ, довольно немузыкальный самъ по себѣ, дѣлался пріятнымъ отъ ума и чувства, которыми былъ полонъ.

Кажется, мы и теперь видимъ его — не говоря о сценѣ, внѣ ея — какъ онъ въ своемъ гороховомъ пальто и круглой черной шляпѣ, мѣрно, съ серьёзнымъ, задумчивымъ лицомъ, выступаетъ, опираясь на свою оригинальную трость ..... Къ подобнымъ тростямъ была у него страсть; въ одномъ изъ угловъ его квартиры стояла довольно большая коллекція самыхъ странныхъ, чуть ли не историческихъ, тростей, съ разнообразными, диковинными набалдашниками.

Намъ все еще не вѣрится, что этого артиста уже не стало! И кто – то замѣнитъ намъ его, и когда?...

Не весело теперь сидѣть намъ въ театрѣ; грустно проходить мимо театра, особенно, если остановишься передъ прибитою у дверей афишею, и если въ пьесѣ, въ которой такъ недавно восхищалъ насъ Соленикъ, противъ имени главнаго дѣйствующаго лица, увидишь фамилію не *его* ... Тогда невольно шевелится въ душѣ колкое слово Гамлета: «Отчего это маленькіе люди дѣлаются великими, когда великіе переводятся?..»

Рымовъ.

Харьковъ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СОСѢДЪ.

РАЗСКАЗЪ

Евгенія Гинѐ.

— Смѣю спросить, что̀ вы дѣлаете?

— Отчего – же? вы имѣете на это полное право ... мужа. Я кончаю списокъ друзей, которыхъ мы позовемъ на нынѣшнее лѣто въ Сэранъ, нашъ новый за́мокъ.

— Мнѣ кажется, не мѣшало бы объ этомъ посовѣтоваться со мною?

— Разумѣется. Я и не рѣшилась бы отправить пригласительныя письма, не показавъ вамъ списка ... Онъ готовъ: взгляните, не забыла ли я кого?

— Какъ! Это все друзья? Неужели у насъ столько друзей? Двѣ страницы друзей! Не считалъ я себя такимъ богачемъ.

— За чѣмъ вы привязываетесь къ словамъ? Я хотѣла сказать ... я понимала ... т. е. это тѣ, съ кѣмъ мы коротки, съ кѣмъ видаемся безъ церемоній.

— А! это другое дѣло. Но позвольте, въ эту категорію входятъ люди пустые, бездна несносныхъ надоѣдалъ и всѣ наши искренніе ... враги. До–сихъ–поръ мы проводили лѣто въ Парижѣ или на водахъ, и вы, не зная деревенской жизни, чуть – чуть не сдѣлали страшнаго промаха.

— То есть, вы хотите сказать, что списокъ мой слишкомъ длиненъ?

— Невѣроятно, ужасно длиненъ. Тѣ, кого вы называете нашими короткими знакомыми, — хороши, пока въ городѣ. Мы видимся съ ними часа три, небольше. Они не успѣютъ ни надоѣсть, ни помѣшать, ни поразить своими недостатками. Въ деревнѣ — совсѣмъ не то: дурныя стороны человѣка выступаютъ поневолѣ, и тошно да-

же смотрѣть на него; притворство утомляется, заемныя чувства проговариваются, и искренніе наши враги обнаруживаютъ всю свою черноту.

— Положимъ, я не стою за враговъ. Вы ихъ знаете: вымарайте.

— Убудетъ, значитъ, третья доля вашего списка. Неужели же мы позовемъ людей тяжелыхъ, скучныхъ? Въ этомъ скоро пришлось-бы раскаяться. Тѣ, которые имѣютъ даръ надоѣдать вамъ въ вашемъ парижкомъ салонѣ,—въ деревнѣ еще несноснѣе. Вотъ вамъ другая треть.

— Кто жъ остается? Пустые?

— Въ деревнѣ пустые люди повышаются въ чинѣ. Ихъ ничтожество изчезаетъ на чистомъ воздухѣ; они становятся также тяжелы, какъ и прочіе.

— Такъ вы и ихъ хотите исключить? Понимаю. Но зачѣмъ было не сказать мнѣ на-прямикъ, что вы нынѣшнее лѣто не хотите видѣть у себя никого. Право, я начинаю менѣе радоваться вашей покупкѣ. Замокъ рѣшительно сдѣлается мнѣ противенъ, если придется жить въ совершенномъ одиночествѣ.

— Это преувеличеніе! Мы ѣдемъ въ деревню, чтобъ отдохнуть отъ однообразія нашихъ городскихъ привычекъ. Если же мы должны встрѣтиться тамъ со всѣми тѣми лицами, которыя осаждали насъ здѣсь, за чѣмъ ѣхать? Съ тѣми же людьми пришлось бы поневолѣ возвратиться къ тому же образу жизни, вращаться въ томъ же кругу обыденныхъ разговоровъ и избитыхъ удовольствій; просто, мы перенесли бы въ Сэранъ нашъ парижскій салонъ. Не значитъ ли это обманывать себя! Стало, вы не понимаете прелести разнообразія, перемѣны? Кто вамъ говоритъ о совершенномъ уединеніи? Во-первыхъ, у васъ будетъ ваша племянница, Ортáнсъ, а кромѣ этого ... я мараю не весь вашъ списокъ. Есть имя, которое я ни-за-что не вычеркну. Ваша пріятельница, г-жа Демарьеръ, проведетъ часть лѣта въ Сэранѣ; мужъ ея подаритъ намъ все время, свободное отъ дѣлъ. Я звалъ нашего молодаго родственника, Фредерика Латуръ: онъ будетъ часто навѣщать насъ. Сверхъ того, у насъ будутъ сосѣди, которые, разумѣется, познакомятся съ нами: по крайней мѣрѣ — новыя лица, и въ ихъ числѣ навѣрно найдутся забавные оригиналы. Вы увидите, что вамъ понравится и новый родъ жизни, и это импровизованное общество. Попробуемъ, и если не понравится, на будущій годъ распорядимся иначе.

Разговоръ этотъ продлился отъ разныхъ возраженій, которыя мужъ опровергалъ съ большимъ краснорѣчіемъ. Онъ приготовился къ бою, находилъ отвѣтъ на все и побѣда должна была остаться за нимъ.

Нѣсколько дней спустя, супруги, господинъ и госпожа Дюмонъ, отправились въ свой зáмокъ Сэранъ.

Во взглядѣ на удовольствіе сельской жизни г. Дюмонъ былъ руководимъ чувствомъ, весьма понятнымъ: ему было пятьдесятъ лѣтъ, а г-жѣ Дюмонъ — двадцать шесть. Къ этой несоразмѣрности лѣтъ, по себѣ уже обильной опасностями, присоединялись и другія обстоятельства, не менѣе важныя. Мужъ былъ характера безпокойнаго и крутаго, жена была очень-хороша собою и страшная кокетка. Не

смотря на это, все до сихъ поръ обстояло у нихъ довольно благополучно, и союзъ, заключенный уже семь лѣтъ тому, едва былъ помраченъ легкими облачками. Г – жа Дюмонъ часто давала волю своему кокетству, но постоянно ограничивалась легкими вылазками, довольствуясь тѣмъ, что поощряла своихъ поклонниковъ, разжигала страсти и приводила въ отчаяніе тѣхъ, которые неосторожно увлекались ея взглядами, улыбкою и очаровательною рѣчью. Никогда не покушалась она заходить дальше: ей только нужно было, чтобъ ея тщеславіе удовлетворялось и торжествовало. Не мудрено было бы мужу умному держать такую женщину въ должной колеѣ: уступай ей въ бездѣлицахъ, не мѣшай лишнему пылу проявляться самымъ невиннымъ образомъ — и спи себѣ спокойно.

У г – на Дюмона не было недостатка въ умѣ; свѣтъ даже находилъ, что для его личнаго обихода ума у него слишкомъ много Впрочемъ доказательства были на лицо: онъ умѣлъ нажить сорокъ – тысячь ливровъ годоваго дохода и жениться на восхитительной женщинѣ; но ревность бросаетъ тѣнь на качества самыя блестящія и самыя прочныя. Вѣчно готовый пугаться и совершенно терять голову въ минуты рѣшительныя, Дюмонъ, на свое несчастіе, нашелъ товарища-собрата, который не уступалъ ему въ безпокойной подозрительности и ни на чемъ не основанномъ паническомъ страхѣ. Этотъ товарищъ былъ Демарьеръ, банкиръ, чрезвычайно – уважаемый на биржѣ и мужъ, нѣсколько больше нежели зрѣлый, молодой дамы — пансіонской подруги г–жи Дюмонъ. Дружба двухъ молодыхъ женщинъ, начавшаяся съ дѣтства, позднее скрѣпилась еще болѣе отъ сходства характеровъ, вкусовъ и положеній; взаимной привязанности ихъ рѣшительно не было мѣры. Онѣ прощали другъ другу свои счастливыя свойства и искренно отдавали справедливость обоюдной красотѣ: рѣдкій и неоцѣнимый примѣръ чувства, которымъ, говорятъ, вообще не щеголяютъ дамы.

Зима была блестящая и оживленная; среди длиннаго ряда баловъ и концертовъ, г. Дюмонъ провелъ ее въ безпрестанномъ безпокойствѣ и страхѣ. Весна мало его успокоила; правда, что весна, холодная и дождливая, сохранила всѣ замашки зимы: продолжались вечерніе съѣзды, а балы, казалось, грозили не прекратиться и на лѣто. «Коли такъ—подумалъ мужъ,—приходится мнѣ бить отбой! Прошлымъ лѣтомъ жена моя имѣла большой успѣхъ на купаньяхъ въ Діеппѣ; воды тоже не безопасны; тамъ не укроешься отъ непріятеля; значитъ, надо искать убѣжища болѣе неприступнаго. «И Дюмонъ купилъ за́мокъ Сэранъ.

Эта покупка была въ то же время довольно выгодное употребленіе капитала: земля съ преизрядным доходомъ, прекрасный за́мокъ, довольно обширный паркъ, роскошные луга. Онъ помѣщалъ свои деньги на три процента, и получилъ на придачу возможность присоединить къ своей фамиліи, болѣе нежели обыкновенной, звонкое и аристократическое названіе владѣльца за́мка—обстоятельство, которое, говорилъ онъ, мало занимало его самого, но утѣшало г – жу Дюмонъ.

Когда Дюмонъ подписалъ актъ, дѣлавшій его владѣльцемъ за́м-

ка Сэранъ и когда его жена водворилась въ этой крѣпости, неприступной для парижскихъ львовъ, бѣдный мужъ замѣтно успокоился. Г. Демарьеръ, которому онъ сообщилъ о своемъ планѣ съ первой минуты, когда о немъ задумалъ, оказалъ восторженное сочувствіе къ этой мысли и изъявилъ горячее желаніе обезпечить свое спокойствіе тѣмъ же способомъ, т. е. запрятать свою жену въ ту же клѣтку. По этому онъ съ радостью и особенною признательностію принялъ приглашеніе своего собрата по ревности. Условились, что г – жа Демарьеръ проведетъ лѣто въ Сэранѣ, а мужъ, занятый въ Парижѣ дѣлами, будетъ пріѣзжать туда по воскресеньямъ, праздникамъ и всякій разъ, какъ только найдется свободное время. Отъ Парижа до Сэрана было пятнадцать миль, но какъ двѣ трети пути можно было ѣхать по орлеанской желѣзной дорогѣ, то разстояніе выходило почти ничтожное.

Дюмону приходилось тоже иногда ѣздить изъ за́мка въ Парижъ, куда призывалъ его важный процессъ. Деньги занимали въ его сердцѣ второе мѣсто, и, чтобы ничего не терять, онъ поневолѣ долженъ былъ раздѣлить свой надзоръ: однимъ глазомъ наблюдать за женой, другимъ — за состояніемъ. Впрочемъ, онъ не предвидѣлъ надобности отлучаться дольше, чѣмъ на сутки, и какъ пріѣздъ въ за́мокъ былъ воспрещенъ пустымъ людямъ, людямъ скучнымъ и искреннимъ врагамъ, т. е. рѣшительно всѣмъ, то бояться было нечего.

Что касается до сосѣдей, то къ нимъ шага не было сдѣлано и ни одинъ изъ нихъ даже не показался. Ктому же на двѣ мили кругомъ попадались только самыя бѣдныя усадьбы, принадлежавшія владѣльцамъ черезъ-чуръ ничтожнымъ, съ которыми не для чего было и знакомиться, и которые, вѣроятно, и сами бы отказались отъ этой чести.

Первыя двѣ недѣли проведены были не дурно : осматривали окрестности Сэрана, веселыя и живописныя; дѣлали большія прогулки пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ, на лодкѣ; ловили рыбу, обѣдали въ зелени, раздавали милостыню по бѣднымъ хижинамъ — все это заняло нѣсколько дней ; но вся прелесть этихъ удовольствій заключалась въ ихъ новости; нѣтъ ничего однообразнѣе зелени, природы, тихой волны и всѣхъ этихъ нехитрыхъ развлеченій, какія доставляютъ сельская жизнь и простодушные деревенскіе жители. Двѣ парижскія львицы скоро должны были соскучиться удовольствіями, которыя имѣютъ цѣну только для натуръ чувствительныхъ и поэтическихъ, и въ то самое время, какъ мужья ихъ радовались спокойствію, котораго такъ искусно успѣли добиться, г-жи Дюмонъ и Демарьеръ уже начинали чувствовать первые припадки скуки.

Скука ! вотъ непріятель, о которомъ не подумали наши два мужа,— врагъ искренній и короткій, который является незваный; коварный наперстникъ, открывающій всѣ пути ко злу.

Это было въ понедѣльникъ; банкиръ уѣхалъ въ Парижъ и увезъ съ собою Фредерика Латуръ, молодаго родственника, единственнаго холостяка, по особенному исключенію допущеннаго въ сэранскую крѣпость; ему бояться было нечего; сердце его не принадлежало ему; онъ былъ

безъ ума влюбленъ въ Гортензію, племянницу г-жи Дюмонъ, которая сверхъ того была ея попечительницей.

Гортензія раздѣляла нѣжныя чувства Фредерика, и союзъ молодыхъ людей былъ бы какъ-нельзя-болѣе приличенъ, но г-жа Дюмонъ не хотѣла и слышать о немъ. Опираясь на свое право попечительницы, она рѣшительно отказала имъ въ своемъ согласіи, а мужъ былъ очень радъ уступить ей въ дѣлѣ, нисколько его не интересовавшемъ. Г-жу Дюмонъ этотъ вопросъ занималъ гораздо болѣе: у нея былъ братъ, гораздо старше ея, безъ состоянія, холостякъ и, въ это время, маіоръ въ одномъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Африкѣ; за Гортензіею было приданаго до двухъ-сотъ-тысячъ франковъ, и попечительница, какъ добрая сестра, просила руки племянницы для маіора.

Въ тотъ понедѣльникъ, о которомъ мы начали рѣчь, двѣ пріятельницы тщетно придумывали, чѣмъ бы развлечься. Гулять не было возможности: шелъ дождикъ. — Дождь тоже врагъ, котораго не предвидѣли предусмотрительные мужья.

Несмотря на дурную погоду, Дюмонъ отправился въ довольно отдаленную часть своего парка, наблюсти за какими-то хозяйственными распоряженіями. Гортензія, грустя объ отъѣздѣ Фредерика, ушла въ свою комнату, и почти не выходила. Двѣ дамы были однѣ въ гостиной; онѣ сидѣли, развалясь, въ покойныхъ креслахъ, сложивъ руки, и въ отчаяніи, откинувъ назадъ головы, смотрѣли въ потолокъ, рѣдко мѣняясь словами и едва скрывая зѣвоту.

— Что мы сегодня будемъ дѣлать?

Этотъ вопросъ, повторявшійся нѣсколько разъ, все оставался безъ отвѣта

И въ-самомъ-дѣлѣ, дѣлать было рѣшительно нечего, ни на воздухѣ, ни дома. Журналы прочли; послѣдніе романы, присланные книгопродавцемъ, оказались преглупыми и скучными, всѣ предметы разговора были давно истощены. Скука уже начала пробивать себѣ дорогу къ хозяйкѣ и къ ея подругѣ, какъ вдругъ горничная подала письмо изъ Парижа.

Въ подобную минуту это письмо было настоящій кладъ. Г-жа Дюмонъ съ перваго взгляда узнала почеркъ.

— Отъ г-жи Дальбевиль! сказала она.

— Нельзя было желать ничего лучшаго! — замѣтила г-жа Демарьеръ: — г-жа Дальбевиль одна изъ умнѣйшихъ женщинъ въ цѣломъ Парижѣ и она всегда все знаетъ.

— Три страницы новостей, продолжала г-жа Дюмонъ, развертывая письмо.

Въ своемъ посланіи г-жа Дальбевиль передавала обыкновенныя вѣсти большаго свѣта, хронику увеселеній, вечеровъ, концертовъ, скачекъ, Оперы. «Парижъ еще сносенъ — писала она — но всякій день кто-нибудь да покидаетъ насъ. Всѣ нынче ѣдутъ въ Баденъ, и я сама чуть-чуть не рѣшилась на то-же».

— Она свободна! — замѣтила г-жа Дюмонъ, прерывая чтеніе: — она можетъ ѣхать, куда ей вздумается. Счастливицы, право, эти вдовы!

— Молчи, ради Бога! — отвѣчала г-жа Демарьеръ съ улыбкою: — ну, если мужъ услышитъ.

— О, мой мужъ теперь далеко и нескоро воротится. Я его знаю: какъ начнетъ возиться въ паркѣ, конца не будетъ.

— Ты не кончила письма?

— Нѣтъ, и продолжаю... Боже мой! Вотъ еще новость.

— Что такое?

— Вообрази, она собирается замужъ.

— А ты только-что завидовала ея счастію.

— Это все ничего. Отгадай, за кого.

— Почему же я знаю. У ней всегда столько поклонниковъ, она такъ капризна...

— Помнишь ты маленькаго Леопольда Дюжарди?

— Перестань! Этотъ молодой человѣкъ, который ухаживалъ за тобою два года тому; такой наивный, такой..

— Глупый?... отчего-же не договорить?

— Помнишь, какъ онъ насъ забавлялъ?

— А письма, которыя онъ мнѣ передавалъ тайкомъ и дрожащими руками; сколько веселыхъ минутъ онѣ намъ доставили.

— Иногда мы смѣялись, просто, до слезъ.

— Какія нѣжности! Что за сахарный слогъ!

— Постой; у меня вѣдь цѣлы эти письма. Мы можемъ перечитать ихъ: это насъ займетъ. Право.

— И г-жа Дальбевиль выйдетъ за этого барашка! Правда, что у нее хватитъ ума на двоихъ.

— Она пишетъ, что не знаетъ Дюжарди; но ей предлагаетъ его дядя, который живетъ въ Марсели.

— Стало-быть онъ въ Провансѣ?

— Развѣ ты забыла, что онъ какъ-то вдругъ исчезъ?

— Съ отчаянія отъ твоей холодности!... Онъ замѣтилъ, что ты смѣешься надъ нимъ.

— Не думаю, чтобъ его стало на это. Мнѣ говорили, что онъ уѣхалъ куда-то далеко... путешествовать. Однако, Дюжарди моложе г-жи Дальбевиль, гораздо моложе.

— Вдовы всегда такъ дѣлаютъ, когда выходятъ, замужъ.

— Онъ богатъ, она — напротивъ.

— Вотъ и утѣшеніе.

— Что ни говори, г-жа Дальбевиль, если выйдетъ за Дюжарди, сдѣлаетъ большую глупость. Надо ее вразумить, объяснить ей это, посовѣтовать... и у меня подъ рукой самое простое средство.

— Письма?

— Разумѣется.

— И ты съ ними разстанешься? Они, однакожъ, имѣютъ свою цѣну.

— Я ничѣмъ не подорожу, чтобъ одолжить пріятельницу. Довольно даже послать одно письмо.

— Надо только выбрать, которое получше.

— И это доставитъ намъ случай пересмотрѣть всю корреспонденцію.

Проэктъ былъ немедленно исполненъ. Пріятельницы, перечитавъ съ

восхищеніемъ и самымъ добродушнымъ смѣхомъ двѣ дюжины писемъ глупыхъ, наивныхъ, неловкихъ, какъ обыкновенно пишутъ ихъ самые неопытные новички въ любви, отправили одно изъ нихъ на имя г-жи Дальбевиль. Все это было очень не хорошо, не деликатно, даже не честно; но сельская жизнь щедра на злыя внушенія, и скука частехонько ведетъ къ ужаснымъ проступкамъ.

... Прошло нѣсколько дней съ отправленія этого несчастнаго письма. Разъ утромъ, пріятельницы сидѣли въ одномъ изъ павильоновъ парка, откуда представлялся довольно хорошій видъ. Г-жа Демарьеръ рисовала пейзажъ въ свой альбомъ.

— Не правда ли, мѣстоположеніе очаровательное? — спросила она у своей подруги.

— Да; въ особенности этотъ бѣлый домикъ; чудо, какъ онъ хорошъ посреди деревьевъ.

— Это рѣшительно лучшій домикъ въ цѣлой окрестности, и меня ужасно мучитъ любопытство, отчего никто въ немъ не живетъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы пріѣхали сюда, ни разу даже не отворялись ставни.

За послѣднимъ словомъ г-жи Дюмонъ, какъ на смѣхъ, отворились ставни.

Дамы вскрикнули отъ удивленія и испуга; въ-самомъ-дѣлѣ, было что-то необъяснимое въ томъ, что ставень отворился именно какъ-будто по желанію г-жи Дюмонъ.

Отъ павильона до бѣлаго домика было не менѣе четверти мили, но обѣ дамы имѣли прекрасное зрѣніе, и ясно различили, что лицо, показавшееся въ окнѣ, принадлежало человѣку молодому. Отдѣльныя черты лица нельзя было разсмотрѣть на такомъ разстояніи, но цѣлое было довольно-видно: прекрасная голова, длинные вьющіеся волосы, черная борода, рука бѣлая и правильная. Молодой человѣкъ закурилъ сигару, пустилъ нѣсколько клубовъ дыма, потомъ окно затворилось и домъ принялъ прежній видъ.

— Вотъ у насъ и сосѣдъ, наконецъ! — замѣтила г-жа Дюмонъ.

— И я занесла его въ мой альбомъ. Посмотри: похожъ?

— Ты не польстила ему. Мнѣ кажется, онъ лучше портрета.

— Да вѣдь это только эскизъ. Мы его такъ дурно разсмотрѣли.

— Надо надѣяться, что разсмотримъ лучше.

— Скажи мужу, чтобъ онъ его пригласилъ?

— Не знаю, хорошо ли это будетъ. У Дюмона бываютъ престранныя идеи. Онъ всего боится.

— Можетъ-быть, сосѣдъ первый сдѣлаетъ шагъ, и если онъ захочетъ представиться, надо же будетъ принять его.

— Да и навѣрно мы его встрѣтимъ въ одной изъ нашихъ прогулокъ.

— Кстати, сегодня погода чудесная. Послѣ завтрака, пойдемъ гулять.

Скука исчезла точно по манію волшебства. Такъ одинъ врагъ гонитъ другаго. Только-что кончился завтракъ — а кончился онъ очень скоро — дамы, какъ-будто сговорившись, одѣлись удивительно изы-

сканно, какъ ни разу не одѣвались онѣ со дня своего пріѣзда въ Сэранъ. Не пригласивъ съ собою ни Гортензіи, ни г-на Дюмона, пріятельницы отправилисьвдвоемъ и притомъ тайкомъ. Онѣ уже были счастливы тѣмъ, что нашли, что̀ скрывать.

Нужно ли говорить, что онѣ пошли по направленію къ бѣлому домику? Онѣ прошли у самаго забора, но окно не отворялось. Прогулка длилась немало, но встрѣчи никакой не было. День былъ потерянъ.

На другой день, съ ранняго утра, г-жа Демарьеръ опять вооружилась своимъ альбомомъ и карандашомъ; г-жа Дюмонъ сопутствовала ей въ павильонъ, и окно отворилось, какъ наканунѣ. Показался молодой человѣкъ. Пріятельницы схватили театральныя трубки, и новый осмотръ только подкрѣпилъ прежнія заключенія: рѣшительно сосѣдъ былъ молодъ и хорошъ.

Затѣмъ все шло по вчерашнему. Послѣ завтрака, г-жа Дюмонъ приказала подать коляску. На этотъ разъ въ прогулкѣ приняли участіе г-нъ Дюмонъ и Гортензія. Коляска проѣхала подъ самыми окнами бѣлаго домика: пріятельницы надѣялись, что звукъ экипажа обратитъ вниманіе незнакомца — ничуть не бывало: сосѣдъ не показался.

Понимаете ли вы теперь всю опасность уединенія и сельскаго отшельничества? Еслибъ увидѣли г-жи Дюмонъ и Демарьеръ того же молодаго человѣка подъ окномъ въ Парижѣ, онѣ, чего добраго, и не замѣтили бы его, а ужъ навѣрно бы не вспомнили о немъ. Въ Сэранѣ, среди многочисленнаго и хорошаго общества, онѣ, конечно, не замѣтили бы ни закрытыхъ ставней, ни отворявшагося потомъ окна; теперь, мучимыя тоскою одиночества, онѣ готовы воспламениться отъ какой-нибудь черной бороды, показавшейся имъ на разстояніи четверти мили. Имъ непремѣнно нужно видѣть эту бороду вблизи. Любопытство возбуждено, въ головѣ пошло бродить; берегитесь, не сдѣлалось бы того же и съ сердцемъ. Въ блестящемъ кругу свѣта нѣкогда увлечься серьёзно: едва достаетъ время отвѣчать на любезности всѣхъ поклонниковъ; но когда кокетство подъ арестомъ, поневолѣ бросишься въ область чувства и страсти.

Отъ природы живѣе и любопытнѣе своей подруги, г.жа Дюмонъ повела дѣло довольно-скоро. Разъ какъ-то, когда мужъ ея уѣхалъ въ Парижъ, она послала сосѣду приглашеніе на обѣдъ. Ей удалось уже узнать имя сосѣда: его звали де-Блеваль. Подходилъ часъ обѣда; г-жа Дюмонъ сидѣла въ гостиной съ явными признаками нетерпѣнія и безпокойства, которые раздѣляла вполнѣ г-жа Демарьеръ.

— Наконецъ-то мы его увидимъ, будемъ говорить съ нимъ! воскликали наперерывъ пріятельницы.

Вдругъ подали письмо, въ которомъ г. де-Блеваль извинялся, что не можетъ принять приглашенія и долженъ, къ сожалѣнію, отказаться отъ чести быть у г-жи Дюмонъ.

Это письмо возбудило негодованіе хозяйки дома: ей пришло на мысль, что она имѣетъ право требовать отъ г-на де-Блеваль объясненія его отказа, и она посвятила весь вечеръ на сочиненіе письма, удивительно

тяжелаго, двусмысленнаго, въ которомъ она старалась не выступить изъ извѣстныхъ предѣловъ, а проговорилась не однимъ необдуманнымъ словомъ. Г–жа Демарьеръ даже не узнала объ этомъ письмѣ: оно было послано безъ ея вѣдома. Это была въ жизни первая тайна г–жи Дюмонъ отъ подруги.

Де – Блеваль былъ на-столько учтивъ, что отвѣчалъ, и вотъ, завязалась переписка. Попавъ на эту дорогу, есть ли средство остановиться? Оказалось, что молодой человѣкъ несчастливъ, что онъ страдаетъ, что ему нужно утѣшенье, что сердце его ищетъ сочувствія. Письма сдѣлались нѣжны, потомъ страстны, и въ одинъ прекрасный вечеръ ...

Въ этотъ ужасный вечеръ г. Дюмонъ опять былъ въ Парижѣ. Передъ самымъ наступленіемъ ночи, г–жа Дюмонъ вышла въ павильонъ: назначено было первое свиданіе двухъ сердецъ, которыя уже такъ хорошо понимали другъ друга. Де–Блеваль не заставилъ ждать себя.

Онъ подошелъ, какъ нельзя любезнѣе, поклонился г–жѣ Дюмонъ, поцѣловалъ ея руку, потомъ, отступивъ шага на два и выпрямившись, пристально взглянулъ на нее и спросилъ съ нѣсколько язвительной улыбкой:

— Узнаете вы меня?

Удивленная этимъ страннымъ вопросомъ, г–жа Дюмонъ отвѣчала слабымъ голосомъ:

— Нѣтъ.

— Всмотритесь хорошенько!.. Вспомните. Два года тому назадъ у меня, правда, не было ни этой прически, ни бороды, которая скрываетъ половину моего лица; однакожъ, при небольшомъ вниманіи, невозможно, чтобъ ваша память не напомнила вамъ одну изъ вашихъ жертвъ ... Леопольдъ Дюжарди ... это я. Я назвался Блевалемъ, чтобъ вѣрнѣе заслужить ваше вниманіе. Не находите ли вы, что я измѣнился къ лучшему: во–первыхъ, лицемъ, а во–вторыхъ и въ слогѣ? Да, признаюсь, я былъ ужасно простъ, глупъ, какъ ребенокъ, но путешествія образуютъ молодыхъ людей, какъ сельская жизнь дѣлаетъ женщинъ доступнѣе,

— Вы за ...

— Позвольте. Вы, кажется, желаете кончить этотъ разговоръ; я радъ сдѣлать вамъ угодное, но прежде всего намъ надо кончить маленькій счетъ.

— Что вы хотите сказать?

— У васъ мои письма; я не говорю о послѣднихъ, но о тѣхъ, которымъ теперь два года; я боюсь, чтобъ вы какъ – нибудь не сдѣлали изъ нихъ ... не должнаго употребленія, и я явился просить васъ возвратить ихъ мнѣ. Г–жа Дальбевиль уже отдала мнѣ одно изъ нихъ, а вы будете столько добры—вручите мнѣ остальныя, въ обмѣнъ на ваши, которыми услаждалъ я минуты моего одиночества въ бѣломъ домикѣ.

— Я согласна.

— Это не все. Здѣсь есть все, что нужно для письма, и, такъ-какъ вы нынче въ особенно–хорошемъ расположеніи, я попрошу васъ формальнымъ образомъ изъявить здѣсь ваше согласіе на бракъ вашей пле-

мянницы съ моимъ пріятелемъ, Фредерикомъ Латуръ. Только за эту цѣну де-Блеваль будетъ молчать.

Г–жа Дюмонъ попалась въ западню; приходилось сдаться: она написала, что̀ продиктовалъ ей Дюжарди.

— Теперь я схожу за вашими письмами.

— Сдѣлайте одолженіе.

Воротившись въ павильонъ, г–жа Дюмонъ нашла Леопольда не одного; съ нимъ сидѣла г–жа Демарьеръ.

— Вотъ что̀ значитъ симпатія! весело замѣтилъ Дюжарди:—я былъ увлеченъ въ одно время въ двѣ переписки; я каждое утро получалъ два письма отъ двухъ пріятельницъ, которыя не повѣрили другъ другу тайны этой письменной интриги. Не правда ли, я сдѣлалъ недурно, что назначилъ оба свиданія почти въ одно и тоже время? Такія пріятельницы любятъ встрѣчаться на всякомъ поприщѣ. Г–жа Дюмонъ, я надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь пригласить меня на этихъ дняхъ на свадьбу вашей племянницы. Вамъ же, г–жа Демарьеръ, я возвращаю ваши письма съ условіемъ, что вы предупредите меня, когда вашему мужу — онъ мой банкиръ — вздумается удрать въ Бельгію... Имѣю честь вамъ кланяться.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Опредѣленіе Петербурга. — Новые его памятники: Благовѣщенскій Мостъ, Эрмитажная Галлерея, Станція Желѣзной Дороги. — Первенство Петербурга въ артистическомъ отношеніи. — Новости литературныя. — Новости музыкальныя. — Бюсты и статуэтки Степанова. — Общественныя увеселенія. — Мистрисъ Блумеръ и затѣянный ею переворотъ въ модахъ. — Какъ Петербургъ слѣдуетъ модѣ. — Благородное Собраніе и его швейцаръ.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, человѣкъ бывалый и очень умный, говорилъ: «Кто хочетъ познакомиться съ чудесами древняго міра — ступай въ Римъ; кто хочетъ узнать чудеса новаго — отправляйся въ Парижъ и Лондонъ; а кто желаетъ увидѣть вдругъ и то и другое — бери тройку и скачи въ Петербургъ!» — И въ самомъ дѣлѣ, Петербургъ соединяетъ въ себѣ въ настоящую минуту все, что способно удивлять, поражать, разнообразить и услаждать жизнь, словомъ все, что для человѣка мыслящаго и образованнаго составляетъ непремѣнную потребность его эстетическаго бытія!

Великолѣпные, дивные памятники воздвигаются у насъ съ изумительною быстротою и составляютъ предметъ паническаго изумленія для завистливыхъ иностранцевъ, потому-что свидѣтельствуютъ о славѣ, гигантскихъ силахъ, матерьяльномъ могуществѣ и интелектуальномъ богатствѣ Россіи и о быстромъ, непрерывномъ нашемъ совершенствова-

ніи по всѣмъ стезямъ человѣческихъ знаній. Кто не бывалъ въ Петербургѣ лѣтъ десять, останавливается на каждомъ шагу съ удивленіемъ и не узнаетъ прежнихъ мѣстъ. Петербургъ ростетъ и полнѣетъ не по днямъ, а по часамъ, и съ каждой минутой становится красивѣе.

Давно-ли узкій Екатерининскій мостъ черезъ Фонтанку, съ его мавританскими башенками, превратился въ широкій, плоскій Аничкинъ мостъ, служащій продолженіемъ великолѣпному Невскому Проспекту, и дивилъ всѣхъ изящной своей бронзовой рѣшеткою, своими чудными конями, работы барона Клодта! Давно–ли узкая Мойка, съ ея горбатымъ Синимъ мостикомъ, превратилась въ обширную, красивую площадь и застроилась великолѣпными зданіями! И вотъ уже готовъ новый памятникъ, за который Петербургъ вѣчно будетъ благословлять державную руку, положившую ему краеугальный камень. Мы говоримъ о новомъ «Благовѣщенскомъ» мостѣ, черезъ Неву, открытомъ въ концѣ запрошлаго года. Кто видѣлъ циклопическія работы многихъ лѣтъ, совершавшіяся на этомъ мѣстѣ, кто знаетъ борьбу съ природными препятствіями, съ которыми они были сопряжены, кто понимаетъ важную выгоду, представляемую этимъ мостомъ, служащимъ связью административной части Петербурга съ коммерческою и учебною его стороною — Васильевскимъ – Островомъ, тотъ только поймetъ и оцѣнитъ всю важность, всю заслугу, всю славу этаго дивнаго сооруженія! Англичане хвалятся своими мостами, и дѣйствительно ихъ мосты: Лондонскій, Воксальный, Вестминстерскій, Ватерлоскій, Hungerford–Bridge (*висячій*), Blackfriars-Bridge, Southwark-Bridge, безподобны по плану, по затѣйливымъ системамъ, по смѣлому, можно сказать, дерзкому выполненію, но они далеко отстали отъ нашего моста въ красотѣ и цѣнности матерьяла: ихъ известнякъ замѣненъ у насъ вѣковымъ гранитомъ.

Притомъ, надъ Темзою могли изощряться затѣйливые умы: она и смирнѣе и уже нашей Невы, она незнакома съ ледяными глыбами, посылаемыми намъ два, а иногда и три, и четыре раза въ годъ, услужливымъ Ладожскимъ-Озеромъ. Только соотвѣтственныя мѣры и такой щегольской нарядъ, какъ нашъ новый мостъ, могли укротить нашу кокетливую и капризную красавицу–Неву. И въ этомъ–то именно и состоитъ главная слава нашего чуднаго памятника! Замысловатое устройство, для пропуска судовъ, разводящее одну оконечность моста съ удивительною скоростью, составляетъ даже предметъ удивленія и науки для иностранныхъ техниковъ. Это точно широкія ворота, распахивающіеся въ одну минуту, какъ бы по волшебному велѣнію, на встрѣчу чужеземнымъ гостямъ, которыхъ флаги сносятъ намъ всѣ сокровища коло-

ній, всѣ утонченныя издѣлія метрополій, и возвращаются назадъ подъ бременемъ богатствъ нашей отечественной производящей промышленности.

Видъ съ моста во всѣ стороны великолѣпный: тутъ передъ вами весь берегъ Васильевскаго-Острова, окоймленный зубчатымъ рядомъ громадныхъ зданій учебныхъ заведеній: Горнаго, Морскаго и Перваго кадетскаго корпусовъ, Университета, Академіи Наукъ, и посреди ихъ всѣхъ, на первомъ планѣ красуется чудное зданіе Академіи Художествъ, съ гранитною пристанью. Съ другой стороны пестрая лента аристократическихъ домовъ Англійской Набережной и посрединѣ, на площади, прекрасная новая церковь Благовѣщанія, съ пятью золотыми куполами, построенная Тономъ, въ «византійско-русскомъ» стилѣ. Само собою разумѣется, что такая постройка, какъ Благовѣщенскій мостъ должна была повлечь за собою перемѣны и въ самыхъ окрестностяхъ его. Узкій Крюковъ каналъ обратился въ прекрасный булеваръ, противъ моста новыя, правильныя улицы и площади, застроенныя красивыми зданіями, казенными и частныхъ лицъ. Вообще, вся мѣстность приняла видъ торжественный, праздничный!

Истекшій 1851 годъ останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Петербурга и въ исторіи всей Россіи. Въ концѣ его открыта «Эрмитажная Галлерея,» зданіе великолѣпное, красивое, изумляющее своимъ внѣшнимъ богатствомъ, предназначенное для сохраненія принадлежащихъ Зимнему Дворцу художественныхъ сокровищъ, русскихъ и иностранныхъ мастеровъ, всѣхъ вѣковъ, и всѣхъ школъ. А ноябрь мѣсяцъ навсегда обручилъ первопрестольную Москву съ роскошнымъ Петербургомъ крѣпкими узами желѣзной дороги. Событіе великое, обѣщающее неисчислимыя блага нашему отечеству! Желѣзная дорога имѣла также свое вліяніе на красоту Петербурга. Наша столица, какъ утонченная кокетка, пользуется каждымъ случаемъ, чтобы принарядить ся и украситься. Прекрасное, обширное зданіе «станціи желѣзной дороги», вмѣстѣ съ громаднымъ домомъ гр. Фермора-Штейнбока, предназначаемымъ для гостинницы въ пользу московскихъ гостей, составили среди Невскаго Проспекта прекрасную площадь, удобную для съѣзда и разъѣзда, безъ помѣхи обычной городской циркуляціи. Годъ тому назадъ и Царскосельская желѣзная дорога, вмѣсто своей деревянной станціи, воздвигла въ Семеновскомъ Полку очень красивый, каменный амбаркадеръ, также не мало способствовавшій украшенію площадки передъ храмомъ Введенія и Обуховскою больницею.

Вотъ новые памятники, которые невольно должны поразить каждаго заѣзжаго въ Петербургъ, послѣ даже кратковременнаго отсутствія.

Но все это относится къ внѣшней красотѣ Петербурга; а что его ожидаетъ въ вихряхъ нашей общественной жизни! Сколько нововведеній, удовольствій, наслажденій— найдетъ онъ въ этомъ вѣчно движущемся живомъ хаосѣ дѣла и бездѣлья, важныхъ начинаній и развлеченій, артистическихъ и промышленныхъ новостей, торговли и изобрѣтательности, заботливой суеты и утонченнаго комфорта! Театры, музыка, балы, маскерады, публичныя зрѣлища, магазины, гулянья, пикники, литературныя новости, все смѣняется ежедневно въ этомъ радужномъ калейдосконѣ, который мы условились пазывать нашей общественной, столичной жизнью.

До сихъ поръ хвастливый Парижъ величалъ себя всемірной столицей: вздоръ! Мы даемъ ему отставку! Отнынѣ Петербургъ — законодатель вкуса и моды! Къ намъ стекаются всѣ знаменитости Европы за нашимъ золотымъ одобреніемъ, у насъ лучшая опера въ мірѣ, у насъ Гризи, Персіяни, Маріо, Ронкони, Тамбурини, Формесъ, все славное, чѣмъ нѣкогда чванился Парижъ, который теперь восхищается оборышами отъ нашей оперы! У насъ первый историческій живописецъ Штейбенъ, у насъ талантливѣйшій изъ живущихъ нынѣ скульпторовъ— Витали, у насъ искуснѣйшій и вдохновеннѣйшій медальеръ — гр. Ѳ. П. Толстой; у насъ первый конныйваятель вѣка—баронъ Клодтъ, котораго лошади украшаютъ Неаполь и Берлинъ; у насъ величайшій изъ маринистовъ— Айвазовскій, который на всѣхъ европейскихъ выставкахъ стяжалъ пальму первенства; у насъ вѣковыя произведенія Брюлова и Бруни; къ намъ на выставку высылаютъ свои картины Каламъ и всѣ лучшіе мастера итальянской и бельгійской школы! Къ намъ, наконецъ, спѣшатъ Эрнсты, Листы, Шульгофы, Серве, Контскіе, Неруды — услаждать нашъ изнѣженный и прихотливый слухъ, не говоря уже о томъ, что мы владѣемъ первою скрипкою въ мірѣ — Вьетаномъ, и лучшимъ, европейскимъ оркестромъ — Іосифа Гунгля. Для наслажденій эстетическихъ, художественныхъ, — широкое поле! А балетъ съ его молодымъ, живымъ, прелестнымъ кордебалетомъ, какого нѣтъ нигдѣ, съ его первыми хореграфами Перо и Мазилье, лучшимъ композиторомъ танцовальной музыки, Пуньи, и увлекательными глазками и летучими ножками Карлотты Гризи! А нашъ Французскій Театръ съ его знаменитыми талантами, а Циркъ, съ обворожающей Аннато, безстрашной Ѳедоровой и неподражаемымъ Віолемъ, стоящемъ въ своемъ искусствѣ далеко выше прославленнаго парижскаго Оріоля! Отъ театра Русскаго— гдѣ взрослые восхищаются, какъ дѣти, «Житейскою Школою», «Деньщикомъ» и «Соломенною Шляпкою», до Дѣтскаго Театра въ Пассажѣ,

гдѣ дѣти смотрятъ, какъ взрослые,—на живую картину, изображающую Петра на Ладожскомъ озерѣ, и на маленькихъ механическихъ актеровъ, сдѣланныхъ съ большимъ искусствомъ, все полно, все занято, все свидѣтельствуетъ о нашей страсти къ разнообразной потребности развлеченія.

А что новаго у насъ въ литературѣ? Новости есть, но онѣ не блеслящи! Взгляните въ объявленія «Главной Конторы Редакціи Пантеона»: тамъ онѣ всѣ на лицо! Новый романъ Р. М. Зотова, старый романъ М. Н. Загоскина, конецъ романа г–жи Туръ, и отдѣльно изданныя «Записки Новоселова», вотъ и все, что новый годъ принесъ на алтарь отечественной словесности. О болѣе важныхъ книгахъ конца прошлаго года и начала нынѣшняго, мы поговоримъ подробнѣе въ слѣдующей книжкѣ Пантеона. Одну изъ замѣчательнѣйшихъ новостей нашей литературы, безспорно, составляетъ пятиактная комедія «Гдѣ медъ, тамъ и мухи», которую мы даемъ нашимъ читателямъ въ нынѣшней книжкѣ «Пантеона» и которая вылилась изъ подъ пера талантливой дамы, придалежащей высшему кругу и скрывшей свою фамилію подъ псевдонимомъ С. Одинской. Признаемся, мы давно не читали драматическаго произведенія, гдѣ было бы соединено столько жизненной истины, наблюдательности и художественной простоты, какъ въ произведеніи г–жи Одинской. Какъ вѣрно, рельефно отдѣланъ каждый характеръ, какъ непринужденно вытекаютъ положенія изъ самаго дѣйствія, по себѣ не вычурнаго, не натянутаго и столь обыкновеннаго! И замѣтьте, въ разговорѣ ничѣмъ не пожертвовано театральному эффекту, нѣтъ выкрученныхъ фразъ, нѣтъ придуманныхъ, напрашивающихся на насильственный смѣхъ, выраженій, а между тѣмъ, весь этотъ разговоръ дышетъ неподдѣльнымъ комизмомъ. Кажется, съ первой сцены вы уже знаете, чего должны ожидать отъ послѣдующаго дѣйствія: богатая завѣщательница и ея наслѣдники — тема слишкомъ избитая, — ничуть не бывало! Интересъ ростетъ съ каждымъ явленіемъ и наконецъ ставитъ читателя въ такое положеніе, что онъ самъ не знаетъ, чѣмъ все это развяжется. Вотъ истинное торжество комическаго дарованія, вотъ мастерство, до котораго можно бы пожелать, чтобъ достигли наши великіе творители комедій и пословицъ, наши Ожье и Поли Мюссе, которые такъ усердно гоняются за натурою и сами не замѣчаютъ, что бѣгутъ съ нею рѣшительно въ противуположныя стороны. Второе любопытное литературное явленіе составляетъ романъ В. И. Савинова «Шихъ–Мансуръ». Онъ избралъ поле совершенно новое, неразработанное, нравы намъ чуждые, хотя и принадлежащіе нашему отечеству, и выставляетъ намъ въ яркомъ коло-

ритѣ сцены свѣжія, полныя жизни и энергіи, среди лицъ, мѣстъ и событій, въ высшей степени интересныхъ.

Музыкальная литература принесла въ даръ новому году — цять музыкальныхъ альбомовъ. «L'Echo des bals», «Цыганскій таборъ», «Album de l'opera Italien» и «Kaepsake Schulhoff», четыре прехорошенькія изданія, могущія служить украшеніемъ салонныхъ пупитровъ и самымъ богатымъ рудникомъ для домашней музыки *. Всѣ они изданы роскошно, заботливымъ Musée musical. Первый заключаетъ въ себѣ всѣ новѣйшіе танцы — Ладе, Вальца, Іосифа Гунгля, Пуньи, Болле, Ив. Гунгля, Шевича, Набокова, Бороздина, Волконскаго и другихъ. Во второмъ собраны любимѣйшія народныя пѣсни и романсы, пѣтые Цыганскимъ Таборомъ Ильи Соколова и Васильева. Третій приноситъ довольно полный выборъ лучшихъ арій изъ Итальянскихъ оперъ, исполненныхъ на нашей сценѣ; а послѣдній исключительно посвященъ твореніямъ Шульгофа, этаго поэта-пьяниста, родоначальника новой школы фортепьяннаго исполненія, который приводилъ въ восторгъ слушателей своимиъ простыми, но полными задушевнаго чувства и мечтательности, мелодіями. Всѣ эти альбомы чрезвычайно красивы и два изъ нихъ украшены даже портретами І. Гунгля и Шульгофа. Мы должны замѣтить, что альбомы эти имѣютъ предшественниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ прошломъ году, подъ тѣми-же названіями, такъ, что ихъ можно-бы назвать ежегоднымъ музыкальнымъ календаремъ, опредѣляющимъ большую или меньшую консомацію музыки, большій или меньшій музыкальный вкусъ, большую или меньшую наклонность публики къ тому или другому роду музыки — въ теченіе года. Пятый Альбомъ называется «L'Arbre de Noel (*Елка*), онъ изданъ очень мило извѣстнымъ граверомъ Деноткинымъ, и заключаетъ въ себѣ вальсы, кадрили, польки, мазурки, сочиненія гг.: Ладе, Дютча, Ив. Гунгеля, Лядова, Станевскаго и Шнейцингера **. Цѣна всѣхъ этихъ альбомовъ, сравнительно съ ихъ изданіемъ, чрезвычайно умѣренная и это дѣлаетъ честь ихъ издателю. Только при дешевизнѣ можно надѣяться на большое распространеніе, а въ этомъ состоитъ вся надежда и честь композиторовъ.

Прибавя къ этимъ Музыкальнымъ Альбомамъ первую тетрадь «Нувеллиста», издаваемаго М. И. Бернардомъ, мы получимъ полный

---

* Альбомы эти продаются, въ Пассажѣ, въ магазинѣ «Musée musical» первые три по 3 р. с. а послѣдній по 5 р. с. Кто пожелаетъ имѣть всѣ четыре вмѣстѣ, платитъ только 12 р. с. Иногородные могутъ ихъ выписывать изъ Главной Конторы Редакціи Пантеона, прилагая на каждый альбомъ — за 3 фунта — вѣсовыя деньги.

** Продается на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Демидова, у издателя Деноткина и въ Конторѣ «Пантеона», по 3 рубля серебромъ.

итогъ музыкальныхъ новостей за нынѣшній годъ. «Нувеллистъ» самое старинное и самое добросовѣстное изъ нашихъ періодическихъ музыкальныхъ изданій, и не мудрено. Издатель его, г. Бернардъ, самъ композиторъ и первый музыкальный торговецъ въ Россіи: по сношеніямъ своимъ съ авторами музыки и виртуозами, онъ владѣетъ всѣми средствами наполнять свой журналъ лучшими ихъ произведеніями, — и дѣйствительно не щадитъ этихъ средствъ. «Нувеллистъ» постоянно новъ, разнообразенъ и приноситъ публикѣ занимательнѣйшія пьесы. Такъ и въ первомъ его № за нынѣшній годъ мы находимъ новое Cargiссіо Шульгофа, прекрасный *романсъ безъ словъ* Дювернуа, романсъ: «*И скучно, и грустно*» Гурилева, *Тирольень* Бургмюллера, *вальсъ* Маркалью, и *Trop tard* — романсъ Арну. Но что надо отнести къ особенной заслугѣ «Нувеллиста», это его «Petit Album des jeunes pianistes», который ежемѣсячно приноситъ порядочный запасъ легкихъ, граціозныхъ пьесъ, доступныхъ и для игроковъ средней руки. Къ Нувеллисту прилагается и «Литературное прибавленіе», своевременно сообщающее всѣ музыкальныя новости. Значитъ: чего хочешь, того просишь! Есть что и почитать, и поиграть, и прошѣть; есть музыка на всѣ руки и на всякій вкусъ! Чего-же больше и требовать отъ музыкальнаго изданія?

Въ художественномъ мірѣ мы можемъ указать на очень пріятную новость. Всѣмъ извѣстенъ замѣчательный талантъ нашего русскаго Дантана, Н. А. Степанова, котораго каррикатурные статуэтки извѣстныхъ русскихъ литераторовъ и артистовъ разошлись по цѣлой Россіи. Теперь Н. А. Степановъ предпринялъ издать въ свѣтъ рядъ бюстиковъ всѣхъ русскихъ знаменитостей, писателей, композиторовъ, артистовъ, художниковъ и другихъ замѣчательныхъ людей, снятыхъ съ натуры или съ самыхъ вѣрныхъ ихъ изображеній. Послѣднее, разумѣется, относится только къ покойникамъ. Нельзя не подивиться волшебному рѣзцу этого художника! Какъ онъ умѣлъ въ статуэткахъ своихъ схватить, почти неуловимыя для обыкновеннаго взгляда, черты комизма въ каждомъ изображаемомъ имъ лицѣ, и въ тоже время, несмотря на утриров-ку, сохранить сходство; такъ теперь, въ бюстахъ своихъ, онъ переливаетъ въ безмолвную глину живую натуру. Сходство бюстовъ съ подлинниками поразительное! Мало того, что схвачены всѣ черты, но характеръ выраженія, типъ физіономіи — какъ вылитые! А это именно, въ подобныхъ произведеніяхъ, и составляетъ главное достоинство художника. До-сихъ-поръ мы видѣли готовые бюсты—умершихъ: Пушкина и Карамзина; живыхъ: адмирала П. И. Риккорда, Кукольника, Бенедиктова, Мартынова, Самойлова, и другихъ, всѣхъ счетомъ до десяти. Это истинный подарокъ для

любителей изящныхъ произведеній и превосходное кабинетное украшеніе. Коллекція обѣщаетъ быть значительною: въ нее войдетъ все семейство русскихъ талантовъ, во всѣхъ родахъ, и каждый изъ насъ, благодаря таланту г Степанова, будетъ въ состояніи устроить у себя домашнюю Валгаллу *.

А что дѣлается въ петербургскомъ модномъ свѣтѣ? На этотъ счетъ столица наша опять-таки не подчиняется игу Парижа: наши дамы носятъ все, что имъ съ лицу и пренебрегаютъ новѣйшими выдумками досужихъ модистокъ. Блумеристскій переворотъ въ женскомъ костюмѣ прошелъ у насъ незамѣтно и, кромѣ нѣсколькихъ статеекъ въ журналахъ, не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Кстати, о блумеристскомъ костюмѣ. Нашимъ читателямъ, и преимущественно читательницамъ, будетъ вѣроятно любопытно узнать нѣкоторыя подробности объ этомъ переворотѣ и о его изобрѣтательницѣ. Сѣверо-Американка мистрисъ Амалія Блумеръ (Bloomer), принадлежитъ къ самымъ фантастическимъ синимъ чулкамъ Соединенныхъ Штатовъ. Она издаетъ, въ Сенека-Фальсѣ, «Лилію», дамскій ежемѣсячный журналъ *литературы* и *умѣренности*, разумѣется не въ томъ смыслѣ, въ которомъ понимаютъ это слово мужчины, а въ значеніи женской неприхотливости, нерасточительности и вообще умѣренности во всѣхъ потребностяхъ кокетства. Ратоборствуя за изобрѣтенный ею костюмъ, она для бо̀льшаго убѣжденія своихъ соотечественниковъ, велѣла снять съ себя портретъ въ этомъ костюмѣ, посредствомъ дагерротипа, и приложила его къ прошлогодней сентябрской тетради своего журнала, увѣряя, что онъ похожъ, какъ двѣ капли воды.

Костюмъ этотъ вовсе не такъ глупъ, какъ вы видите; онъ удобенъ и граціозенъ, и къ хорошенькой женщинѣ долженъ пойти, какъ нельзя лучше. Впрочемъ, изобрѣтательница, кажется, не слишкомъ напрягала свое воображеніе при его составленіи: онъ очень напоминаетъ нарядъ восточныхъ женщинъ, и развѣ только амазонской шляпой и нѣкоторымъ упрощеніемъ отличается отъ костюма турчанокъ, гречанокъ и нашихъ казачекъ. Но дамскій міръ жестоко возсталъ противъ этой выдумки, называя костюмъ М-съ Блумеръ *неприличнымъ*, въ особенности по нижней его принадлежности. Противъ этаго дамскаго ополченія знаменитѣйшій врачъ въ Бостонѣ рѣшился, на пользу М-съ Блумеръ, вооружиться логикой, медициной и діэтетикой, и напечаталъ въ

---

* Бюсты и статуэтки г. Степанова продаются въ Главной Конторѣ Пантеона: бюсты по 1 руб. сер., статуэтки по 1 руб. 75 коп. За пересылку прилагается на каждый экземпляръ — за три фунта — вѣсовыхъ.

газетахъ длинную статью, въ которой, самыми убѣдительными доводами, доказываетъ, что этотъ костюмъ сообразнѣе съ природою и, стало быть, полезнѣе для здоровья; что онъ дешевле и, стало быть, прибыльнѣе для семейной жизни; что онъ болѣе противодѣйствуетъ климатическимъ перемѣнамъ, и, стало быть, безопаснѣе отъ простудъ; что онъ, наконецъ, совсѣмъ не неприличенъ, а напротивъ, очень милъ и граціозенъ, и вѣроятно уже въ тысячу разъ приличнѣе короткихъ юбокъ швейцарокъи тюниковъ полекъ, которыя, впрочемъ, прибѣгаютъ къ тѣмъ-же средствамъ, какъ и М–съ Блумеръ, для замѣны недостаточной длины юбокъ. Однимъ словомъ, прочитавъ длинный трактатъ почтеннаго доктора, вы вполнѣ убѣждаетесь, что войну противъ новаго костюма объявили — однѣ полныя таліи и оляповатыя ноги. Маленькая ножка и тонкая талія охотно съ нимъ примирятся. Когда – то и для насъ бѣдныхъ явится какой нибудь Колумбъ костюма и придумаетъ платье, которое избавило–бы насъ наконецъ отъ нелѣпаго костюма, такъ хорошо обрисованнаго Грибоѣдовымъ:

Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ.
Разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу!

Къ самостоятельности нашихъ русскихъ дамъ надо отнести, что американская выдумка не произвела на нихъ даже малѣйшаго впечатлѣнія. Однакожъ, несмотря на то, дамы наши по немножку завладѣваютъ нашимъ костюмомъ: жилетки теперь сдѣлались почти всеобщимъ достояніемъ; курточки, съ отворотами и обшлагами, очень подходящія къ фраку, встрѣчаются на каждомъ шагу; галстухи — вещь самая обыкновенная. Нельзя не сознаться, что это модное нововведеніе очень красиво, прекрасно обрисовываетъ корсажъ и придаетъ хорошенькой женщинѣ особенную грацію. Истинный сборникъ того, что въ модѣ въ Петербургѣ, можно видѣть въ Итальянской оперѣ, во Французскомъ театрѣ и на балахъ Дворянскаго Собранія, гдѣ сбирается весь нашъ fachion, то – есть, весь цвѣтъ моднаго цвѣта. Тутъ не разъ случалось намъ любоваться бархатными курточками, разныхъ цвѣтовъ, обшитыми шелковыми аграмантами или вышитыми шелками, золотомъ и серебромъ. Жилетки, которыя наиболѣе производили эффекту, были атласныя, моаре, пу–де–соа, съ брилліантовыми или металлическими пуговками. У искусной здѣшней мастерицы дамскихъ платьевъ, М-me Агрипинъ, намъ удалось полюбоваться на огромный и самый разнообразный музеумъ дамскихъ нарядовъ, по послѣднимъ картинкамъ, заказанныхъ здѣшними представительницами моды. Что это за прелесть! сколько вку-

са, разнообразія, утонченнаго кокетства въ этихъ украшеніяхъ юбокъ и корсажей, что за прихоть и роскошь въ жилетахъ, курткахъ, кофтахъ и визиткахъ! Тѣ же воздушные вымыслы встрѣтите вы и у мадамъ Аттъ, одной изъ первыхъ мастерицъ для головныхъ уборовъ. Эти наколки, чепцы, шляпки, эта смѣсь лентъ, цвѣтовъ, тюлю и кружевъ, всегда кажутся намъ чѣмъ-то не здѣшнимъ, какою-то жатвою изъ гесперидскихъ садовъ, легкою, какъ воздухъ, затѣйливою, какъ воображеніе женщины, и душистою, какъ весна и возбуждаемыя ею чувства. Нѣтъ! рѣшительно, нынѣшній костюмъ, по своему вкусу и удобству, превосходитъ всѣ прежнія; онъ придаетъ дамамъ больше свободы, развязности, болѣе апломба и натуральной граціи, и за это мы охотно прощаемъ имъ похищенія, сдѣланныя изъ нашего бѣднаго гардероба. Не то совсѣмъ представляетъ Мужская Гардеробная Альванга *, одного изъ самыхъ совѣстливыхъ и аккуратныхъ петербургскихъ мастеровъ! Мужчины рѣшительно ничего новаго выдумать не могутъ: они принялись за старину, за узкіе панталоны, высокія таліи, большіе отвороты! Но что дѣлать, мода! Тутъ разсуждать нечего, а, какъ говорится въ пословицѣ: «по одежкѣ протягивой ножки!»

Но есть люди въ Петербургѣ, которые не гоняются за всѣми вымыслами моды, и умѣютъ быть счасливымъ тѣмъ, что идетъ къ лицу и не препятствуетъ удовольствію существованія. Загляните въ залы Благороднаго Собранія, во время его *семейныхъ вечеровъ*—и вы увидите, сколько счастія и веселія можетъ помѣститься въ сердцѣ человѣка и безъ роскоши, и безъ хитрыхъ изобрѣтеній досужей моды. Въ этомъ благоустроенномъ обществѣ веселятся отъ души, танцуютъ до упаду, не стѣсняются накрахмаленными правилами такъ называемаго этикета, ужинаютъ вкусно, радушно сходятся и дружно разстаются. Вотъ это жизнь! Настоящая, прямая жизнь, какъ ей быть надлежитъ. Поэтъ — Марковскій, швейцаръ этого Собранія не преминулъ и на 1852 годъ поднести почтеннымъ членамъ и гостямъ свое обычное, печатное поздравленіе. Оно такъ забавно, что мы представляемъ его читателямъ нашимъ въ оригиналѣ:

Люди въ мірѣ суетятся
И хлопочутъ цѣлый вѣкъ:
Всѣ за счастіемъ стремятся —
Такъ ужъ созданъ человѣкъ!

---

* На Невскомъ Проспектѣ, у Аничкина моста, въ д. Лопатина.

Одного къ прелестнымъ манитъ
Сердца внутренній призывъ,
А того все въ роскошь тянетъ
Честолюбія порывъ;

Тотъ все бредитъ про палаты,
Бронзы, мебель, зеркала;
А другой про бракъ богатый
И сердечныя дѣла.

Ищетъ связей одинокій,
Ищетъ общества отецъ,
Тотъ подруги черноокой,
Этотъ зятя наконецъ.

Тотъ порхалъ бы все безпечно,
Этотъ шаркать все готовъ,
А другой брать взятки вѣчно,
То на дамъ, то на тузовъ.

Есть у каждаго желанье!
Чтожъ, и славно, въ добрый часъ!
Всѣ спѣшите къ намъ въ Собранье:
Удовольствуемъ мы васъ!

Здѣсь счастливцамъ — упоенье,
Здѣсь для праздныхъ — много мѣстъ,
Для влюбленныхъ — утѣшенье,
Калифорнія невѣстъ!

Здѣсь есть роскошь выписная,
Чисто русскій есть привѣтъ,
Незастѣнчивость прямая —
И изысканный буфетъ.

Есть порхающія ножки,
Есть палящія глаза,
Бриллiантовыя брошки,
И жемчужная роса!

Чего хочешь, того просишь,
Только знай, что выбирай!
И невольно произносишь:
«Вотъ онъ — сказочный-то рай!»

А какой, я доложу вамъ,
Здѣсь въ собраніи швейцаръ!
Это церберъ вашимъ шубамъ —
Будь ихъ даже триста паръ!

Онъ васъ вѣжливо встрѣчаетъ,
Угождаетъ вамъ всегда —
И теперь васъ поздравляетъ
Съ новымъ годомъ, господа!

На рисованныя дани,
На прямой его привѣтъ —
Вы пошарьте-ка въ карманѣ —
Не найдется-ли отвѣтъ?

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 1.

БѢДА ОТЪ СЕРДЦА

И

ГОРЕ ОТЪ УМА.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

О. А. Кони.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ИМПЕРАТОРСКИМИ ПРИДВОРНЫМИ АКТЕРАМИ, ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,

1851 г. Октября 1 дня.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:	АКТЕРЫ:
ТРИФОНЪ АНУФРИЧЪ РАЗУМНИКЪ-МУРОМСКІЙ . . .	*Г. Григорьевъ 1.*
АНУФРІЙ НАЗАРЫЧЪ, его племянникъ	*Г. Максимовъ 1.*
ЛИЗАНЬКА, сестра его.	*Г-жа Подобѣдова.*
КАРОЛИНА ИВАНОВНА, старая управительница	*Г-жа Сосницкая.*
АНТОНІО РЕГЕНТИ, герой сомнительной націи	*Г. Самойловъ.*
ДЖУЛІЯ ЛЕБЕРКНЁХЕРЪ	*Г-жа Орлова.*
ВІОЛЬЧИКЪ, мальчикъ, комедіянтъ.	

Хорошо меблированная комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

РАЗУМНИКЪ и КАРОЛИНА ИВАНОВНА.

—

РАЗУМНИКЪ, *(въ халатѣ и шитой ермолкѣ, лежитъ на диванѣ; передъ нимъ накрытый столикъ; онъ читаетъ газету и громко зѣваетъ. Каролина на подносѣ приноситъ кофе).*

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Вотъ вамъ и кофеекъ, Трифонъ Ануфричъ! И булочка — моего печенья, съ коринкою; и маслицо сливочное ... сегодняшнее, а вотъ и яички ... свѣженькія, на свѣчку выбирала. Кушайте, кушайте! Это силы даетъ, здоровье поправляетъ.

РАЗУМНИКЪ. Ай-да Каролина Ивановна! Вотъ одолжили! ... Я смотрю: что́ это чего-то недостаетъ ... Думаю, что́-бы такое? — Анъ вотъ оно: ѣсть хочется.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Да ужъ это такъ. Я знаю: молодому человѣку надо кушать, много кушать надо.

РАЗУМНИКЪ. Ужъ и молодому! Мнѣ вѣдь того ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Ну что́ вамъ: сорокъ какихъ нибудь? ...

РАЗУМНИКЪ. Съ хвостикомъ, Каролина Ивановна ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Ну, и съ хвостикомъ, — все же это цвѣтъ молодости ...

РАЗУМНИКЪ. Оно цвѣтъ-то цвѣтъ, да только съ изъянцемъ, Каролина Ивановна.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА О, такой прекрасный, свѣжій мужчина ... вы это въ шутку говорите. Вы просто выглядите, какъ молодой человѣкъ ... Да что! Лучше даже инаго молодаго человѣка. Право такъ!

РАЗУМНИКЪ. Ой-ли? Ну, а вотъ эти-то ... что вы иногда выщипываете ... серебрецо-то ... *(показывая на волосы съ просѣдью)* ... а лунное-то сіяніе ... *(показывая на лысину)* а кузовокъ-отъ ... *(бьетъ себя по брюху)*.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Все пустяки! Это еще красоту придаетъ, уваженіе, такой солидный видъ ...

РАЗУМНИКЪ. А что вы думаете, и въ самомъ дѣлѣ! *(самодовольно)* Это ужъ не то, что тамъ какой нибудь а-ла-кокъ, перетянутый, какъ оса, такъ-что незнаешь, въ чемъ у него и душа-то держится ... Тутъ, какъ взглянешь, тотчасъ видно — человѣкъ ... есть и тутъ, и вотъ тутъ *(показываетъ на лобъ и на брюхо)*.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Да и вотъ тутъ, Трифонъ Ануфричъ. *(Показываетъ на карманъ.)*.

РАЗУМНИКЪ. Само-собой разумѣется: коли тутъ вѣтеръ свищетъ *(показывая на карманъ)*, такъ и тамъ бурчитъ.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Да, да! И у насъ въ Курляндіи всѣ такъ думаютъ.

РАЗУМНИКЪ. Умные люди у васъ въ Курляндіи. Да присядьте, Каролина Ивановна ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. *(Присѣдаетъ)*.

РАЗУМНИКЪ. Нѣтъ, я говорю — сядьте, вотъ сюда ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. (*жеманясь*). Ахъ, какъ это можно!

РАЗУМНИКЪ. Отчего-жъ не можно? Ничего. Мнѣ нальете кофейку и сами выкушайте ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Но помилуйте, я ... право ... это неприлично ... я дѣвица.

РАЗУМНИКЪ. Что-жъ дѣвица? Развѣ мало у насъ дѣвицъ сидятъ ... *(сажаетъ ее насильно, они пьютъ кофе)*. Вы не смотрите на меня, что я такой: я вѣдь философъ ... даромъ что ... А вы какъ думаете?... У меня такія иногда бываютъ мысли ... знаете, просто печатай, что́ твоя Пчелка! ... Вотъ вы сами находите, что я еще того ... молодецъ. А знаете, отчего? Оттого, что я философъ. Для меня женщины — что́? Просто фу! Вѣтеръ съ присвистомъ, вотъ и все!...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Ахъ, фи! какъ вы это такъ неделикатно ...

РАЗУМНИКЪ. Вы не обижайтесь, Каролина Ивановна, это я не на вашъ счетъ, а примѣромъ только. По мнѣ женщины тамъ себѣ какъ хотятъ — пляши на цыпочкахъ, улыбочки, глазки — ни почемъ! Я имъ, то есть — философъ однимъ словомъ.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Да, это конечно ... Вотъ и у насъ, въ Курляндіи ...

РАЗУМНИКЪ. Да что́ въ Курляндіи — ближе возьмемъ. Вотъ, примѣрно, покойный Назаръ Ануфричъ ... вѣдь родной братъ мнѣ, тоже Разумникъ-Муромскій ... а какой былъ слабой натуры человѣкъ! .. Увидитъ, бывало, какую-нибудь этакую прищуру-Матвѣвну, ну и гутъ-

моргенъ! ... весь какъ леденецъ и распустится ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Ахъ, какой прекрасный кавалиръ ...

РАЗУМНИКЪ. Чего — кавалеръ, просто дурень. Съ позволенія сказать, на двадцатомъ году женился, ворковалъ, ворковалъ, да на тридцатомъ и умеръ. Да еще какое глупѣйшее завѣщаніе оставилъ! Видители: чтобъ дѣти его женились непремѣнно по *влеченію сердца*, а не по расчету. Слыхали вы такую дребедень?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Я нахожу, что это очень мило.

РАЗУМНИКЪ. Мило! Да, вотъ еслибъ мы жили въ золотой вѣкъ, когда не носили бурнусовъ да не пили шампанскаго, а только прохлаждались съ овечками, да играли въ свирѣлку!...

Вѣкъ золотой, твердятъ поэты,
Былъ истинно блаженный вѣкъ!
Хоть дѣвы были не богаты,
Но въ нихъ влюблялся человѣкъ,
И за сохой своей полезной,
Онъ восхищался красотой.
Но вѣкъ тотъ просто былъ *желѣзный*,
А нашъ-такъ точно *золотой*.
И нынче нѣтъ уже пристрастья,
Не дочку — денежки готовь:
Теперь не страсть рождаетъ счастье,
А золото родитъ любовь.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Ахъ, да! Это такъ, Трифонъ Ануфричъ! Нынче мужчины ужъ всѣ такіе ... даже вотъ ... въ Курляндіи.

РАЗУМНИКЪ. Не мужчины, Каролина Ивановна, а духъ ... время ... направленіе, такъ сказать ... Западъ все напакостилъ. Я вѣдь философъ, все насквозь проникаю.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Вы умнѣйшій человѣкъ, Трифонъ Ануфричъ. Я всегда буду помнить ваши слова, даже у себя ... въ Курляндіи.

РАЗУМНИКЪ. Въ Курляндіи? Да за коимъ прахомъ васъ туда понесетъ?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Ахъ, нельзя-же ... Я молоденькая оттуда, у васъ двѣнадцать лѣтъ ... надо, непремѣнно надо!

РАЗУМНИКЪ. Развѣ родные есть?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА Ахъ, нѣтъ! я круглая сирота! *(Плача)* бѣдная дѣвица, никого въ мірѣ не имѣю близкихъ.

РАЗУМНИКЪ. Такъ что-же васъ тянетъ?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. А какъ-же? отчизна, родной городъ, свой языкъ.

РАЗУМНИКЪ. Что̀ это вы, Каролина Ивановна! *(кличетъ)* Егорка!,

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Вамъ что́ угодно, Трифонъ Ануфричъ?

РАЗУМНИКЪ. Трубку пусть приготовитъ.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Я вамъ сейчасъ ... *(быстро встаетъ, набиваетъ трубку и подаетъ).*

РАЗУМНИКЪ. За чѣмъ же сами? ... Пусть онъ, лѣнтяй, потревожится ... Покорно благодарю ... Славно набили, хоть-бы иному деньщику такъ впору ... На все у меня вы мастерица, Каролина Ивановна!

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. *(Присѣдая).* Ахъ, вы меня стыдите ... Я вамъ сейчасъ огню ... *(бѣжитъ вонъ).*

II

РАЗУМНИКЪ (*одинъ.*)

Важная баба, нечего сказать! — Аккуратъ, даромъ что цирлихъ-манирлихъ ... ужъ иголки не подточишь, ни-ни: нѣмецкая натура ... Я съ ней, какъ у бабушки за пазухой: все есть, все готово ... присмотритъ, прислужитъ, приголубитъ — и все съ такой деликатностію; любой женѣ носъ утретъ. Вотъ я и холостъ, а живу себѣ паномъ, попиваю домашній кофеекъ, покуриваю трубочку въ халатѣ, и все такое ... А отчего? Оттого, что философъ. Не бросился въ омутъ по страсти, не женился по влеченію сердца ... Сердце — это что? Кусокъ мяса — и все тутъ, горячо — пока кипитъ, а простыло — тамъ и поди съ нимъ! Влеченіе-то испарилось — а жена у тебя на шеѣ. Нѣтъ, слуга покорный! ... По моему, жениться — такъ въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ здраваго размышленія, сообразивъ дѣло и такъ и этакъ, а не то, что тяпъ да ляпъ — и клѣтка! Вотъ я, примѣрно: я поспѣлъ для женитьбы, совершенно созрѣлъ ... я вотъ могъ-бы, потому-что у меня все расчетъ, математика — я философъ. Да мнѣ на что? И такъ хорошо, по милости Каролины Ивановны ... Только что́ это она объ Курляндіи-то частенько стала поговаривать? Ѣхать, вишь ей надобно ... Тутъ штуки какія-нибудь кроются. Ужъ не сманиваетъ ли ее какая-нибудь проныра? Это шутка плохая ... Какъ же я послѣ буду? И хозяйство, и порядокъ, и вотъ на счетъ, какъ-бы сказать, посовѣтоваться когда ... ну, и побаловать подъ часъ, и прибранить при случаѣ —

просто некому будетъ. Все это пойдетъ дымъ коромысломъ. На мою вертушку-племянницу надежда плохая: она романсы да польки, да книжки читать ... а по хозяйству ровно ничего не смыслитъ ... Скверно, однакожъ ... Сманиваютъ, чисто сманиваютъ: дѣло — видимое! Да вѣдь я философъ, у меня и ни съ чѣмъ отъѣдутъ. Я ей вдвое, втрое дамъ, отчета спрашивать не буду ... обмундировку на свой счетъ приму, коли на то пошло ... А вотъ и она. Запустимъ ей шпильку тонкимъ манеромъ.

III.

РАЗУМНИКЪ, КАРОЛИНА ИВАНОВНА.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА (*входитъ со свѣчкою, беретъ бумажку, зажигаетъ и даетъ раскурить трубку Разумнику.*) Вотъ вамъ и огоньку, Трифонъ Ануфричъ! Курите, курите ... вотъ съ этой сторонки ... хорошенько.

РАЗУМНИКЪ. Добрая вы, Каролина Ивановна ... довольно ... бросьте ... ручку обожжете ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Ничего, Трифонъ Ануфричъ ... я не боюсь, я привыкла къ огню у плиты ...

РАЗУМНИКЪ. Однакожъ ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. И! что́ мои за руки!

РАЗУМНИКЪ. Ну, нѣтъ ... (*беретъ ее за руку*) У васъ ручки ... такія — право ... просто аппетитныя ... А сердце у васъ, Каролина Ивановна, знаете, такое... Вы, просто, сами не знаете, какое у васъ сердце.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. (*закрывая стыдливо лицо*) Ахъ, какъ это вы говорите, мнѣ право совѣстно.

РАЗУМНИКЪ. Чего совѣститься! Я долженъ чувствовать всѣ ваши заботы и попеченія ... Ужъ вы это предоставьте мнѣ. Повѣрьте, я не чурбанъ какой ... Я философъ, умѣю проникать во внутренность ... и цѣнить умѣю ... я долженъ наградить васъ ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Помилуйте, за что-же?

РАЗУМНИКЪ. А за то вотъ именно ... что вы ... все это умѣете ... такъ хорошо, ... Нѣтъ, право, я вамъ отъ-души говорю.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Я исполняю только мои обязанности.

РАЗУМНИКЪ. Оно такъ, да все-таки ... по философіи даже вамъ слѣдуетъ удвоить жалованье ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Нѣтъ, я никакъ не могу согласиться ...

РАЗУМНИКЪ. Не можете, такъ утроимъ.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Воля ваша, я этого не заслуживаю ...

РАЗУМНИКЪ. *(всторону.)* Устойчива! *(вслухъ.)* И платья вамъ два ... пожалуй, три ... муслинделеновыхъ ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Ахъ, какъ это можно.

РАЗУМНИКЪ. *(постепенно разгорячаясь.)* Нельзя — такъ шелковыхъ! ... что́ мнѣ! ... я не постою. Въ шелковыхъ будете ходить! Съ вашими ручками, съ вашимъ сердцемъ, къ вамъ очень пойдетъ шелковая матерія ... Я даже удивляюсь, какъ это вы съ такими ручками и съ этакимъ сердцемъ еще не замужемъ до сихъ поръ.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. *(со вздохомъ)* Ахъ, еслибъ я только хотѣла ...

РАЗУМНИКЪ. А вы не хотѣли?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Я такъ себя держала, что ко мнѣ ни одинъ мужчина подойти не смѣлъ ... А вздумай я только, такъ у меня больше было-бы жениховъ, чѣмъ дней въ году.

РАЗУМНИКЪ. Право? Значитъ, вы всѣмъ отказывали?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Да, отказывала ...

РАЗУМНИКЪ. Отчего же? — Вѣрно вы также, какъ и я, философъ: ждали зрѣлаго возраста? ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. О, я имѣла на то много причинъ. Кто знаетъ мужчинъ такъ, какъ я ихъ знаю, тотъ долженъ трепетать, въ ужасъ приходить отъ одной мысли о замужствѣ ... Я вотъ, не была за мужемъ, а считалась только невѣстой, и перенесла гораздо больше горя, чѣмъ другая замужняя.

РАЗУМНИКЪ. А невѣстой-то были .. значитъ дѣло — этакъ — разошлось?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Это былъ одинъ мой соотечественникъ, Курляндецъ, человѣкъ такой — съ капиталомъ ...

Онъ строилъ безпрестанно
Мнѣ куры восемь лѣтъ ...
«Однако это странно»
Сталъ говорить весь свѣтъ
Тогда я оскорбилась,
Отдѣлала его,
И дѣло все рѣшилось ...

РАЗУМНИКЪ. Ну-съ?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА.

Ну, больше ничего!

РАЗУМНИКЪ. А потомъ?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. А потомъ онъ опять началъ упрашивать ...

Я слова не дала-бы ...
Но онъ просилъ меня;
А женщины всѣ слабы —
И согласилась я.
Весь городъ нашъ собрался
Въ день брака моего,
Женихъ лишь не являлся ...

РАЗУМНИКЪ. Ну–съ?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА.

Ну-съ, больше ничего!

РАЗУМНИКЪ. Гдѣ же теперь вашъ нѣжный герой?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Я полагаю, теперь онъ опять въ Курляндіи.

РАЗУМНИКЪ. *(всторону.)* Э-ге! Такъ вотъ она зачѣмъ въ Курляндію наровитъ. *(вслухъ.)* Я бы, на вашемъ мѣстѣ, ни за что этакого негодяя и на глаза не пустилъ ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. *(задумчиво)* Конечно ... онъ виноватъ ... однакожъ ...

РАЗУМНИКЪ. Кругомъ виноватъ ... непростительно, преступно виноватъ!... Какъ! дѣвицу, такую почтенную, умную, такихъ правилъ ... Нѣтъ, ужъ я бы этого никогда не сдѣлалъ, я бы напротивъ ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. О, вы совсѣмъ другое: вы такой высокой души человѣкъ ...

РАЗУМНИКЪ. Да–съ, ужъ, это именно ... а вотъ вы находите–же, что я еще того ... молодецъ ... А вы ужъ въ этомъ дока: сами невѣстой были ...

КОРОЛИНА ИВАНОВНА. Четыре раза ... и каждый разъ болѣе четырехъ лѣтъ ... я могу вамъ это доказать письменно ...

РАЗУМНИКЪ. Не нужно, не нужно ... я вамъ и такъ вѣрю. *(Подходитъ къ ней.)* Такъ вотъ, я говорю. если ужъ жениться, такъ я женился бы на васъ . . Право! по разуму женился бы, не то, что по любви глупой.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. *(Присѣдая.)* Вы слишкомъ добры ...

РАЗУМНИКЪ. Нѣтъ, вы не полагайте ... Я васъ знаю теперь боль-

ще двѣнадцати лѣтъ ... такъ я могу философскимъ образомъ ... И еслибъ вы не такъ ненавидѣли мужчинъ ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Мнѣ пора перестать заниматься глупостями...

РАЗУМНИКЪ. Какія же глупости, Каролина Ивановна? . . Я вѣдь говорю о законномъ бракосочетаніи ... Оно дѣло хорошее ... Очень хорошее, я вамъ скажу ... Вотъ дайте мнѣ только пристроить Лизаньку да Ануфрія ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. *(скоро)* А вы когда ихъ пристроите? ...

РАЗУМНИКЪ. Не нынче, такъ завтра, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА *(скоро)* Да, ужъ вы не томите ихъ ... Молодые люди въ такихъ лѣтахъ, что имъ пора жениться — хоть сегодня можно.

РАЗУМНИКЪ. А вотъ тогда и намъ бы съ вами ... какъ думаете ... *(заигрывая)* пышечка, піончикъ ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. *(въ восхищеніи начинаетъ смѣяться)*

РАЗУМНИКЪ. *(вдругъ серьёзно.)* Что–жъ тутъ смѣшнаго, Каролина Ивановна?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. *(смѣется и плачетъ)* Какъ-же! ... Помилуйте ... я дѣвушка ... не совсѣмъ молодая, простая, бѣдная ... и вдругъ вы...

РАЗУМНИКЪ. Буду вашъ мужъ! Защитникъ буду, покровитель!

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. А я васъ буду любить, ужъ такъ любить... *(хлопая въ ладоши и подпрыгивая)* Ахъ, это такъ очень пріятно будетъ.

РАЗУМНИКЪ. Только того, Каролина Ивановна ... вы никому ни слова ... это наша тайна ... И Лизанькѣ ни гу-гу, понимаете?..

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Вы можете на меня положиться, никто не узнаетъ ... хоть это очень трудно — но я буду молчать, Трифонъ Ануфричъ.

РАЗУМНИКЪ. Тсъ! Я слышу голосокъ Лизы ... Подите пока по хозяйству ... А ужъ Курляндію свою теперь къ сторонкѣ ... До свиданія, пышечка! *(дѣлаетъ ей ручки)*.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. До очень пріятнаго свиданія ... мой прекрасный, милый, ганцъ шармартеръ Трифонъ Ануфричъ ... Адьесъ, либхенъ, адьесъ! *(Присѣдаетъ манерно и выпархиваетъ изъ комнаты.)*

РАЗУМНИКЪ *(одинъ, въ восторгѣ, потирая руки)* Ай–да Разумникъ-Муромскій! Каково обдѣлалъ дѣло? Что́ называется философскимъ манеромъ! ... Тутъ ужъ Курляндія насъ! —

ЯВЛЕНІЕ IV.

РАЗУМНИКЪ и ЛИЗАНЬКА.

—

ЛИЗАНЬКА. *(выбѣгаетъ изъ боковой двери съ письмомъ)* Дядинька, голубчикъ! Радуйтесь! Письмо принесли, изъ Риги, вѣрно отъ брата.

РАЗУМНИКЪ. Вотъ какъ! Скоренько отвѣчаетъ ... Бывало, отъ него отвѣта въ полгода не дождешься, а тутъ въ шесть дней ...

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, читайте поскорѣе! Мнѣ такъ хочется узнать ...

РАЗУМНИКЪ. Кипятокъ! Ты прежде спросила-бы, о чемъ я ему писалъ, тогда и отвѣтъ былъ бы интереснѣе.

ЛИЗАНЬКА. Такъ разскажите поскорѣй.

РАЗУМНИКЪ. Видишь-ли ... Отецъ вашъ былъ шутъ гороховый...

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, дядинька...

РАЗУМНИКЪ. То есть — онъ дѣлалъ глупости на каждомъ шагу. Вотъ онъ и завѣщалъ, когда вы достигнете совершеннолѣтія, предоставить вамъ на волю: тебѣ — выборъ жениха, а ему — невѣсты ... Вишь-ли, по его разсудку, вы будете тогда только счастливы, когда вступите въ бракъ по влеченію сердца ...

ЛИЗАНЬКА. Добрый, милый папаша! Какъ это хорошо!

РАЗУМНИКЪ. Дура ты просто! Чему радуешься?—Это противъ всякой здравой логики, тутъ нѣтъ никакого философскаго начала ...

ЛИЗАНЬКА. Да тутъ начало нашего счастія.

РАЗУМНИКЪ. *(про себя)* Вотъ и толкуй съ этимъ народомъ о философіи!—Да ты знаешь-ли, что вы ужъ не малолѣтные; на прошлой недѣлѣ минулъ срокъ опеки. Я объ этомъ увѣдомилъ твоего брата и объявилъ ему волю отца.

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, какъ весело! Такъ прочтите поскорѣе, что́ онъ пишетъ? Можетъ быть, онъ уже выбралъ.

РАЗУМНИКЪ. Что́ такое выбралъ?

ЛИЗАНЬКА. Какъ что́? разумѣется — невѣсту.

РАЗУМНИКЪ. Больно скоро.

ЛИЗАНЬКА. Что́ за скоро: кто долго выбираетъ, всегда попадаетъ въ просакъ.

РАЗУМНИКЪ. Ахъ, ты! ... *(надѣваетъ очки, распечатываетъ письмо и читаетъ.)* «Милый, добрый, безцѣнный дядюшка!» — Что за нѣжности! — «Вы просто обдали меня радостью съ головы до ногъ ... Воля покойнаго батюшки обѣщаетъ и мнѣ и сестрѣ прочное счастіе» ... Что́ за дичь!

ЛИЗАНЬКА. Это правда.

РАЗУМНИКЪ. *(продолжая читать)* «Я тотчасъ-же воспользо-«вался позволеніемъ батюшки» — Что, что? — «и надѣюсь, вслѣдъ за «письмомъ, представить вамъ и мою избранную. Я сегодня-же собрался «въ дорогу и милая моя Жульета ѣдетъ вмѣстѣ со мною.» — Часъ-отъ-часу нелегче!

ЛИЗАНЬКА, *(Прыгая)* Ахъ, какое счастіе!

РАЗУМНИКЪ *(Продолжаетъ читать.)* «Кто моя невѣста, теперь не скажу, потому-что хочу васъ удивить. Вы вѣрно примите насъ съ распростертыми объятіями, въ ожиданіи чего честь имѣю пребыть ... и проч.» — Ахъ, онъ пострѣлъ! Такъ скоро, и ужъ выбралъ ... Впрочемъ, онъ малый разсудительный, вѣрно подтибрилъ или знатную барышню, или богатую купчиху ... Значитъ, у насъ одна свадебка и готова.

ЛИЗАНЬКА *(лукаво)* А можетъ и двѣ.

РАЗУМНИКЪ. Какъ двѣ? *(встороиу)* Вѣрно Каролина Ивановна ей выболтала ... Вотъ положись на нихъ! ..

ЛИЗАНЬКА. Вы говорите: какъ? Очень просто. Развѣ я не имѣю права также выбрать себѣ жениха?

РАЗУМНИКЪ. Да, ты-то ... разумѣется, имѣешь ... Однако, надѣюсь, ты еще не успѣла выбрать.

ЛИЗАНЬКА. Не успѣла! ... Да что это вы, дядинька, въ самомъ дѣлѣ, развѣ я такая мямля?

РАЗУМНИКЪ. *(разинувъ ротъ,)* Что, что? успѣла?

ЛИЗАНЬКА! Да еще какъ! А вы какъ думали?

РАЗУМНИКЪ. Выбрала! ... Нельзя-ли узнать, кого это? Ко мнѣ, кажется, никакой молодежи не шатается.

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, дядинька! это тайна моего сердца.

РАЗУМНИКЪ. Тайна! Однакожъ, нельзя-же тебѣ обвѣнчаться съ тайною ... Говори, кто онъ? Вѣрно офицерикъ?

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ.

РАЗУМНИКЪ. Какой нибудь франтъ?

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ.

РАЗУМНИКЪ. Чиновникъ?

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ.

РАЗУМНИКЪ. Купецъ?

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ.

РАЗУМНИКЪ. Ужъ не студентъ ли?

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ.

РАЗУМНИКЪ. *(Съ ужасомъ)* Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Да кто-же онъ? ... Надѣюсь, однакожъ, мужчина?

ЛИЗАНЬКА. О, въ этомъ будьте увѣрены.

РАЗУМНИКЪ. Отчего-же ты не хочешь сказать, кто́ онъ такой?

ЛИЗАНЬКА. Онъ ...

РАЗУМНИКЪ. Ну-съ, онъ ...

ЛИЗАНЬКА. Онъ такой хорошенькій, бѣленькій, съ усиками, курчавый ...

РАЗУМНИКЪ. Бѣленькій, съ усиками, курчавый ... Не пудель же, однако.

ЛИЗАНЬКА. Фи, дядинька! ... Это прелестный молодой человѣкъ... Онъ одинъ можетъ составить мое счастіе.

РАЗУМНИКЪ. Но характеръ его?

ЛИЗАНЬКА. Что́ характеръ!... онъ душка, вотъ и все тутъ!

РАЗУМНИКЪ. Вотъ женская философія! Буль только смазливая рожа, такъ до прочаго имъ и дѣла нѣтъ.

ЛИЗАНЬКА. Да вѣдь и мужчины тоже дѣлаютъ: всегда влюбляются въ наружность, а объ характерѣ не спрашиваютъ.

РАЗУМНИКЪ. Лжешь, лжешь! Кто философски дѣйствуетъ, всегда справится напередъ о душѣ и о томъ, что́ за душою ... Ты вѣрно выбрала какого-нибудь этакого финтифирюльку, моншера.

ЛИЗАНЬКА. Извините-съ ... Его талантъ и страсть къ искусству ...

РАЗУМНИКЪ. Э! теперь я понялъ ... Это вѣрно бѣдный художникъ, живописецъ, что́ живетъ надъ нами, и писалъ съ тебя портретъ?

ЛИЗАНЬКА. Анъ нѣтъ, не угадали.

РАЗУМНИКЪ. Или музыкантикъ, что́ изъ фортепьянъ пыль выколачиваетъ, какъ бишь его, твой пансіонскій учитель, что концерты давалъ въ Пассажѣ?

ЛИЗАНЬКА. Вотъ выдумали, какъ это можно!

РАЗУМНИКЪ. Ну, матушка, видно ты выбрала какого-нибудь заморскаго франта, что до его имени добраться нельзя.

ЛИЗАНЬКА. *(кидается къ окну и ласково приседаетъ).*

РАЗУМНИКЪ. *(выглянувъ въ окно).* Что́ этотъ комедіантъ вѣчно здѣсь шатается ... видно дѣла мало ... Какъ разодѣтъ — шутъ-шутомъ! *(замѣтя движенія Лизы)* — Съ кѣмъ это ты раскланиваешься?

ЛИЗАНЬКА. Съ нимъ.

РАЗУМНИКЪ. Съ кѣмъ это?

ЛИЗАНЬКА. Да вотъ, съ тѣмъ, кто прошелъ.

РАЗУМНИКЪ. Какъ тебѣ не стыдно кланяться съ гаеромъ, еще иной подумаетъ ...

ЛИЗАНЬКА. Извините-съ! Онъ не гаеръ, онъ артистъ.

РАЗУМНИКЪ. Славный артистъ, нечего сказать!.. Вотъ кому этакой муженекъ попадется, такъ мое почтеніе!

ЛИЗАНЬКА. Что-жъ такое? Развѣ онъ не такой же человѣкъ?.. Только онъ лучше другихъ, потому-что у него очаровательный талантъ, прелестная наружность, такіе усики, курчавые волосы... а ужъ какая ловкость—просто чудо!

РАЗУМНИКЪ. Э! да ты что-то съ особеннымъ жаромъ выражаешься... Ужъ не этотъ ли?..

ЛИЗАНЬКА. Именно, угадали—это онъ.

РАЗУМНИКЪ. Кто̀ онъ?

ЛИЗАНЬКА. Мой избранный... мосье Антоніо Регенти.

РАЗУМНИКЪ. *(плюетъ)*. Тфу! тфу!.. Да что̀ ты, Лиза, съ ума сошла?..

ЛИЗАНЬКА. Я просто отъ него безъ ума!

РАЗУМНИКЪ. Ты, вѣрно, шутишь! Фигляръ, скоморохъ... мусьякъ какой-то... а ты... Да гдѣ-же тутъ философія?

ЛИЗАНЬКА. Какая философія! Я просто его люблю, вотъ и все тутъ!

РАЗУМНИКЪ. Когда-же ты успѣла надѣлать этихъ глупостей, гдѣ ты съ нимъ познакомилась?

ЛИЗАНЬКА. Во-первыхъ, когда я была въ пансіонѣ у мадамъ Жужу, онъ въ ея имянины показывалъ разныя штуки ...

РАЗУМНИКЪ. Вотъ что! прошу прислушать.

ЛИЗАНЬКА. Во-вторыхъ, когда я гостила прошлымъ лѣтомъ у Вьюшкиныхъ, на Петергофской дорогѣ, онъ давалъ въ Александріи представленія натуральной магіи — и мы съ нимъ видѣлись каждый день.

РАЗУМНИКЪ. Вотъ вамъ и Александрійскія представленія... Они познакомились посредствомъ натуральной магіи. Все это прекрасно, но какъ-же влюбиться?..

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, какіе вы, право, странные! Очень просто:

Сердца̀ къ себѣ онъ привлекаетъ
Посредствомъ физики своей,
И всѣхъ магически плѣняетъ ...
На то вѣдь онъ и чародѣй!
Ему покорствуетъ наука:
Онъ вынетъ все — изо всего!
А сердце взять — ему не штука ...
Разъ, два — глядишь и нѣтъ его!

РАЗУМНИКЪ. Разъ, два, глядишь... Какая-же ты пошленькая, Лиза! Да ты разсуди милостиво—вѣдь онъ штукмейстеръ и больше ничего. .

Пофилософствуемъ... Во-первыхъ, онъ того... Да и ты-то сама еще, какъ говорится... а во-вторыхъ, и твой братъ... Ну, да однимъ словомъ, твой женихъ мнѣ не нравится!

ЛИЗАНЬКА. Такъ что-же! Вѣдь не вы за него замужъ выходите.

РАЗУМНИКЪ. Да я бы за него ни за какія тысячи не вышелъ.

ЛИЗАНЬКА. Ну, и прекрасно! Значитъ, я за него выйду—даромъ.

РАЗУМНИКЪ. Это мы увидимъ!

ЛИЗАНЬКА. Увидите.

РАЗУМНИКЪ. Нѣтъ, то есть, этого не будетъ.

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ, ужъ извините, будетъ.

РАЗУМНИКЪ. Не будетъ: братъ не допуститъ, я не позволю.

ЛИЗАНЬКА. Папенька позволилъ: братъ не смѣетъ ... А вы должны исполнить завѣщаніе!

РАЗУМНИКЪ. Какова!.. Вотъ какой вздоръ затѣваетъ! Такъ я же вамъ говорю, сударыня, что я до этого не допущу.

ЛИЗАНЬКА. Не допустите... вотъ ужъ это вздоръ!

Я теперь не подъ опекой,
Такъ ужъ вы не властны тутъ!
Не расплатитесь съ аптекой,
Какъ истерики пойдутъ!
Пусть кто хочетъ тамъ хлопочетъ,
Всѣхъ оставлю ни при чемъ:
Ужъ что̀ женщина захочетъ
Такъ поставитъ на своемъ.

РАЗУМНИКЪ. Да Лизочка, дружочикъ ... размысли, что̀ скажутъ въ городѣ, знакомые, родные? «Вотъ», скажутъ, «Лизавета-то Назарьевна... выбрала себѣ—прокурата, фокусника, ломаку, геркулеса...» Пфу!

ЛИЗАНЬКА. Пусть говорятъ, что угодно ... а я все-таки буду женою знаменитаго артиста, котораго выбрало мое сердце.

РАЗУМНИКЪ. Ну, не говорилъ ли я, что сердце—самый дурацкій членъ человѣческаго тѣла ... Вотъ вамъ и выборъ по сердцу !.. О, братъ мой! не взыщи, пожалуйста! Ты былъ глупѣйшій изъ Разумниковъ! Ну, можно ли!.. И я, человѣкъ почетный, съ амбиціей, философъ !.. и вдругъ имѣть у себя племянника, который выйдетъ вамъ, этакъ, за цѣлковый рубль, и скажетъ: «не угодно-ли, молъ, выбрать карточку ... или положите въ этотъ ящикъ» ... *(почти сквозь слезы)* и вынетъ вамъ кролика за уши.

ЛИЗАНЬКА. Да дядинька, голубчикъ ... онъ честный человѣкъ.

РАЗУМНИКЪ. Полтинникъ изъ кармана вытащитъ ...

ЛИЗАНЬКА. И не безъ состоянія ...

РАЗУМНИКЪ. Яичницу въ шляпѣ сготовитъ...

ЛИЗАНЬКА. Ласковый, добрый, чувствительный ...

РАЗУМНИКЪ. Морскую свинку въ рѣдьку запрячетъ... Бръ!.. Просто мурашки по кожѣ, какъ только вспомню ..

ЛИЗАНЬКА. Онъ будетъ васъ любить, уважать, отличать отъ другихъ.

РАЗУМНИКЪ. То есть, вызывать на сцену, замокъ къ губамъ привѣшивать, ленты изъ горла потянетъ ... Слуга покорный! Благодарю за отличіе! Нѣтъ, Лиза! Послѣ этого ты мнѣ не племянница! Богъ съ тобой, дѣлай что хочешь, но только я ...

ЛИЗАНЬКА. Умоляю васъ, голубчикъ, душечка, красавчикъ!.. Вы еще сами молоды ... Знаете, что значитъ полюбить человѣка.

РАЗУМНИКЪ *(самодовольно)*. Молодъ-то, молодъ ... Но это не резонъ ... Ну, мы посмотримъ ... Дай брату пріѣхать ... Да мнѣ надо-же поглядѣть твоего гуся поближе, поговорить съ нимъ ...

ЛИЗАНЬКА. Я ему напишу—онъ сейчасъ явится.

РАЗУМНИКЪ. Вонъ оно что! у нихъ ужъ письменная часть на ходу ... Одно мнѣ осталось утѣшеніе: по крайней мѣрѣ, твой братъ съ головой! Посмотри, какую онъ барышню привезетъ ... Ужъ это—не то, что ты! Онъ парень ловкій, вѣрно подцапалъ какую-нибудь княжну, или этакую, знаешь, первостатейную ... круглую, полную, съ полмильончикомъ какимъ-нибудь.

ЛИЗАНЬКА. Я буду очень рада! Но и мой Антоніо—благородный человѣкъ ... Онъ вамъ самъ разскажетъ. Я сейчасъ же-его выпишу! *(быстро убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

РАЗУМНИКЪ ОДИНЪ.

—

Ладно, благородный скоморохъ!.. Мы тебя вытуримъ. Пріѣдетъ Ануфрій: онъ ему покажетъ, какъ влюбляться въ порядочную дѣвушку, онъ ему такой фокусъ-покусъ выкинетъ, что скоморохъ и ввѣкъ не забудетъ, да и сестру-то образумитъ...

Что за странная порода,
Право, этотъ женскій полъ:
Рады выдти за урода,
Лишь-бы по сердцу пришелъ!

И по чести, въ женскомъ сердцѣ
Точно постоялый дворъ:
Промелькнулъ одинъ лишь въ дверцѣ,
Ужъ другой катитъ на дворъ.
Надо-бъ имъ внушить построже,
Весь отбросивъ этикетъ:
Что по сердцу выборъ — тоже,
Что въ аллегри взять билетъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

РАЗУМНИКЪ, ЛИЗАНЬКА И РЕГЕНТИ.

—

ЛИЗАНЬКА *(ведя за руку Регенти, одѣтаго пестро и странно).* Идите, идите, смѣлѣе ... Онъ самъ желаетъ съ вами познакомиться.

РЕГЕНТИ. Очень радъ, зачѣмъ нѣтъ!

РАЗУМНИКЪ (*встороиу*). Что это? Лиза и съ своимъ фигляромъ! Ну, на кого похожа эта образина, я васъ спрашиваю? Дуракъ дуракомъ, а вѣдь втюрилась по́-уши.

ЛИЗАНЬКА. Дядюшка! Честь имѣю представить вамъ знаменитаго артиста, Антоніо Регенти ...

РЕГЕНТИ (*раскланиваясь, какъ передъ публикой*). Да-съ, это я!..

ЛИЗАНЬКА. Прошу любить да жаловать.

РАЗУМНИКЪ. Да ужъ какъ-же безъ этого. Такъ вы–то и есть Антоніо Регенти?

РЕГЕНТИ. Вы вѣрно слышали о моемъ искусствѣ ...

РАЗУМНИКЪ. Слышалъ, что вы мастеръ надувать ...

РЕГЕНТИ. Да, это я прежде шарами занимался. А теперь я знаменитъ своимъ невиданнымъ и неслыханнымъ искусствомъ, которое въ первый разъ въ здѣшней столицѣ показываемо, ко удовольствію почтеннѣйшей публики, высокаго дворянства и знаменитаго купечества, съ дозволенія начальства, изъ разныхъ удивительныхъ штукъ увеселительной магіи, съ фантасмагоріей и танцы духовъ въ стаканѣ, которая штука, одобренная парижской Академіей искусствъ, возбуждала особенное изумленіе во всѣхъ столицахъ міра. Начало въ семь съ половиною часовъ. Цѣна мѣстамъ ..

РАЗУМНИКЪ. Постой, постой! Я читалъ эту афишку.

РЕГЕНТИ. Читалъ? Это моя зачиненіе.

РАЗУМНИКЪ. Да самъ-то ты кто такой?

РЕГЕНТИ. О, я человѣкъ большой ... Я професcоръ ...

РАЗУМНИКЪ. Професcоръ?

РЕГЕНТИ. Да, професcоръ—бѣлой магія, увеселительной физика и акробатической искусства—изъ Болонья.

РАЗУМНИКЪ. Смотри пожалуй, какой!

РЕГЕНТИ. Эта самый. Il famoso Erculo!

РАЗУМНИКЪ. Только-то. Ну, не важная-же ты птица!

РЕГЕНТИ. Я всякой птицъ могу былъ ... и le rossignol, и жавронки, и Hänfling, и это ... *(свищетъ разными птичьими голосами)*. И на инструмента разныхъ, я цѣлый оркестръ одинъ, моей особой ... Вотъ, если вы хотѣлъ, я вамъ труба ... (*трубитъ губами*).

РАЗУМНИКЪ. Трубишь ты хорошо, да вотъ напѣвать-то тебѣ не слѣдовало ... Какой-же ты націи?

РЕГЕНТИ. Мой grand papa французъ, большой маменька англицкой, папеньки—итальянца, maman—нѣмецъ, а я—цѣлый свѣтъ.

РАЗУМНИКЪ. Ну, мусье цѣлый свѣтъ, какое-же у тебя настоящее званіе?

РЕГЕНТИ. Артисто! Я знаменитъ на всѣ пять части свѣтъ, ле чинкве parti di mondo ... Мой слава не въ одна Европъ ... Пожалуйстъ, вы читайтъ газета Азіи, Африка и Австралія ... и вы тамъ увидитъ, какъ напечатано: господинъ Антоніо Регенти! Такой большой буква .. И адресъ мой: мосье Регенти—въ Европъ.

РАЗУМНИКЪ. Лучше-бъ ты съ твоею славою остался въ какой-нибудь неоткрытой части свѣта, тогда, по крайней мѣрѣ, не вскружилъ бы голову моей дурѣ-племянницѣ.

РЕГЕНТИ. А, ваша племянницъ прекрасный mademoiselle ... je vous fais mon compliment. Зачѣмъ дуръ? Она мене любитъ ... это очень натурально ... мене вездѣ любилъ. На островъ Нукагива, я вамъ скажи, одна дама мнѣ подарила даже свой ... это ... бусы на шея.

ЛИЗАНЬКА. Ожерелье?

РЕГЕНТИ. Ожер..... Comment nommez vous cela?—На островъ Нукагива, я вамъ скажи, дамы носятъ только буса на шея и—больше ничего.

РАЗУМНИКЪ. Ну, тѣмъ можно, у которыхъ больше-то ничего нѣтъ; а вѣдь моя племянница, братецъ, дочь благороднаго отца, имѣетъ недвижимое имущество.

РЕГЕНТИ. А, это очень прекрасно. И отецъ той дама — тоже благородна человѣкъ, онъ братъ солнца и племянникъ луна. О, я и теперь веду корреспондансъ съ мамзель Загмаризмабизма.

ЛИЗАНЬКА. А, вы переписываетесь съ вашей дамой безъ ничего ...

это очень дурно! я не позволю вамъ посылать любовныя записки въ Нукагиву.

РАЗУМНИКЪ (*всторону*). Задрало за живое: авось поссорятся.

РЕГЕНТИ. Вы миножко ревнивъ ... О, это charmant!.. Но вы будетъ спокойны; насъ раздѣляютъ очень большой море ...

РАЗУМНИКЪ. И громадныя горы лжи ... Ну, мусье, такъ ты больше ничего неумѣешь дѣлать, кромѣ ...

РЕГЕНТИ. Кромѣ—все умѣю дѣлать!.. Это у васъ что? табатьеръ?.. Смотритъ, пожалуйстъ, (*беретъ у него табатерку*). Чѣмъ больше будитъ смотрить, тѣмъ меньше увидитъ ... ein, zvei, drei — allons-maschir! (*Онъ подкидываетъ табатерку, она исчезаетъ*). Вы теперь хотитъ зналъ, гдѣ вашъ табатьеръ? Мадемуазель, онъ у васъ на фартучка! (*Вынимаетъ у ней изъ фартуха табатерку*). А? что скажитъ: шиста работа!

ЛИЗАНЬКА. (*въ восхищеніи, хлопая въ ладоши*). Прелестъ, безподобно!

РЕГЕНТИ. А? мосье? Ви что скажитъ?

РАЗУМНИКЪ. Да скажу, что ты скоморохъ, хоть куда!

РЕГЕНТИ. Ученикъ великой Пинетти, второй Боско, соперникъ Молдуано, и побѣдитель Франгопуло! Ви мнѣ пожалустъ цѣлковый, или одинъ золотой ...

РАЗУМНИКЪ. Важное титло! Но я удивляюсь, какъ ты съ этими достоинствами осмѣлился влюбиться въ мою племянницу?

РЕГЕНТИ. Влюбиться, о, это еще ничего ... Пожалустъ цѣлковый.

ЛИЗАНЬКА. Дядинька! Да не онъ въ меня влюбился, а я въ него.

РЕГЕНТИ. Пожалустъ цѣлковый.

РАЗУМНИКЪ. Ты глупая дѣвчонка! ... Но кто ему далъ право ...

РЕГЕНТИ. Вы давайтъ только цѣлковый ... Я вамъ покажу еще не такой штукъ.

РАЗУМНИКЪ. Провались ты съ своими штуками! ... Я тебя спрашиваю, какъ ты могъ влюбиться въ мою племянницу?

ЛИЗАНЬКА. (*Регенти*). Не сердитесь, пожалуйста, на его грубыя слова: въ душѣ дядюшка мой предобрый.

РЕГЕНТИ. Ничего ... (*Разумнику*). Вы говорите, какъ я могилъ? Очень можно! Ваша племяннисъ такой шарманъ, delicieuse, graciosa, so schön, и у нея есть деньги — (*обращаясь къ ней, поетъ*) O mi alma amorosa! Позвольте васъ спросить, вы такой стара господинъ, э вы это не понимай, что я также, какъ всяка другой человѣкъ, могу видѣлъ прекрасной лица, la turnure, кароша капиталъ! У меня есть душа, чувство и глази ...

ЛИЗАНЬКА. *(всторону)*. И все это прекрасное.

РАЗУМНИКЪ. Человѣкъ съ душой и чувствомъ не станетъ заниматься фокусами.

РЕГЕНТИ Фокусами? ... E per que? Нынче это самой выгодной ремесла ... Всѣ фокусами занимаются: проворство не — волшебство.

Вы видали-ль: часто бродитъ
Въ свѣтѣ бѣдненькій голякъ:
Мѣста ищетъ, не находитъ,
Прячетъ свой истертый фракъ.
Вотъ нашелъ онъ, — чуть пригрѣлся
И рукою не достать:
Обзавелся, разодѣлся,
И въ карманѣ благодать!

Вышло дѣло-то не худо!
Какъ успѣлъ онъ, вотъ въ чемъ чудо!
Чуда нѣтъ тутъ — примѣчай:
Фокусъ-покусъ — ein, zwei, drei!

Часто здѣсь купецъ удалый
Торгъ широко такъ ведетъ,
Забираетъ капиталы,
На чужой гуляетъ счетъ.
Но чуть срокъ пришелъ уплаты,
Купчикъ нашъ тю-тю ... банкрутъ!
А чрезъ годъ, глядишь, палаты
Ужъ выводитъ тутъ-какъ-тутъ!

Вышло дѣло-то не худо!
Какъ успѣлъ онъ, вотъ въ чемъ чудо!
Очень просто — примѣчай:
Фокусъ-покусъ — ein, zwei, drei!

Прожектеръ иной затѣетъ
Печи грѣть совсѣмъ безъ дровъ,
И порядкомъ понагрѣетъ
Легковѣрныхъ простаковъ ...
Все распишетъ, какъ въ романѣ,
А выходитъ, какъ на зло:
Дрожь у пайщиковъ въ карманѣ,
А ему, глядишь, тепло!

Вышло дѣло-то не худо!
Какъ успѣлъ онъ, вотъ въ чемъ чудо!
Какъ успѣлъ онъ? — Примѣчай:
Фокусъ-покусъ! ein, zwei, drei!

Фокусъ-покусы на свѣтѣ
Завсегда играютъ роль,
Тѣ отъ нихъ катятъ въ каретѣ,
А другіе трутъ мозоль.
Не надсаживая груди,
Не трудя свои глаза,
Тотъ при *дамахъ* вышелъ въ люди,
А другой черезъ *туза*

Оно въ сущности не худо!
Но какъ вышли, вотъ въ чемъ чудо!
Очень просто — примѣчай:
Фокусъ-покусъ — ein, zwei, drei!

Вотъ вы видитъ, мое ремесло совсѣмъ не такъ не хорошъ!

РАЗУМНИКЪ *(встороиу)*. А что ты думаешь ... по философіи, онъ, пожалуй, правъ.

ЛИЗАНЬКА. Дядинька! Неправда-ли, какой онъ милый, умный?

РЕГЕНТИ. Но я должно вамъ сказывать: я не самъ выбралъ эти штукъ дѣлать ... меня заставлялъ обстоятельства, нешастной случай...

РАЗУМНИКЪ. Знаемъ! Ужъ у вашей братьи всегда несчастные случаи ... Чай, насильно, за-воротъ тянули: Представляй — молъ — разъ, два, три!

РЕГЕНТИ. Насильно — нѣтъ! Но мой папинька очень много сердился на моя маменька, а моя маменька очень много смѣялся на мой папинька ...

РАЗУМНИКЪ. Чтожъ изъ этого? ... Видно тоже по страсти обвѣнчались?

РЕГЕНТИ. Ма — въ одна прекрасной утра ... моя папинька становился на колѣнъ, э ... руки такъ ... *(онъ складываетъ руки на груди и потомъ поднимаетъ кверху)* ... и говоритъ: «О! какой большой счастье! Мой сынъ! не плакай, узнай: нынче ночью *(плача)* твоя маменька ...

РАЗУМНИКЪ. Умерла?

РЕГЕНТИ. Нѣтъ ... Но онъ пропалъ.

РАЗУМНИКЪ. Фокусъ-покусъ сдѣлала.

РЕГЕНТИ. Я сталъ плакитъ, но моя папинка говорилъ: *Dummer Junge ... Dummer Junge* — значитъ глупа мальчикъ ... Ты еще очень молодъ, и не можно понимать это обстоятельствъ.

РАЗУМНИКЪ. *(Лизѣ)*. Видишь? Вотъ тебѣ и выборъ по-сердцу, безъ философіи!

РЕГЕНТИ. Но моя папинька былъ очень печална ... Э потому онъ

хотѣлъ себя веселый сдѣлать ... Э отъ это веселой сдѣлать — онъ скоро — капутъ ...

РАЗУМНИКЪ. Что? разорился?

РЕГЕНТИ. Нѣтъ, завсомъ умиралъ. Я оставался одна ... маленькой, безъ ничего. На нашъ городъ пріѣхала акробаты, э онъ меня взялъ въ маленькой Геркулесъ ... а послѣ я пошелъ къ сеньоръ Молдуано — подъ столъ ... а тамъ путешествовалъ на ярмарка — э вездѣ много деньга бралъ и большой аплодисманъ ... э очень славна имя получилъ.

ЛИЗАНЬКА. Видите, дядинька, онъ не виноватъ.

РАЗУМНИКЪ. Ну, а мать твоя какъ-же?

РЕГЕНТИ. Моя маминька!... Я семнадцать лѣтъ не видалъ моя маминька ... *aber*, я помню очень ея лица, ея добрый глаза ... я такъ помню моя ровега маминька, что сейчасъ узнавай, если ее встрѣчу .. О! я такъ любилъ моя добрая маминька ... (*утираетъ слезы*).

ЛИЗАНЬКА. Какое у него прекрасное сердце, дядинька!

РАЗУМНИКЪ. Все это прекрасно, только не подвигаетъ насъ впередъ. Ты понимаешь-ли, мусье Регенти: для моей племянницы мало Геркулеса, ей нуженъ человѣкъ благородный, приличный, образованный ...

РЕГЕНТИ. Фа! образованъ ... Я очень много образованъ!... Рег Іа Ьасса! Кто можно говоритъ, что я нѣтъ образованъ? Я говори на семь языкъ живой и на тринадцать мертвой. Я учился по итальянски, чтобъ пѣть аріи, по англійски, чтобъ бралъ больше деньга, по испански, чтобъ меня не понималъ, по нѣмецки, чтобъ былъ важна персонъ, э по французски, чтобъ говорить по русски.

ЛИЗАНЬКА. (*Торжественно*). Послѣ этого, дядинька, надѣюсь, вы не найдете больше препятствій къ нашему счастію?

РЕГЕНТИ. Есъ, май диръ! мы очень можно будетъ счастливъ.

РАЗУМНИКЪ. Милостивый государь! Дѣвочка эта, вы видите — легкомысленна . . она не понимаетъ, что́ говоритъ, что́ дѣлаетъ: — въ ней нѣтъ ни капли философіи. — Но у нея есть братъ: безъ его согласія, я не могу дать ей позволенія ...

РЕГЕНТИ. О, пожалуйстъ! Вы насъ не разлучайть. Когда я буду мужъ на ваша ниэсъ — я брошу всѣ штукъ-махенъ ... Я буду выбиралъ другой жизнь ... карошій ремесло ... Я буду деньги на процентъ давалъ ... пятнацать на одна рубль въ мѣсяцъ!

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ, нѣтъ! извините! Я вамъ не позволю бросить вашего искусства! Я хочу быть женою извѣстнаго артиста, а не ростовщика. Если мнѣ не стыдно быть вашей женой, то и вы также не должны стыдиться вашего званія.

РАЗУМНИКЪ. Вотъ они — романы-то!

РЕГЕНТИ. Bene, optime! Я буду заводить папиросной фабрика: это тоже фокусъ-покусъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ и ВІОЛЬЧИКЪ, *одѣтый акробатомъ, подъ шинелью.*

ВІОЛЬЧИКЪ. Guten Abend! Можно войти? ... Тамъ никого небыло ... такъ я самъ ...

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, это вѣрно кто нибудь къ вамъ изъ театра ... Можно, можно, войдите.

РЕГЕНТИ. (*встороиу*) Ай, verflucht! Это Віолинька!

РАЗУМНИКЪ. Цѣлый балаганъ ко мнѣ въ домъ накличетъ.

ВІОЛЬЧИКЪ. Папа! Я васъ вездѣ искалъ ... Мнѣ сказали, что вы здѣсь, я и прибѣжалъ ... Плотникъ спрашиваетъ: ставить ли трамполинъ? ...

РЕГЕНТИ. (*ему*) Halt's Maul!

РАЗУМНИКЪ. Какъ? что? постой-ка ... Это вашъ сынъ?

ЛИЗАНЬКА. Возможно-ли? ... развѣ у васъ есть сынъ?

РЕГЕНТИ. Нѣтъ, нѣтъ ... это такъ ... глупенькій мальчикъ.

РАЗУМНИКЪ. А вы его отецъ?

ЛИЗАНЬКА. Не можетъ быть!

ВІОЛЬЧИКЪ. Отчего не можетъ быть? Это мой папа.

РЕГЕНТИ. (*Щиплетъ его*). Молчи, Віолинка!

ВІОЛЬЧИКЪ. Ай, ай, папа! что вы щиплетесь ...

РЕГЕНТИ. А за чомъ! ... я тебѣ много разъ говорилъ, что я тебя взялъ такъ ... потому-что имѣю доброй сердца и у меня нѣтъ сынъ ...

ВІОЛЬЧИКЪ. Нѣтъ, папа, я непомню, вы мнѣ этаго, кажется, не говорили.

РАЗУМНИКЪ. А ... вотъ оно обстоятельство. (*Къ Лизѣ*) Поздравляемъ васъ съ сынкомъ, сударыня!

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ, это невозможно! ...

РАЗУМНИКЪ. Вотъ народецъ! Улика на лицо, а по ихъ все невозможно ... Да ты взгляни — тотъ-же носъ, тотъ-же ротъ, и вѣрно штукмейстеръ такой-же.

ВІОЛЬЧИКЪ. Да-съ, штукмейстеръ.

РЕГЕНТИ. Я могу васъ увѣрять, что эта сынъ — не мой сынъ. Одни мои благодѣянія и ласка заставляютъ его мнѣ говорить всегда *папа*. (*Изподтишка даетъ ему толчки*). Видите: онъ совсѣмъ безъ отца и мать — э только въ мой персонъ его папинька и маминька. Что, я правда говорилъ, Віолинка!

ВІОЛЬЧИКЪ. (*сквозь слезы*). Да, правду.

ЛИЗАНЬКА. Видите-ли, дядинька! Ужъ я не ошибусь: я знаю моего Антоніо ... артистъ никогда не солжетъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что любитъ въ первый разъ ...

РАЗУМНИКЪ. Послѣ того, какъ разлюбилъ въ послѣдній.

ВІОЛЬЧИКЪ. Папа!

РЕГЕНТИ. Опять!

ВІОЛЬЧИКЪ. Да какъ же мнѣ васъ называть?

РЕГЕНТИ. (*идетъ на него, стараясь выгнать изъ комнаты*). А, ты не знай, какъ меня зовутъ? ... Тебѣ нужно, чтобъ я тебя училъ, какъ меня зовутъ ... а? мое имя не знай ...

ВІОЛЬЧИКЪ. Знаю, мосье Антоніо ... Что-же мнѣ сказать плотнику? Будете вы нынче кувыркаться?

РЕГЕНТИ. Нѣтъ! Маршъ пошелъ! Я самъ къ нему сейчасъ иду.

ЛИЗАНЬКА. Только вы зайдите опять сюда.

РЕГЕНТИ. Absolument ... Я васъ увижу прежде представленія. (*Разумнику*). Мосье ... au plaisir de vous revoir ... Мнѣ нужно все приготовилъ ... О, я ви скажи, я очень большой механикъ (*уходитъ*).

РАЗУМНИКЪ (*вслѣдъ ему*) Вижу, что механикъ . . Чтобъ тебѣ шею свернуть съ трамполина.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РАЗУМНИКЪ, ЛИЗАНЬКА и потомъ **КАРОЛИНА ИВАНОВНА.**

—

РАЗУМНИКЪ. Ну, сударыня?

ЛИЗАНЬКА. Что–съ?

РАЗУМНИКЪ Ты все еще въ штукмейстерши наровишь!

ЛИЗАНЬКА. А почему-же нѣтъ?

РАЗУМНИКЪ. Такъ я вамъ отъ нынѣшняго числа — не дядя! Всякія

сношенія съ вами прерываю ... Я самъ еще — молодецъ: могу тоже жениться — и вдругъ моя жена узнаетъ, что ея племянникъ балаганъ открылъ на масляницѣ, а сынъ его — паяца представляетъ. Нѣтъ! Такого оскорбленія я не намѣренъ сносить ... Твой избранный плутъ ...

ЛИЗАНЬКА. Напрасно. Время покажетъ вамъ противное ...

РАЗУМНИКЪ. Тогда ужъ поздно будетъ, когда и ты станешь представлять даму изъ Амстердама. Пусть Ануфрій порадуется твоей находкѣ, а ужъ я слуга покорнѣйшій, умываю руки!

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. (*вбѣгая.*) Молодой баринъ пріѣхалъ! Сейчасъ выходитъ изъ дорожной кареты.

ЛИЗАНЬКА. Братъ! какъ я рада! Онъ вѣрно защититъ меня отъ вашихъ нападокъ.

РАЗУМНИКЪ. Увидимъ! ... (*всторону*) Воображаю, какая выйдетъ сцена ... (*Оба бѣгутъ на встрѣчу*).

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. (*одна*). Какъ онъ удивится, когда узнаетъ, что я буду его тетенька! ... О, теперь я заведу совсѣмъ другой порядокъ .. Нѣтъ, ужъ теперь Трифонъ Ануфричъ не будетъ говорить: «что это вы, Каролина Ивановна, столько кофею тратите»... Сколько хочу, столько и трачу ... да не только кофе, и деньги, и сливки, и масло, все ... Зачѣмъ мнѣ беречь — я не экономка — Я сама барыня! Ахъ, какъ это безподобно: барыня, чиновница, очень важная барыня! — Это ужъ не то, что былъ мой прежній ... Не хочу и вспоминать о немъ ... и за наслѣдствомъ его теперь не погонюсь ... Только-бы поскорѣй выдти замужъ ... Боюсь, какъбы Трифонъ Ануфричъ не раздумалъ, или не помѣшалъ кто ... А то я покажу себя ... въ танцовальное собраніе на балъ поѣду ... вотъ какъ! ... Шаль вымѣняю у татарина! Букетъ, скажу, мнѣ купи ... лимонадъ и оршадъ распивать буду ... Ахъ, они идутъ. Удержусь пока немножко, ... а ужъ какъбы хотѣлось показать себя.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ДЖУЛІЯ ЛЕБЕРКНЕХЕРЪ, РАЗУМНИКЪ, ЛИЗАНКА И КАРОЛИНА ИВАНОВНА.

—

РАЗУМНИКЪ (*вводя подъ руку Джулію*). Просимъ покорно, дорогая гостья! Ну, вотъ мы васъ и дождались ... Извините, что не успѣлъ приготовиться, чтобъ встрѣтить васъ попараднѣе ...

ДЖУЛІЯ (*жеманясь*). Ахъ, помилуйте ... мнѣ право совѣстно ...

РАЗУМНИКЪ (*ведя ее къ Каролинѣ Ивановнѣ*). Вотъ это, рекомендую—моя племянница ... что я! нѣтъ! это Каролина Ивановна ... моя эконом ... моя домоправа ... т. е. другъ моего дома ... А вотъ и племянница: Лизанькой зовутъ.

ЛИЗАНЬКА. Прошу меня любить, какъ сестру ... Мы вѣрно будемъ съ вами друзьями?

ДЖУЛІЯ. О! я была бы очень счастлива, еслибъ вы удостоили меня чести ...

ЛИЗАНЬКА. Какъ вамъ не стыдно! Поцѣлуемся! Еще разъ. Вотъ союзъ и заключенъ ... Мы родныя, что намъ церемониться.

РАЗУМНИКЪ. Однако, Лиза, ты такъ назойлива ...

ЛИЗАНЬКА. Это наше дѣло, дядюшка ... вы, пожалуйста, ужъ не мѣшайтесь. (*Джуліи*). Мы будемъ вмѣстѣ работать, гулять, ѣздить въ театры, въ маскерады ...

ДЖУЛІЯ. Я вамъ очень буду благодарна ...

ЛИЗАНЬКА. Повѣрять другъ другу тайны, намѣренія... не правда ли?

РАЗУМНИКЪ (*встороиу*). Нѣтъ, ужъ это лишнее. Какъ она брякнетъ ей сдуру, что выходитъ за акробата, такъ, пожалуй, и свадьбу брата разстроитъ. (*Вслухъ*). Вы, чай, устали съ дороги, не угодно-ли, вотъ стульчикъ ...

ДЖУЛІЯ. Благодарю (*присѣдаетъ*). Я отдохну послѣ.

РАЗУМНИКЪ. Прошу безъ церемоній; будьте, какъ у себя дома. Конечно, мы люди неважные, простые, не можемъ гоняться за знатью...

ДЖУЛІЯ. Помилуйте! Я очень рада, что нахожусь въ кругу такихъ добрыхъ, милыхъ людей. Я сама люблю, чтобъ все было по-просту.

РАЗУМНИКЪ (*встороиу*). Тонкая штука! Тотчасъ видно, что изъ высшаго круга. (*вслухъ*). Каролина Ивановна! Вы бы помогли Ануфрію... онъ тамъ выбирается изъ кареты...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Какъ! мнѣ?.. Хорошо-съ, извольте... я пойду ... (*встороиу*). Какъ глупо! мнѣ помогать вытаскивать вещи племянника, тогда какъ я сама скоро буду барыня. (*Уходитъ*).

РАЗУМНИКЪ. Такъ вотъ-съ, мы съ вами... Позвольте, имени, отчества не имѣю чести знать?

ДЖУЛІЯ. Меня зовутъ Джулія...

РАЗУМНИКЪ. Какъ-съ?... Джулія?

ДЖУЛІЯ. Да, т. е. Юлія, по отчеству Карловна.

РАЗУМНИКЪ (*встороиу*). Тотчасъ видно, что знатнаго рода; у нашей братьи такихъ заморскихъ именъ не даютъ. . Однако-жъ, какъ-

бы у нея повывѣдать?.. Лизанька! Поди, приготовь все для нашей дорогой гостьи: вѣдь ты хозяйка дома.

ДЖУЛІЯ. Ахъ, какихъ я безпокойствъ надѣлала.

РАЗУМНИКЪ. Ничего! Она молода—ей моціонъ вещь здоровая: пусть похлопочетъ.

ЛИЗАНЬКА. О, я тотчасъ все устрою! Вы вѣрно не откажетесь помѣститься со мною вмѣстѣ, въ одной комнатѣ? (*Джулія приспдаетъ и киваетъ головою, Лиза уходитъ*).

РАЗУМНИКЪ (*всторону*). Теперь надо философскимъ манеромъ—потоньше закинуть словцо...

ДЖУЛІЯ (*всторону*). Старичекъ, кажется, добръ и простоватъ... Постараюсь отыскать его слабую струнку (*громко*). Ваша племянница премилая дѣвушка.

РАЗУМНИКЪ. Да–а–съ, она этакъ того...

ДЖУЛІЯ. Такого веселаго нрава, кажется.

РАЗУМНИКЪ. Слишкомъ веселаго. Никакой философіи. О-о-охъ!

ДЖУЛІЯ. Какъ, вы вздыхаете о томъ, что она не философъ?

РАЗУМНИКЪ. А вамъ это смѣшно? Вы знаете, что благородная дѣвушка, хоть она и веселаго нрава, не должна себѣ однакожъ позволять...

ДЖУЛІЯ Маленькія дурачества? Отчего–же? Мы видимъ даже, что этого и въ большомъ свѣтѣ не запрещаютъ.

РАЗУМНИКЪ (*всторону*). Вотъ оно! Вѣрно графиня. (*Вслухъ*). Но если эти дурачества доходятъ до глупости, до безумія, до ...

ДЖУЛІЯ. До чего?

РАЗУМНИКЪ. До того, что ... Но я не могу вамъ этого сказать: вы оскорбитесь... не будете меня уважать.

ДЖУЛІЯ. Васъ? Но развѣ это можно? Вы произвели на меня впечатлѣніе, которое никогда не изгладится. Ваша наружность, прекрасные глаза, милое обхожденіе... все меня къ вамъ привязываетъ.

РАЗУМНИКЪ (*всторону*). Вотъ и третья увѣряетъ, что я еще молодецъ. Видно въ самомъ дѣлѣ я того... (*Вслухъ*). Перестаньте, ради Бога!.. вы мнѣ льстите. Правда, я философъ, не обращаю вниманія на наружность, однакожъ, чувствую, что того, поистратился маленько на счетъ физики.

ДЖУЛІЯ. И, полноте! Какъ часто мы видимъ въ высшемъ кругу, что достойныхъ старичковъ предпочитаютъ молодымъ повѣсамъ.

РАЗУМНИКЪ (*всторону*). Что за душка! Какъ умно разсуждаетъ. И притомъ знатнаго рода. (*Вслухъ*). Знаете... не будь я философъ, да не будь Ануфрій мнѣ съ родни, я бы кажется, не думая ни минуты ...

ДЖУЛІЯ. Отбили меня у вашего племянника?

РАЗУМНИКЪ. Съ вашего позволенія.

ДЖУЛІЯ. Покорно васъ благодарю. Но какъ это невозможно, позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, называться вашей племянницей, дочерью, другомъ...

РАЗУМНИКЪ. За особенную честь почту .. Но какъ-же Лиза-то?

ДЖУЛІЯ (*съ удивленіемъ*). Лиза?

РАЗУМНИКЪ. Да, моя племянница?.. Захотите ли вы и ваша фамилія... Виноватъ, я еще не спросилъ, какъ ваша фамилія?

ДЖУЛІЯ. Леберкнехеръ.

РАЗУМНИКЪ. Лебен...

ДЖУЛІЯ. Лебер-кне-херъ!

РАЗУМНИКЪ. Такъ-съ (*встороиу*). Нѣмецкая фамилія... языкъ переломишь, какъ выговоришь... должно быть баронесса.

ДЖУЛІЯ. Такъ что-же ваша племянница?

РАЗУМНИКЪ. Да. Захотите-ли вы породниться съ нею?

ДЖУЛІЯ. Отчего же нѣтъ? Она такая милая, добрая...

РАЗУМНИКЪ. Но она любитъ одного... этакого... (*беретъ чубукъ и показываетъ, какъ пляшутъ на канатѣ*).

ДЖУЛІЯ. Какъ! одного...

РАЗУМНИКЪ. Не правда-ли, это ужасно! Тутъ есть отчего съ ума сойти!

ДЖУЛІЯ. Она любитъ одного ... (*беретъ у него чубукъ и тоже начинаетъ танцовать*).

РАЗУМНИКЪ. О, да какъ вы мило танцуете, и какая ножка-то... душечка, крошечка... настоящая графская... Такъ вотъ-съ, она хочетъ выйти замужъ за такого скакуна.

ДЖУЛІЯ. Что-же, если онъ человѣкъ достойный ... Любовь не разбираетъ скачковъ.

РАЗУМНИКЪ. Тото и бѣда, что она сама скачетъ, сломя голову... Но ваши родные, которые стоятъ такъ высоко, что ихъ чай и рукой не достанешь...

ДЖУЛІЯ. Конечно, они подымаются высоко, но они люди простые, непретендательные, не гордятся своимъ званіемъ.

РАЗУМНИКЪ. Однако, что скажутъ ваши высокіе родственники, когда узнаютъ, что вы породнились съ скакуномъ?

ДЖУЛІЯ. Имъ скачки не въ диковинку. Они къ нимъ привыкли ... Видали мы и не такихъ ... На этотъ счетъ будьте покойны: ихъ это нисколько не испугаетъ, они знаютъ себѣ цѣну.

РАЗУМНИКЪ. Право? Ну, такъ и славно! Позвольте-же обнять

васъ и расцѣловать, какъ будущую племянницу. *(обнимаетъ Джулію и цѣлуетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЕ, АНУФРІЙ, ЛИЗАНЬКА и КАРОЛИНА.

—

АНУФРІЙ. Ба! ба! ба! Дядюшка цѣлуетъ мою невѣсту! Браво — брависсимо! Значитъ поладили! Ахъ, какъ я радъ! ... Не правда-ли, дядюшка, моя Джульета — прелесть, настоящій амурчикъ!

РАЗУМНИКЪ. Геній, братецъ! Поздравляю и хвалю за выборъ ... Напередъ зналъ, что не дашь маху.

АНУФРІЙ (*взявъ руку Джуліи и цѣлуя ее.*) Видишь-ли, Джульчикъ, я всегда говорилъ, что дядюшка у меня золотой человѣкъ, умный, разсудительный, безъ предразсудковъ ...

РАЗУМНИКЪ. Это оттого, что я философъ.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. (*всторону.*) А философіи-то я его научила.

АНУФРІЙ. Но я въ хлопотахъ не успѣлъ еще порядкомъ обнять и расцѣловать мою добрую сестру ... Какъ ты выросла, похорошѣла ...

РАЗУМНИКЪ. И поглупѣла.

АНУФРІЙ. Какъ поглупѣла?

РАЗУМНИКЪ. Вообрази, она выбрала себѣ жениха ...

АНУФРІЙ. Право? Поздравляю и радуюсь ...

РАЗУМНИКЪ. Погоди; спроси сперва: кого?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. (*всторону.*) Слава Богу! Одна свадьба готова.

АНУФРІЙ. Кого-же?

РАЗУМНИКЪ. Фокусника.

АНУФРІЙ. Возможно-ли, фокусника? — Лиза, дай обнять себя ... Симпатія! Рѣшительно, симпатія!

ЛИЗАНЬКА. Такъ ты не сердишься на меня за это, милый братецъ?

АНУФРІЙ. Нисколько. Напротивъ, очень радъ! Ты дѣвушка девятнадцатаго столѣтія, безъ претензій и предубѣжденій! Радуйся, Джульчикъ! Сестра моя выбрала артиста!

РАЗУМНИКЪ (*всторону.*) Они никакъ всѣ съ ума сошли! (*Вслухъ.*) Но, помилуйте, вѣдь онъ фигляръ, акробатъ ...

ДЖУЛІЯ. Любовь не видитъ никакихъ различій.

РАЗУМНИКЪ. Да, вы можете это говорить, потому-что удостоиваете насъ чести ... Впрочемъ, вашъ женихъ — человѣкъ благородный, родовой дворянинъ ... Отецъ Ануфрія былъ Коллежскій Ассессоръ ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. (*всторону.*) А, значитъ и другая свадьба на мази ... Теперь дѣло только за нами.

РАЗУМНИКЪ. Но она и онъ какая разница! философскимъ образомъ даже нельзя допустить ...

АНУФРІЙ. Дядюшка! Такъ допустимъ самымъ простымъ, натуральнымъ образомъ: обвѣнчаемъ ихъ и концы въ воду.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. (*всторону*) Проздравлю ихъ ... чтобъ послѣ они и меня проздравляли ... (*громко, подходя ко всѣмъ поочередно.*) Честь имѣю проздравить, счастія желаю ...

АНУФРІЙ, ЛИЗАНЬКА И ДЖУЛІЯ. Покорно васъ благодарю!

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. (*Разумнику*) Честь имѣю *проздравить* ...

РАЗУМНИКЪ (*съ сердцемъ*) съ чѣмъ, матушка? Не съ этимъ ли, что платки изъ кармана пропадаютъ ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА, (*обидясь.*) Обижаете... помилуйте ... я, кажется, у васъ еще ни одного платка не украла ...

РАЗУМНИКЪ. Ахъ, Каролина Ивановна, не въ свое дѣло мѣшаетесь ... Подите вы, тамъ, по домашеству хлопочите, а здѣсь и безъ васъ тошно.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Такъ что-же, со мной еще тошнѣе? Покорно васъ благодарю ... я такой обидности не ожидала ...

РАЗУМНИКЪ. Вы все не въ ту сторону ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Да какъ же при всѣхъ такъ конфузить: платки изъ кармана пропадаютъ

РАЗУМНИКЪ. Вы подите, вы подите ... Вы вотъ что!... (*шепчетъ ей на ухо.*)

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Неужли? ... вы не шутите?

РАЗУМНИКЪ. Какая шутка ... (*опять шепчетъ.*) Только живой рукой.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. О! я тотчасъ-же ... Бѣгу! бѣгу! ... (*Присѣдая передъ всѣми.*) Прощайте-съ! Я не на долго ... Скоро мы опять увидимся ... (*надмѣнно*) и я тогда покажу всѣмъ, что Каролина Ивановна ...

АНУФРІЙ. Что такое?

РАЗУМНИКЪ. Тсъ! Каролина Ивановна — ни, ни ...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Молчу! (*Всторону, уходя.*) И тебѣ покажу себя, старый дуралей, дай срокъ!

АНУФРІЙ. Дядюшка! я обѣщалъ въ письмѣ, что удивлю васъ ... Конечно, теперь эффектъ немножко испорченъ ... Но все-таки удивлю. — Позвольте васъ покороче познакомить съ моей невѣстою ...

РАЗУМНИКЪ. Если характеръ соотвѣтствуетъ ея наружности, такъ нечему удивляться, что ты ее выбралъ ... Ты всегда былъ парень не-промахъ.

АНУФРІЙ. А ужъ теперь отличился!

РАЗУМНИКЪ. Но гдѣ-ты нашелъ такое сокровище?

АНУФРІЙ. Именно нашелъ! Настоящее выраженіе.

ДЖУЛІЯ (*всторону.*) Что-то будетъ? я вся дрожу.

АНУФРІЙ. Видите-ли — у насъ въ Ригѣ скука смертная ... въ воскресенье — незнаешь куда дѣваться ... Вотъ я въ одно прекрасное воскресенье, въ которое была прескверная погода . . зѣвалъ, зѣвалъ дома, да и пошелъ въ трактиръ — обѣдать ... Тамъ пріятели ... Ну, роспили бутылочку, другую.

РАЗУМНИКЪ (*тихо.*) Ужъ ты при невѣстѣ-то остерегись. Въ ихъ кругу это не водится.

АНУФРІЙ. Конечно—гдѣ имъ такъ жить, какъ нашъ братъ. Гляжу: афишка ... Новая труппа даетъ представленіе въ театрѣ. Я туда—сижу ... Играютъ сперва глупую драму—я зѣваю ... Глазѣю по ложамъ и вздремнулъ ... да знаете, такъ-таки препорядочно ... Вдругъ страшный аплодисманъ... протираю глаза—глядь наверхъ—и глазамъ не вѣрю ...

РАЗУМНИКЪ. Наверхъ . . въ бельэтажъ?

АНУФРІЙ. Нѣтъ, наверхъ.

РАЗУМНИКЪ. Ну, да, въ ложу.

АНУФРІЙ. Совсѣмъ нѣтъ, а просто наверхъ ...

РАЗУМНИКЪ. Не въ раёкъ же?

АНУФРІЙ. Нѣтъ; на очаровательное существо, въ локонахъ, въ голубомъ спензерѣ, съ вѣнкомъ на головѣ ...

РАЗУМНИКЪ. Это я понимаю. Но гдѣ же была эта очаровательница?

АНУФРІЙ. Да я-же вамъ говорю надо мной, наверху ...

ДЖУЛІЯ (*всторону*) Роковая минута наступаетъ ...

ЛИЗАНЬКА. (*тихо Джуліи.*) Я все знаю. Не бойтесь. (*Въ продолженіе всей сцены онъ шепчутся*).

РАЗУМНИКЪ. Наверху! Не на канатѣ-же?

АНУФРІЙ. Ай-да дядюшка! Да вы угадчикъ! Именно на канатѣ!

РАЗУМНИКЪ. Что? что? что? на канатѣ? . . Графиня-то, баронесса ...

АНУФРІЙ. Не графиня — а моя Джульета ... Граціозно балансируя шестомъ, она тихо шла надо мною — въ верхнюю галлерею ...

РАЗУМНИКЪ. И ты — видя ее въ такомъ положеніи ...

АНУФРІЙ. Разумѣется, она меня обворожила и когда сошла внизъ—у меня закружилась голова, сердце заговорило, я упалъ къ ея ногамъ и все было кончено!

РАЗУМНИКЪ. (*Джуліи*) Такъ вы ...

ДЖУЛІЯ (*беретъ чубукъ и танцуетъ*). Извините.

РАЗУМНИКЪ, (*схвативъ себя за голову*).Господи! Да что я ... самъ съ ума свихнулъ, или только попалъ въ домъ сумасшедшихъ?

АНУФРІЙ, (*взявъ Джулію за руку*). Дядюшка, благословите насъ.

РАЗУМНИКЪ. Съ плясавицей на канатѣ, съ танцоркой ! . Да ты дуракъ, братецъ!

АНУФРІЙ

Нѣтъ, я не буду въ дуракахъ!
Теперь въ ходу пѣнье и танцы,
Артистовъ носятъ на рукахъ ...
Лишь только–бъ были иностранцы!

РАЗУМНИКЪ. Поздравляю! ... Только съ этой ножкой прошу ко мнѣ ни ногой! Отрѣкаюсь отъ всѣхъ васъ !.. Не хочу знать никого — и наслѣдства вамъ моего не видать, какъ ушей своихъ !.. Самъ женюсь, вамъ на зло!

АНУФРІЙ. Но, дядинька, разсудите, хоть съ философской точки зрѣнія ...

РАЗУМНИКЪ. Прочь! Слушать не хочу ... Я не философъ ... Нѣтъ! что я вру, я философъ, и потому именно выгоняю васъ вонъ ... Какъ! сынъ порядочнаго человѣка, коллежскаго ассессора, Разумникъ, Муромскій ...

АНУФРІЙ. Да, дядюшка! Вы взгляните только, какъ она танцуетъ, послушайте, какъ поетъ ... Джульчикъ, спой ему хоть цыганскую ...

ДЖУЛІЯ. (*Ванька-Танька*).

Я прошу васъ объ одномъ:
Вы откройте намъ свой домъ!
Мы—ручаюсь вамъ, вдвоемъ
Голубками заживемъ!

ДЖУЛІЯ И АНУФРІЙ.

ВМѢСТѢ

А ну-ка, ну-ка, ну!
Вспомни старую весну!

РАЗУМНИКЪ.

А ну-ка, ну-ка, ну!
Самъ добуду я жену!

ДЖУЛІЯ.

Мы вамъ старость усладимъ:

АНУФРІЙ.

Васъ птенцами окружимъ!

ДЖУЛІЯ.

Будутъ бѣгать и скакать,

АНУФРІЙ.

Дѣда за уши трепать.

ВМѢСТѢ.

ВМѢСТѢ.

А, ну-ка, ну-ка, ну!
Бракъ не ставьте намъ въ вину.

РАЗУМНИКЪ.

А, ну-ка, ну-ка, ну!
Ты совсѣмъ пойдешь ко дну!

А вѣдь танцуетъ она дѣйствительно не дурно, и ножка какая! А глаза-то, глаза-то! Тфу! Сирена!

ДЖУЛІЯ, (*ласкаясь.*)

Согласитесь-же скорѣй!
Всѣмъ намъ будетъ веселѣй!
Будьте умны хоть разокъ,
Добрый, милый старичокъ!

ВМѢСТѢ.

ВМѢСТѢ.

А ну-ка, ну-ка, ну!
Хоть улыбочку одну!

РАЗУМНИКЪ.

А ну-ка, ну-ка, ну...
Я порядкомъ васъ пугну!

(*Джулія, послѣ каждаго куплета, во время припѣва, танцуетъ.*)

АНУФРІЙ. Ну-съ, что вы теперь скажете?

РАЗУМНИКЪ. Все тоже: ее на канатъ, а тебя на верёвку, въ желтый домъ.

ДЖУЛІЯ. Вы вѣрно никогда не любили? ...

РАЗУМНИКЪ. Плясавицъ—никогда!.. Притомъ моя система—разумъ, потому-что разумъ во лбу, у него есть глаза, а сердце слѣпо ... Затѣмъ его Богъ и запряталъ въ темный уголъ, чтобъ оно не совалось, гдѣ его не спрашиваютъ.

АНУФРІЙ. Да вы узнайте напередъ покороче мою Джульету, — потомъ вы сами увидите, что̀ это за женщина.

РАЗУМНИКЪ. Знаемъ, знаемъ. Вотъ и Лиза тоже просила, чтобъ я сперва познакомился съ ея Геркулесомъ ... хорошъ вышелъ сахаръ-медовичъ!

ДЖУЛІЯ. Богъ съ вами! Вы желаете моего несчастія, такъ я буду великодушнѣе васъ: не хочу разстроивать вашего семейнаго спокойствія ... (*сквозь слезы*) Отказываюсь отъ вашего племянника ... Пусть я одна страдаю ... (*плачетъ.*)

АНУФРІЙ. Дядюшка! желѣзный человѣкъ! взгляните.—она плачетъ .. Понимаете-ли вы — (*трагически*) она плачетъ! ... О, нѣтъ, Джульчикъ! я тебя не оставлю, я послѣдую за тобою ... хоть на край свѣта ... Пойдемъ въ ближнюю гостинницу.

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, вотъ и мой Антоніо идетъ ... очень кстати ...

РАЗУМНИКЪ. Именно кстати. Теперь вся труппа въ комплектѣ— они дадутъ намъ представленіе на канатѣ.

АНУФРІЙ (*всторону*) Онъ меня рѣжетъ этимъ канатомъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ и РЕГЕНТИ.

—

РАЗУМНИКЪ. Добро пожаловать, любезный! Тебя только и недоставало въ компаніи.

РЕГЕНТИ. Я очень радъ явится ... вы вѣрно обдумалъ.

ДЖУЛІЯ (*всторону*). Какой голосъ!.. (*подходитъ къ Регенти.*) Боже! мой мужъ!

РЕГЕНТИ. А! моя жена!

ЛИЗАНЬКА. Что это? его жена!

АНУФРІЙ. Она замужемъ ... вотъ штука!

ЛИЗАНЬКА. Мы оба жестоко обмануты.

РЕГЕНТИ. Wo kommst du her? Ты откуда взялся?

ДЖУЛІЯ. А ты откуда?

РЕГЕНТИ. Я изъ островъ Нукагива.

ДЖУЛІЯ. А я изъ Борго — въ Финляндіи.

РЕГЕНТИ. Но ты умиралъ — на госпиталь...

ДЖУЛІЯ. (*слабѣя.*) Умираю.

РЕГЕНТИ. Теперь поздно ... Ужъ штукъ испорченъ.

ЛИЗАНЬКА. (*кидается къ дядѣ.*) Ахъ, дядинька, какъ я виновата передъ вами. Но я жестоко наказана.

АНУФРІЙ. Простите дядюшка! Подурачился ... знаете, молодо-зелено ... Я не подозрѣвалъ ...

РАЗУМНИКЪ, (*потирая руки.*) Вотъ оно, вотъ оно! Что друзья! ... Я тотчасъ по философіи видѣлъ, что тутъ выйдетъ пустякъ. Ну, слава Богу — честь фамиліи спасена! Я такъ радъ, что готовъ запрыгать отъ радости ... Ну-ка, теперь егоза пропляши намъ что-нибудь, а ты мусье — на трубѣ ... Ха, ха, ха, ха! Но постойте, дѣти ... Это вамъ урокъ, что не должно слѣдовать влеченію сердца, но только этотъ урокъ надо еще подкрѣпить хорошимъ примѣромъ. Чтобъ вы знали, что женитьба не шутка и что надо совѣтоваться съ разсудкомъ и опытностію ... я вамъ — такъ для памяти — представлю свой собственный выборъ.

АНУФРІЙ. Какъ, дядюшка! вы хотите жениться, въ ваши лѣта?...

РАЗУМНИКЪ. Въ мои лѣта! ... А что мои за лѣта? я только-что созрѣлъ для супружескаго счастія.

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, скажите поскорѣй, на комъ же?

РАЗУМНИКЪ. На умной, скромной дѣвицѣ, на дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей ... которую я двѣнадцать лѣтъ изучалъ ... философски изучалъ, во всей подробности.

АНУФРІЙ. Гдѣ же этотъ Фениксъ?

РАЗУМНИКЪ. А вотъ я вамъ ее сейчасъ представлю. (*Уходитъ.*)

ДЖУЛІЯ. (*Регенти.*)

Какъ, скажи, ты уцѣлѣлъ?
Вѣдь ты съ шара полетѣлъ?

РЕГЕНТИ.

Ты разшиблена была,
Какъ же ты не умерла?

ДЖУЛІЯ.

Да я стала разсуждать:
Лучше жить, чѣмъ умирать.

РЕГЕНТИ.

А я публику надулъ:
Шаръ мой съ куклой потонулъ.

ДЖУЛІЯ.

Такъ обнимемся, другъ мой!
Снова жить пришлось съ тобой!

РЕГЕНТИ.

Будемъ жить ... На этотъ счетъ
Намъ судьба сама везетъ.

ДЖУЛІЯ. Ануфрій Назарычъ! Вы видите, я не виновата, я не знала, что мой мужъ живъ... повѣрила газетамъ... простите великодушно. не моему, а ихъ — обману.

АНУФРІЙ. Богъ съ вами! Надувайте шары, надувайте публику... мнѣ какое дѣло... я васъ совсѣмъ ужъ позабылъ.

РЕГЕНТИ (*Лизанькѣ.*) Синьорина! Mille pardons! Я хотѣлъ очень ... на васъ жениться, ма - что дѣлать! Моя Юльхенъ не умери... не каждой штука удается.

ЛИЗАНЬКА. Оставьте меня! Я васъ больше не люблю .. я васъ даже ненавижу ... и съ этихъ поръ ни одному артисту не повѣрю на слово.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢЖЕ, РАЗУМНИКЪ, КАРОЛИНА ИВАНОВНА, потомъ ВІОЛЬЧИКЪ.

РАЗУМНИКЪ (*выводитъ Каролину, разодѣтую впухъ, съ букетомъ на груди.*) Дѣти мои! Имѣю честь представить вамъ мою невѣсту.

ЛИЗАНЬКА И АНУФРІЙ. Каролина Ивановна!

КАРОЛИНА (*торжественно.*) Да - съ, Каролина Ивановна! А вы какъ обо мнѣ думали?

РЕГЕНТИ, (*подбѣгая.*) Ахъ, Боже мой! Моя маминька! моя доброй, бѣдной маминька! Моя povera! (*обнимаетъ ее и цѣлуетъ ея руки*).

КАРОЛИНА. Ахъ ... дурно ... душно ... поддержите!

РАЗУМНИКЪ. Какъ! Это та самая ...

РЕГЕНТИ. Да, да! тотъ самой ... Это мой маминька! которой безъ вѣсти пропалъ ...

РАЗУМНИКЪ. Молчи, молчи! не договаривай ... Ахъ, я старый оселъ!

АНУФРІЙ. Такъ это-то умная, скромная дѣвица, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей!

ЛИЗАНЬКА. (*передразнивая дядю.*) «Женитьба не шутка, надо совѣтоваться съ разсудкомъ и опытностію.»

АНУФРІЙ. (*Тоже.*) «Вотъ вамъ урокъ для памяти». (*Оба хохочутъ*).

РАЗУМНИКЪ. Что, смѣшно, не бось?.. ха, ха, ха! (*Сперва начинаетъ ихъ передразнивать, потомъ въ самомъ дѣлѣ хохочетъ.*) Вотъ было мы обзавелись семейкой ... въ балаганъ бы насъ, за деньги показывать ... ха! ха! ха!

АНУФРІЙ. А ваша философія?

РАЗУМНИКЪ. Философія дала маху. Ну-ее!

ВІОЛЬЧИКЪ. (*вбѣгая*) Пана! Все готово! Публика сбирается ... Господа и госпожи! Сейчасъ начинается, пожалуйте ... представленіе хорошее, отличное, самое лучшее.

РАЗУМНИКЪ. (*Джуліи, показывая на Віольчика*) Вотъ, сударыня, ... Мужъ отъ него отрекся, можетъ вы признаете...

ДЖУЛІЯ. Мой сынъ ... Віолинька! Сюда, на мое сердце!

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Дѣти мои! обнимите покинутую мать свою...

РАЗУМНИКЪ. Какова живая картина! И еще даромъ показываютъ.

АНУФРІЙ. Видите ли, дядюшка, ваша система — выбирать по разсудку, а не по сердцу — выходитъ, какъ-бы вамъ сказать...

РАЗУМНИКЪ. Ужъ не говори ... я лучше самъ покаюсь.

Хоть по уму, хотя по сердцу
Ищи жену, а выйдетъ тожъ:
Что вмѣсто меду, хватишь перцу,
Какъ не впоподъ ее возмешь.

Но я давно ношу идею:
Что, если-бы для разныхъ мѣстъ,
Устроить этакъ — лотерею
Разнокалибрныхъ невѣстъ?
Теперь нашъ братъ все выбирая,
Потомъ себя же и винитъ ...
А тамъ — какъ вынулась пустая —
Аллегри — знай себѣ и квитъ!

Черезъ семейные ухабы
Всѣ шли бы прямо на вѣрнякъ:
И философія тогда бы
Не попадалася въ просакъ!

ЛИЗАНЬКА. (*Къ публикѣ*).

Мы всѣхъ любовью насмѣшили,
Надѣлавъ множество проказъ:
Того гляди, что въ въ водевилѣ
Насъ всѣхъ представятъ на показъ!
Но вы хоть слабость пощадите!
И если вышла кутерьма —
Бѣду—отъ сердца извините,
Простите горе — отъ ума.

ВСѢ.

Бѣду отъ сердца — извините,
Простите — горе отъ ума!

ПОДПИСКА НА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПАНТЕОНЪ
И ПРИ НЕМЪ
РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,
ИЗДАВАЕМЫЙ Ѳ. А. КОНИ,
НА 1852 ГОДЪ.

Оставаясь вѣрнымъ своей программѣ и предположенной цѣли — ПАНТЕОНЪ и въ 1852 году будетъ доставлять своимъ подписчикамъ чтеніе легкое, разнообразное, занимательное и вполнѣ современное. ПАНТЕОНЪ будетъ заключать въ себѣ по прежнему: замѣчательнѣйшія драматическія произведенія русскія и всѣхъ европейскихъ литературъ, романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія; статьи критическія и библіографическія; статьи по части исторіи и теоріи искусствъ, написанныя языкомъ популярнымъ и преимущественно касающіяся развитія и хода искусствъ и художествъ въ Россіи. Біографіи и художественные очерки замѣчательныхъ людей, въ особенности русскихъ; разборы всѣхъ новѣйшихъ явленій на сценѣ, въ изящной словесности, въ музыкѣ, живописи, ваяніи, архитектурѣ, танцахъ. Статьи юмористическаго содержанія: очерки нравовъ и характеровъ, шуточныя стихотворенія и проч. Мемуары или записки замѣчательныхъ художниковъ, артистовъ и писателей, и наконецъ *Смѣсь*, самую разнообразную, имѣющую цѣлію знакомить со всѣмъ новымъ и современнымъ: съ открытіями, путешествіями, новѣйшими изобрѣтеніями и со всѣми явленіями въ мірѣ искусствъ, литературы и общественной жизни, какъ заграничной, такъ и русской. Особенный отдѣлъ Смѣси, — будетъ извѣщать обо всемъ новомъ и любопытномъ въ нашемъ отечествѣ, и преимущественно въ обѣихъ столицахъ. Лучшія пьесы, имѣвшія успѣхъ на столич-

ныхъ сценахъ, немедленно будутъ появляться въ »*Репертаурѣ Русской сцены.*»

Такимъ образомъ ПАНТЕОНЪ, представляя чтеніе самое разнообразное, будетъ знакомить съ главными вопросами и произведеніями современнаго искусства — въ *художественномъ* своемъ отдѣлѣ и въ отдѣлѣ *Критики;* со всѣмъ новымъ и важнымъ въ области наукъ, искусствъ и общественной жизни — въ своей *Смѣси*, и представитъ читателямъ рядъ драматическихъ произведеній, имѣющихъ въ настоящую минуту значительный успѣхъ, какъ на заграничныхъ, такъ и на русскихъ театрахъ, — въ *Драматическомъ отдѣлѣ* «ПАНТЕОНА» и въ РЕПЕРТУАРѢ РУССКОЙ СЦЕНЫ.» Для людей, не посѣщающихъ театровъ, это можетъ служить зеркаломъ современнаго состоянія драматургіи, а для жителей провинцій и отдаленныхъ деревень, замѣною самыхъ зрѣлищъ и обильнымъ запасомъ для домашнихъ спектаклей.

Въ критикахъ своихъ, редакція ПАНТЕОНА останется вѣрною однажды принятому ею нравилу: дѣлать оцѣнку литературнымъ явленіемъ и сценическимъ талантамъ — на основаніяхъ строгой теоріи изящнаго, на положительныхъ фактахъ, съ доказательствами на лицо и безъ всякаго пристрастія и лицепріятія. Критики театральныя будутъ въ ней помѣщаться самыя полныя, которыя въ одно время могли-бы знакомить читателя съ новѣйшимъ взглядомъ теоріи, съ полнымъ содержаніемъ и достоинствами разбираемаго произведенія, и съ успѣхами и свойствами талантовъ, какъ авторовъ, такъ и сценическихъ представителей. При разборѣ дарованій посѣщающихъ насъ иностранныхъ артистовъ: актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ или другихъ художниковъ, всегда будетъ прилагаться краткій ихъ біографическій очеркъ. *Музыкальную критику* принялъ на себя *Капельмейстеръ Крейслеръ*, одинъ изъ талантливыхъ нашихъ музыкантовъ-любителей, который уже много лѣтъ трудился по этому отдѣлу въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ журналовъ. *Театральную Лѣтопись* ПАНТЕОНА, постоянно будетъ вести самъ редакторъ, Ѳ. А. Кони.

ПАНТЕОНЪ въ одномъ изъ своихъ отдѣловъ печатаетъ «*Мемуары.* Сочиненія такого рода представляютъ троякій интересъ для читателя: историческій, романическій и автобіографическій, потому-что знакомятъ съ подлинными событіями, замѣчательными лицами и обществомъ извѣстной эпохи, съ характеромъ и убѣжденіями самаго автора и проводятъ передъ читателемъ рядъ случаевъ и происшествій частной жизни, которыя у каждаго мыслящаго человѣка имѣютъ свою занимательную сторону. Для настоящаго года заготовлено нѣсколько «Мемуаровъ» русскихъ и иностранныхъ замѣчательныхъ лицъ, въ высшей

степени интересныхъ, какъ по своему содержанію, такъ и по изложенію.

Главное стремленіе редакціи постоянно будетъ направлено на то, чтобы ПАНТЕОНЪ можно было читать отъ первой до послѣдней страницы; чтобы онъ преимущественно наполнялся статьями оригинальными, написанными въ русскомъ духѣ; чтобъ онъ быдъ лишенъ всѣхъ компиляцій изъ статей, обнародованныхъ уже въ разныхъ газетахъ, и такихъ, которыя исключительно пишутся для немногихъ спеціальныхъ читателей. Даже статьи, относящіяся къ теоріи искусствъ, будутъ писаться по преимуществу языкомъ общепонятнымъ, чуждымъ педантизма, въ легкой и пріятной формѣ разсказа, вмѣстѣ интереснаго и поучительнаго. Рядъ біографическихъ очерковъ живущихъ нынѣ *русскихъ знаменитостей* по всѣмъ отраслямъ искусствъ и литературы, придаетъ журналу особенный интересъ, знакомя читателя съ личностями, которыя давно уже для него интересны по своимъ произведеніямъ или по отзывамъ объ нихъ въ журналахъ.

Средства ПАНТЕОНА нынѣ значительно усилились и Редакція ничего не пощадитъ, чтобы придать своему журналу, какъ внутренній интересъ, такъ и возможную внѣшнюю роскошь.

Желая знакомить публику съ личностію всѣхъ современныхъ извѣстностей Россіи, по разнымъ отраслямъ искусствъ, ПАНТЕОНЪ при каждой книжкѣ будетъ прилагать *фото-литографическій* портретъ кого нибудь изъ нашихъ знаменитыхъ авторовъ, живописцевъ, сценическихъ артистовъ, музыкантовъ и проч., съ присовокупленіемъ въ самой книжкѣ ихъ біографій или артистическихъ очерковъ ихъ произведеній и дѣятельности. Такимъ образомъ, въ теченіе года, у каждаго подписчика составится любопытная галлерея замѣчательнѣйшихъ русскихъ талантовъ. *Фотографія* или *свѣтопись на бумагѣ*, какъ извѣстно, принадлежитъ къ самымъ важнымъ новѣйшимъ открытіямъ. Она изобрѣтена Тальботомъ, усовершенствователемъ дагерротипа, и имѣетъ то преимущество, что снимаетъ, посредствомъ солнечнаго свѣта, портреты съ натуры — на бумагу: сходство выходитъ поразительное, до котораго никакая кисть художника достигнуть не можетъ, и притомъ изображеніе никогда не изглаживается и не выцвѣтаетъ, какъ въ обыкновенныхъ дагерротипныхъ снимкахъ. Мы имѣемъ въ Петербургѣ превосходнаго художника фотографіи, г. Даутендея, ученика Тальбота, родомъ англичанина, который принялъ на себя снятіе портретовъ для ПАНТЕОНА и за сходство и отличную отдѣлку ихъ ручается. Но снятіе каждаго фотографическаго портрета стоитъ 15 руб. сер., а каждая копія съ него, по принятому способу, 7 руб. сер. Это дѣлало до сихъ поръ распространеніе подобныхъ портретовъ между публикою, въ боль-

шихъ количествахъ, рѣшительно невозможнымъ и по дороговизнѣ, и по значительному времени, потребному на произведеніе каждаго снимка. Нынѣ г. Даутендей придумалъ способъ переносить фотографію на камень, и съ него уже отпечатывать какое угодно количество фото-литографическихъ изображеній. Портреты выходятъ превосходные во всѣхъ отношеніяхъ; и этимъ-то способомъ мы теперь намѣрены воспользоваться для нашихъ подписчиковъ. Такимъ образомъ, въ первый разъ еще, не только въ Россіи, но даже во всей Европѣ, фотографическія изображенія будутъ оттиснуты въ большомъ количествѣ снимковъ и сдѣлаются доступными для публики. Каждый портретъ, прилагаемый къ ПАНТЕОНУ, будетъ продаваться отдѣльно, по *одному руб. сер.*, а всѣ двѣнадцать вмѣстѣ — по *шести руб. сер.*; съ пересылкою по *семи*.

Донынѣ при ПАНТЕОНѢ прилагались, по временамъ, музыкальныя пьесы, безъ означенія ихъ числа и выпуска въ свѣтъ; въ текущемъ году при каждой книжкѣ будетъ непремѣнно *музыкальное приложеніе*, отъ 4-хъ до 8-ми страницъ, состоящее изъ : новѣйшихъ танцевъ, пьесъ для фортепьяно, модныхъ романсовъ, народныхъ пѣсенъ, любимыхъ арій изъ оперъ, переложеній изъ балетовъ и проч., такъ, что всѣ 12 приложеній образуютъ значительный музыкальный сборникъ, въ составленіи котораго участвуютъ, по преимуществу, наши русскія музыкальныя знаменитости. Редакцію его приняли на себя извѣстный нашъ композиторъ *А. С. Даргомыжскій* и капельмейстеръ - композиторъ *О. П. Дютчъ*.

ПАНТЕОНЪ будетъ печататься на лучшей, бѣлой бумагѣ, въ форматѣ 1848 года, новымъ французскимъ убористымъ шрифтомъ, и будетъ выходить ежемѣсячно, между 15-мъ и 20 числами, книжками, отъ 20 до 25 и болѣе листовъ каждая, въ красивой политипажной оберткѣ, сдѣланной по рисунку Гранвиля.

ЗА ПОЛНОЕ ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ т. е. ЗА:

12 книжекъ «ПАНТЕОНА» и при нихъ :

12 нумеровъ «РЕПЕРТУАРА СЦЕНЫ».

Съ приложеніемъ, согласно программѣ :

12 ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПОРТРЕТОВЪ РУССКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ (*отдѣльно по 1 р. с. каждый.*)

12 тетрадей НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ (*продающихся отъ 60 к. до 1 р. с. каждая.*)

ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ—12 р. с.,

а съ пересылкою во всѣ города Русской Имперіи и съ разноскою по домамъ въ С. Петербургѣ 13 р. 50 к. с.

Теперь остается намъ поговорить о способѣ доставки журнала Гг. иногороднымъ подписчикамъ. Жалобы нѣкоторыхъ лицъ, подписавшихся на нашъ журналъ, на неполученіе отдѣльныхъ книжекъ, или приложеній, или даже всего годоваго изданія, убѣдили насъ наконецъ въ необходимости принять самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію подобныхъ безпорядковъ. Вѣроятно всякій здравомыслящій читатель пойметъ, что издателю вовсе нѣтъ никакой выгоды удержать у себя книжку или приложеніе, которыя, отдѣльно отъ цѣлаго изданія, для него ровно ничего не значатъ, и чрезъ то, возбудивъ неудовольствіе подписчика, потерять его на будущее время. Также пойметъ онъ, что переписки, розыски и справки по жалобамъ подписчиковъ, сопряженныя съ хлопотами, тратами и потерею времени, рѣшительно не могутъ доставить издателю ни особеннаго удовольствія, ни особенныхъ выгодъ. Стало – быть, если встрѣчаются подобные случаи при доставкѣ журнала, то они происходятъ отъ недосмотровъ, неизбѣжныхъ въ временномъ и срочномъ изданіи и вовсе не зависящихъ отъ редактора, а напротивъ для него чрезвычайно прискорбныхъ. Главныя причины этихъ безпорядковъ состоятъ въ томъ, что иногда сами Гг. подписчики адресуются въ тѣ мѣста, которыя Редакція вовсе *не уполномочивала* принимать подписку, а они въ свою очередь, не доставляя подписной суммы, не берутъ даже труда извѣстить о томъ Редакцію, или сообщаютъ неправильные адресы, по которымъ происходятъ ошибки при разсылкѣ. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ безпорядковъ, Редакція рѣшилась не поручать болѣ пріема подписки постороннимъ лицамъ, и не щадя значительныхъ издержекъ, открыть въ Петербургѣ *свою собственную* «ГЛАВНУЮ КОНТОРУ ЖУРНАЛА,» которая постоянно будетъ находиться подъ ея личнымъ надзоромъ и за правильныя дѣйствія которой Редакція вполнѣ отвѣчаетъ. А потому отнынѣ:

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

исключительно

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ:

въ Конторѣ ПАНТЕОНА, состоящей при книжной лавкѣ *П. А. Ратькова*, на Тверской, въ домѣ Мятлевой.

Иногородныя могутъ также адресоваться прямо въ Редакцію ПАНТЕОНА, на имя издателя Ѳедора Алексѣевича Кони.

Только за подписку, принятую *въ этихъ трехъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ и, въ случаѣ какой-нибудь ошибки или неаккуратности въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому справедливому его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Нужнымъ считаемъ присовокупить, какимъ образомъ бутетъ совершаться разсылка экземпляровъ Гг. пренумерантамъ. Всѣ приложенія, въ самой Редакціи, подъ строгимъ надзоромъ, задѣлываются на-глухо въ пакетъ, который переплетается вмѣстѣ съ листами журнала въ общую обертку: стало быть, не выпасть, ни затеряться ни одно приложеніе не можетъ и если-бы подписчикъ получилъ книжку съ изорваннымъ пакетомъ, то въ правѣ обратить ее назадъ. Каждая книжка отдѣльно задѣлывается также на-глухо въ пакетъ, на который наклеивается бандероль, съ означеніемъ дня сдачи книжки въ С. Петербургскую Газетную Экспедицію, и съ *печатнымъ* адресомъ подписчика. Потомъ уже, независимо отъ Редакціи, они разсылаются по своему назначенію, съ печатными картами, на которыхъ получитель долженъ расписываться въ мѣстныхъ почтовыхъ конторахъ. Изъ этого видно, что книжки не могутъ *затеряться*, какъ и письма и всякая посылка, отправляемыя по почтѣ и каждый подписчикъ, во всякомъ случаѣ и во всякое время, имѣетъ возможность, по первой справедливой его жалобѣ, найти скорое вознагражденіе за свои утраты.

Редакція покорнѣйше проситъ Гг. желающихъ подписаться на ПАНТЕОНЪ высылать деньги и *вѣрные адресы* заблаговременно, чтобы Редакція могла заказать достаточное количество приложеній, и чтобы впослѣдствіи въ высылкѣ ихъ не произошло замедленія. Впрочемъ, всѣ лица, когда-бы они ни подписались, въ началѣ, срединѣ или концѣ года, непремѣнно получаютъ *всѣ книжки*, начиная съ первой, *со всѣми къ нимъ приложеніями*.

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКТОРЪ

Ѳедоръ Кони.

Печатать дозволяется. С Петербургъ, Декабря 21 дня, 1851 года. Цензоръ *Пейкеръ*.

ОТЪ

ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА

ПАНТЕОНЪ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА «ПАНТЕОНЪ», которая доселѣ находилась въ книжной лавкѣ В. Печаткина, отнынѣ открыта *на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора,* при помѣщающейся тамъ Библіотекѣ для чтенія. Въ ней принимается *исключительно подписка* на «Пантеонъ», и кромѣ того, *на всѣ вообще выходящіе въ Россіи журналы, газеты и періодическія изданія.* Принятыя по подпискѣ суммы, Контора немедленно сдаетъ издателямъ, вмѣстѣ съ адресами подписавшихся лицъ, и въ пріемѣ ихъ беретъ отъ редакцій квитанціи.

Въ Главной Конторѣ «Пантеона» *можно получать всѣ* вновь выходящія *русскія книги,* ландкарты, атласы, альбомы, таблицы, картины, рисунки, гдѣ и когда – бы они ни были публикованы, и *вообще всѣ предметы, относящіеся къ учебнымъ пособіямъ,* къ литературѣ и книжной торговлѣ.

Всѣ *требованія* иногородныхъ особъ *исполняются немедленно,* аккуратно и со всевозможною добросовѣстностію, и въ обезпеченіе получаемыхъ отъ нихъ денегъ, имъ тотчасъ – же *высылается* печатная *квитанція,* за подписаніемъ управляющаго Конторою, имѣющая законную силу.

Въ Главной Конторѣ «Пантеона» *принимаются на коммиссію* книги, эстампы, карты и прочіе предметы наукъ и художествъ, на *общепринятыхъ условіяхъ.* Каждый издатель можетъ, во всякое время,

провѣрять отданныя имъ для продажи предметы и главную книгу продажи, и *за проданное* количество *тотчасъ-же получаетъ* причитающіяся ему *деньги*, безъ всякаго замедленія и отлагательства. Вообще, всѣ книги Конторы ведутся такъ, что провѣрка для каждаго легка, удобна и всѣ операціи Конторы очевидны. На особенныхъ, весьма умѣренныхъ условіяхъ, Главная Контора «Пантеона» принимаетъ на себя также,—при доставленіи ей издателями права исключительнаго распоряженія изданіемъ, — всѣ заботы о его распространеніи въ продажѣ, о публикованіи въ газетахъ, и вообще всю дальнѣйшую отчетность и отвѣтственность за каждый израсходованный экземпляръ; а равномѣрно производитъ на свой счетъ разсылку изданія по всѣмъ городамъ внутренней Россіи

Сношенія Главной Конторы «Пантеона» съ книгопродавцами Москвы, Одессы, Варшавы, Гельзингфорса, Харькова, Кіева и Казани доставляютъ ей чрезвычайно удобное средство къ скорому и повсемѣстному распространенію новыхъ книгъ и художественныхъ изданій.

Въ видахъ ознакомленія публики съ своими дѣйствіями, Главная Контора «Пантеона» — въ теченіе 1852 года, ко всѣмъ подписчикамъ на «Пантеонъ», которые обратятся къ ней за этимъ журналомъ, а равно и къ тѣмъ, которые уже подписались въ другихъ мѣстахъ, *разошлетъ* (безвозмездно) *въ видѣ* премій:

1) **ДВѢНАДЦАТЬ ГРАВЮРЪ НА СТАЛИ**, лучшихъ иностранныхъ художниковъ, изображающихъ копіи съ знаменитыхъ картинъ, современныя сцены, виды любопытныхъ мѣстъ, новыхъ сооруженій и памятниковъ, преимущественно отечественныхъ. *(Каждая гравюра отдѣльно будетъ продаваться по 50 коп. сер.).*

2) **ДВѢНАДЦАТЬ КАРТИНОКЪ** новѣйшихъ французскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ, подъ названіемъ: «Modes parisiennes réunies» на большихъ четверткахъ, отлично раскрашенныхъ за границею, съ пятью и шестью фигурами на каждой, и отдѣльнымъ изображеніемъ мантилій, чепцовъ, шляпокъ, визитокъ, шемизетокъ и проч.

3) **ДВА ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ** переведенные съ англійскаго и съ французскаго романа, которые появятся въ свѣтъ въ теченіе настоящаго 1852 года. (*Въ продажѣ цѣна каждаго будетъ 2 руб. 50 коп. сер., безъ пересылки*), и

4) **АЛЬБОМЪ ОПЕРНЫХЪ АРІЙ И НОВѢЙШИХЪ ВОДЕВИЛЬНЫХЪ КУПЛЕТОВЪ**, имѣвшихъ наибольшій успѣхъ на здѣшнихъ сценахъ. (*Отдѣльно Альбомъ будетъ продаваться по 3 р., съ пересылкою по 3 руб. 50 коп. сер.*)

Главная контора будетъ доставлять эти преміи каждому подписчику на «Пантеонъ,» *ежемѣсячно*, по мѣрѣ полученія новыхъ картинокъ модъ изъ-за границы, *безъ всякой платы за пересылку*; что-же касается до *романовъ* и *Альбома пѣнія*, то они будутъ непремѣнно разосланы въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ текущаго года. На всѣ эти преміи при подпискѣ на «Пантеонъ» въ Главной его Конторѣ, выдается *особенный билетъ*.

Сверхъ того, тѣмъ изъ господъ пренумерантовъ, которые подпишутся на «Пантеонъ» въ Главной Конторѣ, до 1-го Апрѣля 1852 года, будутъ еще высланы въ видѣ особеннаго подарка — прекрасные, на стали выгравированные портреты: 1) *знаменитой танцовщицы* Карлоты Гризи; — 2) *перваго современнаго композитора* Мейербера; — 3) *знаменитаго нашего историческаго живописца* Штейбена, и 4) *гравированный на деревѣ большой снимокъ съ послѣдней картины его*, посвященной Государю Императору — «Христосъ на Голгоѳѣ.»

СПИСОКЪ ЖУРНАЛАМЪ И ГАЗЕТАМЪ

НА 1852 ГОДЪ,

на которые принимается подписка въ Главной Конторѣ журнала ПАНТЕОНЪ.

	Безъ пересылки.	Съ пересылк или доставк.
БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, издаваемая Ѳ. И. Сенковскимъ. 12 книгъ	15 р. — к.	16 р. 50 к.
ВАЗА, журналъ новѣйшихъ работъ, узоровъ, выкроекъ. домашняго и сельскаго хозяйства, 12 тетрадей .	9 р. — к.	10 р. — к.
ВОЕННО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ, 4 книги . .	5 р. — к.	5 р. — к.
ВѢСТНИКЪ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА . . .	4 р. 25 к.	5 р. — к.
ГИРЛЯНДА, журналъ новѣйшихъ образцовъ для шитья и вышиванья, выкроекъ, узоровъ, 12 тетрадей . .	12 р. — к.	13 р. — к.
ДРУГЪ ЗДРАВІЯ. Народно-врачебная газета, еженедѣльно .	7 р. 25 к.	7 р 25 к.
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ, издаваемый М. Б. Чистяковымъ. Съ рисунками, еженедѣльно	5 р. — к.	6 р. — к.
ЖУРНАЛЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ, издаваемый Э. П. Перцовымъ 12 книгъ	5 р. — к.	5 р. — к
ЗВѢЗДОЧКА, дѣтскій журналъ, 12 книгъ . . } изд. *г-жею Ишимовой*.	5 р. — к.	6 р. 50 к.
ЛУЧИ, дѣтскій журналъ 12 книгъ }	6 р. — к.	7 р. 50 к.
МОСКВИТЯНИНЪ, ученый журналъ, издаваем. М. Погодинымъ	— р. — к.	16 р. 50 к.
НУВЕЛЛИСТЪ, музыкальный журналъ . . .	10 р. — к.	11 р. 50 к.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ, издаваем. А. А. Краевскимъ, 12 книгъ	15 р. — к.	16 р. 50 к.
ПАНТЕОНЪ, литературно-художественный журналъ. 12 книгъ въ годъ; при нихъ: 12 нумеровъ *Репертуара русской сцены*, 12 тетрадей новѣйшей музыки для пѣнія, танцевъ, и фортепьяно, 12 фотографическихъ портретовъ знаменитыхъ русскихъ лицъ, издаваемый О. А. Кони	12 р. — к.	13 р. 50 к.

NB. (При подпискѣ на этотъ журналъ, Главная Контора разсылаетъ подписчикамъ отъ себя безвозмездно: 12 новѣйшихъ модныхъ картинокъ, 12 гравюръ на стали, два новые романа и Музыкальный альбомъ).

ПОСРЕДНИКЪ, газета промышленности, хозяйства и реальныхъ наукъ	5 р. — к.	5 р. — к.
РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ. Военныя вѣдомости . . .	13 р. — к.	15 р. 85 к.
СОВРЕМЕННИКЪ, учено-литературный журналъ, издаваемый И. И. Панаевымъ и Н. А. Некрасовымъ. 12 книгъ	15 р. — к.	16 р. 50 к
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ. Съ прибавленіями .	12 р. — к.	15 р. — к.
Безъ прибавленій .	9 р. — к.	12 р. — к.
СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА, Газета литературная и политическая, издаваемая Н. И. Гречемъ и Ѳ. В. Булгаринымъ	12 р. — к.	15 р. — к.
ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА	3 р. — к.	3 р. — к.
ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ	6 р. — к.	7 р. 50 к.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ РУССКІЙ, издаваемый В. Ѳ. Тиммомъ, 3 раза въ мѣсяцъ . . .	9 р. — к.	9 р. — к.

Печатать дозволяется. 14 Декабря 1851 года. С. Петербургскій Оберъ-Полиціймейстеръ, Свиты Его Императорскаго Величества Генералъ-Маіоръ *Галаховъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

ЯНВАРЬ 1852.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

ПАНТЕОНЪ

На Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго Собора, въ церковномъ домѣ (входъ съ площади),

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ЖИВОПИСНЫЙ СБОРНИКЪ замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, промышленности и общежитія. Съ большимъ количествомъ политипажныхъ рисунковъ. Изданіе *А. А. Плюшара*. Спб. 1852. Въ красивой папкѣ. Цѣна 5 руб. сер. съ пересылкою 6 руб. сер. (Первый томъ, изданный въ 1851 году, также 5 руб. сер. съ пересылкою 6 руб. сер.)

ДВА ГОДА ВЪ ПЛѢНУ У ГОРЦЕВЪ. Воспоминанія о жизни и похожденіяхъ въ Кавказскихъ горахъ Штабсъ-Капитана

Новоселова; разсказанныя *В. Савиновымъ*. Спб. 1852. Цѣна 1 руб. сер. съ пересылкою 1 руб. 25 к. с.

ЗАКОНЫ О СОХРАНЕНІИ И ПРОДОЛЖЕНІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, предложенные англійскимъ врачемъ *Самуиломъ Ламертомъ*. 2 части. Москва 1851. Цѣна 1 р. 50 к. с. съ пересылкою 2 руб. сер.

ОЛЛЕНЪ-КАМЕРОНЪ. Неизданный романъ *Вальтера-Скотта*. Переводъ съ англійскаго. 4 части. Москва 1852. Цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкою 3 руб. сер.

ОПЫТЪ ПРАКТИЧЕСКАГО РУКОВОДСТВА къ производству уголовныхъ слѣдствій и уголовнаго суда, по русскимъ законамъ; составленный для слѣдователей, судей и стряпчихъ, *Василіемъ Лукинымъ*. Спб. 1851. Цѣна 2 руб. сер. съ перес. 2 р. 50 к. с.

РУКОВОДСТВО КЪ СОДЕРЖАНІЮ ЦВѢТОВЪ и деревъ въ комнатахъ. Москва. 1851. Цѣна 75 к. с. съ перес. 1 р. с.

СВОДЪ МОРСКИХЪ УГОЛОВНЫХЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ. Въ двухъ книгахъ: Книга первая: О преступленіяхъ и наказаніяхъ. — Книга вторая: О военномъ судѣ. Спб. 1851. Цѣна 1 руб. 50 к. сер. съ пересылкою 2 р. 50 к. сер.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ СѢВЕРНОЙ ВОЙНЫ. Руководство для Военно-учебныхъ заведеній. Составилъ полковникъ *Карцовъ*. Спб. 1851. Цѣна 1 р. 45 к. с. съ перес. 2 руб. сер.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СВОДЪ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ на земномъ шарѣ событій, отъ Рождества Христова до нашихъ временъ. Составилъ *А. Бѣлченковъ*. Одесса 1751. Цѣна 3 руб. сер. съ пересылкою 3 руб. 50 к. сер.

ПЛЕМЯННИЦА, сочиненіе *Евгеніи Туръ*. 4 части. Москва 1851, Цѣна 4 руб. сер. съ пересылкою 5 руб. сер.

АЛЬБОМЪ БАЛАГУРА. Собраніе забавныхъ повѣстей, разсказовъ, сатирическихъ очерковъ, комическихъ сценъ, анекдотовъ,

нуфовъ и разныхъ куріозностей; составленный *Г. Кругликовымъ*. Спб. 1851. Цѣна 1 р. 50 к. с. съ пересылкою 2 руб. сер.

ОБЩЕПОНЯТНАЯ ФИЗИКА, составленная *Н. Писаревскимъ*. Съ 863 политипажами. Спб. 1852. Цѣна 2 руб. сер. съ пересылкою 2 руб. 50 к. сер.

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА. Части зданій. Сочиненіе *А. Красовскаго*. Текстъ на 556 страницахъ, съ атласомъ гравированныхъ чертежей на 102 листахъ (на каждомъ листѣ отъ 5 до 50 чертежей). Спб. 1851. Цѣна 13 руб. сер. съ пересылкою 15 руб. сер.

СОБРАНІЕ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢРОВЪ И ЗАДАЧЪ, Составилъ и издалъ *Ѳ. Ожаровскій*. Спб. 1851. Цѣна 75 коп. сер. съ пересылкою 1 руб. сер

ДВА БРАТА или Москва въ 1812 году. Романъ *Р. М. Зотова*. 2 части. Спб. 1851. Цѣна 2 р. с. съ пересылкою 2 р. 50 к. с.

ПРАВОСЛАВІЕ И РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ въ Литвѣ. Сочиненіе *И. Борисевскаго*. Спр. 1851. Цѣна 1 руб. сер. съ пересылкою 1 руб. 30 коп. сер.

КУРСЪ АРТИЛЛЕРІИ, составленный Генералъ-Лейтенантомъ *Весселинымъ*, и принятый въ руководство для преподаванія въ Военно-учебныхъ заведеніяхъ. Часть 1-я, съ особымъ атласомъ изъ 16 чертежей. Спб. 1851. Цѣна 40 руб. с. съ пересылкою 5 руб. сер.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА, составленная *А. Ивановымъ*. Седьмое, исправленное изданіе. Книга сія одобрена Совѣтомъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія и принята за руководство къ преподаванію въ этомъ заведеніи. Спб. 1852. Цѣна 70 коп. сер. съ пересылкою 1 руб. сер.

СБОРНИКЪ ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ въ прозѣ и стихахъ, для упражненій въ русскомъ языкѣ. Составилъ и издалъ *А. Ивановъ*. Спб. 1851. Цѣна 50 к. с. съ перес. 75 к.

РУССКАЯ АЗБУКА, составленная по новому простому способу *А. Ивановымъ* и *А. Яновскимъ*. Спб. 1851. Цѣна 20 к. съ пересылкою 35 коп. сер.

ПОЛНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА, составленная *Екатериною Авдѣевою*; содержащая поваренное искусство, домоводство, скотоводство, птицеводство, огородничество, садоводство, цвѣтоводство; съ прибавленіемъ домашняго лечебника и домашняго секретаря. 4 части. Спб. 1851. Цѣна 2 руб. 50 коп. сер. съ пересылкою 3 руб. сер.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМ.
Ленинградская театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ

ПРОДАЮТСЯ

ПО ЗНАЧИТЕЛЬНО УМЕНЬШЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

(отъ 30 до 50 процентовъ уступки.)

	Прежняя публикованная цѣна.	Нынѣ продаются по:
АРИѲМЕТИКА Н. ВЫСОЧИНА, съ приложеніемъ 30 чертежей (на одномъ листѣ). Спб.	1 р. 50 к.	1 р. — к.
АСТРОНОМІЯ (популярная физическая) сочин. Эри. Переводъ Ѳедорова, одобренный академикомъ Остроградскимъ. Спб.	1 р. — к.	— р. 70 к.
БІОГРАФІЯ РОССІЙСКИХЪ ГЕНЕРАЛИССИМУССОВЪ и Генералъ-Фельдмаршаловъ. Съ 48-ю портретами. 4 тома. Спб.	11 р. 50 к.	7 р. — к.
Безъ портретовъ	7 р. 45 к.	4 р. — к.
ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ для дѣтей, передѣланныя съ французскаго. Съ политипажными рисунками. 4 части. Спб.	3 р. — к.	2 р. — к.
ВОСКРЕСНЫЯ ПОСИДѢЛКИ. Книжка для добраго народа Русскаго. 7 томиковъ. Спб.	2 р. — к.	1 р. 50 к.
ГЕОГРАФІЯ (учебная всеобщая), изданная Н. Гречемъ. Съ политипажами. 3 части. Спб.	3 р. — к.	2 р. — к

	Прежняя публикованная цѣна.	Нынѣ продаются по:
ГЕОГРАФІЯ (краткая всеобщая) для первоначальнаго преподаванія. Составленная К. Р. Спб.	1 р. — к.	— р. 50 к.
ГРАММАТИКА (практическая русская), изд. Н. Гречемъ. Спб.	1 р. 50 к.	1 р. — к.
ДАГЕРРОТИПЪ. Изданіе литературно-дагеротипныхъ произведеній. 12 тетрадей. Спб.	3 р. — к.	1 р. 50 к.
ДНИ БОГОСЛУЖЕНІЯ Православной Каѳолической Церкви. Изданіе 2-е. 6 частей. Спб.	6 р. — к.	4 р. — к.
ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ и переводы Н. А. Полеваго. 4 тома. Спб.	5 р. — к.	3 р. 50 к.
ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА (политическая и военная), соч. Жомини. Переведенное съ французскаго Н. Линдфоромъ. 3 тома и атласъ, заключающій 45 листовъ картъ и плановъ. Спб.	10 р. — к.	6 р. — к.
ЗАПИСКИ ГЕРЦОГИНИ АБРАНТЕСЪ или историческія воспоминанія о Наполеонѣ, революціи, директоріи и возстановленіе Бурбоновъ. Перев. съ француз. К. Полевымъ. 16 томовъ. Москва.	21 р. 43 к.	15 р. — к.
ЗАПИСКИ ЗАЙЦА. Сочин. Е. Гребенки. Спб.	— р. 75 к	— р. 50 к.
ЗАПИСКИ СЕМЕНА ПОРОШИНА, служащія къ исторіи Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, Наслѣдника Престола Россійскаго. Спб.	2 р. 50 к.	1 р. 50 к.
ИЗГНАННИКИ, повѣсть И. Калашникова. Спб.	— р. 85 к.	— р. 50 к.
ИЗЛОЖЕНІЕ ТЕОРІИ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ ПРІЕМОВЪ эмальирнаго искусства, составленное К. Бенратомъ. Спб.	1 р. 50 к.	1 р. — к.

	Прежняя публикованная цѣна.	Нынѣ продаются по:
ИМѢТЬ И БЫТЬ, романъ сочин. Моего Знакомаго. 2 части Москва. . .	1 р. — к.	— р. 70 к.
ИНСТИНКТЪ ЖИВОТНЫХЪ, или письма двухъ подругъ о натуральной исторіи и нѣкоторыхъ феноменахъ природы. Сочиненіе Надежды Мердеръ. 4 тома. Спб.	3 р. — к.	2 р. — к.
ИСТОРІЯ (КРАТКАЯ) ФРАНЦІИ, до французской революціи. Соч. Мишле. Перевелъ съ француз. К. Пуговинъ. Спб.	1 р. 50 к.	1 р. — к.
ИСТОРІЯ (СРЕДНЯЯ). К. Ф. Беккера. Переводъ съ Нѣмецкаго, изданный Н. Гречемъ. 3 тома. Спб.	4 р. — к.	2 р. 50 к.
КНИГА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (учебная) или избранныя мѣста изъ русскихъ писателей въ прозѣ и въ стихахъ, съ присовокупленіемъ правилъ риторики и піитики, и обозрѣніе Исторіи русской литературы, изданная Н. Гречемъ. 4 части. Спб.	3 р. — к.	2 р. — к.
КНЯЗЬ КУРБСКІЙ, историческій романъ изъ событій XVI вѣка. Сочиненіе Бориса Федорова. 4 тома. Спб. . .	3 р. — к.	2 р. — к.
КОСМЕТИЧЕСКИХЪ (о) СРЕДСТВАХЪ или наставленіе къ ихъ выбору, приготовленію и употребленію, для поддержанія и возвышенія красоты. Спб., 1842.	1 р. — к.	— р. 75 к.
КУРСЪ МИѲОЛОГІИ, для руководства въ учебныхъ заведеніяхъ обоего пола. Составленный по курсамъ Гг. Ноэля и Шапсаля, аббата Готье и друг. На русскомъ и французскомъ языкахъ, съ рисунками. Спб.	1 р. — к.	— р. 75 к.

	Прежняя публикованная цѣна.	Нынѣ продаются по:
КУРСЪ СЛОВЕСНОСТИ (учебный), составленный В. Плаксиныиъ. Книга первая. Спб.	1 р. 43 к.	1 р. — к.
ЛЮБОВЬ ЗА МЩЕНІЕ. Повѣсть, сочин. В. К. Спб.	1 р. — к.	— р. 50 к.
МЕТОДА ЖАКОТО, изложенная для родителей и наставниковъ. Чтеніе. — Письмо. — Отечественный языкъ. Спб.	1 р. — к.	— р. 50 к.
МѢЩАНИНЪ, соч. А. Башуцкаго. Очерки изъ портфеля ученика натуральнаго класса. 2 тома. Спб.	3 р. — к.	2 р. — к.
НАРОДНЫЕ СЛАВЯНСКІЕ РАЗСКАЗЫ, изданныя И. Боричевскимъ. Спб. .	1 р. — к.	— р. 70 к.
НАСТАВЛЕНІЕ (КРАТКОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ) ДЛЯ ПОСТРОЙКИ сельскихъ жилыхъ зданій, каменныхъ и деревянныхъ. Составленное А. Сапожниковымъ. Съ рисунками. Спб. . . .	3 р. — к.	2 р. — к.
НАЧЕРТАНІЕ (КРАТКОЕ) ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Переводъ съ французскаго, дополненный краткою исторіею промышленности Россіи. 2 части. Спб.	2 р. — к.	1 р. 50 к.
НОВЫЙ ЕМЕЛЯ, или превращенія. Романъ А. Ѳ. Вельтмана. 4 тома. Моск.	3 р. — к.	2 р. — к.
ОБЪЯСНЕНІЯ НА ПЕРВУЮ И ТРЕТІЮ ГОРАЦІЕВУ САТИРЫ, писанныя для Гимназіи П. Тихановичемъ. Харьк.	1 р. — к.	— р. 70 к.
ОПИСАНІЕ БУХАРСКАГО ХАНСТВА, составленное Н. Ханыковымъ. Спб.	2 р. — к.	1 р. 50 к.

	Прежняя публикования цѣна.	Нынѣ продаются по:
ОПИСАНІЕ ВТОРОЙ ВОЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА съ Наполеономъ, въ 1806 и 1807 годахъ, по Высочайшему повелѣнію сочиненное Генералъ-Лейтенантомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. Съ 23-мя планами и картами. Спб.	5 р. — к.	5 р. — к.
ОПИСАНІЕ (СТАТИСТИЧЕСКОЕ) НАХИЧЕВАНСКОИ ПРОВИНЦІИ, составленное В. Г. Спб.	1 р. 70 к.	1 р. — к.
ОПЫТЪ НИДЕРЛАНДСКОЙ АНТОЛОГІИ. П. Корсакова. Спб. . . .	1 р. — к.	— р. 50 к.
ОСНОВАНІЯ ГЕОМЕТРІИ, соч. Лакроа. Переводъ Д. П. Москва. . . .	1 р. 50 к.	1 р. — к.
ОЧЕРКИ ЮЖНОЙ ФРАНЦІИ и Ницы. Изъ дорожныхъ записокъ 1840 и 1842 годовъ, М. Жуковой. 2 тома. Спб.	3 р. 50 к.	2 р. — к.
ПЕРЕВОДЧИКЪ или Сто одна повѣсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ, древнихъ, новыхъ и современныхъ. 3 тома. Спб.	1 р. 50 к.	1 р. — к.
ПИСЬМА РУССКАГО ИЗЪ ПЕРСІИ. Н. И. 2 части. Спб.	1 р. 50 к.	1 р. — к.
ПИСЬМА КАРЛА ЧЕРНИ, или руководство къ изученію игры на фортепьяно отъ начальныхъ основаній до полнаго усовершенствованія, съ краткимъ объясненіемъ генерал-баса. Переводъ съ Нѣмецкаго. Спб. 1842.	1 р. 50 к.	1 р. — к.
ПОВѢСТИ А. ВЕЛЬТМАНА. Спб	1 р. 50 к.	1 р. — к.
ПОВѢСТИ МИХАИЛА ЗАГОСКИНА. 2 тома. Москва.	2 р. 85 к.	2 р. — к.

	Прежняя публикованная цѣна.	Нынѣ продаются по:
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Нестора Кукольника. 2 тома. Спб.	3 р. — к.	2 р. — к.
ПОХОЖДЕНІЯ ХРИСТІАНА ХРИСТІАНОВИЧА ВІОЛЬДАМУРА и его Аршета. Сочиненіе В. Луганскаго. Съ альбомомъ картинъ на 51 листѣ. Спб.	3 р. — к.	1 р. 50 к.
ПСОВАЯ ОХОТА, соч. Н. Реута. 2 тома. Спб.	2 р. — к.	1 р. 50 к.
РОМАНЫ ВАЛЬТЕРА СКОТТА. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею А. А. Краевскаго. 4 тома. Спб. (Квентинъ-Дорвардъ, Антикварій, Гёй-Мѣнпрингъ, Айвенго).	8 р. — к.	5 р. — к.
РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ, изд. Н. Гречемъ. Спб.	2 р. — к.	1 р. 50 к.
СКАЗАНІЕ о томъ, какъ Россія сражалась за Вѣру и Отечество въ 1812 году. Сочиненіе Бочарова. Спб. . .	— р. 50 к.	— р. 30 к.
СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ. 3 тома. Спб. (Савелій Грабъ, *Казака Луганскаго;*— Позументы, *Кукольника;*— Мастерская и Гостиная, *Фурмана;*— Жанъ Батистъ Людо, *Кукольника;* — Солдатскій портретъ, Каролина, *Кукольника;*—Два невымышленныхъ разсказа, *Корсакова;* — Монтекки и Капулетти, *Кукольника;*— Нищій, Часовой, *Кукольника;* — Градскій Глава, *Полеваго;*— Татарскіе набѣги, *Основьяненко;*— Клятва, Максимъ Сазантовичь Березовскій, *Кукольника*).	7 р. 50 к.	4 р. — к.

	Прежняя публикованная цѣна.	Нынѣ продаются по:
СОБРАНІЕ АНЕКДОТОВЪ, повѣстей и разныхъ приключеній, извлеченныхъ изъ періодическихъ изданій. 4 части. Москва.	3 р. — к.	2 р. — к.
СОБРАНІЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ РАЗСЧЕТОВЪ, или практическія задачи по части сельскаго хозяйства, бухгалтеріи, горнаго и солянаго производства и практической механики. Съ таблицами и чертежами. Спб.	1 р. — к.	— р. 75 к.
СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ, произшествіе изъ временъ Екатерины II. Сочиненіе И. Штевена. 5 частей. Спб. . . .	5 р. — к.	3 р. — к.
СОЧИНЕНІЙ (ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ) ѲАДДѢЯ БУЛГАРИНА. 7 томовъ. Спб.	10 р. 50 к.	7 р. — к.
СОЧИНЕНІЯ КОНСТАНТИНА МАСАЛЬСКАГО. 5 томовъ. Спб.	5 р. — к.	3 р. — к.
СТИХОТВОРЕНІЯ В. ЖУКОВСКАГО. Наль и Дамаянти — Камоэнсъ — Сельское кладбище — Бородинская годовщина — Молитвой нашей Богъ смягчился — Цвѣтъ Завѣта. Спб.	2 р. — к.	1 р. 25 к.
СТРАНСТВОВАТЕЛЬ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ. Книжка 3-я. Карпаты. Спб.	— р. 75 к.	— р. 50 к.
ФИЗІОЛОГІЯ ПЕТЕРБУРГА, составленная изъ трудовъ русскихъ литераторовъ, подъ редакціею Н. Некрасова. Съ политипажами. 2 тома. Спб. . . .	4 р. — к.	2 р. 50 к.
ХРИСТІЕРНЪ II и ГУСТАВЪ ВАЗА, драматическій очеркъ въ 4-хъ актахъ. Сочин. А. Лажечникова. Спб. .	1 р. — к.	— р. 50 к.
ЭНЦИКЛОПЕДІЯ РУССКОЙ ОПЫТНОЙ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ хозяйки, ключницы, экономки, поварихи, кухарки, скотницы и птичницы, содержащее въ		

	Прежняя публикованная цѣна.	Нынѣ продается по:
себѣ: наставленія и руководства по всѣмъ отраслямъ городскаго и сельскаго хозяйства. Составл. Борисомъ Волжинымъ. Съ рисунками. 4 тома. Спб. . .	3 р. — к.	2 р. — к.

Пересылка считается особо, съ общаго вѣса выписываемой партіи книгъ, по почтовой таксѣ; — на пересылку прилагается *примѣрно* на каждый томъ за одинъ фунтъ.

Кромѣ здѣсь означенныхъ книгъ можно выписывать изъ Главной Конторы журнала ПАНТЕОНЪ вообще всѣ книги и литературныя и учебныя пособія, — гдѣ и кѣмъ-бы они изданы или публикованы ни были. Порученія исполняются немедленно съ возможнымъ соблюденіемъ выгодъ Гг. корреспондентовъ.

Адресъ: Въ Главную Контору журнала ПАНТЕОНЪ, въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

8000.7050